ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А.С. Артеменко, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.ф.н. проф. О.А. Бердникова

ПАСХАЛЬНЫЙ АРХЕТИП В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

Творчество В.А. Никифорова-Волгина (1901-1941) – особая «страница» в литературе русского зарубежья, и его проза только открывается современному исследователю и читателю. Книги рассказов писателя ставятся в один ряд с повестями Н.С. Лескова, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева и других православных писателей. Несмотря на то, что ещё в раннем детстве писатель покинул Россию и почти всю жизнь прожил в Прибалтике, В.А. Никифоров-Волгин раскрывает глубинное содержание происходивших в России трагических событий, не просто показывает ужас революционного времени, но и размышляет о дальнейших путях России. Сохраняя классическую линию русской литературы, автор вводит в свои тексты сюжеты, мотивы и детали, характерные именно для его эпохи, по-новому осмысляет привычные категории. Образ Христовой Пасхи, являясь центральным в творчестве Никифорова-Волгина и сохраняя архетипические черты, приобретает новые способы художественной реализации.

Термин «пасхальный архетип» вводится И.А. Есауловым в книге «Пасхальность русской словесности». Исследователь проводит различия между Западной и Восточной церковью, убедительно доказывая, что именно «в традиции Восточной Церкви празднование Воскресения остается главным праздником не только в конфессиональном, но и в общекультурном плане». На основе данного вывода И.А. Есаулов выдвигает гипотезу «о наличии особого пасхального архетипа» [3, с. 12]. Термин архетип в данном случае рассматривается как «культурное бессознательное: сформированный той или иной духовной традицией тип мышления, порождающий целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения»[3, с. 12].

В.А. Никифоров-Волгин реализует пасхальный архетип через пасхальный сюжет, который вводится в текст чаще всего прямым номинированием данного праздника

Пасхальный сюжет разворачивается в его прозе на двух временных уровнях: это счастливое прошлое (дореволюционный период) и настоящее, омраченное наступившими после революции гонениями на церковь. Первый тип пасхального сюжета сближает Никифорова-Волгина с традицией классической литературы. Пасха становится днем, к которому устремлены все надежды и ожидания героев. Вера в светлое чудо, которое непременно произойдет в этот день, передается писателем через восприятие ребенка в цикле «Воспоминания детства».

Никифоров-Волгин создает образ семьи, вся жизнь которой подчинена православному календарю. Мальчик, главный герой данного цикла, воспитывается на чтении житий, творений Тихона Задонского, Евангелия. Для него церковный уклад становится органичным, весь мир воспринимается через призму православных обрядов и традиций. Ожидание Пасхи начинается с зимы: в самые лютые морозы ребенку чудится, что весна скоро, во сне видится трава и березовые сережки, «сердце (становится) похоже на птицу, готовую к полету» [1, с. 30]. Именно с образом птицы в народной традиции связано представление о празднике Благовещения, который нередко предшествует Пасхе. Традиция выпускать в этот день птиц символизирует скорое освобождение всего живого от власти греха, и это освобождение принесет с собой Светлое Христово Воскресение.

Наступление Великого Поста становится особым событием в жизни героя. Масленичные гуляния остаются позади, а начинаются строгие службы с чтением канона Андрея Критского, покаянными молитвами, чином провозглашения анафемы. Автор показывает изменения, происходящие в окружающем ребенка мире: люди стали сдержаннее, базар «пахнет Великим Постом» [1, с. 38], в храме царит особая молитвенная атмосфера. Несмотря на эти внешние перемены, сам герой продолжает видеть приметы приближающейся весны и Пасхи: «Увидел в руке у проходившего мальчика прутик вербы, и сердце охватила знобкая радость, скоро Пасха и от мороза только ручейки останутся»[1, с. 39]. Верба вводит в текст рассказа указание на еще один важный праздник, предваряющий Христово Воскресение, Вход Господень в Иерусалим. Показательны изменения, происходящие с пространством храма: оно становится все более и более открытым по мере приближения торжественного дня. Никифоров-Волгин сравнивает его со «снежным утренним лесом» [1, с. 39], богомольцы становятся «похожи на тихие деревца в вечернем саду» [1, с. 41] (символика образа Гефсиманского сада). Подобное слияние образов необходимо автору, чтобы глубже показать удивительное пасхальное единение мира одушевленного и неодушевленного (люди на Пасху сравниваются с куличами или с пасхальными свечами, плывущими по воздуху). Мир природы и люди особенно близки в Великую Пятницу, когда совершается чин погребения Плащаницы, вся земля в страхе молчит и сопереживает перенесенным крестным страданиям Спасителя. Современная исследовательница Н.П. Видмарович замечает по этому поводу: «Принципиально открытым оказывается все пространство мира – совершается сакрализация всей земли, радующейся и переживающей Воскресение Христа, дающее надежду на чудо воскресения человека через его обновление и преображение» [2, с. 324]. Пасха становится символом воцаряющейся гармонии, грядущего Царства Божьего на земле.

Рассказ «В березовом лесу» соотносим с циклом «Воспоминания детства», но дает второй тип пасхального сюжета. Главные герои – дедушка и его маленький внучок – идут на то место, где когда-то стояла церковь Спаса Златоризного. Когда мальчик говорит дедушке, что храм этот летом сожгли большевики, то тот сурово отвечает: «Восемь десятков туда ходил и до скончания живота моего не оставлю ее. Место там свято. Место благословенно. Там душа праотцев моих… Там жизнь моя» [1, с. 93]. В этих словах заключена великая пасхальная мысль: смерть побеждена Христовым Воскресением, жизнь торжествует в своем величии. «Христос воскресе из мертвых…» [1, с. 94] – эти звучащие ночью в лесу слова тропаря пробуждают к молитве «небо, звезды, березыньки и светлую душу весенней земли» [1, с. 94]. Воцаряющаяся гармония омрачена лишь скорбью об уходящей Руси «дедовой», «богатырской, кондовой, краснощекой», «Руси лапотной» [1, с. 95]. Никифоров-Волгин понимает, что революция в корне переломила существовавшие много веков традиции и в целом мироустоение. Прежние времена не вернутся. Так, Пасхальная заутреня переходит в панихиду, которую дед Софрон «говорит нараспев, словно читает старую священную книгу» [1, с. 95]. Заметим, что по церковной традиции с Пасхи до Радуницы панихиды не служатся. Это связано с верой в грядущее воскресение, в торжество жизни вечной над смертью временной. Автор вводит в текст пасхального этюда панихидные мотивы, чтобы подчеркнуть скорбь об ушедшем светлом прошлом, которая становится еще глубже на фоне торжественного ликования всей земли в день Пасхи.

Автор продолжает работу с пространственными категориями. Но если в цикле «Воспоминания детства» происходило проникновение в храм пространства леса, то в данном произведении лес становится храмом через слова пасхальных песнопений: «Это лес звонит. Березы поют. Гудёт незримый Господень колокол» [1, с. 92]. Значимо название рассказа: березовый лес в русской традиции всегда осмыслялся как некое са-

кральное пространство, что особенно подчеркивается Никифоровым-Волгиным через параллели с храмом. Павел Флоренский в своей книге «У водоразделов мысли», в главе «Строение слова», анализируя внешнюю и внутреннюю форму, выбирает для примера именно слово «береза». «Плоть этого слова определяется его этимоном – от корня **бере-,** первоначально **брњ,** означающего **светиться, гореть, белеть – брезжить»** [4, с. 135] – пишет мыслитель. Никифоров-Волгин в рассматриваемом рассказе соединяет последнее значение слова «береза», вводимое философом («брезжить», то есть «светить во тьме»), и устойчивую в русской традиции символику березы как образа Руси. Автор подчеркивает, что ушедшее прошлое, о котором он скорбит (панихидные мотивы), не исчезает бесследно. Храм в березовом лесу сожгли, но весь лес сделался храмом (пасхальные мотивы). Так произойдет и с Русью. Гонимая и уничтожаемая православная вера только глубже укоренится в сердцах людей и приведет всю страну на путь покаяния и Воскресения.

Таким образом, пасхальный сюжет, вводимый Никифоровым-Волгиным в текст произведений через прямое номинирование и реализуемый в двух временных плоскостях, с одной стороны, сохраняет прежние черты, заложенные традицией классической литературы. Автор в неизменном виде передает архетипическое значение праздника Пасхи как дня всеобщего ликования и торжества. С другой же стороны, в силу произошедших исторических изменений, Никифоров-Волгин привносит в этот сюжет индивидуально-авторские черты. Пасха становится не только днем, символизирующим победу жизни над смертью, но и вехой, когда с настоящим смыкается прошлое, и остро становится вопрос о будущем Русской земли, о том, есть ли надежда на Воскрешение Руси со Христом и во Христе. И автор неизменно дает один и тот же ответ: есть.

Литература

1. Никифоров – Волгин В. Заутреня святителей / Василий Никифоров – Волгин. – М.: Паломник, 2003 – 526с. – в статье текст повести цитируется по этому изданию с указанием страниц.
2. Видмарович Н. П. Образ пасхального пространства в рассказах В. Никифорова – Волгина и А. Солженицына : к проблеме трансформации / Н. Видмарович // Духовная традиция в русской литературе. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – С. 321-340.
3. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – М. : Кругъ, 2014. – 514 с.
4. Флоренский П. А. У водоразделов мысли / Павел Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 419 с.

Д.С. Гудин, студ. института филологии ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Н.И. Платицына

РОМАН ДЖ. ЛЕ КАРРЕ «МАЛЕНЬКАЯ БАРАБАНЩИЦА» В КОНТЕКСТЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ XX ВЕКА

Джон Ле Карре (John le Carre) – псевдоним английского писателя, бывшего сотрудника секретной разведывательной службы МИ-6, Дэвида Корнуэлла (David Cornwell, p. 1931). Широкую известность Джон Ле Карре приобрёл в 1960-х гг., после выхода в свет его романов «Шпион, пришедший с холода» («The Spy Who Came in from the Cold», 1963), «В одном немецком городке» («A Small Town in Germany», 1968).

Ле Карре наследует традициям классической английской литературы. В своём творчестве он придерживается реалистического метода отображения действительности, заложенного великими английскими писателями – Ч. Диккенсом, У.М. Теккереем, Т. Харди и др. [1, с. 54]. В его шпионских романах читатель не увидит героизации деятельности спецслужб, будь то МИ-6 или израильская разведка Моссад. Ле Карре подчёркивает «антибондовский» (*Джеймс Бонд – главный герой романов Яна Флеминга*) характер своих произведений. В интервью телеканалу BBC Джон Ле Карре называет Джеймса Бонда в большей степени международным бандитом, нежели шпионом [4, URL]. Спецслужбы у Ле Карре не принимают участия в ярком динамичном действии-приключении, изобилующем погонями и перестрелками. Напротив, герои писателя ведут сложную интеллектуальную игру, фоном которой служат подробности рутинной работы разведывательных организаций.

Цель статьи состоит в литературоведческой рефлексии одного из наиболее известных романов Ле Карре «Маленькая барабанщица» («The Little Drummer Girl», 1983), эксплицирующего представления автора об историко-политических реалиях второй половины XX века. Одной из принципиальных задач, неизбежно возникающих перед начинающим исследователем, является определение причин, побудивших писателя обратиться к той или иной теме. В статье предпринята попытка проанализировать отношение Ле Карре к палестино-израильскому конфликту и способы художественного воплощения этого конфликта.

Роман «Маленькая барабанщица» занимает особое место в творчестве писателя. Сюжетное пространство романа организовано вокруг судьбы молодой английской актрисы Чарли (Чармиан), вынужденной «сыграть роль» на сцене реального политического противостояния – арабо-израильского конфликта. Чарли оказывается завербованной израильской разведкой Моссад, которая проводит операцию по уничтожению Халиля, главы палестинской террористической организации. Под руководством Халиля были проведены взрывы в европейских городах, жертвами которых стали израильтяне.

В процессе развития сюжета Чарли вжилась в созданный специалистами Моссада образ, была внедрена к палестинцам, проходила обучение в военизированном лагере организации освобождения Палестины (ООП). Позднее на севере Ливана она увидела реальную картину войны, о которой её не предупреждали руководители операции: отсутствие медикаментов в лагере для беженцев, голод, регулярные налёты и обстрелы мирного населения израильской авиацией: «*За последние двенадцать лет лагерь бомбили семьсот раз. Затем он сообщил данные потерь, особо подчеркнув, сколько погибло женщин и детей. Наибольший ущерб причиняют американские разрывные бомбы; сионисты сбрасывают также с самолетов бомбы-ловушки в виде детских игрушек*» [2, с. 381].

Чарли разочаровалась в собственных целях и идеалах, запуталась, отвечая на вопрос, кто же прав из враждующих сторон. В конечном итоге инициация героини привела её к главе террористов – Халилю, после чего тот был уничтожен сотрудниками израильской разведки. В финале романа Чарли вернулась на родину, в Великобританию, с большой суммой денег, но душевной пустотой, которую ничем нельзя заполнить. Это подтверждает последняя реплика героини перед опускающимся занавесом истории: *«Я мёртвая*» [2, с. 479]. Эта фраза – результат рефлексии Чарли − служит отображением не только её внутреннего мира, но и характеристикой состояния целого поколения молодых людей второй половины двадцатого века, потерявшихся в поисках нравственного идеала, ценностного абсолюта, истины.

Роман «Маленькая барабанщица» − это попытка осмысления общественно-политической ситуации в эпоху холодной войны. Джон Ле Карре с точностью отобража-

ет межнациональные и межконфессиональные противоречия, разделившие не только ближневосточный регион, но, и, собственно, весь мир. Причём, сверхдержавы, определившие биполярность мирового устройства, выведены со сцены основного действа. Читатель ощущает их незримое тяготение над происходящим (будь то американские разрывные бомбы, используемые авиацией Израиля, или страх немецких обывателей перед приходом русских). Фоном основного противостояния, арабо-израильского, становятся другие локальные конфликты: Чилийский, Аргентинский, конфликты в Камбодже и Польше, деятельность Ирландской республиканской армии. Писатель акцентирует мысль о тотальности военных конфликтов. Ле Карре изображает эпоху, которая разорвана, разделена идеологическими противоречиями, разрешающимися преимущественно насильственным способом.

В основе романа «Маленькая барабанщица» лежат впечатления Джона Ле Карре о путешествии на Ближний Восток, на территорию Израиля и Ливана. Писатель общался с представителями Израильских спецслужб, побывал в палестинских лагерях, встречался с Ясиром Арафатом, лидером организации освобождения Палестины [3, URL]. Это помогло Ле Карре дать объективную характеристику событий, показать с разных ракурсов напряжённую атмосферу ближневосточного региона.

В романе говорится о действиях израильской армии по отношению к палестинцам: «*Они наполняли бочки взрывчаткой и керосином и скатывали их с холма, сжигая наших женщин и детей. Я мог бы неделями рассказывать тебе о страданиях моего народа. Об отрубленных руках. Об изнасилованных и сожженных женщинах. О детях, которым выкололи глаза»* [2, с. 207].

Антивоенная гуманистическая позиция Джона ле Карре становится всё более очевидной в ходе чтения романа. Автор осуждает вторжение израильской армии в Ливан в 1982 году: *«Лагери беженцев, в которых находила временный приют Чарли, были подвергнуты санитарной обработке: «Явились бульдозеры и зарыли трупы, оставшиеся после обстрелов из танков и пушек; жалкая вереница беженцев двинулась на север, оставляя позади сотни, а потом и тысячи мертвецов»* [2, с. 473].

В то же время авторской критике подвергаются и действия палестинских террористов, ответственных за серию взрывов. Не случайно на первых страницах романа содержится упоминание о трагических событиях Мюнхенской олимпиады 1972 г., когда членами палестинской организации «Чёрный сентябрь» были захвачены и убиты израильские спортсмены. Очевидно, что группировка Халиля – это аллюзия на «Чёрный сентябрь».

Ле Карре осуждает любое проявление насильственных действий как формы силового давления. Размышляя о политических противостояниях, он придерживается либеральной позиции. По его мнению, радикализм не способен разрешить проблем, он их лишь усугубляет, т.к. актуализирует принцип «зло порождает зло».

И, действительно, мы, живущие в XXI столетии, видим, что арабо-израильский конфликт до сих пор не нашёл своего разрешения, несмотря на сотни тысяч жертв с обеих сторон. Боевые действия продолжаются: взаимные ракетные обстрелы, полномасштабные военные операции в Секторе Газа служат тому подтверждением. Поэтому можно констатировать, что роман Джона Ле Карре «Маленькая барабанщица» не утрачивает своей актуальности и сегодня, а спектр проблем, затрагиваемых автором, по-прежнему требует разрешения.

Литература

1. Гришина М. П. Поиски истины в «шпионском» романе (романы Джона Ле Карре 60-80-х гг. XX в.) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. № 2. С. 54-58.

2. Ле Карре Д. Маленькая барабанщица. М. : Вагриус, 1989. 479 с.
3. A talk with John le Carre by Melvyn Bragg // URL : http://www.nytimes.com/books/99/03/21/specials/lecarre-talkwith.html
4. The false and lonely world of the writer // URL : http://www.bbc.co.uk/archive/writers/12208.shtml

М.О. Костяева, студ. института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Науч. рук. – д.ф.н. проф. Л.В. Табаченко

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗАПАХ» В СТАРОСЛАВЯНСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Цель данной работы – проследить особенности состава и структуры лексико-семантического поля «Запах» в старославянском и древнерусском языках. Описание картины мира складывается из отдельных ее составляющих, основываясь на зрительных образах, слухе, осязании и обонянии. Лексико-семантическое поле «Запах» в старославянском и древнерусском языках еще не становилось предметом научного изучения.

Материалом для исследования послужили слова с семой ‘запах’, извлеченные методом сплошной выборки из следующих словарей: Старославянского словаря (по рукописям X-XI веков), Словаря русского языка XI-XVII вв., Словаря древнерусского языка (XI-XIV вв.) и «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского.

По данным словарей, в старославянском языке 21 лексема с семантикой запаха, в древнерусском языке – 51 лексема.

Все единицы образуют лексико-семантическое поле определенной структуры (за основу была взята структура, разработанная Н.С. Павловой на материале современного русского языка в работе «Лексика с семой ‘запах’ в языке, речи и тексте» [1, с. 11]):

1. В ядро поля «Запах» входит лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) существительных-одоронимов (категориально-лексическая сема (далее – КЛС) ‘запах’). В старославянском языке в ядро входит5существительных, которые указывают на запах как таковой: *ароматъ, благоѫхание, воня, добровониѥ, смрадъ*. В древнерусском языке в ядро входят 10 существительных, которые указывают на запах как таковой: *ароматъ, благовонение, благовониѥ, благовоньство, благовонzниѥ, благоуханиѥ, воня, добровониѥ, добровонzниѥ, смрадъ*.

В старославянском и древнерусском языках в этой группе преобладают существительные, обозначающие приятный запах и благовония. Это обусловлено тем, что тексты на старославянском языке, а также в основном и на древнерусском связаны с богослужениями, на которых кадят благовониями, с ситуациями помазания миром, что и отразили тексты.

Особо следует отметить семантический сдвиг в древнерусском языке у слова *воня*. В старославянском языке оно употреблялось для номинации приятных запахов и без определений, и в устойчивом сочетании *добрая воня*. В древнерусском языке *воня* обозначает не только хороший запах, но и плохой – в сочетании *злая воня*. Мы считаем, что именно в этом сочетании начинается ухудшение значения слова.

2.1.1. Ядро подполя «Запах-свойство» составляет ЛСГ прилагательных-одоронимов (КЛС ‘издающий запах’). В старославянском языке 5 единиц: *благовоньнъ, благоѫханьнъ, мѵрьнъ, смрадьнъ, хризмьнъ*. В древнерусском – 10: *ароматообразьнъ, ароматьскыи, ароматный, благовоньныи, благоухаѥмъ, добровоньныи, дохновенный,*

мировонное, смрадный, хризмьныи. В древнерусском языке количество прилагательных-одоронимов с КЛС ‘издающий запах’ почти в два раза больше, чем в старославянском. Это объясняется в основном более активным использованием словообразовательных средств. Например, в старославянском не было прилагательных от имеющегося корня *аромат-*, а в древнерусском их 3: *ароматообразьнъ, ароматьскыи, ароматный*. Старославянскому *благоѫханьнъ* соответствуют 2 древнерусских – *благоухаємъ* и *благоуханный*. Следует обратить внимание еще на то, что для характеристики хороших запахов в древнерусском наряду с корнем *благ-* используется и корень *добр-*: *добровоньныи*. В древнерусском в значении 'душистый, обладающий приятным запахом' используется также прилагательное с корнем *дох-*: *дохновенный*.

2.1.2. В ядро подполя «Запах-свойство» входит ЛСГ наречий `проявление запаха`. В старославянском языке таких лексем не было. В древнерусском языке их 3: *благовоньно, благовоньнэ, благоуханьно*. Это отражает развитие в древнерусском языке наречий как части речи, в частности появление качественных наречий, связанных с прилагательными.

2.1.3. Ядро подполя «Запах-свойство» составляет ЛСГ глаголов `проявления запаха` (КЛС `издавать запах`). В старославянском языке составляют 3 глагола: воняти, смрадитиитретий глагол кадити, то есть курить благовония, распространять дым от благовоний и таким образом распространять запах. В древнерусском языке таких глаголов 8: 1) распространять и хороший, и плохой запах – глагол *вонzти*, 2) распространять хороший запах – *благовонzти, благоухати, благоухнути*, 3) распространять плохой запах – *смрадитися, смрадити, навонити*. К этой ЛСГ примыкает глагол *кадити*.

Особо следует отметить семантический сдвиг в древнерусском языке у глагола *вонzти*. Старославянские контексты свидетельствуют, что он употреблялся в значении 'приятно пахнуть'. В древнерусском языке глагол *вонzти* обозначает, как правило, `издавать дурной запах, зловоние` – и без наречия, и в сочетании с ним: *злэ вонzти*.

2.2.1. Ядро подполя «Восприятие запаха» составляет ЛСГ глаголов восприятия запаха (КЛС `воспринимать запах`). В старославянском языке это 1 глагол – *обоняти*. В древнерусском – 3: *благоухатисz, обонzвати, обонzти*. Глаголы *обонzвати* и *обонzти* можно считать видовыми формами одной лексемы.

3.1.1. В приядерную часть поля «Запах-свойство» входят существительные с ДС запах, обозначающие названия натурфактов и артефактов. Мы считаем, что в эту группу можно включить и процесс распространения запаха. В старославянском языке таких лексем 6: *кадило, ливанъ, тьмиянъ, масть, мvра, хризма*. В древнерусском языке 12 лексем: *воница, дымъ, кадило, кадение, ладанъ, ливанъ, масть, миро, мировалнъ, тьмиянъ, хризма, куреніє*.

3.2.1.Приядерную часть поля «Восприятие запаха» составляют существительные, обозначающие процесс восприятия `запаха`, свойства, предметы и явления, связанные с обонянием. В старославянском языке обнаружено 1 существительное, обозначающее орган обоняния, – *ноздри*. В древнерусском языке имелось 4 существительных. 2 единицы обозначают орган обоняния: *ноздрь, носъ*. 2 единицы обозначают процесс восприятия запаха: *обонzніє, обояніє*.

Следует отметить, что в древнерусском языке появляется слово *носъ*. Собственно существительные, обозначающие одно из пяти человеческих чувств: *обоняніє, обояніє*.

В следующих частях поля языковых единиц с семой `запах` не было обнаружено: в приядерной части поля «Запах-свойство» прилагательные, характеризующие запах (дифференциальная сема (далее – ДС) или лимитирующая сему (далее – ЛС) *запах*) (ср. рус. *приторный*); в приядерной части поля «Запах-свойство» глаголы распространения запаха (ДС *запах*) (ср. рус. *накурить*);в приядерной части поля «Запах-свойство» глаго-

лы покрытия одного объекта другим (ЛС *запах*) (ср. рус. *обдать*); в приядерной части поля «Запах-свойство» глаголы пропитывания объекта (ДС и ЛС *запах*) (ср. рус. *провонять*); в приядерной части поля «Запах-свойство» глаголы обладания запахом (ДС *запах*) (ср. рус. отдавать); в приядерной части поля «Запах-свойство» глаголы проявления свойства (ЛС *запах*) (ср. рус. *испустить*); в приядерной части поля «Восприятие запаха» глаголы распознавания по запаху (ср. рус. *разнюхать*); в периферии поля «Запах-свойство» глаголы распространения запаха (ПС *запах*) (ср. рус. *распространить*); в периферии поля «Запах-свойство» существительные с ПС `запах` (ср. рус. *бензин*); в периферии поля «Запах-свойство» прилагательные, характеризующие запах (ПС *запах*) (ср. рус. *едкий*); в периферии поля «Запах-свойство» глаголы проявления запаха (ПС *запах*) (ср. рус. *слышаться*); в периферии поля «Восприятие запаха» глаголы общей перцептивной семантики (ср. рус. *уловить*).

Подводя итоги, можно сказать, что в старославянском языке преобладают слова положительной окраски. Это обусловлено связью текстов на старославянском языке с богослужением, что и отразилось в текстах. В древнерусском языке активно происходит словообразование (*ароматообразьнъ*, *ароматьскыи*, *ароматный*). Наблюдается семантический сдвиг у слов (*вонz*). В древнерусском языке отмечены слова с семой `запах`, имеющие отрицательную окраску: *смрадитися*, *смрадити*, *навонити*. Также следует отметить, что в древнерусском языке слов больше (в старославянском языке 21 единица, в древнерусском – 51).

Литература

1. Павлова Н. С. Лексика с семой «Запах» в языке, речи и тексте / Н. С. Павлова. – Екатеринбург, 2006.
2. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–9. – М.: Русский язык, 1988–2012.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. – М.: Наука, 1975–2011.
4. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский. – Т. 1-3. – М., 1958.
5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999.

Д.К. Сапегина, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.ф.н. доц. А.А. Житенев

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЕМ В ВИДЕОРЕКЛАМЕ

Реклама – одно из самых активно исследуемых явлений современной медиакультуры, при этом «во взглядах на рекламу, – пишет Н. Степанова, – выделяются две тенденции: конкретно-прагматическая и историко-культурологическая» [3, с. 4]. В нашей работе мы делаем акцент на второй тенденции и ставим задачу проследить логику изменения культурных ценностей в видеорекламе.

Включенность рекламы и в рыночные отношения, и в логику культуры делает неизбежным наложение в ней актуальной и неактуальной информации. В этой связи, как пишет М. Терских, «копирайтеру крайне важно создать условия для конструктивного диалога, нейтрализовать помехи и преодолеть безразличие реципиентов. Для достижения этой цели рекламист включает создаваемый текст в культурно-семиотическое пространство» [4, с. 4]. Именно этим объясняется распространенная практика использова-

ния в рекламе «готовых» образов и текстов, трансформация которых создает неожиданный коммуникативный эффект.

Эту идею конкретизирует Е. Куликова. Она отмечает, что наиболее важными среди ресурсов информационного воздействия рекламы являются «ресурсы мягкого воздействия, повышающие позитивность восприятия рекламного сообщения»; при этом включение в текст цитат или аллюзий «подчеркивает стремление оперировать теми представлениями, которые понятны и значимы для потенциальных покупателей в ценностном отношении» [2, с. 335].

В этой связи в поле внимания исследователей попадают несколько обстоятельств, связанных с анализом вновь созданного текста и текста, уже существующего в культуре.

Во-первых, со ссылкой на работы Г. Слышкина исследователи вычленяют ряд функций, которые в рекламном тексте может играть прототекст. Это, в частности, персуазивная функция, аттрактивная функция, игровая функция, парольная функция, суггестивная функция [2, с. 335].

Во-вторых, в поле внимания исследователей оказываются формы присутствия прототекста в рекламном материале. Как правило, в этом случае привлекаются работы Н. Фатеевой, где предлагается принимать во внимание: наличие / отсутствие ссылки на источник (атрибутированные / неатрибутированные отсылки); точность / неточность воспроизведения прецедентного текста (цитата / аллюзия); сжатость / объемность отсылок к прототекстам (единичная цитата / центон) [5, с. 55-65].

В-третьих, иногда исследователи отмечают важность трансформаций, которые несет в себе рекламный текст. И. Высоцкая, анализируя языковую составляющую рекламы, выделяет нулевую трансформацию (буквальное воспроизведение фрагмента прототекста), формально-семантическую трансформацию (замена компонента текста), распространение исходного текста и усечение исходного текста [1, с. 350].

Рассмотрим несколько примеров, в которых рекламное видео построено на принципах интертекста, и прокомментируем формы присутствия прототекста в рекламе, функции и характер его трансформаций.

Наиболее ярким примером цитирования с атрибуцией может служить рекламный ролик МТС «Ночь, улица, фонарь, аптека» (2005, «Родная Речь»). Цитата удачно вписана в сюжетный контекст: студенту на экзамене посредством сотовой связи диктуют стихотворение А. Блока. Визуальный ряд полностью соответствует строкам текста. Именно этот прием выступает в роли кодификатора идеи о связи времен. В связи с этим изменением акцентов печальное стихотворение о циклическом повторении существования приобретает более позитивное звучание. Жизнеутверждающее настроение самого рекламного ролика поддерживается и сюжетным финалом, где студенту удалось «списать» необходимое стихотворение, и в музыкальном сопровождении, и в конкретных деталях видеоряда (слово «свет» оживает с театральной афиши спектакля «Свет богов»).

В рассмотренном примере, таким образом, можно отметить персуазивную функцию прототекста, констатировать присутствие цитирования с атрибуцией, выделить формально-семантическую трансформацию источника. Прототекст воспроизведен полностью, но в созданной видео игровой ситуацией он переосмыслен, что может рассматриваться и как «профанация» классического текста, и как попытка перенесения классического текста в иной круг смыслов.

Видеоролик корпорации McDonald’s, вышедший на экраны Бельгии под слоганом «Часть легенды» (2011), можно назвать примером аллюзии без атрибуций. Реклама всемирно известной сети фастфудов раскрывает тайну загадочной улыбки Джоконды. По мнению бельгийских креативщиков TBWA\Brussels, Мона Лиза смогла улыбнуться только после того, как съела бигмак. Помимо этого, можно провести параллель между

секретом создания всемирно известного живописного портрета и секретной рецептурой рекламируемого товара. Авторы рекламного ролика навязывают простую причинно-следственную связь: даже улыбка Джоконды не была бы такой прекрасной, если бы бигмак не был таким вкусным. Очевидно, что в основе ролика лежит принцип травестии, сознательного «снижения» образа, взятого из истории живописи. Авторы снимают излишний пафос, связанный с картиной Леонардо, давно прочно вошедшей в арсенал расхожих образов, воспроизводимых массовой культурой.

В этом примере, таким образом, можно отметить присутствие неатрибутированной аллюзии, главенство игровой и аттрактивной функций прототекста, распространение исходного текста (в ролике не просто воспроизведена картина, но игровым образом воспроизведена история ее создания).

Компания Ferrero в 2009 г. выпустила на экраны рекламу «Ulysses» (Providence Puteaux). Этот ролик включает в себя целый ряд прототекстов из греческой мифологии. В рекламе возникает собирательный образ странствующего героя, который ассоциируется как с самим Одиссеем (возвращение из долгого путешествия), так и с Ясоном (аллюзия на золотое руно). Помимо этого, конфеты в данном рекламном ролике коннотируют иконограмму о «пище богов», создавая аллюзию на целый ряд древнегреческих мифов. Можно отметить и еще одну аллюзию – отсылку к мифологическим ситуациям, в которых приобретение людьми нового знания связано с его заимствованием у богов. В ролике герой преподносит в качестве дара не только драгоценный золотой груз, но и золотой лист, на котором по-гречески написано «рецепт». Он в решающий момент уносится ветром, делая людей, таким образом, причастными не только к «пище богов», но и к секрету ее приготовления. Интересно отметить, что само визуальное решение ролика тоже полигенетично: это «роскошная» версия античности из живописи прерафаэлитов (Лоуренс Альма-Тадема), анахроническая, «игрушечная» античность Голливуда (Артемида-охотница как экзотическая восточная красавица), это аллюзия к античности, увиденной через стиль ампир (бархатная подушка с бахромой, тяжелые занавеси с золотыми кистями в портике).

Таким образом, интертекст в рекламном ролике «Ulysses» можно считать полигенетической неатрибутированной отсылкой. При этом греческий антураж позволяет говорить о парольной функции интертекста. Однако эта избранность оказывается во многом обманчивой, поскольку предполагает отсылку к целому ряду стертых образов и смыслов.

Анализ трех видеоматериалов, конечно, не может быть основанием для каких-либо масштабных выводов, и все же одну важную закономерность нельзя не отметить. Это взаимосвязанность форм интертекста в рекламе, характера измерений исходного текста и его функций. При использовании точной атрибутированной цитаты мы с большой вероятностью столкнемся с текстом, имеющим большую значимость, но в то же время – с попыткой радикально изменить его исходный смысл. Неатрибутированная аллюзия создает игровое поле в рекламе, программирует достраивание и ценностное переиначивание прототекста. Центонное построение рекламного материала, в котором накладываются отсылки к разным текстам и визуальным кодам, создает обманчивый эффект избранности.

Литература

1. Высоцкая И. В. Интертекстуальность в современном рекламном тексте / И. В. Высоцкая // Культура и текст. – 2011. – № 11. – С. 349-356.

2. Куликова Е. В. Рекламный текст через призму прецедентных феноменов / Е. В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 334-340.

3. Степанова Н. И. Интертекстуальная природа визуального текста рекламы: Автореф. дис. канд. культурологи / Н. И. Степанова. – Кемерово, 2014. – 24 с.

4. Терских М. В. Реклама как Интертекстуальный феномен: Автореф. дис. канд. филол. наук / М. В. Терских. – Омск, 2003. – 26 с.

5. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1998. – Т. 57. – № 5. – С. 55-88.

Сиссе Кумба, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Е.А. Пляскова

ОСНОВНЫЕ ОБРАЗЫ ЗООМОРФНОГО КОДА РУССКОЙ И СЕНЕГАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследования соотношения языка и культуры сегодня очень популярны, потому что «все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем» [4, с. 3]. Особенности миропонимания народа находят отражение в пословицах и фразеологизмах, которые выполняют функцию знаков «языка» культуры, транслируют информацию, связанную с культурой народа.

В данной работе анализируется символика животных, составляющая зооморфный код культуры. Зооморфный код – совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных – один из древнейших кодов культуры, т.к. животные издревле окружали человека и выступали как источник осмысления человеком мира. Имена, обозначающие животных, несут в дополнение к природным свойствам именуемых объектов функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры [1, с. 97].

Основными символами зооморфного кода русской культуры являются собака, кошка, заяц, волк, лиса, медведь, в сенегальской – заяц, гиена, обезьяна, осёл, лев, черепаха и др. Рассмотрим символическое значение зайца, волка и лисы в русской культуре, зайца и гиены – в сенегальской.

Заяц – достаточно распространённый в русских лесах и популярный в русской культуре зверек. В русских сказках сложился следующий образ зайца: это слабое существо, которое не может защититься от врагов, поэтому боится каждого шороха, единственным средством спасения являются ноги, заяц быстро бегает. Заветная мечта зайца – стать храбрым, поэтому он иногда выдает желаемое за действительное (хвастается, что никого не боится). См., например, сказки «Зайцы и лягушки», «Заячья избушка», «Заяц-хваста» и др.

Данный образ сложился из наблюдений над поведением и физиологическими особенностями зайца. Действительно, заяц не агрессивен, он беззащитен перед врагами. Единственный способ спастись у него – убежать, поэтому, когда заяц прячется от приближающейся опасности, он сильно дрожит и трясётся, но не от страха, а от напряжения, для того чтобы мышцы всегда были готовы к бегу [8, URL]. В человеческом сознании дрожь является проявлением страха (*трястись / дрожать от страха*). Поэтому в русской культуре заяц является эталоном трусости. Это нашло свое отражение в пословицах и фразеологиз-

мах: *Вор, что заяц: и тени своей боится; У вора заячье сердце; Труслив, что заяц, блудлив, что кошка; Жаден, как волк, а труслив, как заяц; Душа, как у зайца, в пятки ушла (от страха); заячья душонка* (о трусливом человеке); *дрожать (трястись) как заяц, как заячий хвостик* и др. На основе этого представления в русском языке у слова *заяц* появилось новое метафорическое значение «безбилетный пассажир, безбилетный зритель» (например, *ехать зайцем*).

Представление о том, что заяц очень быстро бегает, находит отражение в следующих устойчивых сравнениях и пословицах: *бежать как заяц (только пятки сверкают); бежать / нестись во всю прыть (как заяц); дать дёру, как заяц из-под куста; иметь заячью прыть; Мелькнул только куцый хвост – зайца и след простыл* и т.д. Способность зайца запутывать следы, чтобы уйти от врага, нашла отражение в выражении *петлять как заяц,* что значит «уходить от прямого ответа или от ответственности».

Представление о зайце как о трусливом зверьке характерно для многих народов, однако в африканских культурах, в том числе и в сенегальской, заяц прежде всего умный. Это зафиксировано в следующих устойчивых выражениях: *умный как заяц; он заяц* (похвала умному человеку)*; у него ум зайца; он думает, как заяц*. Попытаемся объяснить происхождение данной символики.

Заяц Лёк (в сенегальском фольклоре животные имеют собственные имена) – это один из знаковых символов сенегальских сказок. Он предстает умным, хитрым, находчивым. В африканской культуре понятия «умный» и «хитрый» обозначены одной лексемой (в волофском языке лексемой *mouce*), так как эти качества дополняют друг друга, позволяют человеку выживать, решать проблемы, а также раскрывают его творческие способности. И в сознании сенегальцев ум связан прежде всего с хитростью. Например, в одной из историй рассказывается о том, как животные выбирали среди себя самого умного. Они решили, что тот из них, кто сможет доказать, что именно он является самым молодым, в то же время будет и самым умным. Заяц Лёк стал победителем, так как закричал в середине обсуждения, что он только что родился. Звери оценили его находчивость и признали его самым умным. Заяц Лёк является в Сенегале тотемным животным, т.к. он попытался изменить человеческое сознание и человеческое общество (в сказке «Королевство Самбы» Лёк воспитал украденного принца Самбу, который стал добрым и справедливым царем).

Символическая характеристика зайца Лёка близка к символике лисы в русских сказках. Например, чтобы получить рыбу, в русской сказке «Лиса и волк» лиса обманывает мужика, а в сенегальской сказке «Рыбалка гиены и зайца» заяц обманывает гиену. Хитрость лисы зафиксирована во многих русских пословицах: *Близ норы лиса на промысел не ходит, У доброй лисы по три отнорка, Когда ищешь лису впереди, то она назади* и др. В.И. Даль отмечает фразеологизм *лисой пройти* «схитрить». В русском языке слово *лиса* имеет также переносное значение «лукавый, хитрый человек».

Антиподом лисы в русском фольклоре является волк – несчастный, бесхитростный, постоянно попадающийся на уловки лисы: *Кто волком родился, тому лисой не бывать; Лиса семерых волков проведет* и др. Поэтому волк вечно голоден (*Волк голодает, лиса – лакомка*), это отражается в устойчивом сравнении *голодный (проголодаться) как волк / как волчонок.* В современном языке *волк* имеет переносное значение «угрюмый, нелюдимый человек». Отсюда выражение *смотреть как волк (волком)* «о людях, испытывающих друг к другу враждебные, злобные чувства».

Антиподом зайца в сенегальской культуре выступает гиена Буки (в сказках это животное всегда мужского пола) – жадный, свирепый, жестокий и тупой (сказки «Буки и Слепой», «Гиена, Белка и больной Лев», «Буки в ямке» и др.). Это отражено и в пословицах: *Кто носит с собой гиену на спине, на того будут лаять собаки* (т.е. кто ведёт

себя плохо, будет страдать); *Гиена, чтобы быть хорошей, должна сначала похудеть* (т.е. истинная сущность человека проявляется в трудностях.); *Гиена умирает в своей коже* (плохой человек не может измениться). Широко распространены также устойчивые сравнения *голодный как гиена, глупый как гиена*, *нечестный как гиена.*

Слово *гиена* имеет также переносное значение «ростовщик». Это значение отражено в таких пословицах, как: *Похоронить гиену, чтобы выкопать другую* (т.е. заплатить долг, взяв другой долг / кредит); *Когда гиена захочет съесть своего сына, она ему скажет, что у него уши, как у козы* (чтобы снизить цену ростовщик ищет дефекты в товаре).

Итак, образы рассмотренных животных являются отражением русских и сенегальских культурных стереотипов и национально-специфического осмысления мира.

Литература

1.Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.

2.Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – [Электронный ресурс]. – http://enc-dic.com/dal/

3.Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : тематический словарь / Л. А. Лебедева. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 316 с.

4.Маслова В. А. Лингвокультурология : уч. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2004. – 202 с.

5.Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – [Электронный ресурс]. – http://ozhegov.textologia.ru/

6.Русские народные сказки [Электронный ресурс]. – http://hobbitaniya.ru/rusnarod/rusnarod.php

7.Червинская Н. М. Русская идиоматика: дикие звери. Свыше 6300 единиц / М. Н. Червинская. – Тернополь : Крок (Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica»), 2010. – 314 с.

8.Энциклопедия животных. [Электронный ресурс]. – http://www.animalsglobe.ru

9.Becker Charles. Proverbes et йnigmes wolof / Charles Becker, Victor Martin et Mohamed Mbodj // Le Dictionnaire volof-franзaisde Mgr Kobиs et du R.P. Abiven. – Kaolack, 2000. –26 p.

10. Diop Birago. Les Nouveaux Contes d'Amadou Koumba / Birago Diop. – Dakar, 1989. –188 p.

11. Sarr Ibrahima. Contes du Sйnйgal / Ibrahima Sarr et Alioune Dieng. – Dakar, 2010. –121 p.

12. Senghor Lйopold Sйdar. La Belle Histoire de Leuk-le-liиvre / Lйopold Sйdar Senghor et Abdoulaye Sadji. – Paris, 1953. –173 p.

Э.В. Смирнова, маг. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.психол.н. доц. К.М. Гайдар

ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА ЗДОРОВЬЯ: СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ

Ключевым элементом мотивации поведения человека выступают его представления о своем здоровье. Эти представления в современном психологическом дискурсе принято обозначать как «внутренняя картина здоровья». Данный концепт удачно интегрирует в единое целое личные психоэмоциональные представления индивида о своем здоровье и социокультурные нормы, ценности и идеалы, концептуализирует все психологические явления и аффекты в единую целостную систему.

Сегодня стала очевидной потребность в научно-психологическом исследовании представлений человека о своем здоровье (внутренней картины здоровья) в их соотношении с практикой здравоохранения. Изучение внутренней картины здоровья в этом контексте, как мы полагаем, будет способствовать не только расширению научных представлений в области психологии здоровья, но и позволит оптимально организовать работу по мотивированию населения на сохранение и поддержание собственного здоровья.

Обобщая имеющиеся в литературе трактовки данного понятия [1, 2, 3], внутреннюю картину здоровья можно определить как устойчивую интегрированную систему представлений, переживаний и установок человека в отношении своего физического, психического, психологического и социального состояния, своего здоровья в прошлом, настоящем и будущем. На ее основе у каждого субъекта складывается своя имплицитная концепция здоровья, которая задает модус поведения в отношении собственного тела и здоровья.

Раскроем структуру внутренней картины здоровья, отталкиваясь от описания данного феномена в литературе и учитывая при этом принятую в психологии структуру внутренней картины болезни. В нашем представлении структура внутренней картины здоровья включает несколько основных компонентов.

1. Аксиологический компонент. В него входят базовые социальные принципы, идеалы и ценности здоровья, разделяемые субъектом. Они носят нормативно-ценностный характер, задают ориентиры и направленность представлений человека о здоровье и его составляющих.

2. Когнитивный компонент. Его содержанием являются знания и представления человека о здоровье. Этот компонент имеет содержательно-гносеологический характер. Знания и представления рационализируют внутреннюю картину здоровья, устанавливая связь с положениями науки о человеке, здоровье и его индикаторах. Современная медицинская наука формирует в общественном сознании общую матрицу научно обоснованных представлений о человеке и его здоровье. Современный человек, включенный в это концептуальное поле, усваивает азы научно-медицинского дискурса и обладает определенными базовыми представлениями о здоровье, пусть даже неполного и фрагментарного характера.

3. Психофизический компонент. Он представляет собой самочувствие человека и его ощущения своего тела. При этом следует различать понятия «самочувствие» и «состояние здоровья». Если состояние здоровья – это объективное положение дел в организме по данным врачебного осмотра, то самочувствие – это субъективное переживание, и оно не всегда отражает объективное состояние здоровья.

4. Эмоционально-оценочный компонент. Переживание чувства здоровья и оптимистичное самочувствие связано не только с отсутствием болезни и инвалидности, но и с наличием полноценного физического, психического и нравственного состояния. Возникающие у личности эмоционально-оценочные комплексы формируют ее отношение к здоровью, детерминируют мотивацию в отношении поддержания здоровья и актуализируют соответствующие установки и стандарты поведения.

5. Диспозиционный компонент. Это разнообразные поведенческие стереотипы, установки и ориентации, которые опосредуют представления и нормы здоровья, формируя внутреннюю готовность личности к определенным действиям по защите своего здоровья. Именно диспозиции трансформируют абстрактные идеалы и сформированные представления в конкретную практическую деятельность. Поэтому диспозиции выступают наивысшим уровнем отношения к своему здоровью.

Подчеркнем, что все выделенные компоненты структуры внутренней картины здоровья органично взаимосвязаны и переплетены. Их взаимодействие носит динамич-

ный характер, что создает возможность адекватной адаптации человека к изменяющимся условиям жизни.

Разнообразие людей, их внутренних картин здоровья и вариантов поведения формируют потребность в типологии внутренних картин здоровья. Она позволит систематизировать существующие разнородные представления людей о своем самочувствии и отношении к здоровью.

Полагаем, что таких типологий может быть несколько. Первую из них предлагаем строить на основе такого критерия, как уровень самооценки индивидом своего физического и психического состояния и здоровья. С этой точки зрения мы условно выделяем три типа внутренней картины здоровья:

1) оптимистический тип – человек переоценивает возможности своего организма, надеясь, что природного здоровья ему хватит, и не следует предпринимать никаких специальных мер для его защиты;

2) пессимистический тип – человек совершенно уверен в своем слабом здоровье (от природы, в связи с возрастом, из-за перенесенных заболеваний), в своей болезненности, и потому не предпринимает никаких целенаправленных усилий по защите своего здоровья;

3) адекватный тип – человек вполне точно и объективно воспринимает и оценивает состояние своего здоровья, четко видит возможности и проблемы в этой сфере, трезво осознает необходимость активных и постоянных усилий по укреплению здоровья, по элиминированию различных патогенных факторов в своей жизнедеятельности.

Вторая типология внутренней картины здоровья базируется на таком критерии, как валидность представлений человека о своем состоянии, о самочувствии. Здесь возможно выделение следующих основных типов:

1) субъективный тип – представления человека опираются исключительно на эмоциональные оценки и ощущения своего самочувствия, практически элиминируя объективные индикаторы. При этом данные медицинских обследований отсутствуют либо не принимаются в расчет. Поэтому такая внутренняя картина здоровья отличается низкой валидностью и достоверностью;

2) объективный тип – представления человека обусловлены внешней информацией, данными медицинских обследований. Одновременно игнорируются субъективные ощущения, самочувствие. Такие односторонние представления лишают субъекта сопричастности собственному здоровью, снижают мотивацию в отношении здоровья;

3) интегративный тип – представления человека органично сочетают объективные данные и эмоционально окрашенные ощущения и переживания человека относительно своего здоровья. Это наиболее взвешенные и обоснованные представления, обладающие высоким мотивационным потенциалом и достоверностью.

Третья типология внутренней картины здоровья базируется на таком критерии, как направленность мотивации поведения индивида в отношении своего здоровья. Этот критерий позволяет нам выделить следующие типы:

1) позитивно-деятельный тип – индивид ориентирован на повышение уровня своего здоровья, иммунитета и сбалансированности всех органов и систем организма, на здоровый образ жизни;

2) индифферентно-пассивный тип – человек практически не мотивирован на сознательные волевые усилия по поддержанию и защите своего здоровья, не способен или не хочет ограничить себя в отношении вредных привычек, безразлично относясь к собственному здоровью;

3) негативно-гедонистический тип – индивид не только не защищает свое здоровье, но активно и непрерывно ему вредит, ради мимолетного наслаждения и удовольствия последовательно культивируя вредные привычки и нездоровый образ жизни.

Предложенные нами типологии являются условными, они носят во многом предварительный характер и нуждаются в последующем эмпирическом обосновании. Эти типологии предложены нами с целью первичного упорядочения и систематизации многообразных вариантов внутренней картины здоровья, а также связанных с ними мотиваций и паттернов поведения в отношении здоровья.

Литература

1. Васильева О. С. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки / О. С. Васильева, Ф. Р. Филатов. – М.: Академия, 2001. – 352 с.

2. Гурвич И. Н. Социальная психология здоровья : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / И. Н. Гурвич. – СПб., 1997. – 392 с.

3. Каган В. Е. Внутренняя картина здоровья – термин или концепция? / В. Е. Каган // Вопросы психологии. – 1993. – № 1. – С. 86–88.

А.Г. Тофан, студ. ПГУ им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Приднестровье)
Науч. рук. – доц. к.пед.н. О.В. Щукина

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Совершенно определённым является тот факт, что результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации. Особенно важным является положение, согласно которому процесс формирования вторичной языковой личности связан не только с овладением обучающимся вербальным кодом неродного языка и умением его использовать в общении, но и с формированием в его сознании картины мира, свойственной носителю этого языка как представителю определенного социума.

Обучение должно быть направлено на приобщение учащегося к концептуальной системе чужого лингвосоциума. При этом важно, чтобы учащиеся понимали эти различия, могли распознавать и интерпретировать мотивы и установки личности, принадлежащей чужой общности, где действует иная система ценностей. А для этого необходимо отталкиваться, используя термин Л.В. Щербы, (отталкиваться в позитивном смысле) от системы ценностей и неразрывно связанной с ней собственно языковой системы, изначально присущей изучающим иностранный язык. Вместе с тем Л.В. Щерба отмечал важную воспитательную роль изучения иностранных языков для познания родного: без изучения иностранного языка не замечаются и не осознаются специфические особенности родного [4, с. 313].

При этом опора на родной язык понимается не как простое «присутствие» родного языка в аудитории, а как использование учителем его системы для предваряющего учебный процесс сопоставления с иностранным языком. Л.В. Щерба отмечал, что можно изгнать родной язык учащихся из учебников, но его нельзя изгнать из голов учащихся. Он писал: «Мы должны признать раз и навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка, как бы мы ни хотели его изгнать. И поэтому мы должны из врага превратить его в друга» [4, с. 318].

Однако понятие «родного языка учащегося» не всегда однозначно. Родным языком принято считать государственный язык той страны, откуда приехал студент. Но языковая ситуация в мире очень сложная. Зачастую одни языки используются в нескольких региональных вариантах, другие – взаимодействуют с разговорными местными или с сильно различающимися между собой диалектами. Во всех этих случаях языковой субстрат может быть разным, что необходимо иметь в виду при исследовании интерференции [1, с. 318].

Приведённая выше цитата в полной мере отражает ситуацию, сложившуюся за долгие годы в Приднестровье. Системная опора на родной язык при этом приобретает особые черты в подобных регионах, характеризующихся поликультурностью и мультилингвальностью.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть особенности процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции в контексте приднестровского полиэтничного языкового сообщества, в основе которого лежат три этнические группы: в настоящее время на территории Приднестровья проживает 33,5% молдаван, 28,9% русских, 28,9% украинцев и около 9% представителей других этносов. Как отмечает Е.А. Погорелая, «такой этнодемографический состав за долгие десятилетия и даже столетия почти не претерпел изменений, либо они были так незначительны, что не оказывали решающего воздействия на характер происходивших процессов исторической ассимиляции» [3, URL].

О.В. Миловидова рассматривает поликультурную среду, как «специфическое состояние современной жизни в цивилизованном мире» [2, URL]. Подобная среда за долгие годы сложилась во многих государствах – бывших советских республиках. При этом достаточно часто складывается ситуация, при которой один из языков выполняет интегрирующую роль в полиэтнической образовательной среде. В нашей ситуации – это русский язык.

Не будет секретом тот факт, что русский язык более распространён в нашем регионе по сравнению с другими официальными языками. Это связано как с ситуацией в мире, так и с внутренней ситуацией. По словам Е.А. Погорелой, «несмотря на различную этническую самоидентификацию, культурные ориентации и предпочтения подавляющего большинства приднестровцев связаны с таким интернациональным контекстом социального взаимодействия, который формирует потребность в русском языке и русской культуре; они выступают неотъемлемым компонентом их мироощущения и способа существования»[3, URL].

В лингвистической литературе для определения такого положения русского языка пользуются термином «национально-русское двуязычие». В словарях этот термин определяется так: массовое двуязычие нерусских этносов России и стран СНГ [5, URL]. Высокий процент представителей этих этносов владеет как родным, так и русским языками. Подчас владение русским становится преимущественным, особенно в общении на научные, публицистические темы. Активное владение родным языком и пассивное – русским наблюдается больше в сельской местности и среди лиц старшего поколения.

В контексте рассматриваемой проблемы можно говорить о существовании в Приднестровье как минимум четырёх сложившихся видов двуязычия: молдавско-русское, украинско-русское, русско-молдавское, русско-украинское – в зависимости от того, какой язык считать родным. Рассмотрим некоторые примеры возможной интерференции в иностранной речи носителей рассматриваемых официальных языков Приднестровья.

Анализируя влияние трёх родных языков учащихся на процесс изучения иностранного, необходимо отметить, что этот процесс характеризуется рядом особенностей. В частности, обучение, как правило, ведётся на иностранном языке либо при помощи

языка-посредника, который знаком и учителю, и учащимся. Именно в качестве такого языка-посредника очень часто выступает русский язык, который может оказать как трансферирующее, так и интерферирующее влияния на процесс формирования коммуникативных умений в области иностранного языка.

Рассмотрим некоторые примеры влияния русского и родного языка на изучение иностранного. При формировании грамматических навыков, в частности навыков использования артиклей, обучаемые, знающие русский и украинский языки, вне зависимости от того, какой из них родной, столкнутся с трудностью понимания данного факта иностранного языка. Поэтому они чаще всего будут опускать артикли: *she is doctor* вместо *she is a doctor*, что представляет собой отрицательный перенос фактов родного языка на иностранный.

В молдавском же языке существует разветвленная система артиклей (*ун* бэят, *о* фатэ, кодрул *чел* верде), она сложнее английской, поэтому ученики с легкостью освоят английские определенный и неопределенный артикли. Они без труда смогут определить, где и какой артикль необходим, потому что правила их постановки идентичны в обоих языках. При этом следует учитывать, что при русско-молдавском двуязычии русский язык является доминирующим и его система является наиболее устойчивой, поэтому обучаемые, несмотря на то, что знают молдавский язык и его артикли, вероятнее всего будут допускать ошибки.

В такой же ситуации может оказаться глагол «*быть*». При украинско-русском и русско-украинском двуязычии будет наблюдаться интерференция при переводе этого глагола. Учащиеся будут им пренебрегать, так как в русском и украинском его нет в настоящем времени, а в английском и немецком языках есть: *она учитель, вона вчитель, she is a teacher, sie ist Lehrerin*. В молдавском языке глагол быть (*а фи*) действует так же, как и в английском и немецком: *еа есте о ынвэцэтоаре*. Поэтому будет наблюдаться трансференция с молдавского на иностранный. Такой положительный перенос связан с тем, что молдавский язык относится к балкано-романской подгруппе романских языков, что предполагает наличие относительно простой грамматической системы. Причем эта система очень схожа с грамматической системой германских языков. Следует отметить, что при изучении языка, принадлежащего армянской группе языков, например, случаи интерференции и трансференции, будут, безусловно, иными. Таким образом, принцип генеалогического родства языков выступает в данном случае как один из ведущих.

Лексический уровень, как известно, один из самых подвижных. Поэтому случаи интерференции и трансференции будут одинаково наблюдаться при всех видах двуязычия в приднестровском регионе. Семантическая интерференция возникает по причине того, что известные говорящему явления отражены в новом языке иначе, чем в уже известных языках. Например, «*попасти в ціль*» обучаемые, для которых украинский родной, называют по-немецки «*ins Ziel treffen*» вместо «*ins Schwarze treffen*». Учащиеся, для которых русский родной, это словосочетание переведут так же. Кроме того, ученики могут испытывать трудности с переводом ряда грамматических форм и конструкций, например таких, в которых не совпадает управление глаголов двух языков. В немецком «*warten auf jemanden*», а в украинском «*чекати когось*», в молдавском – «*а аштепта пе чинева*», в русском – «*ждать кого-либо*». Как видно из примеров, во всех этих языках предлоги и виды управления глаголов разные, поэтому очень часто допускаются ошибки при переводе данных конструкций. Предлоги либо опускаются вообще, либо ставятся не подходящие по смыслу.

На фонетическом уровне также можно наблюдать картину как трансферирирующего, так и интерферирующего влияния. При изучении иностранного языка всегда существуют звуки, наиболее схожие в двух языках: русские звуки [в], [ф], например, иден-

тичны английским [v], [f]; звуки, которых вообще нет в родном языке: английских звуков [p], [и] нет в русском, молдавском или украинском; и наконец, фонемы, которые похожи, но не идентичны: русский звук [х] артикуляторно отличается от английского [h]. В молдавском, украинском и русском есть звуки, которые могут оказывать на иностранный положительное влияния, на русский – отрицательное. Украинский звук [г], в отличие от русского взрывного, является фрикативным. Этот фрикативный звук по способу образования является аналогом английского и немецкого [h] (*heute, have*). Украинские *У* и *В* являются аллофонами одной и той же фонемы (кроме позиции перед гласной), которая идентична английскому звуку [w]. В русском же языке произнесение У и В, так же как и в украинском, будет неправильным или будет считаться диалектным.

Трансферирующее влияние на иностранный (английский) может оказать молдавская фонетическая система, а именно наличие в ней дифтонгов (*шкоалэ, сэрбэтоаре, креатор*), а также аффрикаты [dj], которые, как известно, существуют и в системе фонем английского языка. Если для человека, изучающего иностранный язык, молдавский является родным, то проблемой для него может стать качественная редукция, которой нет в молдавском, как представителе романской группы языков. Отсутствие редукции гласных, оглушения согласных, большой вариативности в реализации фонем в данном случае будет иметь скорее интерферирующее влияние. При этом наличие редукции безударных гласных в русском языке способствует лучшему усвоению редукции английских гласных.

Подведем итоги. В условиях двуязычия в нашем регионе, как правило, один язык является родным и доминирующим, так как его система оказывается наиболее устойчивой в сознании ученика. Остальные языки он будет изучать, сравнивая их со своим родным, при этом он будет переносить определенные факты и явления родного языка на второй родной и на иностранный.

Очень часто так бывает, что родным языком ребенка в Приднестровье становится русский язык, даже несмотря на то, что родной язык родителей украинский или молдавский. Это связано с большей распространенностью русского языка во всем мире и со спецификой нашего региона. В результате дети с родным русским языком, при этом владеющие еще одним официальным языком, не редкость. Поэтому в контексте рассматриваемой темы мы проанализировали примеры положительного и отрицательного переносов с русского, украинского и молдавского языков на иностранный (английский и немецкий). Ведь в приднестровском регионе особенность изучения иностранных языков заключается в том, что влияние на данный процесс оказывают все официальные языки.

Таким образом, актуальной задачей в области языкового образования в контексте такого направления развития общества становится эффективная организация процесса обучения иностранному языку, в том числе в целях академического и профессионального межкультурного общения.

Литература

1. Будник Е. А. Аспекты исследования звуковой интерференции (на материале русско-португальского двуязычия) / Е. А. Будник, И. М Логинова.– М., 2012.

2. Миловидова О. В. Аутентичность как основа формирования межкультурной компетенции в поликультурной среде / О. В. Миловидова. – URL: http://www.espanol-spb.ru/articles/1318171631/

3. Погорелая Е. А. Языковая ситуация и языковая политика: Русский язык в Приднестровье / Е. А. Погорелая . – URL: http://www.dissercat.com/content/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-russkii-yazyk-v-pridnestrove#ixzz3UuEWlLnl

4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974.

5. URL: http://language_contacts.academic.ru/337/Национально-русское_двуязычие.

СЕКЦИЯ
«РЕБЕНОК И ПОДРОСТОК ГЛАЗАМИ ГУМАНИТАРИЯ»

О.И. Берко, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – д.пед.н. проф. А.К. Шульженко

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ-МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ

Эмиграция, потеря родины и привычного окружения, чужая языковая среда, культурные различия представителей коренного населения Германии и иммигрантов – это группа факторов, в большой степени предопределяющих запуск противоправных форм поведения у подростков. Эта ситуация актуальна для многих стран, в том числе для России и Германии.

Для мигрантов необходим такой межкультурный контакт, как интеграция, т.е. сохранение мигрантом своей культурной идентичности при объединении в единое сообщество на новом значимом основании [1, URL]. Успешная интеграция в доминирующую культурно-языковую и социальную среду (С. Бенхольц, И. Гоголин, Б. Зайп, У. Нойманн, Х.-Й. Рот и др.) является одной из основных целей преподавания подросткам-мигрантам.

Трансформируется все, что раньше окружало юных переселенцев – климат, язык, общество, экономические отношения, психологические отношения между людьми, отношения со сверстниками и взрослыми, половозрастные роли. Поэтому подросткам-мигрантам необходимы психологическое сопровождение интеграции и социокультурная адаптация, работа по которой совершается в условиях учебной деятельности – основной в жизни подростков-мигрантов.

Наряду со школой – институтом с ведущей ролью – семья также влияет на успешность результата интеграции и адаптации [3, с. 259-260]. Опрос, проведенный нами в государственной немецкой Айфель-гимназии г. Нойербурга, показал, что большинство (80%) учеников-мигрантов растет и воспитывается в семьях трудовых мигрантов – в семьях первого типа. Их главными отличиями от семей второго типа – семей образованных мигрантов – являются: пассивное участие родителей в образовательном процессе, незаинтересованность в увеличении учебной и социально-культурной активности ребенка. По данным статистики, большая часть русских немцев предпочитает употреблять русский язык в кругу семьи, даже в смешанных браках [4, с. 61]. Все эти факторы оказывают негативное влияние на интеграцию подростков-мигрантов и приводят к недостаточному уровню владения языком, что ограничивает возможность получения немецкого образования и, как результат, построение карьеры. Если же подросток растет в семье образованных мигрантов, родители могут обеспечить высокий уровень реализации культурных и образовательных амбиций, что повлечет за собой успешную интеграцию.

Одной из главных причин миграции в Германию в 2014г. является политическая ситуация в стране и мире: «За первые восемь месяцев 2014г. из России уехало больше людей, чем за любой полный год правления Владимира Путина, показывают данные Росстата. В январе – августе 2014г. из РФ эмигрировало 203659 человек. Для сравнения, за тот же период 2013г. из страны выехало на постоянное место жительства 120756 граждан» [2, URL]. Согласно сводке статистического ведомства видно, что Германия стоит на втором месте по выбору будущего дома нашими соотечественниками.

Приведенная выше причина миграции влечет за собой новые трудности, с которыми придется столкнуться подросткам-мигрантам в социокультурном аспекте. Однако трудностей с интеграцией все же будет меньше. Чем это обусловлено?

«Уезжают все, но в первую очередь квалифицированные специалисты, способные легко устроиться за границей» – пишет gazeta.ru. «Отток так называемых “белых воротничков” есть», – констатирует Коротаев, российский ученый, исследующий широкий спектр вопросов демографии, социологии и пр. По словам Глеба Лебедева, аналитика HeadHunter (российская компания интернет-рекрутмента, развивающая бизнес в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, Литве, Латвии и Эстонии.). Отток заметен сразу по нескольким направлениям: «это, например, научные сотрудники. Их отъезд связан даже не столько с оплатой труда, сколько с самой возможностью работать – наличием необходимого оборудования, материалов и фундамента, который у нас не развился либо утерян. Для предпринимателей, которые уезжают, определяющим все еще является уровень зарплат, а также такое субъективное понятие, как “уровень жизни” – кто-то понимает под ним климат и культурные особенности, кто-то законодательство и простоту ведения бизнеса» [2, URL].

Таким образом, среди мигрантов мы видим большое количество квалифицированных специалистов – ученых или экономистов. Их семьи являются семьями второго типа, в которых родители способны целенаправленно давать своим детям установку на интеграцию посредством изучения языка, местной культуры и обычаев. Кроме того, родители смогут стать образцом для своих детей, изучив немецкий язык сами, формируя положительное влияние на своих детей, что, в свою очередь, облегчит интеграцию в немецкое сообщество.

Однако какими бы ни были причины миграции русскоязычных граждан в Германию, проблема интеграции в немецкое сообщество все еще существует.

Литература

1. Гуляева А. Н. Социокультурная адаптация детей-мигрантов // Психологическая наука и образование (Электр. журнал). 2010. – № 5. – URL : http://psyedu.ru/journal/2010/5/Gulyaeva.phtml

2. Мереминская Ек. Эмигранты новой волны // Газета.Ру : Главные новости дня. 2014. – URL : http://www.gazeta.ru/business/2014/10/30/6282685.shtml

3. Фатьянова А. В. Особенности адаптации иммигрантов на примере поздних переселенцев в Германии // Глобальные демографические проблемы современности : Миграция и миграционная политика. Сборник статей / Отв. ред. В.В. Минаев. – М.: РГГУ, 2011.

4. Vogelgesang W. Jugendliche Aussiedler. Zwischen Entwurzelung, Ausgrenzung und Integration. Weinheim u.a.: Juventa Materialien, 2008.

А.В. Власов, маг. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.пс.н. преп. О.В. Тимофеева

СВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТА У ПОДРОСТКОВ

Изучение взаимосвязи интеллекта и креативности не теряет своей **актуальности** последние годы, хотя и касается в основном взрослых. Благодаря внедрению новых технологий, которые требуют более глубокого понимания взаимодействия и взаимосвязи нескольких смежных направлений: производства, продаж, рекламы и т.д., общественно-социальные требования к развитиям интеллекта и креативности возросли и вышли на но-

вый уровень [2, с. 94]. Тема исследования «Связь креативности и интеллекта у подростков» – шаг в направлении обогащения теоретической части в изучении этого феномена.

И если креативность была необходимым атрибутом исключительно творческих профессий, то на сегодняшний день креативность является стандартным требованием для любого успешного человека. И основной задачей стало развитие интеллекта и креативности в подростковом возрасте, когда молодые люди уже рассматривают варианты и возможности «вплетения» себя в профессиональную и социальную структуры жизни. На сегодняшний день нет результатов и исследований на эту тему, а полученные соответствующие данные выступят основой для разработки программы психологического сопровождения подростков с учетом требований времени.

Проблема исследования заключается в наличии противоречивых точек зрения авторов: одна позиция заключает, что креативность не связана с интеллектом и представляет собой самостоятельную психологическую характеристику. Вторая утверждает, что креативность является одним из проявлений интеллекта и тесно с ним связана. Третья предполагает, что между интеллектом и креативностью существуют нелинейные связи: повышение уровня интеллекта связано с повышением креативности лишь до определенного предела. При превышении некоторого критического уровня интеллекта (по разным данным – от 120 до 127 баллов) его связи с креативностью или исчезают, или же становятся отрицательными, то есть при дальнейшем повышении интеллекта креативность начинает снижаться [5, с. 277].

Целью нашего исследования выступило изучение связи между интеллектом и креативностью у подростков.

Объектом являлись когнитивные функции подростков.

Предметом – связь между интеллектом и креативностью у подростков.

В качестве основной **гипотезы** исследования выступило предположение о том, что существует прямая сильная корреляция интеллекта и креативности у подростков, а именно, чем выше уровень интеллекта, тем выше уровень креативности.

Предположение это базируется на исследовании связи креативности и интеллекта у взрослых.

Прежде чем осветить результаты эмпирического исследования, остановимся на определении интересующих нас феноменов.

Интеллект – общая способность к познанию и решению проблем, определяющая успешность любой деятельности и лежащая в основе др. способностей [7].

Креативность – творческие способности индивида – способности порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации [4]. Ей характерна готовность к продуцированию принципиально новых идей, она является независимым фактором в структуре одаренности. Согласно А. Маслоу, это творческая направленность, врожденно свойственная всем, но теряемая большинством под воздействием среды [6, с. 204]. Согласно П. Торренсу, креативность включает в себя повышенную чувствительность к проблемам, к дефициту или противоречивости знаний; действия по определению этих проблем, по поиску их решений на основе выдвижения гипотез, по проверке и изменению гипотез, по формулированию результата решения [8, с. 28].

В нашем исследовании использовались следующие **методы.**

1. Метод сбора теоретической информации: анализ, синтез и систематизация имеющейся в специальной литературе информации, теоретических положений по теме исследования.

2. Методы сбора эмпирической информации: метод стандартизированного самоотчета, реализованный тестами-опросниками: «Краткий ориентировочный тест»

В. Н. Бузина, Э. Ф. Вандерлика; Тест Торренса «Завершения картинок» в адаптации А. Н. Воронина.

3. Методы обработки и анализа эмпирических данных: качественные и количественные, в том числе статистические (критерий ранговой корреляции Спирмена).

В качестве базы эмпрического исследования выступили городские школы Воронежа: № 29, № 5, УВК № 1, Лицей № 3, Лицей № 2, Гимназия № 3. **Объектом** выступили учащиеся 9 классов в возрасте 15–16 лет. Из них: 52 мальчика и 48 девочек. Общее количество – 100 учащихся.

По итогам тестирования получили следующие результаты.

У 38% выборки выявлен низкий уровень интеллекта, у 40% – средний уровень интеллекта, 15% свойственен интеллект выше среднего, а у 7% диагностирован высокий уровень интеллекта.

По креативности выборка распределилась следующим образом: 21% – низкий уровень креативности; 47% – средний уровень креативности; 29% – выше среднего; 3% – высокий уровень креативности.

Далее нами был проведен корреляционный анализ полученных результатов.

Мы вычислили коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

$$p = 1 - 6\frac{\sum d^2}{n^3 - n} \qquad p = 1 - 6\frac{119424}{100^3 - 100} = 0.28$$

Это позволило нам констатировать наличие слабой и прямой связи между креативностью и интеллектом.

Т.е., чем выше креативность у подростка, тем выше его интеллект.

На основе полученных результатов нами были сформулированы следующие рекомендации для педагогического коллектива.

1. Развитие общих интеллектуальных способностей учащихся будет эффективно при стимулировании творческой сферы, создании условий для развития креативности.

2. В связи с тем, что интеллект представляет собой совокупность способностей (математических, лингвистических и др.), рекомендуется составление учебных программ по школьным предметам с обязательным включением творческих проблемных заданий для всех учащихся.

3. Следует учитывать роль развития креативности не только у учеников, успешно осваивающих учебную программу (для них, как правило, предусмотрено участие в олимпиадах, решение задач повышенной сложности и т.д.). Как позволяют утверждать результаты проведенного нами исследования, развивая творческие способности у учащихся с низким и средним уровнями интеллекта, мы также добиваемся положительной динамики интеллектуальных способностей.

4. Разработка и реализация программ, направленных на развитие креативности, будет эффективна и для детей с нарушениями интеллекта. Развитие этих когнитивных функций выступит основой их социализации.

В качестве перспектив исследования видится изучение связи интеллекта и креативности в других возрастах. Это позволит найти возможные периоды дифференциации и интеграции данных когнитивных функций. Вместе с этим, актуальным видится изучение связи социального и эмоционального интеллектов с креативностью.

Литература

1. Айзенк Г. Интеллект : новый взгляд / Г. Айзенк // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 111-131.

2. Березина Т. Н. Интеллект и креативность / Т. Н. Березина // Эдип. – 2008. – № 3. – С. 92–101.

3. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная проблема творчества / Д. Б. Богоявленская. – Ростов-на-Дону : Ростовский ун-т, 1983. – 172 с.

4. Головин С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин. – Минск : Харвест, 1998 – 189 с.

5. Малых С. Б. Основы психогенетики / С. Б. Малых, М. С. Егорова, Т. А. Мешкова. – Москва : Эпидавр, 1988. – 744 с.

6. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Москва : Изд-во Питер, 2006. – 204 с.

7. Мещеряков Б. Г. Большой психологический словарь / Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. : Изд-во Ольма–Пресс, 2004. – 215 с.

8. Шумакова Н. Б., Щебланова Е. И., Щербо Н. П. Исследование творческой одаренности с использованием тестов Е. Торренса у младших школьников / Н. Б. Шумакова, Е. И. Щебланова, Н. П. Щербо // Вопр. психологии. – 1991. – № 1. – С. 27–32.

М.Н. Дутова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. О.А. Иванова

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

В настоящее время внимание многих психологов во всем мире привлечено к проблемам развития и становления личности ребёнка (Л.И. Божович, В.П. Зинченко, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Т.Д. Марцинковская, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин, А.В. Юревич и др.). Говоря о социально-психологических проблемах личности в современном социуме, нельзя не затронуть тему трудностей адаптации и интеграции в общество детей с особыми образовательными потребностями.

Расстройства аутистического спектра – это большой набор разнообразных нарушений, от самых тяжелых, сопровождающихся, например, органическими поражениями центральной нервной системы или генетическими заболеваниями, до совсем легких, незначительных, иногда даже визуально незаметных [6, URL]. Связь аутичного ребенка с близким человеком и с социумом в целом грубо нарушена. Психическое развитие при аутизме определяется не просто как задержанное или нарушенное, а как искаженное. Психические функции, в том числе коммуникативные навыки, такого ребенка развиваются как средство аутостимуляции, а не в русле социального взаимодействия и решения реальных жизненных задач. Таким образом, большинство даже имеющихся способностей этих детей не реализуются в жизни.

На данный момент в психологической науке принято отмечать, что «…яркими внешними проявлениями синдрома РДА являются: аутизм как таковой, то есть предельное «экстремальное» одиночество ребенка, снижение способности к установлению эмоционального контакта, коммуникации и социальному развитию. Характерны трудности установления глазного контакта, взаимодействия взглядом, мимикой, жестом, интонацией. Имеются сложности в выражении ребенком своих эмоциональных состояний и понимании им состояний других людей…Трудности установления эмоциональных связей проявляются даже в отношениях с близкими, но в наибольшей степени аутизм нарушает развитие отношений с чужими людьми; стереотипность в поведении, связанная с напряженным стремлением сохранить постоянные, привычные условия жизнедеятельности» [2].

Самым опасным отличием РАС от других нарушений развития является его незаметность на первых годах жизни, как раз тогда, когда организм ребенка находится на наиболее сензитивном этапе для коррекции и лечения, а также развития и формирования

коммуникативных навыков. «Те проблемы, которые с очевидностью встают перед родителями аутичных детей в период уже явной выраженности синдрома (после 2-3–летнего возраста) и заставляют их обратиться к специалистам, обычно не возникают внезапно. Однако достаточно часто у близких ребенка создается впечатление, что на первом-втором году жизни он развивался вполне нормально. И дело не в том, что родители бывают недостаточно внимательны» [5].

Действительно, в младенчестве у этих детей показатели развития, касающиеся становления психических функций, часто укладываются в границы нормы, иногда даже превышая их по некоторым параметрам. Например, в некоторых случаях у аутичных детей наблюдается раннее речевое развитие, также типичными являются способности к различению цветов, геометрических фигур, отмечается интерес к книгам [4, URL]. Обычно тревога возникает в конце второго – начале третьего года жизни ребенка, когда оказывается, что он мало продвигается в речевом развитии либо начинает постепенно терять речь. В этот же момент становится особенно заметным, что он недостаточно реагирует на обращения, с трудом включается во взаимодействие, не подражает, его трудно отвлечь от поглощающих его, не всегда понятных родителям, занятий, переключить на другую деятельность. Ребенок все больше начинает отличаться от своих сверстников, не стремится общаться, а если и возникают попытки контакта, то обычно они оказываются неудачными [5]. Таким образом, очень важна диагностика коммуникативных навыков на ранних стадиях развития ребенка, так как успешность коррекции выявленных нарушений непосредственно связана с периодом их обнаружения.

Согласно последним исследованиям, у детей с РАС отмечается крайне низкая выносливость в общении с окружающими. Они склонны к формированию страхов, довольно скоро устают даже от приятного общения, фиксируются на неприятных впечатлениях. Специальные экспериментально-психологические исследования В.В. Лебединского показали, что страхи находятся на одном из ведущих мест в формировании аутистического поведения [3].

«При налаживании контакта обнаруживается, что многие обычные предметы и явления (определенные игрушки, бытовые предметы, шум воды, ветра и т.п.), а также некоторые люди вызывают у ребенка постоянное чувство страха. Чувство страха, сохраняющееся иногда годами, определяет стремление детей к сохранению привычной окружающей обстановки, продуцированию ими различных защитных движений и действий, носящих характер ритуалов. Малейшие перемены в виде перестановки мебели, режима дня вызывают бурные эмоциональные реакции…» [3].

Современные позитивные изменения в мировом образовательном пространстве во многом предопределили новое законодательно-правовое и научно-методическое обеспечение ранней социальной интеграции детей. Интенсивно развиваются новые области педагогических знаний (педагогика индивидуальности, раннего вмешательства, раннего включения). Известно, что служба раннего вмешательства минимизирует потенциальные задержки развития у детей и ослабляет влияние условий, приводящих к нарушениям развития. Профилактика и коррекция нарушений уменьшает общие затраты на образовательные услуги, помогает удовлетворять потребности детей, снижает вероятность институционализации, подготавливает детей к их дальнейшей независимой жизни в обществе [1].

Все это дает возможность многим детям с расстройствами аутистического спектра получить своевременную диагностику еще на ранних этапах развития, а также формировать необходимые социальные контакты и интегрироваться в наше общество.

Мы провели исследование с детьми с РАС на базе областного центра реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Парус надежды».

В основу нашего исследования легла модифицированная нами методика Е.Л. Агафоновой и О.О. Григорян «Педагогическое обследование детей дошкольного возраста с синдромом детского аутизма». Были выбраны вопросы, относящиеся к коммуникативной сфере. Также было проведено стандартизированное наблюдение и выделены единицы анализа.

В исследовании приняли участие мальчики и девочки в возрасте от 5 до 7 лет. Цель – выявить особенности общения детей с РАС. Наши выводы основывались на качественном анализе полученных данных. По результатам исследования можно сказать, что дети с РАС обладают особенностями вербального общения, а именно:

- У 57% детей присутствует устная речь;
- Правильное звукопроизношение у 29% испытуемых;
- Интонация присутствует у 86% детей;
- У 43% детей наблюдалась фразовая речь;
- Правильный грамматический строй речи лишь у 14% испытуемых;

Особенности невербального общения:

- Мимика присутствовала у 71% детей;
- Визуальный контакт устанавливали 86% детей;
- У 86% детей наблюдалось наличие жестов, в частности, указательный.

Таким образом, с помощью качественного анализа полученной информации на основе экспертной оценки и наблюдения мы установили, что для большинства детей с РАС характерно использование в коммуникации преимущественно навыков невербального общения. Стоит отметить, что практически у половины детей отсутствует устная речь, а правильный строй речи наблюдается лишь у шестой части испытуемых.

Результаты пилотажного исследования могут быть использованы в дальнейших экспериментальных исследованиях коммуникации детей с РАС. Также значимость полученных выводов видится в практическом их применении путём разработки и реализации программы формирования и развития коммуникативных навыков детей-аутистов.

Литература

1. Гаврилушкина О. П., Малова А. А., Панкратова М. В. Проблемы социальной и коммуникативной компетентности дошкольников и младших школьников с трудностями в общении / О. П. Гаврилушкина, А. А. Малова, М. В. Панкратова // Зарубежная психология. – 2012. – № 2. – С. 10.

2. Кузнецова Л. В., Переслени Л. И., Солнцева Л. И. Основы специальной психологии : Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Л. В. Кузнецова, Л. И. Переслени, Л. И. Солнцева – М. : Академия, 2002. – 480 с., С. 349.

3. Лебединский В. В. Нарушения психического развития у детей : Учебное пособие / В. В. Лебединский – М. : Издательство Московского университета, 1985. –С. 96.

4. Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М. Аутичный ребенок : пути помощи. – URL : http://refdb.ru/look/2566986.html (дата обращения: 13.03.15).

5. Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М., Костин И. А., Веденина М. Ю., Аршатский А. В., Аршатская О. С. Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение / О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг, И. А. Костин, М. Ю. Веденина, А. В. Аршатский, О. С. Аршатская. – М.: Теревинф, 2005. – 166 с., С. 27.

6. Шпицберг И. Л. Аутизм как защита мира. – URL : http://www.b17.ru/article/24842 (дата обращения: 13.03.15).

К.А. Ивашкина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.ф-м.н. доц. О.П. Малютина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ АУТИЗМА

По данным психиатров Германии, США, Японии частота встречаемости раннего детского аутизма (далее РДА) исчисляется от 4 до 26 случаев на 10 тыс. детского населения. Дети с этим синдромом страдают от многих проблем: депрессии, недостатка внимания, ограниченности в общении.

Ф. Аппе определяет ранний детский аутизм (синдром Каннера) как особое расстройство, определяемое проявлениями диссоциативного дизонтогенеза, т.е. неравномерно нарушенным развитием психической, речевой, моторной, эмоциональной сфер деятельности ребенка с нарушением социального общения.

Первое описание аутизма как синдрома было дано американским детским психиатром Лео Каннером в статье «Аутистические нарушения аффективного контакта», опубликованной в 1943 году. Он выделил основные симптомы, которые характеризуют аутизм в его «классической форме»: неспособность вступать в контакт с другими людьми, задержка речевого развития, некоммуникативная речь, отставленная эхолалия, перестановка личных местоимений, стереотипная и повторяющаяся игра, стремление к однообразию, хорошая механическая память, проявляется с рождения или до 30 месяцев.

В настоящее время наиболее общепринятыми критериями определения и диагностики аутизма считаются те, которые основываются на характеристиках поведения, проявляющихся в трех основных сферах нарушений, впервые сформулированных Лорной Винг: нарушение социального взаимодействия, нарушение социального общения (коммуникации), ограниченные интересы и действия.

На основе Триады нарушений, предложенной Л. Винг, московские специалисты К. С. Лебединская и О. С. Никольская разработали типологию, в которой выделяются четыре группы аутичных детей с разными типами поведения.

Первая группа отличается отсутствием речи, полевым поведением, почти полным отрешением от мира, отсутствием избирательности в контактах с миром. Часть детей начинают говорить в раннем возрасте, но затем речь постепенно или (в результате стресса) исчезает. Внутренняя коммуникативная речь может существовать и развиваться, но заметить это можно лишь после длительного знакомства с ребенком.

Вторая группа характеризуется неприятием любых контактов и изменений, которые не нравятся ребенку. Активное стремление к сохранению постоянства окружающей среды, коммуникативных и речевых форм, при этом речь скандирована. Основная проблема связана с экстремальной избирательностью. Несмотря на трудности, бытовые навыки усваиваются прочно. Типично большое количество двигательных стереотипий. Очень ярко выражено различие вербального и невербального интеллекта: невербальный может быть в норме, в то время как вербальный значительно снижен. Пассивный словарный запас намного шире, чем активный, это обнаруживается в тех случаях, когда ребенок попадает в ситуацию необходимости быть понятым. Очень четко, по сравнению с детьми других групп, проявляются страхи. Для всех детей общим является страх изменений, выражающийся в сверхзначимом желании поддерживать постоянство окружающей среды в любых ее проявлениях.

Дети третьей группы поглощены одними и теми же занятиями и интересами, много и хорошо говорят, но обращаются при этом к абстрактному собеседнику. Им не нужна обратная связь, они редко заботятся о том, чтобы быть понятыми. Такие дети уже могут поставить себе цель и добиваться ее всеми доступными им способами. Но приспо-

собить свои потребности к меняющимся обстоятельствам они, как правило, не умеют. Они, как правило, имеют богатый словарный запас и хорошо развитую речь, которая у них по большей части остается монологичной. Кроме того, высок уровень социальной наивности. Часто наблюдается отказ от обучения. Их активный негативизм, как правило, связан с прежним травматичным опытом, с нежеланием вновь почувствовать свою несостоятельность. Эти дети очень часто перекладывают на близких ответственность за свои неудачи.

У детей четвертой группы аутизм выражен в наиболее легкой форме. Они больше похожи на заторможенных, неловких, отстающих в психическом развитии детей. Повышенно ранимы в контактах, речь замедлена. Устанавливают глазной контакт легче, чем дети первых трех групп. Кажутся более отсталыми, чем дети третьей группы, хотя это и не так. Их проблемы особенно ярко проявляются при реальном взаимодействии с людьми, при попытках организовать сложные взаимодействия. Способности выражаются в менее стереотипной, более творческой форме. Дети четвертой группы не развивают специальной аутистической защиты, не вырабатывают аутостимулирующие формы поведения. Они очень зависимы, даже сверхзависимы от эмоциональной поддержки близких. Такие дети имеют наилучший прогноз по сравнению с детьми трех предыдущих групп. Отрицательная оценка со стороны близких вызывает у детей этой группы страх несостоятельности, тревожность, отказ от дальнейшего социального развития.

В настоящее время существует большое количество способов помощи аутичному ребенку. Один из них – это АВА-терапия (Applied Behavior Analysis – прикладной анализ поведения). Сутью этой терапии является описание различных поведенческих актов ребенка, выявление их связи с внешними факторами, определение реакций, подкрепляющих и ослабляющих поведение. Целями данной терапии являются: установление контакта, обучение сотрудничеству, формирование примитивных бытовых навыков и навыков самообслуживания, замена нежелательного поведения на социально приемлемое. В этом процессе участвует не только специалист, но и все члены семьи ребенка. Процесс достаточно долгий и трудоемкий, но в результате загадочное поведение ребенка с аутизмом приобретает смысл. Согласно исследованиям И. Ловааса, около 50% детей, прошедших данную программу, могут обучаться в школе, 90% детей улучшили свое поведение и успешно социализировались. У аутистов полностью исчезают стереотипы. Методика АВА позволяет детям, которые поздно обратились к специалисту (5-6 лет), успешно освоить речь.

В заключение необходимо подчеркнуть, что психологическое развитие детей, страдающих аутизмом, отличается от поведения их здоровых сверстников уходом в свой собственный мир, нарушением общения, моторными, речевыми и идеаторными стереотипиями, утратой резонанса на внешние раздражители. Родителям и педагогам необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка, внимательней относиться к его желаниям и потребностям. Очень важно установить эмоциональный контакт с ребенком, вознаграждать его за каждое правильное действие. Самое главное – не отстраняться от аутичного ребенка, не считать его неполноценным. Общество должно всеми силами стараться адаптировать такого ребенка к социальной среде, создать все условия для того, чтобы он жил и функционировал в ней так же, как и его здоровые ровесники. Ведь диагноз «ранний детский аутизм» – это не приговор. Зная психологические особенности детей, страдающих этим синдромом, можно и нужно оказывать им помощь. И, учитывая особенности аутичных детей, необходимо как дальше развивать методики помощи им, так и открывать новые, еще более эффективные.

Литература

1. Аппе Ф. Введение в психологическую теорию аутизма / Ф. Аппе. – М. : Теревинф, 2006. – 216 с.

2. Богдашина О. Аутизм : определение и диагностика / О. Богдашина. – Донецк, 1999. – 84 с.

3. Иванов Е. С. Детский аутизм: диагностика и коррекция : учеб. пособие / Е. С. Иванов, Л. Н. Демьянчук, Р. В. Демьянчук. – Санкт-Петербург: Дидактика Плюс, 2004. – 80 с.

4. Карвасарская И. Б. В стороне. Из опыта работы с аутичными детьми / И. Б. Карвасарская. – М. : Теревинф, 2003. – 70 с.

5. Никольская О. С. Аутичный ребенок. Пути помощи / О. С. Никольская, Е. Р. Баенская, М. М. Либлинг. – М. : Теревинф, 2005. – 288 с.

А.В. Кунаковская, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.психол.н. доц. К.М. Гайдар

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одной из актуальных и социально значимых задач в современном российском обществе является проблема активизации молодежного ресурса, поскольку молодежь представляется особой, обладающей рядом специфических характеристик, большой социально-демографической группой, от которой во многом зависит будущее каждой страны.

В рамках исследования социально-политической активности молодежи особую актуальность приобретает изучение соответствующей активности именно студенчества как наиболее продвинутой группы молодежи, призванной в будущем пополнить ряды интеллигенции, квалифицированных специалистов, от сознания и поведения которых зависит успешное развитие не только экономики страны, но и социально-политической сферы жизнедеятельности российского общества. Именно в студенческой среде должны формироваться молодежные лидеры, потенциальные общественные и политические деятели, от социально-политической активности которых зависит решение стоящих перед современной Россией задач [1, 4].

Однако многие западные и американские политологи приходят к выводу, что молодые люди недостаточно включены в политическую жизнь. Такой вывод не голословен: почти в каждых выборах молодые люди являются меньшинством, и эти показатели участия постоянно снижаются [9]. Более того, молодые люди политически менее осведомлены, не участвуют в социальных или политических мероприятиях и имеют низкие уровни политического интереса [7].

Опираясь на определение Д. В. Ольшанского, мы рассматриваем социально-политическую активность как «деятельность социальных групп или индивидов, связанную с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты» [3, с. 21]. С позиций политической психологии активность молодого человека в политике и социальной жизни позволяет ему повысить самооценку, удовлетворить глубинные потребности личности. Это соотносится с «политической разрядкой внутренних психологических напряжений» [8].

Существуют различные уровни социально-политической активности. О. М. Карпенко и И. А. Ломанов выделяют следующие: индивидуальный и коллективный. Последний они делят на групповой (первичные, малые группы молодежи в политике), ор-

ганизационный (уровень молодежных организаций) и массовый (массовое политическое движение) [2, с. 144].

Нельзя не отметить, что политическая активность молодежи часто выражается через категорию «политическое участие». К примеру, О. Г. Щенина характеризует политическое участие как «любую активность в сфере политики индивидов и социальных общностей» [6, с. 78]. Следовательно, политическое участие молодежи можно охарактеризовать как деятельность, с помощью которой молодые люди могут самостоятельно или в рамках политических партий, молодежных движений, организаций и различных групп стараться влиять на работу, преобразование или развитие политической системы. В данном случае они отстаивают свою субъектность в молодежной политике [5].

По мнению ряда политологов, в современной России «…отмечается тенденция на сворачивание реального участия молодежи в политике, в управлении делами государства и общества» [5, с. 85]. Некоторые исследователи политической активности считают, что она зависит от политического режима, который определяет допустимые границы вовлеченности.

Мы провели кросс-культурное исследование психологических аспектов социально-политической активности молодежи. Для этого нами была разработана специальная анкета, состоящая из 20 вопросов закрытого и открытого типов. В исследовании приняли участие российские студенты Воронежского государственного университета и западноевропейские студенты, обучающиеся в Католическом университете (г. Левен, Бельгия). Всего в анкетировании участвовали 50 человек, средний возраст опрошенных – 20 лет. Российские студенты – 25 человек, из которых 7 – юноши, 18 – девушки. Западноевропейские – 25 человек, из которых 13 – юноши, 12 – девушки.

Известно, что одним из выражений социально-политического участия является интерес личности к политике и жизни общества. Как показал анализ ответов на вопрос «Интересуетесь ли Вы тем, как развиваются события в общественной, политической, экономической жизни нашей страны?», интерес к политике у студентов ВГУ имеет выраженный характер. Так, 16% респондентов внимательно следит за развитием ситуации, 56% скорее интересуются, чем нет, 8% не интересуются вообще, 4% затруднились ответить. В политической деятельности 4% студентов ВГУ принимают активное участие, 8% не принимают участие, но хотели бы, 4% являются членами политической партии, 4% хотели бы заниматься политикой профессионально, 48% не участвуют ни в какой политической деятельности, а 16% опрошенных студентов считают, что участие в политике противоречит их нравственным установкам. Анализ показывает, что для подавляющего большинства студентов доминирующей ценностью оказалось семейное счастье: о нем как о значимой ценности заявили 60% студентов ВГУ.

Западноевропейские студенты Католического университета г. Левен (Бельгия) имеют следующие показатели. Вопрос «Интересуетесь ли Вы тем, как развиваются события в общественной, политической, экономической жизни нашей страны?» также выявил высокий интерес к политике. Так, 33% респондентов внимательно следит за развитием ситуации, 41% скорее интересуются, чем нет, 25% не интересуются вообще, остальные затруднились ответить. В политической деятельности 10% западноевропейских студентов принимают активное участие, 25% не принимают участие, но хотели бы, 8% являются членом политической партии, 8% хотели бы заниматься политикой профессионально, 41% не участвуют ни в какой политической деятельности. Анализ показывает, что для подавляющего большинства западноевропейских студентов доминирующей ценностью оказалась личная свобода и независимость: о ней как о значимой ценности заявили 80% студентов Католического университета г. Левен.

Таким образом, полученные данные говорят о том, что и российские, и западноевропейские студенты имеют достаточно высокий интерес к социально-политической жизни, следят за происходящими событиями в мире. Однако подавляющее число студентов, принявших участие в анкетировании, не участвуют ни в какой политической деятельности. Также существуют различия в доминирующих ценностях: у студентов ВГУ доминирующей ценностью является семейное счастье, а для студентов Левенского Католического университета – личная свобода и независимость. В целом данные позволяют говорить о том, что большая часть опрошенной молодежи не вовлечена в социально-политическую жизнь общества.

Итак, на основе теоретического осмысления и эмпирического изучения социально-политической активности молодежи, вслед за С. Н. Чируном можно сделать вывод, что значительная часть студентов, прежде всего успешных и конкурентоспособных, не считают себя связанными со своей страной обязательствами по личному участию в решении ее проблем и никак не связывает эти проблемы с собой. Автор указывает, что, возможно, основная причина этого кроется в том, что эта молодежь в процессе социализации не была допущена до участия в принятии общественно значимых решений [5].

На наш взгляд, динамика современной социально-экономической жизни требует вовлечения молодежи не только в будущее собственной жизнедеятельности, но и страны в целом, а также систематизации и обобщения направлений, видов и форм социальной и политической активности. Стратегически важным является представительство и участие студенческой молодежи в различных общественных институтах.

Изучение психологических характеристик молодежи как субъекта социальной и политической активности будет способствовать эффективной разработке соответствующих психолого-педагогических технологий, воспитательных концепций и социальных проектов.

Литература

1. Иваненков С. П. Проблемы исследования социальной активности молодежи / С. П. Иваненков, А. В. Кострикин // Credonew. – 2009. – № 3. – С. 82-100.

2. Карпенко О. М. Молодежь в современном политическом процессе в России / О. М. Карпенко, И. А. Ламанов. – М. : Изд-во СГУ, 2006. – 560 с.

3. Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь / Д. В. Ольшанский. – М. : Академический проект, 2002. – 576 с.

4. Тихонов В. Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи: методологические проблемы социологического исследования / В. Г. Тихонов // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 7. – С. 71-73.

5. Чирун С. Н. Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности / С. Н. Чирун // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2010. – № 332. – С. 50-54.

6. Щенина О. Г. Формы участия молодежи в политическом процессе современной России: дис. … канд. полит. наук. / О. Г. Щенина. – М., 2005. – 165 с.

7. Forrest S. Uninterested Youth? Young People's Attitudes towards Party Politics in Britain / S. Forrest, M. Henn, M. Weinstein // Political Studies. – 2003. – Vol 33. – P. 556-578.

8. Lane R. A. Political Life and How People Get involved in Politics / R. A. Lane. – New-York, 1965. – P. 118.

9. Hooghe M. Head Startin Politics: The Recruitment Function of Youth Organizations of Political Parties in Belgium (Flanders) / M. Hooghe, D. Stolleand, P. Stouthuysen // Party Politics. – 2004. – Vol. 10. – № 2. – P. 193-212.

К.В. Нежевенко, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.психол.н. проф. Н.И. Вьюнова

ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НЕСЛЫШАЩИХ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА № 6 I-II ВИДА)

Процесс формирования жизненного самоопределения является одной из форм активности человека. Виды на будущее, возможности осуществления чего-либо в будущем – основа построения человеком Я-концепции, определенной картины мира, горизонта, где существует множество альтернатив развития, выбора, перед которыми находится человек.

Жизненная перспектива – это совокупность обстоятельств и условий жизни, которые при прочих равных условиях создают личности возможность для оптимального жизненного продвижения (К. А. Абульханова-Славская). В построении жизненной перспективы активное участие должна принимать сама личность: размышляя над ними, она выстраивает их в виде поставленных целей, она готовится к их реализации [2]. Отсюда помощь в формировании адекватных жизненных перспектив – одно из актуальных направлений, которое должна осуществлять школа для глухих в организуемом процессе социализации своих воспитанников.

В личностно-жизненной перспективе выделяют два аспекта: содержательный и инструментальный. Содержательная сторона перспективы – это наличие у человека личностно значимых целей, их адекватность, дифференцированность и осознанность. Инструментальная (формальная) сторона перспективы раскрывает способ движения к поставленным целям, личностный способ самореализации. В случае несоответствия, рассогласования этих аспектов следует говорить о незрелости личностной перспективы [1].

Для выявления специфики личностно-жизненных перспектив у глухих старшеклассников было проведено анкетирование в Воронежской специальной общеобразовательной школе-интернате № 6 I-II вида среди учеников 11-12 классов.

О первом – содержательном аспекте жизненных перспектив – мы судили прежде всего по вопросу «Что ты собираешься делать после окончания школы?». 73% учащихся сформировали с определенностью свои цели на будущее. Из них 97% ответили: «Буду учиться». Из учебных заведений выбрали ПТУ – 54%, техникум – 20%, ШРМ – 16%, институт – 1%. Вместе с тем 23% учащихся ответили: «Не знаю». Выбор профессии также свидетельствует об осознанно поставленных жизненных целях. Выбрали конкретную профессию 65% учащихся. Перечень выбираемых профессий разнообразен. На первом месте стоят рабочие профессии (36% ответов: автослесарь, токарь, швея по пошиву обуви, продавец, повар); на втором месте – профессии, требующие среднего специального образования (16% ответов: зуботехник, программист); и наконец, на третьем месте – профессии творческие (12% ответов: художник, ювелир); не определились с выбором профессии 35% учащихся.

Таким образом, большинство глухих старшеклассников определилось с ближайшими целями: учиться или работать, какую профессию выбрать. Вместе с тем весьма значительное число завтрашних выпускников не имеет определенных планов на будущее.

О мотивах предпрофессиональной ориентации мы судили по ответам на вопрос «Почему ты хочешь выбрать эту профессию?». 30% привлекает материальное благополучие (зарплата); 20% – интересное содержание труда; 15% – общение; 10% – престиж; 7% – хорошая подготовка в школе; 10% – хорошая перспектива в будущем; 8% – не знают. Духовные аспекты труда (интерес, престиж, общение) являются, таким образом,

ценностными для каждого второго школьника.

К инструментальному аспекту жизненных перспектив, на наш взгляд, правомерно, прежде всего, отнести уровень осведомленности глухого школьника о социальных институтах, которые могут помочь ему на жизненном пути. На вопрос «Перечисли, какую помощь может оказать тебе СОБЕС?» глухие старшеклассники ответили: «Не знаю» (30%), «Нужно надеяться на свои силы» (10%), «Дают пенсию» (60%). Из этих ответов следует вывод о низком уровне осведомленности выпускников о функциях СОБЕСа, вообще о его существовании.

Столь же ограниченно представление глухих юных граждан о Всероссийском обществе глухих, что следует из ответов на вопрос «Что дает глухому человеку ВОГ?» 60% учащихся убеждены, что «ничего не дает». В конструктивных ответах (что-то дает) указаны в основном три функции ВОГ: общение с другими, дает путевки, помогает устраиваться на работу. Речи не идет о художественной самодеятельности, спортивных и творческих кружках, библиотеке, параолимпиадах, туризме и т.д. Таким образом, старшеклассники не воспринимают ВОГ как базу для интеграции личности в субкультуру глухих, а себя как активных субъектов созидания этой субкультуры.

Таким образом, очевидны актуальные задачи школы и семьи в процессе социализации глухих учащихся: целенаправленное приобщение к субкультуре глухих на основе деятельностных форм; повышение знаний о социальных институтах современного общества.

К инструментальному аспекту жизненных перспектив относится личностная перспектива – способность осмыслить свою готовность к будущему, четкость представлений о способе движения к поставленной цели. Вопрос «Как ты считаешь, ты уже готов к самостоятельной жизни?» был направлен на выявление эмоционального компонента личностной готовности. 10% учащихся выбрали ответ «да, вполне», 20% – «да, частично», 20% – «нет, не вполне», 14% – «совсем не готов», 36% – «не знаю».

Из ответов следует, что само переживание готовности к будущему еще не стало феноменом личностного самосознания у трети старшеклассников. Из тех, кто уже размышлял над этой жизненной проблемой, считают себя полностью готовыми только 15%; для остальных характерна неудовлетворенность своей личной подготовленностью к самостоятельной жизни.

К эмоциональному же компоненту личностной готовности относятся ответы на вопрос «Испытываешь ли ты беспокойство по поводу своей будущей самостоятельной жизни?». 74% учащихся не испытывают никакого беспокойства. 26% ответили, что «не знают, все ли будет хорошо». Лишь единицы (трое учащихся) ответили: «Испытываю страх перед будущим». Парадоксально, но факт: оптимистическую позицию в отношении своего личного успеха занимают не только те, кто имеет четкие цели, выбрал професию и т.д., но и те, чье социально-психологическое состояние диффузно и неопределенно (см. выше). Это говорит о рассогласованности уровня социальных притязаний и реального уровня социальной зрелости учащихся как о явной проблеме в современной школе-интернате для глухих.

К когнитивному компоненту инструментального аспекта жизненных перспектив относятся мнения учащихся о достаточности своих знаний и практических бытовых умений для будущей самостоятельной жизни. На вопрос «Как ты считаешь, каких знаний и практических умений для самостоятельной жизни тебе не хватает?» 54% дали ответ «Не знаю»; остальные 56% отвечали: «Очень мало», «Ничего», «Мало практики в школе», «Нужно еще учиться», то есть выразили осмысленную неудовлетворенность своей ориентировкой во взрослой самостоятельной жизни. Однако ни один из респондентов не указал точно, в повышении каких именно знаний и бытовых умений он нуждается.

Таким образом, уровень сформированности эмоционального и когнитивного

компонентов личностной готовности к будущей самостоятельной жизни можно оценить как низкий, совершенно недостаточный для успешного вхождения неслышащего выпускника в социум.

Проведенное исследование позволяет выстроить актуальные задачи воспитательной работы педагога-психолога в школе I-II вида:

– активная целенаправленная интеграция глухих учащихся в субкультуру неслышащих на основе деятельностных форм: совместных с обществом ВОГ культурных, досуговых, спортивных и других мероприятий; участие в делах ВОГ и его клуба для приобщения к сложившимся за 50 лет существования общества глухих традициям; встречи с переводчиками, ветеранами и мастерами труда;

– целенаправленное ознакомление глухих учащихся с функциями социальных институтов и структур, осуществляющих социальную, экономическую, сурдотехническую, медицинскую помощь лицам с нарушениями слуха.

Проведение активных форм помощи в профессиональном и личностном самоопределении глухих учащихся, а именно: профориентационных игр и упражнений с классом, группой, таких как «Цепочка профессий», «Кто есть кто», «Три судьбы», «Ловушки-капканчики на пути к профессии» и т.д. (Н. С. Пряжников). Данные игры помогают создать стабильную установку личности на внутреннюю активность «Я – хозяин жизни», выстроить содержательно и хронологически согласованные жизненные цели и планы [3].

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности / К.А. Абульханова-Славская // Психология личности и образ жизни. – 1987. – С. 138-144.

2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.

3. Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. С. Пряжников. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 320 с.

Л.Ю. Паршина, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Л.В. Рыбачева

ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДЕТЕЙ-АУТИСТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

На сегодняшний день в мире официально зарегистрировано 6,5 миллионов аутистов. По данным «Всемирной организации аутизма» на 2008 год, один случай аутизма приходится на 150 детей. За пять лет количество детей с аутизмом выросло в 10 раз, причем более 80%из них – инвалиды. Аутизм называют болезнью 21 века. Учитывая глобальность проблемы, Организация Объединенных Наций объявила 2 апреля Всемирным днем аутизма [7].

Во всем мире проблема аутизма уже широко обсуждается и успешно решается, а в России, к сожалению, об этом заболевании практически нет никакой информации. Система диагностики аутизма не работает с должной эффективностью, поэтому официальный диагноз «аутизм» дети получают довольно поздно – в возрасте 4-5 лет, что делает реабилитацию значительно более сложной, чем если бы диагноз был поставлен в возрасте до двух лет. Кроме того, после постановки диагноза большинство детей не получают необходимых медицинских и образовательных услуг, что связано с отсутствием нужных компетенций у специалистов в системе здравоохранения и образования.

Термин «аутизм» был предложен швейцарским психиатром Ойгеном Блёйлером (1911), который с его помощью описал основной симптом и клиническую картину шизофрении, проявляющуюся в уходе в свой внутренний мир, нарастающей изоляцией от окружающих и отгороженностью от внешнего мира, то есть уходом больного в мир фантазий [6, с. 9]. Лео Каннер (1943) в работе «Аутистические нарушения эмоционального контакта» отметил, что аутизм заключается во врожденной неспособности к установлению нормальных контактов с людьми или к ориентации в определенных ситуациях [6, с. 9].

По описанию родителей, такие дети «самодостаточны», «ведут себя как будто не видят окружающих их людей», «особенно счастливы, когда их оставляют в покое», «неспособны адекватно реагировать на социальные ситуации, «живут как под гипнозом». В отличие от детей, больных шизофренией, не утрачивают привязанностей и способностей [6, 10]. Независимо от Каннера, почти в то же самое время, в 1944 году, Г. Аспергер, австрийский педиатр и психиатр, именем которого назван синдром Аспергера, описал состояние аномального поведения группы подростков, проявляющееся в нарушении социального общения и коммуникации, которое он назвал «аутистическая психопатия» (впоследствии было предложено отказаться от диагноза «синдром Аспергера», заменив его на диагноз «болезнь аутистического спектра» с указанием степени тяжести) [1].

У ребенка, страдающего аутизмом, наблюдаются коммуникативные и языковые проблемы, повторяющиеся действия и интересы на уровне навязчивости. Отметим следующие симптомы, которые появляются в возрасте до 3 лет: отсутствие обмена звуками, улыбками и другими мимическими жестами к возрасту 9 месяцев; потеря способности лепетать, говорить, развивать социальные навыки (в любом возрасте); сложности с использованием и пониманием невербальных знаков – мимики, языка тела, жестов; стремление избегать зрительного контакта; неумение заводить отношения с другими детьми [8], а также неспособность общаться с окружающими или выражать чувства; задержка речевого развития или отсутствие речи вообще; неумение начать или поддерживать диалог; необычная речь, эхолалии, часто отсроченные во времени и т.д. [5, с. 336].

Вся специфика речи детей-аутистов систематизируется по степени тяжести. *Дети первой группы* относятся к наиболее тяжелой степени поражения, где наблюдается полное отсутствие внешней речи, которая никогда не развивается, однако понимание речи не нарушено [4, с. 162].

Дети, относящиеся ко второй группе, отличаются большей активностью [4,с.162]. У них появляется речь, которая развивается медленно и отличается большим своеобразием. Возможны обобщения предметов, но преимущественно по аффективным признакам. Наиболее часто наблюдаются эхолалии, чаще всего они обращаются безлично. Речь монотонная, с отсутствием воображения и обобщения [2, с. 215].

Дети третьей группы обладают развернутой литературной речью, но при этом не способны вступать в продуктивный диалог, а ведение монолога тоже является ограниченным особенностями интонационной стороны речи и может не соответствовать смыслу произносимого текста. Говорят смазанно, торопливо, нечетко, иногда заменяя некоторые звуки, есть явные отклонения в громкости голоса, нарушены тон и ритм речи. Речь воспринимается окружающими как «деревянная», «скучная», «механическая».

Дети четвертой группы подвержены наименее тяжелому течению заболевания. Основной чертой является их повышенная ранимость, они способны к общению, у них сохранены интеллектуальные функции, однако речь с аграмматизмами, нарушено употребление местоимений . У них может быть нарушено понимание речи, и часто их речь лишена коммуникативной цели [4, с. 163; 2, с. 215]. Речь тихая, нечеткая, характерна эхолалия, иногда отсроченная во времени.

При всей разнице проявления речевых нарушений у детей с разными вариантами аутизма, у ребенка может быть хорошо развитый словарный запас и способность формулировать собственные мысли, но при этом его речь носит характер «штампованности». Поэтому при работе с таким ребенком необходимо составлять план на определенный промежуток времени с помощью специальных наглядных карточек, созданных вместе с ребенком. На следующем этапе мы переходим от комментирования отдельных впечатлений и ярких эпизодов к сюжетному комментарию, от историй о самом ребенке - к коротким прозаическим рассказам и сказкам, от коротких сказок - к чтению сказок с продолжением. Так мы развиваем у аутичного ребенка способность понимать речь, то есть формируем его речевое мышление [3].

По современным международным клиническим классификациям, аутизм включен в группу первазивных расстройств, и методы лечения аутистов разнятся в зависимости от точного диагноза и тяжести случая. Полностью вылечить аутизм нельзя, но чем раньше ребенок начнет получать необходимый уход, тем лучше будет его состояние. Лечение включает помощь врача, учителя, психолога и логопеда. Используются разные виды терапии – это поведенческая терапия; наработка социальных навыков; трудовая или физическая терапия; разговорная или языковая терапия; семейная терапия и многие другие [8]. В силу того что у детей с РДА могут наблюдаться элементы других психологических нарушений (эпилептические припадки, депрессия, тревога), требуется медикаментозное вмешательство, подавляющее агрессивное поведение ребенка. Если у ребенка «спокойный» аутизм, лекарства могут не назначаться [8].

При аутизме первой и второй группы и наличии агрессии и нарушений влечений желательно обучение детей на дому, сопровождающееся, прежде всего, работой с психотерапевтом. При лечении детского аутизма в центре «Мацпен» при помощи игр и специальных упражнений психотерапевт развивает крупную и мелкую моторику ребенка, внимание, память, а также способность общаться с другими людьми. Инструктор для ребенка тоже необходим, и в центре «Мацпен» дети-аутисты проходят интенсивную программу, нацеленную на освоение необходимых навыков и способов коммуникации с внешним миром. Наконец, годам к 5-6 к лечению может подключиться логопед, который при помощи развивающих упражнений для языка, губ, рта и мелкой (как правило, пальцевой) моторики будет развивать речь ребенка.

Следует отметить также, что в Воронеже и Воронежской области разработана система диагностики аутистического спектра, инициированная фондом «Выход», проводятся занятия в социально-реабилитационном центре «Парус надежды». Программа «Аутизм. Маршруты помощи» создана, чтобы помочь государственным структурам создать систему диагностики аутизма. Воронежская область стала пилотным регионом для этой инициативы.

Таким образом, реализация потенциала ребенка с аутизмом возможна только при создании комплексной, целостно-дифференцированной психотерапевтической среды в социуме. Конечно, полностью излечить аутизм невозможно, так как первые признаки аутистических расстройств, как правило, проявляются с раннего возраста, причем у мальчиков в 5 раз чаще. Однако при разграничении и систематизации аутистических расстройств они поддаются коррекционному вмешательству частично. А также при интенсивном длительном лечении и коррекционной терапии можно значительно улучшить и поддержать состояние ребенка и надолго закрепить положительные результаты.

Литература

1. Богдашина О. Аутизм: определение и диагностика / О. Богдашина. - Донецк, 1999. – 84 с.

2. Исаев Д.Н. Психопатология детского возраста / Д. Н. Исаев. – 2-е изд. – СПб. : СпецЛит, 2006 . – 462 с.
3. Макарычева Л. В. Особенности речи детей с аутизмом. // Л. В. Макарычева. – Л. : Дефектология. – 2014.
4. Максимова Н. Курс лекций по детской патопсихологии: Учебное пособие Н.Ю. Максимова. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. - 576 с.
5. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок: пути помощи / О.С. Никольская. - М.: Теревинф, 2000. - 336 с.
6. Ремшмидт Х. Аутизм. Клинические проявления, причины и лечение / Х. Ремшмидт. – М.: Медицина, 2003.
7. http://www.autisminrussia.ru/html/autism.htm.
8. WWW.BABYCENTER.RU.

В.Е. Пищикова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д. психол. н. проф. Е.А. Корсунский

АГРЕССИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ, УВЛЕКАЮЩИХСЯ КОМПЬЮТЕРНЫМИ ИГРАМИ

Современные дети и подростки живут в мире, отличном от того, в котором выросли их родители. Эти тенденции проявляются и в таких традиционных сферах, как игра и игрушки. Развитие индустрии электронных и компьютерных игр ставит перед психологией новые вопросы: о том, какое влияние они оказывают на развитие ребенка.

Проблема влияния компьютерных игр на подростков приобрела широкий общественный резонанс. Причем информация об этой проблеме поступает преимущественно из двух источников – средств массовой информации и эмпирических исследований, каждый из которых обладает своей спецификой. Среди основных обвинений – зависимость, которая выражается в психопатологических симптомах (неспособность подростка переключаться на другие развлечения, чувство мнимого превосходства над окружающими, обеднение эмоциональной сферы и т.д.). Некоторые компьютерные игры провоцируют, по мнению авторов статей, агрессивное поведение, возвеличивание войн и насилия, правового экстремизма. В качестве негативных последствий указывают на сужение круга интересов подростка, стремление к созданию собственного мира, уход от реальности. Негативную картину дополняют соматические нарушения (снижение остроты зрения, быстрая утомляемость и др.), которые – прямое следствие «компьютеризации» свободного времени подростков.

Данное исследование посвящено изучению агрессивности подростков, увлекающихся компьютерными играми. Целью исследования является выявление особенностей агрессивности подростков, в разной степени увлекающихся компьютерными играми.

Гипотеза исследования представлена следующим суждением: подростки с высоким уровнем увлечённости компьютерными играми обладают более высоким уровнем агрессивности по сравнению с подростками с низким уровнем увлечённости компьютерными играми.

В работе были использованы следующие методики: тест–опросник для установления зависимости от компьютерных игр, Интернета [2, URL] и тест «Стремление к новым компьютерным играм» [3, URL] С. В. Красновой, Н. Р. Казаряна, В. С. Тундалевой, Е. В. Быковской, О. Е. Чаповой, М. О. Носатовой; опросник «Диагностика склонности к агрессивному поведению» А. Ассингера [1, URL]; опросник Басса-Дарки [1, URL].

Базой исследовательской работы была выбрана школа № 52 города Воронежа в общем количестве 120 подростков. В первую экспериментальную группу «Низкий уровень увлеченности компьютерными играми» вошло 60 подростков (8-9 классы), получивших от 0 до 4 баллов по методике «тест–опросник для установления зависимости от компьютерных игр, Интернета» С. В. Красновой и др. Во вторую экспериментальную группу «Высокий уровень увлеченности компьютерными играми» вошло 60 подростков, учащихся 8-9 классов, получивших от 5 и более баллов по данному тест-опроснику.

Обзор литературы в теоретической части работы показал, что в подростковом возрасте в силу сложности и противоречивости особенностей растущих людей, внутренних и внешних условий их развития могут возникать ситуации, которые нарушают нормальный ход личностного становления, создавая предпосылки для возникновения и проявления агрессивности.

В эмпирической части мы исследовали отличительные особенности агрессивности подростков, увлекающихся компьютерными играми в разной степени.

Рисунок 1. Процентное соотношение уровней увлеченности подростками 14-15 лет компьютерными играми по методике С. В. Красновой, Н. Р. Казаряна, В. С. Тундалевой, Е. В. Быковской, О. Е. Чаповой, М. О. Носатовой.

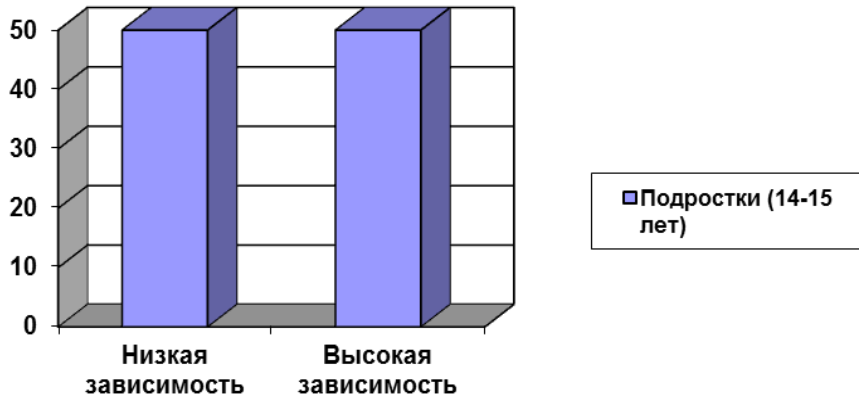


Рисунок 2. Процентное соотношение по показателям стремления к новым играм у подростков с низкой и высокой зависимостью от компьютерных игр по методике С. В. Красновой, Н. Р. Казаряна, В. С. Тундалевой, Е. В. Быковской, О. Е. Чаповой, М. О. Носатовой .

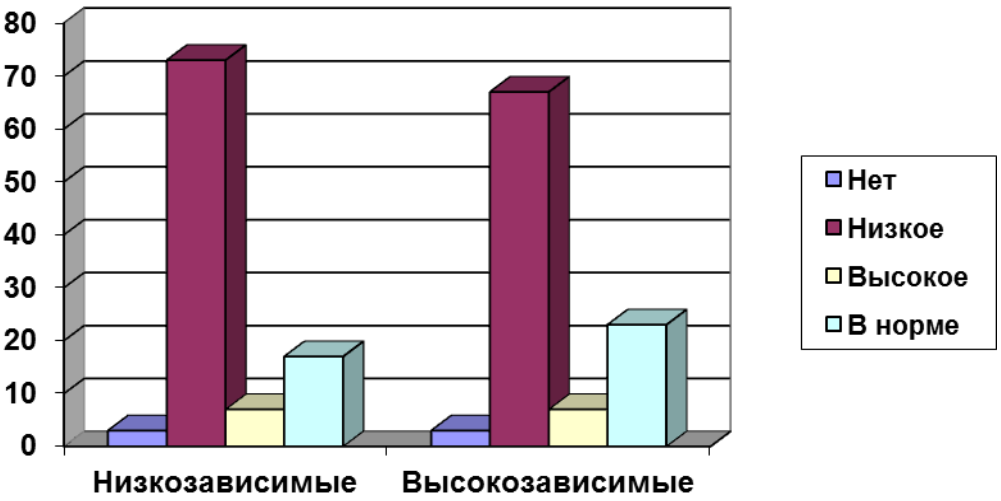


Рисунок 3. Процентное соотношение уровней агрессии подростков с разной степенью увлеченности компьютерными играми. Данные по методике А. Ассингера.

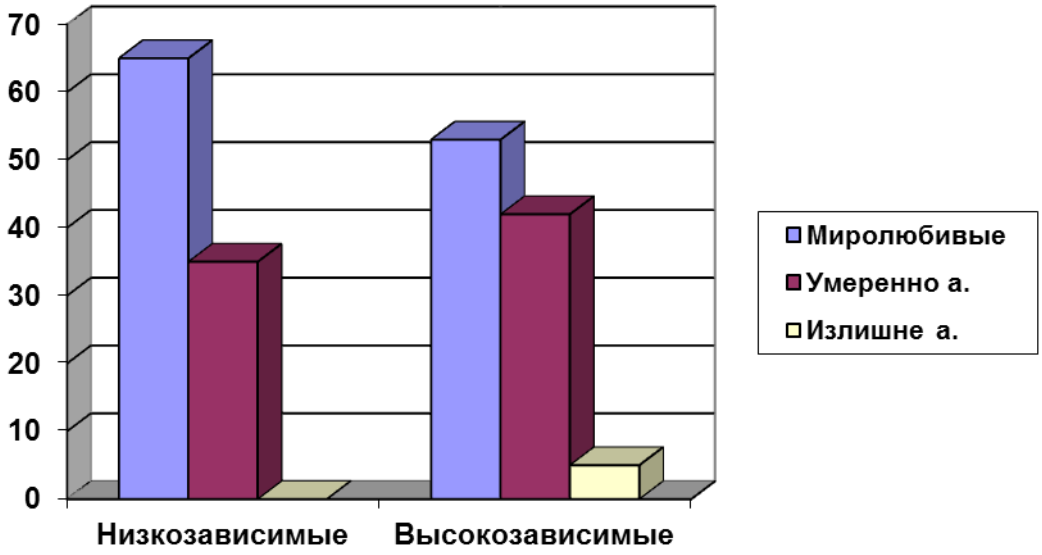
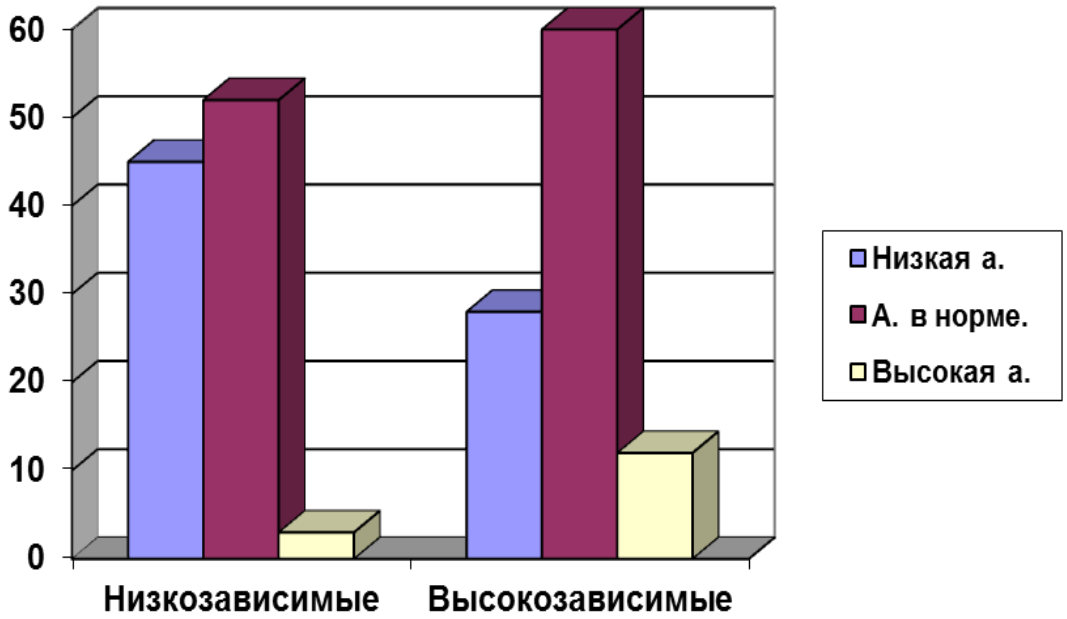


Рисунок 4. Процентное соотношение по степени проявления агрессивности подростков с разной степенью увлечённости компьютерными играми. Данные по результатам методики Басса-Дарки.



Для того, чтобы оценить значимость различий по агрессивности между подростками с разной степенью зависимости от компьютерных игр, исходя из результатов методики А. Ассингера и Баса-Дарки, мы применяли U-критерий Манна-Уитни. Исследование подтвердило исходную гипотезу о том, что подростки, увлекающиеся компьютерными играми и часто проводящие время за ними, обладают более высоким уровнем агрессивности по сравнению с подростками, не увлекающимися компьютерными играми.

Особое место в коррекционной работе следует уделять формированию круга интересов подростка также на основе особенностей его характера и способностей. Необходимо стремиться к максимальному сокращению периода свободного времени подростка

за счёт привлечения к положительно формирующим личность занятиям: чтение, самообразование, занятие музыкой, спортом и т.д.

Литература

1. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П.Ильин. – URL: http: //www. litmir. net/br/?b=146971&p=1 (дата обращения: 10.11.14).
2. Тест-опросник для установления зависимости от компьютерных игр,Интернета:.http://www.cpsy.ru/index.php/specialists/socialnomupedagogu/metodikisocpedagog/10616-2011-05-23-13-55-44 (дата обращения: 10.11.14).
3. Тест. Стремление к новым компьютерным играм: http://www.cpsy.ru/index.php/specialists/socialnomupedagogu/metodikisocpedagog/10616-2011-05-23-13-55-44 (дата обращения: 10.11.14).

О.Н. Серебрякова, маг. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.психол.н. преп. О.М. Бабич

НРАВСТВЕННОСТЬ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДЕТЕЙ

В настоящее время, согласно Проекту федерального государственного образовательного стандарта 2010 года, духовно-нравственное развитие и воспитание детей является одной из ключевых составляющих в структуре основной образовательной программы. И в то же время немало пишется о том, что современное общество характеризуется падением морали и нравственности, приводящим к деструкции межличностных отношений. Этим страдает не только мир взрослых, но и мир детей. Все чаще психологам можно услышать, что у детей дошкольного, младшего школьного возраста, подростков, возникают проблемы со сверстниками не только психологического характера, но и нравственного. Нередки случаи, когда ребенок с трудом адаптируется в коллективе, не имеет друзей, не умеет сопереживать другим, а если и возникают дружеские, приятельские отношения, они могут носить поверхностный, краткосрочный характер [1, с. 27-28].

Нравственность как совокупность знаний и представлений, принципов и убеждений человека этического и духовного содержания – это одна из проблем, к которой современные психологи стали обращаться гораздо чаще, чем это наблюдалось ранее, несмотря на то, что это понятие традиционно относилось к разделу философии – этике – и весьма затруднительно поддается изучению с помощью психологического инструментария [6, с. 3].

Вопросы нравственных взаимоотношений в отечественной и зарубежной психологии не новы. В отечественной психологии вопросы нравственности изучались в рамках личностного и деятельностного подходов в ее социально-культурно-исторической детерминации [1, URL]. Целым рядом ученых-психологов, таких, как Журавлев А. Л., Юревич А. В., Абраменкова В. В. и др., предпринята попытка вновь обратиться к проблеме нравственности с позиций нынешнего времени.

В свою очередь философы считают, что «многогранность межличностных отношений обязывает к комплексному изучению взаимоотношений между людьми, которые носят избирательный характер и определяются потребностями человека» [4, URL]. Многие исследователи отмечают важность изучения взаимосвязи, взаимовлияния межличностных отношений и индивидуальных особенностей личности.

Межличностные отношения – присущие только человеку, «субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятель-

ности и общения. Диапазон проявления межличностных отношений довольно широк: от сотрудничества и взаимопомощи до насильственных конфликтов» [7, URL].

В своих трудах профессор В. В. Абраменкова дает классификацию межличностных отношений среди детей: «межличностные отношения в детском возрасте – субъективно переживаемые связи между детьми, определяемые межличностным взаимодействием и содержанием совместной деятельности. Межличностные отношения в детской группе, начиная с дошкольного возраста, представляют собой достаточно сложное социально-психологическое явление и подчиняются определенным закономерностям [7, URL].

В условиях группы могут быть выделены различные пласты межличностных отношений: *функционально-ролевые, эмоционально-оценочные* и *личностно-смысловые*. С позиции нравственности важны последние, так как эти отношения «осуществляются ради другого человека – партнера по совместной деятельности. В этом случае члены группы начинают переживать интересы и потребности другого как свои собственные. Когда в силу изменения социальной позиции ребенок принимает на себя ответственность за благополучие других людей (например, младшего брата или заболевшей бабушки), тогда ярко проступают его личностно-смысловые отношения». «Возникая в реальном взаимодействии ребенка с другими, – считает В. В. Абраменкова, – они обладают определенной независимостью и, более того, способны активно влиять на другие уровни отношений, например, эмоционально-оценочные» [7, URL].

Исследования Киричука А. В. в сфере межличностных отношений в детских коллективах указывают на то, что «школьники, чье положение в коллективе сверстников благополучно, с большим желанием посещают школу, активны в учебной и общественной работе, положительно относятся к коллективу и его общественным интересам». «Длительное пребывание ребенка в благоприятном положении внутри класса, – считает А. В. Киричук, – может направить его нравственное развитие по двум путям. 78% учащихся обследованной группы, имея развитые интеллектуальные качества, обладали и высокими нравственными чертами (доброта, общительность, справедливость). 22% детей благополучной группы, также интеллектуально развитые, имели некоторые предпосылки отрицательных нравственных качеств (эгоизм и т. п.)».

У детей с неблагоприятным положением в коллективе в эксперименте обнаружились также два направления в их нравственном развитии: 43% детей, несмотря на равнодушие к ним, продолжают тянуться к сверстникам, активно стараются установить отношения. Если это им не удается, то они всеми средствами, стремятся привлечь внимание товарищей. Другие 57% учащихся с неблагоприятным положением в классе ни с кем не дружат, в ряде случаев конфликтуют с детьми, одиноки и замкнуты или ищут общения вне класса.

Таким образом, очевидно, что «коллектив может влиять на индивидуальное развитие личности только тогда, когда положение ребенка в системе межличностных отношений благоприятно, в противоположном случае формирование личности ребенка в коллективе затруднено» [3].

Продолжая рассматривать проблему взаимоотношений в детских коллективах с позиции нравственности, в исследованиях социометрии коллектива дошкольников профессор психологии Е. О. Смирнова выявила, что в условиях обычного детского сада и детского сада вальфдорфской педагогической системы результаты исследования кардинально отличаются. В статье «Истоки отзывчивости» она пишет о том, что в обычном детском саду при проведении исследования социометрическая карта детского коллектива была традиционной: были выявлены «звезды», «предпочитаемые», принятые и изолированные от коллектива дети. Иначе дело обстояло в коллективе вальдорфского детского сада. Там не оказалось ни «звезд», ни предпочитаемых, ни «изгоев». Если в обычном детском саду отрицательные выборы составили примерно половину (48%), то в валь-

дорфском их было только 4%. Она пишет, что «на вопрос: “Кого бы ты хотел поселить в другой домик, подальше от себя?” – дети не могли ничего ответить. Зато в ответ на первый вопрос: “С кем бы ты хотел жить в общем красивом доме?” – следовал длинный перечень имен, куда входили и старшие, и младшие, и мальчики и девочки. Некоторые дети так и отвечали: “А зачем кому-то жить в страшном домике, пусть все в красивом живут!” В результате количество положительных выборов распределилось примерно поровну между всеми детьми».

Этот примечательный факт говорит об общей доброжелательности в группе и о том, что внимание других достается всем поровну. «Конечно же, – пишет автор, – и в этой группе есть избирательные привязанности, есть более и менее близкие друзья. Но важно, что здесь все друзья, и нет врагов, и нет незамеченных, изолированных. Такая атмосфера в группе значительно более благоприятна для развития личности ребенка, чем коллектив с традиционной жесткой структурой» [5].

В заключение следует сказать, что проблема изучения межличностных взаимоотношений в детских коллективах с позиции нравственности в настоящее время весьма актуальна. Изучая эту проблему, мы видим, что для нравственного становления личности ребенка необходимым условием является благоприятный статус в нем, поддержанный благожелательностью товарищей и педагогов. Традиционная авторитарная система воспитания детей в условиях коллектива не способствует повышению уровня нравственности детей. Необходим поиск иных, более гуманных подходов и условий разрешения этой проблемы.

Литература

1. Дрожжина Н. Б. Анализ философских концепций нравственности / Н. Б. Дрожжина. – URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1058

2. Кравцова М. М. Сравнительный анализ моральных суждений младших школьников (1930 и 2000) / М. М. Кравцова // Вопросы психологии. – 2005. – № 5.

3. Киричук А. В. Положение детей в системе общения в классном коллективе / А. В. Киричук // Проблемы общения и воспитание. – Тарту, 1974. – Ч. 2.

4. Ластухина Н. В. Межличностные нравственные отношения в конфликтных ситуациях / Н. В. Ластухина // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: http://www.dissercat.com/content/mezhlichnostnye-nravstvennye-otnosheniya-v-konfliktnykh-situatsiyakh#ixzz3TtnVrPZN

5. Смирнова Е. О. Истоки отзывчивости (по материалам анализа вальдорфской педагогики) / Е. О. Смирнова // Дошкольное образование. – 2002. – № 12.

6. Юревич А. В. Нравственность как психологическая проблема / А. В. Юревич // Вопросы психологии. – 2009. – № 4. – С. 3-7.

7. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. – URL: http://psychology.academic.ru/3696

Е.С. Симонова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Т.В. Ильина

ДЕТСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО (СПОСОБЫ СЕМАНТИЗАЦИИ)

Каждый ребенок постигает родной язык своим собственным путем. Овладение лексикой, рост лексической компетенции ребенка заключается не только в численном увеличении активного словаря, но и в уточнении семантики каждого слова.

Можно определить три ступени формирования значения слова на раннем этапе речи:

- ситуативная закрепленность;
- предметная соотнесенность (денотативное значение);
- понятийная соотнесенность (сигнификативное значение) [2, с.96].

В процессе овладения новыми словами важно учитывать то, как дети толкуют их значение. В ходе эксперимента были подобраны существительные разных лексико-грамматических разрядов. Дети дошкольного возраста должны были интерпретировать их.

В русском языке существуют разные типы словарных дефиниций. Лингвисты выделяют 3 основных типа дефиниций в толковых словарях [4, с. 25-30].

1. Описательный, характерной чертой которой является отсутствие первого номинативного элемента. Вся необходимая информация выражается описательной частью, которая вводится в определение указательными словами. При определении значения имен существительных описательная часть вводится описательными «операторами» *то, что, тот, кто (или который); все то, что; все (те), кто; всякий, кто и др.,* которые разграничивают лишь лица и предметы: *Апологет – тот, кто выступает с предвзятой защитой каких- либо идей, учения и т.п.*
2. Синонимический. Этот способ заключается в том, что значение неизвестного или непонятого слова раскрывается тождественным (или близким по значению) словом – синонимом (оригинал – подлинник, аморальный – безнравственный). Поясняющий синоним обозначает понятие, тот же круг предметов, что и поясняемое слово, поэтому оно точно передает объем определяемого класса: *крах – разорение, банкротство; каверза - интрига, происки, подвох.*
3. Отсылочный (деривационный). Определение через указание более широкого класса и отличительных признаков состоит из двух основных частей: а) более широкого по значению слова, указывающего на родовую отнесенность поясняемого слова, б) словосочетания или слова, указывающего на видовой отличительный признак предмета: *Дивиденд – доход (I), получаемый владельцем акций (II).* В качестве первого элемента здесь могут использоваться не одно, а два, три и более синонимизирующихся слов, которые в целом дают более полное и содержательное пояснение, затем указывается специфический отличительный признак. *Интуиция – чутье, догадка, проницательность, основанная на предшествующем опыте.* Могут указываться сразу несколько отличительных признаков, которые более точно и полно раскрывают смысл поясняемого слова.

Так как дети трактуют слова и другими способами, то мы использовали классификацию Д. И. Арбатского, который помимо выше перечисленных предлагает еще:

– перечислительный, суть которого заключается в том, что значение слова или выражения раскрывается путём перечисления тех объектов, которые именуются данным словом: *Морфема – это приставка, корень суффикс, окончание. Приматы – это полуобезьяны, обезьяны, человек;*

– отрицательный. При отрицательном определении чаще всего используются негативные определения, в которых описание относится лишь к описательной части определения. Они строятся по формуле: «X- это Y, который не имеет С»: а*зот – газ без цвета и запаха, не поддерживающий горения. Суша – часть земли, не покрытая водой.*

В результате анализа ответов детей с опорой на классификацию Д.И. Арбатского было установлено, что удобным и простым для них является **описательный способ**. Так как детям легче не заменить слово синонимом или перечислить разновидности определяемого предмета или понятия, а описать, когда мы используем тот или иной предмет, что можно с ним делать, когда бывает то или иное явление, и т. д.:

конкретно-предметные: кровать – где спим; стол – на чем можно писать; директор – который в музее работает; преподаватель – кто учит нас, папа – зарабатывает денежки на игрушки, ходит на работу и т.п.;

абстрактные: жизнь – когда живешь; грусть – нет снега зимой, когда дождь идет, нельзя выйти на улицу; счастье – когда радуешься, смеешься; когда заботятся о нас; когда нас защищают; дружба – когда улыбаются все, когда играют вместе и т.п.

На втором месте **синонимический способ**. Он не так легко удается детям, но некоторые слова им сложно описать, и они заменяют его другим словом, чаще всего существительным, иногда – словосочетанием:

конкретно-предметные: мама – наша красавица; государство – работа; сестра – твоя подруга; Россия – страна наша; гимн – песня; государство – страна; преподаватель – учитель;

абстрактные: мир – Россия; дружба – любовь.

Реже встречается использование в трактовании слов следующего способа – **определение через указание более широкого класса и отличительных признаков**. Это связано с тем, что дети еще не умеют соотносить смежные понятия, родо-видовые отношения между словами не возникают. Тем не менее такие случаи есть:

конкретно-предметные: флаг – предмет, который нужен для собиранки людей; бабушка – старая женщина; квартира – дом людей; окно – стекло, там можно человека видеть;компьютер – технология, которая существует, можно заходить в одноклассники, играть; оса – волосатый жук с полосочками, который умеет летать;

абстрактные: армия – это военный человек, а когда они собираются, получается армия.

Кроме того, иногда дети используют **перечислительный способ**:

конкретно-предметные: флаг – разноцветный, олимпийский, российский, китайский, американский;

абстрактные: предательство – ударить, обидеть, обмануть; грусть – гроза, молния.

Нами зафиксировано очень мало случаев использования **отрицательного определения**: *суша – там, где нет воды.*

Анализируя ответы детей, мы видим, что конкретно-предметные существительные детям легче определить, так как они называют предметы, которые окружают детей, они ими пользуются. Значения абстрактных существительных детьми объясняются труднее, так как их понимание основывается на моментах собственных переживаний. Собирательные и единичные существительные для речи дошкольника не характерны.

Литература

1. Ушакова Т. Н. О причинах детского словотворчества / Т. Н. Ушакова // Вопросы психологии. – 1970. – № 6. - С. 114-127.

2. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
3. Чуковский К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. - М. : КДУ, 2005. – 400с.
4. Шимчук Э. Г. Русская лексикография / Э. Г. Шимчук. – М. : Академия, 2009. – 336 с.

Е.Р. Фролова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к. психол.н. доц. О.П. Макушина

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАРКОМАНИИ

В современном обществе проблема наркотической зависимости – это угроза нормальной жизнедеятельности общества. Наркомания ограничивает возможности человека, является причиной катастроф межличностных отношений, распада тысячи семей. Сейчас существуют комфортные условия, способствующие распространению зависимого поведения. Возможность лёгкого и немедленного получения удовольствия, которое становится стилем жизни, обедняет эмоции, мотивацию к обучению и интересной работе, содержательному досугу. Всё это можно заменить «более приятными вещами» – наркотиками. В настоящее время, по данным ВОЗ, число злоупотребляющих наркотическими веществами в мире составляет около 50 млн. человек. По данным опросов общественного мнения, наркомания оценивается как одна из самых страшных социальных проблем, серьёзно угрожающих человечеству, и её ставят на 5 место после роста преступности, безработицы, бедности и загрязнения окружающей среды [3].

Злоупотребление наркотиками может вызывать изменения в поведении, эмоциональном состоянии или мышлении человека. При систематическом употреблении у человека возникают неадекватные формы поведения, тем самым он наносит вред своему здоровью, разрушает социальные связи и собственную семью [1]. Люди, употребляющие наркотики, несдержанны в своих эмоциях. Их реакции неадекватны, несоразмерны ситуации, преобладают отрицательные эмоции (ревность, гневливость, подозрительность, озлобленность). Нарастает душевная тупость, безучастность к судьбе близких и собственной судьбе в сочетании с холодной жестокостью, крайним безразличием и пассивным подчинением наркотическому окружению. Резко сокращается продолжительность жизни до 20 – 30 лет [4].

К сожалению, наше общество недооценивает опасности употребления наркотиков. В современных классификациях наркотических веществ появился новый термин «лёгкие наркотики», к ним стали относить такие вещества как марихуана, кокаин, спайсы. Как же это ошибочно. Ярким примером «нелёгких» последствий «лёгких наркотиков» является последний случай массового отравления спайсами по всей России, и Воронежская область не стала исключением. Спайс – это разновидность травяной курительной смеси, в состав которой входят синтетические вещества, растения, которые обладают психотропным действием.

В октябре 2014 года в г. Воронеже произошёл случай массового отравления спайсами. Вроде бы «простое развлечение» привело к нешуточным последствиям. В больницы города поступило 26 человек, половина из которых были доставлены в состоянии средней тяжести, а вторая половина пострадавших попала в реанимацию. Этот случай является ярким показателем недооценки вреда, который наносят наркотики здоровью человека. Таким образом, из этого случая следует сделать вывод, что «лёгких наркотиков» не бывает.

В 21 веке происходит стремительное прогрессивное развитие общества, но и в прогрессе есть свои негативные стороны. Развитие людских зависимостей неумолимо стремится вперёд, появляются всё новые и новые виды этих зависимостей. Наркотическая зависимость приобрела необъятные масштабы, падение нравственности, экономическая и социальная нестабильность активно этому способствуют. У людей существует страх заболеть СПИДом, гепатитом, так как это заболевания, ведущие к смерти. Наркотики такого страха не вызывают: «От этого не умирают. Это просто приятные эмоции…». Наркотики вторгаются в организм и психику человека, меняют его мировосприятие, вмешиваются в обмен веществ и вызывают зависимость, последствия которой могут быть необратимы [2].

Из всего вышеперечисленного следует, что проблема наркомании требует к себе особого внимания. Следует вести активную пропаганду здорового образа жизни, проводить профилактические мероприятия, властям следует ужесточить ответственность за распространение наркотиков.

Литература

1. Лекции по наркологии / Под ред. Н. Н. Иванца. – 3-е изд., перераб. – М. : Мед. Практика, 2001. – 344 с.

2. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения : учебное пособие для вузов / В. Д. Менделевич. – СПб. : Речь, 2005. – 443 с.

3. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В. Д. Менделевича. – СПб. : Речь, 2007. – 768 с.

4. Старшенбаум Г. В. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей / Г. В. Старшенбаум. – М. : Когито-Центр, 2006. – 367 с.

СЕКЦИЯ
«ФЕНОМЕН ЖАНРА В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ»

А.О. Иванова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. О.В. Тихонова

ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРЕЛА ЧАПЕКА

Карел Чапек – чешский писатель, переводчик и журналист, драматург и философ, фотограф и общественный деятель первой половины XX века. Человек с острым умом и изысканным чувством юмора, который за двадцать два года писательской деятельности стал автором сорока четырех книг, многие из которых составили «золотую» коллекцию мировой классики.

В творчестве Чапека довольно сложно выделить жанровые приоритеты: дух поиска не покидал писателя. Формы романа и рассказа часто не удовлетворяли его, и тогда он обращался к жанрам драматическим, публицистическим, нередко идя по пути их переосмысления и трансформации. Это комедии, фантастические пьесы, фельетоны, путевые заметки, очерки, эссе, «апокрифы» (так назывался его сборник сатирических текстов). И, конечно, сказки.

Первый сборник под названием «Девять сказок и одна в придачу от Йозефа Чапека» вышел в 1932 году, в период наивысшего творческого подъема и активной писательской деятельности, когда Чапек был уже известным писателем и автором знаменитых романов-антиутопий «Фабрика абсолюта» и «Кракатит», цикла рассказов «из кар-

мана», пьес «RUR» и «Средство Макропулоса». В основе большинства этих произведений лежит философская и художественна разработка Чапеком проблемы дегуманизации личности: писатель искал общий символ, способный выразить смысл понятия «бездуховность» во всей полноте, а так же конкретные ее проявления в обыденной жизни.

Сказки, напротив, становятся гимном человеколюбия, нравственности, искренности и духовной красоты. Все они написаны под очевидным влиянием детских воспоминаний Чапека. Мир его сказок прежде всего конкретен – исторически, социально и топографически.

Идеальный сказочный герой Чапека – *обыкновенный труженик* (такой, как почтальон Колбаба, полицейский Вокоун), часто городской житель, представитель определенной профессии. Чапек стремится до минимума сократить расстояние между своими произведениями и реальностью, поэтому действие большинства из них происходит в современной автору Чехии.

Для романов или пьес писатель выбирает такие изобретения и научные открытия, которые способны ускорить, форсировать развитие современной жизни: те или иные процессы резко ускоряются и разрастаются под воздействием изменившихся обстоятельств. В сказках все иначе. Действие по-прежнему разворачивается в начале XX века, на знакомых каждому чеху улочках и площадях Праги или провинциальных городков. Но важнейшим критерием оценки духовного потенциала человека становится способность воспринимать «*чудо*». В понимании Чапека «чудо» – не сверхъестественный факт, свидетельствующий о существовании некого «потустороннего мира», а неотъемлемая черта самой действительности.

Главное отличие сказочных героев Чапека от обычных людей в том, что они не только примирились с соседством «чуда», но и активно взаимодействуют с ним, а иногда и непосредственно к нему причастны. Так почтальон Колбаба садится играть в «карты» с домовыми, ничуть не удивившись их присутствию на почте, а доктор из «Сказки про водяных» рассказывает сыну, как к нему приходил водяной, чтобы вырвать зуб. По мысли Чапека, именно подобное мироощущение является залогом глубокого и успешного осмысления реальности. Но «чудо» может открыться людям и без вмешательства магии. Яркий тому пример – уже упоминавшийся выше почтальон Колбаба, который «*проходил целый год, да еще день*», только чтобы отдать письмо без адреса и марки девушке Марженке. В поисках адресата почтальону открывается обыкновенное «чудо» – красота родной земли («*чего только не повидал! такая чудная, прекрасная сторона*»). Чапек показывает, что человеку не обязательно жить в ожидании чуда. Лучше, подобно Колбабе, примирившему влюбленных, творить чудеса самому. «Почтарская сказка» становится своего рода современной притчей, иллюстрацией к евангельскому «возлюби ближнего своего, как самого себя», гимном человеколюбия и бескорыстного самопожертвования.

Сказки Чапека формально соответствуют новеллистической традиции, заложенной еще в Средние века и эпоху Возрождения, но он эту традицию воспринимает творчески и даже иронически обыгрывает. Большинство сказок сгруппированы по принципу *новеллистического сборника*: под общим названием и в одной повествовательной «*рамке*» объединена серия рассказов. Например, в «Большой докторской сказке» в центре сюжета – бытовой эпизод из жизни волшебника: он подавился сливовой косточкой и вынужден вызвать доктора. Но доктор приглашает своих коллег из соседних деревушек на экстренное совещание, и каждый из приезжих лекарей рассказывает случай из врачебной практики. Таким образом, произведение разбивается на пять отдельных историй, каждую из которых можно считать самостоятельной сказкой и «профессиональной историей» – из «практики». По такому же принципу созданы «Большая полицейская», «Собачья», «Птичья» сказки и «Сказка про водяных». Так автор своеобразно «умножа-

ет» рамочный принцип, и цикл в целом становится «сборником сборников», в котором определяются одни мотивы, варьируются одни темы, задаются Чапеком проблемы, важные для его собственной, писательской и человеческой, позиции.

Отдельно в «сказочном» творчестве Чапека стоит цикл о щенке Дашеньке. Человек и собака здесь рассматриваются как родовые понятия, а их сопоставление позволяет сделать вывод о сущности каждого. В семи сказках герой-рассказчик повествует питомцу о собаках, но собаки рассматриваются в непременной связи с человеком, а в сказке «О людях» Чапек использует прямо противоположный, «зеркальный» метод. Характеристика человека уподобляется «собачьей» характеристике: люди делятся согласно размерам на пап, мам и детей; они не говорят, а «лают»; общество именуется «стаей». Но при этом подчеркивается главное отличие человека от животного – люди могут «доверять и любить», и именно это умение ставит их выше остальных существ.

«Собачья сказка» продолжает тему, заданную Чапеком в цикле о щенке Дашеньке. Щенок Воржишек подслушивает разговор русалок. Старейшина рассказывает молодым три истории, две из которых восходят к жанру *притчи* – это истории о сотворении человека и о том, как собаки на небо попали. Третья – к бродячему сюжету о заколдованном замке. История о «собачьем замке» напоминает средневековые легенды о фантастических благочестивых царствах, «земном рае» и островах блаженных, но Чапек сатирически переосмысливает традиционные схемы. Для собак воплощением рая является место, где можно вдоволь поесть: «*колонны – из превосходнейших костей, да не обглоданных нисколько*», «*ветчинный трон, и ведут к нему ступени из чистейшего свиного шпига*». Описывая восторг, с каким русалки внимают рассказам старейшины о «собачьем замке», Чапек иронизирует и над человеком, для которого незначительные удовольствия, вроде вкусной еды, становятся культом и объектом восхищенного поклонения. Повествуя русалкам историю появления людей, старейшина говорит, что Бог сотворил человека для собак из костей разных животных, но *«только собачьей кости не одна из них не принесла, потому что ни одна собака ни до мяса собачьего, ни до собачьей кости не дотронется»*.

Эта история зеркально соотносится со сказкой «О людях» – здесь уже собака ставится выше человека, поскольку никогда не причинит вреда себе подобным. Тема превосходства человека над другими живыми существами получает здесь развитие: человек – венец творения природы (так как *«у него и свойства всех зверей»*), но он несовершенен, поскольку «*только собачьей верности, только ее одной нету*», а значит, ему есть к чему стремиться.

Чапек стремится отточить слово, а вместе с ним отточить и мысль. Особое место в его сказках занимает словотворчество, языковая игра. Вот как он рассказывает, кем может работать водяной: «*Понимаете, ребятишки, водяной может заниматься только тем ремеслом, в котором есть что-нибудь от воды: ну например, может он быть под**вод**ником, или про-**вод**ником, или, скажем, может писать в книжках в-**вод**ную главу, или быть за-**вод**илой...*». Для Чапека характерно стремление к детализации, которая часто служит средством иронии, дает комический эффект. Например, автор подробно, в алфавитном порядке, перечисляет все ругательства, которыми проезжая купчиха осыпает молодого Лотрандо: «*Ах ты антихрист, архижулик, Бабинский, бандит, Барнабаш, башибузук, черный цыган…*». В сочетании с тем, что героиня именует себя «дамой», ситуация выглядит более чем комично. Следует заметить, что автор стилизует язык сказок под устную речь (использует инверсию, повторы, междометья), индивидуализирует речь героев, иронически оформляет устойчивые речевые конструкции.

В целом, на наш взгляд, можно говорить об **особой модели** авторской сказки у Чапека, отличительными особенностями которой становятся: трансформация «город-

ской» литературной традиции, специфическое использование новеллистической композиции, поиски в области повествовательной техники, обыгрывание христианских образов, тем и мотивов, акцентирование типа «обычного человека» и «рядового чуда» в рамках типичной для жанра проблемы «волшебного», особый речевой стиль.

Литература

1. Никольский С. Карел Чапек – фантаст и сатирик / С. Никольский // Библиотека современной фантастики. – М., 1967. – Т. 11. – С. 251-271.

2. Чапек К. Сказки и веселые истории / К. Чапек. – М. : ГИДЛ, 1957. – 176 с.

Н.В. Кочеткова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. А.А. Житенев

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА МОЛОДЕЖНОЙ АНТИУТОПИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЛУИС ЛОУРИ «ДАЮЩИЙ» (1993) И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ «ПОСВЯЩЕННЫЙ» (2014)

Одной из важнейших проблем, связанных с контекстом, является изменение герменевтических установок, смена оценочного ракурса. Художественная рецепция всегда предполагает систему предпосылок, отражающих значимые для общества представления об искусстве.

В периоды быстрой смены таких представлений произведение перестает быть равным самому себе, обнаруживая зависимость от художественной моды. В условиях, когда произведение порождает вторичную интерпретацию – например, текст оказывается материалом экранизации – это движение контекста выступает особенно отчетливо.

Именно такая ситуация сложилась с книгой Луис Лоури «Дающий» («The Giver», 1993), экранное воплощение которой – фильм Филиппа Нойса «Посвященный» («The Giver», 2014) – в некоторых аспектах радикально изменяет литературный первоисточник. Для исследователя интермедиальных взаимодействий случай этого рода ценен парадоксальным характером творческой рецепции: текст, породивший определенную традицию, в дальнейшем сам начинает восприниматься через созданные ей шаблоны, становится объектом разнонаправленных трансформаций.

«Дающий» Л. Лоури был одним из первых произведений жанра антиутопии, рассчитанных на читателя-подростка. Однако появление кинематографического эквивалента этого своеобразного жанра оказалось связано не с этим текстом, а с произведениями, возникшими как подражания ему – «Голодные игры» Сьюзан Коллинз и «Дивергент» Вероники Рот. Эти тексты, обнаруживая несомненную зависимость – тематическую и проблемную – от текста Л. Лоури, породили кинематографический контекст, логика которого предопределила сюжетную трансформацию романа при его переработке в киносценарий.

Большой временной разрыв между выходом книги и производством экранной версии определил отход от оригинального текста и расширение сюжета в соответствии с современными тенденциями жанра, что привело к значительным изменениям авторской концепции.

Охарактеризуем важнейшие различия между книгой Луис Лоури и фильмом Филиппа Нойса.

Прежде всего, отметим изменение способа повествования: в книге повествование ведется от третьего лица, в фильме появляется закадровый голос главного героя. Это различие продиктовано влиянием современных текстовых практик, когда антиутопия в

большинстве случаев предполагает эффект погружения, «свидетельства», которое достигается благодаря повествованию от первого лица. В фильме присутствие рассказчика обнаруживается в повествовательной рамке, в начале и в финале, при этом акцентирована временная отдаленность от истории: повествование ведется из точки, расположенной после завершения всех событий. Однако в экранизации можно отметить повествовательный парадокс: при том, что главный герой явно обозначен как рассказчик, в фильме присутствуют события, свидетелем и участником которых он не мог быть. В тексте-первоисточнике такие эпизоды отсутствуют, хотя повествование от третьего лица делает их присутствие допустимым.

Важнейшим обстоятельством, сместившим сюжетные акценты, оказывается изменение возраста главных действующих лиц. В книге героям по 12 лет, в фильме – 18. Этот факт приводит к внешней и внутренней перестройке сюжета. С одной стороны, тем самым фактически меняется возрастная аудитория, к которой обращен фильм. Автор книги изначально адресовала свою книгу юной аудитории, и именно с этим была связана новизна, однако сегодня подобные тексты востребованы читателями более старшего возраста. С другой стороны, события, о которых идет речь, приобретают иной масштаб. Герои, представленные на экране, в отличие от книги, вступают в возраст ответственного принятия решений, когда навязывание мнения вызывает отторжение, и каждый шаг предполагает самостоятельный выбор.

Возрастные изменения влекут за собой появление новых линий сюжета и изменение мотивировок поступков действующих лиц. В книге главный герой имеет двух близких друзей, юношу и девушку. В развитии действия им отведена очень скромная роль. В фильме линии, связанные с этими персонажами, существенно расширяются, поскольку увеличивается их роль в жизни главного героя. С девушкой связывается романтическая линия, отсутствовавшая в книге, с юношей – история дружбы и предательства; развитие каждой из этих историй предполагает попытки искусственного создания сюжетного напряжения. И первый, и второй ход продиктованы модой, стремлением использовать отработанные ходы, создать эффект «узнавания» у зрителя.

Сюжетному «упрощению» в фильме противостоит сознательное «усложнение» содержания. В экранизации усложнена философская составляющая, что придает всем поступкам действующих лиц важный идеологический подтекст. Современные тенденции развития жанра диктуют необходимость персонификации Системы, наличие яркого и харизматичного антагониста. Это обстоятельство также находится в противоречии с книгой, где Система обезличена. В экранизации антагонист сосредотачивает на своей фигуре основные конфликты, противостоя одновременно важнейшим героям.

Смена акцентов приводит к тому, что некоторые идеи книги остаются невостребованными в экранизации. Тем самым обедняется идейное содержание. Любая экранизация предполагает отсев сюжетных линий, персонажей, деталей, но в рассматриваемом случае этот отсев приводит к однобокости сюжета.

Сопоставление романа Луис Лоури и его экранизации позволяет сделать вывод о тенденциях развития жанра молодежной антиутопии. Это присутствие Системы, которой противостоит герой, наличие харизматичного антагониста, способного нарушать ее правила, рубежный возраст главного героя и особым образом акцентированная романтическая линия. «Дающий» написан как классическая антиутопия, несколько смягченная с учетом возраста предполагаемой аудитории. «Посвященный» же обнаруживает культурные трансформации, произошедшие за два десятилетия и выделившие молодежную антиутопию в отдельный жанр.

Литература

1. Тузовский И. Д. Образ будущего в современных социокультурных концепциях : автореф. дис. … канд. культурологии / И. Д. Тузовский. – Челябинск, 2009. – 27 с.

2. Чаликова В. А. Утопический роман: жанровые и автобиографические источники современных антиутопий и дистопий (обзор) / В. А. Чаликова // Социокультурные утопии XX в.: Реф. сб. / ИНИОН. – М., 1985. – Вып. 3. – С. 92-166. Режим доступа: http://www.fandom.ru/about_fan/chalikova_4.htm

Т.Э. Куницкая, студ. ф-та славянских и германских языков
БГУ (Барановичи, Беларусь)
Науч. рук. – к.пед.н. доц. Т.М. Пучинская

МАСТАЦКАЯ ЗНАЧНАСЦЬ ДАКУМЕНТАЛІСТЫКІ Ў ПРОЗЕ С. АЛЕКСІЕВІЧ

Святлана Алексіевіч – беларуская пісьменніца, чыё імя вядома ў шматлікіх краінах свету. Яна піша рускамоўную прозу, актыўна выкарыстоўваючы дакументалістыку. У сваёй творчасці С. Алексіевіч паслядоўна раскрывае высокі мастацкі патэнцыял дакументальных матэрыялаў. Ёй, магчыма, лягчэй працаваць з дакументалістыкай, бо па прафесіі яна журналіст.

У жанравых адносінах творы С. Алексіевіч вызначаюць як «літаратуру факта», «дакументальнае самадаследаванне», «вусную гісторыю», «магнітафонную літаратуру», сама пісьменніца называе іх «жанрам галасоў» [5, с. 192-193]. Вырашальны ўплыў на творчасць С. Алексіевіч аказаў А. Адамовіч і яго кнігі «Я – з вогненнай вескі» (Я. Брыль, А. Адамовіч, У. Калеснік) і «Блакадная кніга», напісаная сумесна з рускім пісьменнікам Д. Граніным. Пісьменніца гаварыла ў інтэрв'ю: «Я доўга шукала сябе, хацела знайсці нешта такое, што наблізіла б да рэальнасці... І гэты жанр (прозы на аснове магнітафонных запісаў, распрацаваны А. Адамовічам з сааўтарамі) – жанр чалавечых галасоў, споведзяў, сведчанняў і дакументаў чалавечай душы імгненна быў мною прысвоены» [6, с. 217].

Дакументальная літаратура імкнецца да максімальнай дакладнасці адлюстраванага. Прыярытэтнае значэнне набывае дакумент, які ўспрымаецца як адэкватнае адлюстраванне жыцця [3, с. 6]. Выкарыстоўваючы дакументальныя матэрыялы, С. Алексіевіч выяўляе перш за ўсё хроніку чалавечых пачуццяў. Яе кнігі паслядоўна складваюцца ў мастацка-дакументальны летапіс гісторыі душы савецкага і постсавецкага чалавека. Галасы-споведзі ў творах С. Алексіевіч гучаць мацней, чым любы дакумент. Па словах пісьменніцы, дакументы могуць падмануць, а чалавечая душа раскажа ўсё, што яна адчула і перажыла. С. Алексіевіч кожны твор піша 4-7 гадоў, сустракаецца з людзьмі і запісвае 500-700 галасоў, якія неўзабаве складуць чарговую кнігу. Галасы «ўваходзяць» у душу чытача, прымушаюць яго глыбока перажываць людскія трывогі, стаць удзельнікам апісаных падзей. У гэтым заключаецца галоўная мастацкая значнасць яе «жанру галасоў».

Першая кніга – «У вайны не жаночае аблічча» – у жанрава- тэматычных адносінах непасрэдна працягвае і развівае традыцыі дакументальна-мастацкай ваеннай прозы А. Адамовіча. З дня вялікай перамогі прайшлі дзесяцігоддзі, але з вышыні часу подзвіг народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны бачыцца яшчэ больш шматгранна. С. Алексіевіч робіць акцэнт на тым, што жанчыны актыўна ўдзельнічалі ў змаганні, на франтах ваявала больш за мільён жанчын. «На самой страшной войне XX века женщине пришлось стать солдатом… Она убивала врага... "Не женская это доля – убивать"» [2, с. 1].

У кнізе гучаць галасы жанчын, якія расказваюць пра сваю вайну. Мужчыны гаварылі пра сілу духу, а жанчыны – пра тое, як страшна выстраліць у чалавека, як жудасна ісці па полі, дзе ляжаць забітыя. «Мужчина, он мог вынести. Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю» [2, с. 1]. Перад чытачом паслядоўна разгортваецца галерэя вобразаў жанчын-удзельніц вайны. «Мария Ивановна Морозова (Иванушкина), ефрейтор, снайпер: Война началась, мне было неполных восемнадцать лет… Стали учиться. Изучали уставы – гарнизонной службы, дисциплинарный, маскировку на местности, химзащиту... По окончании курсов огневую и строевую я сдала на “пять”» [2, с. 3].

Мужчыны не верылі, што жанчыны могуць ваяваць нароўні з імі, але жыццё пераканала ў іншым: «Командир, как сейчас помню, полковник Бородкин, он увидел нас, рассердился: девчонок мне навязали…

Назавтра заставил показать, как умеем стрелять, маскироваться на местности. Полковник пришел, ходит осматривает поляну, потом стал на одну кочку – ничего не видно. И тут “кочка” под ним взмолилась: “Ой, товарищ полковник, не могу больше, тяжело”. Ну, и смеху было! Он поверить не мог, что так хорошо можно замаскироваться. “Теперь, – говорит, – свои слова насчет девчонок беру обратно”» [2, с. 3].

Жанчыны ваявалі не горш за мужчын, застаючыся пры гэтым жанчынамі: «Наши разведчики взяли одного немецкого офицера, и он был крайне удивлен, что в его расположении выбито много солдат и все ранения только в голову. Простой, говорит, стрелок не может сделать столько попаданий в голову. “Покажите,– попросил, – мне этого стрелка, который столько моих солдат убил…”. Командир полка говорит: “К сожалению, не могу показать, это девушка-снайпер, но она погибла”… И что ее подвело – это красный шарф. Она очень любила этот шарф. А красный шарф на снегу заметен, демаскировка. И вот когда немецкий офицер услышал, что это была девушка, он голову опустил, не знал, что сказать…» [2, с. 4]. Чырвоны шалік, які каштаваў жанчыне жыцця, у С. Алексіевіч становіцца запамінальнай мастацкай дэталлю, якая глыбока ўзрушвае чытача, адначасова выклікае пачуццё смутку за смерць і гонару за подзвіг жанчыны.

Пасля вайны ў жанчын пачалася барацьба іншага характару, змаганне за сваё жаночае існаванне: «Вернулась, и все надо было начинать сначала. В туфлях училась ходить, на фронте же три года в сапогах» [2, с. 5].

С. Алексіевіч дадае новыя рысы дакументальна-мастацкага характару ў асэнсаванне мужнасці народа, выяўляючы гераізм дзяўчынак 16-18 год, якія ішлі на фронт.

Другая кніга С. Алексіевіч – «Цынкавыя хлопчыкі» – твор пра вайну, невядомую і схаваную ад народа, пра змаганне савецкіх салдат у Афганістане. Пра сапраўдны маштаб трагедыі людзі здагадваліся па цынкавых трунах, якія прыходзілі з чужой далёкай краіны. Каб напісаць кнігу «Цынкавыя хлопчыкі», С. Алексіевіч ездзіла ў Афганістан. Кніга выклікала ў грамадстве небывалае ўзрушэнне, палярнасць крытычных ацэнак, аднак галасы тых, хто меў дачыненне да Афганскай вайны, не пакінулі чытачоў раўнадушнымі..

Трэцяя кніга – «Чарнобыльская малітва» – апавядае пра супрацьстаянне людзей нябачнай пагрозе. Чарнобыль стаў канцэптам мыслення сучасных беларускіх пісьменнікаў, імі створаны значны корпус твораў на дадзеную тэму ў самых розных жанрах. С. Алексіевіч на прыкладзе Чарнобыльскай трагедыі ў чарговы раз раскрыла высокі мастацкі патэнцыял выкарыстання дакументальных матэрыялаў. Як і папярэдняя кніга, «Чарнобыльская малітва» выклікала рэзананс не толькі ў Беларусі, якая апынулася ў цэнтры трагічных падзей, але і ў свеце. Дакументальныя факты, прадстаўленыя ў кнізе, сведчанні «галасоў» выклікаюць адчуванне непасрэднай эмацыянальнай далучанасці да

трагічных падзей, узнікае безліч пытанняў пра вытокі катастрофы. Рэалістычнасць, дакладнасць аповеду спалучаецца з высокай эмацыянальнасцю. Калектыўная споведзь, якая складаецца з шэрагу галасоў, гучыць як рэквіем па ахвярах Чарнобыля. Для напісання гэтай кнігі, як і папярэдніх, С. Алексіевіч некалькі гадоў ездзіла, каб распытаць людзей розных прафесій, лёсаў, характараў пра іх агульную трагедыю.

С. Алексіевіч, спасылаючыся на дакументальныя сведчанні, доказы, імкнецца перадаць псіхалагічнае аблічча чалавека, выявіць глыбіню яго душэўных перажыванняў: «Мой факт – не падзея, а пачуццё, а сюжэт – жыццё. Я пішу гісторыю пачуццяў з надзеяй, што чалавек заўсёды хоча прачытаць пра іншага чалавека, а не пра вайну або Чарнобыль» [1, с. 38].

Кнігі С. Алексіевіч унікальныя паводле сабранага дакументальнага матэрыялу і эмацыянальнасці ўздзеяння на чытача. Праўдзівасць, пераканаўчасць, высокая ступень пачуццёвасці яе твораў пераконваюць у высокіх мастацкіх магчымасцях дакументалістыкі.

Літаратура

1. Алексиевич С. В поисках вечного человека / *С. Алексиевич* // Вопросы литературы. – 2000. – № 1. – С. 37 – 43.

2. Алексиевич С. У войны не женское лицо / С. Алексиевич. – М. : Время, 2013. – 352 с.

3. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра : учеб. пособие / Т. Г.Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.

5. Сучасная літаратура: каардынаты ідэйна-мастацкага пошуку / С. А. Андраюк [і інш.] ; навук. рэд. В. М. Стральцова. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – С. 190-225.

6. Алексіевіч С.А. Чарнобыльская малітва. Хроніка прышласці: дак. аповесць. – Мінск: РГАЛМФ «Гронка», 1999. – С. 216-220.

В.В. Кучин, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. Т.А. Тернова

ОСОБЕННОСТИ СКАЗОВОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПОВЕСТИ Л. ЛЕОНОВА «ЗАПИСИ КОВЯКИНА»

Творчество Леонида Максимовича Леонова все чаще и настойчивее привлекает внимание исследователей, и тому немало причин. По замечанию Я. Минмина, «среди крупных русских писателей он единственный, кто воплотил свойственные XX веку формы художественного сознания, начиная с дореволюционных времен (первая его публикация – 1915 год), заканчивая рубежом столетий (последняя публикация – роман «Пирамида» – 1994 год). Сквозь его творчество прослеживаются глобальные катастрофические события и деформации, свойственные русской истории и литературе» [5, с. 3].

Как отмечает Н. В. Сорокина, «с выходом в свет “Пирамиды” все предшествующие книги автора воспринимаются как отдельные этапы длившейся на протяжении десятилетий работы по освоению огромного материала – истории России XX века в контексте человеческой истории [8, с. 127]. Тот же исследователь указывает на то, что обращение к последнему роману Леонова «располагает к обязательному анализу перекличек со всем предшествующим творчеством писателя». Подтверждением этому тезису служат слова самого Леонова: «Литературоведам следовало бы писать о сквозных линиях в книгах» [8, с. 127].Таким образом, обращение к ранней прозе писателя закономерно.

«Записи Ковякина» в рецепции критики, на наш взгляд, – тема, которая сама по себе могла бы стать объектом научного исследования. Хотелось бы обратить внимание

на одну из важных проблем, отмечаемых исследователями в связи с этой повестью. Проблема заключается в том, что по замечанию Т. М. Вахитовой, «леоноведение в течение восьмидесяти лет упорно отрицало существование источника леоновской повести». [4, с. 71] Этот же исследователь указывает на важный факт – «в последних исследованиях проскочило имя Поликарпова, упоминаемое в связи с “Записями Ковякина”. Удалось найти эту тоненькую книжечку одоевского купца, изданную тем не менее в Петербурге. Она состоит из двух разделов: стихотворений и автобиографии. Стихотворения почти все носят ритуально-праздничный или ритуально-похоронный характер» [4, с. 71]. Мы не считаем необходимым подробно сопоставлять эти тексты ради поиска соответствий и т.д. и отсылаем к цитировавшейся выше статье, однако, на наш взгляд, вполне целесообразно выделить некоторые моменты, связанные с расхождениями, которые помогают понять творческую логику Леонова.

Как уже было указано выше, многие из затронутых Поликарповым тем есть и в «Записях Ковякина». Однако**, во-первых**, «если Леонов и ориентировался на этот текст, то он не просто подвергался коренной переделке, он обрастал огромным количеством мелких фактов и не упоминаемых Поликарповым. Он становился монументальным, более фантастичным, более символическим» [4, с. 73]. **Во-вторых**, повесть Леонова имеет совершенно иную композицию. Она начинается с предисловия, в котором сообщается об исчезновении автора записок, а мотив исчезновения здесь очень важен для Леонова, ведь, как замечает биограф писателя З. Прилепин, «по первоначальному замыслу Леонова он (то есть Ковякин) и должен был объявиться в “Барсуках” в качестве предводителя восставшего мужичья» [7, с. 174]. **В-третьих**, «у Леонова встречаются в тексте стихотворения гротесково-фантастического звучания, которые в реальном тексте Поликарпова даже невозможно вообразить» [4, с. 73]. **В-четвертых**, для Леонова характерна совершенно иная интерпретация тем (яркий пример – глава «Повешение колокола к Богоявлению»). Стоит отметить исходный мотив случайности, принимающий в «Записях Ковякина» характер трагический и гротесковый. Среди критических отзывов следует выделить слова Бахтина: «Язык и стиль этого произведения определяются личностью Ковякина. <…> У Леонова язык и стиль соответствуют миру, который он изображает» [3, с. 386].

Помня, что «в теории повествования нет другого столь же многозначного и покрывающего столь же различные явления термина, как сказ» [9, с. 186], попытаемся тем не менее выделить его характерные черты.

В работе «Поэтика сказа» авторы начинают свое исследование с замечания о «нейтральной повествовательной норме». Фиксируя свое внимание на этом понятии, исследователи замечают, что «литература время от времени порождает художников, которые словно бы разучиваются писать «как все», «как принято», отказываются от традиционной правильности поэтического языка». С чем же связан этот уход от правильности, и чем он объясняется?

По замечанию исследователей, возникающее время от времени «равнодушие» тех или иных прозаиков к правильной литературной речи довольно четко локализуется во времени. «Тут и 30-40-е годы XIX века, и пореформенная эпоха, и период между двумя революциями (1905–1917 годы), и первое послереволюционное десятилетие, и конец 60–70 – начало 70-х годов нашего века» [6, с. 7]. Сказ занимает свое место в литературе в периоды кризисов, переломов или же в «спокойные» годы, отмеченные, однако, «активизацией духовной жизни, ростом общественного самосознания» [6, с. 7].

По утверждению Бахтина, «далеко не при всякой исторической ситуации последняя смысловая интонация творящего может непосредственно выразить себя в прямом, не преломленном, безусловно, авторском слове. Когда нет собственного “последнего” слова, всякий творческий замысел, всякая мысль, чувство, переживание должны прелом-

ляться сквозь среду чужого слова, чужого стиля, чужой манеры, с которыми нельзя непосредственно слиться без оговорки, без дистанции, без преломления» [2, с. 271].

Необходимо отметить специфику сказовой формы повествования. Ее определяет прежде всего характер отношений между рассказчиком и автором (под автором здесь понимается «некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение» [6, с. 3]). В сказе автор как субъект речи не выявлен. Субъектом речи является повествователь, и по отношению к автору его речь воспринимается как «чужая». Таким образом, в сказе, будь он двунаправленным или однонаправленным, обязательно должна сохраняться двухголосость, которая выражает несведенность рассказчика и автора. Субъект речи отдален от стоящего за ним автора и тяготеет к тому, чтобы дистанция между ним и автором или увеличивалась, или по крайней мере сохранялась.

Сказ, представленный в «Записях Ковякина», можно было бы, пользуясь классификацией Эйхенбаума, определить как «повествующий», то есть отражающий характер и кругозор рассказчика. Однако не стоит забывать об авторе. Еще в 20-е годы Шкловский заметил, что «сказ мотивирует второе восприятие вещи. Получается два плана. 1. : То,что рассказывает человек… 2. : То, что как бы случайно прорывается в его рассказе» [6, с. 26]. «То, что как бы случайно прорывается» есть результат целеустремленных усилий автора, который формально оказывается отодвинутым на второй план, но при этом продолжает сохранять господствующую позицию. Автору приходится воздействовать на читателя преимущественно косвенно, например, через организацию событий в сюжетно-композиционной структуре.

Несомненно, сказ «Записей Ковякина» разнонаправленный, то есть «оценки автора и рассказчика лежат в разных плоскостях, не совпадают. <...> Лицо автора скрыто, и отношение автора к рассказчику вырастает из того, что и как рассказывает о себе он сам» [6, с. 18]. По замечанию исследователей, «Леонов берет от сказа возможность остраненного видения мира через “чужое” сознание, изнутри наполняя “чужое” собственно авторской символикой» [6, с. 219]. Самораскрытие героя происходит по законам исповедальной прозы: на первом плане психология души рассказчика. Остраненность видения не заслоняет для читателя того факта, что главную роль в повествовании играет не рассказчик, а автор, которого интересует психология героя. Общественные события объективно заслоняют фигуру рассказчика. Вполне естественно при этом, что сознание автора «поглощает» сознание рассказчика.

Если же говорить о самой фигуре рассказчика, то здесь очень заметно ироническое отношение Леонова. Несмотря на то, что герой сначала может показаться «резонером», человеком, смотрящим с определенной высоты на описываемый им быт и нравы и, хоть и «косноязычно», но рефлексирующим, однако на самом деле он такая же составляющая этого мира, как и другие. Это очень убедительно демонстрируется Леоновым в ироническом описании борьбы Ковякина с суевериями. «Суеверия наши до ужасного смехотворства доходят… если спорыньи толченой на пороге у жениха в Крещенье посыпать… он умирает в страшных мучениях. Меня прямо даже смех душит. Я даже попробовал это на одном человеке из незначащих…» [1, с. 363]. Это отмечалось Бахтиным: «Что касается постановки героя, то у Леонова герой настолько вкраплен в фон, что не отличается от него; герой дан в вещном окружении» [3, с. 387]. Можно отметить и некоторое несоответствие образа героя с его ролью «носителя правды».

Можно сделать вывод, что в произведениях Леонова 1922–1924 гг. «представлено сознание в состоянии кризиса, порожденного столкновением традиционного мышления о мире с нетрадиционной действительностью <…> форма сказа, будучи «чужим языком», в наилучшей степени позволяет передать ощущение живого присутствия того, что ушло или должно отойти» [5, с. 21].

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Сов. писатель, 1963. – 362 с.

2. Бахтин М. М. Записи курса лекций по истории русской литературы / М. М. Бахтин // Соч.: в 7 т. – М., 2000. – Т. 2. – С. 213-412.

3. Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова / Т. М. Вахитова. – СПб. : Наука, 2007. – 317 с.

4. Леонов Л. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. Леонов. – М. Книж. Клуб Книговек, 2013. – Т. 1. – 768 с.

5. Минмин Я. Некоторые стилевые традиции в ранней прозе Л. Леонова (1921–1924): автореф. дис. … канд. филол. наук / Я. Минмин. – СПб, 2004. – 21 с.

6. Мущенко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик. – Воронеж. : Издательство Воронежского университета, 1978. – 286 с.

7. Прилепин З. Подельник эпохи: Леонид Леонов / З. Прилепин. – М. : Астрель, 2012. – 831 с.

8. Сорокина Н. В. Рассказ «Петушихинский пролом» и роман «Пирамида» Л. М. Леонова: к вопросу об истоках последнего романа писателя / Н. В. Сорокина // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. – СПб., 2002. – С. 127-133.

9. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

И.М. Мандрикова, студ. ф-та славянских и германских языков
БГУ (Барановичи, Беларусь)
Науч. рук. – к.пед.н. доц. Т.М. Пучинская

АВАНТУРНА-ПРЫГОДНІЦКІ ЖАНР У ПРОЗЕ ЛЮДМІЛЫ РУБЛЕЎСКАЙ

Жанр прыгод у сусветнай літаратуры пачынае сваю гісторыю з такіх твораў, як «Іліяда» і «Адысея» Гамера. Аднак авантурна-прыгодніцкая літаратура ў сучасным тэрміналагічным значэнні сфарміравалася ў сярэдзіне XIX стагоддзя на хвалі рамантызму і неарамантызму. Значны ўклад у станаўленне жанру ўнеслі такія майстры прозы, як А. Дзюма, Р. Сцівенсан, Г. Хаггард, Т. Рыд, Ж. Верн.

Імя першаадкрывальніка прыгодніцкага жанру ў беларускай літаратуры належыць Янку Маўру. Яго аповесць пра першабытнага чалавека, і ў нечым пра першаадкрывальніка, «Чалавек ідзе», паклала пачатак гэтаму жанру ў беларускай літаратуры. Рамантычнай скіраванасцю, высокай мастацкай культурай і патрыятызмам вылучаюцца гісторыка-прыгодніцкія творы Уладзіміра Караткевіча, які называў сябе беларускім А. Дзюма. Асаблівае месца сярод яго твораў займае раман «Хрыстос прызямліўся ў Гародні», у якім аўтар змясціў «цэлы набор» прыкмет класічнага прыгодніцкага рамана – гэта і інтрыгуючы сюжэт з нечаканымі развязкамі, і дэшыфроўка тэкстаў, і пагоні, і бойкі, і каханне. Майстрамі авантурна-прыгодніцкага жанру ў беларускай літаратуры выступаюць Леанід Дайнека, Павел Місько, Андрэй Федарэнка, Алесь Наварыч, Вольга Тарасевіч і іншыя пісьменнікі.

Адметнае месца ў прыгодніцкай прозе 2000-х гадоў займаюць творы Людмілы Рублеўскай, у якіх нярэдка сучаснасць пераклікаецца з мінулым. Героі яе кніг разгадваюць таямніцы беларускай гісторыі, шукаюць скарбы, самаахвярна змагаюцца і за Радзіму, і за каханне. І, безумоўна ж, акунаюцца ў прыгоды [1, с. 6]. Л. Рублеўская

актыўна звяртаецца да авантурна-прыгодніцкага жанру, у якім асаблівае месца належыць беларускай гісторыі. Як і У. Караткевіч, Л. Рублеўская імкнецца папулярызаваць канцэпт Беларусь, выкарыстоўваючы дынамічны прыгодніцкі сюжэт, інтрыгу, рамантыку ўчынкаў персанажаў.

Гераіня аповесці «Сэрца мармураванага анёла» мастацтвазнаўца Кася, у рукі якой падчас пошуку «каштоўных экспанатаў» у адным з правінцыйных краязнаўчых музеяў трапляе чорная жамчужына каралевы Боны, заўважае: «Люблю вандраваць. Часам гэтая схільнасць ублытвае мяне ў авантурныя падзеі…» [2, с. 118]. Авантуры і вандраванні з'яўляюцца дамінантай многіх празаічных твораў Л. Рублеўскай.

Яркімі ўзорамі твораў прыгодніцкага жанру з'яўляюцца раманы «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію» і «Сутарэнні Ромула». У гэтых раманах раскрываецца беларуская гісторыя падчас рэпрэсій 1920-х – 1930-х гг. Дзеля дасягнення «нежартоўнай» мэты аўтар звяртаецца да «гульнёвага» арсеналу літаратуры. Так, «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію» – «раман-інструкцыя», кампазіцыйна выбудаваны як своеасаблівы «квест», што складаецца з набораў нумараваных элементаў «Удзельнік…», «Абсталяванне для гульні», «Гульня», «Па-за гульнёй», «Фінальная гульня», «Эпілог» [1, с. 6]. Героі-ігракі «фізічна» перамяшчаюцца з Мінска 2000-х у Мінск 1933 г. праз своеасаблівы «прагал» у часавай прасторы. Л. Рублеўская піша: «Раман «Забіць нягодніка» – самы цяжкі для мяне эмацыйна, бо перачытала сотні дакументаў часоў сталінскіх рэпрэсій… Пратаколы допытаў, лісты зняволеных, успаміны ацалелых… Немагчыма было выкарыстаць многія факты – бо нармальны чалавек не паверыць, што такое магло быць у рэальнасці, спіша ўсё на хворую аўтарскую фантазію. Здаралася, я прыдумвала нейкую дэталь – а яна пацверджвалася пасля дакументальнымі фактамі…» [2, с. 357].

«Сутарэнні Ромула» – раман-лабірынт, тэкст-сутарэнні [4, с. 3], адметная жанравая структура якога не вытлумачаецца толькі праз «калажавае» счапленне разнастайных элементаў. У адрозненне ад «паралельных» хранатопаў папярэдніх твораў Л. Рублеўскай у «Сутарэннях Ромула» розныя часавыя пласты (XV і XVI стагоддзі, пачатак XIX, першая палова XX, пачатак XXI стагоддзяў) не чаргуюцца па прынцыпе «чарапіцы», а як бы зрошчваюцца ў раўназначнае цэлае, прарастаюць адно ў адным – і «высвечваюцца» адно праз аднаго. Пры гэтым сучаснасць паўстае прасторай, што складаецца са своеасаблівых «локусаў», скрозь якія да сённяшніх насельнікаў Шэрых Будынін (у адной з іх знаходзіцца выдавецтва «Сокал-прынт», дзе пакутліва адбывае рэдактарскую «правіну» Ася Вяжэвіч) і Шэрых Гмахаў (у падобным месцы знаходзіцца кабінет гісторыка Данілы Корб-Варановіча) «прарываюцца» адметныя пасланні. «Шматслойная» рэальнасць, у якой існуюць героі рамана, аказваецца толькі адной з сюжэтных калізій кнігі, якую піша-пражывае «вядомы аўтар беларускага фэнтэзі» Вячка Скрыніч і дзейнымі асобамі якой становяцца Ася і Даніла. Паказальна, што ўдзельнікі рэканструкцыі-расследавання, гісторыі дзіўнага «антаганізму» Корб-Варановічаў і Вяжэвічаў адказы на «спрадвечныя беларускія» пытанні шукаюць у антычнай міфалогіі: «… усё пачынаецца з двух братоў… Юрыя і Язэпа Варановічаў. <…> Два браты, дзве царквы… Пад зямлёй і на зямлі. Класічная падвоеная беларуская існасць. Паводле легенды малодшы брат, Язэп, забіў старэйшага. Потым пабудаваў царкву Святога Язэпа <…> У аснове – пазнавальны міф пра Ромула і Рэма» [4, с. 318].

Сапраўдныя прыгодніцкія інтрыгі чакаюць чытачоў у прыгодніцка-фантасмагарычнай трылогіі Л. Рублеўскай пра Пранціша Вырвіча. Па словах Л. Рублеўскай, спачатку планавалася напісаць «невялікую вясёлую аповесць» [5, с. 10], якая неўзабаве перарасла ў прыгодніцка-фантасмагарычны раман «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега». Тлумачэнне жанравых асаблівасцей твора знаходзім у

прадмове да яго: «Бо хаця ў ім дастаткова дакладных звестак – ажно да колькасці вояў у полацкай харугве – ёсць і шмат фантазіі» [5, с. 10].

У першай кнізе трылогіі «Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега» гаворка ідзе пра збеглага вучня Менскага езуіцкага калегіюма Пранціша Вырвіча і доктара Баўтрамея Лёдніка з Полацка, якіх лёс заносіць у сутарэнні Слуцка, Мінска і Полацка. Яны выратоўваюць цудоўную даму Сільфіду, здабываюць дзіду Святога Маўрыкія, а таксама б'юцца за свой чалавечы гонар і за Радзіму. Л. Рублеўская надзяляе сваіх герояў тыповымі рысамі характару людзей эпохі, адлюстраванай у творы, – XVIII стагоддзя. У слове «Ад аўтара» Л. Рублеўская выказвае спадзяванне, «што прыгоды Пранціша Вырвіча і Баўтрамея Лёдніка дапамогуць… яскрава ўявіць Беларусь стагоддзя авантурыстаў і прыгоднікаў» [5, с. 10]. У творы адчуваецца шматвобразны свет Вялікага княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай. Вандроўкі герояў па краінах Еўропы дазваляюць выразна ўявіць каларыт эпохі XVIII стагоддзя.

У сваёй прыгодніцкай трылогіі Л. Рублеўская звяртаецца да тыпажу герояў шляхецкага паходжання, і ў гэтым яе пісьменніцкая пазіцыя блізкая творчасці У. Караткевіча. «Шляхецкае слова» для Пранціша Вырвіча і Лёдніка не «пусты гук», абодва героі ў самых складаных сітуацыях прытрымліваюцца нормаў паводзін шляхетных адукаваных людзей. Пісьменніца акцэнтуе ўвагу на XVIII стагоддзі, якое звычайна атаясамліваецца з чароўнымі дамамі, палацамі, вынаходніцтвамі, інтрыгамі і крывавымі войнамі. Пранціш і Лёднік – героі-авантурысты, людзі сваёй эпохі. Рысы Асветніцтва выразна прадстаўлены ў вобразе Лёдніка, лекара, алхіміка, мудрага, разважлівага чалавека, разам з тым схільнага да авантурных учынкаў.

У другой кнізе, «Авантуры студыёзуса Вырвіча», Пранціш становіцца студэнтам Віленскай акадэміі. Героі (Пранціш Вырвіч і Лёднік) вандруюць праз усю Еўропу XVIII стагоддзя, выблытваюцца з магнацкіх інтрыг вакол трона Рэчы Паспалітай. У авантурныя падзеі героі трапляюць менавіта праз вандраванні ў многіх творах Л. Рублеўскай. Вандраванні не толькі надаюць сюжэту яе твораў дынамічнасць, але і выяўляюць развіццё характару герояў, шматграннасць іх асобы. Вачамі герояў-вандроўнікаў чытач бачыць не толькі Беларусь, але і іншыя краіны свету. У прыгодніцкай трылогіі вандраванне адбываецца ў геаграфічнай прасторы, а ў вышэйназваным рамане «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію» яшчэ і ў часе.

У трэцяй кнізе «Пранціш зробіцца драгунам і будзе здзяйсняць свае подзвігі ў першыя гады царавання Станіслава Аўгуста Панятоўскага» [5, с. 10].

Л. Рублеўская – сапраўдны майстар авантурна-прыгодніцкага жанру ў сучаснай беларускай літаратуры. Разважаючы над сур'ёзнымі пытаннямі беларускай гісторыі розных часоў і эпох, яна робіць яе блізкай, даступнай, цікавай для шырокага кола чытачоў. Займальнасць і павучальнасць, рамантычнасць і дакладнасць вызначаюць адметнасць аўтарскага слова Л. Рублеўскай. Яе творы пераконваюць у тым, што ў беларускай гісторыі дастаткова арыгінальных сюжэтаў для цікавых прыгодніцкіх кніг.

Літаратура

1. Грушэцкі А. Далёкія астравы, згубленыя скарбы / А. Грушэцкі // Літаратура і мастацтва. – Мінск : СПБ, РВУ «Звязда», 14 лістапада 2014. – № 45. – С. 6.

2. Мінзер М. З росных сцяжын: аўтабіяграфіі пісьменнікаў Беларусі / уклад. М. Мінзер. – Мінск : Літаратура і мастацтва, 2009. – 464 с.

3. Рублеўская Л. І. Сэрца мармураванага анёла / Л. І. Рублеўская. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 427 с.

4. Рублеўская Л. І. Сутарэнні Ромула: раманы / Л. І. Рублеўская. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 520 с.

5. Рублеўская Л. І. Авантуры Пранціша Вырвіча, шкаляра і шпега : раман прыгодніцкі і фантасмагарычны / Л. І. Рублеўская. – Мінск : Рэдакцыя газеты «Звязда», 2012. – 272 с.

Меделбек уулу Нурматбек, студ. ВУНЦ ВВС «ВВА» (Воронеж)
В.А. Щукина, к.филол.н. доц. ВУНЦ ВВС «ВВА» (Воронеж)

КИРГИЗСКИЕ КУУ КАК ФОРМА БЫТОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

Киргизский народ издавна славился своей музыкальностью. Еще в 630 г. китайский путешественник Сюань Цзян (602-664), проезжая по территории современной Киргизии, восхищался очаровательной музыкой, которую слышал во время пиров. В XXI веке народная инструментальная музыка остается неотъемлемой частью киргизской культуры. Без нее не обходится ни одно торжественное событие как государственного масштаба, так и личного плана.

При этом одним из наиболее значимых жанров киргизской народной инструментальной музыки является куу (кюи) – инструментальная пьеса, исполняемая на комузе, кыл кыяке и темир ооз комузе во время национальных праздников и обрядов. По традиции куу предшествует вступительное слово, в котором объясняется, по какому случаю сложена пьеса. Некоторые куу сопровождаются пояснительным текстом на всем своем протяжении. Так возникает своеобразная музыкально-литературная композиция, которая способствует привлечению внимания слушателя, помогает ощутить историческую преемственность поколений.

Ведущую роль куу в формировании национального самосознания подчеркивает киргизская поговорка «Кюи – душа народа, кюи – крылья человека». Действительно, куу можно считать уникальной формой бытования культурной памяти как «сферы культуры, где сплетаются традиция, историческое сознание, “мифомоторика” и самоопределение» [1, с. 24] киргизского народа.

Тематически куу неоднородны: некоторые отсылают слушателя к древнему киргизскому эпосу «Манас» и его ключевым образам, другие – к знаковым для киргизского народа историческим событиям.

Куу первого типа особенно распространены. Это связано с огромной популярностью эпоса «Манас», который «представляет собой наиболее полное и широкое художественное отображение многовековой борьбы киргизского народа за свою независимость, за справедливость и счастливую жизнь» [2, URL]. Древний киргизский эпос изобилует достойными воспевания персонажами, поэтому в центре куу часто оказывается один из них. Образы «Манаса», послужившие основой для создания народных инструментальных пьес, можно классифицировать следующим образом:

1) мужские (богатырь Манас, сын Манаса Семетей),

2) женские (жена Манаса Канык ей, мать Манаса Чыйырды),

3) анималистические (конь Аккула, белый кречет Акшункар, собака Кумайик).

Среди мужских образов куу наиболее популярен Манас, который «наделен всеми чертами идеального богатыря, предводителя войск народной дружины» [2, URL]. Примечательно, что в качестве эпитетов для него служат названия самых сильных и страшных зверей: арстан (лев), каблан (леопард), сырттан (гиена), кёкджал (сивогривый волк).

В сознании киргизов Манас превращается в собирательный образ героя, становится олицетворением лучших качеств киргизского народа.

Что касается женских образов, то они представлены в куу, прежде всего, фигурой Каныкей – жены Манаса. В ней органически сочетаются материнские и патриотические чувства. Как верно замечает Б. М. Юнусалиев, Каныкей «не только мать, воспитывающая в сыне честность, беспредельную любовь к родине, но и самоотверженная женщина, готовая идти на жертвы во имя интересов народа» [2, URL].

Особый слой куу связан с анималистическими образами «Манаса», среди которых выделяется конь Аккула. Это неудивительно, учитывая культовый характер фигуры коня в сознании киргизов. Согласно народной поговорке, «киргиз рождается и умирает на лошади». Так, в эпосе «Манас» и в инструментальных пьесах богатырь и его конь описываются как единое целое. Аккула – это образ друга, верного товарища. Не случайно в киргизском эпосе подчеркивается, как сильно Манас горевал после смерти своего неразлучного и мудрого Аккулы во время битвы в Бээджине (Пекине).

Однако, несмотря на преобладание в куу образов из легендарного «Манаса», в киргизской народной музыке большую роль играет и другой тематический пласт инструментальных пьес, который связан с описанием особенно важных для Киргизии исторических событий. Чаще всего такие куу посвящены уркуну 1916 года – восстанию среднеазиатских народов Российской империи во время Первой мировой войны против российских властей и русских крестьян-переселенцев. Уркун в сознании киргизов является уникальным героическим событием недавнего прошлого, подчеркивающем храбрость и свободолюбие народа. Примечательно, что куу, воссоздающие эпизоды «Манаса», и куу, посвященные уркуну, создаются с единой целью «батыризации» (героизации) киргизского народа. Инструментальные пьесы показывают, что героические черты присущи киргизам с древности до настоящего времени. Другими словами, куу призваны воспитывать гордость за национальную принадлежность.

С этой целью культурная память киргизского народа при помощи куу обращается к «фиксированным моментам в прошлом» [1, с. 54]. Причем она не только воссоздает «события в абсолютном прошлом» [1, с. 58] («Манас»), но и апеллирует к «памяти поколения» [1, с. 52] (Уркун). В куу прошлое «сворачивается <…> в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [1, с. 54].

Интересно, что и музыкальные инструменты, на которых исполняются куу, тоже отсылают к мифической древности. Например, создателем трехструнного щипкового комуза считается древний киргизский охотник Камбар, который, по преданию, стал первым комузистом – мастером игры на комузе. Двухструнный смычковый кыл кыяк и «металлический комуз» (темир ооз комуз) также тесно связаны с традицией. Технология изготовления этих музыкальных инструментов не меняется на протяжении веков, во многом является культовым действом.

Не менее важная роль отводится «носителю традиции» [1, с. 59] – исполнителю куу – народному певцу-импровизатору акыну, который предстает хранителем культурной памяти киргизского народа. Наиболее талантливых акынов киргизы помнят и почитают. Среди них Токтогул Сатылганов (1864–1933), Калык Акиев (1883–1953), Карамолдо Орозов (1883–1960) и другие.

Таким образом, киргизские куу представляют собой запечатленную в мелодической форме историю народа. В этих инструментальных пьесах заложен ответ на важный вопрос «Чего нам нельзя забыть?» [1, с. 30]. Храня и передавая память о прошлом, куу определяют национальную идентичность и самопонимание киргизов.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

2. Юнусалиев Б. М. Кыргызский героический эпос «Манас» [Электронный ресурс] / Б. М. Юнусалиев // Байджиев М. Сказание о Манасе: Поэтическое переложение первой части трилогии кыргызского эпоса «Манас». – Б. : Бийиктик, 2010. – URL: http://literatura.kg/articles (дата обращения: 11.11.2014).

В.И. Рылко, студ. ф-та славянских и германских языков
БГУ (Барановичи, Беларусь)
Науч. рук. – ст.преп. О.М. Шавель

ГІСТАРЫЗМЫ І АРХАІЗМЫ ЯК СТЫЛІСТЫЧНЫ СРОДАК У РАМАНЕ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА «КАЛАСЫ ПАД СЯРПОМ ТВАІМ»

Уладзімір Караткевіч – заснавальнік гістарычнай тэмы ў беларускай літаратуры. Проза пісьменніка «вызначаецца рамантычнай акрыленасцю і жыццёвай дакладнасцю, мастацкай культурай і патрыятычным пафасам, надзвычайнай пазнавальнасцю і гуманістычным зместам» [5, с. 1].

Ва ўмовах, калі пачала цалкам дыскрэдытавацца гістарычная тэма, пісьменнік звярнуўся да яе, бо добра ўсведамляў, якія «шляхі злучаюць мінулае з будучым, чалавека з людзьмі і народамі» [2, с. 3].

Даследчыкі (М. Арочка, Г. Лябёдка, А. Русецкі, В. Шынкарэнка і інш.) лічаць, што творчасць У. Караткевіча ўяўляе сабой у многім «спробу рэканструкцыі» такога роду эпічнасці, у якой выяўляецца народны менталітэт і народная эстэтыка, паўстае ў гераізаваным абліччы народны ідэал. Творы пісьменніка дастаткова поўна даследаваны на літаратуразнаўчым узроўні. У апошні час увага даследчыкаў усё часцей звяртаецца на асаблівасці мовы тэкстаў. Так, Г.Ф. Андарала падкрэслівае, што «асаблівай рысай для У. Караткевіча з'яўляецца ўжыванне гістарызмаў, напрыклад: *мушкецёрскае войска, порцік, фасад, эскорт, лорд, земская школа, перст,* прычым у творах абсалютна не гістарычных, а таксама – словаў гутарковага стылю мовы, напрыклад: *адваліла, прападаю ў бібліятэцы, абрыдла, выкладваюць, падкідвае, валіла, валачы, мяне туды занесла*» [1, с. 22].

Гістарызмы ўжываюцца ў сучаснай мове тады, калі ёсць патрэба назваць прадметы і з'явы мінулага. Найчасцей яны сустракаюцца ў дапаможніках і навуковых працах па гісторыі, а таксама ў мастацкіх творах пра мінулае.

Гістарызмы на падставе прадметна-паняційных прыкмет даследчыкамі аб'яднаны ў чатыры групы, прыклады якіх знаходзім у рамане «Каласы пад сярпом тваім»:

1) грамадска-палітычная лексіка,

2) сацыяльна-эканамічная лексіка,

3) ваенная лексіка,

4) бытавая лексіка.

Г. Лябёдка, А. Яскевіч адрозніваюць лексічныя і семантычныя архаізмы. Лексічныя архаізмы ў сваю чаргу падзяляюцца на тры групы. Прыклады розных разнавіднасцей лексічных архаізмаў знаходзім у рамане пісьменніка:

1) лексіка-словаўтваральныя архаізмы – гэта словы з якой-небудзь устарэлай марфемай(прыстаўкай ці суфіксам): *Потым унізе пыхнула губа, а за ёю кнот тоўстай і высокай, у рост хлопца, чырвонай свячы ў нізкім свечніку* [4]. *Яны стаялі ля свечніку* [4] – *падсвечнік*уі інш.;

2) лексіка-фанетычныя– словы, што страцілі асобныя значэнні: – *Пакуль не скончыцца жывот людскі на зямлі* [4] – *жыццё*і інш.;

3) уласналексічныяархаізмы – словы, устарэлыя ва ўсіх сваіх значэннях:*А ліст з аказіяй прыйшоў, з верным чалавекам* [4]; *Хто саступаў, хто не заступіў адрожка, хто затрымаў карбач*[4]; *Ложа стаяла пасярэдзіне альтанкі*[4] і інш.

Часцей у змесце аўтарскага тэксту знаходзім прыклады ўстарэлых слоў наступных семантычных груп:

1. Назвы рэлігійных паняццяў: *Пралятаціяангелы смерці* [4] – *ангелы*і інш.

2. Назвы адзення і абутку: *І якраз у гэты момант з'явіўся ў дзвярах Алесь у мярэжанай пад народны густ – сарочцы, сініх шальварыкахі чырвоных кабціках* [4] – *шараварах, кабаціках* і інш.

3. Назвы прадметаў паўсядзённага ўжытку: *А рукі ў гэты час тарганулі з зямлі граблі і шпурнулі іх у аконама* [4] – *граблі* і інш.

Некаторыя ўстарэлыя словы, якія сустракаюцца ў рамане «Каласы пад сярпом тваім» не тлумачацца з дапамогай слоўніка. У. Караткевіч прыводзіць сам тлумачэнні такіх слоў, напрыклад: *Жом*[10] – выжымкі бульбы або бурака [4].

Сустракаюцца ў рамане словы, якія супадаюць па гучанні і напісанні з сучаснымі, але маюць іншую семантыку. Так, напрыклад, У. Караткевіч ужывае слова *корд* у іншым значэнні, якое падаецца ў ТСБМ: *На манежнай пляцоўцы ганяліна кордзе коней* [4].

У «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы» гэтае слова мае два значэнні, адрозныя ад таго, якое падае аўтар:

Корд – 1. Моцныя кручаныя ніткі з баваўнянага або хімічнага валакна, якія скарыстоўваюцца для спецыяльных тэкстыльных вырабаў.

2. Сорт шарсцяной тканіны ў рубчык [3, с. 341].

Некаторыя ўстарэлыя словы, ужытыя ў рамане, аўтар выкарыстоўвае ў пераносным значэнні, напрыклад: *Дакуль будзеш ты рабыняй, зямля*?! [4]; *Ты ідзі глянь, як у Магілёве лупалаўскія кажамякі жывуць*![4] і інш.

Раман У. Караткевіча «Каласы пад сярпом тваім» дае багаты матэрыял для даследавання гістарычнай лексікі беларускай мовы. Пісьменнік даволі часта звяртаецца да ўстарэлай лексікі як да сродку выразнасці мастацкай мовы.Умелае выкарыстанне У. Караткевічам гістарызмаў і архаізмаў у рамане «Каласы пад сярпом тваім» дапамагае стварыць атмасферу другой паловы XIX стагоддзя.

Літаратура

1. Андарало Г. Ф. Устаревшая лексика в исторических произведениях Вл. Короткевича: автореф. дис. … канд. филол. наук / Г. Ф. Андарало. – Мн., 1993. – 129 с.

2. Белая А. І. Фарміраванне гісторыка-патрыятычнай свядомасці школьнікаў пры вывучэнні твораў У. Караткевіча [Тэкст] : вучэб.-метад. дапаможнік для студэнтаў выш. навучальн. Устаноў / А.І. Белая. – Баранавічы : РВА БарДУ, 2011. – 104 с.

3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. вып. 1-9 / склад. І. У. Будзько [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – Мн. : Бел. навука, 1982 – 1989.

4. Караткевіч У. Каласы пад сярпом тваім [Электронны рэсурс] / У. Караткевіч // Быў. Ёсць. Буду. – 2013. – Рэжым доступу: http://www.uladzimir-karatkevich.com/bibl/bel/raman/k1-3.html. – Дата доступу: 22.12.2014. – Загал. з экрана.

5. Юркевіч Г. А. [Электронны рэсурс] / Г. А. Юркевіч // Тэлеком-экспрэс. – 2012. – Рэжым доступу: http://express.skif.by/index.php/stati/kultura/52-prysvyachaetstsa-uladzimiru-karatkevich. – Дата доступу: 22.12.2014. Загал. з экрана.

Е.В. Стерликова, студ. историко-филологического ф-та

Борисоглебского ф-ла ВГУ (Борисоглебск)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Т.В. Федорова

ТРАНСКУЛЬТУРНОСТЬ ЭССЕИСТИКИ: «ЗАПИСКИ У ИЗГОЛОВЬЯ» СЕЙ СЕНАГОН И «ОПЫТЫ» М. МОНТЕНЯ

Феномен эссеизма в литературе различных культур имеет свои собственные, особенные черты. Каждое творение подобного рода позволяет взглянуть на эпоху, современную автору, и на культуру в целом сквозь призму субъективизма. Эссеизм в литературе остается явлением мало изученным. Оно является многогранным и неоднозначным. Это интегративный процесс в культуре, который, переходя границы жанровости, становится как бы наджанровым. Эссе соединяет в себе бытийную достоверность, идущую от документа, мыслительную обобщенность, идущую от философии, образную конкретность и пластичность, идущую от литературы. Эссе – частью признание, как дневник, частью рассуждение, как статья, частью повествование, как рассказ [4, с. 5-16].

Основоположником жанра признан французский философ Мишель де Монтень (1533–1592), опубликовавший книгу «Les Essais» (фр. essai – очерк, попытка, проба). Книга состоит из серии сочинений, по сути представляющих из себя поток мыслей, размышления автора на ту или иную тему. В дальнейшем ее особенности послужили ориентиром для писателей этого жанра. Несколько позже своим сочинениям, написанным подобным образом, Фрэнсис Бэкон впервые в английской литературе дал название essays (англ.) Развитию эссеистики содействовали в Англии Дж. Эддисон, Г. Филдинг, во Франции – Дидро и Вольтер, в Германии – Г. Лессинг и И. Гердер. Эссе было основной формой философско-эстетической полемики у романтиков и романтических философов (Г. Гейне, Р. Эмерсон, Г. Торо).

В западно-европейской культуре эссе насчитывает уже более четырехсот лет существования, однако в японской культуре сочинения подобной формы (дзуйхицу) появляются уже через несколько веков после возникновения японской письменности. Первым памятником жанра считаются «Записки у изголовья» Сей Сенагон (конец X начало XI веков). К феномену эссе в японской литературной традиции относят авторские собрания коротких новелл, описаний природы, рассуждений, кратких заметок по разным поводам, перечислений предметов, объединенных автором по какому-либо одному признаку. [1, с. 4] Слово «дзуйхицу» пришло в Японию из Китая и буквально переводится как «вслед за кистью». Писать «следуя кисти» означало, повинуясь движению души, записывать все что приходит на ум. Этот жанр можно сравнить так же с приемом «потока сознания» в литературе. Принцип ненамеренности и спонтанности в японском искусстве тесно связан с представлениями о творчестве как «нетворчестве». «Вслед за кистью» означало не сотворить, а выявить, уловить движения души и природы, отразить скрытую красоту вещей в присущей ей мимолетности.

«Записки у изголовья» были написаны в середине эпохи Хэйян, в период правления юной императрицы Садако. Изначально автором он был задуман как интимный дневник. Оригинальный экземпляр не сохранился, однако сборник вошел во множество списков, в которых насчитывается около трехсот дан (яп. с*тупень*) — глав. В заключительном дане «Записок» Сей Сенагон описывает возникновение идеи их написания. Когда императрице преподнесли в дар тетрадь, она спросила, что можно было бы записать в нее. На что фрейлина ответила: «Я бы взяла ее для своих интимных записок», – после чего тетрадь была передана ей. «*В эту тетрадь я записывала в те дни,*

когда я скучала вдали от двора, все, что я видела, и все, что я думала, вполне уверенная, что навряд ли ею кто-нибудь заинтересуется…» [3, с. 204]

Все многообразие дан, различных по тематике, стилю и величине можно разделить на три категории, исходя из типов изложения или типов пассажей. Нарративные, некоторые из которых представляют собой вполне законченные новеллы, как правило, содержат различные ситуации из жизни императорского двора (дан «В царствование императора Мураками…») и жизни самой писательницы. Даны дескриптивного типа отражают видение автором тонких особенностей окружающих явлений, будь то что-то прекрасное или напротив, вызывающее негативные чувства или эмоции. К подобным относится самый первый дан «Весною – рассвет», в котором описано лучшее, по мнению писательницы, время суток для каждого сезона: *«Летом – ночь ... Осенью – сумерки ... Зимою – раннее утро ...»* [3, с.13-14]. Третий тип дан, пожалуй, самый многочисленный, – даны перечислительные, озаглавленные, как правило, схожим образом: «То, что внушает опасения», «То, от чего веет чистотой», «То, что поражает слух сильнее обычного». Особенность записей этого типа заключается в том, что в нем содержатся лишь названия явлений или предметов, объединенных автором по признаку, указанному в заглавии:

«То, что выглядит на картине хуже, чем в жизни» Гвоздики. Аир. Цветы вишен. Мужчины и женщины, красоту которых восхваляют в романах. [3, с.110]

«То, что выглядит на картине лучше, чем в жизни» Сосны. Осенние луга. Горное селенье. Тропа в горах. [3, с.110]

Помимо трех основных, встречаются даны, совмещающие сразу несколько типов пассажей («Новогодние празднества»), или даны, носящие характер дневниковых хронологических записей. Из последних, например, мы узнаем приблизительные даты начала и окончания служения при императорском дворе (990– 1004 гг.)

Довольно сложно абстрагироваться от авторского «я» при прочтении данного произведения. Это, естественно, обусловлено тем, что записи изначально имели задумку дневниковых, интимных и имеют сугубо субъективную оценку происходящего. Повествование во многих из них ведется от первого лица. Несмотря на это, произведение остается актуальным по прошествии тысячелетия, а многие записи имеют транскультурный характер и могут вызвать живой отклик в душе читателя любой эпохи и национальности.

Сборник эссе совершенно другой эпохи и другой культуры под названием «Опыты» Монтеня имеет ряд схожих со своим древним предшественником черт. Как и Сей Сенагон, автор обращает внимание на интимность записей, исключительный их субъективизм и предназначенность для очень узкого круга. Однако здесь же мы видим первое и разительное отличие: в противовес Сей Сенагон, стремящейся словом запечатлеть момент происходящего вовне, М. Монтень подчеркивает, что творение призвано заключить в себе его собственную сущность, его личностные черты и особенности. Оно должно служить как бы посмертным слепком с его натуры: *«Назначение этой книги – доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в близком будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них создалось обо мне»* [2, с. 5].

Композиция книги в целом производит впечатление бессистемности; отдельные главы – самостоятельные эссе – не выстраиваются ни в тематической, ни в логической последовательности, переходы между ними подчиняются, кажется, только авторскому капризу. Смысловое содержание текста также реализуется по принципу «потока

сознания». Монтень открывает читателям свои философские («О том, что философствовать – значит учиться умирать»), исторические («О Катоне младшем»), этические («О силе нашего воображения»), педагогические («О воспитании детей»), религиозные и другие взгляды. Эссе Монтеня представляют собой развернутые дискурсы, сочетающие в себе различные типы пассажей.

В отличие от японских дзуйхицу, эссе автора отличаются своей объемностью, многословностью, обилуют вводными словами *(итак, в общем, впрочем и т. п.)* Практически в каждом эссе М. Монтень использует цитаты великих философов, деятелей науки, политиков в качестве отправной точки для развития мысли или подкрепления своего суждения, тогда как Сей Сенагон, в свою очередь, прибегает к диалогической речи, дабы отразить реальную ситуацию из жизни. Как и у японской предшественницы, многие произведения эссеистики (у Монтеня 87 из 107 его «опытов») носят названия с аналогичным началом. В западно-европейской литературной традиции это предлог «о»: «о запахах», «о боевых конях» и т.д.. Как и «То, что…» в «Записках у изголовья», предлог «о» предлагает некий угол зрения на то или иное явление. «Предмет эссе … рассматривается не в упор, как в научном сочинении, а сбоку, служит предлогом для разворачивания мысли, которая, описав полный круг, возвращается к самой себе, к автору как точке отбытия и прибытия» [4, с. 5-16].

Таким образом, можно выделить несколько схожих признаков феномена эссе для представителей двух совершенно разных эпох и культур:
во-первых, четкая и нестандартная позиция автора, что требует от него определенного жизненного опыта, высокого интеллектуально уровня, эрудированности, самостоятельного и оригинального мышления. Во-вторых, ярко выраженная авторская интенциональность, которая реализуется на всех уровнях языка: лексическом, синтаксическом, стилистическом. В-третьих, объективно-субъективный способ подачи информации. В-четвертых, подача информации от первого лица – наиболее распространенный способ повествования в эссе.

Литература

1. Гореляд В. Н. Дневники и эссе в японской литературе / В. Н. Гореляд. – М. : Наука, ГРВЛ, 1975. – 386 с.
2. Монтень М. Опыты / М. Монтень. – Т. 1. – «Терра-terra», 1996.
3. Сей Сенагон. Записки у изголовья. – Харьков, Литера Нова, 2011.
4. Эпштейн М. Все эссе / М. Эпштейн. – У-фактория. – 554 с.

Е.С. Стрельникова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Н.И. Копылова

ХОДАСЕВИЧ-ПУШКИНИСТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ СТАТЕЙ)

Многие поэты начала XX века видели А.С. Пушкина в числе своих главных предшественников и потому активно исследовали его творчество. Широко известны работы Анны Ахматовой, статьи Дмитрия Мережковского, эссе Марины Цветаевой и, конечно же, многочисленные работы известного поэта и мемуариста Владислава Ходасевича. Работы Ходасевича и являются предметом нашего анализа, а именно – научные принципы подхода Ходасевича к изучению творчества Пушкина.

В ряде своих работ разных лет Ходасевич задается вопросом: с каких позиций необходимо исследовать творчество Пушкина? По нашим наблюдениям за ходом его размышлений, Ходасевичем высказаны основные принципы литературоведческой работы, которые он считал главными для любого литературоведа. Этих принципов он придерживается и в своей литературоведческой работе. Перечислим же эти принципы.

1. Ходасевич считал, что при изучении Пушкина естествен **субъективный исследовательский момент**. Иными словами, при стремлении к объективному анализу исследователь имеет право на некоторую субъективность. Наибольшее внимание этому вопросу уделено в речи Ходасевича «Колеблемый треножник» [2, URL], произнесенной в Доме литераторов 14 февраля 1921 года: *«Подобно тому, как художник, и геометр, и ботаник, и физик в одном предмете вскрывают различные ряды свойств, так и в творениях Пушкина разные люди усматривают разное - с равными на то основаниями»* [2, URL].

2. Второй принцип, высказанный Ходасевичем - **принцип биографизма**. Для верного толкования произведения литературовед обязан знать факты биографии автора. Особенно подробно об этом принципе Ходасевич говорит в статье «Пушкин в жизни» [4, URL] 1927 года: *«Пушкин всегда возбуждал и будет возбуждать интерес не только как поэт, но и как человек. <…> Потому-то едва ли не каждый исследователь <…> в конце концов фатально становился <…> его биографом. <…> Есть у Пушкина вещи, без "биографии" просто непостижимые или постижимые как раз неверно, до полного искажения»* [4, URL].

3. Третья позиция, с которой нужно изучать творчество Пушкина, – позиция психолога. Для верного толкования произведения литературовед обязан знать и авторские особенности мышления, мировоззрения, характера. Иными словами, в исследовании ученого важную роль должен играть **психологизм**. Вот как пишет об этом Ходасевич в статье «О пушкинизме» [3, URL] 1932 года: *«Проникнуть внутрь творческого процесса, как бы дохнуть воздухом, которым дышал Пушкин, проследить ход его мысли, угадать чувство, не только открыто вложенное им в стих, но иногда и утаенное, - все это совершенно необходимо для того, чтобы понять Пушкина во всей полноте»* [3, URL].

Мы проанализировали работы сборника Владислава Ходасевича «О Пушкине» [5, URL] 1937 года. Совокупность вышеназванных принципов мы обнаружили в каждой статье этого сборника. Данные принципы Ходасевич воплотил и в уже отмеченной ранее статье «Пушкин в жизни» [4, URL] 1927 года, где Ходасевич критикует одноименную книгу В.В. Вересаева именно за изрядную долю вымысла и «сплетен», т.е. за фактическое отступление от биографизма. Цитирую: «*Самое примечательное в его книге - это ее метод, возникший из неестественного желания представить Пушкина - без творчества, а биографа лишить права на критическую обработку материала»* [4, URL].

Интересно, что вышеозначенных принципов Ходасевич часто придерживался не только в литературоведческой, но и в поэтической работе. Наиболее показательно в этом плане стихотворение под названием «27 мая 1836 года» [1, URL]. Уже в названии мы видим обращение Владислава Фелициановича к биографии Пушкина, последний день рождения которого был 26 мая 1836 года. Выступая в качестве психолога, Ходасевич демонстрирует читателю настроение поэта при вступлении в роковой для него 37-ой год жизни. *«Уж и мечта, и жизнь – обуза / Не по плечам»,* [1, URL] – говорит лирический герой стихотворения, словно предчувствуя свой скорый конец. Субъективный же момент наблюдается в самом лирическом сюжете: из биографии Пушкина доподлинно неизвестно, чем в свой последний день рождения занимался поэт, хотя другие его дни рождения описаны современниками достаточно подробно. Вынеся в название стихотворения не саму дату рождения поэта (26 мая), а дату следующего дня (27 мая), Ходасевич избежал фактической ошибки, которая при отсутствии данных о времяпрепровождении Пушкина в свой день рождения заключалась бы в литературоведческом домысле.

Вернемся же к сборнику работ Ходасевича «О Пушкине» [5, URL] 1937 года. Кроме воплощения своих литературоведческих принципов, Владислав Фелицианович в статьях этого сборника обратился к частным вопросам пушкинской поэзии, т.е. к поэтике пушкинских текстов. Определенные лейтмотивы пушкинского творчества прослеживаются на разных уровнях: слова (статья «Пора!» [5, URL]), образа, мотива (статьи «Явления Музы» [5, URL], «Бережливость» [5, URL], «Отъезды, отлеты, исчезновения» [5, URL], «Художник» [5, URL], «Наполеон» [5, URL]), рифмы (статьи «Истории рифм» [5, URL]), звука (статья «Излюбленные звуки» [5, URL]), языка (статья «Бережливость» [5, URL], «Перечисления» [5, URL]) и т.д.

Мы не можем не отметить, что Ходасевич работал в эпоху (20-30-е годы), когда в литературоведении главенствовала формальная школа, а далее – так называемый вульгарный социологизм. Рассматривая форму художественного произведения изолированно от его идеи, темы и содержания, формалисты (а точнее – наиболее радикальные из них) видели в произведениях литературы лишь совокупность приёмов построения сюжета, новых сочетаний слов, изобретение новых ритмов, рифм и пр.. Вульгарный социологизм же видел свою цель в разоблачении писателей и художников прошлого как служителей господствующих классов. С этой точки зрения, каждое произведение искусства, даже особенности строения фразы, метафоры, ритм и прочее, – зашифрованная идеограмма одной из общественных групп, борющихся между собой.

И формализм, и вульгарный социологизм в разной их степени были важны для дальнейшего литературоведения, но в их рамках в литературоведческих работах связь произведения с психологией и биографией его автора не устанавливалась. Ходасевич же, выступая в качестве художника, анализирующего творчество другого художника (Пушкина), как раз акцентировал внимание на этом, следуя принципам традиционного литературоведения 19 века.

Тонкий литературовед и пушкинист, Владислав Фелицианович как никто другой осознавал важность фигуры Пушкина для всей последующей русской литературы. В речи «Колеблемый треножник» [2, URL], произнесенной в Доме литераторов 14 февраля 1921 года, Ходасевич сказал: *«О, никогда не порвется кровная, неизбывная связь русской культуры с Пушкиным. <…> Отодвинутый в "дым столетий", Пушкин восстанет там гигантским образом»* [2, URL]. В рамках своей литературоведческой работы Ходасевич подчеркнуто внимательно рассматривал каждый элемент пушкинских произведений, придерживаясь принципов биографизма, психологизма и допуская естественный субъективный момент, т.е. оставаясь в рамках традиционного литературоведения XIX века. Важно отметить, что подавляющее большинство положений, высказанных Влади-

славом Ходасевичем в его статьях, было принято современной литературоведу пушкинистикой, и Ходасевич занял одно из почетнейших мест среди исследователей пушкинского наследия.

Литература

1. Ходасевич В. Ф. «27 мая 1836» («Оставил дрожки у заставы…»). Викитека - свободная библиотека [Электронный ресурс] / В. Ф. Ходасевич. – Электрон. текстовые дан. – 2003-2015. – URL : https://ru.wikisource.org/wiki/27_мая_1836_(Ходасевич), свободный.

2. Колеблемый треножник. Владислав Ходасевич [Электронный ресурс] / В. Ф. Ходасевич. – Электрон. текстовые дан. – 2004-2015. – URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0118.shtml, свободный.

3. О пушкинизме. Владислав Ходасевич [Электронный ресурс] / В. Ф. Ходасевич. – Электрон. текстовые дан. – 2004-2015. – URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0130.shtml, свободный.

4. «Пушкин в жизни» (по поводу книги В. В. Вересаева). Владислав Ходасевич [Электронный ресурс] / В.Ф. Ходасевич. – Электрон. текстовые дан. – 2004-2015. – URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0730.shtml, свободный.

5. Ходасевич В. Ф. О Пушкине [Электронный ресурс] / В. Ф. Ходасевич. – Электрон. текстовые дан. – 2004-2015. – URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0980.shtml, свободный.

В.В. Четверикова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. Г.Ф. Ковалев

УКРАИНИЗАЦИЯ МИРОВОЙ СКАЗКИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ФРАНКО

Многие писатели стремятся запечатлеть своё детство созданием сказки. Выдающийся украинский писатель и общественный деятель И. Франко тоже хотел оставить после себя сказки. Однако цель его была более грандиозная – создать новый литературный язык, которым могли бы пользоваться все украинцы. И сказка должна была показывать, каким этот язык должен быть. Для этой цели И. Франко решил перевести на украинский язык сказки народов мира, адаптировав их и приспособив для украинского читателя, и создал целый сборник «Когда еще звери говорили», который составили переводы индийских, арабских, греческих, сербских, немецких и русских сказок о животных. Этот сборник создавался на протяжении двух лет, а опубликован был в 1898 году. Сборник поражает разнообразием персонажей, однако одним из самых популярных является лиса.

Это совсем неудивительно, поскольку она обитает практически везде. Однако восточнославянские народы всегда представляли лису как существо женского пола. Такого персонажа, как «лис», не найти в нашем фольклоре, лисичка же – один из самых популярных героев. Достаточно заглянуть в сборник А.Н. Афанасьева, чтобы убедиться в этом. Она и «сестричка», и «кума», «исповедница», «повитуха», «плачея» и т.д. Для западного народного творчества, наоборот, наиболее характерно мужское обличие этого животного: например, литературный цикл о *Лисе-Ренаре*, который развивался с XII по XIV век (Франция, Голландия, Германия), образ лиса *Чарли* в английском фольклоре, сказки Братьев Гримм («Der Wolf und der Fuchs»(Лис и Волк), «Der Fuchs und die Gdnse» (Лис и гуси), «Der Fuchs und die Katze» (Лис и Кошка) и т.д.).

Интересно то, что гендерная позиция лисы в русском фольклоре придает этому образу еще дополнительное значение вздорной жены. Поэтому при переводе восточнославянских сказок на английский язык, когда желали сохранить этот оттенок значения,

лисичку-сестричку, к примеру, переводили как *Sister Vixen*. Украинский исследователь Н.В. Грицак пишет, что английская фольклорная традиция, за которой стоит персонифицированное сказочное существо – *the Fox* – Лис, делает форму *Sister Fox* не вполне адекватной для передачи сложного образа. Поэтому переводчик ищет путь более точного его воплощения, а *vixen* – это самка-лисица и употребляется в переносном значении как «сварливая жена» [1].

Для украинского фольклора характерны образы как лисы, так и лиса. Культура восточной Украины восходила к русской традиции, западная же обращалась к наследию европейских стран. Талантливые авторы, выросшие на западе Украины, одним из которых является И.Я. Франко, с детства впитывали зарубежную (в особенности австрийско-немецкую и венгерскую) культуру с её персонажами, сюжетами и т.д., поэтому и появляется феномен изменения гендера персонажа при переводе и художественной адаптации сюжетов.

Весьма показательной является сказка Ивана Франко «Лис и Дрозд» [6, с.86-92.], которая является собственно переводом сказок «Звери в яме» из сборника Афанасьева [3]. Сложена она из двух сказок с одинаковым названием и в значительной степени украинизирована. Это проявляется и на уровне сюжета, и на уровне описания пейзажа, и на уровне персонажей. Франко придавал этому большое значение в обработке мировых сказок. Он хотел не просто перевести произведение, а сделать известный сюжет народным достоянием, раскрасить чужой заимствованный рисунок национальными красками [5, с.16]. Следует заметить, что автор своей цели добился. Многие сказки, созданные И.Франко, действительно вошли в мировую литературу как собственно украинские, благодаря его мастерству.

Немного коснемся изменений на уровне персонажей. Лиса здесь уступает месту Лису, и, аналогично, эпизодический персонаж – свинья становится Кабаном. И появляется целый ряд второстепенных персонажей, которых мы коснемся, подробно разбирая сюжет.

В сказке мы видим две сюжетные истории, которые делят её на условные части. В первой части, в которой звери попадают в яму, разворачивается жестокая игра на смерть. Хитрый Лис, который, кстати, сам предлагает правила и меняет их при необходимости (когда чувствует, что может погибнуть), выходит сухим из воды. Изменения в завязке сказки незначительны. Кабан идёт на ярмарку в Киев, а у Афанасьева свинья «*идет в Питер богу молиться*» или в лес желуди есть.

Перерабатывая сюжет сказки далее, И. Франко производит решающие изменения, которые в значительной степени повлияют на её идею. Лис, оставшийся после игры на выживание в яме без пищи, заводит беседу с Дроздом и просит вытащить его из ямы, накормить, напоить, рассмешить и напугать. В русском оригинале совсем другая последовательность и напугать лиса не просит. У Афанасьева дрозд приносит курицу и воду лисе, пока она сидит в яме. Однако Франко в своей адаптации делает образ дрозда более реалистичным и естественным.

В украинском варианте Дрозд, вытащив Лиса из ямы (наполнив её веточками деревьев), кормит его особенным образом, применяя свою находчивость. Он прикидывается немощным и больным (намочив перья в луже, обвалявшись в песке) и приманивает своим видом бабу, которая несет полдник для своего мужа. Она (в надежде обрести игрушку в виде птички для своих детей) оставляет свою корзинку на дороге и пытается поймать птицу. Лис в это время поглощает содержимое кувшинов, разливая то, что ему не удалось съесть (принцип, характеризующий отрицательную сторону украинского характера – «*Що не з'їм– то понадкушую*»). Изобретательность Дрозда поражает и в истории с водой. Дрозд провоцирует мужчину, везущего воду для полива капусты, ударить по своей бочке. В надежде согнать надоедливую птицу мужик ударяет по своей бочке. Вода проливается, и Лис напивается вдоволь. Вернемся к афанасьевскому оригиналу.

Последнее задание там – рассмешить. Дрозд здесь выступает хитрецом, который своим голосом приманивает сторожевых собак, разрывавших лисицу на части. Смешно оказалось не лисе, а самому дрозду. Слушатель может сделать из этой сказки следующий вывод: любой хитрец будет наказан судьбой с помощью другого хитреца.

Совсем иной смысл сказка получает в интерпретации И. Франко. Образ дрозда в украинском варианте сказки отличается бесхитростностью. Дрозд просто добросовестно исполняет поручения Лиса, применяя свою находчивость, не преследуя цели навредить своему врагу. Он действительно смешит Лиса, перемещаясь по телу уже знакомого нам мужика, Дрозд побуждает его сына всеми способами пытаться согнать птицу. Мальчик наносит отцу различные увечья, Лис веселится. Напугать же зверь просит его сам. Дрозд здесь – абсолютно миролюбивый персонаж, «изобретательный простачок», который в начале сказки строил гнездо, чтобы в скором времени вывести птенцов. Он приманил псов, которые и умертвили Лиса. Выходит, он перехитрил себя сам. Это позволяет И. Франко закончить сказку пословицей: «*Таке-то, бачите: хто хитрощами та підступом воював, той від підступу й погиб*». Толковый словарь обозначает слово «*підступ*» как 'злой умысел, прикрытый показной доброжелательностью' [4, с.509]. Можно сказать, что Лис погиб от собственного коварства. Он хотел как можно больше пользы извлечь от услуг на все готового, напуганного угрозой убийства Лисом своих будущих детёнышей, Дрозда, но сам себя перехитрил.

Сказки о животных тесно сопряжены с басней в творчестве И. Франко. Алексей Дей, исследуя творчество Франко-фольклориста, отмечает, что его интересовала в этих жанрах не столько история их путешествий или источники происхождения, сколько их общественно-воспитательное значение в конкретных условиях жизни народа. В последней сказке из рассматриваемого нами сборника, которая называется «Басня про басню» («Байка про байку»), автор как раз и рассуждает о морально-эстетическом назначении сказки и басни в жизни её рассказчиков и слушателей. «Не тим цікава байка, що говорить неправду, – писал он, – а тим, що під лушпиною сеї неправди криє, звичайно, велику правду. Говорячи ніби про звірів, вона одною бровою підморгує на людей...» («Не тем интересна басня, что говорит неправду, а тем, что под шелухой этой неправды скрывает, обычно, большую правду. Говоря будто про зверей, она одним глазом подмигивает на людей»). И далее указывал, что эти простые сельские сказки, как мелкие, тонкие корешки, укореняют в душе ребенка любовь к родному слову, его красоте, простоте и чарующей благозвучности. Тысячи вещей в жизни человек забудет, но те мгновения, когда любимая мама или бабушка рассказывала ему сказки, он будет помнить всю свою жизнь [2].

Таким образом, Иван Яковлевич Франко не только обогатил фонд украинской литературы путем художественной обработки лучших образцов «звериного эпоса», тем самым закладывая основы украинского литературного языка, но и приложил все творческие усилия к воспитанию молодого поколения украинцев, адресуя свои сказки детям, будущему нации.

Литература

1. Грицак Н. В. Бичок-третьячок англійською мовою // URL: http://kulturamovy.univ.kiev.ua

2. Дей О. І. Сторінки з історії української фольклористики / О. І. Дей. – Київ : Наукова думка, 1975. – 272 с. – URL : http://proridne.com.

3. Звери в яме // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : В 3 т.т. – М.: Наука, 1984-1985. – Т. 1. – 1984. – С. 41-43.

4. Словник української мови : В 11 т.т. / АН УРСР. Інститут мовознавства [за ред. І.К. Білодіда]. – К. : Наукова думка, 1970—1980. – Том 6, 1975.

5. Франко І. Передмова Лис Микита / І. Франко // Зібрання творів в п’ятидесяти томах.– Т. XXV, «Рух».

6. Франко Іван. Зібрання творів в п’ятидесяти томах / Іван Франко. – Київ : «Наукова думка», 1976-1986. – Т. XX – 1979 – С.86-92.

СЕКЦИЯ
«ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ»

А.В. Есина, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец).
Науч. рук. – к.пед.н. доц. Н.В. Осипова

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Давно замечено, что языки не могут обходиться собственными лексическими средствами, не заимствуя из других языков. Слова одного языка способствуют развитию лингвистической системы другого языка, добавляя к его ресурсам свои. Лексическая сторона языка непосредственно связана с отражением в языке внешнего и внутреннего мира человека. Контактируя, народы обмениваются продуктами жизнедеятельности, новыми технологиями, идеями. В свою очередь языком заимствуются слова для наименования понятий, явлений и вещей. С помощью перехода языковых элементов одного языка в другой происходит взаимодействие культур.

В процессе заимствования пересекаются языковая и концептуальная картины мира языка-источника и языка-реципиента. Это ставит перед исследователями новую задачу: определить, заимствуются ли только лексемы, или происходит переход определенных представлений и реалий из одной культуры в другую. Для решения данной задачи следует проследить процесс заимствования, который проходит в несколько этапов. Первый этап – это причинно-следственные связи заимствований. Требуется получить ответ на вопрос, почему определенное слово перешло в лексический состав другого языка. Существуют экстралингвистические и лингвистические причины заимствований.

Экстралингвистические причины могут быть как частного, так и общего характера. К ним относятся:

1) наличие устных или письменных контактов стран с различными языками;
2) взаимодействие между языком завоевателей и завоеванных;
3) исторически обусловленное увлечение определенных социальных слоев культурой какого-либо народа, повышение интереса к изучению того или иного языка;
4) заимствование какого-то предмета или понятия из другой культуры

К *лингвистическим* причинам относятся:

1) отсутствие в языке слова для обозначения нового или явления;
2) тенденция к использованию одного слова вместо описательного оборота;
3) потребность к детализации определенного значения;
4) потребность устранить полисемию исконного слова [2, с. 296].

Особый интерес представляет классификация французского лингвиста Пьера Гиро, который разделяет уже заимствованные слова по следующим признакам:

А) заимствования «понятия и вещи» (un emprunt du nom et de la chose): наличие таких заимствований оправдано наличием «лексических дыр» в словаре заимствующего языка, т.е. отсутствие в нем слова для описания какого-либо понятия. Так заимствовано

большинство терминов и названий различных видов спорта: *le volley-ball, le tennis, le football, etc*;

B) заимствования «понятия без вещи» (un emprunt sans la chose). В данном случае берется только иностранная оболочка слова, без заимствования предмета или явления, т.к. называемый предмет присутствует в заимствующем языке. Такие слова воспринимаются слушателем/читателем как чужеродные. Во французском языке такими словами являются, например, *week end, baby, nurse, insane, barman, leader, living room, match*; вместо: *fin de la semaine, bŭbŭ, bonne d'enfant, insense, garʒon, chef, salle de sŭjour, competition*;

C) заимствование только предмета или «вещи без понятия» (un emprunt sans le nom) можно охарактеризовать как слово, составленное из элементов языка-реципиента по примеру заимствованного слова. Например, во французском языке есть лексема *baladeur,* которая заменяет английское *walkman* (портативный плеер).

Следующий этап – это освоение слова, т.е. его адаптация к лексической системе языка-реципиента. Выделяют фонетическую, грамматическую, лексическую и орфографическую ассимиляцию заимствований [2, с. 297]. Фонетическая ассимиляция связана с изменениями в произносительной форме слова и ударении. Так, во французском языке адаптация гласных звуков в словах, заимствованных из германских языков, неравномерна. Несмотря на то, что гласные заимствованного слова заменяются гласными французского языка, более или менее близкими по звучанию, все-таки они сильно отличаются от изначальных звуков. Например, английский звук [ʌ] в словах *club* и *lugger* передается во французском по-разному: в первом случае при помощи звука [њ], во втором звуком [u] [3, с. 151].

При грамматической ассимиляции заимствованное слово характеризуется приобретением новых грамматических категорий по аналогии с языком-реципиентом. Например, в английском языке сложные по структуре заимствования подвергаются опрощению. Так, старофранцузское *s'auntrer* переходит в *saunter*: окончание инфинитива *-er* становится частью основы в английском языке. Французское возвратное местоимение *s'* стало неотделимой частью основы.

При лексической ассимиляции или семантической адаптации происходит изменение в значении слова. Если заимствующее слово содержит семантические компоненты, противоречащие языковой картине мира, то возникает некоторое недопонимание. Тогда слово под воздействием новой языковой картины мира меняет свое первоначальное значение. Так, английское *carcass* изначально было заимствовано из старофранцузского языка в значении «*туша животного, готового к разделке*». С течением времени это слово приобрело второе, на данный момент основное, значение: «*каркас здания, корабля, мебели*».

Иногда с некоторым временным разрывом слово претерпевает изменения в результате двух противоположно направленных процессов: изначально слово подстраивается под концептуализацию мира, характерную для заимствующего языка, а затем приобретает новое значение, заимствованное из иноязычного восприятия мира. Так, английское слово *family*, заимствованное из латинского в значении «*слуги, домочадцы*», с XVII в. меняет свое значение на французское «*род, семья, семейство*».

Также одним из результатов отражения картины мира в языке являются «faux amis du traducteur». Исторически они являются результатом взаимовлияния языков, в ограниченном числе случаев могут возникать в результате случайных совпадений. Их общее количество и роль каждого из возможных источников в их образовании оказываются различными для каждой конкретной пары языков, определяясь генетическими и историческими связями [1, с. 372]. В английском и русском языках слова этого типа в подавляющем большинстве случаев представляют собой прямые или опосредованные заимствова-

ния из общего третьего источника, в данном случае французского языка. Такие английские слова, как *alley, anecdote, adventure, cabin* схожи по звучанию с русскими словами *аллея, анекдот, авантюра, кабина*, но различны по значению. Несмотря на то, что в обоих случаях они являются заимствованиями из французского, в английском языке имеют другое значение: «*улочка между или позади зданий*», «*короткий рассказ, основанный на личном опыте*», «*приключение*», «*небольшой домик*» (от фр. *cabane – «хижина»*).

Мысль о том, что концептуализация мира в разных языках различна, является аксиомой современного учения о языковой семантике. При этом изменения в процессе концептуализации, происходящие параллельно с изменениями типов речевой культуры, системы речевых жанров и манеры общения современных носителей языков, нередко ощущаются как «порча языка» и разрушение норм культуры речи. В связи с этим возникает необходимость модификации самой концепции культуры речи: она должна стать динамичной и включить в себя представления о закономерностях изменения языковой концептуализации мира и взаимосвязи между социальными, культурными и языковыми процессами.

Литература

1. Акуленко В. В. О ложных друзьях переводчика / В. В. Акуленко // Знание. Понимание. Умение. – 1969. – С. 371-384.

2. Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Е. В. Иванова. – М. : Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.

3. Лопатникова Н. Н., Мовшович Н. А. Лексикология современного французского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностранных языков / Н. Н. Лопатникова, Н. А. Мовшович. – М.: Высш. шк., 2001. – 247 с.

М.В. Лапыгина, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н., проф. О.Н. Чарыкова

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ОШИБОК В УПОТРЕБЛЕНИИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СЕРБСКО-РУССКИХ ОМОНИМОВ

Изучая русский язык, сербскоязычные студенты сталкиваются с тем, что многие русские слова, очень напоминающие слова сербского языка, имеют другое значение, т.е. являются межъязыковыми омонимами. Одни из них отражают близкие понятия – например, серб. *коса* (волосы) и рус. *коса*. Другие оказываются очень далекими по значению: например, серб. *стан* (квартира) и рус. *стан* (часть тела человека, туловище).

Для предупреждения ошибок требуется проводить специальную методическую работу по выработке навыков различения сербско-русских омонимов. Цель данной работы – составление упражнений, которые помогут учащимся с успехом осваивать межъязыковые омонимы. **Материалом** послужили имена существительные, совпадающие в русском и сербском языке по форме, но имеющие разные значения.

Типы упражнений с использованием омонимов определяются уровнем языковой подготовки и задачами курса.

Вначале следует выполнить со студентами несколько упражнений на омонимию в русском языке, чтобы разобрать с ними понятие «омоним» и убедиться в том, что учащиеся могут работать с данным типом слов. Упражнения могут быть следующего характера:

1) Определите значение слов-омонимов, обращаясь к толковому словарю. Например: Исторический **роман** сочинял я понемногу, пробираясь, как в туман, от пролога к эпилогу (Б.Окуджава). Между нами не было **романа**. Всего десять-пятнадцать встреч

(И.Куприн). (1. Роман – повествовательное произведение со сложным сюжетом и многими героями, большая форма эпической прозы; 2. роман – любовные отношения между мужчиной и женщиной).

2) Какие значения выделенного слова вам известны?

Например: На днях мы изучали **наречие**. Южновеликорусское **наречие** имеет ряд фонетических особенностей.

3) Подберите однокоренные слова к существительному *двор*: 1. в значении «участок земли при доме» (образец: двор – дворик); 2. в значении «монарх и приближенные к нему лица» (образец: двор – дворец) [1, URL].

4) Отгадайте загадки:

Всем пишущим я помогаю.
И птиц от стужи согреваю. (Перо)

На дереве висит,
В книге лежит. (Лист)

Только после рассмотрения русской омонимии следует начать выполнять упражнения на межъязыковую омонимию:

1) В первую очередь следует провести словарную работу. Студенты должны найти значение слова в словаре. Методически целесообразно, чтобы сербские студенты пользовались толковым словарем на русском языке – это дает возможность читать примеры употребления слова и обеспечивает более высокую эффективность восприятия и запоминания изучаемых лексических единиц.

Например: Найдите в толковом словаре русского языка значение слова «заступник» (рус. Заступник – тот, кто выступает в защиту). Сравните со значением слова «заступник» в своем языке. (серб. Заступник – представитель).

2) Составление списков слов для запоминания с включением их в короткие фразы. Делать это можно в Excel, что позволяет использовать списки слов многократно и в разных контекстах.

Например: Составьте список из 10 слов на букву «б», которые в русском и сербском языках имеют одинаковую форму, но различное значение.

3) Следует разобрать со студентами примеры использования русских слов, которые, совпадая с сербскими по форме, имеют другое значение, и показать на примерах разницу в значениях русского и сербского слова. Например, русское слово *брод* имеет в сербском языке омоним, который означает *корабль*. При этом для наглядности можно использовать рисунки.

Например: Давайте посмотрим в словаре значение данных слов и приведем примеры.

Брод – неглубокое место в ручье или реке. 1) Я быстро перешёл брод. 2) Петр I построил в России первые корабли.

Булка – белый хлеб. 1) Попробуй эту вкусную булку! 2) В поле сейчас растет очень много маков.

Варенье – сладкий десерт из фруктов. 1) Мама сварила очень вкусное варенье! 2) Он заболел. У него проблемы с пищеварением.

Майка – рубашка без рукавов. 1) Я купила в магазине новую майку. 2) Я люблю своих маму и папу.

Неделя – время от понедельника до воскресенья. 1) Каждый день недели имеет свое название – понедельник, вторник, среда и т.д. 2) Воскресенье и суббота – выходные дни недели.

Печенье – изделие из сладкого теста. 1) Я люблю сладкое, особенно печенье. 2) На жаркое сегодня телятина.

4) Упражнение на употребление омонимичных сербским словам русских слов в контексте. Например: Вместо точек вставьте подходящие по смыслу слова из упр. 3.

А) Я дала подружке одно очень вкусное ……(печенье)

Б) Понедельник – это первый день ……(недели)

В) Мне подарили много вещей: платье, купальный костюм, футболку и …..(майку)

Г) В жале змеи содержится…..(яд)

Д) У моей ……. день рождения в апреле (мамы)

Е) Всё шло не так. Он даже заплакал от …….. (досады)

З) Я очень люблю абрикосовое…….(варенье)

И) Я больше люблю не чёрный хлеб, а …….(булку)

5) Помогает работе над межъязыковыми омонимами и сопоставление их парадигм. Следует сравнить со студентами парадигму слова из русского и сербского языка. Показать, что форма слова совпадает только в определенных падежах.

Падеж	Серб. кучa *ж* (рус. дом *м)*ед.ч/мн.ч.	Рус. кучa *ж* ед.ч/мн.ч.
Н*о*минатив (И.п.)	Куч**а**/куче	Куч**а**/ кучи
Г*е*нетив (Р.п.)	куче/кучa	Кучи/ куч
Датив (Д.п.)	кучи/кучама	Куче/кучам
Аккузатив (В.п.)	куч**у**/куче	Куч**у**/ кучи
В*о*катив	кучо/куче	
*И*нструментал (Т.п.)	кучом/кучама	Кучею/кучами
Л*о*катив (П.п.)	кучи/кучама	Куче/кучах

Получается, что форма слова «кучa» совпадает в сербском и русском языке только в И.п. (Номинатив) и В.п. (Аккузатив) ед.ч.

6) На следующем этапе работы студенты уже сами могут выявлять и анализировать межъязыковые омонимы.

Найдите омонимы в тексте.

Печенье

Однажды летом, в последний день рабочей *недели* мама вернулась из магазина в новой *майке* и с коробкой *печенья*. Она сказала: «Сегодня мы будем есть не просто *булку с вареньем*! Это *печенье* очень популярно в *столице*». Таня с длинной толстой *косой* и её брат Вова быстро уселись за стол и разделили *печенье* на две *кучи*. *Кучки* быстро уменьшались. Когда все печенье было съедено, Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по *животу* и вылез из-за стола. Таня доела последний кусочек и посмотрела на маму – она мешала ложечкой неначатый чай и с грустью смотрела на дочь...

(По В.А. Осеевой «Печенье»)

Вопросы к тексту: Объясните значение каждого омонима? В каком значении это слово используется в вашем языке? Как изменится смысл текста при незнании найденных вами омонимов? Совпадают ли найденные вами омонимы со словами вашего языка полностью или в каких-то определенных падежах? Если да, то в каких?

Для закрепления материала и дальнейшей тренировки студенты должны запоминать как можно больше речевых штампов, коротких фраз и часто употребляемых словосочетаний. Запоминать и проговаривать пословицы, поговорки, анекдоты, притчи и короткие диалоги, содержащие межъязыковые омонимы.

Таким образом, нами была предложена краткая система упражнений, которая позволит преподавателям РКИ помочь сербским студентам изучить явление внутриязыковой русской и межъязыковой сербско-русской омонимии.

Литература

Матвеев Б. Омонимы в упражнениях / Б. Матвеев. – Русский язык. – URL : http://rus.1september.ru/ article.php?ID=200200608.

А.А. Пилюгина, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – к.пед.н. доц. Н.В. Осипова

ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ УПОТРЕБЛЕНИЯ MODES CONDITIONNEL ET SUBJONCTIF ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ: CONDITIONNEL ET SUBJONCTIF ПРЕССЫ

Во французском языке глагол представляет собой одну из двух главных частей речи. Он характеризуется со стороны значения, грамматических форм и синтаксических функций. Говорящий, выстраивая высказывание на французском языке, учитывает не столько сугубо грамматические особенности тех или иных глагольных форм, сколько семантические тонкости использования этих форм. Если же семантика глагольных форм в расчет не принимается, то, с точки зрения грамматики, такое высказывание может иметь несколько способов оформления. В этом случае происходит некорректное (или же неправильное) восприятие информации собеседником.

Французский язык принадлежит к группе романских языков, прародителем которых был латинский язык. Несмотря на общие корни, в процессе своего развития французский язык дальше остальных романских языков отходит от латыни как в плане фонетики, так и в плане лексики и грамматики. Сослагательное наклонение присутствует в грамматических системах большинства романских языков, но особенности употребления и функционирования французского subjonctif в речи имеют свои отличия. Французский conditionnel представляет собой яркий пример асимметрии формы и содержания. Что касается формы, то в отличие от indicatif, impйratif и subjonctif, которые являются закономерным развитием латинских глагольных форм, особая форма условного наклонения (conditionnel) является романским новообразованием, неизвестным латинскому языку.

Грамматические явления того или иного языка, связанные с закономерностями его строя и ими обусловленные, в своей совокупности отличны от грамматических явлений другого языка, хотя и могут представлять в отдельных отношениях сходство или совпадать с ними. Отсюда и вытекают грамматические задачи перевода в области как морфологии, так и синтаксиса; этим же определяется то особое место, которое в исследовании перевода принадлежит случаям расхождения грамматического строя языков. Это расхождение, особенно ярко дающее о себе знать именно при переводе, является результатом своеобразия каждого из двух языков.

Традиционная грамматика и большинство французских лингвистов первой половины XX-го века (Ф. Брюно, А. Доза, Ж. Лебидуа) определяют Conditionnel как особое наклонение, отличное от Indicatif, Impйratif et Subjonctif и обозначающее предположение [1, с. 161]. Но при данной трактовке наклонения семантическая нагрузка Conditionnel сводится к выражению предположения и условия.

Современная грамматическая теория Conditionnel, основоположниками которой считаются Г. Гийом и Р.Л. Вагнер, предполагает наличие «временного» и «модального» Conditionnel (Conditionnel modal et temporel). В таком контексте понимания наклонения его сфера употребления значительно расширяется [3, с. 183].

Научные споры вокруг subjonctif возникли в связи с особенностями его морфологического выражения, синтаксического употребления и значения. Разногласия, касаю-

щиеся subjonctif, сводятся к следующему: является ли он позиционным вариантом indicatif или особой грамматической формой; если верно последнее, то какова его функция: формально-грамматическая или семантическая; в последнем случае – в чем состоит его значение [1, с. 154].

Некоторые лингвисты (Ш. Балли, Ж. Дюбуа) считают Subjonctif синтагматической вариантой Indicatif. Выделяя Subjonctif отдельным наклонением, видные грамматисты XX-го века (Ф. Брюно, Г. Гийом) рассматривают оппозицию subjonctif/indicatif с нескольких точек зрения: структурно-синтаксической, семантической, но не модальной и семантической и вместе с тем модальной [1, с. 154].

В 90-х гг. XX-го века появляются принципиально новые взгляды на семантическую (в первую очередь) и грамматическую сущность Subjonctif. М.-А. Морель называет Subjonctif «le mode du non-jugement» (M.-A. Morel, 1996, 153). Говорящий не настаивает на утверждении фразы, которая остается «подвешенной» между возможностью и осуществлением. При этом модальное оформление такого положения высказывания зависит от типа предложения [3, с. 185].

Чаще всего при переводе таких нехарактерных для русского языка явлений перед переводчиком стоит особая задача выбора именно тех грамматических и комплексных трансформаций, которые при передаче грамматической оболочки сохраняли бы и точно отражали семантическую нагрузку высказывания.

При переводе публицистических изданий нужно учитывать не только грамматические особенности, но и индивидуальный стиль журналиста, социальную подоплеку, возможную двусмысленность и т.д.

Из-за частого употребления в прессе Conditionnel передается на русский язык с помощью времен изъявительного наклонения с использованием различных лексических средств. Так, при выражении сомнения, неподтвержденной или противоречащей правде информации используются такие лексические средства, как *быть может, как стало известно, не лишено вероятности, возможно, по-видимому, якобы, будто бы, как будто.* Le Conditionnel Prйsent передается при помощи настоящего и будущего времен русского индикатива, в то время как le Conditionnel Passй передается при помощи прошедшего времени:

Le ministre franзais de l'extйrieur ***se rendait*** *en visite officielle aux Pays-Bas fin mars.* Министр иностранных дел Франции отправится с официальным визитом в Нидерланды, по-видимому, в конце марта.

C'est lundi ou mardi que ***devrait*** *кtre officiellement lancйe la campagne publicitaire.* Как полагают, рекламная кампания должна начаться в понедельник или во вторник.

Довольно часто во французской прессе употребляется глагол **savoir** в Conditionnel с предшествующей отрицательной частицей **ne**. Такие конструкции передаются на русский язык следующим образом:

On ne serait *faire qch = «не следует, не нужно, нельзя»*: ***On ne serait*** *confondre mondialisation et ouverture au monde*. Не следует смешивать такие понятия, как глобализация и открытость внешнему миру.

On ne serait trop *= «следует, необходимо»*: ***On ne serait trop*** *in sister sur l'importance du processus mondial de dйsarmement chimique*. Необходимо подчеркнуть значение уничтожения химического оружия в мире [2, с.26-32].

Употребление Subjonctif в публицистическом стиле также распространено. Он используется в заголовках (чаще всего в качестве идиом), в самостоятельных и сложноподчиненных предложениях. При этом каких-либо особенностей передачи, характерных именно для перевода прессы, нет. Поэтому при переводе фраз, содержащих Subjonctif, переводчик использует общепринятые трансформации: фразеологические обороты, по-

словный перевод, использование условных предложений и деепричастных оборотов, а также страдательный залог.

Que je ne bouge pas de la place! Не сойти мне с этого места!

La nouvelle loi veut que le Prŭsident fransais soit ŭlu pour 5 ans. По закону президент Французской республики избирается сроком на 5 лет.

Que la partie soit perdue, c'est ŭvident. То, что эта партия проиграна, это очевидно.

Sans qu'elle sache comment, elle s'est retrouvŭe dans la rue. Она оказалась на улице, не помня, как это произошло [2, с. 79-89].

Подводя итог, нужно отметить, что условное и сослагательное наклонения французского языка представляют интерес не только для грамматистов, но и для переводчиков. Неоднозначность их положения в системе французского глагола предоставляет широкое поле для исследователей, но в то же время создает препятствия и затруднения при переводе.

Литература

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.

2. Тарасова М. В. Условное и сослагательное наклонения в современном французском языке: Учеб. пособие / М. В. Тарасова. – М. : Высш. шк., 2004. – 159 с.

3. Colin A. Le systime verbal fransais / A. Colin. – Paris, 2010. – 450 p.

Ж.С. Понарина, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Е.В. Лаврищева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ

Фразеология тесно связана с культурой, бытом и историей народа, в ней воплощается его дух, психология и способ мышления. История народа, его национальная культурная информация хранится во внутренней форме фразеологической единицы (ФЕ), которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит. Именно это позволяет рассматривать фразеологию как один из важнейших элементов, составляющих национальную языковую картину мира (В. фон Гумбольдт, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.). Многие авторы подчеркивают такую важную черту фразеологизмов, как антропоцентричность, т. е. их способность в образной форме характеризовать человека [2, с. 32].

Когнитивный опыт носителя любого языка начинается в первую очередь от самого человека и от ближайшей к нему действительности, поэтому не случайно для вербализации представлений о человеке, его физическом состоянии, чертах характера, интеллекте и т.д. используются фразеологизмы с компонентами-фитонимами, а именно с названиями тех растений, которые непосредственно окружают человека, являются его повседневной пищей и т.д. В качестве подобных компонентов в немецком языке выступают фитонимы *Radischen, Bohne,Tomate, Erbse, Birne, Kirsche, Pilze, Pflanze, Weizen, Banane, Petersilie, Frucht, Kohl, Apfel, Korn, Gemьse, Spargel.*

Для характеристики внешних данных человека используются фразеологизмы с компонентом *Bohne.* Так, ФЕ с компонентом *Bohne* иронично характеризуют очень высоких и худых людей: *eine lange Hopfenstange (Bohnenstange).* Интересна история возникновения последнего фразеологизма (в двух его вариантах). В немецких деревнях с

давних пор выращивали хмель (der Hopfen) и фасоль (die Bohnen). Для того чтобы побеги поднимались вверх, ставились подпорки (die Stangen). Эта «картинка» и легла в основу образного наименования очень высокого и чрезмерно худого человека [1, с. 4].

Фразеологизмы с фитокомпонентом ***Radischen*** реализуют представление о смерти. Поскольку данная тема является табуированной во многих культурах, то в данном случае используется эвфемизм *er beguckt sich die Radieschen von unten* («он давно уже в сырой земле лежит, он уже давно в могиле») [4].

С помощью фразеологизмов с фитокомпонентами *Bohne, Erbse, Birne* репрезентируется оппозиция «ум-глупость». Например: *dumm wie Bohnenstroh* – экв. «глуп как пробка, дурак дураком» [4]. В немецком языке нашло свое представление о том, что блюда из бобов могут негативно влиять на интеллектуальную деятельность человека, его способность мыслить: *du hast Bohnen gegessen* «ты ничего не соображаешь» [4].

Голова во многих языковых картинах мира выступает символом центра разума, интеллекта. Но если человек глуп, то голова, которая является материальным органом человеческого тела, в языковом сознании может заменяться на обиходные реалии, связанные с бытом русского человека*: etwas an der Erbse haben* («быть не в своем уме»), *eine weiche Birne haben* («быть ограниченным, слыть дураком») [4]. Фитоним *Birne* часто используется в значении «голова», в основе метафорического переноса лежит форма фрукта. Прилагательное **weich** (т.е. гнилой) указывает на непригодность и метафорически – на нарушение нормального функционирования головы и ее содержимого – мозга: *Rene Weller, der sich ohnehin mehr als Faustfechter denn als Boxer versteht , sagt dazu: „Im habe 250 Kɔmpfe hinter mir, ferner rund 1503 Sparringskɔmpfe, mir wird doch wohl keiner nachsagen, dass ich eine weiche Birne habe. Man kann es den Boxern nicht einmal verdenken, dass sie den Gedanken an Spɔtschɔden aus ihrem Bewusstsein verdrɔngen, wenn mal huṛt, welch unterschiedliche Forschungsergebnisse die Mediziner vorlegen. (Die Zeit, 18.05.1979, Nr. 21)* [3].

Представление о глупости реализуется также в ФЕ с фитокомпонентом *Kohl*: *Kohl machen* «делать глупости»; *Kohl reden* – «городить чепуху» [4].

ФЕ с компонентами-фитонимами реализуют также представление немецкого народа о таких чертах характера, как:

- лень: *hinter dem Ofen sitzen und Дpfel braten* «бить баклуши»;
- хвастовство, самомнение: *den Spargel quer essen kuṇnen* «быть хвастуном»;
- грубость: *grob wie Bohnenstroh* «грубый как солома из фасоли»;
- смирение, слабоволие: *in den sauren Apfel beiЯen* «смириться с горькой участью»;
- ненадежность, непорядочность в отношениях: *mit ihm ist nicht gut Kirschen essen* «с ним лучше дела не иметь» [4].

Представление о равнодушном человеке реализуется во фразеологизмах с компонентами *Bohne, Tomate.* О человеке, который не желает ничего слышать, остается равнодушным, говорят: *Bohnen in den Ohren haben*. Если же человек не желает ничего видеть, то о нем говорят*: Er hat Tomaten auf den Augen* [4].

Следует отметить, что данные фразеологизмы имеют негативную коннотацию:

Ein Jahr lang zog der wackre Schwabe von Filialleiter zu Filialleiter, verhandelte mit Einkɔufern und Spediteuren , redete mit Engelszungen auf die Bauern ein, bis die handverlesenen Erdɔpfel nun endlich, endlich seit vergangener Woche in einer Reihe von sьddeutschen Supermɔrkten in ihren farbigen Sɔckchen ausliegen - neben Zucchini und Blumenkohl in Magenhuṇe. Hofft Lechner jetzt nur, dass die Kunden ***keine Tomaten auf den Augen haben***. (Die Zeit, 13.02.1995, Nr. 07) [3].

С помощью фразеологизмов с компонентами-фитонимами в немецком языке реализуется также и представление о мере и количестве. Еще в тринадцатом веке бобы использовались в игре как замена денег, поэтому не является случайным употребление

лексемы *Bohne* в составе фразеологизмов для репрезентации оппозиции «много-мало»: *nicht die Bohne* («нисколько, ни капельки»), *eine Bohne wert* («ничего не значит»), *Er hat viele Bohnen im Sack* («он богатый, обеспеченный») [4]; *„Das scheint eine wichtige Frage. Es muss also doch etwas mit der TцpferstraЯe sei, trotzdem er* ***nicht die Bohne versteht****, wieso. Das kann ich nun nicht so einfach sagen", erklдrt er vorsichtig*. (H. Fallada. Wer einmal aus dem Blechnapf frisst) [3].

В немецком языке представление о количестве содержит также представление о пределе, интенсивности, скорости, что также вербализуется с помощью фразеологизмов с компонентами-фитонимами: *wie Pilze aus der Erde/dem [Erd]boden schieЯen, wachsen: Dem widersprechen andere Tatsachen, materielle Tatsachen. Die grenzьberschreitenden Produktionseinheiten, die heute* ***wie Pilze aus der Erde*** *schieЯen und die von der Technik erzwungen werden, diktieren die Anpassung der Gesellschaftsstruktur an diese Entwicklung.* (A. Mozer. Idee und Wirklichkeit, in: Neue Rundschau) [3].

Таким образом, семантический и лингвокультурологический анализ немецких ФЕ с опорным компонентом-фитонимом позволяет утверждать, что данные фразеологизмы обладают выраженной национально-культурной спецификой, и в силу этого они являются важнейшим элементом национальной языковой картины мира.

Литература

1. Степанова З. М., Булатова А .О., Хомяков Е. А. Национально-культурная специфика немецких фразеологизмов с опорным компонентом фитонимом / З. М. Степанова, А. О. Булатова, Е. А. Хомяков. – URL: http://www.rusnauka.com/27_NNM_2011/Philologia/3_9369, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения : 23.02.2015).

2. Солодуб Ю. П. Путешествие в мир фразеологии / Ю. П. Солодуб. – М. : Просвещение, 1981. – С. 64-67.

3. Das Digitale Wцrtebuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts [Electronic resource]. – Access: http://www.dwds.de/, com, free. – Title from screen (retrieved on: 12.01.2015).

4. Die Redewendungen [Electronic resource]. – Access: htpp://www.w-alcten.de/deutsche-redewendungen, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.02.2015).

Джеттарин Срибунякорн, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. М.В. Погорелова

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИНТАКСЕМЫ С ПРЕДЛОГОМ *В* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ ТАЙСКОГО

Под темпоральными синтаксемами мы понимаем элементы структуры предложения (слова, словоформы и синтаксически нечленимые словосочетания), которые характеризуют действие или ситуацию, отраженные в предложении, с точки зрения их существования во времени, то есть занимают синтаксическую позицию темпорального детерминанта или обстоятельства времени.

Изучению понятия времени и выражения временных отношений в русском языке посвящено большое количество исследований. Однако многие вопросы, связанные с этой темой, по-прежнему остаются нерешенными. Что касается сопоставительных исследований синтаксических временных конструкций русского и тайского языков, то их в настоящее время не существует.

Набор темпоральных синтаксем в русском языке представляет собой довольно сложную систему, которая очень по-разному, зачастую противоречиво классифицируется в работах разных исследователей. Так, например, в учебнике «Синтаксис: практическое пособие по русскому языку как иностранному» все формы, выражающие время, разделены на 4 группы: 1) обозначающие временные отрезки (*Мы встречались в два часа);* 2) обозначающие время повторяющегося действия (*Каждое утро она делает зарядку*); 3) обозначающие последующее время (*После обеда он ушел*); 4) обозначающие предшествующее время (*Перед занятиями он зашел в библиотеку*) [3, с. 249-304].

В пособии М.В. Всеволодовой, Г.Б. Потаповой [1] дана очень сложная многомерная классификация временных значений. Прежде всего авторы различают время прямое и относительное. Прямое время делится на время единичного действия и разделительное время, а относительное – на предшествующее и последующее. В каждом типе временных отношений различается время, полностью занятое действием, и время, не полностью занятое действием.

В нашем докладе рассматриваются только русские темпоральные синтаксемы «в + винительный падеж» и «в + предложный падеж» и их переводные аналоги в тайском языке. Примеры взяты из рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» и его перевода на тайский язык [4].

Рассматриваемые синтаксемы обозначают различные отрезки времени, не полностью занятые действием (*в эту ночь, в прошлом ноябре*), или полностью занятые действием, в частности время завершения действия (*в три дня, [обучали] в этом возрасте*). В большинстве случаев выбор падежной формы определяется существительным, обозначающим время, или определением к нему. Так, например, названия возрастных периодов (*детство, отрочество, юность*) употребляются в форме «**в + предложный падеж»**: *В ранней юности он мечтал быть капитаном* [3, 252]. Сочетания типа *детские годы* используются в форме «**в + винительный падеж»**, а сочетания со словом возраст – в форме «**в + предложный падеж»** [1, 145].

В нашем материале встречаются существительные из следующих лексических групп: а) названия временных единиц и их частей (*в последний год, в эти два месяца, в ту же минуту*); б) названия частей суток (*в этот день, в тот же вечер, в нынешнюю ночь*); в) названия месяцев (*в прошлом ноябре*); г) обозначения возрастных периодов (*в молодости, в самые первые годы их возраста*).

Синтаксемы «в + предложный падеж» со словом *час,* включающие порядковое числительное, обозначают «время в пределах 60-ти минут до наступления целого часа, обозначенного сочетанием с соответствующим количественным числительным. Обычно этими сочетаниями обозначается время в первой половине и в середине часа» [1, с. 28]. На тайский язык подобные синтаксемы переводятся двумя способами:

а) числительное + час + с чем-то + уже: *Я возвращался тогда в одиннадцатом часу вечера домой* (Ф. Достоевский) – ***สี่ทุ่มกว่าแล้ว ผมกำลังเดินกลับบ้าน***;

б) после + числительное + час: *В одиннадцатом часу, перестал, и началась страшная сырость, сырее и холоднее, чем когда дождь шел* (Ф. Достоевский) – ***แล้วจู่ๆพอหลังสี่ทุ่ม ฝนก็ขาดเม็ดไปเสียเฉยๆ บรรยากาศกลับยิ่งชื้นและแฉะและหนาวเหน็บกว่าตอนที่ฝนยังไม่หยุดเสียอีก.***

При этом следует иметь в виду, что в тайском языке существует особая, более сложная в сравнении с русской, система обозначения времени. Для перевода русского слова «час» на тайский язык используется 4 слова: *nalika, mong, thum, ti*. Каждое слово имеет свою специфику использования. Слово ***nalika*** употребляется в официальном стиле для международной 24-часовой системы. Слово ***mong*** используется для обозначения времени с 7:00 до 18:00. Причем 7 часов – это «один час» (nueng mong), последовательно до 11 часов – ha mong «пять час». После двенадцати часов отсчет времени начинался снова с 1. Для обозначения времени с 13 до 15 часов используют слово bai «время от полудня до вечера», а с 16 до 18 часов слово yen «вечер». Например, 13:00 – bai nueng mong «время от полудня до вечера один». Слово ***thum*** используется для указания времени с 19:00 до 24:00, а слово ***ti*** используется для указания времени с 1:00 до 6:00 [2, с. 208-209].

Обозначения частей суток в тайском и русском языках также существенно различаются. В русском языке выделяются четыре временных периода – ночь, утро, день, вечер. В тайской культуре время дня представлено более детально. В тайском языке существуют следующие названия частей суток: ***chao muet*** («утро темное» – время до восхода солнца); ***chao tru*** («утро раннее» – время, когда начинается рассвет); ***chao*** («утро» – время после восхода солнца до позднего утра, приблизительно 6:00–9:00); ***sai*** («позднее утро» – время после утра до двенадцати (приблизительно после 9:00 до 12:00); ***bai*** («время от полудня до вечера», приблизительно с 13:00 до 15:00); ***yen*** «вечер» (время до захода солнца, приблизительно с 16:00 до 18:00); ***kham*** («начало ночи» – время после захода солнца, начало ночи, приблизительно с 18:00 до 20:00); ***duek*** «поздняя ночь». Кроме того, есть слова, которые обозначают время от восхода до захода солнца (**วัน** *wan* и **กลางวัน** *klang wan)* или время от захода до восхода солнца (**กลางคืน** *klang khuen* и **คืน** *khuen)* [2, с. 207]. Поэтому русские названия частей суток и их тайские переводные аналоги не всегда точно совпадают. Например, в переводе предложения *Мне кажется, я тут же, в тот же вечер, раздробил бы себе голову из револьвера* (Ф. Достоевский) использовано слово **ค่ำ** kham («начало ночи» – время после захода солнца, то есть приблизительно с 18:00 до 20:00). А в предложении *Свечка сгорает в ночь вся* (Ф. Достоевский) – слово **คืน** *khuen,* то есть время от захода до восхода солнца.

В целом русские синтаксемы «в + винительный падеж» и «в + предложный падеж» имеют следующие структурные варианты перевода на тайский язык:

– в + существительное + определение: *Это потому, что эта звездочка дала мне мысль: я положил **в эту ночь** убить себя* (Ф. Достоевский) – **ใน คืน นี้** (букв. «в ночь эта»);

– весь + существительное: *Капитан **во весь месяц**, с тех пор как живет у нас, не возбудил во мне никакой досады* (Ф. Достоевский) – **ทั้ง เดือน** (букв. «весь месяц»);

– после + числительное + существительное: *В одиннадцатом часу, перестал, и началась страшная сырость, сырее и холоднее, чем когда дождь шел* (Ф. Достоевский) – **หลัง สี่ ทุ่ม** (букв. «после 10 часов»)

– наречие: *О проповеди я порешил **в ту же минуту** и, уж конечно, на всю жизнь!* (Ф.Достоевский) – **อย่างฉับพลันทันที** («внезапно»).

– когда + существительное + (определение): ***В прошлую ночь** была драка, и я знаю, что двое из них долго таскали друг друга за волосы* (Ф. Достоевский) – **เมื่อ คืน วาน** (букв. «когда ночь прошлая»);

– числительное + существительное + пройти + уже: *И, таким образом, **в эти два месяца** я каждую ночь, возвращаясь домой, думал, что застрелюсь* (Ф. Достоевский) – **เกือบ สอง เดือน มา แล้ว** (букв. «почти + два + месяца + пройти + уже»).

Таким образом, русские и тайские темпоральные синтаксемы имеют существенные различия, которые необходимо учитывать при обучении русскому языку тайских учащихся и при переводе с русского языка на тайский.

Литература

1. Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений : сборник упражнений по управлению / М. В. Всеволодова, Г. Б. Потапова. – М. : Изд-во Московского университета, 1973. – 248 с.

2. Нгамсаенгпруек Усани. Влияние экстралингвистических факторов на лексические единицы выражения времени в тайском и русском языках // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – №1. – Том 1. – С.206-209.

3. Синтаксис : практическое пособие по русскому языку как иностранному / И. С. Ивановна, Л. М. Карамышева, Т. Ф. Куприянова, М. Г. Мирошникова. – 4-е изд. – Спб. : Златоуст, 2012. – 364 с.

4. **ดอสโตเยฟสกี, ฟีโอดอร์. ความฝันของคนวิกลจริต พิมพ์ครั้งที่ห้า. กรุงเทพ : สามัญชน,** 2556. 88 **หน้า.**

А.К. Хлыстун, студ. историко-филологического ф-та
Борисоглебского ф-ла ВГУ
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Т.В. Федорова

УРБАНОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ АНГЛИЙСКИХ ПАБОВ)

Топонимика (от греч . фпрпт место и п нпмб — имя, название) – раздел языкознания, занимающийся изучением географических названий (топонимов), их происхождением, закономерностями образования, смысловым содержанием и изменением в процессе исторического развития. **Урбанонимы** (от греч. «urbanus» – «городской» и «onyma» – «имя») – разновидности топонимов, названия внутригородских объектов: кварталов, улиц, площадей, бульваров, переулков, набережных, проспектов, мемориальных памятников, театров и т.п. В зависимости от объекта номинации собственные имена разделяются на определенные классы: антропонимы, топонимы, культонимы, теонимы, прагматонимы и т.д. Внутри каждого класса имеются подклассы. Один из таких подклассов образует названия внутригородских объектов – урбанонимы. Термин «урбаноним» построен на основе латинских элементов «urbanus-городской» + «onim-имя» [3]

При анализе урбанонимов очень важно опираться на понятия ономастической системы и ономастического поля. [1]. Ономастическая система развивается под

влиянием внутренних и внешних факторов. Внутрилингвистические факторы проявляются в структурном составе, словообразовательных моделях и типах, семантике урбанонимов. К экстралингвистическим факторам относятся факторы времени и пространства, культурно-исторический фактор, специфика именуемого объекта и индивидуальность номинатора [4]. Таким образом, урбанонимы представляют собой, с одной стороны, отдельное поле и самостоятельную систему, с другой стороны, они связаны с другими полями и ономастической системой в целом.

В образовании урбанонимов наглядно прослеживаются процессы онимизации лексики, т.е. перехода имени нарицательного в имя собственное. Описание урбанонимов невозможно без определения выполняемых ими функций. Урбанонимы выполняют две основные функции: 1) назывную (идентифицирующую / адресную); 2) информативную. Идентифицирующая функция связана со спецификой собственного имени, с его отличием от апеллятива. Собственное имя связывается не с классом, а с индивидуальным предметом. Эта функция относится и к урбанонимам, так как они называют отдельный внутригородской объект и выделяют его из ряда подобных. Информативная функция связана с назначением урбанонима. Последний должен ориентировать человека в окружающем пространстве, в городе, служить адресом. Информативная функция урбанонимов имеет свои особенности: урбанонимы несут информацию о специфике объекта [1].

Названные функции в полной мере отражаются в названиях английских пабов.

Возникновение пабов в Великобритании относится к XV – XVI в.в. В это время паб начинает приобретать свои собственные черты, отличающие его от простой таверны. О названиях в это время говорить еще рано. Население было неграмотным, и надпись на вывеске чаще заменял символ, указывающий на характер заведения. Например, владелец паба мог привязать пучок вечнозеленого растения к шесту, что являлось символом бога виноделия Бахуса. Позднее эта вывеска трансформировалась в название *The Bush*. В таком виде вывески сохранились и до сегодняшнего дня.

Достаточно распространены названия пабов по имени пивоваренной компании. Это делалось в рекламных целях и указывало на принадлежность того или иного паба к компании производителя. Общепринятой являлась практика назвать паб ярко и экстравагантно, но в то же время коротко. Названия должны были легко запоминаться и привлекать внимание; обычно они были связаны с вещами понятными, знакомыми и дорогими каждому жителю Великобритании [2]. Тематически эти номинации можно разделить на следующие группы: 1) геральдика, 2) обиходные литературные аллюзии, 3) религия, 4) месторасположение паба, 5) исторические события и личности, 6) мореплавание, 7) спорт и другие развлечения, 8) специфика самого паба.

Самую обширную группу составляют названия, связанные с геральдикой. Геральдика – специальная историческая дисциплина, занимающаяся изучением гербов, а также традиций и практики их использования. Чаще всего использовалась геральдика членов королевской семьи. Данное явление объясняется тем, что Великобритания на протяжении многих веков была (и остается) монархией, и владельцы пабов старались выразить свои верноподданнические чувства престолу, давая названия заведениям по гербам королей, например: *The White Lion* – герб Эдуарда IV, *The White Swan* – герб Генриха IV.

Ко второй группе относятся названия, связанные с литературой. Существуют пабы, названные именами персонажей детских сказок или стихов, например: *The Cheshire- Cat, The Humpty-Dumpty*. В третью группу входят названия, тематически связанные с религией: *The Adam and Eve, The Trip to Jerusalem.*

Наименования четвертой группы, связанные с местоположением паба, сохранили знание о том, что находилось вблизи паба и что повлияло на возникновение номинации. Не один паб в Великобритании носит название *The Gate*. Это говорит о том, что по соседству с ним находились ворота какого-либо здания, например церкви, тюрьмы или большого частного дома, которого уже не существует. Такое название служило ориентиром для посетителей, особенно если это были крупные, узнаваемые жителями ворота. Подобный характер носит и наименование *The Hole-in-the-Wall*. Это название указывает на то, что к пабу вел узкий проход в стене стоящего перед ним дома. Существуют и другие названия: *Castle, World's End* – паб, стоящий на окраине города.

Названия пятой группы – по историческим событиям и известным личностям – являются реакцией на важные исторические события определенной эпохи. К ним относятся, например *The Saracen's Head и The Turk's Head*, которые названы в память о войнах крестоносцев, *Cromwell's Head*, отсылающий ко времени английской буржуазной революции.

Названия шестой группы связаны с мореплаванием и напоминают о том, что Англия долгое время была известна как «владычица морей». Такие пабы чаще всего встречаются в портовых городах, их посетителями, как правило, становятся моряки, например *The Ancor* (находится в лондонском порту), *The Captain Flint*.

В седьмой группе, связанной со спортом и другими развлечениями, очень часто встречаются названия, относящиеся к скачкам – одному из самых любимых видов спорта англичан. Это могут быть клички известных лошадей, например *The Flying Dutchman, The Why Not*. Некоторые пабы имеют название *The Bell*, говорящее о следующей исторической традиции: во времена Чарльза II серебряный колокольчик был призом на скачках. Урбаноним *The Bear* напоминает о травле медведей, когда-то популярном и жестоком развлечении, которое можно было увидеть возле этого паба. На особенности времяпрепровждения указывают названия *Boat house* – паб в Кембридже, недалеко от настоящих складов с лодками, *Foxand Hounds* – паб, посвященный охоте на лис.

В восьмой группе объединены названия описательного типа, характеризующие сам паб – его вид, устройство, кухню, напитки, подаваемые в нем, и т.п.: *The White House, The Red House*.

Названия английских пабов доносят до нас через столетия представления о нормах национальной жизни, системе ценностей, некогда принятых в английском обществе, создают представление о должном и недолжном, формируют наши представления об исторических событиях и о людях, которые в них участвовали. В настоящее время развитие и функционирование системы урбанонимов – названий английских пабов осуществляется в рамках постоянно усложняющегося культурного контекста, важными элементами которого являются национальное самосознание, традиционализм, рационализм.

В заключение отметим, что исследование различных типов английских собственных имен, несомненно, может быть продолжено. Проблемы отображения в ономастиконе особенностей как материальной культуры, бытового уклада, социальных отношений, так и духовной культуры англоговорящих народов нуждаются в дальнейшей разработке. Накопление большого фактического, лингвистически интерпретированного материала по многим территориям и по различным типам английских собственных имен позволит поднять ономастические исследования на новый уровень.

Литература

1. Керт Г.М. Информационные технологии в исследовании топонимии [Электронный ресурс] / Г. М. Керт, В. Т. Вдовицын. – URL: http: toris.krc. karelia.ru/papers/source/kert2004.

2. Миляев Н. Исследование названий британских и ирландских пабов / Н. Миляев, И. Мирониченко. – URL: http://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-vorchestvo/2012/11/21/issledovanie-nazvaniy-britanskikh-i-irlandskikh-pabov

3. Перкас С. В. Парадигматические и синтагматические аспекты лингвостилистического потенциала топонимов в современном английском языке : Автореферат дисс.… канд. филол. наук / С. В. Перкас. – М., 1980.

4. Суперанская А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличие от имен собственных / А. В. Суперанская // Топономастика и транскрипция. – М., 1964.

СЕКЦИЯ
«ДИАЛОГ ИСКУССТВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ»

О.В. Володина, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. Т.А. Жучкова

СОВРЕМЕННАЯ ГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА В РОССИИ

Современная художественная культура очень многообразна, она адресуется к разным традициям и контекстам, ее отличительной особенностью является синтез элитарного и массового. Комикс или графическая проза – один из самых показательных примеров такого рода.

Общепризнанной сегодня является мысль о том, что это полноценный художественный жанр, связывающий литературу и графику, универсальная форма, открытая для взаимодействия как с высокой, так и с массовой культурой. Интермедиальность, связь слова и изображения, оказывается огромным преимуществом и наделяет язык графической прозы гибкостью, позволяющей осваивать самые разные темы и смыслы.

Принято считать, что комикс появился в Европе в XIX веке вместе с именами Томаса Роулендсона, Родольфа Тёпфера, Вильгельма Буша, Рудольфа Деркса и других. Для всего мира высокий потенциал этого жанра – не предмет для дискуссии. Он давно доказан качеством произведений. Достаточно указать на обширную традицию французского «высокого комикса» или «арт-комикса», ставшего для всего мира эталоном изысканной и интеллектуальной графической прозы.

В России комикс долгое время считался низким художественным продуктом. Это было связано с тем, что в советское время данный жанр считался частью чуждой западной культуры. Отрицательное отношение к комиксам, таким образом, имело под собой исключительно идеологические основания. Между тем обращение к предыстории графической прозы на русской почве позволяет вспомнить несколько художественных традиций, которые делают графическую прозу для России достаточно органичной и понятной.

Так, некоторые исследователи в числе специфически русских предшественников комикса указывают на традицию лубка, восходящую к XVII веку. Лубок, как известно, представлял собой наивную картинку с подписью, сюжетом для которой могли служить народные сказания, житейники, «святоотеческие сочинения», статьи из переводных газет. Свое название этот жанр получил от луба – верхней твердой древесины липы, которая использовалась в качестве гравировальной основы досок при печати таких картинок. [1, с. 83]

В художественной практике XX века возникает новая традиция, которую также вполне можно считать предшественником современной русской графической прозы. Это массовое агитационное искусство, которое активно развивалось в период гражданской

войны. На рубеже 1910-х и 1920-х гг. появились так называемые «Окна РОСТА» — серия агитационных плакатов, состоящих из одного или нескольких графических изображений, снабжённых лаконичными стихотворными текстами. Они во многом продолжали традиции лубка, разоблачали противников молодой республики Советов. Вожди революции понимали, что такая доступная форма информации быстрее проникнет в массы. Это было следующим шагом в развитии отечественной рисованной истории.

После гражданской войны настал новый этап советского комикса. В процессе развития детской литературы появлялись многочисленные периодические издания, которые часто сопровождались рисованными историями. На страницах детских журналов «ЧИЖ» и «ЕЖ» нередко появлялись комиксы. С 1924 года издавался детский журнал «Мурзилка», использовавший комиксы, чтобы доносить актуальные события до юной аудитории. Уже тогда графическую литературу читали не только дети. Сатирические журналы для взрослых, такие как «Крокодил» и «Смехач», использовали комиксы для агитации и борьбы с алкоголиками, тунеядцами, хулиганами, высмеивая их на своих страницах.

После Великой Отечественной войны ведущими художниками в этой области были Борис Ефимов и коллектив художников, работавших под псевдонимом Кукрыниксы. Помимо всемирно известных одиночных рисунков-карикатур, на страницах газет появлялись настоящие комиксы — последовательные изображения со связным сюжетом.

Однако основоположником русского комикса по праву считается Юрий Лобачев – сербский художник, эмигрировавший в СССР в 1955 году. Его руке принадлежат такие графические истории, как «Ураган приходит на помощь» и «Принцесса Ру» (или «Принцесса Танит»). Его работы соответствовали европейскому уровню настолько, что у них появились поклонники за рубежом. В 1955 году французский историк комикса Пьер Стринати в своем докладе для Салона в Бордигере назвал «Принцессу Танит» «самым сюрреалистическим комиксом всех времен».

В СССР до 1980-х годов термин «комикс» отсутствовал в широком обороте. Комиксы называли «рисованными рассказами» или «изорассказами». Но в конце 1980-х западная культура все-таки ворвалась в Россию, и понятие «комикс» стало широкоупотребительным. Познакомившись со стилем зарубежной графической прозы, российские художники уходят от ставшей уже привычной мультипликационной стилистики. В это время развивается «реалистическая» концепция комикса, предполагавшая отсылку к историческим событиям. Так, в годы перестройки вышел комикс о Великой Октябрьской революции, в 1990 году – о восстании декабристов «1825. Заговор» [4, URL].

Влияние западного комикса сильно отразилось на отечественных «изорассказах». Практически все советские рисованные истории тех лет имели общую черту – основой служили американские и европейские комиксы, сюжеты и герои которых были без особых изменений перенесены на другую почву. Это была своего рода попытка повторить коммерческий успех графической литературы на Западе. Но этот прием не имел успеха у читателя, и это неудивительно.

Можно сказать, что российская графическая литература стала обретать свое лицо только с началом XXI века. Комиксу нужно было время, чтобы избавиться от советских стереотипов. И если раньше издательства выпускали только заграничные образцы жанра, то теперь в книжных магазинах можно увидеть и отечественных авторов. Специально для поддержки молодых и начинающих художников с 2002 года в Москве проводится Международный фестиваль рисованных историй «КомМиссия», где все желающие могут принять участие в конкурсной программе. Победители участвуют в выставке и получают свой билет в ряды профессионалов. За тринадцать лет своего существования фестиваль достиг высокого уровня и стал профессиональным форумом. Теперь в его рамках

проводятся лекции и мастер-классы с известными зарубежными авторами. Многие художники отходят от подражательства американским и азиатским комиксам, экспериментируют в поисках своего собственного стиля, добавляют русского колорита в свои работы, часто обращаются к фольклорным и мифологическим сюжетам.

В настоящее время открывается все больше новых издательств, специализирующихся исключительно на российских комиксах. К примеру, компания Bubble, открывшаяся в 2011 году, которая в настоящий момент является ведущим лидером комикс-индустрии в России. Компания выпускает несколько ежемесячных серий о русских героях: «Бесобой», «Майор Гром», «Инок», «Красная Фурия», «Экслибриум» и «Метеора». Bubble продолжает успешно развиваться и увеличивать свою аудиторию. По словам главы компании Артема Габрелянова, компания планирует однажды достичь уровня Marvel. [3, URL]

По мнению исследователей, условием дальнейшего развития графической прозы в России может стать установление связей с национальными художественными и культурными традициями. Авторы должны создать нечто, что зацепит читателя: такие истории, которые смогут заметно расширить существующую читательскую аудиторию. [2, URL]. При этом создатель графической истории должен учесть множество нюансов: выразить свою идею в визуальном ряде посредством линии и цветового пятна, объединить отдельные кадры в единое повествовательное пространство, продумать монтажные стыки таким образом, чтобы читатель смог пережить историю и понять многослойность авторского замысла.

В Европе графическая литература давно заняла свое почетное место, азиатский комикс обошел мир, а в США уже закончился серебряный и золотой век комиксов. Вполне возможно, что следующей эпохой станет именно русский комикс. Возможно, именно в настоящий момент мы являемся свидетелями восхода российской графической литературы.

Литература

1. Елисеев Н. Лубок и комикс / Н. Елисеев // Русский комикс. – М. : Издательство «Новое литературное направление», 2010. – 83с.
2. Комикс [Электронный ресурс] / Комикс в образовании : есть ли польза от дела? – http : //www.comics.com.ua/node/852
3. Пророков Г. Кто пишет, рисует и продает комиксы про русских супергероев [Электронный ресурс] / Г. Пророков. – http://www.lookatme.ru/mag/live/industry-research/205317-bubble-interview .
4. Шишикин В. На злобу дня : комиксы в СССР и России [Электронный ресурс] / В. Шишикин. – Мир фантастики. – http://www.mirf.ru/Articles/art4680.htm .

Е.В. Ермолов, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. А.А. Житенев

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ В ФИЛЬМЕ ДЖОНА ХЬЮСТОНА «МАЛЬТИЙСКИЙ СОКОЛ» (1941)

В последние десятилетия в гуманитарных науках, связанных с анализом текстовых структур, широко применяются приемы, выработанные нарратологией. Среди других областей ее применения – киноведение, исследующее с ее помощью закономерности рассказывания, связанные с поддержанием зрительского интереса.

Важность повествовательных структур в разные периоды развития кино была неодинакова и определялась переходом от стремления к жизнеподобию к отказу от него и обратно. Одним из самых парадоксальных в этом смысле явлений стал «фильм нуар» 1940-1950-х гг., в котором во взаимодействии оказались противоположные эстетические системы: реалистическая, связанная с идеей постижимости мира, и модернистская, предполагающая акцент на абсурдности существования.

Исследователи связывают появление «фильмов нуар» с реакцией на периоды больших общественных потрясений, с освоением последствий тяжелого экономического кризиса 1930-х и с глубоким переживанием событий военного времени в 1940-е. При этом существуют разные подходы к определению своеобразия «фильмов нуар».

В классической работе Пола Шрейдера «нуар» рассматривается как ряд лент, объединенных общей интонацией и стилевым решением. По его мнению, «главная идея скрыта в стиле», среди признаков которого – «элементы романтического повествования», «сложно выстроенная хронология событий», «предпочтение композиционному напряжению», «страстное отношение к прошлому и настоящему и страх перед будущим», «тревожность и неустойчивость кадра», «атмосфера безысходности и обреченности», создаваемая эффектами освещения [6, URL].

В статье Якова Лурье «нуар» рассматривается в соотнесении с другим набором признаков: это «интерес к нездоровым, фанатичным персонажам», «запутанный мир, который на первый взгляд скрывает в себе многообразие различных возможностей и вариантов», но всегда приводит героев к краху любых планов, «эстетизация актов разрушения и насилия», «внимание к деталям», «сочетание деструктивной силы и сексуальности, ужаса и очарования, смерти, порока и красоты» [3, URL].

Дебютный фильм режиссера Джона Хьюстона «Мальтийский сокол» (1941) традиционно считается классическим примером «фильма нуар», но в то же время и противопоставляется этой кинематографической традиции. Исследователи неоднократно обращались к этой ленте.

Евгений Нефёдов делает акцент на сложности повествовательного построения фильма, говорит о том, что это «замысловатая зеркальная структура», «многосложная головоломка», где понимание связей между частями целого всегда ускользает. Он фиксирует внимание на противоречивости образа главного героя, частного детектива Стивена Спейда, который «легко идёт на контакт со злом, персонифицированным и в образе «роковой красотки», и в обличии опасного проходимца Джоэля Кайро, и даже ловко манипулирует негодяями всех мастей, но всё-таки остаётся, по профессиональной привычке, верным неким эфемерным принципам» [4, URL].

Андрей Андреев пишет о важной роли «непрерывно сменяющих друг друга и не поддающихся осмыслению ситуаций и фактов», под давлением которых герои фильма «плутают по лабиринтам каменных джунглей в тщетных попытках найти истину». Мир пред-

стает здесь «расколотым пополам», и рассказ о нем выстраивается так, чтобы «ни герои, ни зрители, ни авторы не могли разобраться, где «свет», а где «тьма» [1, URL].

Анжелика Артюх указывает на связь «Мальтийского сокола» с традицией «фильмов нуар»: «В фильме было почти все самое главное, что свойственно нуару: общество, погрязшее в преступлениях и фальшивых приоритетах, герой-одиночка по ту сторону закона, не состоящий на службе в полиции и ведущий свое собственное расследование, женщина-оборотень, расставляющая ловушку герою, хитрая, расчетливая и способная на убийство». [2, URL].

Во всех приведенных примерах так или иначе устанавливается связь между самораскрытием героев фильма и построением сложного, запутанного сюжета. Герои обладают множеством скрытых сторон, которые предпочитают не раскрывать, и эта сложность создает атмосферу таинственности, которая пронизывает весь фильм. Повествовательная организация ленты также говорит об этой взаимосвязи между особым типом героя и особым типом сюжета.

В фильме важнейшую роль играет тема доверия и лжи. О возможности или невозможности доверия, о допустимости или недопустимости обмана постоянно говорят его герои. Каждый из них ищет доверия и стремится к манипуляции другим; любая откровенная беседа всегда оборачивается уличением собеседника в обмане.

Очень характерны в этом отношении разговоры Спэйда и мисс О'Шонесси. Почти в каждом из них появляется тема доверия. «Вы не должны доверять мне, пока не сможете убедить меня доверять вам», – заявляет ей на одной из первых встреч Спэйд, но не может добиться даже ответов на вопросы, призванные помочь расследованию. Следующая встреча уже далека от иллюзий, в ней больше горьких констатаций: «Вы лгунья» – «Да, я всегда была лгуньей». Характерно, что О'Шонесси в этом случае отмечает свою привычку к лжи, но в то же время не говорит правды и не выказывает раскаяния в попытках манипулирования людьми. Финальная сцена, когда Спэйд в ожидании полиции признается О'Шонесси в том, что любит ее, но все равно не спасет от ареста, тоже выстроена вокруг взаимосвязи откровенности и предательства: «Ты не любишь меня!» – «Я не буду разыгрывать дурака. Плевать мне, кто кого любит, я тебе не Фёрсби. Ты убила Майлза и ты за это ответишь» [5, URL].

Герои скрывают мотивы своих действий друг от друга, и, если какие-то из них все же выходят на поверхность, они все равно стремятся направить собеседника по ложному следу. С этим связан характерный повествовательный прием, снова и снова повторяющийся в фильме: у героя созревает какой-то план, который кажется ему вполне осуществимым и разумным, но он из-за вторжения посторонней силы оказывается разрушен. Эта посторонняя сила – воля другого героя. Предугадать неудачу и тем более предотвратить ее не в силах никто. Даже сыщик не опережает события, а следует за ними.

Частные детективы получают поручение и, стремясь отработать вознаграждение, стараются его выполнить. Однако, вопреки высокому профессионализму, уже первый шаг на пути расследования заканчивается смертью партнера главного героя. Для зрителя это абсолютная неожиданность. Спэйд и О'Шонесси испытывают явное тяготение друг к другу, но при этом, вопреки ожиданиям, каждый из них ведет двойную игру, стремясь извлечь максимум личной выгоды из меняющейся ситуации. Примеры такого рода можно приводить снова и снова.

Одна тайна накладывается на другую, но это приводит не к победе какого-то одного героя, но к их общему и абсолютному проигрышу. Финал, когда с огромным трудом обретенный «макгаффин» – предмет общего вожделения, золотой сокол, – оказывается подделкой – самым наглядным образов воплощает иллюзорность всех намерений действующих лиц. Логика тотального обмана неподконтрольна никому. Повествование

выстраивается как последовательность резких сломов сюжета, внезапных переходов от одного объяснения к другому, от одной ситуации к другой. Предсказуемость таких переходов близка к нулю, и в этом – важнейшая черта повествовательной структуры «Мальтийского сокола».

Литература

1. Андреев А. Третья попытка / А. Андреев. – URL : http://seance.ru/blog/noir-falcon (дата обращения: 24.02.2015).

2. Артюх А. Нуар : голос из прошлого. Об истории и теории жанра. Искусство Кино / А. Артюх. – Kinoart.ru – http://kinoart.ru/archive/2007/05/n5-article18 (дата обращения: 2.03.2015)

3. Лурье Я. Формула американского нуара / Я. Лурье. – URL : http://kinoart.ru/archive/2013/04/formula-amerikanskogo-nuara (дата обращения: 24.02.2015)

4. Нефедов Е. [Рецензия на фильм «Мальтийский сокол»] / А. Нефедов. – URL : http://www.world-art.ru/cinema/cinema.php?id=3285 (дата обращения: 24.02.2015)

5. Текст фильма «Мальтийский сокол». – URL : http://www.vvord.ru/tekst-filma/Maljtiyskiy-sokol/ (дата обращения: 24.02.2015)

6. Шрейдер П. Заметки о фильме «нуар» / П. Шрейдер. – URL : http://seance.ru/blog/noir-notes (дата обращения: 24.02.2015)

Н.С. Кирильчик, студ. историко-филологического ф-та
Борисоглебского ф-ла ВГУ (Борисоглебск)
Наук. рук. – к.филол.н. доц. Т.В. Федорова

ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФАНФИКШН: ЗОНА НЕКОММЕРЧЕСКОГО СОТВОРЧЕСТВА

Ни для кого не секрет, что воображение читателей выходит далеко за рамки книг. Еще в школьные годы на уроках литературы нас учат размышлять: «А что, если…?» И чем больше произведений прочитано, тем больше становится таких белых пятен, автором не описанных, но вызывающих интерес у читателя. Что стало бы с Гарри Поттером, если бы он не попал в Хогвартс? Как на месте Фродо поступил бы другой вымышленный персонаж, не описанный Толкином, но существующий в чьей-то фантазии? А что если бы все они были просто людьми? Можно пофантазировать и забыть. Кто-то на этом и останавливается. Но можно поделиться своими мыслями с другими читателями, написав собственное произведение. В настоящее время такое творчество – оно получило название фанфикшн (*fanfiction*) – широко распространено среди фанатов книг, фильмов, манги, сериалов, компьютерных игр и т. п. Фанфики (фики) не являются официально признанной частью художественной литературы. Тем не менее, они прочно укоренились в сознании преданных поклонников по всему миру.

Фанфики бывают разными. Одни очень короткие и неполные, другие практически представляют собой законченные произведения со своим своеобразным миром, приключениями и сюжетными линиями [2, URL]. Это могут быть рассказы, повести, романы, стихи и даже пьесы. Конкретного шаблона по написанию нет. И, тем не менее, есть негласные правила оформления фанфиков, распространяющиеся на шапку, предоставляющую основную информацию: название фанфика; имя или ник создателя фанфика; имя или ник человека, помогавшего писать фик;имя или ник переводчика (для переведённых фанфиков); имена или ники людей, редактировавших фанфик; название оригинального мира, по которому пишется фанфик; герои оригинального произведения искусства, ис-

пользованные в фике; правообладатель, автор оригинального произведения искусства (эта графа является предупреждением о том, что фанфик был создан не с целью извлечения прибыли, и указывает, кому именно принадлежат права на использованных персонажей или мир); жанры; статус (фанфик может быть «завершён» или же «продолжается» выпуск);размер фанфика; возрастная категория [3, URL].

Фанфики делят на категории по разным признакам: существует классификация по рейтингу (англ. *rating*), по жанрам, наличию в сюжете любовной линии, по соответствию реалиям мира оригинала, по способу создания, по наличию персонажей, придуманных автором фанфика, по размеру (форме) фика. Появляются и серии фанфиков – дилогии (*Ambilogy*), серии из двух фанфиков, трилогия (*Trilogyofnovels*), серии из трех фанфиков, ссиквелы (*Sequel*), продолжения фанфика/рассказа и т. п., а также приквелы (описание событий, которые случились с героями до событий другого фанфика).

Для читателей фанфикшн – это новый взгляд на привычных героев. Но и для авторов мнение читателя – это совершенно другое представление о своем произведении. Комментарии таких же увлеченных каким-либо фэндомом людей нередко могут влиять на ход сюжета, в процессе создания фанфика. Вариантов тысячи. Почему бы не изменить трагический конец на хэппи-энд ради тех, для кого, собственно, и пишется произведение? Читатели здесь – одновременно и фикрайтеры, и беты, и соавторы, поэтому одни читают у других, комментируют, помогают друг другу в редактировании и исправлении ошибок.

Особое место среди фанфиков занимают «Roundrobin» и смежная с ним «ролевка» – фанфики, созданный группой авторов, каждый из которых по очереди пишет свой кусочек. Как правило, они отличаются резким переходом между частями и несогласованностью стиля [1, URL]. В настоящий момент данная категория фанфиков часто приобретает вид текстовой ролевой игры, пользующейся популярностью как среди фанатов определенных произведений, так и среди людей, заинтересованных возможностью окунуться в вымышленный мир героев.

Фикрайтеры создают свои сообщества на просторах сети Интернет (www.fanfiction.net, ficbook.net и др.), устраивают тематические встречи. Некоторые Интернет-ресурсы, такие как«Книга фанфиков», группы в социальной сети vk.com, предлагают пользователям указать свой город, чтобы найти друзей и общаться не только в виртуальном мире, но и в реальности, в специальных разделах («Фикрайтеры в вашем городе», «Кто из какого города?» и т. п.). Крупные и не очень встречи проходят в разных городах России и за рубежом. Фанфики переводятся на разные языки, влияют друг на друга. Некоторые сюжеты переплетаются настолько тесно, что уже немыслимы друг без друга. «Не признанная официально часть литературы» живет и развивается по всему миру.

Литература

1. http://tfr.rolka.su
2. http://www.subcult.ru
3. http://twilight-fanfik.ucoz.ru

Е.В. Маюк, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Л.Я. Бобрицких

«РАФАЭЛЕВЫ МАДОННЫ» В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX ВЕКА

Центральное место в искусстве великого итальянского художника Рафаэля Санти (1483–1520) занимает образ Мадонны, ставший символом идеальной гармонии. Всего у художника более сорока работ, посвященных Богоматери, большинство из которых стали мировыми шедеврами.

Привлечение поэтического образа «Рафаэлевой Мадонны» для передачи чистоты и света в портрете земных красавиц традиционно для литературы ЧЙЧ века. К нему обращались В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, М. Ю. Лермонтов, позднее – А. Фет и многие другие мастера слова.

Прекрасные полотна Рафаэля вдохновили Пушкина на создание целого ряда глубоко лирических стихотворений, воспевающих женскую красоту, среди которых «Я помню чудное мгновенье…» (1825), «Кто знает край…» (1828), «Возрождение» (1819) и др.

В 1830 г. поэт создает сонет «Мадона», в котором говорит об одной старинной картине, поразившей его воображение. По всей вероятности, это была «Бриджуотерская Мадонна» Рафаэля. Было установлено, что именно об этом полотне Пушкин писал Наталье Николаевне Гончаровой из Петербурга в Москву: «Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что провожу часы перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40000 рублей» [1, URL]. В Мадонне поэт видел образ божественного, образ вечного в земном, временном. Следует отметить, что в итальянском языке слово «мадонна» буквально означает «моя госпожа», в этом же значении употребляется слово «madona» во французском языке (Пушкин писал это слово в сонете во французской транскрипции). Это в корне отличается от русского образа мира, в котором Богородица прежде всего Мать Христа и Мать-Заступница всех притекающих к ней.

Буквально с первых строк стихотворения мы погружаемся в атмосферу божественности и святости, которую помогает создать религиозная лексика: «обитель», «пречистая», «под пальмою Сиона» (последнее, кстати, отсылает читателя к картине «Мадонна с безбородым Иосифом»). Возникает иллюзия нашего пребывания в храме. При этом лирический герой погружается в подобное состояние глядя на картину. На полотне изображена Богоматерь с младенцем, о них же двоих и пишет поэт: «Пречистая и наш божественный спаситель…» [3, с. 334]. И именно она, Богоматерь, является главным образом для Пушкина.

Сонет начинается с отрицания («Не множеством картин старинных мастеров…» [3, с. 334]), которое подчеркивает желание автора созерцать только одну картину с изображением Мадоны – «чистейшей прелести чистейший образец». Лексический повтор («Одной картины я желал быть вечно зритель, одной…» [3, с. 334]) способствует выделению главной мысли произведения: для лирического героя Пречистая Мадона – эталон женственности, вершина совершенства и гармонии. У Рафаэлевой Мадонны над головой тонкий золотистый нимб; ее образ очень гармоничен, целостен и пластичен. В этой гармонии и заключается красота Богоматери. Именно эту божественную, небесную красоту Пушкин всегда искал на земле. Для него, как и для Рафаэля, Богоматерь одновременно и величественная, и кроткая. В последнем терцете сонета образ Мадоны трансформируется в образ любимой женщины: «Творец Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна, чистейшей прелести чистейший образец» [3, с. 334].

У Пушкина не было возможности приобрести картину, чтобы «украсить… свою обитель», но он получил взамен гораздо большее – обрел свою Мадону из плоти и крови. Наталья Николаевна обладала в его глазах той же ангельской святостью, была тем же земным образцом «чистейшей прелести», что и Мадонна Рафаэля. И поэт обращается с благодарностью к Богу: «Исполнились мои желания, Творец…» [3, с. 334].

Жанр сонета используется Пушкиным не случайно. Строгая, традиционная форма отражала внутреннее содержание стихотворения, его идейный смысл: воспевание истинного чувства «без прикрас», без показного блеска. Форма сонета отсылает нас к лучшим образцам эпохи Возрождения, шедеврам Данте, Петрарки, в которых искреннее чувство выражалось с необыкновенной силой, несмотря на минимум выразительных средств. Только чувство подлинной любви позволяет поэту увидеть в земной женщине отблеск небесного совершенства. Об этом же говорит известный русский религиозный философ Вл. Соловьев, определяя смысл любви тем, что «она позволяет рассмотреть в любимом человеке его идеальное начало, основу, образ Божий» [4, URL].

Картины великого итальянца никого не могли оставить равнодушным. Так, например, А. Фет, находясь под впечатлением от «Сикстинской Мадонны», писал в своем очерке «Из-за границы»: «…подняв глаза, я уже ни на минуту не мог оторвать их от небесного видения…» [5, URL]. В 1842 г. он создает стихотворение «Мадонна», в котором говорит об удивительном видении – изображении на картине Мадонны в безграничном небесном пространстве.

Первые же строки произведения поражают глубиной и мудростью: «Я не ропщу на трудный путь земной, Я буйного не слушаю невежды...» [6, с. 177]. Не ясно, кто является лирическим героем стихотворения – молодой человек или мудрый старец, но это и не главное. Важна сила и тайна человеческого духа. Герой Фета принимает жизнь как должное, со всеми ее радостями и бедами. Изменение его взглядов на жизнь произошло под воздействием красоты, кротости нежного лика юной матери:

Моим ушам понятен звук иной,
И сердцу голос слышится надежды,
С тех пор, как Санцио передо мной,
Изобразил склоняющую вежды... [6, с. 177].

Характерное состояние лирического героя – эстетическая восторженность. Он вглядывается в лица, и перед ним открываются «…и этот лик, и этот взор святой, Смиренные и легкие одежды...» [6, с. 177].

В стихотворении Фета, как и на картине Рафаэля, появляются два образа – Мадонна и Ее Младенец. Она на картине склоняется к Нему, Он тянется к Ней: «И это лоно матери, и в нем Младенец с ясным, радостным челом, С улыбкою к Марии наклоненный…» [6, с. 177]. Неразрывная связь Матери и Сына выражает всеобщую гармонию мира, взаимосвязь всего в нем. Человек, чувствующий это, обретает душевную гармонию. Лирический герой, расставаясь с полотном, восклицает: «О, как душа стихает вся до дна! Как много со святого полотна Ты шлешь, мой бог, с пречистою Мадонной!» [6, с. 177]. Таким образом, для Фета полотно Рафаэля становится «святым», потому что оно несет в себе Любовь и Истину, открывающиеся людям, освещающие их сердца.

В 1864 г. поэт создает стихотворение «К Сикстинской мадонне», в котором он, как и Рафаэль, изображает Мадонну в облике земной женщины, в то же время находящейся на Небесах: «У ног Ее – земля под облаками, На воздухе – нетленные покровы…» [7, с. 228]. Все вокруг Божьей Матери будто бы состоит из воздуха, особой тончайшей атмосферы, в которую постепенно окунается читатель и зритель. Это атмосфера вечного и нетленного. Преклонив колени, лирический герой замирает в молитвенном восторге перед картиной. Она для него становится иконой, а ее автор – «вестником Бога». Лири-

ческий герой погружает читателя в этот Божественный сон, открывшийся ему с помощью кисти Рафаэля: «Такой Тебе, Рафаэль, вестник Бога, Тебе и нам явил твой сон чудесный…» [7, с. 228]. И в этом чудесном состоянии смотрящий духовно преображается, его душа освобождается от сует земного мира, человек чувствует себя окрыленным, вдохновленным, его мольбы оказываются услышанными Богом, очищенную душу видит Богоматерь: «Как ангелов, младенцев окрыленных, Узришь и нас, о, Дева, не смущенных: Здесь угасает пред Тобой тревога…» [7, с. 228].

На полотне Рафаэль изобразил и Святого Сикста, охваченного благоговением и восторгом при виде Богородицы, и Святую Варвару, выражающую смирение и покорность. Святые встречают Марию и Иисуса, преклонив колени. К этому же призывает и поэт:

И, преклонясь, с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами
Или, как Сикст, блаженными очами
Встречать того, кто рабства сверг оковы… [7, с.228].

Все стихотворение дышит живым впечатлением автора от увиденного шедевра Рафаэля. Спокойствие и простота, царящие на картине, помогают человеку обрести душевную гармонию.

Образ Сикстинской Мадонны предстает и в стихотворении А. Н. Плещеева «При посылке Рафаэлевой Мадонны» (1853). Здесь последовательно и отчетливо прослеживается молитвенное начало. Трепетно, благоговейно поэт описывает увиденный Божественный лик:

Быть может, этот лик, спокойный, безмятежный,
Вам возвратит тогда и мир и благодать!
Вы обретете вновь всю силу упованья,
И теплую мольбу произнесут уста,
Когда предстанет вам Рафаэля созданье,
Мадонна чистая, обнявшая Христа! [2, с. 93].

Только горячая молитва перед ликом Матери вернет человеческой душе спокойствие и радость. В стихотворении Плещеева мы видим, скорее, не картину в ее зримых деталях (одежды, портрета и т.д.). Здесь звучит молитвенный восторг лирического героя перед ней, его чувства и преображение его души перед «святым образцом терпения». Стихотворение посвящено жене генерала В. Д. Дандевиля – участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Лирический герой, обращаясь к женщине, просит ее никогда не терять веры, в любой ситуации сохранять любовь в своем сердце: «О, будьте же и вы – что б вас ни ожидало – Исполнены любви и веры, как она!» [2, с. 93].

Как видим, стихотворение помогает нам понять то, что не воспринимается визуально, но постигается религиозно настроенным сознанием человека и поэта.

В заключение хочется отметить следующее: несмотря на то, что все вышеназванные поэты придерживались разных художественных направлений, различных поэтических концепций, для всех них Мадонна стала символом чистоты, созидательного начала, любви в самых лучших ее проявлениях.

Литература

1. Кока Г. М. Пушкин перед Мадонной Рафаэля / Г. М. Кока. – URL: http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v67/v67-038-.htm?cmd=

2. Плещеев А. Н. Полн. собр. стихотворений / А. Н. Плещеев. – М. ; Л. , 1964. – 592 с.

3. Пушкин А. С. Избр. соч.: в 2 т. / А. С. Пушкин – М., 1980. – Т. 1. – 751 с.

4. Соловьев В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев. – URL: http://vehi.net/soloviev/smysl_lubvi.html
5. Фет А. А. Собрание сочинений: в 20 т. / А. А. Фет. – М., 2007. – Т. 4. – 578 с.
6. Фет А. А.Стихотворения. Поэмы / А. А. Фет. – М., 2005. – 560 с.

М.С. Монакова, маг. филологичсеского ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. К.А. Нагина

ТРАГЕДИЯ НАРОДА В РОМАНЕ А. К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ» И ТРАГЕДИЯ ПРАВИТЕЛЯ В ЭКРАНИЗАЦИИ Г. ВАСИЛЬЕВА «ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ»

Личность Ивана Грозного – одна из самых противоречивых в истории России. Фигура первого царя «всея Руси» столетиями привлекает не только ученых, но и деятелей искусств. Писатели (М. А. Булгаков, А. К. Толстой, А. Н. Толстой), живописцы (И. Е. Репин, В. М. Васнецов), кинорежиссеры (Л. И. Гайдай, С. М. Эйзенштейн, Г. Л. Васильев) выбирали Ивана IV как главным, так и второстепенным героем своих произведений.

В кинематографе не только создают оригинальные сценарии о Руси XVI века, но и часто прибегают к заимствованию сюжетов литературных произведений. Однако в условиях сложных исторических процессов взгляд режиссеров может отличаться от задуманного автором. Из-за отсутствия единства в восприятии могут расходиться образы главного героя романа и экранизации, понимание персонажей и смысла произведений, а также исторических личностей и процессов.

На сегодняшний день исследователи выделяют три основных направления в оценке Ивана Грозного: обличительное, признающее царя жестоким тираном и самодуром; апологетическое, представляющее Ивана IV патриотом, объединившим русские земли в мощное государство; объективистское, сторонники которого одновременно и признают значительный вклад царя в созидание Российского государства, и критикуют его деспотические наклонности [3, URL]. Классическую обличительную трактовку образа Ивана Грозного можно обнаружить в творчестве А. К. Толстого: царь стоит в центре многих его произведений, начиная с баллады «Василий Шибанов» и заканчивая трагедией «Смерть Ивана Грозного», где писатель демонстрирует моральную деградацию некогда могучего правителя. И самым ярким примером является исторический роман «Князь Серебряный».

Как основную историческую базу в характеристике царя и его деятельности Толстой использует «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Морализаторский и дидактический стиль историка и его социальные симпатии были близки писателю, так как А. К. Толстой рассматривал исторические процессы и факты с точки зрения моральных норм, которые, по его мнению, одинаково применимы к любому времени. Поэтому в романе борются не столько социально-исторические силы, сколько моральные и аморальные личности. И изображение Ивана Грозного выстраивается в этой оппозиции. Противопоставляя царя благородным представителям боярства Никите Серебряному и Дружине Морозову, писатель актуализирует образ правителя-деспота. Так, М. Голиков, исследователь творчества А. К. Толстого, обобщает образ царя в романе: «Много значили и личные особенности царя: маниакальная недоверчивость, патологическое пристрастие к мучительству и крови. А. К. Толстой прекрасно изображает казуистическую логику в рассуждениях неограниченного деспота, который никому не подотчетен, но иногда заботится о внешнем благообразии своих действий и бесчинств» [1, с. 83].

Но, несмотря на отрицательный образ, царь неотделим от народа, он является и его отражением, и его наказанием. Покорность и рабское терпение русского народа прямо пропорциональны жестокости и тирании Ивана Грозного. Царь стал явлением глубокого нравственного кризиса, который переживало в XVI веке русское общество. И в этом его главная трагедия. А. К. Толстой неоднократно отмечает, что «это была эпоха, где злоупотребление властью, раболепство, отсутствие человеческого достоинства сделались нормальным состоянием общества» [4, с. 28].

Таким образом, писатель, изображая Ивана Грозного, в связи со своей морально-нравственной концепцией поднимает глубокие проблемы. Разрушающая сила власти уничтожает личность Ивана IV, превращает его в преступника перед богом и перед своим народом. Толстой подчеркивает деспотизм царя, который, однако, порожден самим обществом.

Другой взгляд на роман предлагает режиссер Г. Васильев в своей картине 1991-го года «Царь Иван Грозный». Название сразу акцентирует смену главного героя. Васильев актуализирует фигуру царя, в отличие от оригинала, где главный герой – Никита Серебряный. Ивану IV уделяется более половины экранного времени, в то время как в романе царь нередко предстает косвенно, то есть через политические процессы, мнения людей, их моральные устои. Также концептуально важными изменениями в экранизации выступают две новые линии, кардинально влияющие на изображение Ивана Грозного. Это любовная линия между Иваном IV и его первой женой Анастасией Захарьиной-Юрьевой и линия двойничества царя и Василия Блаженного.

Имя отравленной заговорщиками из бояр Анастасии упоминается уже в первом эпизоде с царем: *Иван Грозный:* «*Не я ли расширил пределы русской земли? Собрал дружины, чтобы не разорили Русь… А за это жену мою, Анастасию, ядом извели? И мне, божьему помазаннику, теперь дано право карать*». Режиссер идеализирует женский образ и неразрывно связывает его с личностью царя. Анастасия Романовна выступает как чистый образ, потерянный для царя, но который он любит и к которому неизбежно тянется. В экранизации Васильева выдвигается концепция преданности одной женщине, одной чистой любви. Утрата жены является главной трагедией царя, сломившей его личность. Если в романе царь счастлив во время убийств, то в фильме единственным моментом, когда главный герой восклицает: «К*ак хорошо-то!*», становится сон, где он обнимает свою жену. Символика этого сна заключается в потере и блуждании. После смерти супруги Иван Грозный потерял свет и правильный путь, поэтому вынужден бродить среди порока, символически представленного в виде обнаженных девушек. Иван Грозный романтизирован режиссером. Царь – несчастный влюбленный, его жестокость вытекает из сумасшествия от утерянной любви. В то время как у Толстого жестокость была патологической потребностью.

Вторая важная линия, введенная режиссером, – двойничество между Иваном Грозным и Василием Блаженным. В первую очередь, выражается она тем, что обе роли исполняет один актер Кахи Кавсадзе. Во-вторых, двойничество подтверждает символика венца – царская или монашья шапка у царя и тряпичная повязка юродивого. Амбивалентность героя Кахи Кавсадзе порождает и двойственную ее трактовку. С одной стороны, Святой выступает голосом совести Ивана Грозного, он же в конце картины является его проводником на «суд божий». С другой стороны, Василий Блаженный, имеющий одно лицо на двоих с Иваном Грозным, выступает как метафора жестокого юродства царя.

Таким образом, в экранизации Г. Васильева происходит смена актуализации черт царя и расширение его образа. Режиссер затрагивает глубоко личные переживания Ивана IV. Он в большей степени не тиран, а сумасшедший, лишившийся верного пути в жизни и здравого рассудка из-за смерти жены. Оппозиция между царем и боярством заменяется

конфронтацией Ивана Грозного с самим собой. А метафорика экранизации создает параллельные смыслы, которые приводят к неоднозначной трактовке образа царя.

Такое изображение Ивана Грозного возможно объяснить исторической обстановкой во время создания фильма. Образование Российской Федерации наложило отпечаток на тенденции исторической науки. Популярный стереотип Ивана IV конца 80-х годов, соответствующий позиции А. К. Толстого, подвергается переосмыслению. Представления о царе становятся более объективными, предполагающими оценку царя во всех сферах жизни, где он проявляет себя с разных сторон.

Проблема несоответствия экранизации литературного произведения оригиналу может объясняться разными путями. Один из них – авторская трактовка героев и ситуаций. Режиссер может либо сузить многогранную личность героя, либо усложнить его образ. И вносимые изменения будут зависеть и от социальных предпочтений режиссера и писателя, и от исторической и политической ситуации на момент создания произведений. Таким образом, при переносе на экран мир книги может упрощаться или же усложняться. Популярность телевидения и легкость восприятия фильма по сравнению с книгой ставят серьезные задачи перед экранизациями литературных произведений. Ведь не знакомый с оригиналом зритель автоматически будет соотносить те смыслы и образы, которые он видит на экране, с книжными и ставить их во главу понимания первоисточника. Особенно это касается изображения реальных деятелей политики и искусства, чей образ формирует историческую и культурную память.

Литература

1. Голиков М. С. Творчество А. К. Толстого / М. С. Голиков. – СПб. : Наука, 1993. – 432 с.

2. Перевезенцев С. В. Мнения о личности и деятельности царя Ивана Грозного / С. В. Перевезенцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/history/40183.php – (Дата обращения 23.03.2015).

3. Толстой А. К. Князь Серебряный: Роман / А. К. Толстой. – СПб. : Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. – 384 с.

4. Толстой А. К. Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного» / А. К. Толстой // Сочинения: 2 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 2. – С. 5 – 33.

Е.А. Попова, студ. филологического ф-а ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. А.А. Житенев

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОД В ФИЛЬМЕ Д. ДЖАРМУША «ВЫЖИВУТ ТОЛЬКО ЛЮБОВНИКИ»

Фильм «Выживут только любовники» (англ. Only Lovers Left Alive) – вампирская драма режиссера Джима Джармуша, снятая в 2013 году по его собственному сценарию. Мировая премьера картины состоялась в основном конкурсе 66-го Каннского кинофестиваля. Его главные герои – Адам, рокер из Детройта, играющий андеграундный психоделик-рок, уставший от жизни и преисполненный меланхолии, и Ева, жизнерадостная вампирша постарше, ценительница книжной культуры, живущая в Танжере.

То, что вампирами заинтересовался Джим Джармуш, многих кинокритиков заранее настроило на скептический лад, поскольку эта тема уже стала мейнстримом. Такие фильмы, как правило, направлены на подростковую аудиторию и схожи с фильмами-

аттракционами. Впрочем, все сомнения оказались напрасными, поскольку вампиризм в ленте оказался метафорой с широким содержанием.

Об этом говорил сам Джармуш в одном из своих интервью: «Вампиры могут служить и метафорой: не только художники, но и ученые, да и вообще любые люди с воображением». Для кинорежиссера это демонизированный культурой образ отверженности: «Вампиры – это воплощенная история кино. Они странные, они аутсайдеры: чудовища, злодеи? <…> Если копнуть глубже, к литературным истокам, то вампиры пришли из английского романтизма, основатели которого тоже были аутсайдерами» [3, URL].

Эта идея была хорошо «считана» всеми рецензентами, писавшими о фильме. А. Плахов связывает с лентой анализ бегства от мира, «внутренней эмиграции»: «Это иллюзия внутренней эмиграции, поэтом которой всегда был Джармуш. Его героям тесно в театре социальных ролей, и они бегут из него, предпочитая участь изгоев и маргиналов» [6, URL]. Близким образом формулирует суть авторского замысла Т. Таянова: «Новый фильм Джармуша – смятенное послание художника о самосохранении – и творческом, и человеческом. Множество мощных сил препятствуют свободе и счастью быть собой» [7, URL]. Меланхолическую интонацию фильма хорошо выразил Борис Нелепо: «Нужно понимать: это очень усталый, анемичный фильм <…> это кино, снятое с точки зрения того самого вампира, который знает, что его настоящая музыка и подлинный интерес к жизни мало кому нужен, но именно поэтому нужно пытаться продолжать» [5, URL].

Упоминание музыки в числе важнейших смысловых кодов фильма глубоко неслучайно, поскольку в художественном строе ленты ей отведено важнейшее место. Необходимый ракурс для интерпретации и в этом случае задан объяснениями самого Джима Джармуша.

В одном из интервью, сопровождавшем выход фильма, режиссер признается: «Кино больше всего остального близко к музыке, потому что оно, как и музыка, приходит в свое время. У них вечный ритм. Они отредактированы, в них есть движения и изменения. В них есть медленные части и быстрые части, тихие части и громкие части. Они очень тесно сплетены друг с другом. Я стараюсь учиться снимать кино у музыки, и я думаю о музыке в рамках кино» [2, URL].

Закономерно, что рецензенты, говоря о фильме, в первую очередь отмечали его «атмосферность», первостепенность настроения в раскрытии авторского замысла. «“Выживут только любовники” – сновидческое, поэтическое кино, где важнее чувственная атмосфера, эстетика высокого романтизма, саднящее меланхолическое настроение», – пишет Борис Нелепо [5, URL]. Близкий вывод делает и Татьяна Таянова: «“Выживут только любовники” надо не только смотреть, но листать и слушать. Потому что это не просто кино, но еще и стихи, и музыка. <…> Все в этом фильме – в ритме круга» [7, URL].

Музыка в фильме – это не просто саундтреки, это отражение чувств героев, их переживаний, мыслей; всего того, о чем сами герои умалчивают. Музыка – бессловесный язык, на котором общаются влюбленные. Действие фильма начинается с крупного плана крутящейся «семидюймовки». Это одновременно идеальный пролог и метафора всей картины, которые призывают зрителя прочувствовать весь ее медленный, тягучий ритм, заставляют очутиться на черной виниловой поверхности пластинки и поддаться ее гипнотическому, расслабляющему движению. Пластинка является своеобразным символом – эта музыка будет вечной, и в ней будет хоть какой-то смысл, пока под рукой будет во всех смыслах «свежая кровь».

Важность интонационных нюансов, осознанность выбора музыкального решения отмечал и сам режиссер, говоря о своих музыкальных пристрастиях: «Мне нравятся разные стили музыки, я в целом очень люблю ее. Мне кажется, что самый экспрессивный способ самовыражения – это музыка. Не могу сказать, как бы я определил новое психо-

делическое направление <…>. Еще мне очень нравятся дроун, транс и разные направления метала, вроде стоунера или дум-метала. <…> Но возрождающуюся психоделическую музыку я бы выделил особо: она уносит тебя, позволяя плыть по течению, и влияет на тебя в чувственном, сенсорном плане» [1, URL].

Главный герой фильма – «Адам – музыкант-мультиинструменталист, коллекционирующий винтажные гитары и записывающий в домашней студии атмосферный построк» [4, URL]. В создании музыки к фильму, за исключением двух композиций, принимал участие сам Джармуш. Он создал рок-группу «SQÞRL» из своих друзей и в сотрудничестве с голландским лютнистом Й. ванн Виссемом записал саундтреки к «Любовникам».

Совместно с группой SQÞRL, помимо саундтреков к фильму «Выживут только любовники», ван Виссем записал студийный альбом, который, как и музыка в фильме, был выполнен в минималистичном стиле стоунер-рока («пустынного рока»), особенность которого в меланхоличном настроении, медленном, среднетемповом исполнении, с повторяющимися гитарными риффами (совокупность нот, разделенных на фигуры, которые составляют музыкальную композицию либо ее часть). Это блюз, но не простой, а синкопированный, построенный на импровизационном ритме.

Слово «stoner» в названии стиля происходит от слова «stoned» (англ. жарг. – находящийся под воздействием марихуаны, stoned face – с застывшим лицом). Музыка этого рода предполагает симбиоз мощных, низких, грувовых, психоделичных рифов. Гитаристы добиваются «грязного», сырого, «неочищенного» звука. Также используются и разные варианты пониженного строя инструментов, шумовые дополнения («скрипы» и т.д.). Все эти музыкальные приемы можно встретить на пластинках совместных работ группы Джармуша и Виссема.

Однако музыка в фильме – это не только искусство, завораживающее Джармуша и призванное подчинить себе визуальное решение картины, и не только совокупность треков. Это еще и важный элемент сюжетного развития фильма, с ней связан целый ряд знаковых деталей и эпизодов фильма. Так, знаком силы любви оказывается подарок, который Ева делает Адаму – это старинная лютня. Знаком всепобеждающей силы искусства оказывается эпизод, когда мы узнаем, что музыка, которую пишет Адам, все же исполняется, даже если он не прикладывает усилий к ее опубликованию и распространению.

Музыка, таким образом, и создает настроение, и моделирует сюжет, и оказывается поводом для философствования об отверженности художника и кризисе современной культуры.

Литература

1. Джармуш Д. О фильме «Выживут только любовники» и будущем независимого кино / Д. Джармуш. – URL: http://whoop.kz/flow/cinema/dzhim-dzharmush-o-vyzhivut-tolko-lyubovniki-i-buduschem-nezavisimogo-kino.html (дата обращения: 22.02.2015)

2. Джармуш Д. «Хочу, чтобы во главе общества стояла Тильда Суинтон. Я сделаю все, что она скажет» / Д. Джармуш. – URL: http://www.interviewrussia.ru/movie/dzhim-dzharmush-hochu-chtoby-vo-glave-obshchestva-stoyala-tilda-suinton-ya-sdelayu-vse-chto (дата обращения: 22.02.2015)

3. Долин А. Независимый кинорежиссер о своем первом фильме в жанре love story / А. Долин. – http://www.vedomosti.ru/library/news/24908421/intervyu (дата обращения: 22.02.2015)

4. Комаров Н. [Рец. на фильм «Выживут только любовники» Д. Джармуша] / Н. Комаров. – URL: http://www.filmz.ru/pub/7/28554_1.htm (дата обращения: 22.02.2015)

5. Нелепо Б. Свежая кровь / Б. Нелепо. – URL: http://www.thr.ru/features/3729 (дата обращения: 22.02.2015)

6. Плахов А. Тонкий вкус крови / А. Плахов. – URL: http://www.kommersant.ru/doc/2448356 (дата обращения: 22.02.2015)

7. Таянова Т. [Рец. на фильм «Выживут только любовники» Д. Джармуша] / Т. Таянова. – URL: http://www.afisha.ru/movie/210656/review/548420 (дата обращения: 22.02.2015)

Д.А. Сотников, студ. ВУНЦ ВВС «ВВА» (Воронеж)
А.В. Варушкина, к.филол.н. ст. преп. ВУНЦ ВВС «ВВА» (Воронеж)

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ АРХЕТИПА ВОИНА В КИНОДРАМЕ «АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ» Ф.Ф. КОППОЛЫ

Обращение к образу современного воина представляется особенно актуальным в свете тех изменений, которые происходят в социально-политической, нравственно-духовной жизни современного общества.

Образы войны и мира представляют собой одну из форм осмысления современности, раскрытия «современного сознания» [3, с. 94], особенностей мировоззрения эпохи, «культурной модели общества» [4, с. 204].

Образ воина – один из древнейших образов в искусстве. Так, древнейшие образы воинов, богатырей встречаются в Старом Завете, греческих мифах и легендах, преданиях о самураях, былинах, сказаниях, песнях, волшебных сказках. По словам У. Эко, «герой, силы которого превосходят обычную человеческую меру, - одна из констант человеческого воображения: от Геракла до Зигфрида, от Роланда до Пантагрюэля и так далее вплоть до Питера Пэна» [4, с. 177].

Среди характеристик архетипа «воин» западные последователи учения К. Юнга об архетипе выделяют следующие: азарт, состязательность (competitive), целеустремленность (purposeful), гибкость (adaptive), осторожность (mindful), решительность (decisive), дисциплинированность (disciplined), верность идеалам (loyalty), военное искусство (skillful) [2, URL].

Несмотря на несходство национальных, историко-культурных традиций изображения воинства, жанровое своеобразие, особенности сюжетного построения тех или иных произведений искусства о войне, образ воина с его мужественностью, неустрашимостью, жертвенностью представляет собой определенный культурный тип героя. По мысли У. Эко, современные герои популярной культуры воспроизводят «самые надежные и универсальные «архетипические элементы», которые доказали свою действенность в традиционной волшебной сказке» [3, с. 266].

В данной работе образ современного воина рассматривается как интерпретация архетипа воина на материале кинодрамы «Апокалипсис сегодня».

«Апокалипсис сегодня» (“Apocalypse now”, 1979) реж. Ф. Ф. Копполы, снятый по мотивам «Сердце тьмы» Дж. Конрада, – одна из лучших лент о Вьетнамской войне в американском кинематографе (занимает 30 место в списке 100 лучших фильмов, по мнению Американской Академии Киноискусства), обладатель премий Оскар 1980 г., Британской академии 1980 г., Берлинского кинофестиваля, Каннского кинофестиваля и др.).

«Апокалипсис сегодня» разворачивается как история миссии капитана 173 воздушно-десантной бригады Бенджамина Уилларда по поиску и ликвидации дезертировавшего полковника американской армии Уолтера Курца, живущего в джунглях Камбоджи с группой местных жителей, почитающих его за божество.

Фильм Ф. Ф. Копполы, повествующий о событиях 1969 года, изображает множество реалий Вьетнамской войны (1950-1975 гг.): широкое использование авиации при

ведении боевых операций (эскадрильи вертолетов, атакующие вьетнамские деревни под звуки «Полета Валькирий» Р. Вагнера), мощнейшее современное оружие («запах напалма поутру»), безжалостные убийства мирных жителей (расстрел торговцев в лодке), моральное разложение американских военнослужащих, проходящих службу во Вьетнаме.

Действительно, 1969 год был во многом знаменательным для истории вьетнамского конфликта. К власти пришел президент Никсон, обещавший «достичь достойного мира» и провести переговоры о выводе американских войск, число которых на территории Вьетнама достигло полумиллиона, а среди погибших числилось 33 629 американских военнослужащих. Однако на деле это обернулось продолжением ожесточенных столкновений: обстрелы американских баз, в результате которых погибло 1 140 военных; широкомасштабные бомбовые удары по базам Вьетконга, окончание операции "Rolling Thunder' (1965-1968), в результате которой было убито 180 000 мирных жителей, воздушные штурмы для уничтожения ставок противника, массовые убийства мирных жителей [1, URL].

В центре повествования – история блуждания по джунглям капитана Уилларда, встречающего множество американских военных, которая разворачивается и как история блуждания по дебрям души героев, история познания ее потаенных уголков.

С одной стороны, полковник Курц – олицетворение лучших качеств американского военного: бесстрашие, мужественность, преданность идеалам *("two ways home – death or victory"), особое благородство ("he's a great man")* [5]. С другой стороны, Курц – фанатик, безжалостный убийца (*"insane, totally insane"*), современное воплощение идеи ницшеанского сверхчеловека: *"He's out there operating without any decent restraint, totally beyond the pole of any acceptable human conduct"* [5].

Таким образом, «Апокалипсис сегодня» ставит сложные нравственно-этические проблемы: проблему гуманности и воинского долга, границы приемлемых и неприемлемых методов ведения войны, исполнения долга и жестокости:

"- Are you an assassin?

- No, I'm a soldier" [5].

Блуждание по джунглям в поисках «безумного» Курца предстает блужданием по кругам ада, где каждый участник войны сходит с ума по-своему – от страха, от бездеятельности, пороков (алкоголизм, наркомания), бессилия перед собственными инстинктами, и по-своему безумен: *"Well, you see, William these war things get confused out there. Power, ideals, old morality and practical military necessity. But out there there's these natives. It must be here a temptation to be God. Because there's conflict in every human heart between the rational and irrational. Between good and evil. And good doesn't always triumph. Sometimes the dark side overcomes what Lincoln called, 'the better angels of our nature'* [5].

Война в «Апокалипсисе» являет себя не столько во внешнем плане, сколько в плане внутреннем как извечная битва между Добром и Злом. При этом война, в отличие от архетипического образа как правого дела, защиты родной земли и народа, изображается как кошмар, преддверие Ада, Апокалипсис, коллективное безумие: *"You are fighting the biggest nothing in history"* [5]. Между тем образ войны подвергается в «Апокалипсисе» определенной эстетизации: реки крови, живописные останки жертв вокруг святилища Курца, вертолетная атака вьетнамских деревень под звуки «Полета Валькирий» Р. Вагнера.

Образ воина в «Апокалипсисе» предстает как сложный, неоднозначный. С одной стороны, военный является носителем лучшего, идеального, что есть в человеке – сопереживание, взаимовыручка, верность долгу; с другой стороны, в образе воина явственно предстают «темные» стороны человеческой души – агрессия, животные инстинкты, кровожадность: *"you're an animal and a god*" [5]. Сложность воинской профессии состоит в

конфликте между идеалами и потребностями военного времени, размытостью границ между человечностью и бесчеловечностью, с которым сталкиваются военнослужащие в условиях военного времени, неспособностью военных найти свое место в мирной жизни *(“lost soldier”, “quite meaningless”, ‘kills or loves”)* [5].

Литература

1. Бригхэм Р. Краткая история Вьетнамской войны: [Электронный ресурс] / Р. Бригхэм. – URL: http://artofwar.ru/f/foreign/text0570-4.shtml. (дата обращения 25.09.2014).

2. McKay Bret and Kate. The Four Archetypes of the Mature Masculine: The Warrior: [Электронный ресурс]. – URL: http://www.artofmanliness.com/2011/10/23/the-four-archetypes-of-the-mature-masculine-the-warrior (дата обращения: 26.10 2014).

3. Тагильцев А. А. «Туман войны»: образ Великой Отечественной войны в современной массовой литературе / А. А. Тагильцев // Филологический класс. – 2012. – № 3. – С. 94-96.

4. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – М. ; Спб. : Symposium, 2005. – 502 с.

Фильмография

5. «Апокалипсис сегодня» / Apocalypse now. США, 1979. Режиссер: Francis Ford Coppola. Сценарий: John Milius, Francis Ford Coppola и др. Актеры: Martin Sheen, Marlon Brando, Robert Duvall etc. Жанр: Drama, War. Премьера в США и массовый прокат с 10.05.1979.

СЕКЦИЯ
«РЕКЛАМА И ИНТЕРНЕТ В СОВРЕМЕННОМ СОЗНАНИИ»

Т.В. Болдинова, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец).
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Л.А. Новосельцева

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКОНА АНГЛИЙСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ГЕЙМЕРОВ

В середине XX в. активно начали развиваться компьютерные технологии, что привело к появлению в языке профессионализмов, необходимых для общения компьютерных программистов. Создание компьютерного сленга стало необходимым для быстрого и эффективного общения в сети Интернет [2, URL]. Сегодня изучение этого сленга является актуальным, так как все больше слов из данной группы английского нелитературного вокабуляра коммуниканты употребляют в повседневной жизни. Некоторые из этих английских неологизмов проникают в другие языки, в том числе, в русский.

В нашей статье мы планируем рассмотреть структурно-семантические особенности лексики одного из видов компьютерного жаргона – игрового сленга. За последние десять лет большую популярность среди молодежи приобрели компьютерные игры, которые заметно влияют на их повседневный лексикон, манеру общения, на речь в целом. Игровой сленг представляет собой особую языковую систему, сложившуюся на базе ключевой лексики определенной компьютерной игры. Он сформировался в целях ускорения общения между игрокам, и для его понимания нужно глубоко проникнуть в определенную виртуальную реальность, находящую отражение в системе языковых средств.

Следует отметить, что самой главной и наиболее распространенной особенностью языка игрового жаргона являются сокращения как ведущий способ словообразования. Материалом нашего исследования стал язык обсуждений на сайтах таких игр, как GTA [3, URL], World of Warcraft [4, URL] и Civilization V [5, URL]. Отобрав пятьдесят шесть языковых единиц игрового сленга, мы решили исследовать особенности его употребления геймерами. Исходя из собранного языкового материала, мы определили основные приемы его изучения, такие как классификация, структурно-семантический анализ и функциональная релевантность.

A) Языковые единицы игрового компьютерного сленга можно сгруппировать по степени распространенности.

1. Сокращения, которые понятны *всем пользователям сети Интернет*: TBH – to be honest, I dunno – I don't know, pop servers – popular, info, LOL, gif, idk, rep faction – reputation faction и т.д.

2. Сокращения, которые характерны для *всех геймеров*, например: PVP – Player vs Player, RP – Role Play, MMORPG (MMO), afk people (away from keyboard), ammo (ammunition).

3. Сокращения и аббревиатуры, которые характерны *только для определенных игр*. Данная группа интересна тем, что сокращения и аббревиатуры, используемые в World of Warcraft, не могут быть употреблены в других онлайн-играх, например, таких как Battlefield 4 (BF4). Связано это с тем, что данный сленг складывался внутри игрового мира в течение 10 лет. Коммуниканты, в первую очередь, сокращают сами названия игр: WoW, GTA, Civ. Кроме того, игры имеют разные дополнения, которые тоже превращают в инициальные аббревиатуры, например: WOTLK, RDR, TESIV, WOT, PTR – Public Test Realm.

B) Английский лексикон геймеров можно классифицировать и по способу словообразования; он может быть представлен различными формами.

1. Инициальные сокращения: PvP, RP, MMORPG, BoP (blind on pickup), afk и др.;

2. Сокращения конца слова. Данный вид встречается чаще всего: lux (luxury), min (mining), cal (calendar), dev (development), atm (atmosphere);

3. Сокращения, как начала, так и конца слова. Данный способ встречается редко: HQ (headquarter), xp (experience). Заметим, что здесь мы наблюдаем системное сокращение базовых морфем: начальных букв основ сложносоставных слов или приставки и корневой морфемы.

4. Звуковой аббревиацией: u (you), 4 (for), 5n (fine), 2G (too good).

Цель сокращений – позволить игрокам тратить меньше времени на написание сообщений. Следует отметить, что объем сообщений и количество сокращений в них зависит от динамичности игры.

Следующей особенностью игрового сленга являются слова, которые понятны только пользователям определенной «игровой вселенной», потому что они относятся к названиям определенных виртуальных кланов, персонажей, миров, оборудования, характеристик и т.д., например: vanilla (классический WoW), belf – blood elf, blue quality (игровой уровень). Если мы говорим об игре «Цивилизация», то ее пользователи часто используют общеупотребительную литературную лексику: wheat, horses, luxes, mines, chopping, roads и т.д., так как они развивают свое виртуальное государство при помощи создания узнаваемых экономически и социально-значимых объектов. Данные слова являются ключевыми (key-words), так как они связаны с темой игры.

Отсюда следует, что всю игровую компьютерную лексику мы можем классифицировать по нескольким признакам.

I. Слова с измененной семантикой:

1) лексика из литературного вокабуляра, например, слово «patch» приобрело очень интересное значение в игровом сленге. Как единица литературного вокабуляра оно имеет значение «заплатка, лоскут». Исходя из этой семантики, становится ясным, почему в игровом сленге оно значит «дополнение, обновление»;

2) сленговые неологизмы, например, «newb» (noob, newbie) в значении «новичок». Чаще всего слово является оскорблением, используемым для того, чтобы подчеркнуть плохую игру соперника. Оно образовано суффиксальным способом от слова «new» (которое относится к нейтральному слою лексики английского языка) при помощи суффикса «b» и уменьшительно-ласкательного суффикса «-ie».

II. Слова с измененной структурой, в которой можем отметить:

1) пропуск немой «e» на стыке двух корней, например: gameplay -> gamplay;

2) отсутствие пунктуационного знака: battle.net -> battlenet.

3) опущение апострофа. Чаще всего это происходит с оборотом it is = it's: «its going to be a, mmorpgwaofafstd». Данное явление может встречаться и в других конструкциях, например: «theyll prob keep releasing screenshots» или «I COULDNT EVEN FINISH MY DAILY HERB AND MINING TOURS TODAY!». Мы можем вспомнить эксперимент Б. Шоу с языком его пьесы «Пигмалион», где он прописал все стяженные формы глагола to be с местоимением без апострофов, в результате это привело к затруднениям актеров при работе с текстом пьесы;

4) словослияние, которое нередко встречается в языке геймеров: oldschool, login, a lot, fangasm.

III. Слова с измененной графикой:

1) ch -> k (skool);

2) a -> o (capitol);

3) ve -> th (hath). Отметим, что здесь наблюдается архаизация формы глагола to have – возврат к исторически существовавшей форме 3 лица единственного числа.

В процессе игры пользователи испытывают много эмоций, им приходится сублимировать их через язык. Нам кажется, что изучение этого вопроса является наиболее перспективным. Хакерами была создана система эмотиконов (emoticons) – цикл семиотических знаков, встречающихся только в компьютерном жаргоне. Самые легко толкуемые эмотиконы – это ☺ и ☹. В целях удобной формы общения их чаще всего передают значками, созданными при помощи клавиатуры[1, с. 3]: : -) – позитивное отношение;

: - (- негативное отношение; : - P – дразнящее лицо; : - D (xD) – смех.

Для выражения любых эмоций игроков (злости, удивления, крика) часть текста вводится большими буквами, например: «I am playing this game for a while now but I have never witnessed SO MANY of my friends in battlenet being offline for DAYS and almost always disconnecting in mere hours». Слова, написанные заглавными буквами, выражают удивление игрока.

Пользователи игр прибегают к многократному повторению букв и знаков чаще всего для выражения восторга, например: «This will be a awesome birthday present for me. Niiice».

Для того, чтобы придать своим словами эмоциональную экспрессивность, игроки нередко используют вульгаризмы: «yeah I have to say, WOD sucks so far … ».

Подводя итоги нашему исследованию, отметим, что в настоящий момент английский вокабуляр игрового компьютерного сленга переживает процесс интенсивного пополнения новой лексикой. На основе анализа этой письменной формы языка можно проследить ведущие словообразовательные и семантические инновации, которые оказывают влияние на устные разговорные формы коммуникантов. К таким лексическим единицам относятся сокращения из группы А (п. 1, 2) и В (п. 2, 3), неологизмы с измененной

семантикой (п. 1.1 и 1.2). Существуют изменения в структуре слов (группа II, п. 1, 2, 3, 4) и в способах их написания (группа III, п. 1, 2, 3), что накладывает отпечаток на грамотность молодежи. Кроме того, хакерам и пользователям сети Интернет удалось создать такую систему передачи эмоций средствами невербального общения, которая позволяет нам понять чувства и переживания нашего собеседника.

Литература

1. Чирвоный А. С. О некоторых графических особенностях компьютерного сленга / А. С. Чирвоный // Вісник Запорізького державного університету. – 2002. – № 1. – С. 1-6.

2. Антропов С. Мама, клава, крыса-мышь. Откуда он взялся - компьютерный жаргон / С. Антропов. – [URL: http://www.comprice.ru/articles/detail.php?ID=41318].

3. GTA 5 Forums [URL: http://www.igta5.com/forums/].

4. General – Forums – World of Warcraft – Battle.net [URL: http://eu.battle.net/wow/en/forum/872818/].

5. Civilization 5. Fanatics' forums [URL: http://forums.civfanatics.com/forumdisplay.php?f=375]

Ю.О. Зольникова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. О.Н. Чарыкова

СЕТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

С развитием новых технологий, повсеместной компьютеризацией и глобализацией человечество меняет формы и виды своей деятельности. Новые веяния затрагивают все сферы, в том числе и литературу. Так с распространением интернета появилось новое явление – сетература.

Сетевая литература (сетература) – это один из видов литературы, конечный продукт которого размещён в сети. Обычная литература, перенесённая на просторы интернета, не имеет отношения к сетевой.

Несомненно, самым распространенным во всемирной паутине является английский язык, поскольку он наиболее тесно связан с использованием новых коммуникационных технологий и поскольку большинство компьютерных программ, необходимых для функционирования текстов, написано на английском. Вследствие названных причин изучению сетевой литературы на английском языке посвящено большее количество исследований. Гораздо меньше изучена русская и немецкая сетевая литература.

Как в России, так и в Германии сетевая литература возникла в конце XX – начале XXI вв., то есть изучать её можно в процессе развития, который только набирает обороты. В Германии существует такое понятие, как *сетевое искусство* – собирательный термин для художественных работ в сетях. В связи с этим следует акцентировать тот факт, что ученые обращаются к явлению, еще не получившему своего окончательного оформления и развивающемуся по мере его описания. Также освещение проблем сетевой литературы пока нечасто выходит за пределы самого интернета.

Представляет интерес рассмотрение вопроса о том, можно ли говорить о национальных особенностях сетевой литературы. Сопоставительный анализ показал, что между русской и немецкой сетевыми литературами существуют как общие черты, так и различия нелингвистического и лингвистического характера.

К числу общих для обеих сетератур нелингвистических параметров относятся такие: а) написание новых сюжетов на основе уже имеющихся, то есть вторичность текста, и распространившийся новый жанр литературы – фанфикшн; б) процессуальность – тен-

денция, свойственная интернету вообще (возможность немедленного включения текста в процесс коммуникации по поводу литературы, а также моментальный отклик читателя); в) формирование коммуникативной среды, то есть обсуждения и комментирования, определённого круга читателей (хотя здесь существуют и различия – так, в русскоязычной сетературе возможно такое явление, как «смерть автора», и влияние отзывов на развитие сюжета, что практически не наблюдается в немецкой сетевой литературе).

Общими лингвистическими чертами являются следующие.

1. В обеих литературах существуют графические, лексические и синтаксические особенности, а также взаимодействие устной и письменной речи на всех уровнях языка (лексика, морфология, синтаксис) и связанное с этим процессом взаимное влияние языка интернета и художественного языка.

2. В лексике обеих сетератур активны процессы создания неологизмов и сокращения слов (хотя для последнего используются разные способы словотворчества), внедрения иностранной лексики (по большей части – англицизмов).

3. В синтаксисе в построении предложений заметна тенденция к созданию простых и коротких конструкций, хотя некоторые авторы, напротив, предпочитают многоуровневые, сложные предложения.

Таковы общие черты русской и немецкой сетератур.

Как уже указывалось, помимо общих черт русская и немецкая сетературы имеют и отличающие их особенности. К числу различающихся в обеих сетературах нелингвистических параметров относятся следующие.

1. Главным отличием является конечная цель написания произведения. В русской сетературе – это размещение в сети и быстрый отклик читателя, в немецкой – публикация текста в самостоятельном виде (печатном издании).

2. При сопоставлении нелингвистических параметров выявляется, что, с одной стороны, нелингвистические особенности русской и немецкой сетератур практически не различаются, хотя с другой стороны – желание использовать мультимедийные и гипертекстуальные возможности у немецких авторов выражается крайне слабо.

3. Для русской сетевой литературы характерны мультимедийность и нелинейность текста, а для немецкой – создание комиксов (жанра, который фактически отсутствует в русскоязычной сетевой литературе); в немецкой сетературе не усматривается также склонности к афористичности, формирование коммуникативной среды не является самоцелью; нет в немецкой сетературе и такого явления, как «смерть автора».

К числу различающихся в обеих сетературах лингвистических параметров относятся следующие.

1. В русской и немецкой сетературах существуют свои лингвистические особенности, но в немецкоязычной – в текстах чаще используются такие средства выражения, которые впоследствии легко перенести в бумажный вариант произведения.

2. В отличие от русской сетературы, где писатели стараются придумать новые и новые лингвистические средства выразительности (к примеру, активно используют графику, то есть вставляют в текст различные знаки и символы), в немецкой авторы стараются придерживаться стандартных моделей, сохраняя обыкновенный, «бумажный» язык.

3. Сознательное нарушение литературных норм и правил как способ создания нового языка – сетевой литературы крайне редко используется немецкими писателями, в отличие от русских.

4. Применительно к отдельным языковым уровням индивидуальными чертами в русской сетевой литературе являются некоторые новшества в сфере графики (к примеру, заборчик) и вообще активное творчество в данной сфере, двуалфавитность и связанная с

ней языковая игра, а также «албанское» письмо; в немецкой сетевой литературе – это употребление контрактур и агрегативность в построении предложения.

Таким образом, при явной тенденции к глобализации русская и немецкая сетевая литература сохраняет и национальные черты.

Н.В. Коратаева, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. Н.М. Вахтель

БИТВА. ПОРАЖЕНИЕ. ПОБЕДА. (КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ)

В современном мире, когда телевидение, а также печатные издания имеют большое влияние на людей, целью рекламодателя становится привлечение внимания зрителей и читателей именно к своему товару, задачей – сделать так, чтобы его продукт среди ряда подобных находился бы в выигрышном положении, заставить потребителя, находящегося в магазине, вспомнить яркий образ, созданный рекламой, и приобрести товар. Военная метафора в таком случае как нельзя лучше помогает в рождении образа «защитника» и «врага» по отношению к покупателю. Ключевые образы-символы, входящие в состав «военных» метафор, таковы: поражения, победа, битва, оружие, меч. Чтобы создать успешный бренд, необходимо определить своего «врага». Это может быть конкурирующий бренд, компания или категория товаров, которые будут мешать успеху вашего бренда.

Если классифицировать военные метафоры с точки зрения частиречной принадлежности, то можно выделить:

1) субстантивные (связаны с принадлежностью к категории имени существительного);

2) глагольные (связаны с принадлежностью к категории глагола);

3) адъективные (связаны с принадлежностью к категориприлагательного);

4) адвербальные (связаны с принадлежностью к категории наречия).

1. Субстантивные

«*Солнце – наш* ***враг****, потому что ультрафиолетовые лучи ускоряют старение кожи»,* «Cosmopolitan», июль 2002; *«Японский Генерал у вас на службе. Кондиционеры GENERAL Fujitsu, Japan», «Ва-банкъ», № 39, 2004; «Coldrex MaxGrip – сильнее других лекарств от гриппа и простуды. НовыйColdrex MaxGrip – сокрушительный удар по гриппу!»; «Почти ежедневно – гидромассажные ванны с фитоотваром, лечебные массажи, лимфодренажи, заканчивающиеся прессотерапией – настоящей атакой на целлюлит», «Мир Аэрофлота», № 50, 2002; «Последние новости на этих фронтах – планы салонов Adidas и Reebok, руководство которых решило опять поиграть в монобрэндовые игры», «Покупай лучшее», № 12, 2002.*

2. Глагольные

*«Только Colgate Total борется с двенадцатью проблемами зубов и десен 12 часов!»; «Боль схватила за горло? Разожми ее железную хватку! «Септолете»! Когда микробы атакуют****,*** *дай отпор!»*; *«Secret-крем. Защитил бы даже мужчину, но создан специально для женщин!», «Cosmopolitan», сентябрь 2002;«Сабельник не просто находит и отсекает боль, он убивает само заболевание суставов и позвоночника», «Ва-Банкъ», № 44, 8 ноября 2002;«Если вы почувствовали боль, нанесите ответный удар. Солпадеин. Бьет точно в цель».*

3.Адъективные

«Тизин Ксио БИО. В состав этого антигистаминного лекарственного средства входит действующее вещество левокабастин, селективно блокирующий Н1-гистаминовые рецепторы и имеющий продолжительное действие»; «Солпадеин» – мощное оружие, бьющее точно в цель!»;«Сабельник Эвалар – отсекающий болезнь. Он не просто находит и отсекает боль, он лечит само заболевание суставов и позвоночника. Спрашивайте в аптеках, заказывайте по почте и отсекайте болезнь»; «Чтобы сокрушить боль, нанесите ответный удар! «Солпадеин» – мощное оружие, бьющее точно в цель!».

4.Адвербальные

«Макаронные изделия под торговой маркой «Байсад» стремительно и неудержимо стали завоевывать предпочтение потребителей», «Ва-банкъ», № 51, август 2003.

Если говорить о том, какая военная лексика по частеречной принадлежности способна к употреблению в качестве метафоры, то с уверенностью можно сделать вывод, что среди метафоризованных военных терминов используются преимущественно имена существительные и глаголы, то есть субстантивные (50%) и глагольные (35%) метафоры. Данный результат можно объяснить тем, что война сама по себе предполагает действие (в языке – глагол, например, *захватить*, *покорить*, *завоевать*, *наступать*, *заряжать*), а также связанные с ним реалии (в языке представлены именем существительным, например, *война*, *атака*, *борьба*, *десант*, *штаб*, *оборона*, *оружие*, *лагерь*, *армия*, *блокада*, *бойцы*, *кампания*, *фронт*, *победа*). Адъективные метафоры (10%) представлены в гораздо меньшей степени. Адвербальные (5%) практически не встречаются.

Важно отметить, что метафора не только уменьшает мыслительные затраты на восприятие того или иного объекта, перенося в когнитивную область цели не все, а лишь некоторые из свойств источника. Именно это высвечивание определенных, важных для автора метафоры свойств предметов и явлений действительности дает возможность манипулировать общественным сознанием.

Постоянное использование военной метафоры, вероятнее всего, отражает культурно-национальные особенности народа, выражающиеся в том, что военная служба и военная символика всегда были значимы для России. Кроме того, это связано еще и с тем, что рекламная деятельность осуществляется с целью «завоевания» новых рыночных позиций, где постоянно идет война между конкурирующими компаниями, и поэтому военная лексика – один из основных источников метафорической экспансии в рекламных текстах.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о широком распространении военной метафоры в современных рекламных текстах. Военные метафоры, прежде всего, – сильное средство речевой выразительности. Они формируют общественное мнение благодаря запоминающимся образам.

В.А. Стожко, студ. филологического ф-та ВГУ.
Науч. рук. – к.пед.н. доц. О.П. Макушина

СВЯЗЬ ТИПОВ ДОВЕРИЯ С ОСОБЕННОСТЯМИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ЛИЦ, СКЛОННЫХ К ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОНЛАЙН-ИГР

В настоящее время индустрия компьютерных игр активно развивается. Игры становятся более красочными, более реальными, привлекая все больше и больше людей. Особенно быстро развивается индустрия так называемых онлайн-игр. В связи с этим

растет число пользователей компьютерных игр. Неудивительно, что у такой большой по численности группы людей имеются свои особенности.

Известно исследование, в ходе которого было выявлено, что у людей, ориентированных на субкультуру игроков, просматривается предрасположенность к уходу из мира реальных взаимодействий в мир виртуальный. Это проявляется в оценке ими отношений с родителями, сверстниками как конфликтных, враждебных, агрессивных. Распространение информационных технологий и, как следствие, увеличение числа пользователей интернет-ресурсов приводит к необходимости изучения наряду с феноменом склонности к зависимости от онлайн-игр феномена доверия. Одной из особенностей современного общества можно считать его переход к информационной стадии развития. Но без достаточного запаса доверия общество становится нестабильным, конфликтующим, что отражается на всей жизнедеятельности социума: происходит отчуждение людей, расшатывание морально-нравственных установок, утрата доверия [1]. Особенно недостаток доверия сказывается на пользователях онлайн-игр. Отсутствие доверия приводит к проблемам в межличностных взаимоотношениях. Чтобы восполнить предполагаемый недостаток близости, пользователи погружаются в виртуальный мир, вступая во взаимодействие с другими игроками.

Все сказанное выше побудило нас к изучению связи типов доверия с особенностями межличностных отношений у лиц, склонных к зависимости от онлайн-игр.

Под особенностями межличностных отношений мы понимаем готовность индивида принимать остальных; склонность принимать участие в деятельности других; степень контроля над остальными; склонность подчиняться контролю со стороны других; стремление быть в близких отношениях; готовность к тому, чтобы другие были эмоционально более близкими [2]. Под склонностью к зависимости от онлайн-игр мы подразумеваем потребность в игровой деятельности, осуществляемой систематически, независимо от того, какие последствия это за собой влечет. Доверие мы определили следующим образом: ожидание справедливости в отношении явлений и объектов окружающего мира, а также других людей и их будущих поступков, основанное на безусловном расположении, открытости и интересе.

В выборку вошли лица от 13 до 32 лет, играющие в онлайн-игры. Общий объем выборки 216 человек.

По результатам исследования мы можем сделать заключение о связи типов доверия с особенностями межличностных отношений у лиц, склонных к зависимости от онлайн-игр. А именно:

1) доверие себе в умении строить отношения с окружающим миром и другими людьми связано прямой связью с готовностью принимать остальных; со склонностью принимать участие в деятельности других людей; со степенью контроля индивида над остальными; со стремлением быть в близких отношениях; с готовностью к тому, чтобы другие люди стремились быть эмоционально более близкими.

2) доверие себе в умении давать оценки и строить прогнозы связано прямой связью с готовностью принимать остальных; со склонностью принимать участие в деятельности других людей; со степенью контроля индивида над остальными.

3) доверие другим в умении сотрудничать и помогать связано прямой связью со склонностью принимать участие в деятельности других людей; со склонностью подчиняться контролю со стороны других.

4) недоверие миру и другим как безответственным и несправедливым связано обратной связью со стремлением быть в близких отношениях; с готовностью к тому, чтобы другие люди стремились быть эмоционально более близкими.

5) недоверие миру и другим как опасным объектам связано обратной связью с готовностью принимать остальных; со склонностью принимать участие в деятельности других людей; со стремлением быть в близких отношениях; с готовностью к тому, чтобы другие люди стремились быть эмоционально более близкими.

Указанные связи говорят нам о типичных особенностях поведения лиц, склонных к зависимости от онлайн-игр. Данные индивиды имеют мало выраженное стремление принимать остальных и принадлежать к различным социальным группам; мало выраженное стремление к тому, чтобы окружающие приглашали их принимать участие в совместной деятельности; мало выраженное стремление контролировать и влиять на остальных; мало выраженное стремление к тому, чтобы окружающие контролировали индивида и влияли на него; слабо выраженное стремление быть в близких, интимных отношениях и стремление к тому, чтобы окружающие были эмоционально более близкими. Все это приводит к страху установления социальных контактов. Человеку сложно перебороть свое недоверие, сложно принять остальных без боязни быть отвергнутым. Страх потерпеть неудачу в реальных социальных отношениях приводит к тому, что индивид погружается в виртуальный мир и увлекается онлайн-играми. Онлайн-игра позволяет знакомиться с тысячами игроков по всему миру, создавать виртуальные сообщества и общаться с игроками в режиме реального времени. Скрываясь за маской игрового персонажа, человек отчуждается от своей личности, отождествляясь с выбранной ролью в игре. Вживаясь в роль персонажа игры, человек избавляется от страха потерпеть неудачу в реальных отношениях, у него появляется чувство окрыленности, могущества. Это позволяет ему устанавливать отношения с другими пользователями онлайн-игры, компенсируя тем самым недостаток отношений в реальном мире.

Литература

1. Материалы III Всероссийского социологического конгресса. – М. : Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.

2. Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002.

Е.В. Чаплин, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. М.Я. Розенфельд

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР

В своей прошлой статье мы рассматривали типы текстов компьютерных игр и выделяли их основные языковые и внеязыковые особенности [2].

Напомним, что тексты в компьютерных играх можно разделить на четыре типа: тексты помощи, которые, в свою очередь, делятся на туториал (от англ. *tutorial* – наставнический) и автономную справку (FAQ)); литературные тексты (сюжетные); тексты заданий (технические); тексты описаний. Важно отметить, что для объективной редакторской работы над текстом компьютерной игры надо учитывать не только его стиль, но и вид.

Тексты компьютерной игры, как и любые тексты, должны проходить редакторскую обработку, однако в большинстве случаев при подготовке компьютерной игры к выходу литературному редактированию и корректуре текстового массива уделяется очень мало внимания. Это объясняется тем, что в компьютерной игре множество составляющих. Программисты пишут исполняемый код, интерфейс и графическую оболочку, в

то время как сценаристы создают тексты заданий и имена собственные, а это вносит свои коррективы в редактирование.

Тексты компьютерных игр имеют ряд особенностей. Во-первых, игра представляет собой объединение нарратива, сюжета, геймплея, видеоряда или видеозаставок и интерактивности – способности игрока влиять на виртуальный мир и наоборот. Во-вторых, тексты представлены в электронном виде и являются составной частью файлов игры, поэтому редактор зачастую правит текст в различных программах (Microsoft Word, Microsoft Excel, Aditor Pro 3.10, UltraEdit и др.). В-третьих, игры включают в себя не только сюжетные тексты, но и тексты интерфейса (туториал, FAQ), тексты описаний и тексты заданий, которые также должны правиться редактором.

В работе мы предлагаем рассмотреть общие требования к редактированию текстов компьютерных игр. Для начала выделим технические аспекты редактирования игровых текстов.

1. Текст компьютерных игр может содержать в себе переменные, спецсимволы, символы переноса строки, которые нельзя удалять. Если их удалить, то часть текста не будет отображаться и нарушится игровой процесс.

2. Перед началом работы следует отключить любую автозамену при вводе слова в Word, Excel и другие программы для работы с текстом, поскольку автозамена может привести к огромному количеству программных ошибок.

3. Нельзя использовать букву Ё в тексте, потому что она не помещается в ячейки ASCII-таблицы Excel, отведенные под алфавит. Единственная Ё, пропущенная редактором, может привести к тому, что игра не будет работать.

4. Прямые кавычки " " являются частью кода игры, поэтому вместо них нужно применять апострофы “ ”.

Рассмотрев технические аспекты редактирования, перейдем к общим требованиям по редактированию текстов компьютерных игр.

1. Необходимо проверять текст на наличие опечаток с помощью программных средств.

2. Следует смотреть в словарях или интернете правильность написания неизвестных слов или словосочетаний; географических терминов; имен исторических личностей, богов, героев мифологии и т. д.

3. Нельзя сокращать текст без весомых оснований и без консультации с автором и архитектором игры.

4. При редактировании текста средних и крупных игр рекомендуется составлять рабочий глоссарий специфических номинаций.

5. Канцелярит может быть использован в текстах, которые стилизованы под официальные документы: научные труды, циркуляры, распоряжения, юридические акты и т. д.; в руководствах пользователя, инструкциях, лицензионных соглашениях.

6. Рекомендуется проверять средствами интернета рифмованные цитаты или цитаты, не соответствующие стилистике данного персонажа. Это могут быть скрытые цитаты или отсылки к другим произведениям. Очень часто разработчики делают отсылки к классическим литературным произведением, популярным телесериалам, песням, комиксам, книжным сериям и культовым компьютерным играм предыдущего поколения.

7. Тавтология и тавтологичные сочетания допускаются в руководствах пользователя, инструкциях, обучающей части игры, описаниях некоторых заданий, но в художественной части текста их не должно быть.

8. Необходимо избегать нагромождения конструкций типа: «что... что...» и «который... который...» в одном предложении. Это стилистически неверно.

Большинство игр, пользующихся огромной популярностью у геймеров и представленных на российском рынке, являются локализациями (локализация – глобальный перевод игры с одного языка на другой, включающий в себя перевод текста, озвучки, надписей на объектах и т. д.) с английского, китайского, японского, реже немецкого, французского, украинского и т. д. При локализации игр переводчики часто допускают ошибки, связанные с неверным или неточным переводом слова, но они допускают также ошибки, связанные с заимствованием графики, пунктуации и орфографии языка оригинала.

Ниже приведены примеры подобных ошибок.

1. Знаки препинания, которых нет в русском языке: «ї» и «Ў» «ўї» «!?» «⁉» «.....» «???» «..?» и т. п. В русском языке есть следующие сочетания восклицательного и вопросительного знаков препинания: «?!» «?!!» «!!!» «?..» «!..».

2. В русских текстах при написании чисел для отделения тысяч не используются ни точки, ни запятые – 300,000; 300.000. Допускается использование пробела для удобства отсчета: 300 000.

3. В английских названиях номенклатурных единиц все слова пишутся с прописной буквы. В русском тексте ее следует менять на строчную: *Межконтинентальные Баллистические Ракеты (нужно: межконтинентальные баллистические ракеты)*. Искл.: *Таинственный Ужас Неизведанных Глубин* (ирония).

4. С прописной буквы в русском пишутся обращения (мистер, миссис, мисс), названия должностей (президент, вице-президент).

5. В английском, немецком и некоторых других языках звукоподражания пишутся сплошным текстом: «Аааа!», «ооо», «ууу», «бррр», «хррр» и т. п. В русском – одинаковые буквы нужно разделять дефисом: «А-а-а-а!», «о-о-о», «хр-р-р». То же относится к речи заикающихся персонажей: дефис (д-д-дефис) или три точки (т... три т... т... точки) в случае, если нужно передать на письме особо тяжелое заикание.

Одной из проблем, с которыми никогда не сталкиваются редакторы книг и фильмов, являются случаи, когда вместо героя, боевой единицы, названия ресурса и т. п. может фигурировать *переменная*. Соответственно, предложение с ней должно быть построено таким образом, чтобы слово, которое появится в игре на месте переменной: а) стояло в именительном падеже; б) не сопрягалось со словами, имеющими родовые окончания; в) в некоторых случаях – могло бы фигурировать как в единственном числе, так и во множественном.

В случае, когда предложение нельзя составить, можно использовать скобки и двоеточия: «ваше существо (%s) достигло уровня: %n». Необходимо следить также за количественными переменными – «1 единиц» звучит очень некрасиво.

Кроме того, частой ошибкой редакторов является то, что они забывают добавлять переменную в исправленный текст. В результате фраза, обращенная к персонажу мужского пола, может выглядеть как: *«Теперь ты защитница Альянса»*.

Сейчас в большинстве игр герой может быть любого пола. В таких играх особенно внимательно редактор должен следить за диалогами и дневниковыми записями. До сих пор встречаются игры (среди малых и средних), где нет возможности создать два файла с диалогами персонажей в папке с игрой («мужской» и «женский») или добавить отдельные переменные для слов с разными родовыми окончаниями, поэтому редактору необходимо реже использовать конструкции с признаком пола персонажа.

Примерами обращений, относящихся к любому полу, могут быть: *бедняга, бродяга, владыка, герой, дитя, добрая душа, зараза, зайчик и др*. Эти обращения позволяют корректно отображать диалоги игроков и неигровых персонажей.

Кроме того, рекомендуется использовать безличные фразы типа *«мне удалось», «мне пришлось»,* а также *«создание», «персонаж»* в качестве определений или перево-

дить часть глаголов в настоящее время (*«я думаю»* вместо *«я подумал»*), употреблять *«мы»* вместо *«я»* (если героев больше одного) и т. д.

Литература

1. Чаплин Е. В. Языковые особенности текстов различных типов в компьютерных играх / Е. В. Чаплин // Язык и национальное сознание. Вып. 21. – Воронеж : Истоки, 2015. – с. 94-99.

СЕКЦИЯ
«ТЕКСТ В ТЕКСТЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ»

А.И. Антонова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж).
Науч. рук. – д.филол.н. проф. Г.Ф. Ковалев

ОНОМАСТИКА ИРОИ-КОМИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ А.А. ШАХОВСКОГО «РАСХИЩЕННЫЕ ЩУБЫ»

В каждом литературном произведении имена собственные имеют свою специфику. Ономастика художественного текста имеет большое значение для художественного осмысления произведения, его содержания и изучения всего творческого наследия автора.

Однако надо сказать, что, изучая творчество А.А. Шаховского, исследователи лишь частично затрагивали в своих работах проблему имен персонажей. Современники драматурга, а вслед за ними и многие известные литературоведы, отмечали прототипность героев, особенно проявляющуюся в их характерах, манерах поведения, портретности.

Поэтому чтение Шаховским отдельных песен поэмы «Расхищенные шубы» и ее публикация вызвали большой шум. Подавляющее число откликов носило отрицательный характер. [1, с. 247, 333]. Что касается поэмы «Расхищенные шубы», то это произведение насквозь полемическое, направленное против многочисленных врагов Шаховского.

К.Н. Батюшков писал П.А. Вяземскому 27 февраля 1813 г.: «*Шаховской сам читал свои «шубы» (а он читает, как дьячок)... его «шубы» очень холодны… В его «шубах» не одному <В. Л.> Пушкину досталось, но всем честным людям: Карамзину, Блудову... какое невежество, какая бесстыдность!*» [4, с. 216].

Возмущения в адрес поэмы Шаховского «Расхищенные шубы» являются обоснованными. Автор создал значимый подтекст в этом произведении, и онимы помогают его вскрыть.

Один из героев поэмы наделен именем ***Спондей***. Под ним автор подразумевает Василия Львовича Пушкина. На это указывают такие фразы: «*Хотя в «Меркурии» романс твой помещен, / Хоть эпиграммою ты сделался известен*» [3, с. 103] и «*Нам нужны не слова, нам нужно просвещенье*»[3, с. 102]. Первую фразу в адрес Спондея произносит Цингилиус. Ее правдивость основывается на том, что в жизни В.Л. Пушкин печатался в журнале «Северный Меркурий» и одна из его эпиграмм принесла ему большую известность («Какой-то стихотвор..» или «Змея ужалила Маркела»). [3, с. 770]. Вторая фраза звучит из уст самого Спондея и представляет собой пародию на стихи В.Л. Пушкина из «Послания к Жуковскому». То есть Шаховской отождествляет Спондея с В.Л. Пушкиным.

Спондей – это стопа в античной метрике, состоящая из двух долгих слогов, но отсутствующая в русской поэзии. Таким образом А.А. Шаховской на ономастическом уровне выявляет чуждость русской литературе направления, в коем творит В.Л. Пушкин.

Упоминание о ***Меркурии*** тоже возникло не на пустом месте. На маскераде в него наряжается именно Спондей, при этом он напрямую зовется ***Меркурий Северный***. А «Северный Меркурий» – это журнал, издававшийся А.В. Лукницким в Санкт-Петербурге в 1809-1811гг. Когда в поэме во время танца на маскараде произошла путаница и смешение, в числе повалившихся на пол был и ***Меркурий***. Здесь А.А. Шаховской через оним дает открытую отсылку ко враждебному ему журналу. А под именем ***Глумлинского*** подразумевается и сам издатель этого журнала ***А.В. Лукницкий.*** Нельзя не заметить фонетическое созвучие этих фамилий. И в плане семантики фамилию ***Глумлинский*** А.А. Шаховской подобрал неспроста. Глумлинский – от «глумиться». Так что здесь вполне закономерна трактовка фамилии как «глумящийся над литературой и традициями».

В тексте поэмы 4 раза упоминается традиционное пасторальное имя ***Аглая***. Важно отметить, что так назывались альманах Н.М. Карамзина и сентиментальный журнал П.И. Шаликова. А.А. Шаховской полемизировал с этими авторами, поэтому весьма значимым является эпизод в поэме, когда Аглая оказывается валяющейся на полу.

Сын аптекаря Карлуша на маскараде выступает в образе ***Асмодея*** – злого духа. Такое прозвище было у ***П.А. Вяземского*** по балладе В.А. Жуковского «Громобой», написанной в 1810 г. [1, с. 29]. А.А. Шаховской создавал свою поэму с 1807-1811 гг, поэтому он вполне мог знать прозвище ***П.А. Вяземского*** и прямо, посредством данного теонима указать на него.

В жизни П.А. Вяземский рано лишился родителей, и его воспитывал Н.М. Карамзин. В поэме отца Карлуши и Юльхен (Аглаи) зовут ***Готлиб Курц***. На ономастическом уровне на ***Н.М. Карамзина*** больше указывает другой персонаж – лекарь-старшина ***Каратай***. Фамилия Карамзин переводится как 'черный мирза' (мирза – у тюркских народов титул человека знатного происхождения) [5, http://www.analizfamilii.ru/Karamzin/proishozhdenie.html], а Каратай – как 'черная гора'. И надо сказать, что татарское имя Каратай давалось мальчикам в качестве пожелания силы, власти и богатства. Если все это собрать воедино, то прослеживается идея, что Н.М. Карамзин – главная фигура среди литературных врагов А.А. Шаховского. Каратай в поэме является лекарем-старшиной и все герои к нему прислушиваются. И он же является главным зачинщиком злых умыслов в поэме.

Вообще в поэме практически все антропонимы по своему происхождению неславянские, то есть А.А. Шаховской отходит от «русскости», чтобы не быть понятым напрямую, чтобы подчеркнуть направленность на своих литературных противников (сторонников Н.М. Карамзина – приверженцев европейского в языке и литературе). Поэтому автор поэмы не дает героям красивых, экзотических имен, которые так любили сентименталисты-романтики. Но, вместе с тем, подчеркивая традиции классицизма, многих героев наделяет говорящими именами: гробового мастера зовут ***Фрейтод***, что переводится как 'легкая смерть', танцмейстера зовут ***Петипа*** (petitpas переводится как 'мелкий шажок').

Наряду с антропонимами, поэма пестрит теонимами. Имена богов здесь употребляются как в своем прямом значении (наименования древнегреческих и древнеримских богов и богинь), так и в переносном, метафорическом, значении для обозначения каких-либо явлений.

Важно отметить, что богиня мудрости ***Минерва*** танцует на маскараде с ***Арлекином*** шутом. Логически они взаимоисключают друг друга. Соединение Минервы с шутом можно трактовать как ***попранную мудрость***. Возможно, А.А. Шаховской это и подразумевал по отношению к литературному творчеству карамзинистов.

Итак, карамзинистов не могла не задеть поэма А.А. Шаховского «Расхищенные шубы», потому что в ней множество как открытых, так и скрытых намеков на них и их произведения.

Литература

1. Арзамас. Из литературного наследия «Арзамаса». Кн. 1. – СПб., 1994.
2. Арзамас. Из литературного наследия «Арзамаса». Кн. 2. – СПб., 1994.
3. Гозенпуд А. А. А.А. Шаховской / А. А. Гозенпуд // Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. – Л., 1961.
4. Сочинения К.Н. Батюшкова Т. 3. – СПб.. 1880 – С. 216.
5. http://www.analizfamilii.ru/Karamzin/proishozhdenie.html

А.П. Березовская, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. М.К. Попова

ЭПИГРАФЫ В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»

Роман Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» – своеобразный литературный эксперимент. Роман, действие которого разворачивается в XIX веке, написан в веке XX, в 1969 году. Для того чтобы точнее передать атмосферу 60х годов XIX века, автор использует эпиграфы: отрывки из произведений известных викторианских писателей и поэтов, а также отрывки из реальных исторических документов эпохи.

Всего в романе насчитывается 81 эпиграф (включая эпиграф ко всему роману), в 42 главах автор использует по одному эпиграфу, в 19 главах по два. Больше половины эпиграфов (48) являются отрывками из произведений четырёх знаменитых поэтов викторианской эпохи – А Теннисона (19), А. Х. Клафа (10), М. Арнольда (10), Т. Гарди (9).

Всего в романе используются произведения 17 разных авторов, общим количеством 45, из которых только Уильям Манчестер и Мартин Гарднер приходились Фаулзу современниками. Все остальные произведения были написаны в XIX веке, включая две английские народные песенки. Помимо авторских эпиграфов в романе присутствуют отрывки, извлеченные из исторических документов тех лет: городского отчёта доктора Дж. Саймона (1), доклада правительственной комиссии по надзору за детским трудом (1), доклада о положении в горнопромышленном районе (1) и из материалов газет (2).

Самым цитируемым автором является А. Х. Клаф (9 произведений), а самым цитируемым произведением – стихотворение А. Теннисона «Мод» (отрывки из которого стали эпиграфами к 12 главам).

Ввиду отсутствия названия глав, можно также определить, что эпиграфы выполняют в романе функцию названия. Фаулз намеренно не называет главы, а только нумерует их. Подобное использование эпиграфов многократно усиливает их значимость в романе. Они помогают воссоздать культурную и социальную обстановку эпохи, способствуют некой объективации авторского изображения XIX века.

Большинство эпиграфов в сжатой форме отражают содержательно-фактуальную информацию. То есть эпиграф задает тему, которую подхватывает и развивает следующий за ним текст. Это может быть стихотворный отрывок, отражающий мысли, переживания героя, либо это может быть описание природы или места, которое потом будет служить фоном для развития событий. Эпиграф к первой главе романа определяет место действия (морской берег) и предвосхищает встречу с таинственной незнакомкой (главный герой романа Чарльз в конце главы замечает неподвижную фигуру неизвестной ему

женщины). Примером эпиграфов, передающих эмоциональное состояние героя, можно назвать эпиграфы к 56, 58, 59, 60 главам. Чарльз, потерявший Сару, находится в крайне депрессивном эмоциональном состоянии, и автор помимо основного повествования подчёркивает это и отрывками из стихотворений А. Теннисона, Т. Гарди и М. Арнольда (56 глава: «О, если б души тех, кто был Нам мил в былые дни, Могли хоть раз поведать нам, Что с ними, где они...»; 58 глава: «Я не нашел ее примет – И ни единого сигнала Ее душа мне не послала; Ее уж нет, ее уж нет»).

Необходимо отметить, что смысл большинства эпиграфов романа осознается ретроспективно, и только ретроспективно авторская оценка становится понятной. В этом случае эпиграф приобретает несколько иное звучание, нежели при первом прочтении. Так, например, при первом прочтении 11 главы не совсем понятно, почему в качестве эпиграфа выбран отрывок из стихотворения про жениха дуреня и пустобреха, который не устраивает родителей невесты, когда из главы мы видим, что отец Эрнестины принял Чарльза с распростёртыми объятьями. Уже при втором прочтении романа становится понятно, что Фаулз как будто заранее предупреждает нас о неудачной помолвке героев. Ведь, в конце концов, Чарльз порывает с Эрнестиной в пользу Сары.

Ещё одной, выявленной нами, особенностью эпиграфов в «Женщине французского лейтенанта» является то, что каждый эпиграф закреплён не только за отдельной главой, но и может относиться ко всему произведению в целом. К главе 12, предвосхищающей встречу Сары и Чарльза, помещён вот такой эпиграф: «Но был ли мой счастливый день и впрямь безоблачен и ясен?». Прочитав главу, можно подумать, что встреча героев у сыроварни немного омрачена из-за того, что об их знакомстве узнали посторонние. Но уже к концу всего повествования становится понятно, что эпиграф можно отнести ко всему роману. Ведь, на самом деле, для Чарльза вообще встреча с Сарой оказалась роковой и то, что первоначально казалось ему настоящим счастьем, в конце концов, оказалось разочарованием.

Ещё есть эпиграфы, которые мы первоначально относим к одному из героев, но по продвижении сюжета становится возможным перенести их и на другого героя. Например, эпиграф к 60 главе, звучащий как «Она пришла, она здесь, Лалаге» мы первоначально относим к Саре, ведь он обозначает внутреннее ликование Чарльза перед долгожданной встречей с ней. Но этот же эпиграф можно отнести и к появившейся впервые в главе дочери Чарльза и Сары, которую зовут Лалаге.

Ранее мы говорили об эпиграфах, которые передают суть глав. Но есть в романе и часть эпиграфов, противоречащих содержанию. Так, перед 3 главой помещены слова Дж. М. Янга: «Из всех десятилетий нашей истории умный человек выбрал бы для своей молодости пятидесятые годы XIX века». А на протяжении всей главы Фаулз пишет о том, как ужасно было молодым людям в те годы барахтаться в медлительном потоке викторианской эпохи, главной целью любого занятия было растянуть его на как можно дольше, кругом царила безмятежная скука и т. п.. Или же эпиграф к 5 главе из «Убеждения» Джейн Остен: «Молодежи не терпелось побывать в Лайме». И тут же в самой главе мы читаем, что для Эрнестины поездка в Лайм всё равно, что для арестанта ссылка в Сибирь, что общество в городишке так же современное, как мебель тётушки Трэнтер, а развлечения хуже, чем ничего.

Ряд эпиграфов носит исключительно информативный характер, иллюстрируя либо дополняя содержание главы. В частности, это цитаты из труда Ч. Дарвина «Происхождение видов», работ К. Маркса, «Человеческих документов викторианского золотого века» Э. Р. Пайка, «Доклада правительственной комиссии по надзору за использованием детского труда». Такие эпиграфы реализуют подход писателя к исторической теме. Они вводят читателя в курс реальных дел викторианской Англии. Из доклада правительст-

венной комиссии по надзору за использованием детского труда, предшествующего 35 главе, мы узнаём о подростковой беременности. В самой главе Фаулз приводит примеры добрачных связей крестьян и рабочих – что считалось делом повсеместным. Но в то же время он приводит и пример из жизни знаменитого поэта Томаса Гарди, стихотворение которого является вторым эпиграфом к этой же главе. Влюбившийся в свою кузину поэт не смог на ней жениться по причине того, что она оказалось внебрачной дочерью его сводной сестры. Гарди и сам появился на свет до срока: от алтаря до крестин прошло всего пять месяцев. Что говорит о снижении моральных устоев не только в низших слоях английского общества.

В заключении хотелось бы отметить, что благодаря эпиграфам роман «Женщина французского лейтенанта», написанный в 1969 году, имеет вид классического произведения викторианской эпохи. Эпиграфы создают ритмичность и упорядоченность в композиционной системе романа. Выполняют функцию названий глав. Они могут подтверждать, дополнять или противоречить содержанию глав. Эпиграфы могут относиться как к одной главе, так и ко всему произведению, могут передавать чувства не одного, а нескольких персонажей. Можно сделать вывод, что благодаря рациональному подбору эпиграфов литературный эксперимент Дж. Фаулза удался.

Литература

1. Долинин А. Паломничество Чарльза Гарольда [Текст] / А. Долинин // Любовница французского лейтенанта : роман – СПб, 1993. – С. 473-492

2. Кузьмина Н. Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста [Текст] / Н. Кузьмина // Вестник Омского университета. – Вып. 2. – 1997. – С. 60-63.

3 Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта [Текст] : роман / Джон Фаулз ; пер. с англ. И. Комаровой, М. Беккер. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. – 608с.

4 Бумбур Ю. Авторское рассуждение как форма рефлексии в романе Джона Фаулза «Подруга французского лейтенанта» / Ю. Бумбур // Матер. IV Мижвуз. конф. молодых ученых «Современные проблемы и перспективы исследования романских и германских языков и литератур» (Донецк, 1 –3 февраля 2006 г.). – Ч. 2. – Донецк, 2006. – С. 227 – 228.

Н.А. Гаршин, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филос.н. доц. Д.Г.Кукарников

ОСМЫСЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. БУЛГАКОВА И И.А. БРОДСКОГО КАК МОМЕНТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Русская философия и русская литература шли рука об руку практически все время своего развитого состояния: Радищев, Толстой Достоевский – вот лишь малая толика имен людей, чьи труды относят к достоянию как литературного, так и философского наследия нашего Отечества. Не отстает в этом плане и век двадцатый, подаривший среди прочих деятелей литературы двух великих личностей: И.А. Бродского и М. А. Булгакова. Как мне видится, в их произведениях много истинно философских мотивов и моментов, однако помимо рассмотрения сугубо их, по моему мнению, не менее важным является осознать, отчего два человека разных эпох столь важную роль придавали одиночеству, как лейтмотиву произведений и своей жизни. Данный вопрос мне представляется актуальным, поскольку эти литераторы были олицетворением своих эпох, их произведения, подобно книгам Толстого и Пушкина, являются энциклопедиями нравов современников, того, что люди искали, чего ждали, во что верили, почему их жизни сло-

жились так, а не иначе. На мой взгляд, именно в поисках ответов на экзистенциальные вопросы личности литература и философия должны сливаться воедино, чтобы, с одной стороны, давать полные и аргументированные ответы, а с другой, чтобы эти ответы задевали за живое, становились «своими» для человека, успокаивая и объясняя человеку жизнь с той стороны, с которой порой человек сам боится посмотреть на себя и мир.

Итак, что же предлагают нам указанные выше авторы в качестве своих ответов на вечные вопросы? С моей точки зрения, основным лейтмотивом и рецептом счастья может быть признано такое поведение, при котором человек минимизирует зависимость от внешнего мира и других людей, причем не столько физическую, сколько психологическую, личностную**.** Мы можем увидеть это у М.А. Булгакова в ранних произведениях, таких как «Записки юного доктора», «Морфий», где, даже тоскуя о любви, Поляков пишет «хорошо, пусто и одиноко», по сути дела найдя успокоение в той глуши и одиночестве, которая окружала его. «Морфий» появился позже, став причиной его бед. В более позднем и, пожалуй, самом знаменитом романе Булгакова «Мастер и Маргарита» одинок практически каждый персонаж: от поэта Ивана Бездомного, который, почувствовав всю лживость и алчность общества, отказывается от творчества и остается в своем горе один на один с собой, до Понтия Пилата, римского патриция, который имеет возможность окружить себя роскошью и богатством, льстецами и ораторами, прекрасными женщинами и яствами, но не делает этого, просто доживая свой век, как истинный римлянин и слуга императора и богов, исполняя свой долг. Он выбирает одиночество, но при этом не знает, как им распорядиться, и это наталкивает нас на еще одну интересную мысль: помимо собственно одиночества и наличия возможности жить, ни в ком не нуждаясь в экономическом плане, нужно работать над собой, чтобы суметь быть хозяином себя, своей жизни. Быть тем, кто способен пережить удары судьбы и пройти с улыбкой испытания, не ощущая при этом потребности в поддержке другим человеком. Кто-то, как Иешуа, находит такую опору в Боге, кто-то, подобно Мастеру, ломается и обретает счастье в Маргарите, то есть в другом человеке, что показывает неспособность быть подлинным хозяином своей жизни, поскольку Маргарита не только являет собой любимую женщину, но и утешение. Истинный хозяин (the master of situation) – это, конечно, Воланд, который одинок и ни в ком не нуждается, являя собой образ влиятельного циника с обостренным чувством справедливости. Именно в него Булгаков, на мой взгляд, вкладывает черты идеального сильного и справедливого человека, однако делает его ноуменальным, поскольку Воланд – воплощение Зла, сущность из другого измерения бытия, то есть для простого индивида стать таким изначально если и возможно, то крайне сложно. Какой же вывод можем мы сделать из анализа сказанного выше? Булгаков не любил общество и не усматривал возможности для развития в толпе и суете какой-то подлинности человека, как творца своей жизни. Даже Мастера и Маргариту он переносит в место вечного счастья и покоя руками Воланда, не оставляя в миру, общество же полно оказий (что разнообразно показано в «Записках на манжетах») и отвлекает человека, и, хотя необходимо для простого выживания человека, не стоит абсолютизировать его. При этом показывая на примерах Воланда (его сверхъестественная сущность) и Понтия Пилата (неспособность управлять своим временем и собой), что быть хозяином самого себя и своей жизни – это работа, и, подписываясь на такое, следует трезво оценивать себя, свои силы, возможности, ибо пути назад не будет, а одиночество опасно для слабого человека деградацией, страданием, поэтому надо помнить, что не всякий имеет силы и способности на то, чтобы быть ведущим, вожаком, большинство в этом мире ведомые, и надо, трезво оценивая себя, выбрать тот путь, который приведет нас к счастью, памятуя, что никто кроме нас не ответственен за наш выбор и решение, винить после будет некого, а главное – незачем.

Более созерцательно и монументально рассматривает и в какой-то мере «рекламирует» одиночество И.А. Бродский. Понимая истинную ценность одиночества и свободы, любви и дружбы, общества и государства, ощутив это на себе, он призывает нас к позиции одинокого наблюдателя, который сидит на красивом холме, одинокий, попробовавший в этой жизни отведать ярких чувств, вкусных яств и прошедший через предательство и измену. Как отмечает поэт в стихотворении «Дорогая я вышел из дому поздно вечером»:

«Четверть века назад ты питала пристрастье к люля и к финикам,
рисовала тушью в блокноте, немножко пела,
развлекалась со мной; но потом сошлась с инженером-химиком
и, судя по письмам, чудовищно поглупела» [1. С.505]. И в этом вся любовь, вся ее летучесть и неопределенность ее статуса, как, собственного, и всякого иного предмета или состояния, основанного на другом человеке или группе лиц. Лишь дружба выбивается отчасти из этого ряда, что отмечается в «Письмах Римскому другу», пожалуй, да и то лишь тем, что повествователь был бы рад видеть этого друга и искренне скучает по нему, что, как мне кажется, делается Бродским, дабы не дать человеку окончательно стать Мумией или роботом, ибо только человек способен быть счастливым, для чего нужна собственно жизнь, события, а не простое перманентное созерцание.

Однако друзья умирают, оставляя в сердце неизгладимые следы, а живым тяжелее, чем ушедшим, о чем и упреждает Бродский читателей, в частности, стихотворением «памяти Геннадия Шмакова»:

«Ты, теперь, в худшем случае пыль,
Свою выше ценящая небыль,
Чем салфетки, блюдущие стиль,
Твердой мебели; мы эта мебель» [1, с.513].

Даже государства, кажущиеся какими-то особыми, чуть ли не отдельными и самобытными от людей, объектами, становятся либо тюрьмами для человека, давящими его самобытность подобно гусеницам танка, либо, после смены поколений, времен, правителей, превращаются или в памятники былого величия и славы, или, будучи покинутыми людьми, становятся вечными руинами, следом поражения человека.

Выход, с точки зрения Бродского**,** один: жить спокойно и размеренно, одиноко и созерцательно, чтобы «ни подруги, ни прислуги, ни знакомых», ни во что, не вживаясь, не пуская корней, подобно ночному фонарику из Александровского Сада, который, пролетая, любуется всеми, позволяет любоваться собой, но при этом никому не принадлежит, а просто существует и скользит по поверхности.

Подводя итог, хотелось бы выразить и свое мнение по поводу одиночества. Мне думается, что одиночество нужно человеку, творящему и ставящему перед собой определенные личностные и творческие цели, требующие концентрации. Без него эти цели просто невыполнимы, поскольку требуют напряженного труда, ничего не должно отвлекать. А что касаемо простого человеческого существования, то мне кажется, целесообразно синтезировать подходы освещаемых в статье авторов. Примерно так писал Лукреций: нужно жить так, чтобы покинуть корабль жизни, как праздник, широко улыбаясь и ни о чем не жалея, а для этого нужно, с одной стороны, быть автономным от мира насколько это возможно, а с другой, ощутить полноту жизни, получить собственную мудрость и опыт, ибо только так можно получить право сказать: «мы, оглядываясь, видим лишь руины», после чего с чувством выполненного перед собой долга передать «из-под подушки сбереженья» и покинуть этот лучший из миров, испив себя в нем до дна.

Литература

1. Бродский И. А. Малое собрание сочинений / И. А. Бродский. – СПБ-азбука, 2014. – 880 с.

2. Булгаков М. А. Малое собрание сочинений / М. А. Булгаков – СПБ-азбука, 2010. – 832 с.

Е.Г. Кузнецова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. преп. А.Ю. Грязнова

АЛЛЮЗИВНЫЙ ФОН РОМАНА А. ИВАНОВА «ОБЩАГА-НА-КРОВИ»

Алексей Викторович Иванов (1969 г.р.) – российский писатель, лауреат премий имени Д. Мамина-Сибиряка (2003), имени П. Бажова (2004), «Книга года» (2004), «Ясная поляна» (2006), «Странник» (2006), «Большая книга» (2006). С 2007 года Иванова начали переводить на иностранные языки: «Сердце Пармы» вышло в Сербии, «Географ глобус пропил» – во Франции и Голландии.

Роман «Общага-на-Крови» ранний, он был написан в 1992 году, когда автору было 23 года. Впервые опубликован в 2006 г., когда читающая публика уже знала Иванова как многообещающего незаурядного писателя.

Действие произведения разворачивается в эпоху девяностых годов в студенческой среде. Характерно, что местом действия в романе, за исключением только небольшого его фрагмента, является один-единственный локус – Общага. Такой ход необычен для романа как жанра, однако он обусловлен художественным замыслом, поскольку Общага – это своего рода микрокосм, модель социума в миниатюре.

Главные герои – пятеро студентов. Успевшие пожить по всем правилам Общаги четверокурсники: распутная красавица, погрязшая в греховности блуда Нелли; доверчивая, бесхарактерная, тоже с запятнанной женской репутацией Лёля; погрязший в грехе прелюбодеяния Игорь; пьяница Ванька. И наивный, ничем не испорченный первокурсник по прозвищу Отличник (автор не даёт данному персонажу имени).

Журналист Екатерина Нистратова дает характеристику Отличнику как «самому лучшему» из героев: «В достоевском смысле лучший. Незапятнанный и незащищенный. По Иванову, как и в традиции русского философствования, нравственность – удел слабых. Таких, как князь Мышкин или Алеша Карамазов.» [4, URL]. В целом Отличник, вне сомнений, хранит в себе черты «ангелического» или «христоподобного» типа героя Ф.М. Достоевского, того типа, который, по словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, представляет собой «человека, достигшего полного духовного и нравственного равновесия» [5, с. 272]. Это справедливо замечает Е. Нистратова, говоря, с одной стороны, об Отличнике, а с другой – о князе Мышкине и об Алёше Карамазове.

При ближайшем рассмотрении нетрудно обнаружить, что и другие герои «Общаги-на-Крови» также обладают сходством с героями Достоевского. Так, прообразом распутной красавицы Нелли явно является Настасья Филипповна. Красота Нелли порочна и губительна, и Отличник это хорошо понимает. Позже он влюбится в Серафиму – такую же неиспорченную девушку, как и сам герой: «Понимаешь, Неля, – осторожно начал он, – я тебя тоже очень люблю, и мне плохо без тебя. Но мне кажется, что ту любовь, которую каждый ждет в своей жизни, я испытываю к Серафиме…» [2, с. 244]. Но факт незаурядной красоты Нелли очевиден: она первая красавица в Общаге, а Отличник в начале романа восхищенно скажет: «Какая ты красивая, Нелли…» [2, с. 12].

Все они друзья. Герои отнюдь не глупы, они отдают себе отчет в действиях, знают, что скатываются с невероятной скоростью на социальное дно, и до самоубийства девочки-первокурсницы, в котором несправедливо обвинили Отличника, забывшего за-

переть крышу на ключ, им это не претило, возможно, оттого, что границы, которые ни при каких условиях перейти нельзя, каждый из них для себя всё же определил.

Но случилось самое страшное: их выселяют как самых главных развратителей студенческого населения, что так же несправедливо. Каждый из ребят переходит все, собой же установленные, грани, чтобы остаться в Общаге. То, чего раньше никто из них не сделал бы, в сложившейся ситуации осуществляется не без раздумий, но неожиданно для читателя. Все они назначают цену самому дорогому: чести, совести, дружбе и любви – и продают.

Отличнику не по себе от происходящего, но герой не перестает любить своих друзей, он **прощает** их, понимая, что всё это совершается друзьями ради того, чтобы не оказаться на улице. Обвиняя Отличника в том, что прощением он не даёт им возможности быть самими собой, они отвергают его, предают: «Они предали и друг друга, и самих себя. Глядя друг на друга, они видят тождественные себе отражения, и поэтому им вместе терпимо. Он же, Отличник, никого не предавал. Он сохранил свой Дар. Он любил Серафиму, и Серафима ответила ему любовью. Но к тому же он сохранил и Дар своих друзей, ведь его Дар был их общим подарком. Этого они и не смогли простить. Глядя на него, они видят себя такими, какими могли бы остаться, видят собственное неискаженное отражение» [2, с. 339].

Отличник же с ещё большей ясностью осознаёт, что единственное, в чем есть смысл, – это его чистая, искренняя, светлая любовь к Серафиме. Гибель возлюбленной в автокатастрофе окончательно «уничтожила» дух и разум слабого и восприимчивого Отличника: герой покончил жизнь самоубийством, пытаясь сохранить самого себя и не поддаться Общаге, как поддались его друзья, став «причиной гибели тех самых незапятнанных и незащищенных, лучших из всех, надеясь искупить свои грехи» [1, URL].

Отметим, что у Иванова финал, с одной стороны, «беспросветный», потому что автор дает читателю понять, что в реальности счастью, любви, нравственной чистоте места нет, поэтому душа Отличника стремится в мир иной: «Мне, как любому человеку, нужен я сам – счастливый. Нужен тот, кого я люблю, и нужны те, кто любит меня. Мне нужны счастье, Серафима и мои друзья… А этого нету…» [2, с. 342], – размышляет он перед роковым решением. Но с другой стороны, есть надежда на обретение счастья и встречу с истинной, непорочной красотой после физической смерти. У Достоевского же смерть Настасьи Филипповны и потеря князем Мышкиным рассудка в финале романа означает **абсолютную** гибель и красоты, и разума, и любви.

Опираясь на работу Г.Г. Слышкина «Лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе», представляется возможным говорить о романе Ф.М. Достоевского «Идиот» как о прецедентном тексте в анализируемом произведении А. Иванова. Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 5-6].

«Идиот» – знаковый и значимый для русской литературы текст, т. к. поднимает так называемые «проклятые» вопросы: о природе красоты, о двойственности человеческой природы. Текст прецедентным является и потому, что велико его влияние на всю русскую литературу (А. Блок, Л. Андреев, А. Белый и мн.др.). Следует отметить, что Г.Г. Слышкин использует данное понятие для прямого цитирования, в нашей же работе речь идет об аллюзивном ряде романа «Общага-на-Крови», т. е. о непрямом обращении автора к прецедентному тексту.

Г. Г. Слышкин выделяет четыре функции прецедентного текста [6, с. 92-114]:

1. Номинативная, состоящая в назывании и вычленении фрагментов действительности и формировании понятий о них.

2. Персуазивная. Прецедентный текст, как правило, – текст, обладающий определенным культурным авторитетом и вызывающий к себе уважение у носителей языка. Этим обусловливается возможность использования прецедентного текста с целью убеждения коммуникативного партнера в своей точке зрения.

3. Людическая (игровая). Обогащение речи такими текстовыми реминисценциями как прямая цитация и квазицитация - вид языковой игры.

4. Парольная (текстовая реминисценция, направленная на доказательство или эмфатизацию принадлежности отправителя речи к той же группе (социальной, политической, возрастной и т. д.), что и адресат. Наличие своего уникального корпуса прецедентных текстов является признаком наличия у членов группы чувства групповой идентичности.

Возможно предположить, что в исследуемом нами произведении «Общага-на-Крови» прецедентный текст – роман «Идиот» Ф. М. Достоевского – выполняет номинативную функцию, тесно граничащую с персуазивной. Порок, сознательная греховность, тщетные попытки оправдать себя, поиск ответов на важнейшие вопросы бытия в религии – это традиционные проблемы для классической русской литературы. Здесь мы имеем дело с номинативной функцией прецедентного текста.

Самобытность же основной идеи произведения Иванова заключается в том, что автор изображает общество, существующее в одну из наиболее раскрепощенных эпох, где вседозволенность диктуется самим временем, то есть герои не идут против системы, но шагают в ногу с ней. Новое время оправдывает греховность. И самым важным становится вопрос, есть ли из этого порочного круга выход и если есть, то какой.

Так жила едва ли не вся страна, поэтому сомнительно, что читательская публика восприняла бы написанное всерьез, как нечто, над чем стоит задуматься, особенно в том 1992 году, когда текст могли увидеть только некоторые сокурсники автора. Также важно обратить внимание на то, что объёмные, порой не завершенные логически, монологи героев о смысле жизни, Боге, истине вызывают однозначное смятение и недоверие читателя: среднестатистическому студенту объективно не свойственно проводить столь глубокие анализы бытия. Следовательно, возникает необходимость в уже известном широкой публике классическом произведении, авторитетном авторе. Узнаваемый аллюзивный фон (в нашем исследовании это система персонажей, развернутые монологи героев о вечных вопросах) помогает верно определить замысел автора.

Таким образом, А. Иванов, выбирая прецедентным текстом для своего первого и самого незрелого романа произведение Ф. М. Достоевского, задаёт определенную тональность в духе традиционных проблем русской классической литературы: сознательная греховность героев, попытки оправдаться, конечная безысходность, нравственность как удел слабых. Создавая хорошо узнаваемую реальность читателям различных поколений, автор соглашается с традиционным взглядом на русский национальный характер и русскую действительность в целом. Разрешает же извечный конфликт он иначе. Если у Достоевского герой сходит с ума от невозможности принять действительность, а любовь и красота гибнут, то юный Иванов писал о возможности сохранения внутреннего «Я» и разума, оставаясь незапятнанным, и о возможности воссоединения с истинной красотой и любовью, что достигается через физическую гибель героя и переход в иной мир.

Литература

1. Бутербродова М. [б/н] / М. Бутербродова // Сайт Алексея Иванова. – 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: http://ivanproduction.ru/reczenzii/obshhaga-na-krovi/5.html (10.04.2015)

2. Иванов А. Общага-на-крови: Роман / А. Иванов. – М. : АСТ, 2014. – 348 с.

3. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных, А. И. Изотов // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 2. – М.: Филология, 1997. – 124 с.

4. Нистратова Е. Общага–на-крови или кампус–на–сексе / Е. Нистратова // Утро.ру. – 2006. – Электронный ресурс]. – URL : http://www.utro.ru/articles/2006/09/29/588015.shtml (12.04.2015)

5. Салтыков-Щедрин М. Е. Светлов, его взгляды, характер и деятельность / М. Е. Салтыков-Щедрин // Литературная критика. – М. : Современник, 1982. – 349 с.

6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин // Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. – М. : Academia, 2000. – 141 с.

М.Я. Наврузова, студ. ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. О.А. Селеменева

ВОКАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

Особое место в типологии простого предложения занимают вокативные предложения. Известный русский филолог А.А. Шахматов в своей работе «Синтаксис русского языка» писал об этих предложениях как самостоятельных**,** «в которых главным и единственным членом является обращение, имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особою интонацией, вызывающею сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сомнение, укор, негодование» [5, с. 86].

В современной синтаксической науке единый подход к вокативным предложениям так и не выработан. Одни авторы рассматривают вокативные предложения как особый тип односоставного предложения [2], другие – как разновидность номинативного предложения [4], третьи относят к нечленимым предложениям [3]. Более убедительной нам представляется последняя точка зрения. Ведь по своим структурно-семантическим свойствам так называемые вокативные предложения «не вписываются» в систему односоставных предложений в русском языке. В отличие от номинативных предложений в вокативном предложении главный структурный компонент – обращение – не сообщает чего-то о чем-то, а служит установлению связи между говорящим и тем, к кому направлена речь.

В целом история лингвистической мысли содержит целый ряд различных взглядов на грамматический статус, природу и организацию вокативных предложений. Этот факт обусловил наш интерес к изучению вокативных предложений.

Всего из произведений А.П. Чехова нами было извлечено около трёхсот вокативных предложений, которые несут различные значения: призыв, привлечение внимания, установление контакта с собеседником, побуждение к какому-либо действию, предупреждение, различные чувства, эмоции и оценки (упрек, сожаление, негодование, радость, волнение и т. п.).

Собранные примеры мы разделили по значению на две группы.

1. Вокативные предложения-призывы. В них называется адресат речи с целью привлечь его внимание. По семантике такие предложения близки к собственно обращению, но отличаются от последнего интонационно-грамматической самостоятельностью. В эту же группу следует отнести и предложения, устанавливающие контакт с собесед-

ником, выражающие требование подойти к говорящему, предостережение или предупреждение. **Например**: – ***Денис Григорьев!*** *– начинает следователь. – Подойди поближе и отвечай на мои вопросы* (Злоумышленник).

Все вокативные предложения выполняют свои функции (функцию призыва, установления контакта с собеседником, функцию побуждения, предупреждения и др.) при помощи сложного взаимодействия своей формы и содержания. Так, в рассматриваемой группе значение призыва требует специфической формы: наименования адресата по имени или идентификация его по выполняемой им социальной роли, актуальной в данный момент. Следовательно, для выполнения названных функций в вокативных предложениях-призывах могут применяться имена существительные различных разрядов и тематических групп, прежде всего – имена собственные, затем – наименования лиц в отношении родства, профессии, должности и т.д. Например: **– *Извозчик!*** *– крикнул он диким голосом* (Живой товар); **– *Благородный граф!*** *Не нужно мне ваших денег!* (Вынужденное заявление); ***«Милостивый государь, Павел Андреевич!*** *Недалеко от вас, а именно в деревне Пестрове, происходят прискорбные факты, о которых считаю долгом сообщить* (Жена).

Конечно, реализация функции призыва, привлечения внимания, предостережения не ограничивается лишь именами существительными. Целям выражения этих значений служат и другие средства, прежде всего контекст и интонация. Важную роль, на наш взгляд, играет и то, каким образом вокатив вводится в текст. Чаще всего у А.П. Чехова таким средством служат глаголы речевого действия типа *подозвать*, *крикнуть*, *вызвать*, *шептать* и т. п.; глаголы начинательного способа действия типа *заговорить*; глаголы слухового восприятия типа *слышится*, *послышалось*, *раздалось*, *услышать* и др. Например: *Егорушка быстро обернулся вперед и, дрожа всем телом,* ***закричал****: –* ***Пантелей! Дед!*** (Степь); **– *Дядюшка! –*** ***шепнул*** *Андрюша. – Хозяйка просит вас поговорить о чем-нибудь другом* (Свадьба с генералом).

О побудительности вокатива может свидетельствовать глагол в повелительном наклонении в том же контексте: **– *Трофим*!** *– разбудил он спавшего кучера.* **– *Вставай! Едем!***

Часто предостережение, выраженное вокативным предложением, сочетается с запретом, следующим в контексте: ***Папа!*** *Папа,* ***не спи*** *здесь! Стыдно!* (Безотцовщина).

На призыв, содержащийся в вокативе, может указывать и междометие: *– Повар генеральский идет, его спросим...* ***Эй, Прохор!*** *Поди-ка, милый, сюда!* (Хамелеон).

Даже такой интонационный показатель, как протяжность произнесения имени, имеющий графическое выражение, может свидетельствовать о призыве, предупреждении, содержащемся в вокативе: *Мужик подошел к самой воде, взялся рукой за канат и закричал:* **– *Ма-арья!*** **–** *крикнул Кирьяк* (Мужики).

Возвращаясь к именам существительным в структуре вокативного предложения, необходимо отметить важность их словообразовательной характеристики для выражения значения всего предложения. Так, если существительные имеют суффикс субъективной оценки с уменьшительным, ласкательным, уничижительным или увеличительным значением (*-ок/-ик/-чик/-ишек/-ышек; -ец; -к; -иц, -ц(о); -к(о); -ишк; -ушк; -оньк/-онк/-ошк; -ин(а), -ищ*), то в вокативном предложении контаминируются значения призыва и оценки. Такие вокативные предложения, видимо, являются переходными между двумя выделенными в научных исследованиях и учебных пособиях типами вокативных предложений. **Например**: **– *Маничка,*** *– начал будить ее Иван Никитич,* **– *Маничка!*** (Зеленая коса); *– Василий! – кричит он, повернувшись к усадьбе.* **– *Васька!*** *Позовите ко мне Василия!* (Налим).

2. Вторую группу образуют ***вокативные предложения, выражающие различ-***

ные эмоции (положительные и отрицательные) ***и чувства*** персонажей А.П. Чехова. Это может быть упрек, сожаление, удивление, возмущение, досада, вызванные словами и действиями собеседника; любовь, восторг, отчаяние и т. д. **Например**: **–** ***Ваничка мой миленький, голубчик мой!*** (Душечка).

Эмоции и оценки могут быть выражены в таких предложениях различными способами: оценочными прилагательными, при помощи контекста (сказуемое, выраженное глаголом речевого действия, имеет при себе обстоятельство образа действия), метафорическими и переносными наименования собеседника типа *душенька, голубка, голубчик, голуба* и т.д.), повтором обращения. **Например:** ***Великодушнейший! –*** *завизжал он.* ***–*** *Присоедините длань свою к дланям великих...* (Зеленая коса); **–** ***Мама! –*** ***говорит*** *ей* ***укоризненно*** *Лиза* (Скучная история) и др.

Следует отметить, что метафора и перенос всегда заключают в себе оценку [1, с. 346-399], поэтому часто используются в вокативных предложениях рассматриваемой группы. А предложения с повтором обращения свидетельствуют об эмоциональной напряженности высказывания, передают экспрессию, вкладываемую персонажем в обращение к собеседнику.

Подводя итог, отметим, что в произведениях А.П. Чехова вокативные предложения выступают средством художественной изобразительности, характеризуют персонажей, передают отношение к ним других героев. В реализации их функций важную роль играют языковые средства разных уровней.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

2. Бабайцева В. В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1979. – 269 с.

3. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. – М. : «Просвещение», 1968. – 300 с.

4. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского / А. Г. Руднев. – М. : Высш. школа, 1968. – 320 с.

5. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М. : Учпедгиз, 1941. – 621 с.

Се Яо, стажер кафедры русского языка
для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ
Науч. рук. – к.филол.н., ст.преп. А.Л. Лебедева

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МОСТ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Накануне открытия 22-ой Зимней Олимпиады в Сочи, 8-го февраля 2014 года, во время интервью председатель КНР Си Цзиньпин сказал: «Я прочитал много литературных произведений выдающихся русских писателей – А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Крылова, А. Чехова, М. Шолохова, Н. Некрасова, Н. Чернышевского... До сих пор мне даже вспоминаются замечательные абзацы и сюжеты этих шедевров».

Русская литература сыграла важную роль в жизни Си Цзиньпина и его современников. От А. Пушкина к Н. Островскому, от Н. Гоголя к Ф. Достоевскому, от И. Тургенева к М. Горькому... Она потрясла поколения китайских интеллигентов. Например, образ революционера, изображенного в романе «Как закалялась сталь», остался в душе всех китайских читателей.

По мнению китайских литераторов, русская литература оказала наиболее благотворное влияние на читателей из КНР. Огромное количество литературных произведений из бывшего Советского Союза, идеология которых совпадала с развитием тогдашнего Китая, ввели в Китай эрудированные интеллигенты. Но произведений европейских и американских писателей было чрезвычайно мало, и в 50–60 годах русская литература почти монополизировала рынок книг. Фэн Сичжэ (профессор Сианьского промышленного университета) назвал десятилетия после образования КНР вторым этапом влияния русско-советской литературы на Китай [6]. В то время в школьные учебные пособия включили немало рассказов или фрагментов русских классических романов. Одним словом, с тех пор чтение русской литературы уже стало тенденцией.

Если оглядываться на историю литературных отношений между Китаем и другими странами, то становится заметно, что китайская литература особенно тесно связана с русской. Русская литература стала и активным участником общественной жизни в Китае. После «Движения 4-го мая» в 1919 году пламенные патриоты хотели узнать, что происходит в мире, и найти способы спасения родины. Вот почему люди обратили взор к России и ее литературе. Тогда уже появились самые выдающиеся произведения, которые высоко оценили и воспели знаменитые китайские писатели Лу Синь, Го Можо, Ба Цзинь, Мао Дунь.

Между русской литературой и китайской существуют как сходства, так и различия. Русская литература открывала похожий и непохожий мир, в котором шло столкновение свободно выражаемых страстей и чувств, также кипящих и в душе у китайца, но силой традиций, загнанных под прочную оболочку поведенческих норм и этических правил [2]. Искреннее, неприкрытое проявление чувств оставляло глубокое художественное впечатление.

Первыми переводчиками произведений русских писателей были основатели современной китайской литературы, такие как Лу Синь. Повести Н. Гоголя вдохновили Лу Синя на литературное творчество, он, подражая русскому классику, написал роман «Записки сумасшедшего» (狂人日记). Пьеса Цао Юя «Ураган» (雷雨) была создана под влиянием пьесы Н. Островского «Гроза» [7]. В некотором смысле это можно рассматривать как копирование. Но для тогдашней китайской литературы такое копирование оказалось полезным и вдохновляющим. Под верой «для жизни» (为人生) писатели черпали из русской литературы глубокий гуманизм и проницательный взгляд на прогресс общественной истории. Каждый китайский писатель обладает уникальным художественным темпераментом, но в своем стремлении к искусству они заимствовали самое ценное у русских писателей и создали свой неповторимый авторский стиль.

Несмотря на то, что до 1949 года качество переводов литературных произведений было не блестящим, в библиотеках до сих пор востребованы «Поднятая целина» М. Шолохова, «Записки охотника», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети» И. Тургенева, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Былое и думы» А. Герцена и др. А с 50-х годов большинство произведений советской литературы и литературоведческих исследований, переведенных на китайский язык, были перенасыщены идеологией и сейчас мало кому интересны [4]. Как только в бывшем СССР выходила книга, ее сразу переводили на китайский язык. Переводили все, и часто это была далеко не лучшая литература.

Однако переводы русских классиков помогли китайским читателям правильно и глубоко понять Россию. Литературные произведения отражают отношения и поступки, нравственную концепцию и строй страны или нации, одновременно запечатлевают общественный и духовный облик эпохи.

После 1991 года в Китае ежегодно издается около 20 новых переводов русских писателей, переводят Л. Толстого, А. Пушкина, А. Чехова. По предварительным данным

статистики, в Китае около тысячи филологов занимаются исследованиями русской литературы. Ежегодно издается более ста произведений русской литературы [5]. И в этом отношении она прочно занимает свое место среди изданий зарубежной литературы. В настоящее время после переводов с английского и японского переводы с русского и французского языков занимают вторую позицию. Для сравнения: переводы немецкой литературы не превышают двадцати в год.

В последние годы часто говорят, что русская литература в Китае испытывает трудности. С этим не согласен заведующий отделом изучения русской литературы Института иностранной литературы Академии общественных наук Китая Лю Вэньфэй [6]. По его мнению, предыдущий горячий интерес к русской литературе был не вполне естественным, а нынешнее состояние он расценивает как нормальное. Если говорить о китайских читателях, то раньше для них русская литература была спутницей политики, а теперь ее уже не рассматривают как отражение идеологии.

Современные китайские писатели рационально приняли и заимствовали интересующие их произведения. И русская литература своим очарованием продвинула современную китайскую литературу к зрелости. Несмотря на то, что в наши дни Россия и Китай развиваются, идя каждый по своему пути, незабываемые образы и впечатления от прочтения произведений русской литературы китайцы хранят в уголках своего сердца. Безграничен и велик мир литературы. Она, как прочный мост, соединяла и соединяет Россию и Китай.

Литература

1. Жэнь Г. Краткая история русской литературы / Г. Жэнь. – Изд. Пекинский университет, 2006.

2. Ли И. Русская литература и ценностные ориентации китайской интеллигенции / И. Ли [Электронный ресурс] – http://www.laoshi2.ru/?page_id=692

3. Чжен Ч. Краткая история русской литературы. Предисловие / Ч. Чжен. – Изд. Шанъу иньшугуань, 1924.

4. 俄罗斯文学黄金时代与中国// http://cul.qq.com/zt2013/guancha125/index.html

5. 何怀宏.19世纪俄罗斯文学略览// http://cul.qq.com/a/20130326/000061.html

6. 汪介之.论中国文学接受俄罗斯文学的多元取向 // 南京师大学报-社会科学版, 2009.

7. 赵明.托尔斯泰、屠格涅夫、契诃夫—20世纪中国文学接受俄国文学的三种模式 // 外国文学评论, 1997.

А.С. Шамшина, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. К.А. Нагина

ОБРАЗ ГОРЦА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕРМОНТОВА И ТОЛСТОГО

Образ Кавказа начал формироваться в сознании русского общества лишь с 1801 года после присоединения Восточной Грузии к Русской империи. Следствием открытия «русского Востока» стал мощный интерес публики, на чье требование сразу же откликнулась литература.

Уже первые «кавказские» произведения вызвали моду на Кавказ и горцев, чей образ во многом создавался под влиянием романтизма. Кавказ представлялся им экзотичным и загадочным, а горцы – гордым и свободолюбивым народом. «Им бог – свобода, их закон – война» [2, т. 2, с. 232], – охарактеризует нравы горцев классик.

Среди прочих писателей, разрабатывавших кавказский сюжет, выделяются фигуры М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого. Их кавказские произведения несут в себе под-

робное описание образа горца, начиная с бытовых подробностей и заканчивая деталями их характера. Попробуем узнать, какой же образ сформировался в русской литературе и в сознании русского общества 19 века.

Для начала, стоит отметить, кто именно становится героем кавказских произведений. Для Лермонтова Кавказ всегда был «жилищем вольности простой» и «суровым краем свободы». Говоря словами Лермонтова, на Кавказе «люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит» [2, т. 1, с. 416]. Жители гор – существа, чуждые цивилизации. В поэме «Измаил-Бей» поэт предвидит последствия столкновения «естественного» человека с устоями общества: «Но горе, горе, если он, / Храня людей суровых мненья, / Развратом*, ядом просвещенья* / В Европе душной заражён!» [2, т. 2, с. 238].

Персонажи лермонтовских поэм – это «дети Кавказа», «где люди вольны как орлы». Для них столкновение с цивилизованным миром губительно, и рожденные с ощущением счастливой вольности сердца героев всегда стремятся обрести свободу.

Даже если персонаж волей судьбы отделен от «края отцов», как Измаил-Бей или Мцыри, его сердце всегда стремиться на Родину. «Для Мцыри уже один миг свободы равен целой жизни, и за это мгновение герой готов отдать все»[1, с. 292]: «Я мало жил, и жил в плену. / Таких две жизни за одну, / Но только полную тревог, / Я променял бы, если б мог» [2, т. 2, с. 80]. Но он не мог.

Мотив свободы входит в число отличительных черт романтизма, но не меньшую роль он играет в чертах реалистического характера, тем более если речь идет об обитателях гор.

Как бы ни были романтические тенденции востребованы читательской публикой первой половины 19 века, все же ощущалась нарастающая потребность в этнографически достоверном образе Кавказа. Наиболее решительный разрыв с традицией романтизма произошел в кавказских произведениях Л.Н. Толстого.Для него, как и для Лермонтова, характерна связь Кавказа с ощущением свободной, вольной жизни в гармонии с природой. Но кто же стремится обрести эту свободу?

Если героем лермонтовских поэм являются вольнолюбивые горцы, то толстовские персонажи зачастую спасаются от цивилизации, вживаясь в мир горцев или подражая им. Так, например, русские офицеры, воюющие на Кавказе, переняли у коренных жителей манеру одеваться и сидеть в седле, что Толстой детально описывает в повести «Набег»: «Офицеры верхами ехали впереди; иные, как говорится на Кавказе, джигитовали, то есть, ударяя плетью по лошади, заставляли ее сделать прыжка четыре и круто останавливались, оборачивая назад голову» [4, т. 2, с. 13].

При этом Толстой часто иронизирует над тем романтическим ореолом, который закрепился за образом Кавказа. Описывая фигуру офицера Розенкранца, Толстой отмечает, что «это… один из… молодых офицеров, удальцов-джигитов, образовавшихся по Марлинскому и Лермонтову. Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму героев нашего времени». Набором таких же клише сопровождаются мысли о Кавказе русского офицера в повести «Казаки»: «Все мечты о будущем соединялись с образами Амалат-беков, черкешенок, гор, обрывов, страшных потоков и опасностей» [4, т. 3, с. 159]. Однако реальная встреча с Кавказом нарушает ожидания Оленина: «Совсем иначе… представился ему Кавказ. Он не нашел здесь ничего похожего на все свои мечты и на все слышанные и читанные им описания Кавказа. “Никаких здесь нет бурок, стремнин, Амалат-беков, героев и злодеев, – думал он, – люди живут, как живет природа”» [4, т. 3, с. 251].

Но реальность Кавказа не отталкивает Оленина, наоборот, при тщательном рассмотрении жизнь казаков кажется ему все более и более привлекательной. Оленин стремится во всем подражать им: охотиться не хуже дяди Ерошки и залихватски пить чи-

хирь. Он пишет в письме: «Вот ежели бы я мог сделаться казаком, Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, наливаться песнями, убивать людей и пьяным влезать к ней в окно на ночку, без мысли о том, кто я? и зачем я?». И это стремление слиться с естественным существованием горных жителей символизирует реализацию героя в мире – «Толстому знакомо ощущение себя *гражданином Вселенной*, рождающее … желание быть *Обитателем* этого мира – частью единого целого» [3, с. 91].

Но в творчестве обоих писателей негармоничность и суетность цивилизованного мира оставляет неизгладимый след. Это клеймо просвещения не позволяет его обладателю бессознательно раствориться в естественном мире горцев.

Для лермонтовского героя невозможно возвращение в «край отцов». Однажды покинув родные края, герой уже не в силах слиться с живой жизнью горцев; он лишь может принести «сердце камень», не способное ожить и обрекающее горца на одиночество: «Пусть, не оплакан, он сгниет бесславно, / Пусть кончит жизнь, как начал, – одинок» [2, т. 2, с. 236].

На такое же одиночество обречен и толстовский персонаж – «Чужак, отъединенный от мира, но стремящийся быть Обитателем» [3, с. 102]. Оленин желает стать одним из них, но «его удерживало смутное сознание, что он не может жить вполне жизнью Ерошки и Лукашки, потому что у него есть другое счастье, … счастье состоит в самоотвержении» [4, т. 3, с .252]. В этом самоотвержении и желании «любить всех и всё, раскидывать на все стороны паутину любви» [4, т. 3, с. 256] заключается главное отличие от казаков, живущих естественной жизнью, похожей на жизнь ребенка. Понятия их еще пока что заключаются в стремлении к простым человеческим радостям – сходить на охоту, выпить чихиря и жениться на красавице-казачке. Такое противоестественное, по мнению казаков, проявление Олениным любви вызывает не ответное чувство, а недоумение, что дало повод дяде Ерошке сказать Оленину: «Нелюбимый ты какой-то».

Единственная возможность обретения Родины – любовь к женщине. Мужчины – это воины, охотники, они защищают свой дом; но создают его женщины – хлопотами и заботой, теплом.

В художественном мире Лермонтова образ женщины всегда созвучен воспоминаниям о потерянной Родине. Женщина притягивает и манит. Зара откровенна, когда говорит: «По мне, отчизна только там, / Где любят нас, где верят нам!» [2, т. 2, с. 234] Но Измаил-Бей отказывается от любви, для него важен долг. Он обрекает себя на одиночество, из-за чего теряет связь с Родиной.

Появление грузинки для Мцыри тоже было не случайным – он увидел «безыскусственно живой» образ девушки. Простая песенка молодой грузинки и её бедный наряд стали для героя неотделимы от мысли о голубом струящемся дымке из сакли и тихо отворившейся двери. Но грузинка ушла, как и его мечта об обретении «края отцов».

В кавказских произведениях Толстого женщина так же является неким проводником, посредником между «Чужаком» и вольнолюбивым народом, но одновременно и символом его, частью. А это значит, что она становится для героя настолько же недоступной, сколь и сам мир горцев.

Для Оленина «молодая походка, дикий взгляд блестящих глаз из-под белого платка и стройность сильного сложения» [4, т. 3, с. 191] Марьянки были столь же заманчивы и недосягаемы, как и снежные верхушки гор. Но в каждой мысли о жизни в станице обязательно присутствовала Марьянка, как необходимый элемент связи с этим миром. Её же слово и показало невозможность для Оленина стать настоящим казаком.

А для героя «Кавказского пленника» – Жилина – маленькая татарочка Дина стала таким же необходимым посредником, только цель её была иная. Она помогла Жилину с

побегом и была для него утешением – дочка его врагов так же стала для него символом обретения Родины.

Какими бы разными ни были писатели, но образ горца в их произведениях неразрывно связан с чувством гордости и чести, стремлением к обретению и сохранению свободы и с несгибаемой волей к жизни. Таков образ кавказца в русской литературе, представителями которой являются М.Ю. Лермонтов и Л.Н. Толстой.

Литература

1. Коровин В. И. Мотивы поэзии Лермонтова. Свобода и воля / Лермонтовская энциклопедия / В. И. Коровин – М., 1981. – С. 292.

2. Лермонтов М. Ю. Собр.соч. / М. Ю. Лермонтов. – М., 1975. – Т. 2. – С. 232.

3. Нагина К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого / К. А. Нагина. – Воронеж, 2012. – С. 91.

4. Толстой Л. Н. Собр.соч. / Л. Н. Толстой. – М.,1978-1985. – Т.2. – С. 13.

СЕКЦИЯ
«КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ»

Н.С. Бредихина, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Научный руководитель – к.филол.н., доцент Морозова М.А

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СУБКОНЦЕПТА «АПОСТАСИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА С.С. БЕХТЕЕВА

Творческое наследие С.С. Бехтеева уникально. Люди, интересующиеся историей своей страны, обращаются к его литературной деятельности. В современную эпоху, эпоху размышлений и споров о прошлом России, ее ценностях в настоящем и туманных перспективах в будущем, стихи поэта С.С. Бехтеева приобретают все более растущую популярность. В.К. Невярович, исследователь творчества С.С. Бехтеева, отмечает: «Творчество Сергея Бехтеева нам предстоит еще исследовать и исследовать, ибо Бехтеев, по всей совокупности граней своего несравненного таланта (патриотизм, православность, традиционализм и прочее) вполне претендует на одно из самых ведущих и почетнейших мест в негласном поэтическом рейтинге истинно русской классической поэзии души и сердца» [3].

Его творчество в советский период находилось под строжайшим запретом, поскольку главной темой его художественного слова была самодержавная православная Россия, ее трагическое, по мнению поэта, превращение в страну с атеистической идеологией и интернационализмом. Поэтическое наследие С.С. Бехтеева отличается религиозной направленностью, тоской по разрушавшимся традициям и укладу, патриотизмом и душевной болью за настоящее и будущее страны, но народ не слышал зова его душевной лиры.

В нашей работе мы рассмотрим лексическую репрезентацию субконцепта «Апостасия» в творчестве С.С. Бехтеева. Субконцепт «Апостасия» включается в общий оппозиционный макроконцепт «Апостасия / Благочестие». В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» апостасия определяется как «вероотступничество» [6, с. 911], а благочестие, напротив, дефинируется как «истинное почитание Бога» [2, с. 40]. Данный субконцепт репрезентируется в двух тесно связанных аспектах: с одной стороны, отказ от самодержавия и монархического уклада и, с другой – отступление от веры. Как спра-

ведливо замечает О.В. Резник, использование анализа концепта «позволяет выявить «глубинные» убеждения автора, рассмотреть личностную составляющую художественного текста» [5, с. 93].

В лингвистической науке термин *концепт* – один из самых вариативных, для которого существует множество толкований и определений. В отечественной лингвистике одним из первых разработкой данного понятия занимался С.А. Аскольдов. Под концептом он понимает «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 4]. Концепт – термин, употребляемый в когнитивной лингвистике, где он рассматривается как категория «мыслительного кода человека» [4, с. 24]. Термин *субконцепт* разработан недостаточно, он встречается в работах Е.А. Огневой, Т.Г. Пимоновой и др. В нашей работе под субконцептом мы понимаем *сегментированную ментальную проекцию целостных культурных образов идей в сознании носителя данной культуры.*

В индивидуально-авторской картине мира С.С. Бехтеева субконцепт «Апостасия» реализуется в различных значениях и концептообразующих символических образах: образах мятежа, сна, бессилия.

Образ мятежа.

Рассматриваемый образ имплицитно актуализируется в стихотворении «Звонарь»: *«**Рушатся кровли** церквей и палат, / **Падают** в парке **березы; / Эхом звериным** далеко звучат / **Вопли, хулы** и **угрозы**»; «Льется **сивуха**; ликует **разврат; / Боги летят с пьедесталов; / Зычно** скликает **погромный набат / К падали** красных **шакалов**»; «Грозно **удары гудят** и **гудят, / Колокол плачет и стонет; / Пьяный народ** под **зловещий набат** / Совесть навеки **хоронит**»*. Лексические единицы, выделенные жирным шрифтом, описательно репрезентируют символические значения анализируемого субконцепта: разрушение (*рушатся кровли, падают березы*), смерть (*падаль, хоронит*), шум (*эхом звериным, вопли, хулы, угрозы, зычно, удары гудят, плачет и стонет*), порочность (*сивуха, разврат, пьяный народ*). Номинация *набат* художественно воплощает образ случившейся беды, что подчеркивается использованием эпитетов *погромный, зловещий.* Лексема *колокол* в приведенном примере – оппозиционный образ, выражающий скорбь, боль, это символ отвергнутой веры (*Колокол плачет, стонет*). Вербализатором отречения от христианства выступает и выражение *Боги летят с пьедесталов.* Поэт метафорически сравнивает народ без религии с животными – *эхом звериным, к падали шакалов*. Перечисленные примеры создают общую трагическую атмосферу вероотступничества и богопредательства.

Образ мятежа актуализируется и в стихотворении «За что?»: *«Нам, русским, послан Крест тяжелый, / И мы должны его влачить, / За **грех** чудовищной **крамолы**, / За то, что **не хотели чтить / В** своей **бессовестной гордыне**, / Как непокорные сыны, / Нам **Богом данные святыни** / Благой и мудрой старины».* Лирический герой не поддерживает и осуждает восстание народа против вековых традиций, что подтверждается употреблением в тексте лексических выражений *грех чудовищной крамолы, не хотели чтить Богом данные святыни, как непокорные сыны.*

Образ сна.

В стихотворении «Гулко несется заутренний звон…» субконцепт «Апостасия» актуализируется с привлечением образа сна как символа равнодушия: «*Гулко несется заутренний звон, / Будит **упрямо заспавшихся** он, / Но, погруженный в тревоги забот, / **Спит** непробудно **плененный народ. / Спит** наша **Русь**, отгоняя сквозь **сон** / В двери стучащийся радостный звон, / Вновь **неспособная сердцем принять** / Мира и веры былой благодать*». Здесь общий фон не трагичен, лексические единицы *упрямо заспавшихся, спит непробудно народ, спит Русь, сквозь сон* репрезентируют модус «безразличие».

Словосочетание *плененный народ* формирует *образ бессилия.* Эксплицитно, при помощи трёхразового анафорического повторения номинации *бессильный* данный образ вербализован в стихотворении «Мать»: «*Во имя безумной идеи «свобод» / В крови задыхается русский народ, / **Бессильный сорвать** свои **путы**, / **Бессильный** злодеев из царства **изгнать, / Бессильный** за правое дело **восстать** / В годины невиданной смуты*».

Таким образом, можно отметить, что в индивидуально-авторской картине мира С.С. Бехтеева субконцепт «Апостасия» описательно актуализируется при помощи лексических средств, инициирующих появление множества концептообразующих символических образов.

Литература

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В. П. Нерознака – М. : Academia, 1997. – С. 267-279.
2. Вихлянцев В. П. Библейский словарь / В. П. Вихлянцев. – М. : Коптево, 1998. – 517 с.
3. Невярович В. К. Таинственный венец. Из книги «По следам Бехтеева» / В. К. Невярович // Православное информационное агентство «Русская линия» [электронный ресурс] – URL: http://rusk.ru/st.php?idar=110574 (дата обращения: 12.02.2015)
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
5. Резник О. В. Типология и поэтика персонализма в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: дис. …д-ра филол. наук / О. В. Резник. – Симферополь, 2010. – 430 с.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. 1А (2). – М. : Терра, 2001. – 480 с.

К.Ю. Горячева, студ. .института филологии ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – к.филол.н., доц. Н.И. Платицына

ПРЕОДОЛЕНО ЛИ ПРОШЛОЕ? ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Как известно, окончание Второй мировой войны инициировало возникновение в историческом и социокультурном пространстве Германии концептуального понятия «Bewdltigung der Vergangenheit», которое традиционно переводят как «преодоление прошлого». По мнению А.И. Борозняка, «формула “преодоление прошлого” стала знаком длительного, многопланового, внутренне противоречивого процесса “общенационального извлечения уроков” из истории “Третьего рейха”, призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о фашизме и войне» [1, с. 19].

Тема расчёта с фашистским прошлым, широко представленная в немецкой литературе и получившая научное обоснование в середине 1950-х годов, исторически мощно заявила о себе в ноябре 1945 года, когда состоялся беспрецедентный Нюрнбергский процесс. Перед судом народов, продолжавшимся почти одиннадцать месяцев, предстали 24 военных преступника, входивших в высшее руководство фашистской Германии. Впервые в истории был рассмотрен вопрос о признании преступными многочисленных политических и государственных институтов. Нюрнбергский процесс не только способ-

ствовал вынесению приговоров высшему руководству фашистской Германии, но и придал нравственно-этической проблеме вины и искупления исторически значимый, общенациональный статус [4, с. 42].

Общеизвестно, что вопрос о вине и ответственности за преступления национал-социализма по-прежнему сохраняет свою актуальность и подвергается всесторонней рефлексии. Каждое новое поколение немецких художников слова обращается к осмыслению проблемы «человек и война», соотнесённой с феноменом «непреодолённого прошлого». Размышления об истории Германии и судьбах её солдат содержит роман известного немецкого писателя Бернхарда Шлинка «Возвращение» («Die Heimkehr», 2006).

Бернхард Шлинк (Bernhard Schlink, p. 1944) – писатель, публицист и юрист, лауреат нескольких международных премий в области литературы, один из наиболее популярных современных прозаиков, автор романа «Чтец» («Der Vorleser», 1995), ставшего международным бестселлером. Как и его великого предшественника, Генриха Бёлля (1917-1985), Шлинка сегодня называют «совестью нации». События Второй мировой войны и их последствия становятся магистральной темой творчества обоих писателей.

Б. Шлинк принадлежит к первому послевоенному поколению, ориентированному на осмысление национальной вины, стремление постичь причины тотальной парализации сознания, начавшейся с приходом к власти Адольфа Гитлера. Поражение во Второй мировой войне определило пристальный интерес немцев к собственной истории, причинам возникновения нацизма и его последствиям, воздействию идеологии национал-социализма на повседневную жизнь.

В историографических исследованиях послевоенное поколение нередко называют поколением «детей третьего рейха», выступавших против безнаказанности тех, кто развязал кровопролитную бойню, заявлявших о категорическом неприятии действий своих отцов. В эссе «Роль права в преодолении прошлого» Шлинк замечает: *«Прошлое – это задача, которую можно одолеть и которую одолевают. При этом получается конструкция прошедшего, которая представляет собой воспоминание с элементами забвения или же, наоборот, забвение с элементами воспоминания»* [3, URL].

Литературный успех Шлинка обусловлен не только обращением к теме, не утрачивающей своей злободневности, но и тем, что многие его произведения написаны в традиции социально-психологического романа. В своих книгах, в частности, в романе «Возвращение», писатель использует и отдельные, наиболее продуктивные, принципы и приёмы детективного жанра.

В России роман Шлинка «Возвращение», ставший объектом нашего внимания, известен куда меньше, нежели роман «Чтец», снискавший своему автору едва ли не мировую славу. Сюжетное пространство романа «Возвращение» организовано магистральными для антивоенной литературы линиями: судьба солдата, пропавшего без вести на фронтах Второй мировой войны, возвращение домой, ожидание мира, вина и ответственность, распространяющиеся в том числе на детей и внуков участников сражений. Роман «Возвращение» ориентирует читателя на вдумчивое чтение, проведение литературных аналогий, обращение к страницам военной истории.

Главный герой романа, Петер Дебауер, от лица которого и ведётся повествование, родился во время войны и рос в послевоенной Германии. Он никогда не видел своего отца, предположительно убитого на фронте, и воспитывался матерью. Шлинк изображает мир, в котором детские вопросы о прошлом остаются без ответа. Петеру ничего не известно о его отце, незнание тяготит его. Будучи подростком, герой знакомится с романом неизвестного автора о побеге немецкого солдата из плена. Эта книга, как оказывается, − единственная связующая нить между Петером и его пропавшим отцом. По-

стижение загадочного мира найденного романа превращается в постижение истории собственной семьи.

«Возвращение» − роман о поисках ответов на вопросы послевоенного поколения. Каковы причины, побудившие отцов пойти на преступления, и возможно ли их оправдание в глазах детей? Шлинк, бесспорно, наследует лучшим образцам национальной литературной традиции, к которой принадлежит. Антивоенные книги А. Андерша, В. Борхерта, Г. Бёлля, З. Ленца сплавляются в творческом сознании Шлинка в единое смысловое пространство, порождающее всё новые и новые подходы к интерпретации проблемы «человек и война». Писатель Гюнтер Грасс (1927-2015), лауреат Нобелевской премии, принимавший участие во Второй мировой войне в составе Ваффен-СС, в документальной книге «Луковица памяти» («Beim Hduten der Zwiebel», 2006) выступает в роли судьи своего поколения (впрочем, и самого себя). Большую роль в мировоззрении немецкой молодёжи того времени, по признанию Грасса, сыграла милитаристская пропаганда Германии, бессовестно «окучивающая» умы немцев. Грасс осознаёт тяжесть вины за историческое прошлое и признаётся в бессилии искупить его: *«…Я был частью системы, спланировавшей, организовавшей и осуществившей уничтожение миллионов людей»* [2, URL]. Безусловно, не только Гюнтер Грасс, но и другие участники военных событий сожалели о преступлениях, за которые, так или иначе, должны были нести ответственность их дети и внуки…

Симптоматично, что в структуру романа «Возвращение» включены античные аллюзии и реминисценции. Они явлены на разных уровнях художественного мира: на сюжетно-фабульном, уровне героев, уровне идей. Неизвестный солдат, вернувшийся с войны, отец Петера Иоганн и, в определённой степени, сам Петер отождествляются с Одиссеем – героем древнегреческого цикла мифов о Троянской войне (но, значит, и эпической поэмы Гомера). Иоганн де Бауер несёт в себе аморальное начало, провоцирующее нравственное разрушение. Петер же, встретившись с отцом и обнаружив пороки, ему присущие, отвергает жизненный путь отца и посвящает себя семье.

«Я не любил своего отца, мне не нравилась его теория, которая освобождала от любой ответственности за то, что он написал, и за то, что он сделал. Одновременно меня восхищало то, как он прожил целую жизнь, всегда оказываясь в гуще событий, но снова и снова ускользая, а в конце еще и создав теорию, которая оправдывала подобный жизненный путь. Меня восхищала его игривая легкость, и даже осуждение её далось мне не так легко, как бы мне этого хотелось» [5, с. 231], − признаётся герой после знакомства с научными концепциями отца. Иоганн де Бауер не считает себя виновным в событиях военного прошлого. После войны он начал новую жизнь, читает лекции в университете и стремится заручиться поддержкой своих научных идей и теорий. Откровенно цинично Иоганн говорит о том, что насилие обеспечивает мир, а невинные жертвы способствуют победе в войне. Подобная позиция вызывает отторжение у его сына, не примирившегося с прошлым, не простившего жестокости и бессмысленных убийств.

«Возвращение» − это роман не об отдельном герое, а о немецком народе и его судьбе. В этой книге нет ни одного персонажа, на котором не отразилась бы история Германии. Это роман о тяжёлых последствиях Второй мировой войны, о предательстве, поисках путей преодоления исторического прошлого и возможностей воссоединения тех, кто оказался разлучён войной. Размышляя о вине человека и его ответственности за свои поступки, писатель констатирует морально-этическое противостояние «поколения отцов» и «поколения детей», которое, с его точки зрения, может быть преодолено только в случае обоюдного признания ошибок и их искупления.

Литература

1. Борозняк А. И. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века : монография / А. И. Борозняк. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004. 329 с.

2. Грасс Г. Луковица памяти / Г. Грасс // URL : http://www.bookol.ru/proza-main/sovremennaya_proza/168067/fulltext.htm

3. Иванова Е. С. Влияние нацистского прошлого на повседневность (на основе романа Б. Шлинка «Чтец») // URL : vspu.ac.ru/files/povsednevnost/ivanova.doc

4. Платицына Н. И. Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта : монография / Н. И. Платицына. – Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009. –280 с.

5. Шлинк Б. Возвращение / Б. Шлинк. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – 320 с.

Л.А. Каребина, студ. исторического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.ист.н. проф. М.Д. Карпачев

ГОЛОС ЭМИГРАЦИИ. ФЕНОМЕН «РУССКОГО БЕРЛИНА»

Первая половина XX века испещрена переломными событиями в истории нашей страны. Падение монархии, Октябрьская революция, Гражданская война в буквальном и переносном смысле раскололи Россию надвое. Одна ее часть утратила свое истинное имя – Россия – и стала называться РСФСР, затем – СССР. Другая, не признавшая правительство Ленина, была вынуждена покинуть ее, образовав Россию за рубежом [3, с. 13].

Эта часть русского общества, продолжая сохранять свое единство, породила в Берлине невиданный в новейшей истории «культурный супервзрыв». Министр культуры РФ Владимир Мединский написал: «Феномен русского Берлина – явление уникальное. В первой половине 1920-х годов наши соотечественники сформировали здесь особую общность, своего рода остров русской цивилизации в центре Европы. Помимо знаменитых писателей и поэтов – Владимира Набокова, Ильи Эренбурга, Владимира Маяковского, Виктора Шкловского, – в Берлине работали выдающиеся художники XXвека. Очень важно, что в России стали изучать творчество «русских берлинцев». Эмигрантская проблематика актуальна и в наши дни, о чем свидетельствуют многочисленные монографические исследования, международные научные конференции, по итогам которых выходят сборники статей.

Целью работы видится освещение культурной жизни русской эмиграции в Берлине в период с 1920 по 1924 годы с акцентом на издательской деятельности. Работа связана с изучением периодической печати: газет «Руль», «Голос России», «Время», «Накануне», журнала «Новая русская книга», а также исследовательских работ Марка Раева, Глеба Струве, Карла Шлегеля и других.

«Мы не в изгнании, а в послании», – так писала Зинаида Гиппиус о русской эмиграции. Сотни тысяч человек, покинувших родину, были вынуждены искать пристанище в других странах. В Германию к концу 1920 года прибыло более полумиллиона человек, триста тысяч обосновались в Берлине [2, с. 54]. Берлин стал интеллектуальной столицей русского зарубежья. Небывалая доселе издательская деятельность эмиграции позволила историкам окрестить его «Галактикой Гутенберга». В этот период насчитывалось 188 эмигрантских издательств, выпускавших больше книг, чем Москва или Петроград. Выходили газеты и журналы различных политических направлений – от монархических до большевистских, переиздавались произведения русских классиков. Издатели ориентировались не только на эмигрантский, но и на советский литературный рынок.

Для русских эмигрантов культура была существенной составной частью их национального самосознания. Язык, слово выступали как основные признаки принадлежности к определенной группе. Интересно отметить, что после проведения советским правительством реформы русской орфографии (1918 г.) в эмигрантских изданиях продолжает сохраняться написание «ъ» на конце слов (исключением стала газета «Новый мир», явно симпатизировавшая большевикам). Твердый знак выступал как символический акт, надежда на скорое возвращение в родную страну без Советской власти. Ответ на вопрос «когда можно будет вернуться в Россию?» закладывал основу идейной базы любого русского издания.

Газеты «Руль» и «Голос России» одними из первых заявили о своей антибольшевистской направленности. Реакция на Кронштадтское восстание в «Руле» схожа с эйфорией. Однако нехватка надежных источников порой приводила к курьезам. В этом ключе стоит упомянуть сообщение о французской эскадре, пришедшей на выручку Кронштадту. Составитель не учел, что в начале марта Финский и другие заливы Балтийского моря покрыты толстым слоем льда и это, конечно, исключало не только появление эскадры, но и связь газетной публикации с реальностью. «Руль» был сторонником интервенции и свержения правительства большевиков. Однако в этот раз он выдавал желаемое за действительное.

Ярким факелом литературной жизни берлинской эмиграции явился критико-библиографический журнал «Новая русская книга», редактором которой был профессор А.С. Ященко. Журнал в первом же номере заявил о своей аполитичности: «Для нас нет, в области книги, разделения на Советскую Россию и на эмиграцию. Русская книга, русская литература едины на обоих берегах» [6, с. 1]. Задача «объединения» литературы воспринималась современниками как беспрецедентная по своему значению и смелости организация. Центральный – справочный – раздел первых номеров поразил читателей. За сухими строками скупых справок скрывались душераздирающие для современников новости (расстрелян или уцелел писатель, арестован ли в Одессе, нищенствует ли в Константинополе или Риме). Что может показаться бессодержательной ремаркой: «N живет в Алуште», – несло бесконечно более глубокую информацию: решил не уезжать или не смог уехать при эвакуации Крыма? В «Новой русской книге» печатались известные писатели: Илья Эренбург, Андрей Белый, Алексей Ремизов. Сведения, рассыпанные на страницах журнала Ященко, являются едва ли не единственным источником наших знаний о данном периоде в ключе изучаемого вопроса. Перелистывая журнальную хронику, можно проследить перипетии писательских судеб этого времени [5, с. 3-15].

В июле 1921 года в Праге вышел сборник «Смена вех», вызвавший широкий резонанс. Его участники попытались переосмыслить роль интеллигенции в новых идейных условиях. Рефреном звучала мысль о возможном принятии большевистской революции. Один из авторов сборника, С.С. Чахотин, намечал две основные задачи для эмигрантов: способствование просвещению русского народа и активное участие в экономическом восстановлении родины [4, с. 36]. До сих пор идут споры о роли участия большевиков в сменовеховстве как рычаге разложения антисоветской эмиграции. И эти догадки не безосновательны. Так, П.Н.Милюков заявил: «Наше отношение к большевизму и его проекции за границей – «сменовехизму», столь неудачно исполняющему свою миссию «разлагать эмиграцию», ясно. Оно отрицательное и боевое». Стоит отметить, что на объединенном совещании Агитпропа с целью привлечения на сторону советской власти интеллигенции было принято решение не препятствовать в ближайший период журнальным изданиям сменовеховцев [1, с. 29]. Их печатной трибуной стала газета «Накануне». Многие эмигранты называли газету «примиренческой». Это была единственная зарубежная газета, имевшая свое представительство в Москве. Полагали, что финансирова-

ние велось советской стороной. На ее страницах бурно приветствовался Рапалльский договор, обозначивший политическое признание Советской России. Он же стал той вехой, окончательно сделавшей эмигрантов гражданами уже несуществующей страны.

Иллюзии единства советской и зарубежной литературы в первые же год-два были разрушены. Те, кто в первые годы литературного сосуществования в Берлине находил возможным сидеть между двух стульев или выжидать у моря погоды, должны были выбирать между возвращением в Россию и переходом на эмигрантское положение. Вернулись Андрей Белый и Алексей Толстой, другие же были вынуждены искать новое пристанище.

Жизнь в Берлине дорожала. После денежной реформы инфляция марки остановилась. «Чемоданная философия» и поиски более доступного места для жизни одних направили в Париж, других – еще дальше на Запад.

Берлин в одно мгновение стал центром русской эмиграции, а через несколько лет город как эмигрантский центр уже не существовал, но остался в воспоминаниях целого поколения как важный отрезок жизни. Несмотря на относительно непродолжительный период существования этого феномена, он стал яркой вспышкой культурной жизни европейского континента, отмеченной бесценным взаимообогащением культур.

Литература

1. Квакин А. В. Эмигрантская интеллигенция в поисках третьего пути: «Смена вех» / А. В. Квакин // Культурное наследие русской эмиграции. 1917-1940. – 1994. – Кн. 1. – С. 25-35.

2. Лысенко А. В. Голос изгнания. Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919-1922 гг. / А. В. Лысенко. – М. : Русская книга, 2000. – 368 с.

3. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939 / М. Раев. – М.: Прогресс-Академия, 2000. – 296 с.

4. Струве Г. П. Русская литература в изгнании / Г. Струве. – 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. – Париж : YMCA-Press; М. : Русский путь, 1996. – 448 с.

5. Русский Берлин, 1921-1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском ин-те / Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз; Редкол. : М. Раев и др. – Paris : YMCA-Press, 1983. – 422 с.

6. Ященко А. С. От редактора / А. С. Ященко // Новая русская книга. – 1923. – № 1. – С. 1.

Ю.А. Кошелева, студ. историко-филологического ф-та
Борисоглебского ф-ла ВГУ (Борисоглебск)
Науч. рук. – к.э.н. доц. В.И. Акулинин

П.А. СТОЛЫПИН И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ

Становлению и развитию русского национализма во многом способствовала деятельность выдающегося государственного деятеля П.А. Столыпина. В отечественной научной литературе о Столыпине преимущественно говорится как о крупнейшем реформаторе в аграрной сфере, однако при этом не раскрываются его политические убеждения. Между тем, выяснение политических убеждений Столыпина важно для правильного понимания национальной политики в дореволюционной России.

Столыпин был убежденным и последовательным русским националистом. Лозунг «сильной и великой России» был программным политическим лозунгом, которому Сто-

лыпин придавал такое же большое значение, как и своей аграрной реформе. «Россия для русских» – вот основной принцип, на котором Столыпин собирался строить новую Россию. Революция 1905 г. расшатала самодержавие, показала неспособность царского правительства управлять страной. Русские патриоты потеряли веру в способность царизма справляться с революционным движением. Поэтому уже в ходе революции началась широкая мобилизация и объединение всех национально-патриотических сил. Главной целью русских патриотов было сохранение Русского государства в его исторических границах, тогда как большевики-коммунисты во главе с Лениным выдвигали лозунг «самоопределение наций» вплоть до отделения, стремились разрушить великое русское государство.

Русский национализм был движением образованных слоев общества и исходил снизу. Русские патриоты ставили перед собой задачи помогать правительству и одновременно контролировать его. Организационное оформление партии русских националистов шло с большим трудом, так как этому процессу мешали амбиции лидеров разных групп и группировок. И только личные усилия Столыпина помогли преодолеть существующие разногласия. 31 января 1910 г. в Александровском зале городской думы произошло окончательное слияние Всероссийского национального Союза с партией умеренно правых в единую партию русских националистов.

Программа партии русских националистов была прогрессивна, она отражала закономерные и объективные тенденции политического и социально-экономического развития России. Программа партии кратко сводилась к следующему: «Россия для русских, неделимость государства, защита интересов русского народа, неприкосновенность частной собственности. Партия выступала за страхование трудящихся, упорядочение переселения крестьян, уничтожение чересполосицы, наделение крестьян свободными землями, уравнение их в правах с остальными категориями населения, упорядочение судопроизводства, всеобщее обучение» [1, с.59]. Сам П.А. Столыпин неоднократно заявлял, что центр тяжести всей государственной политики должен быть перенесен на национальные задачи.

Слова Столыпина не расходились с делами. Совместно с большинством Государственной Думы он принял решение сократить привилегии Финляндии в составе русского государства. Финляндия в составе России пользовалась широкой автономией: она не платила налогов в госбюджет России, русские не пользовались равными правами на территории Финляндии с финнами, финны не служили в русской армии. Столыпин, выступая в Государственной Думе, доказывал, что Финляндия наносит прямой материальный ущерб России: отказывается от расходов на армию и министерство императорского двора, имеет таможенные и тарифные льготы, не платит процентов по иностранным займам. На обсуждение Государственной Думы был предложен законопроект, ограничивавший финские привилегии, который был одобрен всеми русскими патриотами, и только фракция социал-демократов выступила против его принятия. 17 июня 1910 г. законопроект был принят большинством голосов депутатов Госдумы. Это была несомненная победа русских патриотов и лично Столыпина.

Вторым крупным вопросом в сфере укрепления русского государства, который удалась решить Столыпину, стала организация земств в западных губерниях России, когда в 1910 г. в Госдуме возник так называемый «польский вопрос», связанный с организацией земств в западных губерниях и проведением выборов от западных губерний в Государственный Совет.

Большое внимание русские националисты уделяли и выборам в Государственную Думу. Новый избирательный закон о выборах в III Государственную Думу 1907 г. должен был создать совершенно новую ситуацию. Изменялся не только государственный закон, изменялась и государственная политика. Столыпин в основу формирования Госу-

дарственной Думы поставил национальную идею. Это был глубокий переворот в государственной политике. В Манифесте 3 июня провозглашалось: «Государственная Дума должна быть русской по духу. Иные народности должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских». Новый закон о выборах в Государственную Думу давал больше возможностей русскому населению определять государственную политику [2, с. 23].

Следующим шагом Столыпина и русских националистов по укреплению русского государства была разработка законопроекта о выделении из Царства Польского Холмщины. Холмская земля была исконно русской землей с русским населением и в средние века входила в состав Галицко-Волынского княжества, но потом была захвачена польско-литовскими агрессорами. Из всех законопроектов, рассматриваемых в III Государственной Думе, законопроект о Холмщине вызвал наибольший энтузиазм у всех патриотически настроенных депутатов Государственной Думы.

25 ноября 1911 г. началось обсуждение законопроекта «О выделении из состава губерний Царства Польского восточных частей Люблинской и Седлецкой губерний с образованием из них особой Холмской губернии». Обсуждение этого законопроекта в Государственной Думе носило бурный характер. Против принятия данного законопроекта выступали не только поляки, но и социал-демократы, которые систематически демонстрировали свое враждебное отношение к русскому народу и русской государственности.

Но несмотря на все интриги и противодействия со стороны врагов русского дела, законопроект о Холмщине был принят 26 апреля 1912 г. большинством голосов депутатов Госдумы. 23 июня 1912 г. его утвердил царь, и законопроект стал законом. Это была еще одна убедительная победа Столыпина и русских националистов.

В истории самого убийства Столыпина до сих пор есть много неясного. Многие современники Столыпина считали, что он убит с прямого разрешения царя. Николай II был слабым и безвольным человеком. Популярность и слава Столыпина вызывали у него зависть, которой он не мог скрыть: «Все Петр Аркадьевич да Петр Аркадьевич, а где же я», – по свидетельствам современников, говорил Николай II. Эту зависть подогревала в нем и жена, которая считала, что Столыпин заслоняет собой личность самого императора [3, с. 45].

Помещики в большинстве своем отрицательно относились к реформам Столыпина. Так, конкуренция зерна с западным на европейском рынке привела к падению цен. Задолженность помещиков Дворцовому банку превысила 1,5 млрд. рублей – с учетом высокого значения дореволюционного рубля это была громадная сумма.

Когда столыпинская политика расширения крепкого крестьянского земледелия стала ясной дворянству, то Столыпин подвергся резкой критике. Дворяне называли процесс продажи помещичьих земель и скупки их Крестьянским банком осуществлением программы социалистов-революционеров.

Литература

1. Аврех А. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России / А. Я. Аврех. – М. : Политиздат, 1991. – 285 с.

2. Могилевский К. И. П. А.Столыпин: личность и реформы / К. И. Могилевский, К. А.Соловьев. – Калининград : Терра Балтика, 2007. – 128 с.

3. Сироткин В.Г. Великие реформаторы России / В. Г. Сироткин. – М.: Знание, 1991. – 61 с.

М.А. Ламонова, студ. психолого-педагогического ф-та Борисоглебского филиала ВГУ (Борисоглебск)

Науч. рук. – к.филол.н. доц. О.А. Долгова

ИНТЕГРАЦИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ С ГУМАНИТАРНЫМИ НАУКАМИ: К ИСТОРИИ ПЕРВОГО МУЗЕЯ И ВЫСТАВКИ ПАМЯТИ ДЕКАБРИСТОВ

Одними из наиболее активных методов в филологии, как известно, является биографический метод, который нацелен на рассмотрение биографии личности писателя, поэта как определённый момент творчества. Трудно переоценить важность использования этого метода при исследовании, например, творчества А.С. Пушкина, которое невозможно без обращения к прошлому и настоящему Михайловского – уголка псковской земли, имения родителей поэта, не говоря о научных исследованиях сотрудников музея-заповедника поэта, дающих много интересных материалов о творчестве великого русского поэта в Михйловский период, когда «реализм Пушкина достиг глубины и зрелости, а художественный его гений – наивысшего гармонического развития» [Бозырев 1979, с. 5]. Подобная параллель имеет место и в исторической науке: недаром Д.С.Лихачёв отмечал, что «краеведение – объединяющее начало всех наук».

Любое новейшее исследование движения декабристов – эпохального исторического явления, тем более в канун его 190-летия, – также будет неполным без упоминания о первом в России Музее декабристов и его истории и судьбы, до конца не прояснённой и в наши дни.

Первые сведения и о замысле музея, и о фактах, сыгравших решающую роль в его осуществлении, сегодня мы узнаём из мемуаров князя Сергея Михайловича Волконского, внука декабриста Сергея Григорьевича Волконского. Именно книга С.М. Волконского «Мои воспоминания» в двух томах в полном объёме впервые на родине была опубликована в 1992 году, то есть 71 год спустя после того, как она была завершена в рукописи ещё в России и переправлена вслед за автором, нелегально покинувшим страну. Первые же публикации, именно обобщающего характера, имеющие отношение к «сибирскому музею», стали появляться в печати в 70-80 годы XX века и продолжились в 10-е годы XXI века. Приведём библиографический список наиболее важных из них – тех, что позволяют восстановить хронику истории музея, последней точки в которой ещё не поставлено:

1. Некрохин Е. А. Иного не было пути / Е. А. Некрохин. – Воронеж : Изд. Воронежского университета, 1975.

2. Гамов Н. Кованные из чистой стали / Н. Гамов // Подъём. – 1985. – № 3. – С. 103-111.

3. Кончин Е. Легенды и были одной коллекции / Е. Кончин // В мире книг. – 1985. – № 3.

4. Кончин Е. Приключения «Музея декабристов» / Е. Кончин // Турист. – 1990 – № 12. – С. 20-21.

5. Бойков В. Из глубины Сибирских руд / В. Бойков // Подъём. – 1987. – № 11. – С. 96-100.

6. Бойков В. Герой серебряного века. Сергей Волконский / В. Бойков // Наше наследие. – 1991. – № 4. – С. 54-58.

7. Пацерина Е. История выставки «Декабристы – первые борцы за свободу» / Е. Пацерина // Материалы краеведческих чтений, посвящённых 95-летию со дня открытия в г. Борисоглебске выставки «Декабристы – первые борцы за свободу». 18 апреля 2013 г. – Борисоглебск, 2013. – С. 54-59.

8. Мурашов А. А. Князь Волконский, Сергей М.: Биографические зарисовки. / А. А. Мурашов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

9. Мурашов А. «Павловка» Борисоглебского уезда и её обитатели (Из дилогии «Заповедные усадьбы») / А. Мурашов. – Большая Грибановка: Наследники Макушиных, 2015.

Основой публикаций в 70-80 годы служили материалы тоненькой книжки: Волконский С. М. О декабристах (По семейным воспоминаниям) / С. М. Волконский. – Пб. : Изд-во «Начала», 1922. О ней можно сказать словами А. А. Фета: «Вот эта книжка небольшая/томов премногих тяжелей». Она действительно в значительной степени писалась князем Волконским по памяти, поскольку архив деда в разгар работы над ним уже в Борисоглебске был изъят ЧК. По всей вероятности, чудом оставшийся в России, один экземпляр рукописи этой книги и был опубликован в 1922 году, уже после публикации 1921 года в Париже с предисловием автора. В основном публикации Н. Гамова и В. Бойко опираются на следующие факты, изложенные в этой книге и являющиеся ключевыми в истории музея:

– архив деда-декабриста был случайно обнаружен внуком в 1914-1915 годах в его петербургской квартире;

– эта находка обсуждалась с другом Волконского – бароном Н.Н. Врангелем, привлёкшим к исследованию архива Б.Л. Модзалевского, который воодушевил князя на публикацию материалов;

– приведённый в порядок архива был отправлен в Павловку;

– в 1914-1917 годах в Павловке из наиболее важных материалов архива была организована выставка «Сибирский коридор» или «Сибирский музей»; остальные материалы хранятся как закрытые, но важные для публикации;

– в 1917 году основная часть (?) архива и «сибирский музей» перевозятся в Борисоглебск;

– зимой (?) 1918 года, после установления в Борисоглебске Советской власти, предвидя возможную конфискацию, хранители отправляют архив в подлиннике и в копии в Академию наук, оттуда – в Румянцевский музей;

– в процессе подготовки и чтения благотворительных лекций князь Волконский приходит к мысли о создании выставки, посвящённой декабристам и в городе;

– 29 апреля (12 мая) 1918 года в комнатах библиотеки «Народного дома» была развёрнута экспозиция выставки из 182 экспонатов;

– в местной типографии был отпечатан каталог «В пользу Союза увечных воинов Борисоглебского уезда. Выставка Декабристов – первых борцов за свободу. Борисоглебск. Апрель 1918 года»;

– весной 1918 года чекистам передали автографы Робеспьера и Бонапарта, «заслуживающие сбережения», с целью обратить внимание Москвы на важность архива; вскоре ЧК забирает из Борисоглебского дома все бумаги, документы, относящиеся к декабристам;

– в июле 1918 года опубликован Архив декабриста С.Г.Волконского (Под редакцией кн. С.М. Волконского и Б.Л. Модзалевского. Т. 1. До Сибири. Ч. 1. Пг., Т-во В. Голике и А. Вильборг. 1918).

Эти факты, разумеется, подтверждаются мемуарами князя Волконского.

История и музея, и выставки обретает определённую законченность благодаря новым подробностям в двух книгах историка А.А. Мурашова. Презентация последней книги прошла 31 января 2015 года в историко-художественном музее города Борисоглебска. Сам факт того, что эта книга была опубликована в Большой Грибановке, являет собой непреложное торжество истины. Ей остался верен внук декабриста, князь Сергей Михайлович Волконский, потомок старинного рода, представители которого отстаивали независимость Отечества и от монголо-татар, и от польских интервентов, и от армии Наполеона, рода потомков Рюриковичей и не менее знаменитых в нашей истории черниговских князей. Волконские посвящали себя служению Отечеству на благо его процветания начиная с малой родины, родного дома и его земли.

Итак, одни из последних событий истории «Выставки декабристов» (XX век) по версиям исследователей:

– в начале сентября 1918 года, уже после вынужденного побега князя Волконского из-за угрозы расстрела, выставку закрыли, экспонаты передали в школьный музей;

– материалы выставки были сохранены усилиями директора школьного музея А.П. Ефимова и учителем приходского училища И.А. Овциновым; изъятые же чекистами и в Борисоглебске и, возможно, в Павловке материалы, особенно бумажные, были ими «израсходованы»;

– 6 октября 1918 года в Москве князь Волконский пишет письмо наркому просвещения Луначарскому о «коллекции исключительно художественно-исторической ценности», которая может бесследно исчезнуть;

– 13 декабря 1918 года управляющим делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичем принимается решение о незамедлительном вывозе в Москву «Выставки декабристов» и архива Волконских;

– в начале 1919 года тамбовский подотдел по делам музеев совместно со столичными эмиссарами обследовали усадьбы Борисоглебского и Кирсановского уездов; художественные ценности усадеб были вывезены в уездный музей и государственный музейный фонд в Москве;

– коллекция Волконских была вывезена в Москву и передана в Румянцовский музей;

– экспонаты выставки без описи пролежали в подвалах музея пять лет с 1919 года; в 1924 году просмотрены: из 182 экземпляров оказалось на месте только 157, утрачено 25 особенно важных реликвий.

В настоящее время разрозненные экспонаты выставки и материалы архива находятся в главнейших музеях, библиотеках и архивах страны.

Образ князя Сергея Михайловича Волконского, каким он возникает перед нами в его книгах и упомянутых нами исследованиях, обладает потрясающей притягательной силой. Думается, что все, кто разделяет эту точку зрения, согласятся с тем, что, если бы князь Волконский чудом остался в России, он непременно бы приложил все усилия, чтобы собрать вновь архив воедино. Это позволило бы продолжить исследования такого сложного и уникального явления в нашей истории, как движение декабристов.

На решение задач сохранения определённого наследия князей Волконских направлены усилия сотрудников историко-художественного музея города Борисоглебска, которые ведут работу в рамках выигранного ими всероссийского гранта «Сибирский коридор». К этой работе привлечены студенты проблемной группы историко-краеведческого направления исследований центра инноваций БФ «ВГУ». Данный материал – один из первых результатов этого сотрудничества, однако поиски ответов на многие вопросы еще впереди.

Литература

1. Бозырев В. С. Музей-заповедник А. С. Пушкина / В. С. Бозырев. – Л. : Лениздат, 1979.

О.А. Острогорская, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Л.В. Рыбачева

БЕЛОГОРСКИЕ ПЕЩЕРЫ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Белогорские пещеры – знаменитые меловые пещеры, находящиеся на юге Воронежской области, в четырех километрах от села Белогорья на правом берегу реки Дон.

Они неоднократно упоминаются в научных исследованиях и записях путешественников, о пещерах ходит множество легенд и сказаний. Изучение пещерных памятников связано с зарождавшимся воронежским краеведением [5, URL].

Уникальность Белогорских пещер, кроме их архитектуры, в том, что известны их строители. Этого нельзя сказать о более чем полусотне других малых и больших пещер Придонья. Всего на территории Воронежской области с середины XIX века самостоятельно существовали три крупных пещерных монастыря: Белогорский Воскресенский, Шатрищегорский Преображенский и Успенский Дивногорский. Искусствоведы считают, что у монастырей на Дону прямых архитектурных аналогов ни в России, ни в мире нет [5, URL].

О происхождении пещер существуют разные мнения. Одни исследователи считают, что данные пещеры начали строить первые христиане во II в. н. э. и в подтверждение своей позиции говорят о сходстве Белогорских пещер с римскими катакомбами (сводчатые потолки, розетки в виде римского символа солнца). Другие считают, что Белогорские пещеры использовали разбойники в X-XII вв.: пещеры находятся в горе, расположенной у р. Дон (первый торговый путь «из варяг в греки» проходил по Днепру, второй торговый путь «из варяг в греки» проходил именно здесь, по Дону); пещеры издалека совсем не видно, так как их закрывает лес и другие горы, зато с пещер Дон прекрасно видно, этим и пользовались разбойники, чтобы грабить проходящие торговые корабли [2, с. 6-7]. Третьи исследователи придерживаются официально подтвержденной версии об основании пещер казачкой Марией Шерстюковой родом из г. Бирюча Воронежской губернии [4, с. 157].

Обстоятельства жизни М.К. Шерстюковой сложились так, что около десяти лет она вела неправедный образ жизни, скиталась, не имея определенного места жительства. В 1795 году Мария Шерстюкова пошла пешком в Киево-Печерскую Лавру, чтобы там покаяться в грехах. Исповедалась у иеромонаха, который благословил Марию во искупление грехов начать копать пещеры в Белогорских горах по примеру преподобного Антония Киево-Печерского [6, с. 8-13].

Домой Мария вернулась весной 1796 года совершенно переменившейся: сделалась воздержанной постницей, смиренной, молчаливой и богомольной. Неподалеку от хутора Кирпичи начала свой подвиг пещерокопания. В Белогорье было неоднозначное отношение к Марии и ее делу. Кто шел из любопытства – посмотреть, кто по вере – помочь, но многие не верили, что после прежнего образа жизни Мария могла перемениться. Не верило ей и местное духовенство. Отсюда – множество препятствий пещерокопанию. Марию четыре раза заключали под стражу в Павловске, вход в пещеру засыпали, ставили охрану, но все же работа продолжалась [6 с. 14-18]. Доносы на Марию о ее «небогоугодном деле» дошли до императора Александра I. По делу Марии была создана специальная комиссия. Но ничего суеверного в работе Марии не нашли, и дальнейшее копание пещер продолжилось. К тому же Император выделил Марии 2500 рублей для устроения церкви. Церковь была освящена во имя Святого Благоверного князя Александра Невского [6, с. 19-28].

Известны сподвижники дела Марии: Иаков Безмолвник, Иоанн Тищенко, Андрей Васильченко (монах Антоний). 22 июня 1822 года пещерокопательница Мария на 82 году жизни скончалась после 25-летних трудов и подвигов в пещерах. Тогда протяженность пещер достигала более 299 аршин (около 212 метров). Эта часть пещер называется «старыми», а те, которые были выкопаны позже, – «новыми». Статус монастыря пещерам не давали долго. И, наконец, со вступлением на Воронежскую кафедру Преосвященного архиепископа Серафима (Аретинского) этот вопрос стал решаться. 20 декабря 1882 года указом Св. Синода был учрежден монастырь с условием, чтобы при нем было устроено какое-либо благотворительное учреждение. Игумен Петр открыл в монастыре

школу-приют на 100 мальчиков. В 1886 году было закончено строительство церкви Воскресения. В 1874 году построена церковь Вознесения Господня над местом погребения Марии Шерстюковой и Иоанна Тищенко. К 1916 году протяженность пещер составляла примерно 2,5 километра – это самые большие рукотворные пещеры в России. В этом же году в монастыре случилось чудо: после долгих лет ручного копания колодца диаметром около 6 метров, на глубине 85 метров забил источник, и вода поднялась почти на 50 метров.

В начале 1918 года земли Белогорского монастыря были отобраны, и часть монахов покинула обитель. В 1920 г. было возбуждено уголовное дело по факту открытия мощей Марии Шерстюковой и Иоанна Тищенко Борисом Клейстом [3, с. 36-38]. В 1922 г. монастырь был официально закрыт; ушли почти все монахи, в том числе и игумен Поликарп. В 1924-1927 гг. Белогорским волисполкомом все постройки были распроданы под снос. Оставался цел лишь Вознесенский собор, открытый совсем недавно, но и он в 1931 г. был взорван. Взрывались и сами пещеры: сначала советской властью, чтобы выгнать последних монахов, а затем и фашистами, уничтожающими партизан. На месте монастыря устроен зерносклад, зерно по желобам ссыпалось в подходящие баржи [3, с. 322-323]. Постепенно уцелевшие части построек пришли в негодность и развались. От огромных пещер осталось меньше 800 метров.

Священники города Павловска рассказывали, что после разрушения Белогорской обители в Костомарово была передана икона «Благодатное небо», некогда подаренная императором Александром I [5, URL]. После революции богоборцы пытались простелить икону – на ней шесть пулевых отверстий, но никто не смог попасть в лик Божией матери. 12 марта 2002 года на сайте Религия-новости была опубликована заметка о том, что мироточит лик Валаамской Божией Матери на иконе «Благодатное небо» в пещерном храме Костомаровского женского монастыря.

Первое возрождение Белогорской обители было предпринято в 2003 году. Усилиями местных жителей, историков, краеведов, педагогов, детей, верующих и неравнодушных людей расчищались завалы, выходы, площадки. 12сентября2004года, на престольный праздник Александра Невского, была совершена первая Божественная литургия. В июле 2005 года настоятелем Александро-Невского храма был назначен иеромонах Тихон (Жданов). В храме стали регулярно проводиться службы, велись реставрационные работы [1, с. 20]. С 2012 года настоятелем Белогорского Воскресенского мужского монастыря является иеромонах Симон (Камнев). Ведутся реставрационные работы; пещеры раскопаны в пяти уровнях, общая протяженность ходов составляет около одного километра. С 2013 года строится деревянная церковь во имя Спиридона Тримифунтского, с 2014 года – надвратная церковь во имя Антония и Феодосия Киево-Печерских.

О значимости образа пещерокопателей говорит наличие в XIX веке графических изображений Марии Шерстюковой, Ивана Тищенко и Андрея Васильченко. В 2013 году студенты кафедры этномузыкологии Воронежской государственной академии искусств под руководством профессора, заслуженного деятеля искусств России Галины Сысоевой подготовили спектакль под названием «Гуленка» о Марии Шерстюковой. Действующие лица говорят на слобожанском диалекте украинского языка и южнорусском диалекте. В спектакле звучат народные песни, записанные экспедициями Воронежской государственной академии искусств, Воронежского государственного университета на территории бывшей Воронежской губернии: украинские (с.с. Белогорье, В. Карабут, Грушевое, Переволочное, х. Благовещенский), русские (с.с. Верхососна, Большебыково), духовные стихи (с. Белогорье, г. Нижнедевицк, г. Лиски, с. Коршево), а также церковные песнопения. В спектакле задействованы 26 человек.

Литература

1. Воскресенский Белогорский мужской монастырь / Иеромонах Тихон (Жданов) [и др.]. – Воронеж: Издательство Воронежской и Борисоглебской епархии Русской Православной Церкви, 2010. – 24 с.
2. Жарова А. История Белогорских пещер / А. Жарова. – СПб., 2003. – 66 с.
3. История села Белогорье: очерки / [под ред. М.А. Калашникова]. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014. – 372 с.
4. Никольский П. В. Монашество на Дону / П. В. Никольский. – Воронеж: Типолитография т-ва «Н. Кравцов и К°», 1909. – 330 с.
5. Пещеры Белогорья [Электронный ресурс]. – История пещерокопательства. – http://pecherib.narod.ru/2.htm. – (дата обращения: 27.02.2015).
6. Шамаев О. В. Летопись Белогорского Воскресенского монастыря / О. В. Шамаев. – Воронеж: Левый берег, 1996. – 88 с.

А.А. Пороло, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. О.Г. Никитина

РОЛЬ ОХРАНЫ ЖЕНСКОГО ТРУДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ XIX ВЕКА

По словам Н.А. Ковальского, «главным, определяющим моментом фактического равноправия женщины в обществе является ее участие в общественном труде. Труд – это основа эмансипации женщины, ее экономической независимости. Труд способствует развитию личности женщины, повышает ее роль в жизни общества и семье, дает ей моральное удовлетворение» [4]. Изучение истории трудовых отношений позволяет выработать ретроспективный взгляд на современные трудовые отношения, осознать роль охраны женского труда – сохранность здоровья женщины, от чего напрямую зависит воспроизводство населения. Сегодня законодательные документы регламентируют трудовую деятельность представительниц прекрасного пола, принимая во внимание физиологические особенности, материнскую роль и социальное осознание равноправия женщин.

Насколько соответствует сегодняшнее положение потребностям российских женщин? По данным социологических опросов, трудовая среда устраивает нынешних работниц значительно больше, чем трудящихся, скажем, времен перестройки. Так, сегодня более трети опрошенных высоко оценивают условия труда на рабочем месте: 27% – как «хорошие» и 6% – как «отличные», тогда как в 1989 г. соответствующие ответы давали только 14% и 1% респондентов соответственно. Одновременно стало существенно меньше тех, кто отзывается об условиях труда негативно: «плохо» (с 26% до 5%) и «очень плохо» (с 4% до 1%). Доля средних оценок изменилась не столь существенно: в 1989 г. – 54%, в 2015г. – 60% [5].

Однако женский вопрос в трудовой деятельности в предшествующие эпохи ставился чрезвычайно остро: условия труда были весьма малоутешительны. Обратимся к трудовой среде и положению женщин в XIX веке. Одним из последствий реформы 1861 года стало втягивание женщин в общественное производство. На первых порах речь шла в основном о так называемом «дворянском» и «разночинном» женском пролетариате, т.е. о девушках из стремительно разорявшихся дворянских семей и представительницах разраставшегося разночинного слоя, вынужденных зарабатывать себе на жизнь самостоятельным трудом. Именно эти «благородные девицы» и стали основательницами женского движения в стране[1]. И лишь только с началом развития капиталистических отношений и широким распространением фабрик (первоначально текстильных) труд женщин начинают активно применять в промышленной сфере. Некоторые фабрики на-

считывали громадное число работниц: например, Большая Ярославская Мануфактура в начале XIX века имела 1625 мужчин и 2250 женщин [2, с. 40].

Анализируя трудовую деятельность женщин России конца XIX века, можно обратить внимание на неудовлетворительные условия женского труда. Продолжительность трудового дня в конце XIX века в России не регламентировалась и фактически составляла 17-18 часов, а порой доходила до 20 часов в сутки. Заработную плату женщине, занятой на производстве промышленного предприятия, выплачивали как минимум в два раза ниже, чем лицам мужского пола [3]. Работодатели не обращали внимания на способы, с помощью которых осуществлялось исполнение обязательств рабочих женщин, в результате чего большинство из них страдали различными профессиональными заболеваниями. Были распространены легочные заболевания: астма, хронический бронхит, ангина, чахотка. Не редкостью были и отравления парами ртути, фосфора и свинца. Н.И. Дружинин отмечал данные английского рабочего общества Friendly Jociefys: по данным Франка, Куиффера и Менжи, кривая заболеваний женщин (не считая родов) превышает соответствующую кривую заболеваний мужчин в возрасте между 11 и 40 годами, только в промежутках от 20 до 25 лет она опускается незначительно ниже мужской линии. Но именно возраст от 11 до 40 лет является обычным возрастом фабричной работницы [2, с. 54].

Труд в промышленности был тяжелым и изнуряющим, но даже будучи беременными, женщины не имели возможности воспользоваться декретными отпусками и вынуждены были работать вплоть до самых родов. Никакой поддержки от предпринимателей родившие женщины не получали. Опасаясь расчета, женщины скрывали свою беременность или прибегали к искусственному аборту. Нужда заставляла их работать во весь период беременности и бросать фабрику в самый последний момент. Исследования докторов Дементьева, Письменного и Вегера, произведенные на крупных мануфактурах России того времени, констатировали: фабричная работница в среднем чаще выкидывает и чаще рожает мертвых младенцев [2, с. 62].

Также Н.И. Дружинин отмечает губительные факторы негативных условий труда на семейные отношения: «Женщина, принужденная каждый день от 9 до 12 часов проводить на фабрике, бессильна поддерживать семейное хозяйство. Ее дети, муж и она сама питаются кое-как, горячую пищу принимают только вечером. Но и этот, наскоро приготовленный ужин, стоит женщине больших усилий: утомленная фабричной работой, измученная впечатлениями трудового дня <…>. Для духовного общения с мужем, с детьми у нее не хватает ни времени, ни сил. Короткий тяжелый сон – ее единственный отдых, и только в это время она безусловно принадлежит самой себе. Ее дети растут без призора, без материнской заботы и ласки. Если это верно в отношении новорожденных, то еще вернее относительно подрастающих, которые проводят весь день в затхлой атмосфере казарм и рабочих углов, или практически обучаются преступности и алкоголизму в кварталах большого города. Отчеты городских попечительств о бедных в ярких чертах рисуют жалкую судьбу детей, взращённых фабричной системой» [2, с. 64].

О необходимости введения законов о труде женщин в России в конце XIX века говорили многие факторы. Одним из таких являлся участившиеся забастовки рабочих, которые требовали изменить их правовое положение, защитить хоть каким-то образом от произвола промышленников.

Законодатели конца XIX века, содействуя в первую очередь интересам капитала, начали деятельность по изданию правовых актов, которые в последствие получили наименования фабрично-заводского законодательства. Первоначально регламентировался правовой статус трудящихся детей: результатом деятельности в этом направлении стал Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», который явился первым правовым актом фабрично-заводского законодательства.

Для надзора за выполнением закона была учреждена фабричная инспекция. Вводились ограничения на детский труд, вследствие чего промышленникам пришлось искать выход в замене дешевой детской силы – в результате этого детский труд заменили женским. Уже к 1886 году удельный вес женского труда вырос довольно значительно (в среднем от 1,5 до 4,5 %) за счет доли труда малолетних. Женщины, призванные по своей природе растить детей, в связи с социальной необходимостью вынуждены были работать наравне с мужчинами по 14-18 часов в сутки, что не давало им возможности заботиться о своем потомстве [3].

Крайне тяжелое положение рабочих вызвали массу волнений, которые грозили принять серьезные размеры, что подтверждалось стачечным движением с 1883 по 1885 года, охватившим почти все важнейшие промышленные центры страны [3]. Как видно, государственные установления об ограничении использования детского труда не успокоили рабочие массы, требовавшие регламентации отношений между промышленниками и работницами.

Следующим шагом государственной политики было принятие закона об ограничении использования женского труда. 3 июня 1886 года был издан Закон «О воспрещении ночной работы несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах». Данным правовым актом в виде опыта на три года запрещалось использовать женщин и подростков, не достигших семнадцатилетнего возраста, в ночное время на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках [3].

В дальнейшем не были приняты акты, касающиеся трудовой деятельности именно женского населения, но, несомненно, важную роль в закреплении правового статуса трудящейся женщины сыграл Закон от 3 июня 1886 года «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции», которым устанавливались условия найма и увольнения рабочих, выплаты им заработной платы, «внутренние стороны» трудовой деятельности [3]. Однако и в представленном правовом акте государство не удосужилось определить особый правовой статус женщины.

Законом 1897 года ограничивалась лишь максимальная продолжительность рабочего дня на предприятиях в России: для взрослых мужчин она не должна была превышать 11,5 часа [3]. Другие законы из этого пакета также внесли свою лепту в становление Российского законодательства в области охраны труда.

Таким образом, говоря о правовом положении трудящейся женщины в промышленности Российского государства XIX века, можно указать на отсутствие нормативных актов, определяющих особый статус женщины в виду ее физиологической природы, удручающие условия труда, которые вели к снижению уровня жизни, ухудшению здоровья и рождаемости. Борьба рабочих с эксплуатацией заставила правительство создать первые опыты законодательства охраны труда женщин. Несмотря на то, что в конце XIX века было принято несколько правовых актов, создан специальный орган надзора за взаимными отношениями промышленников и рабочих – фабричная инспекция, – это была не забота об удовлетворении нужд трудящихся, а лишь способ хотя бы на время успокоить недовольный народ. Можно отметить, что, несмотря на попытки в правовом поле, остро стояли вопросы охраны труда женщин, решение которых будет найдено спустя полвека. При анализе исторического опыта XIX века становится очевидной зависимость охраны труда женщин и здоровья, функции материнства и семейного призвания женщин как основных социальных ценностей нации.

Литература

1. Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека / С. Г. Айвазова. – М. : Эслан, 2001. – с. 46.

2. Дружинин Н. М. Охрана женского и детского труда в фабричной промышленности России. Дипломное сочинение 1912 г. / Н. М. Дружинин. – М. : ЗАО «ИПК» МИнИн «Центр», 2005. – С. 156.

3. История охраны труда в России. [Электронный ресурс]. – http: //www.ohranatruda.ru/ot_biblio/articles/146347/. – (дата обращения: 26.04.2015).

4. Ковальский Н. А. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс / Н. А. Ковальский. – М.: Мысль, 1972. – С. 44-45.

5. Охрана труда XXI века лучше, чем в XX. [Электронный ресурс]. – http://www.ohranatruda.ru/news/898/155545/. – (дата обращения: 26.04.2015).

М.В. Синибабнова., студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. проф. В.И. Дьякова

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК И ИХ ЧАСТЕЙ)

Всем известна образность и яркость русского национального языка. Это богатство складывалось веками за счет общеславянской основы, диалектного многообразия и заимствований. При изучении местных диалектов наше внимание привлекла лексика, заимствованная из других языков. На протяжении многих лет наши предки взаимодействовали с другими этническими группами, с религиями, традициями, приспосабливались к разнообразными погодным условиям.

Для наблюдения над заимствованной лексикой в воронежских говорах мы выбрали названия хозяйственных построек как давнюю и важную для жилища человека группу слов. Среди названий хозяйственного назначения мы обратили внимание на такие слова, как *амбар, балаган, балясы, лачуга, магазей, сарай*.

Большинство из выявленных нами слов оказались заимствованиями из тюркских языков. Но кроме фактов заимствования, нам показались интересны способы адаптации лексем. Например, *сарай* и *балаган* в языке-источнике обозначали постройки совсем не хозяйственного назначения. *Sarai* в тюркском обозначало «дом, дворец, комната для жилья» [3, т.3, с.560], *balaxana* – «терем, высокий дом, жилище» [3, т.1, с.112]. В арабских языках и по сей день слово *сарай* обозначает торжественный дом для сбора важных лиц. В нашем языке слова приобрели значения ветхой, временной, легкой постройки, пригодной для содержания скота. Такие смысловые изменения, возможно, вызваны различными природными условиями тюркских народов и русского. То, что для них является полноценным жилищем, для нас в силу холодных зим и сильных ветров все лишь постройка для хозяйственных инструментов, различного имущества, а также помещение для скота. Из-за климата нам нужны были более прочные строения. Лексема «сарай» в русском языке известна с начала XVII века у Арсения Суханова, а вот воронежским памятникам письменности XVII века слово еще было не известно; в местные говоры оно пришло позднее из литературного языка.

Встретились нам и лексемы, которые не претерпели никаких смысловых изменений, пришли в наш язык с таким же значением, что и в языке-источнике, но вот свой фонетический состав поменяли. Например, *амбар* или *омбар* в персидском звучало, как *anbar* – как раз эту форму и сохранили диалекты Воронежской области, а вот литературный язык поменял «н» на «м» для более удобного произношения. М. Фасмер [3, т.1, с.75] и П.Я. Черных [4, т.1, с.40] предполагают, что *anbar* это «сарай, кладовка» в пер-

сидском языке, Н.М. Шанский [5, с.23] же считает, что слово обозначало «магазины» причем это форма множественного числа. Памятникам письменности слово известно уже в XVI веке в «Духовной» Леонтия Дмитриева и в «Купчей» 1544 года.

Фонетические изменения также коснулись слова *лачуга* или *алачуга*: именно эта форма с начальным «а», впоследствии отпавшим, считается старейшей, и именно так слово выглядело в тюркских языках, где имело значение «палатка, шатер, шалаш из коры и ветвей». Русскому языку слово известно уже с XIV векf, по сведениям словаря И.И. Срезневского [2, т.1, с.15]. В настоящее время литературному языку известна только форма *лачуга*, но воронежские диалекты сохранили и древнерусскую форму –*алачуга*, которая не отмечена в просмотренных нами источниках..

Есть случаи, когда один заимствованный корень – *mahzan* – был приспособлен для номинации разных реалий: магазин и амбар для хранения каких-либо запасов. В воронежских говорах отмечены две лексемы с этим корнем: *магазин* и *магазея*. В словаре В.И. Даля читаем: «Магазин – (первое значение) зданье или помещенье для складки и храненья каких либо запасов; (второе значение) лавка, склад для продажи, особ. лавка в жилом доме, не в рядах. В первом знач. народ произносит *магазей* и *магазея*, даже гамазея; а во втором знач. магазин» [1, т.2, с.287].

Лексема «магазин» в первом значении известна только диалектам, в литературном языке слово не встречается. М. Фасмер предполагает, что в русский язык слово произошло от голландского *magazijn* в эпоху Петра1, где обозначало «склад», а оно в свою очередь восходит к арабскому *mahzan* – «склад товаров» [3, т.2, с.554].

Заимствованные слова настолько прочно вошли в наш язык, что современному человеку зачастую сложно поверить, что этого слова могло и не быть в языке. Слова адаптировались фонетически, семантически, они даже вошли в состав фразеологизмов. Например, итальянское слово *balaustra* стало нашим «балясы», которое обозначает фигурный столбик в ограждении крыльца, балкона, лестницы [3, т.1, с.119]. С этим значением слово и отмечено в местных говорах. А русское устойчивое выражение *точить балясы* или *лясы* обозначает «заниматься пустой болтовней». У фразеологизма есть две версии происхождения: профессиональное происхождение – точить уже и так выточенные балясы, т.е. заниматься пустым делом; вторая версия – слово *баляс* восходит к общеславянскому корню *bal* – «рассказывать».

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что говор, как единица языка, продолжает жить и развивает свою систему по собственным законам.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т.т. / В. И.Даль. – М., 1935.

2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : В 3 тт. / И. И. Срезневский. – М., 1958.

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 тт. / М. Фасмер. – М., 1964 -1973.

4. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2 т.т. / П. Я. Черных. – М., 1999.

5. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В.Шанская. – М., 1961.

СЕКЦИЯ
«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД»

Е.Ю. Бубнова, студ. экономического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.э.н., доцент С.П. Клинова

ДЕВАЛЬВАЦИЯ РУБЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИЧИНЫ, СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

К числу актуальных макроэкономических проблем современной России следует отнести проблему обесценения национальной валюты. Ее последствия могут существенно отбросить российскую экономику назад в развитии, усилив замедление деловой активности, а следовательно, негативно сказаться на качестве жизни россиян и социально-психологическом климате в обществе.

Падение российской национальной валюты – это сложное, многогранное явление экономики, имеющее в своей основе целый комплекс причин. К их числу следует отнести прежде всего следующие: геополитический фактор – нестабильная ситуация на Украине, обусловивший введение западных санкций; ряд принятых решений относительно процентных ставок и сокращения интервенций ЦБ; сильное отставание России в части, касающееся перевода экономики на инновационные рельсы развития, назревшая потребность ухода от сырьевой зависимости, создания инфраструктуры, вложения в тяжелое машиностроение, станкостроение, точное приборостроение; наконец, недоверие населения к национальной валюте и перевод своих сбережений в иностранную валюту. Нам представляется возможным остановиться на некоторых из причин более подробно.

1. С начала прошлого года в России наблюдалось падение цены на нефть (по сорту Brent) на 43-44%. Приблизительно с таким же темпом отмечается падение рубля по отношению к доллару. Удешевление нефти приводит к сокращению количества получаемых долларов российскими экспортерами, подлежащих переводу в рубли. Как следствие, российские компании – экспортеры сокращают спрос на рубли, что негативно сказывается на курсе национальной валюты, обесценивая ее. В первую очередь, речь идет о нефте- и газодобывающих компаниях, которые предлагали получаемую от продажи нефти и газа на мировом рынке иностранную валюту на национальном рынке России.

2. В силу формирующихся негативных экономических ожиданий в России имеют место опасения со стороны населения появления дефицита иностранной валюты. Российские компании экспортеры на фоне данных ожиданий и уже достаточно «затянувшейся» девальвации, пытаются придерживать иностранную валюту на своих счетах, что еще более осложняет данную проблему.

Домохозяйства в силу растущего недоверия к рублю формируют ажиотажный спрос на иностранную валюту и активно скупают наличную валюту – изымают средства из экономического финансового оборота, конвертируют депозиты из рублей в доллары и евро, пытаются вложить средства в электрическую технику, в домашнюю утварь, покупают все, на что только хватает накопленных средств, тем самым неосознанно усиливая инфляцию.

Валютный курс выступает в качестве инструмента регулирования совокупного спроса. Согласно макроэкономической теории, обесценение валюты повышает цену иностранных товаров в национальной валюте, что также приводит к росту внутренних цен на отечественные товары, так как снижается спрос на импортные блага и растет спрос на отечественные блага. Таким образом, имеющее место «раскручивание» инфляции приводит к сокращению реального дохода населения и к снижению уровня жизни в стране.

Острота данного аспекта для России связна с деформацией ее структуры, «перекосом» в сторону добывающих отраслей промышленности. Это не позволило быстро «заменить»

импортные товары продукцией отечественных производителей. Развитие импортозамещающих производств – это один из ключевых моментов реформирования российской экономики.

3. К числу причин, ослабляющих цену рубля, необходимо отнести геополитическую ситуацию. Конфликтная ситуация, сложившаяся на Украине, обусловила введение Западом санкций в отношении России. Последствия санкций для топливно-энергетического комплекса отразились на деятельности крупных нефтегазовых компаний. Так, например, газовая компания «Газпром» из-за санкций была вынуждена прибегнуть к оптимизации ценовой политики и географической диверсификации рынков сбыта. Компания также пострадала от запрета на поставки технологий, которые ей нужны для добычи на арктическом шельфе.

Однако можно заметить и благоприятное воздействие санкций на военную и космическую отрасль. Введение санкций ускорило процесс импортозамещения в космической отрасли, который реализуется по плану уже в течение нескольких лет. В условиях санкций планируются меры по производству таких конечных изделий, как ракеты-носители, разгонные блоки, космические аппараты. По сообщению заместителя генконструктора компании «Информационные спутниковые системы» Юрия Выгонского, сроки изготовления российских спутников были увеличены на 8-10 месяцев, а для ряда компонентов пришлось искать аналоги, что стало следствием ограничений на поставку электронной компонентной базы из США [1, URL].

4. Санкции лишают российские банки возможности получить доступ к мировым рынкам капитала. Возникший долларовый дефицит вынуждает как банки, так и компании, имеющие долги в иностранной валюте, приобретать ее по любой цене. Это «подогревает» спрос на иностранную валюту, а рубль продолжает стремительное движение по пути обесценения [2, с. 38]. При этом иностранные кредиторы корпоративных заемщиков не стремятся продлевать отношения с ними.

Под давлением западных санкций снижается суверенный рейтинг России. Это стимулирует отток капитала из экономики России, что означает падение спроса на рубль и увеличение его предложения в обмен на иностранную валюту, как следствие – падение курса рубля. В финансовой сфере России отсутствуют эффективные барьеры, препятствующие оттоку капитала из национальной экономики. По данным Росстата, чистый вывоз капитала банками и предприятиями из России в 2014 году более чем вдвое превысил показатели 2013 года и составил $ 151,5 млрд. [3, URL]. Заметным следствием введения санкций против российских банков и компаний стало повышение уровня процентных ставок.

5. С марта по декабрь ЦБ РФ шесть раз повышал процентные ставки, в результате которых уровень ключевой ставки вырос с 5,5% в начале года до 17% на конец декабря 2014 года. [4, URL]. Повышение ставок отражалось на экономике довольно неравномерно. Наиболее агрессивным оно было в корпоративном кредитном сегменте: там кредитные ставки с начала года выросли больше всего. Такой быстрый рост ставок связан с тем, что многие компании, опасаясь ограничений, связанных с выходом на внешние долговые рынки, увеличили спрос на кредиты российских банков. Ставки по депозитам продемонстрировали более умеренный рост, особенно по розничным вкладам. По всей видимости, решение не повышать радикально ставки привлечения розничных средств связано с невысоким интересом банков к этому источнику фондирования из-за его неустойчивости. Хотя более 80% розничных депозитов в России срочные, по законодательству вкладчики могут изъять свои средства в любой момент. Ставки по корпоративным депозитам выросли не так значительно, как кредитные ставки, что скорее обусловлено структурой данного рынка.

Непоследовательные, «однобокие» действия ЦБ РФ в отношении учетных ставок и проведения интервенций также не способствовали укреплению рубля. Ситуация весьма

непростая. С одной стороны, замещение деловой активности российской экономики требует денежно-кредитной политики снижения процентных ставок. С другой стороны, укрепление рубля настоятельно требует повышения учетных ставок, сжатия денежной массы (сужения ликвидности).

Сделать выбор в подобной ситуации сложно, но действия ЦБ РФ на данный момент все-таки в большей степени свидетельствуют о нацеленности на укрепление рубля (в частности повышение ставок до 17%) [4, URL].

Определение причин и исследование их влияния на курс национальной валюты позволяют очертить круг приоритетных направлений решения рассматриваемой проблемы. К их числу можно отнести следующие:

- Структурная перестройка экономики России в пользу перерабатывающих отраслей промышленности;
- Развитие импортозамещения;
- Антимонопольное регулирование экономики, не позволяющее отечественным производителям, заполнив освободившиеся рыночные ниши, держать монопольно высокие цены;
- Адресная поддержка государством отечественных производителей; разработка государственных программ с целевым финансированием (в частности, сельского хозяйства);
- Введение контроля за движением и оттоком капитала;
- Стабилизационные меры, проводимые ЦБ РФ, – в частности, валютное рефинансирование банков под залог валютных кредитов. Как следствие – увеличение предложения иностранной валюты, покрытие спроса на нее (в первую очередь для выплаты долгов по внешним займам корпораций). ЦБ может выходить на рынок с валютными интервенциями в случае сильных атак на рубль.

Обесценение рубля влечет за собой ряд социальных проблем, которые проявляются в сокращении реальных доходов и снижении уровня жизни населения. Девальвация является и психологическим поводом для тревожности, которая может выражаться в неуверенном, пассивном или, наоборот, агрессивном поведении как отдельного человека, так и общества в целом. Агрессия – это основанное на отрицательных эмоциях отражение реальности, приводящее к искаженному пониманию действительности и неадекватному поведению. В общественном сознании начинают преобладать чувства, настроения и эмоции, которые не осмыслены, не систематизированы и не содержат в себе попытки понять истинных причин такой макроэкономической проблемы как девальвация национальной денежной единицы.

Наиболее распространенным психологическим состоянием в настоящее время, вызванным девальвацией рубля, является стресс. Он «дезорганизует деятельность человека, нарушает нормальный ход его поведения» [5, с. 5], что в итоге оказывает негативное влияние на физическое здоровье индивида. Стать стрессором, то есть источником стресса, может не только сам факт девальвации, но и ожидание опасных последствий, которые содержит эта ситуация. И здесь важную роль могут сыграть средства массовой информации. Своим воздействием на сознание людей они или усиливают тревожность людей или наоборот способствуют благополучному разрешению стрессовой ситуации.

Таким образом, меры противодействия девальвации должны быть продуманными, комплексными и сбалансированными. В этом залог успеха в преодолении сложившейся макроэкономической ситуации, а также в сохранении стабильного социально-психологического климата в обществе.

Литература

1. Санкции против России. – URL: http://vikipediya.uz.cm/wiki/ (дата обращения 25.02.2015).
2. Ершов М. «Какая экономическая политика нужна России в условиях санкций?» / М. Ершов // Вопросы экономики, 2014. – №12. – С. 37-54.
3. Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ (дата обращения 28.02. 2015).
4. Центральный банк Российской Федерации: [сайт]. – URL: http://cbr.ru (дата обращения 23.02.2015).
5. Собенников В. С., Ясникова Е. Е. Стресс. Фрустрация. Конфликт / В. С. Собенников, Е. Е. Ясникова, Е. Е. Стресс. – Иркутск: ИГМУ, 2013. – 18 с.

В.А. Волобуева, студ. историко-филологического ф-та
Борисоглебского ф-ла ВГУ (Борисоглебск)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Л.Н. Верховых

ЖЕНСКИЙ ИМЕННИК Г. ПОВОРИНО И ПОВОРИНСКОГО РАЙОНА (2008-2014 ГГ.)

В данной работе рассматривается женский именник г. Поворино и Поворинского района Воронежской области с 2008 по 2014 год.

Материал для анализа извлекался нами из книг регистрации новорожденных отдела ЗАГС г. Поворино, где записываются новорожденные г. Поворино и Поворинского района.

Нами исследовалась женская подсистема имен, мужской именник рассматривался только с целью установления общего количества имен за данный период времени.

Всего нами было рассмотрено 783 имени новорожденных, среди них женских имен – 389 единиц. Количество неповторяющихся женских имен за указанный период – 131 антропоним.

Все женские личные имена были разделены нами на 2 группы: календарные и новые календарные имена, некалендарные имена.

В основу данной классификации был положен принцип включения личного имени в состав календарных имен в «Алфавитном указателе календарных имен…», приведенном в «Словаре русских личных имен» А. В. Суперанской (М., 2006).

К календарным именам относятся *Агафия, Акулина, Алевтина, Александра, Анастасия, Ангелина, Анна, Антонина, Анфиса, Аполлинария* и др., что составляет 45% от общего числа женских имен.

К новым календарным именам относятся: *Адель, Алиса, Альбина, Амалия, Анжелика, Ариана, Венера, Виктория, Доминика, Камилла* и др., что составляет 19% от общего числа женских имен.

Некалендарные имена представлены как древнерусскими по происхождению именами, так и заимствованными именами, не включенными в состав календарных имен в «Алфавитном указателе календарных имен…»: *Аделина, Асия, Алина, Алеся, Аурика, Владислава, Грета, Даниэла, Джамила, Диана* и др., что составляет 36% от общего числа имен.

По частотности распространения нами были выделены следующие группы женских имен г. Поворино и Поворинского района за 2008-2014 гг.: имена широкого распространения (от 10 до 20 имен за рассматриваемый период), имена ограниченного распространения (от 4 до 10 имен за данный период), редкие и редчайшие имена (от 1 до 3 имен в течение календарного периода). Имен массового распространения (20 и более имен в течение календарного периода) в рассматриваемом именнике нет.

В 2008 г. женский именник включал 153 имени, в 2009 г. – 185 имен, в 2010 г. – 157 имен, в 2011 г. – 156 имен, в 2013 г. – 127 имен, в 2014 г. – 186 имен.

Анализ частотности женских имен г. Поворино и Поворинского района за период с 2008 по 2014 гг. позволяет отнести к именам широкого распространения 9 личных имен, что составляет 6,9% от общего числа женских имен за данный период времени: *Ангелина, Анастасия, Анна, Варвара, Ксения, Виктория, Дарья, Полина, Софья.* Расположим имена от наиболее частотного к наименее частотному: *Анастасия, Дарья, Виктория, Ангелина, Анна, Полина, Варвара, Ксения, Софья.*

В группу имен ограниченного распространения входит 21 личное имя, что составляет 16% от общего числа женских имен: *Александра, Алёна, Алина, Альбина, Арина,*

Валерия, Вероника, Виолетта, Диана, Евгения, Екатерина, Елизавета, Кристина, Марина, Мария, Светлана, София, Татьяна, Ульяна, Юлия, Яна.

Самой разнообразной и объемной по количеству используемых антропонимов является группа редких и редчайших имен, она составляет 101 антропоним (77,1% от общего числа имен): *Аделина, Агафия, Акулина, Алевтина, Алеся, Адель, Алиса, Амалия, Анжелика, Антонина, Анфиса, Аполлинария, Ариана, Асия, Аурика, Валентина, Василиса, Венера, Вера, Виола, Владислава, Галина, Гретта, Даниела, Джамила* и др.

Состав женских имен широкого и ограниченного распространения относительно стабилен, его можно рассматривать как основной состав именника за рассматриваемый период времени. Группа редких и редчайших имен характеризуется нестабильностью, постоянной изменчивостью, также для анализируемого именника является характерным расширение состава группы редких и редчайших имен в 2009, 2011, 2012 гг.

С каждым годом состав именника г. Поворино и Поворинского района становится более разнообразным, этому способствуют следующие причины: 1) возрождение исконно русских имен (*Лада, Любава, Мирослава, Ярослава* и др.); 2) общественные процессы (миграция представителей других народов); 3) заимствование имен (*Алиса, Аурика, Нелина* и др.).

Литература

1. Алфавитный указатель календарных имен, признаваемых русской православной церковью в XX в. // Суперанская А. В. Словарь русских имен. – М., 2005.

2. Книги записи актов о рождении жителей г. Поворино и Поворинского района за 2008-2014 гг.

3. Суперанская А. В. Словарь русских имен / А. В. Суперанская. – М., 2005.

4. Суперанская А. В., Суслова А. В. О русских именах / А. В. Суперанская, А. В. Суслова. – СПб, 2000.

В.В. Голубенко, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. М.В. Панова

НАИМЕНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Известно, что на территории Воронежской области соседствуют говоры русского и украинского языков. Украинские говоры используют жители деревень, сёл и даже районных центров. Они называют диалектными словами жизненные реалии, явления материальной и нематериальной культуры. Вслушиваясь в речь носителей украинских говоров, можно понять, что в их языке представлены пласты как литературного украинского языка, так и его диалектов.

Объектом исследования в работе стали наименования женской одежды в украинских говорах Воронежской области.

Источниками материала являются Словарь украинских говоров Воронежской области М.Т. Авдеевой (2012) и записи автора статьи, сделанные в селе Филиппенково Бутурлиновского р-на Воронежской области.

В процессе исследования была проведена тематическая и лексико-семантическая классификация наименований одежды.

Основу женского традиционного костюма составляет *рубаха*, служившая нательной и одновременно выходной одеждой. Данная лексема имеет общеславянский корень *руб*, который имеет значение «грубая одежда, лохмотья»

В форме *рубаха* это слово в русском языке известно с начала XVIII в. Этимологически слово рубаха связано с др.-русским *рубъ* – «кусок, обрывок ткани», «худая одежда» [7, с. 510].

Лексема *рубаха* входит в тематическую группу «Названия плечевой одежды». В данной группе было выделено 3 подгруппы, деление на которые определяется названиями частей рубахи.

1. Названия рубахи как целого.

В данную группу вошли следующие наименования: *підтичка, самошейчека, станок, сорочка*.

Лексема *сорочка* является общей для украинских говоров Воронежской области, русских говоров на территории Воронежской области и для украинского литературного языка.

Этимология данной лексемы до конца не прояснена. Она имеет соответствия в литовском (*sarkas*- одежда, суконный кафтан рыбаков, наряду с *svarkas* – 'пиджак, халат') и латышском (*svarks* – 'сюртук, пиджак') языках. Согласный v может быть объяснён влиянием литовского *svarus* – 'чистый, опрятный' [7, с.724-725].

В воронежских говорах слово «сорочка» распространено мало и является синонимичным слову «рубаха».

2) Названия верхней части женской рубахи.

Была выделена 1 лексема – *станок*.

Станок, -нка. Верхняя часть нижней женской рубахи. Могла заменять блузку. *Рубашка шшита, як плаття. Кохта називалась станок, а юпка – підтічка. Птр. Павл. Піттичка щє добра, а станок увесь нікудишний. Сттл. Бог.*

Корень *стан-* является общеславянским. В словаре М. Фасмера зафиксировано значение *стан девичий*. Можно сделать вывод, что значение «верхняя часть женской рубахи» – результат переноса по смежности: *стан* 'часть туловища, талия' (в польск. – 'талия', словен. – 'туловище') [7, с.745].

3) **Названия нижней части женской рубахи** представлено одной, уже встречавшейся лексемой *підтичка* с фонетическими вариантами *підточка* и *підтячка*.

В Словаре украинских говоров Воронежской области находим: *Підтичка, -и, Підточка, -и, Підтячка, -и* (устар.). Нижняя часть женской сорочки из домотканого полотна или более дешёвой однотонной ткани, которая была под юбкой, в отличие от верхней ситцевой части, которая могла выступать и как блузка. *Гарна швачька з цього полотна щє дві піттячьки зуміє викроїть. Лсв. Павл. Піттячка в женських рубашках була полотняна. Ст. Крш. Петр. Підтячка вже обтріпалась. Ст. Ольш. Семил. Це в мене сорочка с піттичькою, сама шила. На їй, верх уже подрався, а піттичька щє кріпка, щє можно до чьогось пітточіть. Сттл. Бог. Раньше підточки носили рошшиті. Дрк. Реп. Раньчє сорочьки носили с підточками. Тхр. Кам.*

То, что рубаха состояла из двух частей, объяснялось экономическими соображениями: верхняя часть обычно шилась из более хорошего материала.

Следующей неотъемлемой частью женского костюма являлась поясная одежда. К ней в украинских сёлах Воронежской области относятся *плахта* и *юбка*. По особенностям кроя всё многообразие форм поясной одежды можно обобщить в две группы: 1) поясная одежда из полотнищ, сшитых друг с другом частично (плахта); 2) поясная одежда из полотнищ, сшитых друг с другом полностью (юбка).

Плахта, -и (устар.). Домотканая цветная несшитая юбка. *Це раньше юпки такі носили – плахти. Енд. Семил. Плахта у єє дюже гарна. Вск. Лиск.* Эта лексема, помимо украинских говоров, известна и украинскому литературному языку. Кроме того, она имеет достаточно широкий ареал бытования в русских говорах с семантикой «вид поне-

вы». По данным СРНГ, слово фиксируется в курских, калужских, самарских, нижневолжских, днепровских, сибирских, восточных, орловских, брянских говорах [4, 27, с. 102].

По свидетельству этнографа Л. Чижиковой, плахта была праздничной одеждой украинок Среднего Приднепровья. Она состояла из двух полотнищ домотканой шерсти в 1,5-2 м., сшитых между собой до половины; перегнутая поперёк, она укреплялась на талии поясом. Сшитые полотнища обтягивали заднюю часть корпуса, а несшитые висели свободно. Спереди щель между полотнищами закрывалось запаской. Плахту шили из домотканой яркой клетчатой шерсти, богато орнаментированной тканными узорами, полученными путём чередования разноцветных шерстяных нитей; соединительный шов, кромки полотнищ оттенялись вышивкой гарусом, на углах пришивали разноцветные кисти. В старинных плахтах геометрические узоры вытканы разноцветными шерстями, шёлком, серебряными и золотыми нитями [6, с.166].

Аналогом плахты в украинских сёлах была юбка, относящаяся к глухой группе поясной одежды. В изучаемых районах преобладали юбки одного покроя: их шили из четырёх-семи вертикальных полотнищ, сшитых друг с другом, сверху у пояса собранных в сборку на узкой обшивке или на шнур, продетый в запошивку ткани. Юбки этого покроя различались по характеру ткани, расцветке и орнаментике.

По характеру ткани выделяются два вида юбок: 1) из домотканой шерсти (сюда можно отнести номинацию *третідан,* -а. Шерстяная юбка. *Купила мені матка третідан. Птр. Павл.)* 2) из домотканого холста. Лексем, называющих юбку из домотканого холста, в нашем материале не выявлено.

Кроме того, была выявлена лексема *шарахван*, обозначающая просто юбку: *Шарахван,* -а. Юбка. *Шарахван був длинний. Птр. Павл. Купила в магазіні шарахван. Бнд. Кант. Син набрав на шарахван. Скн. Кант.* Очевидно, мы имеем дело с фонетически преобразованным словом *сарафан*, развившим иную семантику. Такой перенос с одного названия одежды на другой характерен для исследуемой тематической группы. Например, в русских говорах Воронежской области бытует слов *шубка* со значением 'сарафан'. Многозначными являются и другие наименования: *сукман* 'разновидность поневы' и 'вид верхней одежды', *гайтан* 'украшение' и 'пояс'. Данный факт обеспечивает подвижность названий внутри тематической группы [3, с.81].

Нельзя не отметить лексемы, относящиеся к тематической группе «Названия нагрудной одежды». Основными наименованиями здесь являются *карсет* (*керсет, карсетка, керсьотка*) – короткий безрукавный жилет, без подкладки, но тёплый (встречается в русских воронежских говорах) и *прилягайша* (прилягайка) ватная безрукавка.

Когда наступало холодное время года, в ход шла верхняя одежда. В данной группе были выделены следующие подгруппы: тёплая одежда в виде тулупа или шубы; одежда из сукна, род пальто.

К первой подгруппе относится лексема *кожух* (овчиный тулуп) и его увеличительная (*кожушака*) и уменьшительная (*кожушок*) формы.

Слово *кожух* общеславянское. В русских письменных источниках фиксируется с XII в. в значении 'верхняя одежда из шкур животных'; 'верхняя меховая одежда, шуба'.

Стоит отметить, что кожух был универсальной одеждой как для женщин, так и для мужчин. Об этом можно говорить, опираясь на примеры: «*Схватила Катьку за кожух*», «*У батька був кожух з рясами*».

Данное наименование бытует в русских воронежских говорах. Находим его также в словаре украинского языка.

Среди одежды из сукна женской одеждой были:

Розлітайка, -и (устар.). Тёплая женская одежда наподобие пальто. *Раньши носили ми розлітайки. Пср.Кант. Справив мині батько раз розлітайку. Пср. Кант.)*.

Коротайка, -и. Женская короткая одежда в виде пиджака, полупальто. *Міні понравилась твоя коротайка. Реп. Коротайка – це кухвайка. Енд. Семил.*

Кундя, -і (устар.). Женский пиджак из домотканного сукна. *Он на почіпці висить кундя. Реп.*

Марінєтка, -и. Жакет на вате. *Нова марінєтка красивіша старої. Лсв. Павл. Раньчє носили марінєтки, а зараз їх ни побачиш. Ппв. Рос. Яка гарна марінєтка була. Птр. Павл., Бчк. Петр.*

Холодайка, -и. 1. Женская одежда из сукна для весны и осени. Полудлинная, свободного покроя. *Холодайка – рукав довгий, унизу пириложина чісьмою. Ст. Крш. Петр. В празник надіним холодайки. Реп., Бл. Плб. Остр., Ппв. Рос.* 2. Короткая тёплая безрукавка. *Ідеш управляцця – надіваїш халадайку. Бл. Плб. Остр.*

Все вышеперечисленные лексемы встречаются и в русских говорах.

Так как работа проводилась по Словарю украинских говоров Воронежской области, изданном в 2012 г., а также личным наблюдениям, можно сделать вывод о степени устойчивости употребления данных лексем в говорах. Наименования одежды в украинских говорах Воронежской области являются довольно устойчивыми и регулярно использующимися носителями диалектного языка.

Следует отметить употребление достаточно большого количества наименований, неизвестных украинскому литературному языку, что свидетельствует о существовании лексем, характерных только для украинских говоров.

Литература

1. Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области / М. Т. Авдеева. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008.

2. Словарь воронежских говоров / Дмитрина О. В. [и др.] – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2004-. – Вып. 1-2.

3. Панова М. В. Наименования одежды в русских говорах Воронежской области: Этнолингвистический и ареальный аспекты : дисс. … канд.фило.н. / М. В. Панова. – Воронеж, 2002.

4. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П.Филина, Ф. П.Сороколетова. – Вып.1-41. – М.-Л., 1965-2007. – СРНГ

5. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 тт. / П. Я.Черных – М., 1994. – ИЭС

6. Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры / Л. Н. Чижикова. – М., 1988.–166 с.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 тт. / М. Фасмер. – М., 1964-1973.

Е.Ю. Деревская, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Е.В. Давыдова

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА

Односоставные предложения оформились как особый тип еще в праиндоевропейском языке, однако их последующая судьба была неодинаковой в разных индоевропейских языках. Романские и германские языки, например, существенно сократили сферу употреб-

ления таких предложений, внешне уподобив их двусоставным. Славянские же языки сохраняют верность старому принципу – односоставные предложения остаются в них достаточно живой категорией, не обнаруживающей заметных тенденций к угасанию. Но сам инвентарь этих предложений и характер их речевой реализации за долгие годы раздельного существования славянских языков оказались в них уже различными [2, с. 205].

Пожалуй, самый разнообразный в структурном и семантическом отношении тип односоставных предложений в русском языке – безличные предложения. Данная статья посвящена рассмотрению различий в употреблении безличных предложений в двух языках – русском и чешском. Изучение активности тех или иных синтаксических моделей представляется нам гораздо более эффективным на фоне славянского языка, достаточно далекого от русского, каким и является чешский. В качестве примера взяты «Повести Белкина» А.С. Пушкина и их перевод на чешский язык В. Матезиуса.

Безличное предложение – это тип содержательно односоставного предложения [1, с. 22], для которого характерно полное отсутствие позиции подлежащего и необязательность этой позиции для конструктивного строя предложения в целом [5, с. 234]. А.М. Ломов в связи с неоднородностью главного члена таких конструкций выделяет в русском языке 3 разновидности безличных предложений: глагольные, наречные и инфинитивные.

Глагольные безличные предложения характеризуют отвлеченные от своего источника или носителя процессы, поэтому А.М. Ломов использует для них термин «процессные».

В **активных процессных предложениях** есть некий гипотетический источник процесса, позиция которого не фиксируется. Формирование этих конструкций скорее всего протекало двояким образом: в одних случаях язык создавал такие принципиально новые схемы видения мира, которые в двусоставных предложениях не имели аналогов, в других – язык прибегал к простой редукции подлежащих соответствующих двусоставных предложений.

Такие специфические условия происхождения и обусловили внутреннюю неоднородность активных процессных предложений. Конкретные варианты этого типа не сводятся в сколько-нибудь непротиворечивую систему [1, с. 195]. Сказуемое в них, как правило, выражено: 1) безличными глаголами: *Уже давно смеркалось. Uħ dбvno se smrбkalo;* 2) личными глаголами в безличном употреблении (случаи редукции подлежащего): *Прошло несколько минут. Minulo nмkolik minut.* (А.С. Пушкин, перевод на чешский В. Матезиуса).

Пассивные процессные предложения А.М. Ломов считает реликтовыми синтаксическими явлениями. [2, с. 241] Сказуемое в них выражено кратким страдательным причастием среднего рода и совершенного вида в единственном числе. *... и положено было ... на другой день утром послать в С*** за лекарем. A bylo usneseno ... poslat rбno do S. pro doktora.* (А.С. Пушкин, перевод на чешский В. Матезиуса).

Наречные безличные предложения отражают жизнеощущение человека в виде стабильного состояния, признака [2, с. 221]. Поэтому А.М. Ломов называет их признаковыми.

Семантика их различна. Они обозначают:

1) физические и ментальные состояния человека: *Ему сделалось дурно. Udмlalo se ти љpatпм. Было совестно на него глядеть. Bylo stydno divat se na nмho*;

2) характер отношения человека к кому-либо или чему-либо: *Право было бы жаль. Bylo by vskutku љkoda*;

3) признаки, взятые безотносительно к действующему в их рамках человеку [2, с. 222]: *Было уже светло. Bylo uħ svмtlo.*

Следует отметить, что помимо наречий в признаковых предложениях могут использоваться также синтаксические штампы: *Не до смеху было чопорной англичанке. Do smichu vљak nebylo afektovanй Angliuance* (А.С.Пушкин, перевод В. Матезиуса).

В качестве вспомогательных средств, как правило, используются бытийные глаголы: *быть, стать, становиться, сделаться* и т.д.

Инфинитивные безличные предложения констатируют существование (несуществование) реалий через косвенную номинацию, иными словами, классифицируют эти реалии через выполняемую ими функцию. Предложения такого типа могут иметь различные модальные значения: долженствование, неизбежность действия или же его невозможность: *Что суждено, тому не миновать (в переводе двусоставное). Да как же барина с слугой не распознать? (в переводе двусоставное). Как быть! Co dмlat!* (А.С.Пушкин, перевод на чешский В. Матезиуса).

В стилистическом плане этот вид по сравнению с остальными безличными предложениями отличается большей экспрессией и поэтому более свойственен разговорной речи и языку художественной литературы, где часто употребляется в репликах персонажей.

В ходе синтаксического анализа текста «Повестей Белкина» во всем оригинальном произведении нами было найдено 141 безличное предложение разных видов: 51глагольное, 61 наречное и 29 инфинитивных. Таким образом, в русском языке по частотности лидируют наречные безличные предложения (43% от всех безличных), на втором месте – глагольные (36%), на третьем – инфинитивные (21%).

В переводе В. Матезиуса лишь 64 предложения из 141 (45%) остались безличными (31 наречное, 27 глагольных и 6 инфинитивных). Остальные 77 (55%), т.е. более половины, были заменены двусоставными конструкциями или же определенно-личными предложениями, двусоставность которых в современной русской синтаксической науке не подлежит сомнению. Это значит, что безличные предложения в русском языке в целом более чем в 2 раза активны, нежели в чешском.

Наиболее часто заменяются в переводе чешскими двусоставными русские **признаковые** предложения со значением долженствования:

1) *Мне нужно с вами поговорить. Musнm si s vбmi promluvit.* (Буквально: Я должен с вами поговорить). 2) *Мне должно было стрелять первому. Mмl jsem prvnн rбnu.* (Я стрелял первым). 3) *Не должно пренебрегать этим упражнением. Cviuenн se nesmн zanedbбvat.* (Упражнение не должно быть недооцененным).

Из русских **процессных** чаще всего заменяются чешскими двусоставными предложения с глаголом «прошло»: 1) *Прошло три дня. Minuli tшi dny* (Буквально – прошли три дня). 2) *Не прошло и минуты. Ale neminula ani minuta* (Буквально – не прошла и минута).

Желания человека: 1) *Хотелось было мне позвать их на новоселье. Chtмl jsem je pozvat.* (Буквально – Я хотел позвать). 2) *Как бы мне хотелось его видеть! Jб bych ho chtмla vidмt!* (Я бы его хотела видеть)

Природные явления: В одну минуту дорогу занесло. Za minutu byla cesta zavбta. (Дорога была занесена за минуту).

Инфинитивные предложения: 1) *Кому стрелять первому? Kdo ma stшelit prvnн?* (Кто будет стрелять первым?). 2) *Жадрина было не видать. Ћadrina nevidмl.* (Я не видел Жадрина).

Таким образом, чешские предложения явно стремятся к двусоставности, и этот факт, на наш взгляд, является следствием влияния немецкого языка, где безличные предложения внешне уподоблены двусоставным. Оба языка – и чешский, и немецкий, использовались и соседствовали в разговорной форме на территории Богемии со времен Средневековья. Роль литературного языка в то время выполнял латинский. С XV в. началось возвышение немецкого языка, который все сильнее отстаивал свою независи-

мость от латыни, и, в конце концов, стал языком образования. Лишь в XIX в. чешский народ стал протестовать против двуязычия, ясно осознавая второстепенность чешского языка и дискриминацию по отношению к его носителям.

Литература

1. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке : Понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.
2. Ломов А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1994. – 280 с.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 8, кн. 1 / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1995. – 496 с.
4. Puљkin A. S. Bmlkinovy povndky. Povesti pokojnogo Ivana Petroviиa Belkina / A. S. Puљkin. – Garamond, 2007.
5. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис / И. П. Распопов, А. М. Ломов. – Воронеж, 1984. – 352 с.

Е.Е. Келер, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.психол.н. проф. К.М. Гайдар

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ГРУППОВОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обращение к проблематике этнической идентичности сегодня вызвано спецификой социально-политических реалий начала XXI века, предполагающих все более отчетливое обозначение поликультурности и полиэтничности мира в социальном дискурсе. Это связано, в частности, с тенденциями глобализации, выявляющими эклектичность, децентрированность и фрагментарность современной культуры. Распространенная идея мультикультурализма и превращенная в идеологию современного общества плюралистичность мира становятся основанием для акцентирования культурных, экономических, стилевых различий в качестве этнических, обеспечивая тем самым возобновление риторики этноцентризма и обусловливая актуальность проблемы этнической идентичности и ее места в современности.

Сегодня именно этническая идентичность является одной из базовых характеристик личности. Эта разновидность феномена идентичности состоит в ощущении и переживании личностью принадлежности к определенной этнической группе, восприятии себя представителем конкретного народа. Тем самым этническая идентичность выполняет важную защитную функцию. Как своего рода компромисс между испытываемой многими в условиях неопределенности социальной ненадежностью, неустойчивостью общества и острой потребностью в психологической защищенности она становится для значительной части людей универсальной формулой ответа на вопрос о смысле своего существования и социального действия.

В целом социальная идентичность выступает одним из важнейших механизмов освоения личностью социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. При этом социальная идентичность как системное образование представляет собой комплекс различных видов идентичности. Среди них одно их ведущих мест принадлежит этнической идентичности – в силу того, что неизменность этнического составляет постоянную основу существования личности.

Принадлежность к этносу фиксирует как биологическую, так и социальную принадлежность индивида. И в этом смысле у него складывается не только этническая, но и

групповая идентичность как еще одна разновидность социальной идентичности. Это вполне естественно, поскольку, кроме этнических, существует масса других групп и социальных отношений, в которые личность последовательно и параллельно включается в ходе своей жизни и которые влияют и на ее социальный (групповой) статус, и на психологическое самочувствие. Анализ литературы позволил нам установить, что этническая идентичность личности исследована значительно лучше, чем ее идентичность с конкретными группами, прежде всего группами членства. Хотя последняя оказывает немаловажное влияние на субъекта.

Изучение литературы, посвященной вопросам групповой и этнической идентичности, дает основание полагать, что взаимоотношения между этими двумя разновидностями социальной идентичности могут складываться различным образом. Итак, рассмотрим последовательно сущность групповой и этнической идентичности.

Групповая идентичность предполагает, что восприятие, переживание и поведение членов группы определяется усвоенными и разделяемыми ими социально-психологическими характеристиками группы – ее целями, нормами, ценностями, способами поведения, отношениями к другим группам и др. «… индивид не может эффективно реализовать свою индивидуальную свободу…, если его идентичность как члена группы находится под угрозой. Индивид, в конце концов, никогда не есть только индивид, он – всегда и довольно существенным образом – член группы» [4, с. 237].

Обобщая работы исследователей групповой идентичности, мы можем заключить, что групповая идентификация – это идентификация индивида с группой в процессе взаимодействия с ней, а результат этого взаимодействия – групповая идентичность личности.

Х. Эрроу установил, что в одной и той же группе у разных индивидов варьируется мера проявления групповой идентификации, а у одних и тех же личностей в разных группах, в которые они включены, с разной степенью выраженности проявляется групповая идентичность [7].

Нередко в структуре групповой идентичности, как и социальной в целом, различают два компонента – когнитивный и аффективный. Однако К. М. Гайдар считает, что поскольку носителем идентичности является субъект как активный деятель, автор собственной жизни, требуется выделять еще и поведенческий компонент [1]. Итак, вслед за нею, мы различаем три компонента групповой идентичности: 1) когнитивный – результат познавательной деятельности; 2) эмоциональный – результат переживания сходных эмоциональных состояний; 3) поведенческий – результат совместной деятельности, взаимодействия в группе. Они находятся между собой в определенном соотношении.

Социальными психологами установлен целый ряд факторов, которые обусловливают интенсивность идентификации личности с группой членства. При этом в основном выделяются факторы, связанные с особенностями группы. Мы полагаем, что среди них могут быть и факторы, непосредственно связанные с самим человеком как членом группы, в том числе его принадлежность к определенному этносу. В связи с этим обратимся к такой разновидности социальной идентичности, как этническая идентичность.

Этническую идентичность принято трактовать как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиций, места происхождения (территории) и, в определенной степени, государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп. Вместе с тем этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и оценка значимости членства в ней. Она дает человеку широкие возможности для самореализации.

С. В. Чешко определяет этническую идентичность как «групповую идентичность, производную от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности и «легитимизируемую» посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры». Этническая идентичность, по мнению этого автора, «формируется как коллективная традиция» и «вырабатывается не индивидуальным опытом и даже не совокупностью индивидуальных опытов, а скорее обобщенным групповым опытом предыдущих поколений, который для последующих поколений теряет свой некогда конкретный смысл, превращаясь в религиозно-подобную идею» [цит по 3, С, 38]. В целом соглашаясь с данной трактовкой, заметим, что С. В. Чешко, говоря о групповой идентичности, фактически имеет ввиду социальную, как она понимается в нашем исследовании – как отождествлении себя индивидом с большой социальной группой, в данном случае этносом, народом.

Согласно большинству этнопсихологических концепций [2, 5, 6 и др.], этническая идентичность имеет трехкомпонентную структуру, аналогичную представленной выше структуре групповой идентичности.

Теоретический анализ проблемы привел нас к выводу, что в разных жизненных обстоятельствах этническая идентичность может воплощать в себе либо групповую идентичность (как отождествление личностью себя с этнической малой группой), либо социальную идентичность (как отождествление личностью себя с народом как большой социальной группой). В то же время соотношение структурных компонентов групповой и этнической идентичности (когнитивного, эмоционального, поведенческого) по степени их выраженности может быть различным у одной и той же личности.

Литература

1. Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта / К. М. Гайдар. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 396 с.

2. Давыдов О. Б. Диалектика индивидуальной и коллективной идентичностей / О. Б. Давыдов // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2011. – Т. 5. – С. 146–152.

3. Ощепкова Е. С. Этническая идентичность как составляющая образа страны / Е. С. Ощепкова // Международный аспирантский вестник «Русский язык за рубежом». – 2013. – № 1. – С. 37–40.

4. Саноян Т. Р. Этническая идентичность как социально-психологическая проблема / Т. Р. Саноян // Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке». – 2010. – Т. 12, № 5. – С. 237–238.

5. Стефаненко Т. Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии / Т. Г. Стефаненко // Вестн. Моск. ун- та. Сер. 14, Психология. – 2009. – № 2. – С. 3–17.

6. Фарукшин М. Х. Этническая идентичность : концепт и практика / М. Х. Фарукшин // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 1. – С. 247–252.

7. Arrow H. Stability, Distability and Instability in Small Group Influence Patterns / H. Arrow // Journal of Personality and Social Psychology. – 1997. – Vol. 72. – P. 75–85.

Е.С. Копец, студ. ф-та славянских и германских языков
БГУ (Барановичи, Беларусь)
Науч. рук. – к.пед.н. доц. Е.И. Белая

КУРГАН ЯК НАЦЫЯНАЛЬНЫ ЛОКУС КУЛЬТУРЫ Ў ПАЭЗІІ ІВАНА ЛАГВІНОВІЧА

Як на белі плесні-плямы,
Як зрубы-звяны,
Сярод выдмаў, сярод ямаў
Дрэмлюць курганы.
Я. Купала

«Мы прызвычаіліся, што Беларусь называюць краем лясоў і балот, рэк і азёраў. Аднак некалі яшчэ паэт П. Трус, акрамя іншага, сказаў пра нашу зямлю і так: "Край легенд, крыжоў, магіл-курганаў..." ("Дзясяты падмурак"). Не можа не ўразіць той факт, што на Беларусі больш за 6 тысяч курганоў. Таму вобраз кургана істотна вызначае прыродна-ландшафтны воблік нашага краю, з'яўляецца значным аб'ектам нацыянальнай светабудовы. Сучасны паэт В. Шніп несумненна мае рацыю, калі сцвярджае, што "Беларусь стаіць на курганах"», – адзначае вядомы беларускі літаратуразнаўца і пісьменнік А. Бельскі [1, с. 129].

Курганы – гэта земляныя насыпы над старажытнымі магіламі, звычайна круглыя, якія дасягаюць вышыні адзін-два метры. У народзе курганы часцей называюць капцамі або валатоўкамі. «У народнай свядомасці за курганамі з даўніх часоў замацаваўся культ глыбокага шанавання. Лічыцца, што яны – старажытныя пахаванні. Адным з першых у беларускай паэзіі да вобраза кургана звярнуўся Янка Купала, які ў вершы «Курганы» (1909) і паэме «Курган» (1910) апаэтызаваў гэты пейзажны аб'ект у сімволіка-рамантычным плане [1, с. 170]. Бадай, няма такога беларускага паэта, які б у сваёй творчасці не звяртаўся да вобраза кургана. Не стаў выключэннем і наш зямляк Іван Лагвіновіч (1940–2011), які з'яўляецца аўтарам пяці кніг паэзіі: «Разлукі выраёвыя», «Піліпаўка», «Ляда юдолі», «Далёкае і блізкае», «Палыновыя кветкі». Рыхтаваў да друку зборнік «Апошні забой», які не паспеў закончыць [2, с. 105].

Мастацкая змястоўнасць вобраза кургана ў творах І. Лагвіновіча надзвычай багатая. Курган з'яўляецца адзнакай беларускіх краявідаў. Разам з тым, гэта і рэальна засведчаная памяць сям'і, роду: у грудку на могілках прах нашых продкаў, пачатак самога сябе: *«Шлях наш дабраславёны сівізной курганоў. / Мы пакліканыя не забавамі цешыцца: / ад крывавых разораў адшугнем груганоў, – / ля крывавых загонаў – буслінае гнездзішча!»* (верш «Пакліканыя») [3, с. 44]. Курганы сведчаць пра багатую гісторыю беларускага краю, свабодалюбства і непераможнасць нашага народа.

Вобраз курганоў з іх загадкавай і таямнічай славай паўстае ў вершы «На Дзяды*»: «Сёння ўвечары я / на вячысты курган узыду, / на вяршыні яго / помнік даўнім гадам узвяду, / мноства кветак прыгожых, / нятленных да ўзножжа ўскладу – / сёння ўвечары»* [3, с. 23]. З дапамогай азначэння «вячысты» акцэнтуецца ўвага на рукатворным, а не на прыродным узнікненні самой з'явы: курган-насып – гэта лагічнае завяршэнне зямнога жыцця чалавека, ён лучыць жывое з тым, што стала належаць вечнасці.

«Пахавальныя ўзвышшы, як правіла, сталі прыстанкам людзей незвычайнага лёсу, якія сышлі ў магілу, адстойваючы смелыя, высакародныя погляды і ідэі» [1, с. 130]. Таму лірычны герой верша «Хай таму гаротніку-пакутніку…», надзелены паэтычным талентам, называе «курганок пры сцежцы» – «алтаром»: *«Хай таму гаротніку-*

пакутніку, / Хто пасмеў назвацца песняром, / Будзе свечкай кіяшок трыпутніку, / Курганок пры сцежцы – алтаром» [5, с. 10]. Гэтым падкрэсліваецца няпросты лёс мастакоў слова.

Найбольш шырокае і тыповае ідэйна-сэнсавае тлумачэнне разглядаемага вобраза наступнае. «Курганы – магілы воінаў, волатаў, "што леглі калісьці за нашу зямлю"» [1, с. 131]: *«Ён услаўлены быў святаром / як адметная веха зямлі. / Памятае былых ваяроў, / што на бітву за волю ішлі»* [4, с. 7]. Шматлікія курганы на беларускай зямлі гавораць пра тое, што нашы продкі – гордыя, непакорныя змагары за волю і незалежнасць, самаахвярныя героі, поўныя чалавечай годнасці і нязломнасці. Так, лірычны герой верша «Суцяшэнне», за якім праглядаецца асоба самога паэта, спадзяецца, што ён сваёй творчасцю заслужыў пашаны, каб на яго «магільным капцы» «красаваўся Палескі Матыль»: *«Я ведаю, пасмяротна / Радзіма мяне ўзнагародзіць / Ордэнам Залатога / Палескага Матыля. / Лагоднаю летняю парою, / Няхай сабе і нядоўга, / Будзе ён красавацца / На зялёнай стужцы / Раслінкі-самасейкі, / Што да сонца памкнецца / З магільнага капца»* [5, с. 57].

Такім чынам, вобраз кургана не толькі выклікае цікавасць да гісторыі беларускага народа, але і выхоўвае чуйнасць душы, абуджае слых. Вобраз кургана ў мастацкай інтэрпрэтацыі паэта І. Лагвіновіча разбурае адчуванне канчатковасці, анямеласці, нерухомасці.

Літаратура

1. Бельскі А.І. Свет ад травы да зор: Беларуская паэзія: сістэма вобразаў прыроды, паэтыка пейзажу: Дапам. для настаўнікаў. – Мн.: Нар. асвета, 1998. – 223 с.

2. Галубовіч Л.М. Сыс і кулуары: літаратурна-крытычныя эсэ / Л.М. Галубовіч. – Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2010. – 176 с.

3. Лагвіновіч І. Ляда юдолі: вершы / І. Лагвіновіч. – Баранавічы: Святліца, 2003. – 76 с.

4. Лагвіновіч І. Разлукі выраёвыя : вершы / І. Лагвіновіч. – Брэст: «Вежа», 2000. – 72 с.

5. Лагвіновіч І. Элегія палескага матыля : вершы / І. Лагвіновіч. – Мн.: Святліца, 2011. – 88 с.

А.С. Курбатова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филос.н. доц. В.Н. Гущина

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Со времени основания первых городов численность их населения неизменно растёт: сегодня число горожан составляет более 70% населения в России и более 45% в мире [5, URL]. Общемировая тенденция к урбанизации делает городскую среду и её отдельные аспекты важными объектами для исследований. Город изначально является не только центром экономической и политической жизни общества, но и средой для развития науки и искусства. «Город становится местом революций, переворотов, проектов по реконструкции, переменчивой моды, непрерывно сменяющих друг друга жизненных стилей. Вооружаясь для защиты от внешних опасностей, город одновременно превращается в очаг преступности, беспорядка, разрушения, анархии и терроризма» [3, с. 384]. Процессы, происходящие внутри города – созидательные и деструктивные, – обусловлены динамизмом городского развития и концентрированностью на малой территории больших масс, что придает особое значение городским конфликтам.

Одной из важных черт городской среды является её абсолютная рукотворность: архитектура, объекты инфраструктуры, даже растительность целенаправленно встраи-

ваются в городской ландшафт. Таким образом, город становится не только средой обитания, но и продуктом коллективной творческой деятельности горожан. Однако в условиях локализации на территории города различных общностей (этнических, религиозных, возрастных, социальных) неизбежно происходит столкновение их интересов, в том числе и культурных. Процесс непрерывного развития города становится причиной конфликта эстетических концепций разных эпох и групп. Но здесь же возникает и пространство межкультурного диалога.

В условиях затрудненности непосредственного контакта как между представителями власти и обществом, так и внутри городского социума универсальным языком общественного пространства может служить художественное высказывание, помещённое в сферу публичного. Городская среда, будучи общей для всего населения, создаёт возможность для репрезентации через искусство ценностей и интересов государства или различных социальных групп, с ориентацией на максимально широкую аудиторию. Исходя из анализа истории градостроительства и урбанизации в Европе и России, можно сделать вывод, что любая массовая идея находит эстетическое выражение в публичном пространстве. При этом через объекты городской среды транслируются не только принципы господствующей идеологии, но и всякая вновь возникающая общность стремится закрепить свои ценности посредством публичного искусства. В качестве примера одновременного возникновения в пределах одного города артефактов разных культур можно привести параллельное существование римского публичного искусства [2, с. 117] и христианской катакомбной культуры [4, с. 59]. Несмотря на то, что катакомбное искусство нельзя в полной мере назвать публичным, оно всё же находится в общей для представителей христианского сообщества среде, иллюстрируя эстетическую традицию раннего христианства.

Столкновение эстетических проекций оппозиционных друг другу идей зачастую приводит к разрушению публичных художественных высказываний предшествующего периода или их реконструкции с целью наделения новыми смыслами. Так, в России после революции 1917 г. были уничтожены многие памятники дореволюционной эпохи, а в 1918 г. В.И. Ленин ввёл план монументальной пропаганды. С целью быстрого произведения сильного эффекта на население многочисленные памятники деятелям революции, Свободе, Освобождённому труду, Освобождённому человеку, а также простые скульптурные формы – арки и обелиски, – зачастую выполнялись из недолговечных материалов, поскольку были призваны не столько разнообразить городскую среду, сколько произвести впечатление на пролетариат церемонией открытия. Интересно также использование в целях монументальной пропаганды постаментов дореволюционных памятников, перекомпонованных элементов других скульптур, а порой и памятников целиком: «в Кунгуре на обелиске, установленном в честь 100-летия избавления города от банд пугачёвцев (1874), была заменена лишь доска с текстом» [1, с. 69-70]. Феномен советской монументальной пропаганды иллюстрирует осмысленное и чётко спланированное использование художественного образа, помещённого в общественное пространство, в интересах государственной идеологии.

Социальная, технологическая, эстетическая среда современного города неимоверно усложнилась в ходе исторического развития. В условиях глобализации вместе со значительным ростом городского населения происходит территориальное смещение и изменение специфики городских районов, стирается региональное своеобразие взаимодействия с пространством, многие художественные практики становятся на службу коммерческим целям.

Сегодня эстетическая среда крупного города складывается в пёструю картинку из объектов культурного прошлого, современной жанровой и мемориальной скульптуры,

объектов городского дизайна, колоссального объёма рекламных носителей, а также уличного искусства и различных перформативных практик, связанных с урбанистическим пространством. Нарастание популярности двух последних способов взаимодействия с городом говорит о понимании художниками, находящимися вне системы институций, схемы взаимодействия личности и общества посредством эстетического высказывания в городском пространстве. Следовательно, можно рассматривать подобные интервенции публичного искусства как свидетельство необходимости переосмысления взаимодействия личности и города. Интересно отметить, что подобные практики преимущественно направлены на преодоление отчуждённости городского пространства, на осмысление, а порой и нетривиальное решение, сложных социальных проблем. При этом необходимо вписать эстетический дискурс в сложную и полифункциональную конкретную городскую среду. Таким образом, важным становится не только исследование публичных художественных высказываний в контексте истории, но и нахождение взаимосвязей между современным публичным искусством, в том числе и несанкционированным, и формированием в обществе новых этико-эстетических концепций и, что немаловажно, желания донести социально значимые идеи до широкой аудитории.

Литература

1. Алексеев Е. П. «Уральцы, наддайте!» Скульптура Урала 1920-х годов / Е. П. Алексеев // Искусство скульптуры в XX веке: проблемы, тенденции, мастера. – М. : Галарт, 2010. – 488с.

2. Гомбрих Э. История искусства / Э. Гомбрих. – М. : Искусство – XXI век, 2013. – 688 с.

3. Гройс Б. Город в эпоху его туристической репродуцируемости / Б. Гройс // Политика поэтики : [сб. ст.]. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 400 с.

4. Краснова О. Б. Энциклопедия искусства Средних веков и Возрождения / О. Б. Краснова. – М. : ОЛМА ПРЕСС Образование, 2002. – 320 с.

5. Рейтинг урбанизации стран мира. – http://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index/info (дата обращения 28.05.2015)

Д.С. Лысых, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж).
Науч. рук. – к.филол.н. доц. М.В. Панова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИЛИЩА В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Одной из важнейших составляющих крестьянской материальной культуры является жилище русского человека. Издавна говорили: «Свой уголок – свой простор. Своя хатка – родная матка», «Каково на дому, таково и самому». Исследование наименований жилища – одного из важнейших фрагментов языковой картины мира, воплощенного в лексической системе – важно не только с лингвистической стороны, но и в культурологическом и страноведческом аспектах, с точки зрения бытования слова в конкретных исторических условиях. В данной статье мы обратились к анализу наименований жилых и нежилых комнат крестьянского дома.

Исследование предметно-бытовой лексики невозможно без обращение к этнографическим сведениям. По мнению Л.Н. Чижиковой, самыми распространенными на территории русско-украинского пограничья были два плана жилого дома: двухкамерный, состоящий из «хаты» – отапливаемого помещения средних размеров и неотапливаемых сеней, и трехкамерный, в котором под одной крышей сени соединяли либо две хаты, либо хату и неотапливаемую клеть или «комору». Трехкамерные дома обычно строили ли-

бо зажиточные крестьяне, либо неразделенные семьи численностью от 15 до 25 и более человек, с характерным для того времени патриархальным укладом.

С увеличением материального достатка и культурных запросов сельского населения происходило усложнение как двухкамерных, так и трехкамерных домов. Например, в сенях выделяли жилую комнату или чулан, отгороженный перегородкой, или строили дом с тремя жилыми помещениями: «большой хатой» или «залой», кухней, прихожей и даже пристроенными крыльцом и коридором.

Некоторые из этих исторических сведений находят отражения и в лексической системе диалектов. Так, лексема ***горница*** отмечена на территории нашей области в нескольких значениях.

1. В ряде воронежских говоров слово зафиксировано со значением 'лучшая комнате в доме, гостиная'. Согласно словарю М.Фасмера, значение подтверждается этимологией слова – от древнерус. *горьнь* – «верхний» [5, с.442]. Об этом же свидетельствуют примеры словоупотребления: *Гоґрница – эта параґдная коґмната в доґми* (КРС.ФЛТ. Петр.). Слово *горница* в этом же значении распространено на территории южнорусского наречия.

2. Второе значение слова ***горница*** – 'холодная часть дома по другую сторону сеней, находящихся в центре дома, – так называемая «холодная хата»'. Это значение, по данным СРНГ, развилось с появлением трехкамерного жилища у восточных славян (с X-XIII в.) и встречается также в Рязанской области [4, т.7, с.47].

Другая номинация жилой комнаты– ***горенка*** – имеет тот же корень. Очевидно, и *горница*, и *горенка* по происхождению связаны со словом *гора* в значении 'чердак'. Эта семантика, по данным Этимологического словаря славянских языков под ред. О.Н.Трубачева, фиксируется в польских и чешских диалектах [8, т.7, с.29]. Вероятно, номинации *горница**,** горенка* указывали на расположение комнаты: это было помещение чердачного типа. Слово *горенка* широко представлено в фольклорных текстах:

Горенка, горенка высококошенька,
Сватьюшка пригожохонька.
Сватьюшка хорошилася, во вишнях уродилася,
Во потоке окунулась, на огород взошла, отряхнулась,
И стала гора золотая, подгорница жемчужная.

(*Из свадебной песни Тверской губернии*)

Известен также топоним *Горенка* – название села в Киевской области, деревень в Новгородской и Смоленской области, реки в Московской области, а также поселка в Рязанской области, название которого, по одной из версий, происходит от ручья *Горенка* (*Горынка*), текущего под горой [9, URL].

Обратимся к еще одной типичной для воронежских говоров номинации – лексеме ***клеть.*** Её семантическая разветвлённость проявилась в номинации как нежилых комнат разного назначения, таких как кладовая (*Ныґнча пайдеґм в клеть начаваґть*. М.ЯСР. Эрт.), кухня (*Леґтам ф клеґти спалаґ.* БРТ. Терн.), так и жилых (*Раґньшы клеть бальшаґя была, на усюґ сямьюґ*. РСТ. Эрт.), а также пристройки к дому (*Да вон он ф клеть вашоґл.* Нж.-Дев.). Слово ***клеть*** с семантикой 'кладовая, амбар' является общеславянским и в разных значениях известно в украинском, болгарском, польском и др. языках. Согласно этимологическому словарю Фасмера, лексема «клеть» родственна литовскому *klertis* «кладовая»[5, т.2, с. 249].

Однокоренной топоним был зафиксирован на территории Воронежской области – деревня Подклетное Ново-Усманского района. По предположению В.А. Прохорова, «первоначально здесь были помещения для животных (клети) жителей соседнего села

Подгорное или города Воронежа. Поселок, возникший «под клетями» получил название Подклетное»[2, с.249].

На территории Воронежской области встречаются лексемы ***бендежка*** и ***бильдежка*** в значении «отдельная комната в доме, часто подсобное помещение»: *Мы пат канеґц рабоґты фсидаґ в биндеґшки сабираґлись* (Повор.). Вариант ***бендюга*** отмечен в значении 'каморка, закуток в «Очерках криминальной субкультуры» Ю.К. Александрова, что говорит о бытовании этого слова в уголовном жаргоне[1, с.79]. К тому же лексема встречается в электронном словаре молодежного слэнга с семантикой «каморка, кладовка, иногда в смысле скудное жилье или точка общепита»[3, URL]. Слово отмечено также как разговорное на территории Волги, Урала, Дона (встречается в переписке на форумах). В СРНГ лексема не зафиксирована. Это дает основание говорить о том, что слово ***бендежка*** (и вариант ***бильдежка***) было скорее всего заимствовано, но переосмыслено носителями говоров. Тот факт, что эти лексемы фиксируются в нескольких населенных пунктах, исключает их окказиональное происхождение.

Особого комментария требует лексема ***коптёрка***. На территории Воронежской области она зафиксирована в значении 'комната, где стоит коптушка ' (*Ф коґмнати многґа чаґду* Б.-МТР. Эрт.). По созвучию это слово, на первый взгляд, можно соотнести с известной литературному языку лексемой ***каптёрка*** 'место, комната для хранения вещей солдата ' (от должности каптернамус (франц.)). Однако, по всей видимости, диалектная номинация связана с глаголом *коптить*: на это указывает и контекст (в комнате много дыма). Можно предположить также, что в народном сознании диалектное слово ***коптёрка*** сближается с названием солдатской комнаты, которое в свою очередь приобретает мотивированность в результате народной этимологии.

Зачастую комнаты или части дома получали своё название в зависимости от расположения в доме, например, ***зад*** 'комната в глубине дома' (*Кто на куґхни спал, кто на задґ.* БРТ. Терн.). Известен также ряд лексем, образованных приставочно-суффиксальным способом. Общим для этих слов является наличие мотивирующей приставки *за-*: ***захатник*** 'пристройка к дому' (*А еґта у нас захаґтник*), ***заполье*** и ***задворки*** 'задняя половина дома ' (*А хазяґйство у минеґ на задвоґрках.* АРТ. Аннин.). Следует пояснить, что двором в сельской местности называли пристройку к избе для скота.

Значительная часть лексем в основе своей имеет корень *крыл-*: ***крыло*** (*Пайдём на крылеґ пасидим.* АРТ. Аннин.), ***крыльцо*** и ***крыльца*** с семантикой 'веранда' (*В крыльцаґх стаиґт видроґ.* Гриб.), ***крыльцы*** – ступени, ведущие с улицы в дом (*Крыґьцы у кагоґ быґли, а так каґмень аль дастоґчка.* Реп.). Известно, что русск. *крыло* возникло от сближения с «крыть». Аналоги имеются и в других славянских языках, но с иным значением. Например, болг. крило «плавник», сербохорв. крило «крыло, плавник»[5, т.2, с. 388].

Интересна и реалия *крыльцо* с точки зрения этнографов. Исследователь псковского говора Н.И. Цветков отмечает, что «крыльцо – явление сравнительно позднее, наличие его считалось признаком зажиточности, так как низкая изба крыльца не требовала. Обычно крыльцо представляло собой сооружённую на небольших столбиках и открытую по бокам иногда забранную досками, площадку под двускатной крышей». [6, с.88: URL].

Некоторые из выявленных нами лексем в данных тематических подгруппах являются фонетическими или словообразовательными вариантами литературных слов. Так, отмечена диссимиляция по назальному признаку в словах ***комлатка*** и ***комлишка*** (ср. *комната*): *В кирпиґшнам интернаґти у нее комлиґшка* (НКЛ. Калач.). Зафиксирована лексема ***гаранда*** в значении 'веранда' (*Гараґнда называґють.* Рам.). Отмечены лексико-словообразовательные диалектизмы, например ***всхожая*** в значении 'прихожая' (*Пеґрвая коґмната эта фсхоґжая* – РПН. Н.-Усм.).

Итак, нами была предпринята попытка охарактеризовать бытующие в воронежских говорах наименования жилых и нежилых комнат с точки зрения семантики и этимологии, что позволило сделать выводы об основных принципах номинации слов, входящих в тематическую группу «Жилище». К важнейшим мотивировочным признакам относятся следующие: место расположения (*горница, всхожая, зад, захатник, заполье, задворки*), особенности постройки (*крыло* и все производные, *клеть*), функция (*коптёрка*). Некоторые названия являются результатом переосмысления или фонетической трансформации общерусских (*комлатка, гаранда*) и жаргонных слов (*бендежка, бильдежка*). Наш материал еще раз подтверждает, что данные диалектов предоставляют богатые возможности для наблюдений и выводов, которые касаются как истории языка, так и возможных прогнозов развития общерусских явлений.

Литература

1. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры / Ю. К. Александров. – М. : «Права человека», 2001. – 152 с.

2. Прохоров В.А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь / В.А. Прохоров. – Воронеж : Центрально-черноземное кн. изд-во, 1973.

3. Словарь молодёжного слэнга. – URL: http://teenslang.su/

4. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Вып. 1-46-. – М.-Л., 1969-2013-.

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964-1973.

6. Цветков Н. И. Традиционное крестьянское жилище Псковской губернии: II половина XIX – начало XX в. / Н. И. Цветков // Псков. – 1997. – №6 – С.86-91. – URL: http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/PSKOV/psk06.html.

7. Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры / Л. Н. Чижикова. – М., 1988. – 254 с.

8. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачёва. – Вып. 1-39. – М. : Наука, 1974-2014.

9. http://www.history-ryazan.ru/

Пань Лулу, стажер кафедры русского языка
для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. ст.преп. Е.Е. Орехова

БАННАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ И КИТАЕ

История бани началась ещё в глубокой древности, причём у всех народов баня была не только местом для мытья, а также особенным, почти священным местом. Считалось, что баня объединяет 4 главные природные стихии: огонь, воду, воздух и землю. Поэтому человек, посетивший баню, словно бы вбирал в себя силу всех этих стихий и становился крепче, сильнее и здоровее. Недаром на Руси бытовала поговорка «Помылся – будто заново родился!»

В России у мытья в бане есть особый смысл – с баней традиционно были связаны все самые важные события: рождение, свадьба, выздоровление после тяжёлой болезни. Русские полагали, что предназначение бани состоит не столько в очищении тела, сколько в очищении души.

В Китае баня тоже имеет важную и долгую историю. Посещение бани для китайца с давних времен представляет собой духовную традицию. В древности был обычай: каж-

дые три дня мыть голову, каждые пять дней ходить в баню. Китайские массаж и баня по праву считаются самыми древними способами излечения человеческого организма и очищения его с помощью воды. Это своеобразные ритуалы, которые дошли до сегодняшнего дня и являются очень популярными не только среди местного населения, но и у многих туристов. На сегодняшний день в Китае посещение сауны вошло в привычку и считается обязательным обрядом, необходимым не только для чистоты, но и для здоровья.

Различия между банями в России и Китаемогут быть описаны следующим образом:

1. Банное место.

В древности китайцы мылись в доме, в большой кадке с кипяченой горячей водой. Сейчас бани в Китае преимущественно состоят из нескольких залов, где размещены небольшие бассейны с водой различной температуры, душ, парилка и пара общих и индивидуальных комнат для отдыха, сна или обеда. Раздевалки, как и банные зоны, делятся на мужские и женские, а встречаются все вместе уже в гостиной. Все процедуры совершаются в главном зале.

Прародительница русской бани и сауны – курная бревенчатая изба, баня «по-черному». В русской бане издавна получали пар, поливая воду на раскаленные в печи камни. В наши дни многие люди имеют баню на даче. Времени на «банные приготовления» у них немного, поэтому они ускоряют процесс нагревания бани с помощью новых технологий. В результате большинство бань сейчас работают на электричестве или на газе, попариться в баньке, натопленной по-черному, удается только в деревнях. Там еще живы традиции и знание, что «черная» баня моет «по-белому».

2. Банный ритуал.

В китайской сауне сначала принимается душ, и посетитель отправляется в парилку. Хорошенько распарив все тело, его растирают специальными мочалками и полотенцами, это избавляет от омертвевшей кожи. Затем следуют водные процедуры. Следующим этапом выступает сухая сауна, но перед ее посещением все тело натирается специальными эфирными маслами. В завершение всего можно поплавать в бассейне или попробовать различные виды массажа. Китайский точечный массаж является самой эффективной методикой лечения и оздоровления. При регулярном посещении сеансов с помощью этой техники можно похудеть, поддержать форму, привести в тонус мышцы, нормализовать обмен веществ, улучшить кровообращение, снять напряжение тела и всех внутренних органов.

В русской бане сначала нужно 5-7 минут посидеть внизу. Тело должно предварительно погреться при относительно небольшой температуре. Нагрев вызовет необходимое расширение сосудов, и начнется потоотделение. Чтобы равномерно прогреть все части тела, опытные парильщики обычно лежат на средней полке, поворачиваясь с боку на бок. После первого прогревания нужно выйти из парилки и отдохнуть. Во время отдыха между заходами в парилку неплохо выпить маленькими глотками чашку свежезаваренного крепкого чаю, стакан кваса или минеральной воды.

3. Банные инструменты.

В китайских банях не применяют веники, а только лишь мочалки и мыло. В России же, отправляясь в баню, необходимо взять с собой веник, варежки, чтобы держать его, махровое полотенце или халат, мыло, мочалку. Для женщин обязательно маленькое махровое полотенце, на котором можно сидеть в парилке.

4. Развлечения в бане.

В русской бане как правило обустраивают комнату отдыха, где есть стол и несколько лавок. В уютном предбаннике хорошо вести дружеские беседы, пить чай с травами и расслабляться после парилки. В бане русские встречают друзей, говорят о своей жизни и решают деловые вопросы.

В китайских саунах тоже есть развлечения. После мытья и массажа посетителю предложат переодеться в шелковую пижаму и пройти в гостиную. Здесь можно пообщаться, попить чаю, сыграть в шахматы, бильярд или настольный теннис. Это место, где можно отдохнуть после насыщенного рабочего дня или экскурсий, посмотреть телевизор или живой концерт, а можно и просто немного вздремнуть после всех процедур.

Различия в банных традициях можно объяснить различием культур и национальных характеров. Например, китайский массаж показывает китайский характер: сдержанный, кропотливый. Он объясняется тем, что на китайскую культуру значительное влияние оказало конфуцианство. А русские любят «крепкую» баню, применяют веники, прыгают в сугробы – и это показывает, что у русских есть крепкая воля и смелость: вероятно, потому что русские живут в самой большой стране мира, и зима здесь холодная и долгая. Таким образом, различие банных традиций показывают культурную разницу между Китаем и Россией.

Литература

1. Баня и её влияние на оздоровление [Электронный ресурс] http://5ballov.qip.ru/
2. Массаж и баня в Китае [Электронный ресурс] http://dnevnik-neposedi.com/ massazh-i-banya-v-kitaye/
3. О русской деревенской бане [Электронный ресурс] http://24banya.ru/ stroitelstvo-bani/russkaya-derevenskaya-banya.html

М.О. Прокопенко, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. О.В. Позднякова

ВНЕДРЕНИЕ АРТ-ОБЪЕКТА КАК СПОСОБ ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИЙ ИНТЕРЬЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Общей чертой дизайна и искусства является направленность на создание нового эстетического содержания. Однако если дизайн направлен на массовое производство, то в искусстве дело обстоит иначе. Предмет искусства в первую очередь должен быть обращен к эмоциональной стороне человека, утверждать определенное видение действительности.

Дизайн интерьера в его привычном понимании должен вносить красоту в жизнь человека, и главным образом должен быть организован так, чтобы все в новом пространстве было удобным для жизни. Искусство не могло оставить эту область вне сферы своего интереса. Самым очевидным проявлением взаимодействия искусства и дизайна оказывается «внедрение» в интерьерное пространство арт-объекта, которым может являться инсталляция, игра со светом или с художественными материалами, «неожиданный» экспонат. В этой ситуации интерьер выступает в роли контекста, а предмет искусства в роли вещи, способной изменить его.

Идея изменения интерьера посредством арт-объекта связана с веяниями постмодернизма:

1. Неопределенность, неясность, пробел. Здесь первенствует «диалогическое» воображение.
2. Принципиальная фрагментарность. Метод «коллажа», «разломов», «краев» и т.д.
3. Постмодернизм опровергает все каноны.
4. Постмодернизм возвещает о «смерти субъекта», «опустошает» традиционное Я, которое перестает быть центром переживания, лишается своей мнимой «глубины».
5. Ирония посредством «игры».

6. «Гибридизация» подразумевает смешение, скрещивание привычных жанров искусства.

7. Для постмодерна характерна «карнавализация».

Множество этих идей тесно связаны с изменением интерьера посредством внедрения в него арт-объекта.

Как нам представляется, вещь и интерьер могут находиться в трех видах взаимодействия: контраст, единение, доминирование.

Контраст – это подчеркнутая, декларативно обозначенная разница, достигнутая путем внедрения предмета искусства в интерьерную среду. В этом случае отношения между объектом и предметом выглядят следующим образом: идея интерьера в корне отличается от арт-объекта, находящегося в его рамках, что позволяет выгодно оттенить его индивидуальность. За счет контраста предмет искусства оказывает большее впечатление на зрителя. Контрастирующий фон позволяет легче воспринять суть, оценить формально-стилевое решение.

Примером таких взаимоотношений может послужить работа Джеффа Кунса, выставленная в версальском Салоне Геркулеса (2008 г.) [5, URL]. Скульптура, выполненная из стали, выглядит в точности так, как огромный воздушный шар в виде собаки. Интересно то, что скульптура помещена в барочный интерьер, что создает гротескное впечатление, выглядит абсурдно. Безусловно, с размещением данного экспоната в барочном зале меняется как впечатление о нем, так и о его функциях. Зритель мыслит целостно, не разделяя вещь и контекст. Теперь предметом интереса становится не интерьер версальского дворца, а концепция соединения двух диаметрально противоположных художественных измерений. Контраст интерьера и вещи программирует множество вопросов, создает ситуацию продуктивного непонимания. Такой ход побуждает к анализу, в чем и заключается важнейший эстетический эффект такого симбиоза вещи и контекста.

В контрастном варианте отношений между предметом и контекстом находят свое отражение многие идеи постмодерна. В приведенном выше примере Джеффа Кунса присутствуют неясность, парадоксальность (зритель задается вопросом: «для чего?»), элемент иронии (сочетание несочетаемого), смешение стилей создает впечатление «участия в игре». В итоге мы понимаем, что такие отношения вполне возможны в рамках экспонирования предмета искусства, что интерьер-контекст играет здесь огромную роль, почти такую же, как и сам арт-объект, а также видим то, что выстраиваются такие отношения на основании идей постмодернизма.

Единение подразумевает слияние вещи и интерьера в единое целое. Создается единое впечатление, однако оба компонента остаются самобытными. Важно то, что лишь в симбиозе они работают на одну идею. Здесь царит скорее равновесие вещи и интерьера. Контекст обволакивает вещь, создавая для нее мир, в котором ей будет «удобно» существовать, в который она будет гармонично вписываться. Идея автора находится в оболочке контекста, выбранного не случайным образом, а возможно и специально была задумана с учетом конкретного интерьера. Таким образом, такие отношения, в отличие от контрастных, запланированы художником. В противном случае автор тщательно выбирает окружение арт-объекта так, чтобы тот стал его частью, не нарушая стиля и идеи.

Примером отношений единения вещи и контекста может послужить проект «BOX» компании Bot & Dolly из Сан-Франциско. Для создания эффектов дизайнеры использовали 3D-моделирование, проекторы высокого разрешения, световые модели и идею взаимодействия реального и цифрового пространства. Нечто вроде демосцены и инсталляции предстает перед зрителем, запутывая его на столько, что к концу просмотра реальность с трудом можно дифференцировать. Все происходит в границах промышленного интерьера, что не вызывает межстилевого конфликта, как это наблюдается в

контрастных отношениях. Демонстрация возможностей современного технического развития проводится в условиях такого контекста абсолютно осознанно с целью задать изначально атмосферу «строительства», «производства», «рождения чего-то нового, искусственно созданного», а также интерьер играет роль «вселенной», в которой происходит основное действие. В отношениях единения контекста и вещи также находят свое отражение многие идеи постмодернизма: «диалогическое» воображение, акцентирование краев (в постановке границы мысли четко обособлены), ограничение попечительства автора над всем происходящим, активное взаимодействие автора и реципиента. Таким образом, отношения единения – это некий симбиоз, направленный на полное раскрытие авторской идеи, все здесь работает на и во имя нее.

Доминантные отношения складываются посредством преобладания либо контекста над вещью, либо наоборот. В быту человек зачастую выбирает вещь, которая будет органично вписана в интерьер, в сфере искусства все выглядит иначе. Контекст полностью подчинен вещи, зачастую настолько, что представляет собой нечто безликое (фон). Таким образом, именно арт-объект наполняет безжизненный, не примечательный ничем с художественной точки зрения интерьер смысловым содержанием. Наглядным примером таких отношений может послужить инсталляция Кики Смит «Constellation», что в переводе означает «Созвездие», выставленная в «Corning museum of glass» 15 марта 2015 г. [6, URL]. Работа представляет собой «макет» неба. На непальской бумаге цвета индиго расположены 26 стеклянных фигур ручной работы. Животные, олицетворяющие созвездия, прыгают через стеклянные звезды над ночным небом. Невероятно тонкая и легкая работа, кажется, что даже слышен звон стеклянных фигурок, грациозно перемещающихся по бумажному небу. Интерьер для инсталляции выбран в рамках отношений доминирования и призван играть роль второго плана, не отвлекая на себя внимание, тем самым усиливая впечатление от увиденного. Идеи постмодернизма в данной работе едва ощутимы, однако это не означает, что они не имеют права на существование в рамках доминантных отношений. Зачастую принципы постмодерна воплощаются непосредственно в вещи (арт-объекте), а контекст продолжает играть все ту же роль ненавязчивого фона. Примером такой ситуации может быть инсталляция художников Этта Лилиенталь и Бен Самора в художественном музее в Сиэтле (2012 г.) – лабиринт, построенный из 200 люминесцентных ламп в различных конфигурациях. Здесь работают такие идеи постмодернизма, как идея «диалогического» воображения (автор дает зрителю возможность «додумать», задаться вопросами), а также склонность к парадоксам (лабиринт, как логически выстроенная система, состоит, однако, из намеков на целостную форму, путем линейных ламп делающих сооружение «прозрачным»).

Подводя итоги, можно говорить о том, что арт-объект (вещь) и интерьер (контекст), «соприкасаясь», безусловно, влияют друг на друга. Оба элемента несут определенную художественную информацию, однако ее объем зависит от характера отношений, которые выстраиваются посредством идей постмодернизма. Эти отношения условно можно поделить на три типа: контраст, единение, доминирование. Каждый из видов взаимодействия по-своему уникален и является средством достижения цели, поставленной автором арт-объекта.

Литература

1. Барт Р. Семантика вещи / Р. Барт // Система моды: Статьи по семиотике культуры. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2003. – С. 416-426.

2. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств») / Ю. М. Лотман. – СПб. : Академический проект, 2002. – С. 340-348.

3. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / Под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 346-350.

4. Рахманкулова Д. Р. Вещь как мера культуры человека / Д. Р. Рахманкулова. – Н. Новгород, 2005. – 28 с.

5. Joana Vasconcelos [Электронный ресурс]. – http: // www.joanavasconcelos-pnajuda.pt/exposicao (дата обращения: 08.04.2015)

6. Corning museum of glass [Электронный ресурс]. – http://www.cmog.org/. – (дата обращения: 11.04.2015)

Ю.П. Сотникова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. К.А. Нагина

УСАДЕБНЫЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО: ОТ «УТРА ПОМЕЩИКА» К «ВОЙНЕ И МИРУ»

Начиная с повести «Детство», художественная мысль Толстого подчинена поиску идиллии, утерянной Николенькой Иртеньевым. Истинное обретение идиллии происходит в романе «Война и мир», где идиллический мир тесно связывается с домом Ростовых.

Усадьба и сад «становятся непременными местами действия во многих художественных произведениях Л. Н. Толстого: повестях “Детство”, “Юность”, “Два гусара”, “Семейное счастие”, романах “Война и мир”, “Анна Каренина”, “Воскресение”» [2, с. 187-188]. Особенно интересна повесть «Два гусара»; в ней совмещаются две эпохи российской усадебной жизни, персонифицированные отцом и сыном Турбиными.

Принадлежащий веку «*Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных*» (Л. Н. Толстой), граф Федор Турбин является живым и активным человеком, способным на жестокий, но не на мелочный и подлый поступок. Именно в цельности его характера, в жизненной силе, и заключается, по раннему Толстому, его обаяние.

А вот сын Турбина писателю не симпатичен. Он принадлежит эпохе цивилизации, где технический прогресс связан с падением нравов и духовным измельчанием людей. Младший Турбин расчетлив, не способен отдаваться сильным чувствам – у него их попросту нет. Ему не способна помочь даже природа, которая, являясь неотъемлемой частью идиллической усадебной жизни, раскрывает героям истину. В результате неудачного свидания Турбин-младший неожиданно попадает под обаяние ночного сада, где понимает, что недоволен собой, но это чувство вины, навеянное садовым пейзажем, он «переводит в понятную и давно привычную плоскость: он винит себя за нерасторопность, проявленную у окна Лизы» [2, с. 214].

Лиза Зайцова принадлежит к младшему поколению, но она является частью уходящего в прошлое усадебного мира. Лиза пребывает в состоянии «счастливой безмятежности и покоя в замкнутом пространстве обустроенной природы» [6, с. 230] и собственного дома. Ее душевные движения связаны с описаниями природы, но составляют с ними контраст. У раскрытого окна, глядя в ночной сад, Лиза признается себе в том, что все ее дела – вздор. Но вскоре ее душа соединяется с природой, и мысли о несовершенстве собственной жизни покидают ее.

В «Двух гусарах» Л. Н. Толстой опирается на традиции усадебной повести и усадебного романа И.С. Тургенева: «Тургеневский “Рудин” дал своеобразную схему усадебного романа, в котором приехавший в усадьбу гость влюбляет в себя уездную барышню, заставляя ее пережить наивысшее напряжение духовных сил, а затем покидает избранницу, разбив ей сердце» [2, 232].

В первой части «Двух гусаров» в описании краткого романа Турбина-старшего и матери Лизы сюжет совпадает со схемой, предложенной Тургеневым, но не совпадают причины разрыва

любовных отношений персонажей. Кроме того, абсолютно различны тургеневский Рудин и толстовский Турбин.

Рудин пленяет Наталью своим красноречием. Однако героиня Тургенева действует, руководствуясь чувствами, а не логикой, чего не хватает Рудину. Он вынужден уехать, потому что не способен на поступок, которого ждет от него Наталья.

В отличие от Рудина, Турбин-старший покоряет Анну Федоровну не красноречием, а как раз своей жизненной силой. Если герой романа Тургенева все время рассуждает о чем-либо, то герой повести Толстого просто живет, располагая к себе людей. Для Анны Федоровны, всю жизнь проведшей в уездном городке, приезд Турбина превращается в особое событие: эта встреча остается в ее памяти на всю жизнь.

В отличие от тургеневского романа, где пейзаж аккомпанирует чувствам героев, в первой части повести Толстого нет описаний природы, в частности сада. Турбин-старший и Анна Федоровна чужды какой бы то ни было рефлексии, в этом и кроется причина отсутствия пейзажных зарисовок в первой части «Двух гусаров».

В рассказе о Турбине-младшем Толстой еще в большей степени инвертирует традиционный усадебный сюжет. Молодой Турбин приезжает в имение Анны Федоровны, однако, в отличие от первой истории, между молодым офицером и девушкой из усадьбы не возникает взаимной симпатии. В этой части повести присутствуют развернутые описания сада и чувств героев, но в то же время природа не способствует развитию любовных отношений.

В романе Тургенева, как и в повести Толстого, изображение природы помогает понять характер человека. Наталья, героиня «Рудина», накануне любовного объяснения с Рудиным идет в сад. Чтобы показать ее волнение, Тургенев показывает радостный и в то же время тревожный пейзаж.

Наталья – уездная барышня, которая с надеждой ждет появления человека, который выведет ее из узкого круга домашней жизни. То же самое мы видим у Толстого: Лиза, как и Наталья, пребывает в ожидании. «*А хотелось бы посмотреть, что это за гусар такой, — думала она*» (Л.Н. Толстой).

Если соотнести Рудина и Турбина-младшего, то станет очевидно, что оба героя не способны к любви, но по разным причинам. Рудин – гениальный оратор, превосходно владеет философским языком, но в обычных описаниях он беспомощен. Герой образован и умен, но не может найти себе какого-либо занятия и места в жизни, поэтому обречен на бездействие. Следовательно, Рудин не может быть счастлив и в любви.

В сцене объяснения Натальи и Рудина в саду Тургенев показывает природу в состоянии ожидания. Все затаилось, как перед бурей, что соответствует тургеневскому восприятию природы, глядящей на человека «*взглядом вечной Изиды*» (И.С. Тургенев). Это состояние ожидания «всегда предвещает у Тургенева приближение Неведомого» [5, с. 76], в поле притяжения которого попадает и Рудин. Неудача в ситуации с Натальей объясняется тем, что Рудин, как «отвлеченный человек», отмечен Неведомым, не позволившим герою реализовать себя в жизни.

«С толстовским человеком природа “говорит” иначе. Она не внушает ему чувство обреченности... напротив, она вселяет в человека то чувство, которым он жив: чувство сопричастности единому целому» [2, с. 238]. Подобно тургеневской Наталье, героиня «Двух гусаров» Лиза тоже переживает соединение с природой, помогающей ей обрести душевное равновесие. А вот Турбину-младшему коммуникация такого рода недоступна. Младший Турбин испорчен цивилизацией.

У И. С. Тургенева большинство любовных сюжетов имеют печальный финал. У Л. Н. Толстого присутствуют разные варианты развития этого сюжета, но в «Двух гусарах» писатель скорее сосредоточен на столкновении природы и цивилизации. «В этом произведении впервые угадывается ... одно из фундаментальных убеждений Толстого, близкое к учению Ж.-Ж. Рус-

со, что развитие цивилизации стоит в обратном отношении к распространению в обществе добрых нравов» [1, с. 213].

Не найдя идиллии в «Двух гусарах», Толстой продолжает поиски. Наиболее полно идиллический мир отразится в «Войне и мире».

Для Толстого колоссальную ценность имеет семья, причем на первый план выходят не родственные связи, а единение душ. В «Войне и мире» показаны две семьи, два дома, которые даже противопоставлены друг другу, – Ростовых и Болконских.

Семья / дом Ростовых идилличны, и центральное место в этой идиллии, конечно, занимает женщина – Наташа. Именно она у Толстого становится «мерой всех вещей».

Знакомство с домом Ростовых начинается с именин. Из разговоров становится понятно, что для графини, как и для графа, главный интерес – семья и дети. Особый же интерес для графа представляет тема еды, которая является одной из определяющих в линии Ростовых. «Распорядок “званого обеда” демонстрирует еще одну родовую черту идиллии: обращенность к прошлому, к патриархальному времени» [2, 320].

Неразрывность Ростовых с мотивом еды постоянно подчеркивается Толстым. Например, при описании пира у дядюшки в Михайловке Толстой отводит охотничью тему на задний план, выдвигая вперед тему еды. В этой сцене «сам дядюшка выступает чуть ли не квинтэссенцией идиллического – идеальной патриархальной жизни русских, причем в тему идиллического он включен очень по-толстовски, самым своеобразным образом, через мотив чистого» [2, с. 321]. Следует также отметить, что хозяйкой этого застолья, этой идиллии снова становится женщина.

Вспоминая признаки «усадебного текста», выделенные Щукиным [6], следует отметить, что дом Ростовых представляет собой замкнутое идиллической пространство. «Идиллические мотивы, доминантные в линии Ростовых, у Толстого носят программный характер, отвечая представлениям писателя об идеальном русском доме» [2, с. 325]. Идиллия важна для Толстого как надежная концепция мира. Однако, «утверждая идиллию, Толстой значительным образом модернизирует ее, осложняя особыми темами и мотивами, что придает ей устойчивость, способность “подстраиваться” под меняющийся мир, восстанавливаться после катастрофического вторжения мира чужеродного» [2, с. 325]. Следует отметить, что мир Ростовых, являясь идилличным и замкнутым, не отдаляется и не отделяется от всего окружающего мира, а, напротив, взаимодействует с ним.

Дом Ростовых является продолжением идеального для Толстого дома Николеньки Иртеньева. В центре этой идиллии снова оказывается женщина – Наташа. Именно с ней связаны герои, способные приобщиться к идиллическому миру усадьбы – Андрей Болконский и Пьер Безухов. Им, в отличие от младшего Турбина, в разной мере удается приобщиться к природе. Героиня «Двух гусаров» так и не обретает избранника, способного влиться в идиллический мир, в то время как в «Войне и мире» происходит подлинное обретение идиллии.

Литература

1. Лесскис Г. Лев Толстой (1852 – 1869). Вторая книга цикла «пушкинский путь» в русской литературе / Г. Лесскис. – М., 2000.

2. Нагина К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого / К. А. Нагина. – Воронеж, 2012. – 443 с.

3. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1978 – 1985. – Т. 2. – 405 с.

4. Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: в 30 т. / И. С. Тургенев. – М., 1978. – Т. 5. – 542 с.

5. Фаустов А. А. Авторское поведение в русской литературе : Середина XIX века и на подступах к ней. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1997. – 106 с.

6. Щукин В. Российский гений просвещения / В. Щукин. – М., 2007. – 610 с.

П.В. Ятчева, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. Н.В. Синозерская

МОДА И ФУНКЦИОНАЛИЗМ

Мода понимается как периодически меняющиеся внешние формы культуры и образцы социального поведения. Для моды характерна быстрая смена тенденций, релятивизм массовых предпочтений и вкусов, определенный деспотизм навязывания новых форм по отношению к личности. В самом широком смысле речь идет о стиле жизни, манере поведения и групповом увлечении людей какими-либо вещами и идеями. Под тенденциями «подразумевается любое явление популяризации, в результате которого один и тот же предмет – в широком смысле слова – одновременно нравится многим людям» [5, с. 104]. Мода является одной из знаковых систем, посредством которых происходит межличностная и межгрупповая коммуникация, способ приобщения личности к опыту культуры определенной социальной группы. Моду определяют социально-психологические факторы коммуникации, такие как подражание, внушение, психологическое заражение, интериоризация социальных ценностей и норм. В отличие от обычая, следующего прошлому, моду культивирует современность [3, с. 223].

С момента возникновения одежды основной ее функцией является защита, уже первобытные люди ощутили необходимость предохраняться от неблагоприятных погодных условий, для этого они использовали шкуры животных. Прошли века, и к защитной прибавляется эстетическая и социальная функции, возникает понятие «мода».

В настоящее время существуют определенные критерии, применяемые к моде. Конструируемая дизайнерами одежды должна сохранять тепло и предохранять от неблагоприятных условий, быть легкой, способствовать дыханию тела и не стеснять движения, подчеркивая при этом красоту индивидуальных форм [1, с.57]. Однако долгое время в моде главенствовали фасоны, не отвечающие этим требованиям. Тенденция перехода к функционализму начинает формироваться только в конце XIX века. Первым шагом в этом направлении явился отказ от корсета, деформирующего фигуру. Создание практичной одежды повлекло за собой расширение возможностей: например, появление фасона «юбка-брюки» позволило женщинам ездить на велосипеде. Особым стремлением к многофункциональной и комфортной одежде характеризуется существующее в контексте массовой культуры модное направление – уличный стиль. Возникновение уличного стиля и утверждение удобства в моде напрямую связано с изобретением Лейбом Штраусом в 1886 году джинсов [3, с. 230]. С момента своего возникновения, вплоть до 50-х годов XX века джинсы относились к рабочему костюму, однако появление рок-н-ролла придало данному типу одежды новые характеристики: джинсы стали символом молодости и бунтарства. Особый толчок развитию уличной моды дает движение хиппи, презентующее джинсы как протест против официального костюма и культивированного карьеризма. Джинсы становятся универсальной одеждой, знаменуя торжество функционализма. В связи с возрастающей популяризацией джинсов, представители высокой моды предприняли попытки перевести этот элемент одежды из массового типа в элитарный. В 1966 году происходит первый контакт уличной и высокой моды, когда Ив Сен-Лоран включает джинсы в свою коллекцию. Позднее его примеру последовали такие именитые кутюрье, как Карл Лагерфельд, Кельвин Кляйн и Александр Маккуин. Однако попытки кутюрье обернулись провалом, и джинсы остались главным символом повседневной доступной одежды.

Еще одним этапом развития функционализма в моде послужило изобретение в 1926 году маленького черного платья, автором которого явилась Коко Шанель. Новаторство заключается в том, что Шанель отказалась от торжествующих на протяжении многих столетий украшательства и вычурных фасонов, отдав приоритет лаконичности и комфорту [4, с. 199]. Основная задача нового изобретения – доступность широкому кругу покупателей. Разнообразие модификаций маленького черного платья, созданных в последующие сезоны, ознаменовало появление нового тренда, соответствующего как массовой, так и элитарной культуре.

Последующее развитие функционализма знаменуется появлением линии pret-a-porter, возникшей как ответ на массовый спрос общества потребителей. Первопроходцем дизайна pret-a-porter считается Жак Фат, который в конце 1940-х годов создает одежду для продажи в универмагах. Эта мода широкого потребления отчасти подражает высокому стилю, но выпускается не как индивидуальное шитье, а в виде стандартных размеров [1, с. 246]. Актуализации линии pret-a-porter привлекла внимание различных дизайнеров направления высокой моды, в результате чего такие кутюрье, как Пьер Карден, Соня Рикель и Кензо Такада обращаются к созданию повседневной одежды.

Контркультурное движение 1960-х годов отвергает истеблишмент и любой официоз, вводя в моду естественный образ. Молодежь чувствует, что радикальное изменение стиля одежды позволяет подчеркнуть отличие своих интересов от ценностей стершего поколения. Происходит сексуальная революция, презентующая синтез функционализма и новой философии массы. В результате повышается интерес к обнажению тела и простоте в одежде. Знаковым изобретением этого бунтарского периода является миниюбка. Влияние контркультуры, выражающееся в уличном стиле, оказав непосредственное влияние на работающих в то время модельеров. И в 1970-х годах складывается эстетика костюма для широких слоев населения, когда дизайн следует за желаниями людей и веяниями времени. Однако в этот же период происходит еще одно знаковое событие: развитие движения авангарда в моде. Выделяется несколько направлений, одним из которых явилось торжество стиля панк, установленное Вивьен Вествуд. Уличная одежда маргиналов переосмысливается и превращается в моду. Модельеры предлагают иронические коллекции, противоречащие понятию традиционной женственности, утверждается антимода, диктующая новые правила костюма, среди которых сочетание авангардистских тенденций и функционализма. Другая линия авангарда выражена творчеством японских кутюрье, протестующих против свойственной западной моде статики. «В полную противоположность своим западным коллегам, которые и по сей день одержимы идеей облечь женское тело в самую узкую и прозрачную одежду, которую только можно представить, азиатские дизайнеры следуют эстетике закутывания, ориентированной на геометрические формы традиционного японского кимоно» [2, с. 420]. Отрицая одержимость ухода от физиологической естественности форм, на которую обречены западные женщины ради соответствия навязанной им моде, японские кутюрье предложили новые пропорции, визуально моделирующие тело, но при этом оставляющие природное строение фигуры неизменным.

В период постмодерна культура трактуется как гипертекст, одежда воспринимается через призму набора знаков и рекламного дискурса. Постмодернистская мода изменчива, разнообразна, глобальна, она отказывается от социальной иерархии, любого диктата и стилистической традиции, что приводит к пику популярности уличного стиля, а вместе с тем и функционализма, актуального и по сей день.

Проанализировав историю возникновения и развития функционализма в моде, можно сделать вывод, что появление необходимости в простоте и удобстве одежды напрямую связано с изменениями в обществе, а также с новшествами техносферы. Спрос

породил предложение, однако потребовалось несколько революций для того, чтобы прийти к гармоничному сочетанию эстетизма и функционализма. Несомненно, мода, как и любой другой вид искусства, должна воспитывать вкус, но при этом она также должна учитывать удобство и потребности обращенного к ней социума.

Литература

1. Адлер Б. Ф. Возникновение одежды. Очерк / Б. Ф. Адлер. – СПб. : Худож. Типо-Литогр. и Фото-Цинкография А.К. Вейерман, 1903. – 84 с.

2. Зелинг Ш. Мода. Век модельеров. 1900-1999 / Ш. Зелинг. – Кельн: KONEMANN, 2000. – 457 с.

3. Пигулевский О. В. Дизайн и культура / О. В. Пигулевский. – Харьков : Гуманитарный центр, 2014. – 314 с.

4. Шарль-Ру Э. Непостижимая Шанель / Э. Шарль-Ру. – Смоленск : Русич, 1995. – 496 с.

5. Эрнер Г. Жертвы моды? Как создают моду, почему ей следуют / Г. Эрнер. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 272 с.

СЕКЦИЯ
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОБРАЗ И ПРОЧТЕНИЕ»

А.И. Волчек, студ. ф-та славянских и германских языков
БГУ (Барановичи, Беларусь)
Науч. рук. – к.пед.н. доц. Е.И. Белая

АДМЕТНАСЦЬ ЛІРЫКІ КАХАННЯ Ў КНІЗЕ ПАЭЗІІ ВЕНАНЦЫЯ БУТРЫМА «ДЗЁН МАІХ ЛЕПШЫЯ ДНІ»

Каханне і праца, як заўважыў некалі З. Фрэйд, – гэта два стаўпы, на якіх трымаецца чалавечае жыццё. Адметнасць гістарычнага шляху беларусаў вылучыла ў якасці іх жыццёвага прыярытэту працу, аднак гэта не пахіснула пазіцый кахання ні ў жыцці нашага народа, ні ў яго мове. Ёсць з'ява – ёсць і адпаведная ёй лексіка. Дарэчы, варта адзначыць, што беларуская мова – адна з нешматлікіх моў, дзе размяжоўваюцца паняцці «каханне» і «любоў». Каханне – гэта «вялікае сардэчнае пачуццё да пэўнай асобы другога полу» [3, с. 286]. Сінанімічныя адзінкі да слова каханне: *закаханасць, любоў, любасць, мілаванне* [2, с. 217]. Ужо нават гэтыя, па сутнасці, тэрміны гучаць надзвычай паэтычна.

Кожнай нацыянальнай культуры ўласціва сваё разуменне кахання, якое выцякае з асаблівасцей этнапсіхалогіі, менталітэту народа, абумоўліваецца яго ключавымі каштоўнасцямі. Пра гэта даюць пэўнае ўяўленне некаторыя ўзоры беларускага фальклору, у прыватнасці, прыказкі і прымаўкі: *«Любоў – не пажар, а загарыцца – не патушыш», «Бацька мілы, матка міла, дзяўчына мілейша»* і г. д. Беларускі паэт і збіральнік фальклору Ян Чачот у XIX ст. адзначаў, што менавіта песні могуць дапамагчы зразумець адметныя, тонкія і глыбокія пачуцці беларусаў. Шматлікія беларускія песні і прыпеўкі любоўнага зместу вылучаюцца пяшчотай, задушэўнасцю, у іх мноства ласкавых, мяккіх слоў, адрасаваных «аб'екту» кахання. У песнях вясельнага абраду засведчаны строгія маральныя прынцыпы беларусаў, патрабаванне чысціні ў дашлюбных адносінах. Нашы продкі кіраваліся перакананнем, што вялікае каханне – гэта дар Божы за вялікае цярпенне і за вялікую працу над сабой.

Як сказаў адзін з майстроў паэтычнага радка М. Лужанін, «...у кожным беларусе жыве крыху паэт». Няпроста дакладна палічыць усіх паэтаў невялікай краіны Беларусі! Сярод прычын гэтага нацыянальнага феномена – эмацыйная чуласць і чуйнасць да прыгожага, трапнага слова, што якраз і дае магчымасць сказаць пра вядомае новымі словамі. Гэта мае адносіны і да лірыкі кахання. В. Бутрым – мастак, паэт і празаік, ураджэнец горада Баранавічы. Нельга сказаць, што ў яго паэтычным зборніку «Дзён маіх лепшыя дні» тэма кахання дамінуе. Паэт кіруецца спрадвечна беларускім прынцыпам «Што для душы, тое ў душы і павінна быць». Каханне – гэта якраз тое, што для душы, таму і нешматслоўна, і не гучна. Але вельмі адметна. Аўтар амаль не выкарыстоўвае ў сваіх вершах слоў «каханне», «любоў». Ён аддае перавагу перыфрастычным выразам. *«Злучыць жаданні з Вашымі мае – / не менш, як ідэал»* [1, с. 26], – прызнаецца лірычны герой. У пэўнай меры ідэальны і сам вобраз каханай, паэтычна-ўзнёслы *«вобраз блакітны»*, што дасягаецца выкарыстаннем багатай палітры мастацкіх фарбаў. Каханая, нібы «міф старажытны», недасягальная, таму і *«не прыкласці далонь да шчакі. / Не адчуць дугі броў бездакорных. / Бачыць цьмяна, як быццам вякі / засланяюць твой твар непаўторны…»* [1, с. 139]. На рэальнасць гераіні ўказваюць, у прыватнасці, кантрасныя па значэнні дзеясловы: *«Я цябе не прыдумаў – знайшоў… Я цябе не ўявіў,* ***а сустрэў / выпадкова*** *ішла бесклапотна…»* [1, с. 139].

Лірыка кахання мае традыцыйныя атрыбуты: матывы пакуты, чакання, хваробы, барацьбы, смерці, адзіноты, сну, шчасця, палону і інш.; касмічныя, прыродныя вобразы і вобразы стыхій (зорак, ночы, кветак, агню, вады, сонца, месяца і інш.); парушэнне раўнавагі прасторава-часавага кантынууму мастацкай рэальнасці і г. д. [4]. У вершах В. Бутрыма матыў чакання лірычнага героя выступае бадай што скразным: *«Побач!.. Праскочым, сустрэчы не будзе – / надта ўжо доўгім чаканне было… / Адтрапятала пад ветрам на грудзе, / як страказы палахлівай крыло…»* [1, с. 65]. Матыў чакання перамяжоўваецца з матывам адзіноты, страты, якая, аднак, успрымаецца лірычным героем як непазбежнасць, і гэта абумоўлена нетрываласцю далікатнага пачуцця ў зменлівым свеце, дзе *«ператасуецца часамі ўсё, нібы калода карт: / з кахання – лёгкі ці нікчэмны жарт…»* [1, с. 93]. Таму яно для лірычнага героя В. Бутрыма – найперш рэтраспектыва, успамін, яскравасць якога ўзмацняецца пачуццём страты: *«Што ж гібець у скрусе, / лічачы няўдачы? / Адбылося, мусіць – і не перайначыць. / Што лічыў сустрэчай – стала развітаннем. / І канае вечар. / А ці будзе ранне?..»* [1, с. 28]. Суб’ект пачуцця тут цалкам паглынуты рэтраспектыўным самааналізам, які ў большай ступені выяўляе настальгію па некалі перажытай акрыленасці, ранейшай здольнасці кахаць. Каханне ў В. Бутрыма па-беларуску стрыманае. Каб яго выказаць, не заўсёды патрэбныя словы: *«З табой я гавару – вачыма. Позірк / больш красамоўны, чым квяцістасць моў…»* [1, с. 142]. Позірк, вочы – тыя адзнакі асобы, якія заўсёды набываюць у інтымнай лірыцы значную эстэтычную нагрузку. Сталаму лірычнаму герою В. Бутрыма па-свойму адкрылася ісціна, што ў каханні важна глядзець не толькі адно на аднаго, але і разам – у адзін бок. *«… Дзве пары розных вачэй, / а далягляд ім – адзін »* [1, с. 15], *«Мы ж старэем цяпер удвая: / кожны год – як два нашы асобна. / Назапашваем дзён спакваля, / а спажытак – да каліва – спробны»* [1, с. 139]. Само каханне не мае ўзросту, нягледзячы на стому, якая «асядае на сэрцы» [1, с. 141]: *«Ды не старэем – сардэчнымі ранамі: / тая ж надзея, жаданні ўсё тыя ж. / Усё па-дзіцячаму мы закаханыя… / І па-даросламу – строга чужыя…»* [1, с. 141].

Своеасаблівай разнавіднасцю вершаў пра каханне ў В. Бутрыма з’яўляюцца так званыя вершы-рэфлексіі, дзе паэт/лірычны герой заглыбляецца ў свае перажыванні: *«…Месяц дробны, крыху прытуманены. / … А ўзнёсла – глядзець не захочацца! / … Там і кінулі, дзе падранілі, / не патрэбнага нават і ночы!.. / Усё рыпіць пясок пад падэшвамі, /*

цені-мышы, нястомныя, точацца… / І не тое што зорку вышукваць – / і пад ногі глядзець ці захочацца?» [1, с. 142]. Маркёрам рэфлектыўнасці (і прыметай стылю) выступае шматкроп'е. Актыўна карыстаецца В. Бутрым такімі формамі, як верш-роздум, развага, філасафема, што стаіць на мяжы інтымнай і філасофскай лірыкі. Радок паэта часам фіксуе толькі квінтэсенцыю пачуцця кахання, перадае яго чыстае, абстрактнае выяўленне без прамога ўказання на наяўнасць адрасата: *«Падказаў успамін дарагі – / гэта нашы бялелі снягі…»* [1, с. 17]. (Сардэчная таямніца паэта, думаецца, прыхавана ім за прысвячэннем «Альфе».) У іншых выпадках адрасат усё ж праступае ў вершы, але даволі неакрэслена: *«...і ўсё тая ж постаць сніцца, / і не ўбачыць пільным зрокам – зразумець, адчуць з палёгкаю / непаўторны почырк крокаў, злучаных хадою лёгкаю…»* [1, с. 22]. У якасці лірычных герояў у вершах пра каханне могуць выступаюць алегарычныя і сімвалічныя вобразы. Гэты матыў ўласцівы беларускай паэзіі яшчэ і з прычыны спрадвечнай знітаванасці нашых продкаў з жыццём прыроды, яе абагаўлення. Так, напрыклад, у вершы «Дуб і бяроза» пяшчота кахання ўвасабляецца ў традыцыйных фальклорных персанажах расліннага свету. Аўтар звяртаецца да прыёму своеасаблівай эмпатыі, нібы пераносячы сябе ў створаны вобраз, уласныя думкі матэрыялізуе ў іншай іпастасі, імкнучыся спасцігнуць сітуацыю і сутнасць канфлікту знутры. Цэнтральнае месца тут займаюць два вобразы – Яго і Яе: *«У засені душа так любай кроны / прывыкла бавіць свой і май, і лістапад, / пяшчотаю штодня настройваць ліст зялёны / пад дабрадушны і спагадлівы пагляд, / бясконца паўтараючы, дзе то званчэй, то глуха, / прывычнае, знаёмае… Аднак жа – навіна!.. / Бо ён з удзячнасцю таемнай слухае… / Бо сыпле гэты шэпт яму – яна…»* [1, с. 116]. У сваіх вершах В. Бутрым выкарыстоўвае і ўніверсальныя сімвалы, але ў своеасаблівай, «нацыянальнай» абалонцы, у прыватнасці, вобраз зоркі Венеры – сімвал кахання. Да гэтага вобраза звяртаўся М. Багдановіч і стварыў сапраўдны шэдэўр беларускай інтымнай лірыкі. У вершы «Раманс» В. Бутрым бярэ эпіграфам Багдановічавы радкі *«Зорка Венера ўзышла над зямлёю…»* [1, с. 141]. Архетып Венеры апісвае, як чалавек вяртаецца да нябесных вытокаў жыцця. На думку Т. І. Шамякінай, і каханне, калі казаць метафарычна, мае тыя ж вытокі [5, с. 284]. Шукаючы ў небе пуцяводную зорку, што кожны дзень суправаджае ўзыход і заход сонца, сон і абуджэнне зямнога жыцця, лірычны герой В. Бутрыма бачыць у ёй жанчыну. У вершы Венера персаніфікуецца: яна, як разважае герой, *«хоча запытацца аб нечым», «шле прывет і адказу чакае: / ці не зліняла мне неба заўчасна? / Ці ж углядаюся – зорку шукаю?»* [1, с. 141]. Зорка Венера для лірычнага героя – гэта нязменны арыенцір на шляху духоўнасці і красы: *«...ні зрокам, ні думкай – не збочу – / каб не расстацца з ёю, з Венераю…»* [1, с. 141]. Для В. Бутрыма каханне перш за ўсё азначае духоўную блізкасць, магчымасць пазнаць сябе ў іншым чалавеку. Гэта тыя ўражанні зямнога жыцця, якія варты вечнасці: *«Толькі як стрэну сваю ўжо часіну – / яснасць і велічны змрок, – убачу яшчэ раз усё, што пакінуў. / От, проста так, незнарок…»* [1, с. 8].

Такім чынам, каханне – адна з асноў чалавечага жыцця і творчасці, крыніца стваральнай энергіі і жыццёвай моцы. Кожная нацыянальная літаратура валодае адметнымі сродкамі яго адлюстравання. Лірыка кахання В. Бутрыма – гэта эстэтычная праекцыя самаадчування сталага чалавека, які спазнаў сутнасць кахання і ведае яго каштоўнасць. Стрыманасць пафасу, рэфлектыўнасць, перыфрастычнасць, апеляванне да вобразаў і стыхій прыроды ў вершах паэта нясуць адбітак этнапсіхалогіі беларусаў.

Літаратура

1. Бутрым В. В. Дзён маіх лепшыя дні : зборнік паэзіі / Венанцы Бутрым. – Мінск : Медысонт, 2014. – 204 с.

2. Клышка М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М. К. Клышка. – Мінск: Выш. шк., 1976. – 592 с.

3. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 1999. – 784 с.

4. «Феномен кахання ў сучасным філасофскім дыскурсе» // [Электронны рэсурс] Рэжым доступу : http://be.convdocs.org/docs/index-125591.html?page=3 (дата звароту : 25.03.2015).

5. Шамякіна Т. І.. Міфалогія і беларуская літаратура / Т. І. Шамякіна . – Мінск: Маст.літ.-ра, 2008. – 285 с.

Д.М. Кислова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Н.И. Копылова

МОТИВ СНА В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

В литературе есть такие образы и мотивы, которые проходят через разные эпохи. Среди них и мотив сна, который прослеживается в произведениях от фольклора и до литературы наших дней. Особенно ярко он проявляет себя в произведениях поэтов-романтиков, так как отвечает одному из главных эстетических принципов романтизма: противопоставления реального и идеального.

Интерес к теме сна в начале двадцатого века был проявлен, прежде всего, в творчестве символистов, эстетика которых в некоторых чертах продолжала и перерабатывала художественные идеи романтизма.

Наша цель – рассмотреть мотив сна в поэзии символистов на конкретном примере поэта-символиста А. Блока и выяснить, какое применение этого мотива является универсальным для литературы или литературного направления, а какие функции этого мотива характерны именно для творчества Блока.

Важную роль мотивов сна в поэзии А. Блока отмечал М. Волошин. По его мнению, «сами слова – мечты и сны потеряли свою заклинательную силу и стали в поэзии прискорбными общими местами. Но для Блока и мечты и сон являются безвыходными состояниями духа. Его поэзия – поэзия сонного сознания» [6, с. 4].

Употребленное М. Волошиным определение «поэт сонного сознания» было использовано позднее другими критиками.

К. Чуковский писал в своей статье о Блоке с явной ориентацией на М. Волошина: «"Это сны твоей дремоты" – вот точное определение его первоначальных стихов. Они, как говорится у Шекспира, "из того вещества, из которого сделаны сны"... и невозможно представить себе, что стало бы с тогдашними стихами Блока без этого слова – сон. Оно требовалось ему в огромном количестве случаев, и какие только сны не являлись у него на страницах, особенно во втором его томе: и звездный сон, и электрический сон, и жемчуговый сон, и самодержавный сон, и невский сон, и зачумленный сон, и снежный сон, и серый сон, и черный сон, и алый сон, и сон голубой» [9, с. 347].

Важность мотива сна в лирике Блока также подчеркивает Е.В. Ермилова в книге «Теория и образный смысл русского символизма». «"Сон" — очень многозначный и амбивалентный символ у Блока, – пишет она. – Так "сон" все время оборачивается разными сторонами, выявляя свою амбивалентность: сохранение сил, залог грядущего пробуждения или – непробудный сон без воскресения» [7, с. 82].

Мотив сна чрезвычайно характерен для Блока. Поэт придает сну и в жизни огромное значение. Это видно и по дневниковым записям писателя, где он описывает то, что ему приснилось, часто называя сны вещими.

Частое обращение к мотиву сна мы видим и в лирике поэта. Проанализировав его сборники стихотворений, мы выяснили, что в каждом из циклов присутствуют стихи, в которых так или иначе упомянут «сон», причем эти стихотворения составляют от произведений всего цикла от 20 до 40 %.

Теперь проследим за существованием в его лирике конкретных выражений мотива сна, их функциями и обусловленностью литературным контекстом.

В лирике А. Блока частотна формула «Мне снилось…».

В первой книге стихов она имеет три основных значения. Во-первых, осуществление мечты во сне («Белой ночью месяц красный…»: «мне провидится и снится исполненье тайных дум») [1, с. 91]. Во-вторых, сон о возлюбленной («Мне снилась смерть любимого созданья…» [1, с. 53], «Мне снилась снова ты в цветах, на шумной сцене…») [1, с. 54]. В-третьих, сон, в котором лирическому герою вспоминается его прошлое («Когда я стал дряхлеть и стынуть…») [1, с. 196].

Во второй книге стихов проявляются два из этих трех значений: сон-воспоминание и сон о возлюбленной.

В третьей же книге стихов этот мотив приобретает одно, но «контаминированное» значение. В этом сборнике модель «Мне снится…» помогает лирическому герою отразить свои воспоминания, которые, в свою очередь, связаны с возлюбленной героя.

Такая модель «Мне снилось…» не является индивидуальной только для Блока. Так, у Фета есть стихотворение «Грезы», которое начинается со слов: «Мне снился сон, что сплю я непробудно…» [5, URL]. Но самое интересное, что эта формула встречается и у И. А. Бунина, который очень далек от эстетики А. Блока. Например, стихотворение Ивана Алексеевича «Сказка» начинается словами: …И снилось мне, что мы, как в сказке, Шли вдоль пустынных берегов… [4, с. 142]

Также хотелось бы отметить еще одно выражение мотива сна в лирике Блока, которое осуществляется при помощи эпитета «сонный».

В первой книге стихов с помощью этого эпитета описываются реалии природы, место и время. Эпитетом «сонный» наделяются слова: дни, вечер, весна, улицы, парк, птицы, ветер, река, берега, вершины…

Причем такое явление характерно для поэзии в целом. Например, поэты-романтики часто описывали явления природы при помощи эпитета «сонный», а «сонный, зимний ветер» [4, с. 73] и «ковыль сонливый» [4, с. 60] появляются даже в лирике поэта-реалиста Бунина.

Во второй книге Блок продолжает описание «сонного мира», что и сказано во «Вступлении»: «Дай вздохнуть в этом сонном мире…» [2, с. 5] Здесь эпитетом «сонный» наделяются озеро, тропа, ветер, лебедь… Также появляется звуковое восприятие окружающего мира, так, сонными оказываются вздох, звук, струна, колыбельная… Но во второй книге помимо описания окружающего пространства Блок награждает таким эпитетом и свою возлюбленную, называя ее «сонноокой» [2, с. 84], «сонно-белой» [2, с. 76]. И впервые в этом сборнике стихотворений употреблено слово «сонный» в сниженном контексте. Так, в известном стихотворении «Незнакомка» сонными названы лакеи, которые «торчат» «у соседних столиков» [2, с. 158].

В третьей книге стихов описание окружающего мира доводится до абсолюта, возвышенных явлений. Здесь сонными предстают перед нами вечность, жизнь, мечта, панихида… Но в этом сборнике присутствует и продолжение снижения значения этого эпитета, как в стихотворении «Встречной…»:

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,

Шотландский плэд, цветной жилет...
Твой муж - презрительный эстет.

Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что' мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг… [3, с.107]

Я не буду останавливаться на других распространенных формулах в лирике А. Блока, таких как сравнение со сновидением «как сон» или описание с помощью глагола «спит», а перейду непосредственно к самому понятию «сон», которое так часто фигурирует в стихотворениях Блока.

В первой книге стихов сон (сны) выступает как деятель, живое существо. Так в стихотворениях, где описывается природа, присутствуют строки: «И вечности вставали сны!» [1, с. 84], «…реяли звездные сны» [1, с. 84], «…гонит призрачные сны…» [1, с. 89]. Такая персонификация «сна» характерна только для А. Блока.

Хотя в его творчестве мы встречаем сон, употребленный в тех же значениях, какими награждали его поэты романтики. Это отождествление сна и жизни («О, наша жизнь, ты вечно будешь сном») [1, с. 302], но в то же время это и сон-смерть, который награждается эпитетами «тяжелый» [1, с. 58], «глубокий» [1, с. 68], «вечный» [1, с.199], «непробудный»… [1, с. 221] Также в творчестве Блока присутствует еще одно романтическое толкование сна как мечты. Так, и А. М. Ремизов писал, что «сон и мечта одного порядка» [8, с. 236]. Лирический герой Блока желает «призвать мечты прошедших снов» [1, с. 322], а в другом стихотворении поэт даже называет мечту «светлым сном» [1, с. 215].

Но в лирике Блока у слова «сон» появляются и новые значения, характерные непосредственно для символизма, а именно для мифа о теурге и божественном назначении поэта. Сон в стихотворениях Блока часто означает откровение, тайное знание, дарованное свыше, а иногда и результат этого знания – творчество и поэзию. Хотя и в лирике поэтов-романтиков присутствовали «поэзии ребяческие сны» (Баратынский), но у Блока «сон» в этом значении обретает бОльшую смысловую нагрузку, обозначая возвышенное, божественное, духовное происхождение творчества и его элитарность. Поэт называет это «священным сном» [1, с. 92], но чаще в этом случае употребляет слово «сновидение»: «Им не постигнуть сновидений, которых не дождался он» [1, с. 102].

Но собственно блоковская, то есть характерная только для этого поэта, интерпретация понятия «сон» – это любовь. «Прошедшим сном» [1, с. 86] лирический герой называет время, проведенное с любимой. «Несбыточный сон» – это состояние героя при виде возлюбленной [1, с. 138]. Это и сама любимая девушка («нежный сон») [1, с. 91]. И эта, на мой взгляд, главная тема лирики Блока пересекается с остальными значениями мотива сна. Так, от любви он испытывает творческое озарение и откровение: «сновиденье дней блаженных» [1, с. 135], «Без меня б твои сны улетели…» [1, с. 157].

Таким образом, мотив сна проявляется в лирике А. Блока многогранно. С одной стороны, он следует литературным поэтическим традициям (что, кстати, было свойственно поэтам-символистам), а с другой – Блок индивидуально воспринимает явление сновидений и своеобразно отражает его в своих стихотворениях.

Литература

1. Блок А. А. Собрание сочинений в шести томах. Том первый / А. А. Блок. – Библиотека отечественной классики «Огонек». – М.: «Правда», 1971.

2. Блок А. А. Собрание сочинений в шести томах. Том второй / А. А. Блок. – Библиотека отечественной классики «Огонек» – М.:«Правда», 1971.

3. Блок А. А. Собрание сочинений в шести томах. Том третий / А. А. Блок. – Библиотека отечественной классики «Огонек» – М.: «Правда», 1971.

4. Бунин И. А. Собрание сочинений в шести томах. Том первый / И. А. Бунин. – М. : Художественная литература, 1987.

5. Фет А. А. «Грезы». Русская поэзия / А. А. Фет. – URL http://rupoem.ru/fet/mne-snilsya-son.aspx

6. Волошин М. А. «Александр Блок. Нечаянная радость» / М. А. Волошин // Русь. – 1907. – № 101 — 11 апр.

7. Ермилова Б. В. Теория и образный мир русского символизма / Б. В. Ермилова. – М. : Наука, 1989.

8. Ремизов А. М. Огонь вещей. Сны и предсонье / Алексей Ремизов; сост., подгот. текста, вступит, статья и коммент. Е. Р. Обатниной. – СПб. : Изд-во И. Лимбаха, 2005.

9. Чуковский К. И. Критические рассказы – сочинения в двух томах – том второй / К. И. Чуковский. – М. : «Правда». – 1990.

А.А. Кучерова, студ. института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ (Ростов-на-Дону)
Науч. рук. – д.филол.н., проф. Л.В. Табаченко

КОНЦЕПТ «РОК» В ИДИОЛЕКТЕ А.П. ЧЕХОВА

Концепт «судьба» (или шире – концептуальное поле «судьба») – важнейшая составляющая русской языковой картины мира, связанная с представлением о контролируемости событий человеческой жизни высшей силой, распоряжающейся «судьбами людей, действие которой проявляется во всех событиях человеческой жизни» [Апресян 2006]. Самыми распространенными словами-номинантами концепта «судьба» являются лексемы *судьба*, *промысел*, *провидение* и др. Особое место в этом ряду занимает лексема рок – основной номинант одноименного концепта, видового по отношению к родовому концепту «судьба».

Материалом исследования послужили лексемы рок (14 ед.) и роковой (44 ед.), извлеченные методом сплошной выборки из полного собрания сочинений А.П. Чехова в 18 томах. Цель настоящей работы состоит в выявлении характерных признаков концепта «рок» и его гештальтов на основе анализа особенностей контекстуального употребления указанных лексем, в частности их сочетаемости, что еще не становилось предметом научного изучения.

Концепт «рок» по отношению к другим оставляющим концептуального поля «судьба» обладает рядом особых признаков. В.Ю. Апресян выделяет следующие: 1) рок – высшая сила не-Божественной, а скорее дьявольской природы; 2) роком представлена недоброжелательная сила. Рок бывает жестоким и неумолимым, судьба же может быть и

благосклонной к человеку. От рока, как и от предопределения, невозможно уйти – он неотвратим, он настойчиво преследует человека. Однако, в отличие от предопределения, промысла и провидения, року не свойственны наличие глубокого замысла и мудрости – это слепая сила (устойчивое выражение *слепой рок*).

Эти основные признаки концепта «рок» проявляются в идиолекте А.П. Чехова. Рок представлен высшей силой недоброжелательной, злой, немилосердной, в отличие от судьбы, которая может быть не только немилосердной, но и доброжелательной по отношению к человеку. Поэтому в отличие от рока у существительного `судьба` возможны определения *добрая* и *благосклонная*: «*Ей-богу, так я рад, что с вами познакомился! Такая добрая моя судьба, все я с великолепными людьми встречаюсь. Что ни день, то такое знакомство, что за человека бы просто душу отдал*» («На пути»).

Судьба может сжалиться над героем, рок же неумолим: *Если же неумолимый рок, несмотря на все предостережения, толкнет кого-нибудь на путь авторства, то для смягчения своей участи такой несчастный должен руководствоваться следующими правилами…* («Правила для начинающих писателей»). У судьбы, в отличие от рока, есть баловни, те, кому всегда сопутствует удача, жизненный успех: «*…высокая, вечно зеленая елка судьбы увешана благами жизни…. От низу до верху висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии, выигрыши, кукиши с маслом, щелчки по носу и проч.*» («Елка»).

Рок – сила не-Божественной природы. Следует отметить, что с течением времени семантика слова рок подвергалась изменению. А.Р. Зарипова выделяет три этапа семантической эволюции лексемы рок в истории русского языка: 1) в древнерусском языке *рок* представлен Божественной идеей, которая предопределяет время жизни и противопоставляется языческим представлениям; 2) в старорусском языке происходит его переосмысление, в результате которого у рока развивается значение ‘судьба’, связанное с окончанием земной жизни, а также намечается процесс персонификации; 3) в XVIII-XIX вв**.** веках этот процесс заканчивается, *рок* начинает восприниматься как высшая сила, враждебно настроенная по отношению к человеку [Зарипова, 2015].

И в идиолекте А.П. Чехова рок – это не проявление «Божьего промысла», это нечто дьявольское, поскольку, отказавшись от Божьей помощи, человек подпадает под власть слепого и жестокого рока, в речи чеховских персонажей по сути отождествляемого с дьяволом: *Но отчего вы-то упали, вы? Какие роковые, дьявольские причины помешали вашей жизни развернуться полным весенним цветом, отчего вы, не успев начать жить, поторопились сбросить с себя образ и подобие божие и превратились в трусливое животное…»* («Рассказ неизвестного человека»). В этом примере использовано не существительное рок, а прилагательное роковой. У этого прилагательного выделяются следующие значения (даем их по Словарю русского языка под редакцией Евгеньевой в четырех томах, то, что мы называем МАС, – малый академический словарь): «предопределенный, по суеверным представлениям, роком, неотвратимый, неизбежный, являющийся причиной несчастий». Поэтому мы считаем, что *роковой* тоже является репрезентантом концепта «*рок*». Так вот, возвращаясь к примеру, – *роковые, дьявольские причины* – однородные определения, выражающие связь между роком и дьяволом. Здесь же в примере: *отчего вы, не успев начать жить, поторопились сбросить с себя образ и подобие божие и превратились в трусливое животное,* мысль о том, что человек отказывается от того, чтобы быть подобием Божьим, отворачивается от Бога, поэтому закономерно попадает под действие роковых, дьявольских законов жизни.

Рок – имя абстрактной сущности, а потому он может надевать своего рода маски – гештальты (*Gestalt* – слово немецкое, точных эквивалентов у него в других языках нет. Gestalten означает «облечь в форму, придать значимую структуру»). По определе-

нию Л.О. Чернейко и В.А. Долинского, гештальт – один из способов оязыковления смысла [Чернейко, Долинский, 1996]. Он позволяет видеть одно явление сквозь призму другого, более понятного. В идиолекте А.П. Чехова рок чаще всего представлен гештальтами (масками), обликами, отражающими личность, в социальной иерархии занимающую высшую по отношению к человеку социальную ступеньку.

Рок может выступать в качестве безжалостного, деспотичного «судебного пристава», то есть должностного лица, осуществляющего принудительное исполнение судебных решений и постановлений: *В магазине день и ночь работает водокачная машина, приказчики собирают воду в бутылки, но рок неумолим, как судебный пристав. Вода растет все выше и выше, и скоро настанет тот час, когда в магазине утонет даже потолок* («Осколки московской жизни»)

Рок способен наказывать людей: *Милая, трагическая Жанушка! За браконьерство, за охоту по дачным мужьям в Вашем лесу я уже достаточно наказан роком: мой "Леший" хлопнулся и лопнул. Успокойте Ваши щеглиные нервы, и да хранит Вас небо!* (И.Л. Леонтьеву)

Относительное по происхождению прилагательное роковой – относящееся к року - затем приобретает значение качества, хотя, на наш взгляд, связь с роком все же остается. Концепт «рок» связан с образом груза. Это проявляется, во-первых, в использовании сочетания *роковое слово* в тропе, реализующем образ тяжелой гири: *Роковое слово тяжелой гирей висит на его дрожащих губах и никак не может сорваться.* («Устрицы»), 2) сам злой рок может отягощать человека тяжелым грузом: *Нужно было злому року навязать мне на шею это сокровище! И ведь какая насмешка судьбы! Нарочно, чтоб избавиться от супруги, придумал я болезнь печенок... за границу хотел удрать... Всю зиму о свободе мечтал и во сне и наяву себя одиноким видел. И что же? Навязалась со мной ехать! Уж я и так и этак – ничего*! («Стража под стражей»).

Важной особенностью употребления слов, вербализующих концепт «рок», в идиолекте А.П. Чехова является их травестийная функция. «А.П. Чехов и близкие ему герои не принимали на веру дискредитированные высокие понятия «Бог», «любовь», «смысл жизни», «долг», «совесть», «судьба» и редко употребляли слова, их обозначающие. В устах чеховских персонажей эти слова становятся маркером их пошлости, несостоятельности. И обращение чеховских героев к понятию «судьба» «всегда оказывается скомпрометированным словом повествователя: чем ниже этот герой, тем легче он оправдывает свою человеческую несостоятельность высокой универсальной мотивировкой» [Григорьева, 1998].

В идиолекте А.П. Чехова эта травестийная функция проявляется в использовании рядом слов *рок, роковой* и лексем со сниженной стилистической окраской. Например, в письме И.Л. Леонтьеву сопряжены высокое существительное рок и два разговорных глагола: *За браконьерство, за охоту по дачным мужьям в Вашем лесу я уже достаточно наказан роком: мой "Леший" хлопнулся и лопнул. Успокойте Ваши щеглиные нервы, и да хранит Вас небо!* На наш взгляд, это указывает на пошлость героев. Подобное сочетание может создавать комический эффект: *Так нет! Нужно было злому року навязать мне на шею это сокровище! И ведь какая насмешка судьбы! Нарочно, чтоб избавиться от супруги, придумал я болезнь печенок... за границу хотел удрать... Всю зиму о свободе мечтал и во сне и наяву себя одиноким видел. И что же? Навязалась со мной ехать! Уж я и так и этак – ничего*! («Стража под стражей»). Высокое понятие, сопряженное с разговорными глаголами, маркирует героя как пошлого, низкого, маскирующегося красивыми словами, не имеющими в его устах никакого подлинно высокого содержания.

Таким образом, А.П. Чехов отразил беспомощность человека перед неумолимой и жестокой силой, которую воплощает рок. Семантическая эволюция данного слова отра-

жает изменение в менталитете русского народа. Рок перестает восприниматься как то, что «проречено Богом», превращаясь постепенно в злую, жестокую, дьявольскую силу, которая держит героев в тисках, а они ощущают свое бессилие и беспомощность.

Литература

1. Апресян В. Ю. Семантика и прагматика судьбы / В. Ю. Апресян // Материалы международной конференции «Диалог 2006». – http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/ Apresyan.htm.
2. МАС – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984. – Т. IV.
3. СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. – М., 1991.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1939.
5. Толковый словарь С. И. Ожегова. 4-е изд. – М., 1983.
6. Чернейко Л. О., Долинский В. А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1996. – № 6. – С. 20-41.
7. Григорьева Е. Н. Категория судьбы в мире Пушкина и Чехова (К постановке проблемы) / Е. Г. Григорьева // Чеховиана. Чехов и Пушкин. – М., 1998. – С. 128-136
8. Собенников А. С. Чехов и христианство: учеб. Пособие / А. С. Собенников. – Иркутск, 2000. http://www.slovo.isu.ru/chekhov_christ.htm
9. Табаченко Л. В. Концепт «судьба» / Л. В. Табаченко // Концептосфера А.П. Чехова. – Ростов-на-Дону, 2009.
10. Зарипова А. Р. Семантическая эволюция слова рок в истории русского языка XI-XIX вв. / А. Р. Зарипова. – Ростов-на-дону, 2015.

К.А. Маркова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. Т.А. Никонова

ТЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА И ЕЕ СМЫСЛОВАЯ РОЛЬ В ПОЭМЕ С.А. ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Мы поставили перед собой цель рассмотреть тему двойничества в поэме С. Есенина «Черный человек» как один из способов постижения главной мысли поэта (содержательный момент), как важный прием, использованный С.Есениным для ее реализации (план поэтики). Для этого нам необходимо было определить истоки темы двойничества, рассмотреть особенности двойника Есенина, выявить основные идеи поэмы и обозначить роль двойничества в структуре поэмы. Актуальность нашей работы состоит в том, что эта поэма С.Есенина всегда вызывала разные трактовки, особенно ее финал. Опираясь на тему двойничества, мы попытаемся дать свое толкование основной мысли произведения.

В нашем исследовании мы опирались на книгу есениноведа Н.И. Шубниковой-Гусевой «Поэмы С.Есенина: от “Пророка” до “Черного человека”». В первой части работы мы выявили, что основные идеи поэмы С. Есенина «Черный человек» были подготовлены всем предшествовавшим творчеством поэта, что говорит о важности произведения для него [7]. Выявили, что процесс создания поэмы «Черный человек» был осознанным и скрупулезным, учитывая «ряженье» поэта в цилиндр и его диалоги с самим собой перед зеркалом. Театр Есенина олицетворял персонажа черного человека, имеющего мифологическое, магическое и эстетическое значение.[6; с.446]

Во второй части нашей работы мы уточнили особенности образа двойника в поэме С.Есенина «Черный человек» по сравнению, например, с двойником из произведений Достоевского [1, с.445]. Двойник С. Есенина отражает совесть героя, а не идет против нее, а также является посланником «другого мира» (потустороннего или мира зазеркалья), а не мира реального, (он воплощает в себе Зло и болезнь окружающего бытия в одном человеке.) Более того, трость героя, как орудие борьбы с нечистой силой, – попытка расправиться с видением, бредом или сном как с живым существом, доказывает принятие героем своего двойника как реального человека. Опираясь на мнение Шубниковой-Гусевой, мы отмечаем, что Есенин во многом переосмыслил трагедию А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери». У него противоречащие стороны слились воедино, как две части одной души, черный человек – двойник и нет одновременно, он часть героя, но и воплощение мирового зла. У Пушкина черный человек – это внешнее зло, зависть, но в то же время и искушение, у Есенина черный человек – напоминание двойственной природы человека в принципе и принятие ее [7, с.523].

В третьей части работы, обратившись к роману Мариенгофа «Роман без вранья», мы определили, что возможным источником двойничества в поэме Есенина «Черный человек», идеи которой складывались практически во всем его предшествовавшем творчестве, является результат лично придуманной поэтом биографии хулигана, которым он не являлся, что шло в разрез с его душой и порождало некую «маску» [5, с.116]. Изучив статью самого С. Есенина «Ключи Марии», где заявлен важный для поэта тезис «о корнях человека», мы полагаем, что именно он реализован в поэме и демонстрирует уход от своего первоначала, разлад, распад духа [2, с.6].

Структура поэмы открывает нам всю масштабность двойничества: две части поэмы, которые связаны с приходом черного человека, различаются тональностью, ритмикой, динамикой, цветовой гаммой. Вводятся они повторяющимся семистишьем, которое в свою очередь имеет определенную символику. С точки зрения нумерологии в Христианстве 4 – это число тела, тогда, когда 3 символизирует душу, а 7- человек. Двойственным является субъект повествования, в поэме он разделен даже формально – на первичный субъект речи (герой) и вторичный субъект речи (черный человек, его отражение), что в конечном итоге является единым целым. В этой части больше динамики, здесь достигнута критическая точка: «Ей на шее ноги // Маячить больше невмочь», с которой вводится вторичный субъект речи, что тоже показывает двойственность произведения [3, с.450]. Повествование излагается не в системе отношений субъект – объект, а идет от одного и того же субъекта, который разделился и противостоит сам себе. Черный человек- это вторичный субъект речи, но в то же время он является частью субъектного сознания, то есть тем, чье сознание выражено в данном отрывке текста. Начало второй части поэмы ознаменовано после семистишья некоторым затишьем: «Тих покой перекрестка», но оно напоминает затишье перед бурей. Здесь расстояние между речью первичного субъекта и вторичного намного больше, чем в первой части. Эта «оттяжка» сопровождается больше какими-то глухими звуками, например, «зловещая птица» плачет именно где-то, значит герою слышны лишь отзвуки, «копытливый стук» тоже можно отнести к приглушенным звукам, это не звон, не визг, не удары, а глухое постукиванье копыт. Вторая часть также отличается от первой некоторыми фактами, которые доказывают, что черный человек – двойник героя: «Ах, люблю я поэтов! // Забавный народ. // В них всегда нахожу я // Историю, сердцу знакомую…» [3, с.453]. Почему для черного человека история поэтов является знакомой сердцу? Потому что это и его история тоже. Таким образом, поэма, разделенная на две части, сама являет собой противоречащее, противостоящее начало. Первая часть, как первая ступень, вторая – логическое завершение, в котором указаны доказательства единства черного человека и героя, соединение раско-

лотой души через отрицание, но в то же время и исповедь. Во второй части больше не появляется тема усопшего, что возможно, символизирует перерождение через смерть. Вторая часть поэмы характеризуется большей концентрацией цветовой гаммы и эмоциональным накалом. Черного человека можно трактовать так же, как разум, а героя, как чувства и эмоции. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что черный человек – это темное и светлое души героя, его муки и заблуждения, тело и душа.

Финальная сцена поэмы демонстрирует двойственную природу человека. Основную роль при этом играет зеркало как смыслообразующий инструмент двойничества. Опираясь на работу французского психолога из книги В.А.Мазина «Стадия зеркала Жака Лакана», мы выяснили, что природа человека двойственна не только с точки зрения религии (тело / душа) и науки (разум / чувства), но и с психологической точки зренияё человек осознает своего двойника на ранних стадиях взросления с помощью зеркала [4; с.160]. Кульминационные строки поэмы: «Я один… // И разбитое зеркало...» можно трактовать как «я един». Цифра один в христианстве обозначает первичное единство, начало, Создателя, а разбитое зеркало не является грехом. Так, можно предположить, что в финале произошло воссоединение двух противоречащих сторон, героя и двойника, ведь все вернулось к первоначалу, потому что сам человек – это всегда сумма двух и более элементов. Двойник, вышедший из глубин зеркал, из потустороннего мира, вывернутого наизнанку, мистического и сказочного, оказывается теперь внутри героя, который его признал и принял, ведь зеркало разбито, то есть ирреальный мир уничтожен, а черный гость становится реальным. Так я понимаю задачу поэта, стремившегося показать в поэме соединение в себе двух противоречащих начал в человеческой душе.

Таким образом, изучив критический материал по теме двойничества, мы выявили основную мысль С. Есенина в поэме «Черный человек», определили смысловую роль данной темы и ее цель в поэме. Так же мы попытались трактовать финал, учитывая значимость данной темы в произведении, что составляет актуальность нашего исследования.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 7 т. / Ф. М. Достоевский. - Т. 1. Двойник. – М. : Лексика, 1994. – 559 с.
2. Есенин С. А. Ключи Марии / С. А. Есенин. – [http://ilibrary.ru/text/1300/p.1/index.html].
3. Есенин С. А. Собрание сочинений в 2 т. / С. А.Есенин. – Т. 1. – М. : Советская Россия, 1990. – 480 с.
4. Мазин В. А. Стадия зеркала Жака Лакана / В. А. Мазин. – СПб. : Алетея, 2005. – 155 с.
5. Мариенгоф А. Б. Роман без вранья / А. Б. Мариенгоф. – М. : ТОО «Иван», 1995. - 159 с.
6. С. А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / Вступ. сост. и коммент. А. А. Козловского – Т. 1 – М. : Худож. лит., 1986. – 445 с.
7. Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина. От «Пророка» до «Черного человека». Творческая история, судьба, контекст и интерпретации / Н. И. Шубникова-Гусева – М. : ИМЛИ РАН Наследие, 2001 – 688с.

Ю.Н. Михеева, студ. историко-филологического ф-та
Борисоглебского филилала ВГУ (Борисоглебск)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. М.Н. Капрусова

ТЕМА ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ В. БРЮСОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ДЕКАДЕНТСТВА

Тема любви – тема, мимо которой не проходит ни один юный поэт. В 1893 году еще мало кому известный В. Брюсов пишет трогательное стихотворение, которое начинается строками: *«Мы встретились с нею случайно, / И робко мечтал я об ней, / Но долго заветная тайна / Таилась в печали моей»* [2, с. 38].

Но совсем скоро появятся у него и другие стихи. Наступила эпоха декадентства. И одним из самых ярких ее воплощений стало творчество (в том числе и жизнетворчество) В. Брюсова. В это время старшие символисты открывали для себя трактат Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». Для лирического героя В. Брюсова характерны отмеченные Ницше дионисийские черты – «жадность к жизни», чувственность, инстинктивность, некая мистичность, «опьянение» [5, URL].

«Умри вовремя!» – говорит Заратустра [6, с. 51]. Декаденты принимают учение о свободной смерти. Надо узнать все главные чувства – любовь, ненависть, ревность, экстаз, тоску, чтобы не успеть узнать скуку. Любовь «открывала прямой и кратчайший доступ к неиссякаемому кладезю эмоций», – говорит В. Ходасевич [7, с. 272]. Соблазн и блаженство становятся одними из ориентиров декадентов.

Человек в каждый миг должен испытывать сильнейшее чувство. Не важно, сколько длится любовь, главное, чтобы она подарила весь спектр чувств. Часто декаденты мечтали умереть на пике страсти, умереть вместе, не узнав разочарования и обыденности жизни. Иногда же один из влюбленных выступает губителем, но губителем желанным.

Впервые тема смерти возникает в любовной лирике Брюсова в цикле «Стихи о любви» в стихотворении «Предчувствие» (1894):

Моя любовь – палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат… [2, с. 57]

Тема *«смертельного аромата»* повторится и в следующем четверостишии: *«Чарует все, все выдыхает яд»* [2, с. 57].

Где находятся влюбленные, понять не просто:
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы [2, с. 57].

И далее:

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы? [2, с. 57]

«Можно было прославлять и Бога, и Дьявола. Разрешалась быть одержимым чем угодно: требовалась лишь полная одержимость», – писал В. Ходасевич [7, с. 271].

Тогда можно предположить, что изображенное – пародия на райский сад, созданная дьяволом. Потому и цветы здесь источают яд, и из обитателей сада названы только змеи, кстати, с ними будут соотнесены чуть позже влюбленные, ящеры и лианы, опять же похожие на змей. А может быть, это возникший в воображении лирического героя разрушенный рай или первобытный хаос, столь милые сердцу декадентов.

Любовь лирического героя необычна. Она страстная, сжигающая, неслучаен эпитет «палящий» в первой строке стихотворения (доминантная позиция). Любовь сжигает героя изнутри. Она будет жечь и сладко мучить его возлюбленную. Лирический герой подобен новому змею-искусителю:

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться, –
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей! [2, с. 57]

«Змея (или змей) является символом энергии как таковой – силы в чистом виде» [4, с. 210]. В этом случае можно прочесть строку как описание торжества любви – обмена энергией, взаимообогащения. Но финал стихотворения показывает, что герой лукавит. Вспоминается отразившийся в мифологии метод змеи «нападать на жертвы, обвиваясь вокруг них» [4, с. 211]. Получается, что совсем не случайно в стихотворении упоминаются удавы.

Любовь лирического героя смертельно опасна: он ввел девушку в ирреальный мир, из которого она уже не смогла найти выход в реальную жизнь. Здесь впервые завуалированно возникает образ героя-мага (поведенческая маска В. Брюсова):

День проскользнёт. Глаза твои смежатся.
То будет смерть. – И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан [2, с. 57].

Последнее четверостишие говорит о той плате за любовь и наслаждения, которая иногда неизбежна. Змея является и «символом самой сокровенной мудрости и великих тайн» [4, с. 211]. Это еще один дар героя-мага своей погибшей возлюбленной. Дар, которым она пользовалась лишь мгновения. Любовь лирического героя, уничтожающая, страстная, разрушительная, губительна для обычной девушки. Герой же, вероятно, еще вернется в «неумолимый сад», место для посвященных.

Итак, мы видим, что лирический герой не обычный человек, «не Адам». В Библейской традиции «Адаму как жертве противостоят два совратителя: Ева и змей, т.е. женщина и дьявол. После того как женщина была соблазнена змеем, дьяволом, она соблазнила мужчину» [1, с. 22]. В стихотворении показано соблазнение и умерщвление новой «Евы». Лирический герой Брюсова же соединяет в себе Диониса, сверхчеловека и дьявола – все в духе декадентства.

Также следует помнить, что «змея связана с “искушениями”, встающими перед теми, кто преодолел ограничения материи и проник в реальность чистого духа» [4, с. 211]. В 90-е и отчасти 900-е годы В. Брюсов играл роль черного мага и вступал в мистические дуэли с воплощением Света А. Белым [3, с. 530-589]. В анализируемом стихотворении лирический герой Брюсова, принявший образ змея, словно уже примеривает доспехи сына тьмы, губящего даже то, что любит.

В стихотворении «О, когда бы я назвал своею…» (1897) рассказывается о любви лирического героя и девушки-тени. Зеркало – это дверь в потусторонний мир [4, с. 210]. Герой, смотря в зеркало, видит инфернальную силу в облике возлюбленной. Лирический герой готов уйти с ней *«в пустую безбрежность, / Во глубь стекла»* [2, с. 130], но пока ему это недоступно.

Стихотворение «Любовь» (1900) – своеобразный декадентский манифест, руководство к действию. Оно состоит из двух частей, перекликающихся между собой. Уже первая строчка первой части – декларация: *«Не мысли о земном и малом / В дыханьи бури роковой…».* Рок – слово скорее с отрицательной коннотацией. Итак, любовь – это рок, который заставляет *«не стыдиться святого страха».* Так возникает тема соблазна и греха.

Но первая часть стихотворения успокаивает читателя:

Любовью – с мировым началом
Роднится дух бессильный твой [2, с. 179].

Наверное, так начинал разговор с Евой змей-искуситель в Райском саду. Однако, околдовав ее, соблазнитель не скрывает правды:

Любовь находит черной тучей.
Молись, познав ее приход!
Не отдавай души упорству,
Не уклоняйся, но покорствуй!
И кто б ни подал кубок жгучий,–
В нем дар таинственных высот [2, с. 180].

Черная туча далека от лазури и солнца – символов божественного начала и добра. И если конец первой части стихотворения обещает через любовь к человеку любовь божественную, то в конце второй части сказано ясно: *«И кто б ни подал кубок жгучий…»*. А это может быть и соблазнитель, и черный маг, и инкуб, и суккуб, и сам дьявол. Если принять кубок и отдаться греховной любви, многие тайны действительно откроются, но душа погибнет. Однако декаденты это и проповедовали, часто не замечая, где заканчивается игра, а начинается жизнь.

Итак, тема любви у В. Брюсова в 90-е годы в большинстве случаев связана с темой смерти и темой мистического. В ранних стихотворениях часто свидание происходит в рамках экзотического или ирреального пейзажа. Лирический герой выступает мистическим соблазнителем, примеряет на себя роли черного мага, змея-искусителя, жителя потустороннего мира, тени, что вполне вписывается в контекст философии Ф. Ницше и этики и эстетики декадентства.

Литература

1. Большой путеводитель по Библии: пер. с нем. – М. : Республика, 1993.
2. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М. : Худ. лит., 1973. – Т. 1.
3. Гречишкин С. С. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» / С. С. Гречишкин, А. Лавров // Ново-Басманная, 19: сб. – М. : Худ. лит., 1990. – С. 530-589.
4. Керлот Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М., 1994.
5. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше. – URL: http://az.lib.ru/n/nicshe_f/text_0010.shtml
6. Ницше Ф. Так говорит Заратустра / Ф. Ницше // Сочинения: в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 51.
7. Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное / В. Ходасевич. – М. : Сов. писатель, 1991.

Д.А. Неволина, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. К.А. Нагина

ПАРАДОКСЫ ЛЮБВИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. М. КАРАМЗИНА

Николая Михайловича Карамзина весьма интересовал вопрос парадоксальности любви, его волновало, что есть это чувство по своей сути: необъяснимые капризы человеческого сердца или тонкие, недоступные поверхностному наблюдателю закономерности. Обратимся к одному из программных стихотворений автора: «Странность любви, или бессонница»:

Я стыжусь; мне, право, больно
Странность чувств моих открыть
И предметом шуток быть.
Сердце в выборе не вольно!..
Что сказать? Она... она...

Ах! нимало не важна
И талантов за собою
Не имеет никаких
<…>
Знайте также, что она
Не Венера красотою –
Так худа, бледна собою,
Так эфирна и томна,
Что без жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!.. я люблю ее!..

Ситуацию усугубляет безответность страсти лирического субъекта, он стыдится чувства, которого не в силах обуздать разумом и волей. Странности любви тревожат его, он завидует жизни без любви и тем не менее продолжает любить. Поиски логики заходят в тупик. Но, быть может, в этом и состоит своеобразная логика любви: любить слабого, несовершенного человека. Ю. М. Лотман считает, что это стихотворение утверждает мысль о том, что человеческие слабости вызывают больше приязни, чем нечеловеческие добродетели. Привлекательность возлюбленной лирического субъекта заключается именно в слабости, отсутствии красоты и каких бы то ни было «необыкновенных» качеств.

В одной из парижских глав «Писем русского путешественника» рассказывается о чтении в салоне госпожи Гло* сочинения под заголовком «Мысли о любви». В нем есть такие рассуждения: «Друг мне мил для того, что он – он, я мил ему для того, что я – я», «Прелести никогда не бывают основанием страсти: она рождается внезапно от соосязания двух нежных душ в одном взоре, в одном слове…», «Любовь есть кризис, решительная минута жизни, с трепетом ожидаемая сердцем…». Т. А. Алпатова, ссылаясь на эти строки, говорит, что представленная здесь трактовка любовного чувства может рассматриваться как своего рода ключ к пониманию практически всех сюжетов карамзинских повестей. Учтем это замечание при анализе прозаических произведений автора.

Примечательно, что во многих произведениях Карамзина значительное место отведено рассказу о встрече будущих влюбленных, так как чаще всего именно она и является моментом зарождения любви, то есть первым ее этапом. Вообще по этому признаку можно разделить повести Карамзина на две группы. К первой принадлежат те повести, в которых нежное чувство возникает постепенно, подготавливается некоторыми обстоятельствами, например, детской дружбой или давним знакомством героев. К такой группе можно отнести повести «Сиерра-Морена», «Евгений и Юлия», «Юлия». Однако наибольший интерес представляют такие произведения, в которых любовь является не закономерным следствием каких-либо обстоятельств, а, напротив, зарождается, на первый взгляд, беспочвенно, после неожиданной встречи («Наталья, боярская дочь», «Бедная Лиза») или даже вопреки имеющимся обстоятельствам («Рыцарь нашего времени»).

Но, по-видимому, при изучении взглядов на любовь самого Карамзина и его трактовки любовного чувства поиск психологических мотивировок при всей своей значимости должен быть отодвинут на второй план. По мнению писателя, первостепенную роль играет сама природная предрасположенность сердца любить, на которую уже органически наслаиваются все остальные мотивировки. Т. А. Алпатова утверждает, что в художественном мире Карамзина любовь предстает поворотным моментом в жизни человека. Открывая в себе способность к этому чувству, карамзинские герои окончательно обретают самих себя.

Здесь показательна повесть «Наталия, боярская дочь», в которой зарождение любви подготовлено самой природой как неотъемлемое свойство всего живого мира – мира, созданного для любви. *«Так жила боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ее наступила <…> и Наталья, сидя поутру в светлице своей под окном, смотрела в сад, где с кусточка на кусточек порхали птички <…> Красавица в первый раз заметила, что они летали парами – сидели парами и скрывались парами. <…> Она вздохнула <…> посмотрела вокруг себя – увидела, что с нею никого не было…».* Если иметь в виду подобные рассуждения, то внезапно возникшая любовь молодых людей покажется нам не безосновательным, а естественным чувством. Для Наталии оно стало показателем зрелости ее души, отметило момент превращения из ребенка в девушку. Похоже, подобное состояние было близко и Лизе, ведь уж точно красоты молодого человека и пары ласковых слов не могло быть достаточно, чтобы занять помыслы совершенно не склонной к мимолетным увлечениям девушки.

Любовное чувство в зародыше представлено и в неоконченной повести «Рыцарь нашего времени», и, на первый взгляд, появление его между ребенком и молодой замужней женщиной непостижимо. Конечно, это не любовь в строгом смысле слова, скорее симпатия, влечение, но не лишенное зачатков чувственных удовольствий. Эмилия весьма схожа с первыми двумя упомянутыми героинями, ее сердце так же испытывает потребность любить, но в браке ей не на кого излить свои чувства. Поэтому после убийственного равнодушия и холодности мужа ей так приятно находиться рядом с чувствительным ребенком, видеть в нем живейший отклик на каждое ласковое слово.

Можно говорить и о том, что природная потребность любить раскрывается и в Леоне. «Путь его “образования ума и чувства” движется в одиночестве, в постепенном осознании глубинной заложенной в душе возможности чувствовать... Важнейшим этапом на пути самосознания героя становится чтение. Романы предлагают читателю-ребенку своеобразные модели проявления разнообразных чувств… Знание и чувство вновь следуют рядом, – и, пережив в воображении открывающийся мир чувств, карамзинский герой-ребенок обретает возможность испытать желанные переживания в реальности» [1, с. 464].

Если зарождение любви у Карамзина часто представлено как мгновенно возникшая симпатия, а время, прошедшее от момента появления первых предпосылок чувства до его расцвета, в большинстве своем очень невелико, то угасание любви – всегда длительный процесс. Иногда начало его ознаменовано неким переломным моментом, как, например, физическая близость героев в «Бедной Лизе», но он может быть и лишенным некой точки отсчета того самого угасания, как в повести «Юлия». Да и в первом случае переломный момент лишь сделал явным те противоречия, что существовали давно. Отметим также, что во всех произведениях наблюдается четкая закономерность: угасание любви начинается со скуки героя, проистекающей от неспособности наслаждаться одним и тем же чувством, открывая в нем все новые и новые грани. Дальше следует развязка – неизбежная разлука былых влюбленных, часто гибель одного из них. Но на этом не заканчивается ни одна из повестей, более того, события, произошедшие с героями после расставания, иногда представляют для нас особый интерес.

Кроме того, представляется разумным обратить внимание на так называемых «слабых героев» как на персонажей наименее статичных в духовном плане. Подобные герои обладают богатыми душевными наклонностями, но не умеют найти им применение по причине своей ветрености и чрезмерной чувственности. Таковы, например, Эраст из «Бедной Лизы», Эраст из «Чувствительного и холодного», Юлия из одноименной повести. Следует отдельно упомянуть о проявлении потребности любить в этих персонажах: все они жаждут любви и ищут ее. Но страстное желание любить сталкивается с не-

возможностью его исполнения вследствие неспособности к сосредоточенному чувству из-за увлечения житейскими мелочами, привычки к переменам, даже потребности в смене событий и сопряженных с ними впечатлений или, как будет сказано в «Моей исповеди», к причудливой «игре китайских теней». Судьба таких героев неизменно связывается с трагическими обстоятельствами: только глубокие и болезненные переживания, даже душевная травма, не позволяющая вернуться к прежнему образу жизни, способны изменить их. Однако Карамзин имел особый интерес, даже нежное отношение к слабому человеку, сердечно сочувствовал ему. По мнению Ю. М. Лотмана, убеждения Карамзина основываются на мысли о том, что именно обыкновенный, наделенный всеми слабостями, вынужденный бороться с недостатками человек и есть человек в подлинном значении этого слова. С этим и связано стремление Карамзина в «Бедной Лизе» и других повестях изображать «заблуждающихся» героев.

Литература

1. Алпатова Т. А. Проза Н. М.Карамзина: Поэтика повествования / Т. А. Алпатова. – М., 2012. – С.464-466.

2. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. – М., 1987. – С. 227-237.

Нзинтукулу Жюльфэн Ксавье, студ. филологического ф-та ВГУ
Науч. рук. – к.филол.н. доц. В.Н. Гуреев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА СРАВНЕНИЯ В ПОВЕСТИ Ю. ПОЛЯКОВА «ПАРИЖСКАЯ ЛЮБОВЬ КОСТИ ГУМАНКОВА»

Прием сравнения относится к числу самых распространенных в языке приемов. Он используется с целью охарактеризовать какой-нибудь предмет или явление с помощью сопоставления с другими предметами и явлениями. Механизм сравнения занимает важное место в мышлении человека, и это вызывает необходимость серьезного изучения данного явления.

Исследованию приема сравнения в русском языке посвящены работы Е. А. Некрасовой [2, 5, 8], М. И. Черемисиной [7], Л. А. Лебедевой [3], И. В. Назаровой [4] и др. В структуре сравнения традиционно выделяют следующие компоненты: «Субъект сравнения – слово, выражающее предмет или явление, поясняемое через сопоставление с чем-либо; объект сравнения – слово, называющее предмет или явление, употребляемое для сравнения; признак сравнения – основание, по которому проводится сравнение». [2, с. 10]

При обычной коммуникации сравнение используется прежде всего для того, чтобы дать более точное представление о предмете разговора. Но в художественном тексте функция сравнений этим не ограничивается. «Было бы несправедливо утверждать, – считает современный исследователь, – что преобразования образной структуры сравнений, примененных в прозе, всегда сводятся к предметному уточнению, бытовой конкретизации и т.п.» [1, с. 60]. В художественной практике прием сравнения может выполнять и целый ряд иных функций. Причем для этого используются самые различные речевые конструкции.

Вопрос о средствах выражения сравнений в языке разработан недостаточно полно. Хотя многие ценные мысли на этот счет можно найти в работах отдельных исследователей, тем не менее полной и окончательной классификации видов сравнений до настоящего времени не существует.

«Исследователи уже неоднократно указывали на многообразие языковых средств выражения сравнения: формы степеней сравнения прилагательных и наречий; многие модели словообразования и производные слова; так называемые сравнительные обороты в структуре простого предложения; сравнения, представленные сложным предложением с придаточным сравнительным; сравнения, представляющие собой ряд предложений, то есть сложное синтаксическое единство. Наконец, сравнение выступает и как воспроизводимая единица фразеологического типа (*как снег, как ветер, как из бани* и под.). При этом в одних случаях сравнение выступает как образное, в других – как безобразное, или прямое, логическое» [4, с.8].

Все разнообразие конструкций, используемых для оформления приема сравнения можно наглядно продемонстрировать на материале повести современного русского писателя Юрия Полякова «Парижская любовь Кости Гуманкова».

Прежде всего должны быть выделены (как самые многочисленные) **сравнения союзного типа**. Чаще всего это сравнения с союзом *как*. Например: *«Встретили нас так, как встречают гостей, от которых не удалось отвязаться»* [6, с. 468]; *«Развязанный галстук лежал рядом с ним, как ручная кобра»*. [6, с. 511]

Часто используются также сравнения с союзом *словно*. Например: *«Алла весь день была со мной равнодушно любезна, словно мы только что познакомились в очереди к зубному врачу»* [6, с. 500]; [Пипа Суринамская] *«с таким гневным интервалом углубилась в разноцветный «Огонек», словно нашла там антисоветчину»* [6, с. 435].

С союзом *точно*. Например: *«Спецкор осторожно и заботливо, точно лекарство, вливал сухое вино в беспомощного Поэта-метеориста»* [6, с.451]; *«обнял ее, но неловко и очень вежливо, точно незнакомку в танце»* [6, с. 482].

С союзом *будто*. Например: *«Спецтургруппа смотрела на меня с состраданием и облегчением, будто в меня только что угодила шальная пуля «дум-дум», а могла ведь попасть в любого»* [6, с 436].

«Значение сравнительных союзов обычно определяется таким образом: союзы *как, что, подобно тому как* указывают на равенство сравниваемых предметов, явлений, действий. Сравнение с этими союзами мыслится как достоверное, нечто реальное. Эти союзы различаются в стилистическом отношении. ***Как* – общеупотребительный союз, союз *что* – употребляется в основном в фольклорных текстах, *подобно тому как* имеет оттенок книжности.**

Союзы *точно, словно* – не обозначают равенства сравниваемых предметов, но указывают на их значительное сходство. Сравнение, присоединенное этими союзами, мыслится как нечто предположительное, условное» [4, с. 16].

Наряду со сравнениями союзного типа нередко встречаются **сравнения без союза**.

Это, во-первых, сравнения с формально отсутствующим союзом. Например: *«Потом выяснилось, что для нашего бардака компьютеризация – то же самое, что накладная грудь и косметика для неудавшейся женщины…»* [6, с. 416]*; «Сами понимаете, восемь человек, мимо актового зала идущие пить пиво, – это уже политическая демонстрация»* [6, с. 421].

Во-вторых, сравнения, выраженные творительным падежом имени существительного. Например: *« – Так чего ж ты на нее волком смотришь?»* [6, с. 437]

И, в-третьих, сравнительные конструкции со словами «похож», «вроде», «наподобие», «напоминает» и др. Например: *«Я отвернулся к иллюминатору: земля внизу была похожа на бурый, местами вытершийся вельвет»* [6, с. 449]; *«Вялый таможенник в форме, похожей на железнодорожную, глянул на нас, как китобой на кильку…»* [6, с. 445]; *«…белые кроссовки, вроде тех, что в магазинах потребкооперации продают колхозникам в обмен на определенное количество сданных мясопродуктов»* [6, с. 444];

«Потом нас повезли в парк, вроде Сокольников, там мы гуляли, ели мороженое и обсуждали нелегкое существование французских пенсионеров в сравнении с беззаботной житухой советских ветеранов труда» [6, с. 479]; *«Моя фамилия неожиданно превратилась в лозунг, знамя, призыв, наподобие «Мир – хижинам, война дворцам!», в результате чего одинаково хреново пришлось и дворцам, и хижинам»* [6, с. 427]; *«…малюсенькие автомобильчики, наподобие тех, что начала недавно коллекционировать Вика…»* [6, с. 449]; *«Подъехали к Эйфелевой башне. Вблизи она напоминала гигантскую опору линии электропередач»* [6, с. 466]; *«Мы очутились возле магазинчика с маленькой витриной, в которой на невидимых ниточках висела рыжая замшевая куртка, напоминающая полураздетого Человека-невидимку…»* [6, с. 489].

Если же рассматривать сравнения с точки зрения их укорененности в языковой практике, то могут быть выделены, с одной стороны, сравнения **общеязыковые** (их еще называют **устойчивыми, традиционными**) – сравнения, изначально присущие данному языку. Например: *молчал, как немой; промчался стрелой*.

С другой стороны, выделяют сравнения **общехудожественные**, т.е. такие, которые часто повторяются в художественных текстах. Например: *как истинный рыцарь; глаза, как черные угли; как луч зари*.

Помимо «обычных» сравнений существуют также **отрицательные сравнения**. Например: *«Знаете, я иногда думаю, что удачливость – это не стечение жизненных обстоятельств, а просто черта характера, как, например, искренность, злобность, отходчивость…»* [6, с. 421]; *«Борец – это не запаршивевший диссидент с Солженицыным за пазухой, а тот, кто умудряется вопреки всему жить, как человек…»* [6, с. 494].

Наряду с собственными отрицательными сравнениями Ю. Поляков приводит в повести целую строфу из стихотворения Маяковского, содержащую в себе отрицательное сравнение:

«Неудачник не тот,
кого
рок грызет
И соседки
пальцем тычут
судача.
Неудачник – тот,
кому повезет,
А он
не сумеет схватить
удачу!»

Выделяют сравнения **нераспространенные**, в которых объект сравнения представлен всего одним словом. Например: *«Пиво, как и жизнь, любят почти все…»* [6, с. 420]; *«Он долго возился с пробкой, и дело закончилось пенной, как из огнетушителя, струей»* [6, с. 508-509].

И, напротив, в **распространенных сравнениях** (Е. А. Некрасова называет их «растянутыми» [2, с. 144]) объект сравнения является достаточно многословным. Например: *«Он всегда напоминал мне дружинника, который бросается защищать подвергнувшуюся нападению хулиганов девушку именно в тот момент, когда честь, возможно, уже утрачена, но зато из-за угла как раз показался «Москвичок» с нарядом милиции»* [6, с. 424].

В повести Ю. Полякова часто встречаются **развернутые сравнения**, представляющие собой большое обстоятельное высказывание. Вот некоторые примеры таких развернутых сравнений: *«Представьте себе на минуточку хлипкого молодого человека,*

который, отнаблюдав схватку каратистов, демонстративно подошел к победителю и плюнул ему в глаз! Представили? А теперь вообразите последствия. Вообразили? Примерно то же самое я подумал и о Букине» [6, с. 424]; *«В супермаркете я почувствовал себя папуасом, который всю жизнь молился на свои единственные стеклянные бусы и вдруг нежданно-негаданно попал в лавку, доверху набитую всевозможной бижутерией»* [6, с. 459].

Некоторые исследователи допускают выделение т.н. «сравнения-приложения, самая структура которого предполагает наличие рядом в одной плоскости реального и образного планов» [5, с. 59]. Например: *Здесь даже мельница – бревенчатая птица – с крылом единственным стоит, глаза смежив (Есенин)*. В повести Ю. Полякова сравнения подобного вида не встречаются.

Но, с другой стороны, обращают на себя внимание сравнения, которые выступают как **средство оценки**. Сравнения этого вида обычно подразделяются на деэстетизирующие («ухудшающие») и эстетизирующие («улучшающие»).

Поскольку сам текст повести не ставит задачу что-либо воспевать или прославлять, то сравнения эстетизирующие Ю. Поляковым практически не используются. А вот сравнения деэстетизирующие, пусть и нечасто, но встречаются. Например: *«Во время размышлений я люблю разглядывать пивной зал, похожий на большой вокзальный сортир, где вместо писсуаров установлены пивные автоматы»* [6, с. 419]; *«Где-то сбоку мелькнула знаменитая башня, похожая на задранную в небо дамскую ножку в черном ажурном чулке»* [6, с. 454].

Таким образом, в произведениях Ю. Полякова прием сравнения – один из наиболее излюбленных. В небольшой по объему повести «Парижская любовь Кости Гуманкова» прием сравнения встречается более 70 раз. При этом устоявшиеся, традиционные сравнения писатель принципиально не использует. Его сравнения всегда неожиданны и оригинальны. В качестве объектов сравнения часто выступают реалии поздней советской эпохи. Для словесного оформления приема автор использует самые разные грамматические конструкции. Из сравнений союзного типа предпочтение отдается обороту с союзом «как». Преобладают распространенные сравнения, нераспространенные очень редки. Хоть и нечасто, но встречаются также развернутые и отрицательные сравнения. Отсутствуют общехудожественные сравнения, крайне редки сравнения, выраженные творительным падежом имени существительного и формой сравнительной степени прилагательных. Чаще всего прием сравнения в тексте служит средством выражения авторской иронии.

Литература

1. Андреева И. В. Использование поэтических сравнений в прозе Лермонтова / И.В. Андреева // Русский язык в школе. – 1979. – № 3. – С. 63-66.

2. Бакина М. А. Эволюция поэтической речи XIX–XX вв. (Перифраза. Сравнение) / М. А. Бакина, Е.А. Некрасова. – М. : Наука, 1986. – 191 с.

3. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь / Л. А. Лебедева. – М. : Флинта: Наука, 2013. – 314 с.

4. Назарова И. В. Аспекты изучения компаративных единиц. Лекции к специальному курсу «Язык и культура» [Текст]: учебно-методическое пособие для студентов филологических факультетов университетов / И. В. Назарова. – Воронеж, 2008. – 24 с.

5. Некрасова Е.А. Языковые процессы в современной русской поэзии / Е. А. Некрасова, М. А. Бакина. – М. : Изд-во «Наука», 1982. – 312 с.

6. Поляков Ю. М. Собр. соч.: в 4 т. / Ю. М. Поляков. – М. : Мол. гвардия, 2001. – Т. 1 – 531 с.

7. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. – Новосибирск: Наука, 1976. – 270 с.

8. Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. – М. : Наука, 1977. – С. 240-294.

Е.С. Соболева, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н., проф. М.К. Попова

СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ СЬЮЗЕН ФИЛЛИПС «МОЙ, ТОЛЬКО МОЙ»

В представленной статье рассматривается система персонажей в романе Сьюзен Филлипс «Мой, только мой».В своей работе я опиралась на труды Л. Я. Гинзбург, С. Н. Зотова, Н. Д. Тамарченко.

«Система персонажей – соотнесенность всех ведущих, а так же всех второстепенных действующих лиц в литературном произведении, реализующая авторское художественное задание». Через систему персонажей выражается единое представление автора о взаимоотношении человека с природой, обществом, о взаимоотношениях между отдельными людьми и т.д.. Возможны различные варианты соотношения главных и второстепенных персонажей. Центральные персонажи часто образуют пару, сближение или раздвоение противоположностей, помимо пар могут встречаться, так называемые «треугольники», «прямоугольники» персонажей и т.д. [подробнее см.: 4].

Важным понятием для анализа системы персонажей является экспозиция. «*Экспозиция* – это время, место действия, состав и взаимоотношения персонажей. Если экспозиция помещается в начале произведения, она называется прямой, если в середине – задержанной» [3]. По мнению Лидии Яковлевны Гинзбург, эпоха, литературное направление, индивидуальная система писателя порождают разновидности экспозиций героя. Определяющими в этом многообразии являются, прежде всего, введение в действие персонажа, его первичная характеристика, которая в дальнейшем обрастает новыми признаками. Затем, отношение первичной характеристики к дальнейшему ее развитию и к целостному образу. Определяющим моментом является и форма сообщения первоначальных сведений о герое. Повествовательная (от автора или отождествленного с ним рассказчика) или изобразительная, когда автор предоставляет читателю делать выводы из описания, сцены, диалога. Персонаж может быть загадкой для читателя, может получить временную, ложную характеристику. Смысл экспозиции персонажа состоит в том, чтобы сразу создать читательское отношение, установку, восприятия, без которыхбудет сложнее понять персонажа. Поэтому первое появление, первые упоминания о нем чрезвычайно важны, помогают организовать дальнейшее построение образа героя [подробнее см.: 1].

В статье мы остановимся в основном на образах главных героев и их взаимоотношениях, уделив особое внимание первоначальному представлению центральных персонажей друг о друге, т.к. их ложное мнение является основой конфликта в романе.

Как упоминалось ранее, первое впечатление, введение героя в произведение, является очень важным для дальнейшего восприятия. В романе Сьюзен Филиппс «Мой, только мой» первое упоминание и характеристика главных героев передаются читателю через других персонажей романа. В самом начале романа ведется беседа и впервые упоминается имя главного героя – Кэла Боннера. Участниками беседы являются знакомые Кэла, они обсуждают подарок на его день рождение. *« Давайте расставим точки над i. –Джоди Пулански обвела взглядом мужчин. — На день рождения вы хотите пода-*

рить Кэлу Боннеру женщину?»[6, с. 4]. Именно с этих строк начинается роман, а характеристика героя ведется от лица Джоди Пулански, подруги и фанатки игроков футбольной команды «Чикаго Старз».

Тут же в описание главного героя, вступает и сам автор. *«Все, каким-то боком связанные с футболом, знали Кэла Боннера, первоклассного куортербека, требовательного, темпераментного, который с начала сезона замордовал всех. Боннера прозвали Бомбером за его неожиданные пасы, взрывающие оборону соперников»*; *« Если исходить из того, что я видела, у Бомбера женщин не перечесть. Похоже, он не знает, что ему с ними делать»*[6, с. 4-5].

Благодаря приведенным выше цитатам, можно составить представление о главном герое как, прежде всего, о спортсмене. Появляющийся в романе позднее авторский портрет героя подтверждает эту характеристику. Именно в роли спортсмена, физически совершенного человека его впервые узнает главная героиня Джейн. Происходит это во время разговора Джейн и Джоди Пулански, в который случайно встраивается телеинтервью с Кэлом Боннером.

Описание главной героини – Джейн Дарлингтон ведется также от лица Джоди Пулански и местами от автора. Именно Дж. Пулански свяжет судьбы главных героев. Для Джоди важны только личные интересы, чтобы добиться своей цели, она готова пойти на все. Согласно договору между Джоди и друзьями Кэла, именно ей нужно было найти для него «подарок» на день рождения. Ввиду случайных обстоятельств Пулански выбирает на роль «женщины для Боннера» свою соседку Джейн Дарлингтон. Для Джоди тридцатичетырехлетняя незамужняя и бездетная Джейн, ученый, имеющий степень доктора физики, – существо совершенно непонятное, «мымра», которая «явно не знала», что ей делать со своей привлекательной внешностью. Осознав,что соседка мечтает о ребенке, Джоди предлагает ей принять участие в розыгрыше героя и выступить в роли проститутки, «подаренной» ему друзьями на день рождения.

Важным для развития событий является первоначальное представление главных героев друг о друге. Джейн видит в Кэле «*воина».* В ее глазах он *«завоеватель, сотворенный природой с тем, чтобы сражаться и побеждать»,* но отнюдь не интеллектуал. Ее мысли о Кэле говорят сами за себя: *«У него тело воина, но он всего лишь футболист, и, естественно, с умом у него не густо»* [6, с. 33]. Джейн боялась, что если у ребенка оба родителя будут с высоким интеллектом, то ребенок родится гением и станет изгоем в обществе, каким отчасти и была она сама. Поэтому приоритетными качествами она ставила физические, а не умственные. Первое впечатление о Кэле Боннере затуманило ее сознание, Джейн видела в Кэле только то, что хотела видеть, и именно это послужило причиной для всех дальнейших событий.

Что касается первого представления Кэла о Джейн, то он видел ее только лишь девушкой «легкого поведения», причем неподходящей для него. *«Но дело в том, что ты для меня старовата. Старовата!»…«Тебе не двадцать четыре. Мы оба знаем, что ты прожила на свете никак не меньше двадцати восьми»* [6, с. 39-40].

Однако на момент знакомства герои даже не знали главных вещей друг о друге, что Кэл является блестящим выпускником престижного университета: *«Джейн вернулась на кухню за очками, всмотрелась в верхний диплом. Выданный университетом Мичигана и свидетельствующий о том, что Калвин Боннер получил степень бакалавра наук, с отличием окончив курс обучения»* [6, с. 121]. Это совсем не соответствует представлению Джейн о нем. А она – не проститутка, а университетский профессор. «*Я физик. Читаю выпускному курсу квантовую теорию относительности. По договору с «Приз лабораториз» вместе с другими учеными занимаюсь исследованиями кварков»* [6, с. 12].

Именно такая экспозиция героев строится в романе и приводит к сложным взаимоотношениям между ними.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что изначальное представление главных героев друг о друге очень разнится с тем, какие герои на самом деле. И именно это ложное мнение является основой конфликта в романе. Также прослеживается влияние второстепенных персонажей на мнение главных героев друг о друге. Тем самым система персонажей очень важна для изучения и понимания произведения, начиная с описания героев автором или через призму других персонажей и заканчивая собственным анализом и восприятием персонажей читателем.

Литература

1. Гинзбург Л. Я. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – Л. : Сов.писатель, 1979 . – 222 с.
2. Зотов С. Н. Основы анализа системы персонажей литературно-художественного произведения [Текст] / С. Н. Зотов. – Таганрог, ТГПИ, 1991. – 27 с.
3. Композиция и сюжет художественного произведения. http://www.avtoram.com/kompozitziya_i_suzhet_hudozhestvennogo_proizvedeniya
4. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д.Тамарченко. – М. : Изд-во Кулаги ной ; Intrada, 2008. – 358 с.
5. Система образов в художественном произведенииhttp://free.megacampus.ru/xbookM0015/index.html?go=part-008*page.htm
6. Филлипс С. Э. Мой, и только мой : [Роман] / С. Э. Филлипс; пер. с англ. В. А. Вебера. – М. : АСТ МОСКВА, 2008. – 348 с.

Д.В. Ушкова, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. Б.П. Иванюк

АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ «ИДУЩИХ В НОГУ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (А. ГАЛИЧ, Б. СЛУЦКИЙ, В. КОРНИЛОВ)

Для русской литературы второй половины XX века характерен пристальный интерес к вопросу о свободе личности, о соотношении общего и частного в истории и в судьбе отдельного человека. Осмысление данной темы вынуждает обращаться как к личному опыту, так и к историческим событиям, литературе предшествующих поколений. Порой отдельные эпизоды и образы получают аллегорическое значение, разрастаются до изображения отвлеченной идеи.

К таким образам-аллегориям можно отнести образ «идущих в ногу», нашедший отражение в лирике А. Галича, Б. Слуцкого и В. Корнилова. Этот образ восходит к повести А. Куприна «Поединок»: «Если, например, на ученье субалтерн-офицер сбивался с ноги, он кричал, слегка заикаясь по привычке:

– От, из-звольте. Уся рота, ч-черт бы ее побрал, идет не в ногу. Один п-подпоручик идет в ногу» [3, с. 98].

Стихотворение А. Галича «Закон природы» [1, с. 56-57] относят приблизительно к 1963 году. Это стихотворение имеет подзаголовок «Подражание Беранже». Подзаголовок содержит в себе аллюзию, отсылая к образу автора сатирических песен, свидетеля Великой французской революции 1789 года Пьера Жана де Беранже.

Стихотворение состоит из четырех строф, содержащих тринадцать стихов, и четырех рефренов из четырех и (последний рефрен) пяти стихов. Первые восемь стихов тринадцатистишной строфы написаны ямбом. Ритм словно подчеркивает чеканный шаг

войска, аллитерация усиливает впечатление («Отп**р**авлен взвод в ночной дозо**р** / П**р**иказом ко**р**оля. / Выводит взвод тамбу**р**мажо**р**, / Т**р**а-ля-ля-ля-ля-ля!»). Но затем происходит сбой ритма, ямб сменяется хореем. Перемена ритма подчеркивается и последним рефреном, несколько измененным, состоящим не из четырех, а из пяти стихов:

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой-правой –
Кто как хочет!

Разговорная лексика, междометия, обращения («эй, горожане, прячьте жен», «черт возьми, какой красавец», «поверьте, ей-же-Богу») создают эффект непосредственного обращения рассказчика к слушателю, разговора, происходящего в данный момент. Подобный эффект присущ многим «Песням» Беранже, к которым и отсылает подзаголовок стихотворения, однако не является лишь их отличительной особенностью. Разговорная интонация, имитация непосредственной беседы восходит к сатирической традиции в устном народном творчестве, площадному театру и находит отражение в балладах Роберта Бернса, зонгах Бертольда Брехта.

Стихотворение пронизано авторской иронией. Идущий в ногу солдат, к примеру, изображен так:

Пусть в бою труслив, как заяц,
И деньжат всегда в обрез,
Но зато – какой красавец!
Черт возьми, какой красавец!
И какой на вид храбрец!

Данное стихотворение сюжетно, что не характерно для лирических жанров в целом, однако характерно для лирики Галича («Ошибка», «Старый принц», «Веселый разговор», «Королева материка» и т.д.). Детали сюжета абстрактны, лишены какой бы то ни было конкретики. Взвод, король – образы, принадлежащие некоему условному прошлому («давно в музей отправлен трон») условного государства. Подобная условность служит средством универсализации: она выводит на первый план аллегорический характер образов. Шагающий в ногу взвод символизирует общество, сплоченное единой идеологией. Единство создает впечатление силы и мощи («Проходит пост при свете звезд, / Дрожит под ним земля»), но в то же время является причиной неминуемой катастрофы. Шаг в ногу – это шаг в пропасть. «Закон природы» – стихотворение-притча, предостережение. По Галичу, крушение – неизбежный финал для общества, изгоняющего любое инакомыслие:

Давно в музей отправлен трон,
Не стало короля,
Но существует тот закон,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
И кто с законом не знаком,
Пусть учит срочно тот закон,
Он очень важен, тот закон,
Тра-ля-ля-ля!
Повторяйте ж на дорогу
Не для кружева - словца,
А поверьте, ей же Богу,
Если все шагают в ногу –

Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!

Иной взгляд на исторический процесс у Бориса Слуцкого. При этом Слуцкий, как и Галич, обращается к образу «идущих в ногу».

Стихотворение «Если вся рота идет не в ногу» [4, с. 94] также относят к шестидесятым годам, но уже, предположительно, ко второй половине шестидесятых (входит в сборник «Современные истории», вышедший в 1969 году; более точная датировка проблематична, поскольку Слуцкий, как правило, не указывал время написания своих стихов). В отличие от двух других стихотворений, рассматриваемых в данной статье, оно не содержит никаких элементов (заглавия, эпиграфа, подзаголовка) помимо собственно текста стихотворения.

В стихотворении Слуцкого, как и в «Законе природы» Галича, поэтическая речь максимально приближена к разговорной, создается ощущение беседы, протекающей здесь и сейчас. Однако данное стихотворение не имеет отношения к сатирической традиции. Отсутствует авторская ирония, иными средствами создается эффект разговора.

Стихотворение «Если вся рота идет не в ногу» написано верлибром и не имеет строфического деления. Разговорная интонация достигается и лексическим рисунком стихотворения, и его синтаксическим строем: нейтральная лексика вперемешку с военной терминологией, нарочитое косноязычие создают образ лирического героя, размышляющего над значимыми для него вопросами:

Лично мне, образно говоря,
хочется подойти к прапорщику,
представиться, попросить прощения –
мол, отрываю от дела...

Несмотря на кажущуюся конкретику (настоящее время, «прапорщик Иванов»), образы в стихотворении Слуцкого условны. Только средством универсализации служит не временная отдаленность, не условность времени и места, а типичность. Незаметный, средний, типичный человек – вечный субъект и неизменный объект истории – всегда вызывал пристальный интерес у Слуцкого. «Прапорщик Иванов» в мирообразе Слуцкого – фигура не менее символическая, чем средневековый рыцарь.

Если лирический герой Галича находится вне действия, он лишь повествует о прошлом и предостерегает, то лирический герой Слуцкого вовлечен в ситуацию. Он равен «прапорщику Иванову» и каждому солдату из его роты. «Сочинитель истории» не поучает, а фиксирует.

«Шаг не в ногу» – отступление от мнения, принятого большинством – у Слуцкого, как и у Галича, изображается как естественное, необходимое обществу и неизбежное явление:

Всегда не прав сочинитель
истории,
сочинивший историю,
где ни один прапорщик
никогда
ни на один шаг
не обгонял свою роту.

Но «шаг в ногу» – согласие с большинством – не мыслится абсолютным злом:

может быть, не права рота,
может быть, не прав прапорщик.

Представление Слуцкого о народных массах в истории в некоторой степени близко идеям Л. Н. Толстого, поэтому «шаг в ногу» не обязательно ассоциируется с официальной идеологией, согласие с большинством может быть искренним. Важными

становятся осознание и свобода выбора.

От этих двух стихотворений в корне отличается стихотворение В. Корнилова «Большие батальоны» [2, с. 207], написанное в 1988 году. В качестве эпиграфа Корнилов взял слова Вольтера: «Бог на стороне больших батальонов». Стихотворный текст – своеобразный ответ на эти слова.

Стихотворение состоит из пяти катренов, написанных трехстопным ямбом. Строгий ритм, напоминающий шаг марширующих на плацу солдат, создается также параллелизмом синтаксических конструкций и анафорой:

Они во всем едины,
Они не разделены,
Они непобедимы,
Большие батальоны.
Они идут, большие,
Всех шире и всех дальше.
Не сбившись, не сфальшивя:
У силы нету фальши.

Четыре катрена словно развивают идею Вольтера. Возникает образ несокрушимой силы. Аллитерация создает ощущение нарастания, приближения этой несокрушимой силы «больших батальонов»:

Хоть сила немуд**р**ена,
За нею власть и п**р**аво.
Большие батальоны
Всевышнему по н**р**аву
И об**р**етает имя
В их г**р**охоте эпоха,
И хо**р**ошо быть с ними,
А п**р**отив них быть плохо.

Однако пятый катрен, выражающий позицию лирического героя, противопоставлен первым четырем союзом «но»:

Но всю любовь и веру
Все ж отдал я не Богу,
А только офицеру,
Который шел не в ногу.

Лирический герой именно противопоставлен «идущим в ногу». Его позиция – не спор, не возражение, а противопоставление. В стихотворении читается: «да, но... ». Первые четыре катрена – объективное «да», последний – «но». И здесь ключевое отличие от взгляда Галича и Слуцкого: и у Галича, и у Слуцкого осмысление образа «шагающих в ногу» происходит в контексте осмысления исторических закономерностей, места человека в истории; у Корнилова акцент смещается, внимание приковано к личной позиции. И даже если исторический процесс («Бог», «сила») на стороне массы, за лирическим героем остается право на «но».

В стихотворении Корнилова намечается двойное противопоставление. Во-первых, явное противопоставление «большие батальоны – офицер, который шел не в ногу». Во-вторых, едва намечающаяся оппозиция «Бог (который “на стороне больших батальонов”) – Я (лирический герой)». Таким образом, Корнилов выходит за рамки осмысления места человека в историческом процессе и подходит к экзистенциальному вопросу о возможности отдельной личности противостоять законам мироздания.

При всем различии, в подходах трех авторов к осмыслению аллегорического образа «идущих в ногу» можно обнаружить общие черты. К таким чертам относится

тяготение к абстрактным образам, универсализации. Образ «шагающих в ногу» оказывается достаточно красноречивым, чтобы перерасти в аллегорию. Также заслуживает внимания тот факт, что позиция лирического героя не подразумевает включенности в множество «идущих в ногу»: он либо над ситуацией (как герой Галича), либо является объективным наблюдателем, в равной мере взаимодействующим как с массой «идущих в ногу», так и с одиночкой, который «не в ногу» (как герой Слуцкого), либо позиционирует себя на стороне одиночки «офицера, / который шел не в ногу» (как лирический герой Корнилова).

Литература

1. Галич А. Стихотворения и поэмы / А. Галич. – СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект»; Издательство ДНК, 2006. – 386 с.
2. Корнилов В. Избранное / В. Корнилов. – М. : Советский писатель, 1991. – 352 с.
3. Куприн А. Поединок / А. Куприн. – М. : Мартин, 2014. – 384 с.
4. Слуцкий Б. Собрание сочинений: в 3 т. – М. : Худ. лит., 1991. – Т. 2. – 574 с.

Лхагва Хулан, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н., доц. В.Н. Гуреев

ЛЮБОВНАЯ ИНТРИГА В РОМАНАХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Любовная интрига с давних пор является одним из наиболее распространённых объектов изображения в литературных произведениях. Однако в разных художественных системах и у разных авторов используется она по-разному. В связи с этим интересно проследить, как использует любовную интригу в своих романах М.Ю. Лермонтов.

Именно любовная интрига образует основную сюжетную линию в раннем незавершённом романе Лермонтова «Княгиня Лиговская». Материалом для этого романа Лермонтову послужили события его личной жизни и наблюдения над петербургским светом.

Главный герой романа – молодой дворянин Жорж Печорин пережил душевную драму: обстоятельства на время разлучили его с молодой девушкой Верочкой, которая нравилась ему, но по какой-то причине не смогла продемонстрировать взаимность своего чувства. И тогда Печорин начал волочиться за немолодой незамужней петербургской дамой Елизаветой Николаевной Негуровой. Причин было две: во-первых, тайная досада на Верочку, а во-вторых, желание заставить весь петербургский свет обратить на себя внимание.

Для завоевания сердца опытной светской дамы герой проявляет изрядную долю хитрости. «Как по нотам разыгрывает Печорин задуманную игру с Негуровой – и остаётся победителем» [6, с. 137]. Ведь в конечном счёте «этот замысел имеет целью не покорение "стареющей кокетки", но завоевание света. Хладнокровной победой над женским сердцем вопреки своей некрасивой внешности он хочет доказать незаурядность и силу своей личности – безотказное действие своей несгибаемой воли, смелость и математическую рассчитанность тактических ходов, искусство нанесения молниеносного удара при тщательном соблюдении приличий…» [6, с. 138-139]

А тем временем слухи об отношениях Печорина и Негуровой, как видно, дошли до Верочки, и через полтора года Печорин узнаёт, что она вышла замуж, а ещё «через два года приехала в Петербург уже не Верочка, а княгиня Лиговская и князь Степан Степаныч» [3, с. 277].

Появление Веры вызывает у Печорина желание немедленно порвать отношения с Негуровой, но сделать это так, чтобы вина за это ни в коем случае не легла на него. Для этого Печорин придумывает оригинальный тактический ход: он пишет Негуровой анонимное письмо, в котором содержится крайне отрицательная характеристика Печорина как человека. После получения такого письма Негурова больше не пожелала даже и видеть Печорина. «Это был жестокий удар для Елизаветы Николавны, которая почувствовала, что лишается своего последнего кавалера, ибо остальные молодые люди, видя, что Печорин занимается ею исключительно, совершенно её оставили» [3, с. 266**].**

Безусловно, во всей этой истории проявились такие далеко не лучшие качества Печорина, как эгоистическое безразличие к судьбе Негуровой и способность ради достижения поставленных перед собой целей доходить до жестокостей. Однако автор пытается дать понять читателю, что вина за это в немалой степени лежит и на светском обществе, которое для достижения победы предлагает именно такие «правила игры».

Повышенным вниманием к любовной интриге отмечено и другое крупное произведение Лермонтова – его роман «Герой нашего времени».

В ряду прочих образующих роман повестей особенно выделяется в этом отношении повесть «Княжна Мери». Есть все основания именно её считать своеобразным логическим продолжением первого незавершённого романа. Это чувствуется уже по перекличке самих названий: «Княгиня Лиговская» – «Княжна Мери». Здесь мы вновь сталкиваемся с героем по фамилии Печорин, но действующим уже не в светском салоне, а на просторах Кавказа, где большей частью и оказывались в те годы разные «беспокойные элементы русского дворянского общества» [6, с. 211].

И опять Печорин предстаёт как сознательный организатор событий, действующий расчетливо, продуманно и целеустремлённо. «Его отношения с Мери – доведенная до своего крайнего и по-печорински последовательного выражения светская "наука страсти нежной", утонченная и жестокая игра в любовь, поединок, в котором побеждает наименее поддающийся искренним порывам человеческого сердца. Здесь сказывается вся мера светской испорченности Печорина, хотя тут же проявляется и другая, более глубокая сторона его личности – способность искренне увлекаться малейшими проблесками и в человеке красоты внутренней, душевной» [7, с. 103]. Ведь Мери, несмотря на все свои наивно-романтические порывы, не лишена и многих достоинств. Она «знает алгебру», читает по-английски Байрона, внутренне готова встать выше светских предрассудков. Но её жизненная неопытность делает её беззащитной перед Печориным, который «действует обдуманно, взвешивая каждый свой шаг, почти безошибочно предвидя ответную реакцию, заранее выбирая время, обстоятельства, при которых удар окажется более эффективным, "пагубным" для княжны. События развиваются быстро и с нарастающим напряжением» [2, с. 279].

«Все разговоры Печорина с княжной Мери, – справедливо подмечает один из исследователей романа, – являются звеньями одной цепи, ходами шахматиста, превосходно разыгрывающего с партию. <…> Печорин выиграл партию не одним ходом. Он методично, четко и продуманно разыгрывал свою роль» [2, с. 274].

«Больно задев самолюбие девушки еще до знакомства, Печорин озадачивает её теперь сложными тактическими поворотами: то являет «самый покорный вид» и оказывает ей подчеркнутое внимание, то допускает дерзкие выходки, то задевает любопытство своими умными и действительно интересными историями, то разыгрывает притворное огорчение по поводу её подчеркнутого внимания к Грушницкому и столь же подчеркнутой сухости по отношению к нему» [4, с. 210].

«Добиваясь любви девушки, рассудочный и жестокий обольститель волнует её неопытное сердце горькой исповедью, пожимает руку на бале, неожиданно и дерзко це-

лует у переправы, создает затем режим искусственного молчания, наконец, добивается признания и в ответ на слова любви бросает убийственно-холодное: «Зачем?» [4, с. 211]

За исключением повести «Максим Максимыч» любовная интрига в той или иной степени присутствует во всех повестях, образующих роман «Герой нашего времени». На основании этого исследователь Э. Гернштейн сделал заключение: «Если мы любовную интригу условно будем считать каркасом, на котором держится это собрание повестей, то получим донжуанский список Печорина, представленный аналитически» [1, с. 45]. И наряду с Мери и Верой одним из главных в этом ряду должно стоять имя Бэлы.

Молодая черкешенка также стала жертвой печоринского самоволия и эгоизма. «Печорин жертвует для Бэлы всем – и дружбой, и честью, и жизнью готов пожертвовать, раз уж взбрела ему на ум идея: во что бы то ни стало заполучить красавицу-княжну. И лишь одно звено оказывается утраченным в длинной цепи предприятий ради обладания женщиной: ни разу не задумался Печорин о том, будет ли счастлива Бэла с ним – человеком, чьё сердце навсегда останется для неё загадкой?» [5, с. 202]

Но вместе с тем Бэла оказывается не только объектом интриги со стороны Печорина. Она сама является также и субъектом интриги в отношении Печорина, которого она любит, но поначалу усиленно (умышленно) скрывает свои чувства. Подсознательно она не может не понимать, что тем самым она способствует разжиганию страсти со стороны Печорина. Однако выдержать всю игру до конца Бэла не сумела. Сильное, искреннее чувство взяло верх, и она бросилась на шею Печорину в страхе потерять своего любимого.

В целом исследование вопроса об использовании любовной интриги в романах Лермонтова позволяет сделать следующие наблюдения и выводы.

Любовная интрига, с одной стороны, выполняет сюжетообразующую функцию, а с другой стороны, является одним из средств раскрытия личностных качеств героя.

В романах Лермонтова присутствуют два вида любовной интриги: во-первых, интрига, в которой герои проявляют много хитрости и изобретательности, но мало чувства, и, во-вторых, интрига, в которой герои находятся целиком во власти чувства и не стремятся хитрить и обманывать ни себя, ни других.

Если говорить о сюжетной линии Печорин – Мери, то любовная интрига в повести «Княжна Мери» отличается высочайшей продуманностью действий главного героя, полной победой рационализма над живым чувством. Причём в понимании Лермонтова это одновременно является и виной, и бедой героя. Наличие же в повести линии Печорин – Вера даёт возможность увидеть в душе Печорина то, тщательно скрываемое, что делает его положение в жизни поистине трагическим.

«В любви Печорин искал исцеление и покой, но не находил. Женщины – история с Бэлой, княжной Мери – лишь попытка уйти от скуки и бездействия, попытка как-то разнообразить, наполнить содержанием унылую, безрадостную повседневность» [2, с. 287].

Литература

1. Герштейн Э. Г. «Герой нашего времени» Лермонтова / Э. Г. Герштейн. – М. : Худож. лит., 1976. – 125 с.

2. Григорьян К. Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени» / К. . Григорьян; Акад. наук СССР, Ин-т. рус. литературы (Пушкинский Дом). – Л. : Наука, 1975. – 345 с.

3.Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. – М. : Изд-во «Худ. литература», 1965. – Т. 4. –518 с

4. Лисенкова Н. А. Мотивационная сфера романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (повесть «Княжна Мери») / Н. А. Лисенкова // Творчество М. Ю. Лер-

монтова / Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского. Сер. Филологическая, Вып. 10 – Пенза, 1965. С. 170 – 224.

5. Марченко А. М. С подорожной по казенной надобности: Лермонтов: роман в документах и письмах / А. М. Марченко. – М. : «Книга», 1984. – 333 с.

6. Михайлова Е. Н. Проза Лермонтова / Е. Н. Михайлова. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. –390 с.

7. Удодов Б. Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» : кн. для учителя / Б. Т. Удодов. – М. : Просвещение, 1989. – 191 с.

Е.А. Шедогубова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. М.К. Попова

РОМАН М.Л. СТЕДМАН «СВЕТ В ОКЕАНЕ» КАК БЕСТСЕЛЛЕР, МЕЛОДРАМАТИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИИ

Целью данной работы является выявление мелодраматических приемов в романе М.Л. Стедман «Свет в океане».

«Свет в океане» (2012, «TheLightBetweenOceans») принадлежит перу нашей современницы и еще не был в достаточной мере изучен специалистами. Это дебютный роман австралийской писательницы М. Л. Стедман. «Свет в океане» принес автору успех, в первую очередь, потому что в романе поднимаются вечные темы: добро и зло, проблема выбора, чувство долга, неотвратимость последствий сделанного, жертвы во имя любви. Наиболее волнующе представляется проблема материнской любви, которая не может оставить читателя равнодушным. Роман охватывает довольно большой временной промежуток, уделяется внимание и проблеме послевоенной адаптации человека. Ведь Первая мировая война оставила свой разрушительный след и в судьбах жителей такого, казалось бы, отдаленного материка, как Австралия.

К числу издательств, которые в 2012 г. первыми опубликовали «Свет в океане» относят: «Scribner», «VintageBooks», «Doudleday».

Многие зарубежные СМИ положительно оценили роман. Так, «Свет в океане» моментально вошел в список бестселлеров «TheNewYorkTimes» и «TheBostonGlobe», газета «Sun-Herald»признала роман «главной книгой 2012 года». В том же 2012 г. члены ассоциации «Goodreads» назвали «Свет в океане» лучшим романом. Также «Свет в океане» являлся номинантом Дублинской литературной премии в 2014 г.

На русский язык роман переведен В.В. Антоновым, подготовлен к выпуску издательской группой АСТ в 2013 г. «Свет в океане» опубликован уже в 29 странах мира и продолжает завоевывать читательскую любовь. Можно предположить, что это только начало триумфа романа М.Л. Стедман, хотя уже сегодня его можно считать мировым бестселлером. К 2016 году компания DreamWorks планирует запустить в мировой прокат экранизацию.

Роман «Свет в океане» является ярким примером современного мелодраматизма. Напомним, что мелодрама – «канонический жанр драмы, сформировавшийся в западноевропейской литературе к концу 18 века» [1, с.117]. Изначально понятие мелодрамы относилось к театру. На сегодняшний день мелодраму определяют как «жанр художественной литературы, театрального искусства и кинематографа, произведения которого раскрывают духовный и чувственный мир героев в особенно ярких эмоциональных обстоятельствах на основе контрастов: добро и зло, любовь и ненависть» [2, URL]. Для выявления признаков мелодраматизма в анализируемом произведении мы воспользовались работой С. Д. Балухатого «Поэтика мелодрамы» (1990 г.). По мнению ее автора, «мело-

драма принадлежит к числу устойчивых драматических форм с резко определившимся основоположным эстетическим принципом, с «чистыми» драматическими элементами и их откровенной игрой, с отчетливой художественно-эффективной координацией композиционных приемов» [3, с. 30]. Литературовед считает, что основное эстетическое задание мелодрамы – вызывание «чистых и ярких эмоций» [3, с. 30]. Оно достигается и за счет выбора темы, и благодаря особенностям развития сюжета, и через систему персонажей и диалогов в произведении. Все это можно проследить и в романе «Свет в океане».

С.Д. Балухатый в «Поэтике мелодрамы» указывает, что «эмоциональная телеология» рассматриваемого нами жанра явлена, во-первых, **в сюжетных темах** (здесь и далее выделено мной – Е.Ш.). Персонажи попадают в такие ситуации, которые гарантируют переживания у читателей. Литературовед приводит в пример обычные сюжетные темы для мелодрамы: обвинение невиновного в убийстве, жертва козней, судьба беззащитной девушки. В анализируемом нами романе рассказана трагическая история смотрителя маяка Тома Шербурна и его жены Изабель после обнаружения ребенка и его мертвого отца в потерпевшем кораблекрушение ялике. Герои столкнулись с ужасными последствиями своего решения воспитывать ребенка как своего родного. Ситуация усугубляется тем, что Том, как человек ответственно выполняющий свой долг (записывать все происходящее на острове в вахтенный журнал), по сути, совершил преступление, когда не доложил о прибившемся ялике на «большую землю». Но герой поддался на уговоры своей любимой жены, чья самая заветная мечта – стать матерью. Еще почти в самом начале знакомства молодых людей читатель узнает о том, что юная Изабель видит смысл своей жизни в том, чтобы быть хорошей женой и матерью: *«Мечтаю – только не смейся! – чтобы у меня был хороший муж и много детей. Чтобы когда-нибудь в окно нечаянно угодил мяч и разбил стекло, а из кухни доносился вкусный запах готовящейся подливы. Девочки будут петь рождественские песни, а мальчишки – гонять в футбол… Не могу представить, как можно жить без детей»* [4, с. 59]. После этих слов тем более больно читать о трагической потере супружеской парой за короткий срок трех еще не родившихся детей. Том Шербурн переступил через свои должностные обязанности радиИзабель, хотя и это решение далось ему крайне нелегко.

С.Д. Балухатый также отмечает, что мелодраматизм выражается **на материале фактов, экспрессивно действующих на восприятие читателей**. Среди таких фактов, безусловно, тема войны, которая в любых интерпретациях не оставляет никого равнодушным и безучастным. Тема послевоенной адаптации затрагивается и М. Л. Стедман. Том Шербурн, один из главных героев романа, участвовал в Первой мировой. Его преследуют ужасные воспоминания о войне. *«Тома миновала судьба тех, кому снаряды рвали сухожилия на ногах или вспарывали живот, откуда вываливались кишки, похожие на ком скользких угрей. Его легкие и мозг не были превращены в кисель отравляющим газом. Но, как и у любого человека, прошедшего горнило войны, она оставила в душе незаживающие раны, накрывая тенью черного облака всю последующую жизнь»* [4, с.15]. Автор показывает в романе и судьбы тех мужчин, кто вернулся домой, но не вернулся к нормальной жизни. Один «*оставшись ночью с женой, не раздевается, а сворачивается калачиком на кровати и плачет»* [4, с. 25], другой выжил в «кровавой мясорубке», но ему оторвало обе ноги и снесло пол-лица, а из близких у него лишь пожилая мать. По мнению М. Л. Стедман, «*такие люди похожи на дырки в швейцарском сыре, в которых ничего нет»* [4, с. 26].

Мелодраматизм явлен **в речах и диалоге персонажей с экспрессивной и динамической установкой** («страстная» речь). Персонаж «обнажает» свои переживания. В связи с разворачивающимся сюжетом диалоги романа наполнены экспрессивной речью.

Например, встреча маленькой девочки, которую все же вернули истинной матери, Ханне, с Изабель, той, кого ребенок привык за несколько лет считать мамой. «*– Эта плохая тетя забрала меня, мама! Она меня ударила! – всхлипывала она, показывая рукой.– Ах ты, моя бедненькая! – Чувствуя, как малышка привычно обняла ее ногами за талию и пристроила голову у нее под подбородком, Изабель залилась слезами. Она не видела и не слышала ничего вокруг. Ханна в ужасе наблюдала за этой сценой, чувствуя унижение и отчаянную зависть…»* [4, с. 327]. В романе, как и в театральной мелодраме, часто используют **ремарки**, которые сопровождают речь. «Их число в любой мелодраме обширно, а лексическое разнообразие свидетельствует о поисках мелодраматургом ярких и несомненных тонов речи» [3, с. 37]. (*«– Все не так, Изз. – Он прижал ее голову к своей груди и принялся целовать волосы. – У нас еще будут дети. И когда их станет пятеро и они будут вечно вертеться под ногами, все случившееся покажется страшным сном»* [4, с. 90-91]*).*

По мнению С.Д. Балухатого, с которым трудно не согласиться, важную роль в создании мелодраматического эффекта играет конструкция сюжета, в котором либо происходит непрерывная смена счастливых и несчастливых моментов, либо ухудшение ситуации по мере развития сюжета, и лишь в конце герои достигают счастья. «Особую выразительную силу несет финал» [3, с. 33]. В анализируемом нами романе смена счастливых и несчастливых моментов представлена на примере многих персонажей: это и история семьи Грейсмарк, потерявших на войне двух сыновей, погибших практически в один день, и история Ханны Поттс (Ронфельдт). Финал романа доказывает существование добра и справедливости в этом мире.М. Л. Стедман сумела оправдать название романа: у каждого в жизни, действительно, есть свой маяк, свой «свет в океане». Читатель не останется равнодушным. Финал хоть и нельзя назвать трагичным, но он заставляет переживать за героев.

Мелодрама находится в поиске различных вариаций, поэтому она пользуется популярностью и развивается по сей день. После проведенного нами анализа можно с уверенностью говорить о том, что роман М. Л. Стедман «Свет в океане» является ярким примером использования мелодраматических приемов в современной массовой литературе.

Литература

1. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий [Текст] / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
2. ЛитПедия: литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL : URL:http://www.litpedia.ru/index.php/%D0%9C%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%B0 Дата обращения: 06.12.2014.
3. Балухатый С. Д. Вопросы поэтики [Текст] / С. Д. Балухатый. – Л. : Изд-во Ленингр. Ун-та, 1990. – 320 с.
4. Стедман М. Л. Свет в океане [Текст] : роман / М. Л. Стедман; пер. с англ. В. В. Антонова. – М. : АСТ, 2014. – 411 с.
5. Austlit: портал об австралийской литературе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.austlit.edu.au/austlit/page/C817946?mainTabTemplate=workPublicationDetails Дата обращения: 10.11.2014.

СЕКЦИЯ
«ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ»

В.В. Алешина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. С.М. Жданов

ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ТЩЕСЛАВИЯ КАК ФУНДАМЕНТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Ценности современного общества изменяются довольно стремительно, вместе с этим возникают некоторые проблемы. Одной из таких проблем является феномен обострённого тщеславия, который всё больше набирает обороты в социальной сфере. Есть несколько оснований, которые убеждают нас в том, что данный социальный феномен заслуживает особого внимания.

Сформулировать определение понятия тщеславия не составляет особого труда. Этот термин можно встретить как в этике, так и в психологии, в христианстве и т.д. Но нас больше всего интересует это понятие в рамках философии.

В общих словах, тщеславие – это человеческое желание бесконечного подтверждения своего превосходства над окружающими. На самом деле тщеславие – это более глубокое понятие, оно отражает сущность человека. Если данный феномен разобрать с философской, с экзистенциональной точки зрения, то можно утверждать, что тщеславие входит в фундамент человеческой личности. Делая вывод из всего вышесказанного, позволительно даже утверждать, что данное качество присуще абсолютно каждому человеку. Тщеславие заложено в нас на субстанциональном уровне.

Тезис о том, что тщеславие присуще каждому человеку, вызывает желание его оспорить, потому что есть категории людей, которым нечем выделиться. Например, чем может выделиться из окружающих людей человек без постоянного места жительства? На первый взгляд, кажется, что ничем. Но это не так. Человек без крова над головой *уже* выделен из серой массы, а при личной беседе ещё сможет доказать, что живёт лучше, чем состоятельный человек. Стоит отметить, что тщеславие способно руководить нами на бессознательном уровне. Индивид, который утверждает, что не обладает тщеславием, уже выделяет себя из окружающих его людей и автоматически попадает под действие этого социального феномена.

И. Гофман сравнивает тщеславие с театральной постановкой. Люди надевают маски, чтобы казаться лучше в глазах окружающих, но за «занавесом» они обнажены, и вряд ли кому-то удастся «заглянуть» за этот занавес [2].

В современном обществе тщеславие стало иметь иное, более приземлённое название «понты». Это более сложная форма тщеславия, но именно она обострила проблему разбираемого нами феномена. Индивид, который «понтуется», не способен сопоставлять свои желания и возможности. Не имея физических, интеллектуальных, финансовых средств, человек, своим желанием выделиться, доводит свои действия до абсурда. Он абстрагируется от своей реальной жизни и строит новую, не имея при этом ничего. В современном мире эти стремления становятся легко осуществимыми. Самым наглядным примером являются социальные сети, где мы можем наблюдать типичное состояние эскапизма. Индивид, создавая свой аккаунт, может приписывать себе что угодно, выдавая это за своё. Человек старается казаться не самим собою, а чем-то другим, а, следовательно, это другое он считает лучше себя [1, с. 298]. В мире есть множество примеров, когда люди, пытаясь выделиться, например, материально, но, не имея на это достаточно средств, тратят последние гроши, а потом полгода не могут, как говорится, «свести кон-

цы с концами». Самым удивительным в этой ситуации является то, что зачастую людям, на которых пытаются произвести впечатление, абсолютно всё равно.

Таким образом, мы приходим к нелепому выводу, что человек тратит средства, которых у него нет, чтобы удивить людей, которые проявляют по отношению к нему безразличие. Возникает вопрос, а для чего человеку эти неудобства, если его старания не будут оценены по достоинству? Ответ прост: наше тщеславие, которому нет границ.

Вообще крайне глупо лишаться чего-либо внутри себя с тем, чтобы выиграть вовне, т.е. жертвовать покоем, досугом и независимостью – целиком или в большей части – ради блеска, чина, роскоши, почёта или чести [1, с. 51].

Как уже было сказано выше, тщеславие способно привести человека к состоянию эскапизма. Самое интересное заключается в том, что эскапизм одного человека может привести к иллюзорности и искажённости восприятия окружающих его людей. К примеру, небогатый человек, который пытается сделать вид, что он состоятельный, может ввести в заблуждение остальных людей. В итоге, в абстрагированном от реальности состоянии находится как сам индивид, так и его знакомые. Отсюда следует, что люди всё время должны приглядываться друг к другу и понимать, где лицемерит собеседник, а где искренен [2, с. 188-196].

Иногда тщеславному человеку удаётся «зацепить» окружающих и «толкнуть» их на тропу зависти. В таком случае возникает три варианта развития событий:

1) Ненависть. Это самый неудачный вариант, но он имеет место быть. Зависть поглощает человека до такой степени, что возникает новое чувство – ненависть.

2) Понты. Человек задаёт себе невыполнимые задачи и всеми силами пытается их осуществить, «подкармливая» тем самым своё задетое тщеславие.

3) Развитие. Самый лучший вариант. Успешность другого человека (пусть даже и иллюзорная) стимулирует нас добиваться большего.

Принято считать, что лень – это двигатель прогресса. В современном же обществе это утверждение немного исказилось. Теперь и жаргонное понятие «понты» тоже стало двигателем прогресса. Мировые производители стали всё больше угождать воспалённому тщеславию всего человечества. Пластическая хирургия с каждым годом всё больше и больше поражает нас своими возможностями, производство гаджетов по всему миру достигло своего апогея, разработка новых функций салона автомобиля иногда доходит до абсурда, список таких примеров можно продолжать до бесконечности. Люди уже не желают довольствоваться малым, они хотят быть на шаг впереди, даже если не имеют для этого возможностей.

Таким образом, может возникнуть вопрос: почему именно сейчас проблема тщеславия так актуальна? На самом деле эта проблема была релевантна всегда, она проходит красной нитью по всей истории человечества. Особенно ярко это выражено в условиях сословного общества. Конечно, бывали исключения, когда люди отказывались от своего статуса, авторитета, привилегий сознательно. Они, таким образом, пытались отказаться и от тщеславия, но, к сожалению, всё равно весь этот процесс замыкается именно на нём. Отличным примером являются киники в Древней Греции. Несмотря на их «собачий» образ жизни, в их действиях можно обнаружить некоторого рода превосходство над остальными. Так почему же именно сейчас так остро стоит вопрос о тщеславии? Возможно, вся вина ложится на понятие «понтов». Люди разучились сопоставлять свои желания и возможности и поэтому впадают в бездну иллюзий. Амбициозность в современном обществе растёт всё выше и выше, но вместе с тем приводит к разочарованию, когда поставленные цели оказываются невыполнимыми, а жалкие попытки их достижения – смешными.

Из всего вышесказанного становится очевидным, что тщеславие – это феномен, который входит в фундамент нашей личности. Оно может быть неосознанным, а может быть сознательным, толкающим нас на абсурдные поступки, искажающим наше восприятие реальности. Тщеславие может показаться негативным явлением, но на самом деле, оно помогает нам осознать свою значимость. Но этим феноменом не стоит увлекаться, иначе мы опустим его до пошлости, до жаргонного понятия «понты».

Литература

1. Афоризмы житейской мудрости / Артур Шопенгауэр. – М : АСТ : Астрель, 2011. – 384 с.;

2. Представление себя другим в повседневной жизни / Гофман Ирвинг. – М. : Канон-пресс-ц, 2000. – 304 с.

В.Л. Алиханова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.и.н., доц. Е.И. Якушина

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (АНАЛИЗИРУЯ РАБОТЫ З.ФРЕЙДА)

Личность в настоящее время подвержена влиянию большого количества пагубных факторов. Со вступлением в век информационных технологий нагрузка на психику человека возрастает во много раз. Несомненно, каждый из нас сталкивался с эмоциональным и физическим напряжением, связанным с перегруженностью информацией. Результатом этого становятся сердечно-сосудистые заболевания, заболевания мозга и депрессии. Всемирная организация здравоохранения отмечает, что депрессия уже вышла на первое место в мире среди причин неявки на работу, на второе – среди болезней, приводящих к потере трудоспособности. В целом депрессия является второй ведущей причиной инвалидности в мире и диагностирована примерно у 4 процентов населения земного шара. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения к 2020 году депрессия выйдет на первое место в мире среди всех заболеваний, обогнав сегодняшних лидеров – инфекционные и сердечно-сосудистые заболевания. [4, URL]. Невозможно отрицать, что эта проблема стоит чрезвычайно остро и нуждается в скорейших мерах по ее разрешению. Все эти факторы создают трудности в реализации современной личности. Чтобы предпринять соответствующие меры, необходимо разобраться, в чем состоят причины такого положения дел в современном мире. Обратимся к исследованиям Зигмунда Фрейда, который посвятил несколько своих работ вопросам реализации личности.

В XX столетии Фрейд открыл принципиально новую науку – психоанализ, разработал инновационную систему методов анализа психической деятельности. В чем же ученый видел проблему реализации личности, и какие идеи ученого могут помочь адаптации личности в современных условиях?

Первую причину внутриличностных проблем, приводящих к трудностям самореализации, Фрейд видел в культуре, а именно, в культурных запретах. Ученый считал, что человек по природе своей существо агрессивное. Он обладает набором естественных разрушительных желаний, стремлением к агрессивности и инстинктом смерти, который носит название Танатос. Культурные нормы налагают запрет (табу) на действия, продиктованные данными влечениями, т.к. они несут серьезную угрозу целостности общества, а это делает личность априори несвободной. Свобода каждого человека жестко ограничивается нормами культуры. Стремление к свободе, таким образом, направлено либо против определенных форм и притязаний культуры, либо против культуры вообще.

[2, с.21] В результате человек прибегает к переносу, вытеснению своих естественных желаний на другие виды деятельности. Для обозначения этого феномена Фрейд вводит понятие сублимации. Так, культура оказывается источником страданий. Наконец, нельзя не заметить самого важного – по мнению Фрейда – насколько культура строится на отказе от влечений, настолько предпосылкой ее является неудовлетворенность (подавление, вытеснение или что-нибудь еще?) могущественных влечений [2, с. 23]

Вторую причину проблем Фрейд усматривает в самой природе человека. Ученый считает, что данная нам жизнь слишком тяжела, она приносит нам слишком много боли, разочарований, неразрешимых проблем. Чтобы ее вынести, нам не обойтись без облегчающих средств [2, с. 9]. В человеке природой заложено стремление к счастью и удовольствию, однако этому противится весь окружающий его мир. То, что в строгом смысле слова называется счастьем, проистекает, скорее, из внезапного удовлетворения, разрядки достигшей высокого уровня напряжения потребности. По самой своей природе это возможно только как эпизодическое явление. Как считал Зигмунд Фрейд, любое постоянство, длительность ситуации, страстно желательной с точки зрения принципа удовольствия, вызывает у нас лишь чувство равнодушного довольства. Мы устроены таким образом, что способны наслаждаться лишь при наличии контраста и в малой степени самим состоянием. Так что возможности нашего счастья ограничиваются уже нашей конституцией [2, с. 10].

Обратимся снова к социально-психологическим проблемам реализации личности в настоящее время. Постиндустриальное общество принесло человеку массу новых норм и ограничений, регулирующих его поведение. Человек вынужден накладывать табу на целый ряд потребностей. Новые требования при трудоустройстве, необходимость следования стандартам НТП, новые социальные роли, развитие культуры – все это заставляет отказываться от того, что человек мог позволить себе ранее. Результатом этого становятся неврозы, как индивидуальные, так и коллективные. Все это является ярким доказательством правоты Фрейда. Причина данного рода психологических проблем заключается именно в ограничениях, запретах, вытесненных эмоциях и влечениях.

Фрейд не видел выхода из данной ситуации. Если человек откажется от следования предписаниям культуры, то общество окажется на грани развала. Вырвавшаяся агрессия приведет к конфликтам и распаду социальных институтов. Если же он продолжит следовать им, то будет обречен на постоянное страдание. А выход из этой сложной ситуации может быть найден с помощью того, что сам Фрейд называл сублимацией. Все накопившееся напряжение и неудовлетворение личность может трансформировать в любимые виды деятельности, ведь недаром психологи подчеркивают важность наличия у человека хобби. Это может быть творчество, где отрицательные эмоции могут вылиться в гениальные произведения искусства, или религия, в которой человек может найти универсальные ответы на животрепещущие вопросы. Фрейд не единожды подчеркивал, что именно религия и искусство сглаживают страдания и неудовлетворенность жизнью.

Таким образом, главную проблему реализации современной личности мы видим в многочисленных нормах и ограничениях, накладываемых на нее действительностью. Избежать при этом депрессий и нервных расстройств оказывается практически невозможным, однако сгладить пагубное влияние этих факторов вполне можно, сублимировав отрицательную энергию в альтернативные виды деятельности.

Литература

1. Фрейд З. Будущее одной иллюзии / З. Фрейд. – Москва : Изд-во «АСТ», 2011. – С. 94 -142

2. Фрейд З. Недовольство культурой / З. Фрейд. – Москва : «Олимп», 1997. – 192 с.

3. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд. – СПб. : «Азбука-классика», 2005. – 380 с.
4. Всемирная организация здравоохранения. – URL : http://www.who.int.ru

О.Р. Боева, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. О.Б. Мазкина

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТЕЙ С АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Человек как биосоциальное существо нуждается в процессе социализации. Социализация – это процесс усвоения человеком социальных ценностей, норм, моделей поведения, принятых в обществе. [4, с. 587]. Без процесса социализации человек не может стать личностью, потому что у него не формируются социальные качества. Но определенные категории людей могут стать жертвами социализации. Неблагоприятные условия и игнорирование обществом определенных особенностей и потребностей личности могут негативно повлиять на её развитие. К категориям людей, у которых возникают трудности в данном процессе, относятся личности с акцентуациями характера.

Акцентуация характера – понятие, введенное К. Леонгардом и означающее чрезмерную выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющую крайние варианты нормы, граничащие с психопатиями [1, с. 27]. Наиболее ярко акцентуации характера выражены в подростковом возрасте. Люди с акцентуациями характера являются группой риска при возникновении психических расстройств, поскольку они уязвимы к неблагоприятным условиям среды. Ярко выраженные черты характера часто мешают человеку адаптироваться к социуму. Из-за особенностей акцентуаций таким людям тяжело устанавливать межличностные контакты. Необходимо понимать, что акцентуации несут не только отрицательные, но и положительные характеристики. Если личность с акцентуацией попадает в неблагоприятную среду, то это усиливает риск её асоциального и делинквентного поведения. Если же создаются благоприятные условия для развития, то акцентуированная личность может добиться значительных успехов. Поэтому так необходимо учитывать особенности акцентуаций характера. Знания об акцентуациях позволяют педагогам и родителям найти оптимальный подход к развитию ребенка, снизить риск неблагоприятных факторов и способствуют раскрытию его потенциала. Далее мы рассмотрим трудности в социализации, которые могут возникать у людей с различными акцентуациями характера, опираясь на классификацию К. Леонгарда.

Демонстративная акцентуация. Главными чертами этого типа акцентуации являются чрезмерная жажда внимания, эгоцентризм, желание выделиться на фоне других. Люди с этим типом акцентуации требуют восхищения и не переносят, когда на них не обращают внимания. Когда их достижения начинают систематически игнорироваться, они начинают обращать на себя внимание неприемлемым поведением. Для них даже негативное внимание является лучшим результатом, чем они просто останутся незамеченными.

Педантичная акцентуация. Для людей с этим типом акцентуации характерны такие черты, как добросовестность в делах, стремление к аккуратности и порядку, медлительность и нерешительность. Они продумывают все до мелочей и переживают, если что-то идет не по плану. Консервативны и не любят резких перемен в жизни. Поэтому очень тяжело переносят перевод в другую школу или смену места работы. Плохо чувствуют себя в тех ситуациях, где надо нести повышенную ответственность и самостоятельно принимать решения.

Застревающий тип. В основе застревающего типа акцентуации лежит высокая стойкость аффективных реакций. Люди этого типа очень долго переживают обиду, осо-

бенно когда задеты их гордость и самолюбие. Они очень чувствительны к социальной несправедливости, из-за чего могут страдать от мнимого плохого отношения к себе. Для них характерно формирование сверхценных идей и следование им до конца. К. Леонгард подчеркивает, что «Застревающая личность при неблагоприятных обстоятельствах может стать несговорчивым, не терпящим возражений спорщиком, но если обстоятельства будут благоприятствовать такому человеку, не исключено, что он окажется неутомимым и целеустремленным тружеником» [2, с. 20].

Возбудимый тип акцентуации характеризуется склонностью к агрессивности, импульсивности, раздражительности и слабым контролем эмоций. Носители данной акцентуации испытывают значительные сложности в социальном взаимодействии, поскольку бывают нетерпимы к другим. Склонны часто провоцировать конфликты, поэтому очень трудно уживаются в коллективе. Этот тип акцентуации наиболее предрасположен к делинквентному поведению, чем остальные. В спокойной обстановке, где интересы личности не ущемляются, можно добиться сглаживания черт этого характера.

Гипертимическая акцентуация характеризуется повышенным настроением, жаждой деятельности, общительностью. Обратной стороной этой акцентуации являются такие черты, как беспечность, беззаботность, несерьезный настрой к проблемам. Эти люди склонны не доводить дело до конца, не могут выполнить работу, которая требуют тщательности и усердия. При обучении в школе часто бывают неусидчивыми, являясь нарушителями дисциплины. Из-за этого могут возникать конфликты с учителями и родителями.

Дистимическая акцентуация. Для людей с этим типом акцентуации характерно пессимистическое восприятие действительности, сконцентрированность на мрачных аспектах жизни, подверженность депрессии, сильная этическая позиция. Человек с этим типом акцентуации производит на группу гнетущее и мрачное впечатление из-за чего та часто не принимает его. Из-за этого он начинает замыкаться в себе и сторониться остальных людей. Но в то же время нуждается в поддержке и понимании остальных людей, поэтому ему необходим узкий круг лиц, которым бы он доверял и где бы он мог полностью раскрыться.

Циклотимический тип. У людей с этим типом наблюдается циклическая смена настроения. В приподнятом настроении проявляют гипертимные черты, в пониженном – дистимные. В детстве эту акцентуацию трудно выявить, т.к. дети с ней ведут себя как гипертимы. Но в подростковом возрасте начинается субдепрессивная фаза, что значительно усложняет процесс социальной адаптации. Эти люди в периоды спадов настроения нуждаются в уединении. Для них непереносимы эмоциональные перегрузки и однообразность жизни.

Экзальтированная акцентуация. Для этой акцентуации характерна интенсивная эмоциональная реакция на события. Представители этого типа обладают яркими, искренними чувствами, развитой способностью к эмпатии, склонностью к искусству. Тяготы жизни могут приводить их в полное отчаяние. Дети с такой акцентуацией очень сложно адаптируются, если попали в среду сверстников с низким культурным уровнем.

Тревожный тип. Для этого типа характерна повышенная тревожность, боязливость, беспокойство. У детей с этим типом акцентуации страх может достигать крайней степени. Если ребенок при этом находится в неспокойной обстановке, то страхи перерастают в фобии. В коллективе сверстников они часто играют роль «козлов отпущения», поскольку те достаточно быстро распознают их беззащитность. Такие дети робеют перед учителями, и если учитель строг с таким ребенком, то страх только усугубляется.

Эмотивный тип. Характеризуется добросердечностью, мягкостью, впечатлительностью, повышенной сентиментальностью. Люди с таким типом акцентуации более чем

остальные нуждаются в сочувствии и сопереживании. Болезненно переносят грубое и жестокое обращение. Игнорирование, черствость в общении, эмоциональная холодность могут стать толчком на путь делинквентности. С представителями данного типа акцентуации необходимо быть эмоционально отзывчивыми, чуткими и мягкими.

Таким образом, несмотря на все трудности, с которыми сталкиваются люди с акцентуациями характера, наблюдается положительная тенденция к их социальной адаптации. Используя знания о психологических особенностях той или иной акцентуации можно создать благоприятные условия для развития таких личностей. К. Леонгард говорил по этому поводу следующее: «В акцентуированных личностях потенциально заложены как возможности социально положительных достижений, так и социально отрицательный заряд. Некоторые акцентуированные личности предстают перед нами в отрицательном свете, так как жизненные обстоятельства им не благоприятствовали, но вполне возможно, что под влиянием других обстоятельств они стали бы незаурядными людьми» [2, с. 20].

Литература

1. Карпенко Л. А. Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – Феникс, 1998 – 431 с.

2. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 544 с.

3. Психология подростка. Полное руководство / под ред. А. А. Реана – М. : Прайм-Еврознак, 2008. – 512 с.

4. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция : Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов – М. : Советская энциклопедия, 1983 – 836 с.

Я.Н. Дёгтева, маг. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. А.А. Фаустов

СВЯЗЬ ФИЛОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Данная статья посвящена описанию связи филологии и психологии как гуманитарных наук на примере использования творчества Ф. М. Достоевского в психологической практике. Использование художественных произведений Ф. М. Достоевского в библиотерапии является практическим результатом написания магистерской диссертации, нацеленной на изучение феномена «чужого взгляда» в творчестве классика.

Рассматриваемая проблема, по сути, является междисциплинарной, находящейся на стыке филологии, психологии, философии, антропологии и предполагает в силу этого обращение к широкому спектру гуманитарных знаний. Методологической основой собственно литературоведческого компонента диссертации выступают работы известных отечественных и зарубежных исследователей Достоевского – М. М. Бахтина, Р. Л. Джексона, М. Джоунса, А. Б. Криницына, Д. Мартинсен и др.

Для достижения цели диссертационного сочинения необходимо решить ряд задач: проанализировать специальную литературу по проблеме; выявить в произведениях Достоевского элементы текста, относящиеся к феномену «чужого взгляда», и уяснить их частотное распределение; исследовать контексты встречаемости этих элементов и их семантическое наполнение; изучить сюжетные функции чужого взгляда и его проявление на уровне повествования; определить набор персонажей, которые втянуты в ситуацию наблюдения в качестве объектов и субъектов взгляда; обсудить полученные резуль-

таты. Как уже было сказано, планируется внедрение результатов исследования в психологическую практику (библиотерапия).

В системе приёмов и средств создания художественного образа, которую мы наблюдаем у Достоевского, важную роль выполняет поэтика взгляда [1]. Целесообразно отметить, что в нашей работе взгляд понимается в его узком смысле: только как направленность глаз на кого- или что-либо, взор.

Проблема чужого взгляда в вышеуказанном смысле волновала людей с незапамятных времён. Появилась она, вероятно, после того, как наши предки перешли от коллективного сознания к индивидуальному. Писатели освещали её в своих произведениях (вспомним хотя бы роман-антиутопию Дж. Оруэлла «1984», с его следящим за всеми Старшим братом), представители различных наук пытались изучать каждый под своим углом зрения.

Так, в психологии эта проблема рассматривается в исследованиях процесса общения, а также феноменов Я-концепции, самоотношения, самопрезентации, лжи и т.д.

В Отечестве и за его пределами создавались и создаются пособия, имеющие целью помочь человеку максимально верно понять, что думают о нём другие, содержащие рекомендации, как преподнести себя в выгодном свете, по каким мельчайшим деталям дифференцировать правду от неправды, распознать эмоции другого человека.

Если говорить об отечественных учёных-психологах, то здесь можно привести в пример А. А. Бодалёва [2]. Он проделал колоссальную работу в области психологии общения. В частности, перцепции и понимания человека как объекта познания. Изначально за рубежом, а сейчас и в России, люди, занимающиеся нейролингвистическим программированием, уделяют особое внимание взгляду не только в ходе работы, но и в частном общении с людьми. Как «отец» НЛП – Ричард Бендлер, – так и его современные последователи, утверждают, что нельзя недооценивать информативность взгляда. По направлению глаз можно определить, правду или ложь говорит человек, какого типа информацию он вспоминает – аудиальную или визуальную, да и вспоминает ли вообще, ведь есть вероятность, что он конструирует её, что называется, на ходу. Занимался толкованием невербального компонента общения (взгляда в том числе) и бывший агент по продажам из Австралии Алан Пиз, сейчас известный писатель. В многочисленных книгах по деловому общению содержатся разнообразные «ключи» к пониманию чужого взгляда.

Человек, владеющий техникой «чтения» чужого взгляда, может по-своему распорядиться этими знаниями. Часто цели использования этих техник выглядят благими: помочь человеку стать успешнее, лучше, обезопасить его от различных козней и т.п. По сути, получается: научить пользоваться другими людьми, выработать умение видеть подвох там, где его нет, или же так загрузить сознание этими рекомендациями, что о нормальной жизни можно будет только мечтать. Вспомним пособия такого типа как «НЛП для счастливой любви» Евы Бергер, где автор даёт гарантии, что девушка при помощи позитивного мышления и НЛП в короткий срок можно женить на себе любого мужчину, хотя задолго до появления этой книги было известно: «Насильно мил не будешь».

Естественно, не все работы на эту тему, которые мы видим на книжных полках и в сети Inernet, имеют под собой эмпирическую основу, есть и «произведения», написанные то ли по наитию, то ли ради получения известности. В любом случае, если подобное предают гласности, эти книги и статьи находят своих читателей. Ведь, как известно, спрос порождает предложение. Значит, эта тема актуальна. Следовательно, нельзя исключить её ни из науки, ни из обыденной жизни.

Даже такие простые и общеизвестные примеры подтверждают то, что интерес к этому вопросу не угасал никогда, несмотря на запреты и ограничения гласности. И в настоящее время мы наблюдаем сходную картину. Всё чаще в лентах новостей появляются сообщения о том, что нарушаются права человека на неприкосновенность частной жизни.

Многие люди чувствуют себя «под прицелом» чужого взгляда, начинают жить с оглядкой на «другого».

Каково же положение чужого взгляда-взора? Взгляд как взор в основном выражается с помощью описания глаз. Существует мнение, что глаза отражают сущность человека. В. О. Ключевский сказал: «Глаза – не зеркало души, а её зеркальные окна: сквозь них она видит улицу, но улица видит душу». И действительно, чужой взор не просто преследует героев Достоевского, он пронизывает их, имея целью проникнуть в их внутренний мир. Глаза, глазки, очи. Оловянные, грустные, огневые. Но как взгляды проникают внутрь намерений героя, так и эти чужие глаза проницаемы. Во взглядах выражается отношение, мнение, желание другого человека, которое может прочитать герой. Так, мы находим примеры этого в произведении «Униженные и оскорблённые» [3].

Персонажи Достоевского буквально общаются глазами, взгляды их чаще всего подвижны, не останавливаются. И это в высшей мере соответствует реальности. Кроме того, что глаза воспринимающего субъекта подвижны, по мнению ряда авторов, взгляд субъекта восприятия постоянно возвращается к глазам партнёра по общению. Все эти особенности общения были описаны Ф. М. Достоевским задолго до их эмпирической проверки.

Таким образом, выбранный нами предмет исследования позволяет по-новому взглянуть на произведения, тщательно изученные литературоведами, и использовать результаты, полученные в ходе написания магистерской диссертации, в психологической практике в рамках библиотерапии. Библиотерапия привлекательна тем, что способствует и коррекции, и развитию личности одновременно [4]. Человек в ходе решения своих психологических проблем становится более грамотным, эрудированным, начинает ориентироваться не только в мире литературы, но и искусства в целом. По окончании курса библиотерапии мы видим более адаптированную, гармоничную и креативную личность. Поскольку консультативная работа с использованием элементов библиотерапии в моей психологической практике проводится в основном с россиянами, которые в силу своих этнических и культурных особенностей лучше воспринимают произведения отечественных писателей, по сравнению с зарубежными. Они для них ближе и понятней, меньше нуждаются в дополнительных комментариях и интерпретациях. Как следствие, терапевтический эффект достигается быстрее.

Итак, мы сможем не только внести определённый вклад в изучение творчества Ф. М. Достоевского, но и помочь людям, страдающим от реального или воображаемого присутствия чужого взгляда в их жизни.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин.– 4-е изд. – Москва : Советская Россия, 1979. – 316 с.

2. Бодалёв А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалёв. – Москва : Изд-во МГУ, 1982 . – 199 с.

3. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные : Роман : В 4 ч. с эпилогом / Ф. Достоевский ; Вступ. ст. П. Г. Пустовойта. – Москва : Советская Россия, 1984. – 366 с.

4. Дрешер Ю. Н. Библиотерапия: полный курс : учебное пособие / Ю. Н. Дрешер .– Москва : Изд-во ФАИР, 2007. – 558 с.

В.Е. Казмина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Наук. рук. – к.психол.н. преп. О.М. Бабич

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА В СЕМЬЯХ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Психология инвалидности в нашей стране остается мало разработанной. Исследования в этой области в основном касаются проблем детей-инвалидов, но практически отсутствуют данные об адаптационных способностях взрослых инвалидов и связи этих способностей со спецификой социально-психологического климата в их семьях. Семейная атмосфера может как способствовать интеграции инвалида в общество, так и быть препятствием его продуктивному развитию.

Семья остается практически единственным институтом социализации для людей с ограниченными возможностями, т.к. вхождение в другие группы для них зачастую оказывается затрудненным. Обладая специфическими функциями, семья обеспечивает взаимодействие личности и общества, определяет приоритеты и потребности в жизни ее членов [1]. Одной из важных особенностей, во многом определяющей отношение ребенка к себе, к окружающему миру и к другим людям, является социально-психологический климат в семье. Это характерный для той или иной семьи более или менее устойчивый эмоциональный настрой, который является следствием семейной коммуникации [2]. Он может быть благоприятным, неблагоприятным и удовлетворительным.

Для благоприятного социально-психологического климата характерны сплоченность, доброжелательная требовательность друг к другу, чувство защищенности, гордость за принадлежность к семье. В семье с благоприятным климатом царят любовь, доверие друг к другу, почитание старших, взаимное уважение, готовность понять другого и помочь ему. Для неблагоприятного социально-психологического климата характерны сниженный эмоциональный фон, закрытость семейной системы, нежелание проводить время вместе и др. [2].

Неблагоприятный семейный климат ведет к напряженности, ссорам, конфликтам, дефициту положительных эмоций. В самых тяжелых случаях такой климат ведет к распаду семьи.

Создание благоприятного климата в семьях с инвалидами – задача более трудная, чем в обычных семьях, ведь причин для негативных эмоций и напряженности, закрытости в окружении людей с ограниченными возможностями более чем достаточно.

На наш взгляд, именно психологический климат является основообразующей и центральной характеристикой благополучия и зрелости семьи.

В результате нашего исследования нами были выделены составляющие социально-психологического климата. Специфика этих компонентов применительно к семьям инвалидов состоит в следующем.

1. Семейная коммуникация: чаще всего общение между членами семьи сводится к обсуждению насущных и бытовых проблем, просмотров телевизионных передач. Нередко обсуждение того, как прошел день у каждого из членов семьи, игнорируется. Общение по поводу проведения досуга, обсуждение своих мыслей и чувств также сводится к минимуму.
2. Преобладающий эмоциональный фон: зачастую в таких семьях доминирует сниженный эмоциональный настрой. Причинами этому служат большое количество психологических и физических нагрузок, как следствие − нехватка ресурсов для общения и взаимодействия в семье, семейные конфликты, депрессии и др.

3. Стиль семейных отношений: гипоопека и гиперопека являются преобладающими стилями воспитания детей, а авторитарный и попустительский стили – доминирующими стилями взаимоотношений. Данные стили не создают предпосылок для создания благоприятной атмосферы в доме.

4. Направленность отношений: как правило, у самих инвалидов преобладает направленность на себя в связи с использованием гиперопеки как основного стиля воспитания, а у родителей – на деятельность (зарабатывание денег и обеспечение семьи, хозяйственная деятельность в доме, обеспечение должного медицинского и социального ухода за больными детьми). Направленность на взаимоотношения зачастую игнорируется, возможно, по причине дефицита внутренних ресурсов. В противоположность этому, семьи с благоприятным социально-психологическим климатом, как правило, способны использовать все виды направленностей отношений в зависимости от целей и необходимости.

5. Психотерапевтические ресурсы: в семьях лиц с ограниченными возможностями зачастую не происходит аккумуляции энергии для решения внезапных кризисов, т.к. вся энергия тратится на повседневные проблемы.

6. Способность удовлетворять потребности членов семьи: как правило, родители в таких семьях заняты тем, чтобы удовлетворять потребности больных детей, независимо от их возраста. При этом родители игнорируют свои потребности, часто в том числе и базовые.

7. Отношение к проблемам: нередко проблемы замалчиваются или отрицаются ради спокойствия людей с ограниченными возможностями, и тогда их близкие или сами решают все проблемы, или просто закрывают на них глаза.

8. Способность решать конфликты: существует тесная связь между отношением к проблемам и способностью решать конфликты, а также связь с психотерапевтическими ресурсами. Чем более затяжной конфликт, тем меньше остается ресурсов у семьи в целом и членов семьи в отдельности решить его. Чем дольше конфликт находится в латентной стадии, тем сложнее его решить.

Помимо выделенных компонентов социально-психологического климата, в нашем исследовании сравнивались семьи, имеющие в своем составе инвалидов, и семьи, не включающие в себя людей с ограниченными возможностями. По итогам были получены следующие результаты.

1. По результатам методики, направленной на изучение параметров эмоционального взаимодействия, мы выявили значимые различия между двумя выборками по таким параметрам, как эмпатия (высокий уровень встречается всего в 2 % семей инвалидов и в 34 % семей здоровых людей), безусловное принятие (низкий уровень наблюдается в 70 % семей инвалидов и в 24 % семей здоровых людей), преобладающий эмоциональный фон (низкий уровень этого показателя – в 66 % семей инвалидов и 18 % семей здоровых людей), оказание эмоциональной поддержки (высокий уровень встречается в 4 % семей инвалидов и 54 % семей здоровых людей) [3, с. 146].

2. По результатам методики, направленной на изучение условий, обеспечивающих благоприятный климат, мы также выявили значимые различия между выборками. Различия касались таких шкал, как доброжелательность (средние показатели по выборкам инвалидов и здоровых людей: 0,2 и 1,5 соответственно), открытость семейной системы (показатели в семьях инвалидов и семьях здоровых людей равны -1,3 и 0,3), желание проводить время вместе (показатели у инвалидов и у здоровых людей: 1,1 и 2,1 соответственно), уважение (-2,1 и 0,7 в семьях инвалидов и семьях здоровых людей соответственно) и чувство гордости за принадлежность к своей семье (показатели в семьях инвалидов и семьях здоровых людей равны 0,1 и 1,2 соответственно) [3, с.132].

По результатам проведенного исследования и анализа литературных источников можно заключить, что социально-психологический климат в семьях людей с ограниченными возможностями существенно отличается от климата в семьях здоровых людей. Создание благоприятного климата в таких семьях – задача более трудоемкая и долгосрочная, чем в обычных семьях. К сожалению, зачастую родителям эта задача оказывается не под силу, и поэтому в семьях инвалидов довольно часто преобладает неблагоприятный социально-психологический климат. Однако по словам В. Сатир, каждая проблемная семья может стать зрелой. «Большинство причин неблагополучия таких семей кроется в личном опыте каждого члена семьи, опыте, который он приобрел в течение жизни. А поскольку этот опыт есть результат научения, можно научиться жить иначе» [1, с. 245]. Изменяя атмосферу в семье, изменяется и мировоззрение, и поведение членов семьи во внешнем мире. При улучшении климата в доме повышаются адаптационные возможности людей с ограниченными возможностями, т.к. в их взгляде на окружающий мир уменьшается враждебность и тревожность, страх и беспомощность, и увеличивается доверие, уважение и любовь.

Литература

1. Сатир В. Как строить себя и свою семью / В. Сатир. – Москва : Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.
2. Шапарь В. Б. Практическая психология. Психодиагностика отношений между родителями и детьми / В. Б. Шапарь. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 432 с.
3. Шнейдер Л. Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов / Л. Б. Шнейдер. − Изд. 3-е. Москва : Академический Проспект; Екатеринбург : Деловая книга, 2007. – 768 с.

Ю.А. Качегина, студ. историко-филологического ф-та
Борисоглебского филиала ВГУ
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Т.В. Федорова

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIX ВЕКА: НАЧАЛО ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА В РОМАНЕ ДЖЕЙН ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»

Понятие «культурный код» в применении к художественному произведению может быть определено как система повторяемых обозначений с определенным смыслом, которые выявляются в процессе анализа текста. Культурный код неразрывно связан с таким понятием, как концепт. Концепт – это общая идея, универсалия, закрепленная в ментальности, в психике, в языке, воспроизводящая картину мира и определенные стереотипы поведения представителей того или иного этноса. К основополагающим константам английского общества можно отнести дом/очаг, свобода, приватность/частная жизнь, здравый смысл и др. Каждая из перечисленных констант содержат в себе огромный набор черт, которые могут дать представление о том, что те или иные константы представляют собой [4, с. 87]. Константа «дом» содержит в себе такие понятия, как «дом, жилище, домашний очаг, семья». Эта константа неразрывно связана с женщиной.

Английское общество викторианской эпохи навязывало женщине определенную социальную роль, с которой могли справиться не все представительницы прекрасного пола. Идеал женщины, соответствующий требованиям викторианской эпохи, основывался на понимании естественного предназначения. Соответственно, в литературе в культурный код женщины вошел образ кроткой, набожной, нежной и беззащитной красавицы, которая

становится спутницей жизни достойного молодого человека и составляет его счастье. Образ «идеальной» женщины представляет Джейн Беннет – одна из главных героинь романа «Гордость и предубеждение». Однако в этом произведении автор предпринимает попытки трансформировать этот культурный код, показывая другие образы: Элизабет, которая сочетает традиционные черты и проявление изменений в стереотипном поведении и отношении к мужчинам; Лидия – «бунтарка», которая нисколько не соответствует требованиям викторианской эпохи.

Невзирая на то, что Джейн Остин жила в обществе, где в ходу была «ярмарка невест», она едва ли не первой из английских романисток заговорила о том, что выходить замуж без любви безнравственно, что деньги никак не могут считаться единственным мерилом счастья. Те девушки, кто выходит замуж ради денег, должны отдавать себе отчет в том, что плата за комфорт, благополучие может оказаться слишком высокой – отчужденность, равнодушие, потеря интереса в жизни [2].

Вопросы брака, не только самого устройства жизни, но ответственности в выборе спутника и спутницы, которые несут родители и сами молодые люди, – одна из главных тем в «Гордости и предубеждении». Родители традиционно стремились поскорее выдать замуж дочерей, чему есть подтверждение в первой главе романа [2]. С замужеством женщина обретала свой собственный дом, уверенность в себе, уважение окружающих и признание в обществе. Даже в кругу собственной семьи она имела свой голос, только выйдя замуж. Не было хуже доли, чем доля старой девы, которая всегда являлась приживалкой в доме собственных родителей, братьев и сестер. Если девушка отказывала первому претенденту на ее руку из-за внешности, возраста или привычек, но он мог обеспечить семью и ходил в церковь, то ее осуждали не только родители, но и общество. В романе это подтверждает ситуация, когда Элизабет отказала мистеру Коллинзу в ответ на его предложение и вся семья осудила ее за это решение [2].

Родители постоянно заботились о замужестве дочерей, принципиально соблюдая очередность. Поступок Лидии в романе «Гордость и предубеждение», когда она бежала с любовником, обвенчавшись с ним позднее без ведома родителей, ставил под угрозу шансы на замужество ее старших сестер. Никто не хотел бы связывать себя с семьей, где дочери не повинуются отцу и чернят свою репутацию [2].

Джейн Остин имела единомышленников во взглядах на жизнь женщин. Однажды Джеймс, старший брат Джейн, и написал эпилог к одной из пьес, который был посвящен эмансипации и возрастающему влиянию женщин на мужчин:

«Хвала Творцу, то время миновало,
И женщина мужчине ровней стала.
Уже не отрицая пораженья,
Мужчины-мудрецы, «венцы творенья»… (1786 г. Джеймс Остин)

Существовали и те, кто думали иначе, считая брак хорошей сделкой. Беатриса Поттер, замечательная детская писательница викторианского периода, подошла к замужеству как к практической сделке. Она сама писала: «…каждый получил, что хотел: муж – домоправительницу и компаньонку, а я – детей и хозяйство в управление» [1, с. 127]. Иллюстрацией такого взгляда в романе Джейн Остин является брак Шарлоты и мистера Коллинза [2http://apropospage.ru/lib/osten/pride/pride1.html].

Девушка находилась в полной изоляции от внешнего мира и могла показать себя обществу только на службе в церкви или на балу, если ее старшие сестры уже вышли замуж. Девушке позволялось отказать жениху, если он не посещал церковь по воскресеньям. В таких условиях даже привлекательным девушкам встретить будущих мужей было довольно трудно, поэтому считалось лучшим вариантом, когда отец невесты сам выбирал ей жениха. Авторитет главы семьи и дома был непререкаемым, никто не мог ему перечить.

Жена не могла возразить, даже вставая на защиту собственных детей. Отцовские решения не обсуждались, и на материнское посредничество рассчитывали только в крайних случаях.

Представив положение женщин в Англии XIX века и сопоставив главную героиню романа со стереотипами английского общества викторианской эпохи, мы выявили особенности образа «новой женщины», стремящейся к свободе выбора, ломающей стереотипы общества относительно брака и относительно поведения девушки-бесприданницы в обществе. Она во всем имеет свое мнение, зачастую расходящееся с общепринятым. Элизабет Беннет отличается от викторианского идеала женщин независимостью духовного мира, свободой мыслей и чувств. Она постоянно занимается самообразованием, является страстной читательницей, обладающей хорошим литературным вкусом. Брак для нее возможен лишь в том случае, если в основе его не корыстный расчет, а настоящая любовь, уважение, равенство и духовное родство, сходство мыслей и чувств. Таким образом, героиня Джейн Остин отличается от викторианского идеала женщины, так как она, несмотря на сложное материальное положение семьи, всё-таки считает себя человеком, имеющим право на свободный нравственный выбор.

Литература

1. Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии / Т. Диттрич. – М. : Молодая Гвардия, 2007. – 382 с.
2. Остин Дж. Гордость и предубеждение / Пер. с англ. И. С. Маршака / Дж. Остин. – М.: Наука, 1967. – Серия АН СССР «Литературные памятники». – [Электронный ресурс] – 2005. – Режим доступа: http://apropospage.ru/lib/osten/pride/pride1.html – Загл. с экрана (дата обращения: 20.03.2015).
3. Томалин К.Жизнь Джейн Остин: Биография / Пер. с англ. А. Дериглазовой / К. Томалин. – М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2013. – 416 с.
4. Цветкова М. Н. Концепт Englishness: основные константы / М. Н. Цветкова // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Материалы научной конференции. В 2-х т. – Т. 2 – Воронеж : ЦЧКИ, 2000. – 144 с.

У.Б. Кузнецова, маг. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.психол.н. преп. О.М. Бабич

Я-КОНЦЕПЦИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ

Современное общество предъявляет особые требования к личности профессионала, которая должна быть активной, гибкой, готовой к постоянному развитию и самосовершенствованию. В период юности закладываются основы для самореализации личности и раскрытия внутреннего потенциала. По окончании школы молодые люди, в большинстве случаев, переходят на ступень вузовского образования. Осваивая азы будущей профессии, студенты находятся в поиске своего предназначения. Ведущим фактором развития в данный период жизни является учебно-профессиональная деятельность, а главными задачами становятся профессиональное становление и формирование мировоззрения. Все это требует ответственного и активного отношения личности к образовательному процессу.

Студентам социономических направлений подготовки помимо освоения системы профессиональных знаний, умений и навыков, получения опыта соответствующей деятельности, необходимо развитие качеств личности, обеспечивающих оптимальное взаимодействие с другими людьми. От того насколько гармонично содержание Я-концепции

и самоактуализации студентов социономических профессий, зависит успешность их будущей профессиональной деятельности.

С позиций гуманистической психологии саморазвитие личности рассматривается через понятие самоактуализации как высшей точки личностного развития [1]. Без саморазвития невозможно быть эффективным ни в процессе обучения, ни в профессиональной деятельности, сложно строить гармоничные отношения с людьми и быть в мире с самим собой. Для студентов социономических профессий актуальным в период обучения является постоянное стремление к самосовершенствованию, преобразование собственной Я-концепции.

Под Я-концепцией мы понимаем относительно устойчивую, в большей или меньшей степени осознаваемую систему представлений индивида о самом себе, на основе которой он относится к себе и строит свое взаимодействие с другими людьми. Я-концепция включает в себя три компонента: когнитивный (образ себя); эмоционально-оценочный (самооценка, самоуважение и т.д.) и поведенческий (действия, которые предпринимает человек, исходя из системы представлений о себе, социальные установки в отношении себя и окружающих) [3].

По мнению А.А. Реана, представления человека о себе, которые лежат в основе Я-концепции, продолжают развиваться на протяжении жизни [4]. При этом мотивирующим стимулом развития Я-концепции является потребность в самоактуализации личности. У взрослого человека представления о личной направленности и способах самоактуализации обусловливаются социальными понятиями и ценностями, которые им присвоены в результате включения в различные социальные группы. В период юности важнейшим институтом социализации является профессионально ориентированная образовательная среда, в которой человек осваивает общекультурные и профессиональные ценности, формирует мировоззрение, отражающее интересы и жизненные позиции определенной профессиональной группы.

Гармоничность Я-концепции, ее соответствие окружающей реальности особенно важна для представителей социономических профессий, чья деятельность направлена на работу с людьми, на сопровождение различных сторон деятельности человека.

Анализ теоретических подходов к изучению самоактуализации и Я- концепции студентов социономических профессий показал, что у данной группы обучающихся самоактуализация направлена, прежде всего, на самореализацию личности будущего специалиста, раскрытие ее творческих возможностей, на стремление к познанию собственного «Я». Самооценка, как составляющая Я-концепции, характеризуется адекватностью, устойчивостью и критичностью, в первую очередь, к самому себе. Представление о самом себе и окружающих базируется на необходимости взаимодействия и построения отношений с людьми, на познании их природы.

Для проверки и конкретизации данных теоретических положений нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого являлось выявление содержания Я-концепции и самоактуализации студентов социономических профессий. В качестве гипотезы было сформулировано следующее предположение: у студентов социономических профессий наблюдается высокий уровень самоактуализации, а содержание Я-концепции представлено позитивным Я-образом и адекватной самооценкой.

Для реализации поставленных целей исследования были использованы следующие методики: опросник самоотношения (МИС) С.Р. Пантилеева и В.В. Столина; личностный дифференциал; опросник «Диагностика самоактуализации личности» А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калина; проективный рисуночный тест «Автопортрет».

В исследовании приняли участие студенты социономических профессий по следующим направлениям: психология, юриспруденция, экономическая безопасность. Общий объем выборки составил 110 человек.

В результате исследования были получены следующие данные. По итогам диагностики самоотношения в обобщенном виде можно констатировать, что большинство студентов, с одной стороны, ориентированы на самопознание, положительное отношение к себе, принятие себя, самоуважение и самоинтерес. Об этом свидетельствуют значения соответствующих шкал, варьирующиеся в рамках выраженных значений. При этом показатели самоинтереса ярко выражены как в общем проявлении, так и в проявлении установки по отношению к себе. Это свидетельствует о том, что студенты направлены на самопознание и саморазвитие.

В то же время высокий показатель глобального самоотношения (82,19%) отражает желание продемонстрировать окружающим большее стремление к самопознанию и самосовершенствованию, чем есть в действительности. Это подтверждается и тем, что в выборке присутствуют низкие показатели по таким шкалам, как ожидаемое отношение от других (48,17%), самоуверенность (55,79%), установка на ориентацию на мнение других и самообвинение (53,55%). Это можно объяснить желанием студентов соответствовать, принятом в обществе, образу человека, профессия которого связана с общением и управлением людьми. Таким образом, студент может «примерять» на себя будущую профессию и пытаться внешне соответствовать ее носителям.

У студентов отмечаются низкие показатели по шкале, как «спонтанность» (45%). Однако по шкалам «стремление к творчеству» (60,73%), «ориентация во времени» (81,80%), «ценности самоактуализирующейся личности» (57,53%), «потребность в познании» (79,50%) и «самопонимание» (78,60%) присутствуют достаточно высокие показатели. Можно предположить, что такие данные свидетельствуют о стремлении студентов к саморазвитию, поиску путей самореализации.

Анализ установок студентов относительно себя (по результатам методики «Личностный дифференциал») позволяет констатировать наличие, в целом по выборке студентов, положительной самооценки (58,60%), что позволяет говорить о достаточном уровне их самоуважения, принятии себя как носителей позитивных ценностей.

В целом, можно полагать, студенты положительно относятся к себе, что подтверждается результатами качественного анализа по методике «Автопортрет», где наличие нейтральной или положительной самооценки выявлено у 86% испытуемых, а отрицательной – у 14%.

В то же время показатели волевых качеств и активности выражены умеренно (55% и 68,3% соответственно). Подобные результаты могут свидетельствовать об обращенности студентов в данный момент преимущественно на себя, а также наличие не ярко выраженной волевой регуляции своего поведения.

Таким образом, представленные результаты проведенного исследования в обобщенном виде отражают основные тенденции в содержании Я-концепции и самоактуализации студентов социономических профессий, а именно: стремление к саморазвитию и самоактуализации, прежде всего, за счет самопознания и стремления к творчеству; компоненты Я-концепции в целом характеризуются достаточной выраженностью. При этом отмечается наличие стремления соответствовать в глазах других образу представителей социономических профессий. Можно утверждать, что в целом поставленная гипотеза подтвердилась. В то же время требует дополнительных исследований параметры, отражающие критичность отношения к себе, зрелость, учет и ориентация на мнение других.

В качестве перспектив исследования возможен сравнительный анализ особенностей Я-концепции и самоактуализации студентов социономических профессий и студентов иных направлений подготовки, например, артономических и технономических.

Литература

1. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2011. – 352 с.
2. Рогов Е. И. настольная книга практического психолога: Учеб. Пособие / е. и. Рогов. – В 2 кн. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Гума-нит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 384 с.
3. Фрейджер Р. Гуманистическая, трансперсональная и экзистенциональная психология / К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Мэй. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2007. – 221 с.
4. Психология человека от рождения до смерти / Под ред. А. А. Реана. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. – 656 с.
5. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / Под ред. А. А. Бодалева и др. – М. : Изд-во Моск. ун-та., 1988. – 141 с.

А.В. Михалькова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филос.н. доц. А.А. Цуркан

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НОНКОНФОРМИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЕСТВЕ В. МАМЫШЕВА-МОНРО

В начале XXI века в российском обществе возникла ситуация бескомпромиссной по своим масштабам свободы художника, свободы эстетического выбора и предпочтений, когда любой канон, продиктованный идеологией был устранен и возникла совершенно новая социокультурная ситуация. Свобода выбора перестала быть иллюзией, идеалом, она стала насущной реальностью. В этой ситуации, сколь бы деструктивными не были те тенденции, которые воплощены в нонконформистской составляющей современного российского изобразительного искусства, в конечном итоге, всегда присутствует стремление работать на этой почве в контексте русской культуры, российского культурно-исторического комплекса.

Без сомнения, одной из самых ярких фигур российского изобразительного искусства «нулевых» является самый известный отечественный перформер – Владислав Юрьевич Мамышев-Монро (1969-2013), лауреат премии им. В. Кандинского 2007 года в номинации «Медиа-проект года». Творческая биография Мамышева-Монро (или Влада Королевича) началась в Ленинграде. Он учился в литературной школе №27, из которой был исключен 1985 году за свои скетчи на членов тогдашнего Политбюро КПСС. С 1986 г. Мамышев-Монро работал в художественной группе «Новые художники», созданной основателем петербургской Новой Академии Изящных Искусств Тимуром Новиковым. Он стал известен, главным образом, тем, что в разные годы принимал облик исторических и литературных героев и персонажей: от Ленина до Гитлера, от Бабы-Яги до Красной Шапочки. Это было своеобразным know-how развития российского изобразительного искусства указанного периода, так как прежде никогда этот жанр не приобретал такого общественного резонанса скандальности и не имел такого множества подражателей.

Первой героиней воплощения художника стала Мэрилин Монро. Сначала Мамышев переоделся в нее, когда служил в армии, потом по предложению одного из самых известных питерских музыкантов Сергея Курехина несколько раз воплотил этот образ на выступлениях его группы «Поп-механика». В 1989 году вместе с Ю. Лесняком и Т. Новиковым Монро создал «Пиратское телевидение» и с этих пор этот псевдоним фак-

тически стал его фамилией в кругах, близких к нонконформистскому движению. В российской культуре он стал известен как Влад Мамышев-Монро. Образы, использованные в «Пиратском телевидении», стали самой известной советской драг-квин, а само «Пиратское телевидение» стало первым в истории современного российского искусства проектом в жанре «новые медиа».

В 1990-годы Влад Монро активно сотрудничает с одной из ведущих московских галерей современного искусства – «XL Галереей». Время от времени пишет статьи и рецензии в журналы «Кабинет», «Художественный журнал» и «Птюч». В своем эссе «Куда я попал? Где мои вещи?», написанном в 1993 году, Мамышев «… рассказывает о своем даровании, называя его «всевмещаемостью», возможно, вслед всемирной отзывчивости русской души, найденной Достоевским у Пушкина» [1, с. 12].

В 1999 году к тридцатилетию художника в Петербурге выходит второй и последний выпуск альманаха «Дантес», полностью ему посвящённый. Здесь можно найти эссе, стихи и письма художника, а также статьи о нем. В конце альманаха в качестве одного из литературных материалов опубликован приговор Куйбышевского суда Санкт-Петербурга, который в 1999 году осудил Владислава Мамышева-Монро на год условно за хранение героина без цели сбыта.

В 2000-м году Монро находит себе новый любимый образ советской кинодивы – Любови Орловой. Этот образ будет реализован им в 2006 году в рамках проекта, осуществленного при участии режиссеров П. Лабазова и А. Сильвестрова. Европейская пресса назвала авторов фильма «новыми дадаистами». Цель проекта заключалась в том, чтобы переснять классический советский фильм режиссера Г. Александрова «Волга-Волга» с Мамышевым-Монро в главной роли в образе Дуни Петровой, которую в оригинальной киноленте исполнила Любовь Орлова. Во всех сценах с главной героиней взамен головы Любови Орловой была подставлена голова Мамышева-Монро. Кроме того, кинофильм был переозвучен. Песни Дуни Петровой, которые в старой ленте исполняла Орлова, в новом фильме были также исполнены Монро. Премьера фильма состоялась на Роттердамском фестивале, и 2007-м году. Авторам удалось из популярной комедии сделать постмодернистскую трагикомедию. Новая «Волга-Волга» получила в 2007 годупремию В. Кандинского в номинации «лучший медиа-проект года».

Мамышев-Монро не ограничивал свою деятельность перформансами, инсталляциями и художественными выставками. В «нулевые», в начале правления президента В. Путина он активно включается политическое протестное движение. В 2003 году он принимает участие в выставке «Осторожно, религия!», для которой создает фотоколлаж с тем же названием. Эта выставка проходит 18 января 2003 года в Москве, в Музее и общественном центре им. А.Д. Сахарова. Но провокация сторонников ортодоксального христианства, попытавшихся уничтожить ее экспонаты, положило конец этому проекту. Коллаж В. Мамышева-Монро «Осторожно, религия!» был залит синей краской и разбит.

Трагическое событие, случившееся в апреле 2013 года на острове Бали, где художник утонул в бассейне гостиницы, положило конец его стремительной карьере.

И, тем не менее, степень воздействия работ Монро и самого его образа на современный культурный бомонд в России и за ее пределами трудно переоценить. Гигантское количество персонажей, в которые он сумел воплотиться, работы, находящиеся в частных собраниях, наконец – персональные выставки, проходившие регулярно с 1991 года вплоть до сегодняшнего дня, как в России, так и за ее пределами – все это позволяет утверждать, что образ Мамышева-Монро стал культовым.

Его вклад в современное российское изобразительное искусство не только касается создания тех или иных произведений, инсталляций и перформансов, но и создания

эстетического канона, который открывает новую перспективу для появления в контексте современной российской культуры нетрадиционных, эпатажных, часто скандальных образов. Сам он так оценивал свое творчество: «Моё перманентное мутирование во множестве различных образов – скорее, возможность пройти все пути, влиять на судьбу, изменять ее на себя, а не актерское мастерство и тем более перформанс» [2, с. 23-24].

В. Мамышев-Монро не стеснялся шокировать аудиторию своим собственным присутствием в культурном контексте в жизни современной России. Вот одна из интересных оценок человека, который сотрудничал с ним на телевидении и который сам по себе обладает весьма значительным авторитетом в современном российском культурном пространстве. Речь идет о российском рок-журналисте, музыкальном критике, одном из первых пропагандистов рок-музыки в СССР и независимой музыки в России – Артемии Троицком. «Владик был абсолютно великолепным: удивительный художник, артист и добрейший, беззащитный человек. Я знавал множество эксцентриков, фриков, денди, юродивых в диапазоне от Киркорова до Мамонова и от Кулика до Сафронова — но ни один из них не стал таким законченным и безупречным «живым арт-объектом», как Монро. Притом совершенно органичным, без всякой позы и натужного лицедейства. Он любил и умел шокировать, но оставался при этом наивным и лучезарным. Подозреваю, что звучит слащаво и пафосно, — но по-другому не скажешь. Это был действительно уникальный талант» [3, с. 4].

На наш взгляд, именно в этой оценке А. Троицкого и сокрыта тайна воздействия Монро, превращение художника в живой арт-объект. Жизнь как постоянный перформанс. Именно это новое слово Влад Мамышев-Монро внес в современное российское культурное пространство.

Литература

1. Андреева Е. Ю. Владислав Мамышев-Монро / Е. Ю. Андреева. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 52 с.

2. Мамышев В. Куда я попал? Где мои вещи? / В. Мамышев // Дантес. – 1999. – № 2. – С. 21-14.

3. Троицкий А. К. На дне. Пролог / А. К. Троицкий // Новая газета. – № 41. – 2013. – 15 апреля. – С.4.

М.В. Савицкая, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.псих.н. преп. О.А. Иванова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ

В повседневной жизни каждого человека чрезвычайно важную роль играют смысловые и ценностные отношения к самому себе. Исследование феномена Я-концепции личности играет роль в общепсихологических теориях определения оценочных, смысловых и ценностных отношений человека. Раскрытие системообразующей роли этих отношений важно для определения источников формирования Я-концепции личности, а также для расширения представлений о роли индивидуального самосознания в организации поведения. Это обусловлено тем, что Я-концепция выступает как динамическая объяснительная категория, которая опосредует важнейшие внутриличностные процессы (включая переработку информации, мотивацию и эмоции) и большинство межличностных процессов (включая социальную перцепцию, ситуации выбора партнера и стратегии взаимодействия, а также реакцию обратной связи). Я-концепция может как облегчать, так и затруднять регуляторные процессы,

влияя на их эффективность, при этом элементы «образа Я» представляют собой личностные константы, направляющие поведение.

Одним из общепринятых в современной психологии считается следующее определение А. А. Деркача. По его мнению, Я-концепция – это динамическая система самоустановок и представлений индивида о самом себе, когнитивно-эмоциональный конструкт понимания себя, отношения к себе и миру; «теория самого себя» [3].

Я-концепция формируется под воздействием различных внешних влияний, которые испытывает индивид, и постоянно развивается, вариативно изменяясь, на протяжении всей жизни. С момента своего зарождения Я-концепция сама становится активным началом, важным фактором в интерпретации опыта. На основе анализа зарубежной и отечественной литературы удалось выявить возможные источники формирования Я-концепции личности.

Так, в соответствии с теорией Э. Эриксона, основы развития Я-концепции личности закладываются на основных стадиях ее формирования:

1) начальная стадия длится от рождения до 18 месяцев. Формирование чувства доверия в данный период служит ребенку опорой для приобретения нового опыта и является основой формирования позитивного самоощущения.

2) вторая стадия развития ребенка длится от 1,5 до 3-4 лет. Происходит осознание своей индивидуальности и самого себя как активного действующего существа. Главный позитивный результат развития на этой стадии – достижение чувства независимости, преодоление неодобрения со стороны окружающих. Задача взаимной адаптации поведения родителей и ребенка – развитие самоконтроля без ущерба для формирования позитивной оценки.

3) третья стадия развития начинается примерно в 4 года. Развивается чувство автономии, реализующейся в определенных рамках, границах дозволенного. Важной составляющей самооценки является способность чисто физической адаптации к окружающему миру.

4) четвертая стадия развития охватывает школьные годы, когда ребенок включается в систематическую организованную деятельность и осуществляет ее самостоятельно, что становится определяющим условием в дальнейшем развитии Я-концепции личности [1].

Р. Бернс считает, что в раннем детстве наиболее значимыми в окружении ребенка являются родители, как следствие, они и оказывают определяющую роль в формировании Я-концепции личности. Это обусловлено тем, что ребенок зависит от родителей физически, эмоционально и социально [1].

А. Л. Журавлев, В. А. Соснин считают, что условиями формирования Я-концепции в младшем школьном возрасте выступает ряд факторов. К ним относят системность и этапность формирования межличностных отношений в системе «ученик-учитель»; тип отношения педагогов к ученику; направленность теоретического обучения на раскрытие ценностного содержания мировоззренческих понятий и увеличение рефлексии освоенных знаний, а также внедрение методов активного обучения, моделирующих отработку типовых личностных функций [3].

Весомая роль в процессе формирования Я-концепции в исследованиях многих психологов отводится такому понятию, как «значимые другие» (Ф. Райс, Г. С. Салливан, Дж. Мид). Значимые другие – это те, кто оказывает весомое влияние на личность в жизни индивида, и их мнение имеет большой вес [2]. Ф. Райс считает, что уровень воздействия значимых других на индивида зависит от степени их участия в его жизни, близости отношений, социальной поддержки, которую они оказывают, а также от власти

и авторитета, которыми они пользуются у окружающих. Дж. Мид подчеркивает, что одобрение значимого другого создает у ребенка позитивный «образ Я», в то время как постоянное порицание способствует возникновению у него негативной самооценки. Созданный образ становится главным источником психологического опыта, необходимого для формирования Я-концепции.

Важнейшими источниками формирования Я-концепции служат оценочные представления о собственной внешности. Современные психологические представления об образе тела были разработаны П. Шильдером, который пытался соединить биологический подход с психоаналитическим. По его мнению, образ тела – явление чисто психологическое, но включает в себя также и представление о себе в физиологическом и социологическом плане, и в большей или меньшей степени соответствует реальной структуре нашего тела [4].

Появление представлений о половой роли в сознании индивида и их освоение считается одним из определяющих и основных факторов в процессе формирования Я-концепции. Данный процесс носит название «полоролевая идентификация» и рассматривается как важнейший компонент самосознания и фактор формирования феномена Я-концепции в работах таких ученых, как Д. Н. Исаев, И. С. Кон, В. С. Мухина. Различают два процесса формирования представления индивида о половой принадлежности: половая идентификация и половая типизация. Идентификация – это ранний бессознательный процесс отождествления себя с ролью другого человека и подражание его поведению. Половая типизация, следующая за идентификацией, – более осознанный процесс овладения культурно одобряемыми нормами поведения, типичными для роли женщины или мужчины в данной культуре [3]. Перечисленные понятия являются основой в процессе формирования Я-концепции личности, так как гендерные характеристики являются первичными для любого индивида и определяют его личностные особенности, в том числе и особенности Я-концепции.

Наряду с перечисленными источниками формирования Я-концепции личности, Р. Бернс, Л. Фестингер выделяют роль языка и вербальной коммуникации, поскольку развитие способности ребенка к символическому отражению мира помогает ему выделить себя из этого мира и дает первый толчок к развитию Я-концепции. Приобретение опыта принятия себя другими людьми и социального взаимодействия в целом основано на обратной связи посредством вербальных знаковых систем общения, т.е. язык выступает как способность вербально выражать и формировать представления о себе и других людях [1].

Итак, подводя итог вышесказанному, мы видим, что определяющими в процессе формирования Я-концепции личности являются такие источники, как:

1. Практика воспитания детей в семье и непосредственное взаимодействие родителей и детей, а также особенности педагогического процесса в системе образования;
2. Взаимодействие индивида с обществом, начиная с процесса социальной адаптации и включая социальное одобрение, субъективную интерпретацию обратной связи;
3. Оценочные представления о своей внешности, или «образ тела»;
4. Идентификация личности с приемлемой моделью половой роли и усвоение половой типизации;
5. Язык как развивающаяся способность вербально выражать и формировать представления о себе и других людях.

Литература

1. Дерябин А. А. Я-концепция и теория когнитивного диссонанса: обзор зарубежной литературы / А. А. Дерябин. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 329 с.

2. Журавлев А. Л. Социальная психология / А. Л. Журавлев, В. А. Соснин. – М. : ФОРУМ-ИНФРА, 2008. – 318 с.

3. Иващенко А. В. Я-концепция личности в отечественной психологии / А. В. Иващенко. – М. : Изд. МГСА, 2000. – 153 с.

4. Колядин А. П. Подходы к изучению Я-концепции в психологической науке / А. П. Колядин // «Гуманитарные науки». – 2005. – № 1(13).

Н.А. Стрельникова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.психол.н. доц. К.М. Гайдар

СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ СТЫДА

Способность испытывать эмоцию стыда присуща исключительно человеку в связи с его включенностью в социальные отношения. Эта эмоция, являющаяся одним из ключевых рычагов воспитательного процесса, берет свое начало в детстве, когда, совершив социально осуждаемый поступок, мы слышим от родителей: «Как тебе не стыдно?» или «Что о тебе подумают другие?». Со временем в сознании формируется паттерн, который базируется на эмоции стыда. Включающий в себя совокупность психических состояний и реакций личности на события, он превращается в один из мощнейших механизмов построения невротического поведения.

Современное общество закладывает множество основ для развития у человека эмоции стыда: несоответствие общепринятому идеалу внешности, отклонение от «приемлемого» поведения, особенности выражения эмоций, в целом любое отклонение от социальной нормы, наличие индивидуальных особенностей, не вписывающихся в рамки понимания общества. Но, тем не менее, несмотря на тесную взаимосвязь эмоции стыда и развития невротической личности, а также его значимую роль в жизни человека, эта базовая категория теоретической психологии все еще остается недостаточно разработанной.

Обращение отечественных психологов к категории стыда происходит, как правило, в рамках теории морального развития и воспитания (Б.С. Братусь), общей психологической теории эмоций и чувств (Е.П. Ильин) либо в контексте исследования самосознания и самоотношения (И.С. Кон) [1, 4, 5, 6 и др.].

В зарубежной науке стыд изучался с разных позиций многими учеными. Впервые он стал объектом исследования в рамках эволюционной теории Ч. Дарвина. В психологии же категорией стыда занимались такие исследователи, как С. Томкинс, трактовавший стыд как эмоцию наивысшей рефлексии; Х. Льюис, которая дала детальное описание разрушающему стыду; Э. Эриксон, утверждавший в контексте эпигенетической теории, что стыд предполагает чувство неожиданной потери самоконтроля; К. Э. Изард, разработавший концепцию психологии эмоций. Наиболее подробно данный феномен был описан в русле психоаналитической теории (Б. Килборн, Э. Рехардт, М. Якоби и др.) [2, 3, 7, 8 и др.].

На основе анализа содержащихся в литературе теоретических материалов, а также эмпирических данных собственного исследования представлений о стыде и переживании стыда мы сформулировали рабочее определение эмоции стыда и субъективного переживания стыда. Стыд – это базовая эмоция, вызванная расхождением между оценкой личностью своих проявлений и представлением о том, как их оценивает социум, сопровождающаяся субъективно неприятными переживаниями. Субъективное переживание стыда – это

индивидуальное отражение в сознании субъекта особенностей восприятия ситуации стыда, проявляющееся в форме неудовольствия, напряжения и возбуждения.

На основе проведенного теоретико-эмпирического исследования мы выделили следующие компоненты субъективного переживания стыда:

1) физический компонент – это относительная частота и длительность переживания стыда;

2) реактивный компонент – это физиологическая (изменение частоты сердечных сокращений, изменение цвета кожи, неприятные ощущения в теле, нарушения дыхания, внутренняя дрожь, слабость) и поведенческая реакции на стыд (убегание, ступор, опускание глаз, слезы, закрывание глаз / лица руками, просьба в поддержке, использование механизмов психологической защиты);

3) эмоциональный компонент – это эмоции, сопровождающие стыд, отношение к себе, отношение к стыдящему;

4) когнитивный компонент – включает в себя содержание и направленность предмета стыда, представления о себе в ситуации переживания стыда, представления о стыдящем человеке. Этот компонент мы конкретизируем следующим образом:

4.1) направленность – отражает особенности предмета стыда. Стыд может быть направлен на внешние характеристики (конституциональные особенности, поведение, особенности стиля, социальный статус), характеристики личности (черты личности, интеллект, мысли, эмоции);

4.2) представления и убеждения об источнике стыда – представления субъекта о лицах, которые стыдят его (он сам, семейный круг (родительский), семейный круг (супружеский), круг друзей, круг коллег);

4.3) представления о себе в момент переживания стыда.

Таким образом, мы считаем, что субъективное переживание стыда можно исследовать на четырех уровнях его проявления: физическом, реактивном, эмоциональном и когнитивном.

Понимание природы переживания стыда и способность распознавать его регулятивные механизмы дает возможность психологической работы с ним для снижения травматичности переживания и использования субъективных переживаний стыда с целью личностного развития. Ввиду того, что проблема стыда достаточно остро стоит в современном обществе, а в запросах на психотерапию нередко так или иначе затрагивается эта эмоция, встает задача подробного изучения стыда как психологического механизма, находящегося в тесной взаимосвязи с идентичностью личности. Есть все основания утверждать, что исследование стыда, детализация механизмов его переживания, а также освоение методов его психокоррекции внесут существенный вклад в развитие психологической науки в целом, а также в поддержание психологического здоровья каждой отдельной личности.

Литература

1. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности / Б. С. Братусь. – М. : Знание, 1985. – 64 с.

2. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, 2009. – 464 с

3. Изард К. Э. Эмоции человека / К. Э. Изард. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 954 с.

4. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2005. – 412 с.

5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 784 с.

6. Кон И. С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры / И. С. Кон // Социальная психология личности / под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. – М. : Наука, 1979. – С. 85-113.

7. Рехардт Э. Происхождение стыда и его проявление / Э. Рехардт, П. П. Иконен // Журн. практ. психологии и психоанализа. – 2009. – № 4. – С. 126 – 144.

8. Якоби М. Стыд и истоки самоуважения / М. Якоби. – М. : Институт аналитической психологии, 2001. – 256 с.

Е.В. Сушкова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.психол.н. доц. И.В. Завгородняя

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА: ПОЗИТИВНОЕ И НЕГАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ

Исследовательский интерес к психологической защите личности существует достаточно давно, что позволило сформировать системные научные представления о данном феномене. При этом внимание к изучению психологической защиты возрастает в период социальных преобразований и нестабильности, несущих реальную или кажущуюся угрозу целостности личности, её идентичности и самооценке. Принято считать, что механизмы психологической защиты направлены на устранение или минимизацию негативных переживаний личности, травмирующих её и связанных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта. Однако можно ли рассматривать психологическую защиту личности как исключительно позитивное явление, не имеющие никаких негативных проявлений?

Термин «психологическая защита» впервые в психологию был введен З. Фрейдом в 1894 г. в работе «Защитные нейропсихозы» для описания борьбы Я против болезненных или невыносимых аффектов. В приложении к работе «Торможения, симптомы и тревожность» (1926) он отмечал, что имеется теснейшая связь между конкретными формами защиты и конкретными заболеваниями, как например, между вытеснением и истерией. Цель психологической защиты заключается в ослаблении интрапсихического конфликта (напряжения, беспокойства), обусловленного противоречием между инстинктивными импульсами бессознательного и интериоризированными требованиями внешней среды, возникающими в результате социального взаимодействия [6].

Развитием теории защитных механизмов стали исследования А. Фрейд. Её заслуга заключатся в попытке создания целостной теоретической системы защитных механизмов, которые рассматривались ею как перцептивные, интеллектуальные и двигательные автоматизмы разной степени сложности, возникшие в процессе непроизвольного и произвольного научения. Определяющее значение в их образовании придавалось травмирующим событиям в сфере ранних межличностных отношений. А. Фрейд подчеркивала оберегательный характер защитных механизмов, высказывала предположение о том, что набор защитных механизмов индивидуален и характеризует уровень адаптированности личности. Рассматривая психологические защиты как один из механизмов адаптации и интеграции личности, она полагала, что они бессознательные, приобретенные в процессе развития личности способы достижения Я-компромисса между противодействующими силами Оно или Сверх-Я и внешней действительностью [5].

Представители различных направлений глубинной психологии, сходясь в понимании защитных механизмов личности как всепроникающего и неотъемлемого свойства индивида, придерживаются различных взглядов на источники конфликтов, приводящих их в действие.

Очевидно, что основополагающую роль в открытии и изучении защитных механизмов играли зарубежные психологи. В отечественной психологии также обращались к этой категории, но с незначительными ограничениями, поскольку феноменология психологической защиты длительное время не являлась предметом целостного научного анализа. Несмотря на это, логика развития отечественной психологической науки привела к появлению теорий, в определенной мере пересекающихся с теорией психологической защиты. К числу таких теорий можно, прежде всего, отнести теорию установки Д. Б. Узнадзе и теорию отношений В. Н. Мясищева [4].

Начало изучению механизмов психологической защиты личности с использованием понятийного аппарата психоанализа в отечественной науке было положено Ф. В. Бассиным в статье «О силе Я и психологической защите» в 1969 году [1]. Он отмечал, что основным недостатком трактовки психологической защиты в психоанализе является рассмотрение ее как средства предотвращения клинических последствий конфликта между «Я» и «бессознательным». Опираясь на теоретические построения Д. Б. Узнадзе, он рассматривает психологическую защиту как динамику системы установок личности в случае их конфликта. Для Ф. В. Бассина и ряда других психологов и медиков психологическая защита представляет собой нормальный, широко обнаруживаемый механизм, направленный на предотвращение расстройств поведения и физиологических процессов не только при конфликтах сознания и бессознательного, но и при столкновении вполне осознаваемых, но аффективно насыщенных установок [2].

Другие отечественные исследователи придерживаются иного взгляда на значение защитных механизмов. Б. Д. Карвассарский считает, что повседневными, нормальными являются психологические адаптивные реакции, но не реакции психологической защиты. Р. М. Грановская и И. Я. Березная [3] описывают защиту как организацию ловушек и преобразователей опасной и тревожной для личности информации. Наиболее опасная информация не воспринимается уже на уровне восприятия, менее опасная воспринимается, но затем искажается, трансформируется в удобную для личности. Защитные механизмы рассматриваются как система стабилизации личности, которая направлена на устранение или минимизацию отрицательных эмоций, тревоги, которая возникает при рассогласовании имеющейся картины мира и ситуации с новой и неожиданной информацией.

Анализ исследовательских работ позволяет выделить позитивные и негативные аспекты психологической защиты личности.

К позитивным проявлениям относятся следующие:

1) ослабляет интрапсихический конфликт;

2) оберегает личность от психотравмирующей информации;

3) является одним из механизмов адаптации и интеграции личности;

4) предотвращает расстройства поведения и физиологических процессов не только при конфликтах сознания и бессознательного, но и при столкновении вполне осознаваемых, но аффективно насыщенных установок;

5) ограждает сознание от информации, которая может разрушить целенаправленное мышление;

6) выступает системой стабилизации личности путем устранения или минимизации отрицательных эмоций (в частности тревоги).

Негативными проявлениями психологической защиты являются следующие:

1) существует опасность «загнать вглубь» внутриличностный конфликт, превратив его в бессознательный источник недовольства собой и окружающими;

2) присутствует возможность возникновения особых механизмов сопротивления, которые препятствуют прояснению симптомов и продвижению психотерапии;

3) ограничивается полет творческой фантазии, интуиции, поскольку сужается и искажается полноценное восприятие и переживание мира;

4) механизмы психологической защиты действуют на неосознаваемом уровне и поэтому представляют собой средства самообмана;

5) лишает человека возможности активно воздействовать на ситуацию и устранять источник переживаний.

Таким образом, психологическую защиту нельзя однозначно рассматривать как позитивное или негативное явление для личности. Отсутствие выраженных физических средств защиты, свойственных животным, а также наличие значительных социальных ограничений, приводит к тому, что человек нуждается в психологической защите. Не стоит ассоциировать защитные механизмы со слабостью личности, это скорее возможность оставаться собой. Однако следует учитывать, что адаптивный (полезный) эффект психологической защиты проявляется при относительно небольшом масштабе конфликта, несущего угрозу личности. В случае значительного конфликта, требующего устранения его причин, психологическая защита, приобретает негативное значение, поскольку снижает эмоциональную напряженность и значимость для личности.

Литература

1. Бассин Ф. В. Проблема бессознательного (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности) / Ф. В. Бассин. – М. : Медицина, 1968. – 468 с.

2. Бассин Ф. В. Проблема психологической защиты / Ф. В. Бассин, М. К. Бурлакова, В. Н. Волков // Психол. журнал : Издательский Дом ВШЭ. – 1988. – № 3. – С. 30– 41.

3. Грановская Р. М. Элементы практической психологии / Р. М. Грановская – СПб. : Свет, 1997. – 574 с.

4. Лестер К. Защитные механизмы человеческой психики / К. Лестер. – М. : Знание, 1963. – 185 с.

5. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы / А. Фрейд – М. : Педагогика, 1993. – 284 с.

6. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции 1 – 15 / З. Фрейд. – СПб.: Наука, 2000. – 278 с.

СЕКЦИЯ
«МИФ, СИМВОЛ, АРХЕТИП В КУЛЬТУРАХ МИРА»

А.С. Антоновская, студ. ПГУ им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Приднестровье)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. Е.А. Погорелая

ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХРОНОТОПЕ РОМАНА В.В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»

Среди важнейших философских и литературоведческих понятий, на которых держатся основы нашего мировоззрения, «пространство» и «время» находятся в особом положении.

Объединённые М.М. Бахтиным в термин «хронотоп», они становятся незаменимым инструментом для работы в поле историко-культурной памяти. Наши представления о них накладывают отпечаток на всю картину мира; они упорядочивают вещи и явления, которые окружают нас, участвуют в научных попытках объяснить мир.

В этом контексте нам представляется актуальным изучение категории «художественного пространства» и «художественного времени» в произведениях В.В. Набокова, выявление его ценностных представлений о мире и месте человека в нем.

«Машенька» – первый роман В.В.Набокова, написанный в 1926 году в эмиграции, в Берлине. В нем раскрывается трагедия русской интеллигенции, потерявшей опору на чужой почве. Герои романа «временно», как им кажется, живут за границей, мечтая о России. Но для них это теперь во многом уже известная, страшная Россия.

Странник Ганин живёт в русском пансионе, где обитают отщепенцы, осколки человеческого общества, вечные скитальцы, как и главный герой. Но хозяйке русского пансиона Ганин «*казался вовсе не похожим на всех русских молодых людей, пребывавших у неё*» [2, URL]. Но герой сам прекрасно знает о своей исключительности, выраженной, прежде всего, в том, что он носит в себе воспоминание о подлинном мире. Для него существует изначальный рай, символом которого становятся «дедовские парковые аллеи», первая любовь – Машенька.

Но не стоит забывать, что главный прием, который В.В. Набоков использует в своих романах – это контраст, поэтому и появляется персонаж, противоположный Ганину.

Этот другой главный герой романа – Алексей Иванович Алферов, яркое воплощение того, что В.В. Набоков наиболее всего презирает в человеке, по злой иронии судьбы оказавшийся нынешним мужем Машеньки, любившей Ганина долгие годы. Все пошло в Алферове: слова («*бойкий и докучливый голос*» [2, URL]), банальности, внешний вид («*было что-то лубочное, слащаво-евангельское в его чертах*...» [2, URL]). Алферов – полная противоположность интеллигенту Ганину, не приемлющему пошлость ни в каких ее проявлениях.

Так, «конфликт романа строится на контрасте «исключительного» и «обыденного», «подлинного» и «неподлинного», «своего» и «чужого», так что с самого начала перед Набоковым возникает проблема создания незаурядного героя и доказательства его незаурядности» [1, с. 6]. В «Машеньке» эта проблема не находит исчерпывающего решения; исключительность декларируется, но так до конца и не «срастается» с внутренним «я» героя.

Специалисты, как известно, выделяют три ведущих универсальных проблемно-тематических компонента его творчества:

1) тему «утраченного рая» детства (а вместе с ним – расставания с родиной, родной культурой и языком);

2) тему драматических отношений между иллюзией и действительностью;

3) тему высшей по отношению к земному существованию реальности (метафизическую тему «потусторонности»).

Пытаясь проследить, как герои набоковских романов уходят от действительности, как скрываются от нее, прячась в прошлое, мы понимаем, почему для В.В. Набокова эта подмена необходима. Почему ретроспективное видение мира для него было неизбежным?

Ответы на эти вопросы казалось бы, лежат на поверхности: мир детства для В.В. Набокова был почти абсолютной гармонией. Он являлся не только моделью становления человека, но и моделью становления человечества в целом. Он чувствовал пропитавшую его «до кончика пера» культуру XIX века. Новое же прорывалось еще более стремительно, еще более импульсивно.

Не изоляция, а непрерывное слияние с культурой XX века сделало вполне закономерным ощущение надвигающейся катастрофы и осмысливание своего детства как преамбулы к ней.

Так возникает в романах В.В. Набокова мотив изгнания из детского рая и погружения в воспоминания; мотив двух или даже нескольких миров, которые параллельно существуют, иногда становятся проницаемыми.

Поэтический мир В. Набокова характеризуется категориями «двойного времени» и «двойного пространства». «Специфика биспациальности в прозе писателя – в постоянном перемещении его героя из одного пространства в другое, из мира реального в мир воображения» [1, с. 4]. В основе лежит система оппозиций Родина (Россия) и Чужбина (Европа), причем Родина раздваивается на собственно Родину, Россию прошлого – идиллическое пространство воспоминаний автора, потерянный рай, и советскую Россию. В романе возникает романтическая направленность, особенностью которой является бегство Ганина из мира реальности в мир воображения.

Пространство в произведениях В. Набокова понимается широко, оно включает как конкретные материализованные пространственные объекты, занимающие определенное место, так и ментальные, психические, не выраженные материально, формирующие пространство сна, сознания и воображения главного героя.

Кроме того, в русскоязычных романах Набокова следует выделять внутреннее или субъективное пространство. С недавнего времени в литературоведении наряду с понятием «внутренний мир героя» стало использоваться понятие «психологическое пространство». Итак, психологическое пространство – это внутреннее пространство человеческого «Я», в котором сосуществуют два мира – мир сознательного и мир бессознательного.

Если подробнее рассмотреть духовную составляющую сознательного мира героев, то следует обратить внимание на то, что из всех персонажей Ганин и Подтягин особенно тяжело воспринимают свое нахождение в эмиграции (это чувствуется, например, в каждой реплике Ганина: *довольно холодно подтвердил Ганин; хмуро спросил Ганин; За последнее время он стал вял и угрюм; И Ганину становилось скучно опять, ... до слез позевывал; Тощища какая… – думал он; Это было мучительное и страшное состояние, несколько похожее на ту тяжкую тоску* и т.д. [2, URL]), но В. В. Набоков показывает их как самых «живых» из всех героев. Так, в портрете Ганина отмечается светлое лицо: *лицо у вас как-то светлее, теплота его глаз: ресницы придавали что-то пушистое, теплое его глазам и т.д.; чувства: ...раза два с тревожным, изумленным блаженством вздохнул ... а потом, когда обливался из кувшина холодной водой, радостно улыбался; опять улыбнулся Ганин* и т.д. [2, URL].

Помимо внутреннего состояния персонажей, духовное пространство также тесно связано с культурным кодом, характеризующим пространство России в романе. Ярким примером тому могут служить пушкинские реминисценции и даже прямые отсылки к текстам А.С. Пушкина и А.А. Фета. Истинная рамка «Машеньки» построена с помощью пушкинского текста. Первый роман молодого литератора начинается эпиграфом из 47-й строфы первой главы «Евгения Онегина» и заканчивается аллюзией на 50-ю строфу первой главы пушкинского романа в стихах. Первый роман писателя пародийно назван по имени отсутствующей героини. Героини нет в романе, но пустота ее отсутствия блещет всеми красками.

Образ героини Машеньки вбирает в себя черты фетовской розы. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры скрытого цитирования. Так, из письма Машеньки Ганину: «*Если ты возвратишься, я замучаю тебя поцелуями...* [2, URL]». Ср. у А.А. Фета: «Зацелую тебя, закачаю...» [3, URL]. Ганин постоянно вспоминает нежность образа Машеньки: «*нежную смуглоту*», «*черный бант на нежном затылке*» [2, URL]. Ср. у А.А.Фета: «*Ты так нежна, как утренние розы…*» [3, URL]. Алферов о Машеньке: «*жена моя чи-истая*» [2, URL]. У А.А.Фета: «*Ты так чиста...*» [3, URL]. Поэт Подтягин

говорит о влюбленном Ганине: «*Недаром он такой озаренный*» [2, URL]. У А.А.Фета: роза дарит соловью «*заревые сны*» [3, URL].

Стихотворение А.А.Фета «Соловей и роза» не только проступает в тексте в форме скрытого цитирования, но становится метафорой-доминантой целого романа. Драматизм сюжета фетовского стихотворения обусловлен разной темпоральной причастностью лирических протагонистов: роза цветет днем, соловей поет ночью.

Ты поешь, когда дремлю я,

Я цвету, когда ты спишь... [3, URL]

Ср. у В.В. Набокова: Ганин – персонаж настоящего, Машенька – прошлого. Соединение героев возможно в пространстве, лишенном временных измерений, каким является сон, мечта, воспоминание, медитация...

Главному герою романа, Ганину, свойственны некоторые черты поэта, чье творчество предполагается в будущем. Свидетельством тому – его мечтательное безделье, яркое воображение и способность к «творческим подвигам». Ганин – изгнанник, фамилия фонетически закодирована в эмигрантском статусе, живет в Берлине, в русском пансионе, среди «теней его изгнаннического сна» Ср. у А.А.Фета: «*Рая вечного изгнанник, // Вешний гость я, певчий странник...»* [3, URL]. Вторая строка цитаты отзывается в тексте «Машеньки» так: *«...тоска по новой чужбине особенно мучила его (Ганина) именно весной*» [2, URL].

Герои В.В. Набокова создают для себя нереальное пространство «там», которое в их сознании становится единственно реальным, подлинным и, в конце концов, замещает собой настоящую действительность, мир «тут», причем этот ирреальный мир оказывается гораздо более детализированным, чем реальное пространство.

В финале романа происходит преображение-пробуждение главного героя от воспоминаний прошлого: «и так же, как солнце постепенно поднималось выше, и тени расходились по своим обычным местам, – точно так же, при этом трезвом свете, та жизнь воспоминаний, которой жил Ганин, становилась тем, чем она вправду была – далеким прошлым». Ганин осознает отчужденность, удаленность, мертвенность своей прошлой жизни. Прошлое остается в прошлом (Ганин понимает, что его невозможно сделать настоящим), а настоящее становится действительным. «*Он все замечал с какой-то свежей любовью, – и тележки, что катили на базар, и тонкие, еще сморщенные листики, и разноцветные рекламы, которые человек в фартуке клеил по окату будки, – это и было тайным по- воротом, пробужденьем его*» [2, URL], – пишет В.В.Набоков. Ганин стал замечать реальность, стал видеть настоящее. Проживая в своем воображении прошлое, он постепенно освобождается от грез. Он понимает, что жизнь прекрасна сама по себе и требует от человека не только мечтаний. Он «*чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда». Ганин до конца исчерпал свои воспоминания, он насытился,* воспользовался ими, «*образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем. И кроме этого образа, другой Машеньки нет и быть не может*» [2, URL]. Это уже новый Ганин, переживший прошлое, воссоздавший его в своих воспоминаниях. Он возродил свою любовь, все заново перечувствовал и пережил. Прошлое невозможно вернуть, потому что оно связано не только со временем, но и с пространством – утрачено само место, где проходила теперь недостижимо прекрасная жизнь.

Финал свидетельствует о том, что подменить настоящее прошлым в реальности невозможно и не нужно: на вокзале, уже приблизившись к осуществлению своей мечты, Ганин вдруг резко меняет свои намерения. После безнадежных грез о прошлом, которые только и казались истинной и главной жизнью – жизнеутверждающий разрыв с ними. Конец романа своим звучанием внушает уверенность в будущем. Ганин чувствует себя

«*здоровым, сильным, готовым на всякую борьбу*» [2, URL]. Отказавшись от встречи с Машенькой, он уезжает с другого вокзала, на другом поезде, Ганин уезжает в будущее. Его жизнь продолжается.

Другими словами, в финале романа мы имеем дело с ментальными механизмами построения картины мира в рамках культуры эмиграции первой волны. Это автору говорить не только о возможности возрождения в среде эмиграции русской духовности, но и о попытке писателя воссоздать в рамках рассеяния русского мира духовный и культурный ландшафт России, о попытке смоделировать русское духовное пространство на географическом пространстве Германии.

Литература

1.Левин Ю. С. Заметки о «Машеньке» В. Набокова / Ю. С. Левин // Russian Literature. (Amsterdam), 1985. – С.31-42.

2. http://lib.ru/NABOKOW/mary.txt

3. http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=10844

М.В. Викулина., студ. историко-филологического ф-та
Борисоглебского филиала ВГУ (Борисоглебск)
Науч. рук. – к.филол.н., доц. О.А. Долгова

АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОБРАЗА ПРИНЦЕССЫ ЭРНЫ В РАССКАЗЕ А.И.КУПРИНА «СИНЯЯ ЗВЕЗДА»

В воспитании и развитии детей средствами литературы всегда интересно использовать произведения с тематикой проблемного характера. В центре внимания одной из таких тем понятие о «красоте». Чем раньше человеком будет осознана сущность понятия «красота», тем гармоничнее будет идти его развитие. В этом процессе значительна роль сказки.

Потенциал сказки, как категории прекрасного, одухотворяюще воздействующего на развитие ребенка, признавали не только педагоги, но и философы, богословы, психологи и филологи (М.М.Бахтин, П.Ф. Каптерев, В.В.Зеньковский, Л.С. Выготский и др.)

В сказке ребенок черпает первое представление о духовном богатстве природы человека. Благодаря сказке дети познают мир не только умом, но и сердцем, душой. Ребенок откликается на его события и явления, выражает свое отношение к добру и злу. Первоначальный этап идейного воспитания происходит благодаря сказке. Дети понимают идею лишь тогда, когда она воплощена в ярких образах, утверждал В.А.Сухомлинский.

Одним из таких ярких сказочных образов является образ молодой царевны в «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» Александра Пушкина. Этот сказочный образ поэта восходит к народной идее о том, что **красота души и есть красота человека**. Красота царевны признается именно в тот момент, когда расцветает ее внутренний мир: внешнее и духовное состояние приходят в гармонию. То, что именно такое состояние имеет особое значение, показано через умение хрупкой беззащитной девушки устоять перед коварством зла. И спасти ее, то есть победить зло, опять-таки, возможно только верой в эту красоту любящего сердца.

Безусловно, категория прекрасного – одна из обсуждаемых духовных ценностей. И в конце XIX века она была в центре внимания словесного творчества – поэзии модернизма.

В стихотворении «Снежинка» Константина Бальмонта проступает *неземная символистическая красота*. Стихотворение представляет собой, в прямом смысле, описание пути снежинки с неба на землю. Сквозь этот внешний план «проступает» символический рассказ именно о душе человека, сохранившей ее чистоту и красоту, пройдя через жизненные испытания. Главное в этом повествовании то, что, несмотря на все испытания, которыми они подверглись, душа человека и кристалл снежинки сохранили свою чистоту. Не случайно поэт в заключительных строчках стихотворения вместо «снежинка» употребляет слово «звезда», которое традиционно символизирует нечто прекрасное, высокое, чистое небесное. Снежинка, достигнув земли, не утратила связи с небом, – *душа человека сохранила стремление к «высокому».*

У Александра Блока, как представителя младосимволистов, понятие «красота», спасающая духовное начало в человеке, – это «нетленная» красота, которая открывается, наряду со знанием о вечной и божественной любви, вспышкой «ослепительного света», озаряющего путь к спасению в мире, «лежащем во зле». Это положение эстетической системы символистов сложилось под влиянием философской концепции Владимира Соловьева. В статьях «Общий смысл искусства» (1890), «Красота в природе» (1899) он развивал идею красоты, спасающей мир.

И «звезда» Бальмонта, и «свет» Блока ассоциируются в прямом и переносном смысле с традиционным представлением о «свете звезды» как истинной красоте, и дарующей мгновения восхищения ночным небосклоном, и дающей возможность взять правильный ориентир – двигаться «по звёздам».

Истина о красоте, ее мудрость осознается и принимается как один из непреложных законов жизни и в творчестве прирожденного реалиста Александра Ивановича Куприна. Прекрасным тому доказательством и является рассказ «Синяя Звезда». Здесь **автор прибегает к аллегории не только непосредственного изображения абстрактного понятия «красота», но и мысли – «человек красив душой».**

Константин Паустовский – один из литературных наследников русского беллетриста – подчеркивая гуманную направленность творчества Александра Куприна, справедливо замечал: «*Прямо, в открытую Куприн говорит о любви к человеку не так уж часто. Но каждым своим рассказом он призывает к человечности. Он повсюду искал ту силу, что могла бы поднять человека до состояния внутреннего совершенства и дать ему счастье*» [2, с. 8].

Итак, с ранних детских лет в главной героине рассказа «Синяя звезда» – принцессе Эрне проявились прекрасные качества души, но внешность ее была не настолько приятной: «*Девочка между тем росла по дням и дурнела по часам… Но уже в этом нежном возрасте она* ***обнаруживала свои прелестные внутренние качества****: доброту, терпение, кротость, внимание к окружающим, любовь к людям и животным, ясный, живой, точный ум и всегдашнюю приветливость*» [1, с. 29].

Все недостатки внешности принцессы её родители и друзья, прислуга и прохожие замечали именно в обычной, повседневной жизни. Однако в определённые жизненные моменты и люди Эрнотерры, и мы с вами, читатели, совершенно забываем о внешности принцессы и с восхищением наблюдаем за ее поступками, действиями, героическими усилиями, как это происходит в эпизоде, когда она спасает упавшего в пропасть чужеземца. «*И вот, точно молния, озарила Эрну одна из тех вдохновенных мыслей, которые сверкают в опасную минуту в головах смелых и сильных людей. Быстро скинула она с себя свое прекрасное голубое платье, руками и зубами разорвала его на широкие длинные полосы, ссучила эти полосы в тонкие веревки… И вот, лежа на голубых камнях, царапая о них руки и ноги, она спустила вниз самодельную веревку… И увидев, что путник… ухитрился привязать конец веревки к своему поясу из буйволовой кожи, Эрна на-*

чала осторожно втягивать веревку вверх» [1, с. 34–35]. Именно в этих строках рассказа мы видим героическую отвагу принцессы Эрны, нас увлекает, восхищает ее поступок. Разве мы думаем о её внешности, разве нам важно, что руки ее длиннее обычных, что ее рост намного выше обычного роста человека? Конечно же, нет! Мы видим в рассказе также, что принцесса всегда стремится все свои дела доводить до конца и самостоятельно: «*При осмотре у него оказалось несколько тяжелых ушибов и вывих руки... Сама принцесса взяла на себя уход за ним и лечение. Этому никто не удивился: при дворе знали ее сострадание к больным и весьма чтили ее медицинские познания*» [1, с. 36].

Зв свои труды и смелость Эрна вознаграждается, иностранец оказывается принцем Парижа по имени Шарль, который влюбляется в принцессу Эрну и берёт её в жены. «*Все население города Парижа вышло навстречу принцу. И не было в тот день не только ни одного мужчины, но даже ни одной женщины, которые не признали бы Эрну первой красавицей в государстве, а, следовательно, и на всей земле*» [1, с. 38].

Только в новой стране – родине Шарля Эрна, казалось бы, обретает душевный покой, ее проблема с внешностью перестает ее мучить. До поры до времени это было именно так. Но вот у молодой королевской четы рождается ребёнок. Это огромное счастье. Но Эрна именно здесь, правда на мгновение, вспоминает свою давнюю проблему, однако лишь для того, чтобы окончательно и самой избавиться от неё. И она в разговоре с августейшим супругом, преисполнившись величайшего мужества, с глубокой верой и любовью в сердце, признаёт, что, хотя сын и очень похож на них, он для неё истинный красавец. Именно за эту стойкость, за то, что не изменила себе и, если это возможно, довела до совершенства своё благородство, принцессе открывается истина. Открывается тайна старинного заблуждения о красоте-безобразии жителей Эрнотеррны. Принц Шарль, оказывается, сумел прочитать и перевести древние руны на стене охотничьего домика Великого Эрна 1, на которого так была похожа последняя из его потомков. Она гласила о том, что все жители королевства были уродцами, за исключением королевской семьи, т.е. Эрна действительно не была похожа на жителей своей родины, лишь потому, что была настоящей красавицей. Принц, по всей вероятности, из чувства благодарности всей стране за чудо его спасения не смог открыть этой тайны сразу, как только узнал о ней. А вот теперь, в порыве восхищения принцессой Эрной, её подлинным идеальным совершенством, он открывает ей смысл старинного заблуждения. Он вправе теперь повторить слова своего отца при первой встрече с принцессой, его тогда чутьё не подвело. «*Дитя моё, я не решаюсь сказать, что в тебе лучше: красота или добродетель, ибо обе мне кажутся совершенными*» [1, с. 38]. Только теперь Эрна окончательно и с победой прошла свои испытания, как это и полагается настоящим героям сказок, легенд и преданий, в лице и поступках которых народная ли мудрость, творческая ли одарённость гениев защищала и утверждала вечные ценности. Внутренняя красота – красота духа торжествует. Оставаясь не просто в неведении о своей внешности, а будучи уверенной в том, что она уродец, Эрна ни на йоту не усомнилась в правоте внутреннего стремления к совершенству, что по праву мог сделать человек идеальный во всех отношениях, как наделённый особым даром. Эрна совершила всё это без всякой на то надежды, вопреки многим условиям и условностям.

Такой образ героини, конечно, мог создать необычный писатель и человек, которым был Александр Куприн. По мнению современников, его самого не раз спасал органический оптимизм, жизнерадостность, любовь к жизни. Через всё творчество Куприна проходит гимн природе, «натуральной» красоте и естественности. Отсюда его тяга к цельным, простым и сильным натурам. Именно постижение смысла земного бытия привело писателя к созданию аллегорических и притчеобразных форм прозы, к которым относится рассказ «Синяя звезда». Обобщённо и образно с помощью авторской фантазии,

в духе Андерсена, воплощены здесь вечные законы жизни. И, несмотря на то, что от заблуждения не оказались свободны обитатели сказочного царства, в этом произведении звучат мотивы обновляющегося мира, служение подлинной красоте, активной силе духа, рождающей оптимистический настрой.

Литература

1. Куприн А. И. Собр. соч. : В 5 т. / А. И. Куприн. – М., 1982. – Т.5.

2. Паустовский К. Г. Поток жизни (Заметки о прозе Куприна) / К. Г. Паустовский // Куприн А. И. Собр. соч. : В 6 т. – М., 1957. – Т.1.

Т.А. Ильинова, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. Т.А. Тернова

МИФОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Одна из актуальных тенденций современной прозы – реконструкция архаических мифологических сюжетов или создание новых. Причину апелляции литературы к эстетическому опыту прошлого стоит искать в отношении современников к настоящему, в котором они ощущают себя потерянными, а потому устремляются в поисках истины и гармонии к давнопрошедшему.

Среди произведений современной прозы, в основе которых лежат мифологические сюжеты, особенно выделяется роман Светланы Василенко «Дурочка». «Сказка и Евангелие равно и равнозначительно проступают сквозь прозрачную ткань повествования», – говорит о своем произведении автор [10]. О создании мифа «в контексте “Дурочки” даже и не литературного, а ни много ни мало мифа национальной идеи» пишет Татьяна Тайганова [11]. Действительно, специфика романа С. Василенко состоит в том, что в нем сопрягается целый ряд мифологических сюжетов и мотивов, в сумме составляющих основу российской культуры.

Чрезвычайно значим в тексте произведения образ воды. В этой связи в художественной ткани романа можно обнаружить апелляции к христианской культуре, славянской и монгольской мифологии, каспийским легендам и сказкам.

В христианстве вода – это жизнь: с ней связан обряд крещения. Вода была создана Богом вместе с небом на второй день творения: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» [3, ВЗ. Быт. 1:6]. «Вода считалась первоэлементом вселенной и поэтому была священной» [8, с.76]. Но при этом вода ассоциируется и с бедствием, всемирным потопом.

Обитатель воды – рыба, имеющая значение символа. «Поскольку вода была символом Вселенной, символом божественной силы, то и рыба (обитатель водных просторов) выступала как символ спасения, сверхъестественной силы, мудрости». Было замечено, что буквы греческого слова, обозначающего рыбу (ΙΧΘΥ2), составляют первые буквы слов (по-гречески): Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель. Символ рыбы стал заменять самого Христа» [12].

В славянской мифологии, как и во многих других, вода связана с сюжетом первотворения. Славянский миф о создании мира существует в нескольких вариантах, но почти в каждом фигурирует вода, покрывающая землю, которая по веленью Бога поднимается на поверхность. По одной из версий Землю рождает Род, а солнце выходит из его лица [1].

Помимо этого, славяне наделяют воду чудодейственной силой. Целебные реки растекаются из-под волшебного алатырь-камня, водой затоплен чудный город Китеж. «В рус-

ском фольклоре вода тесно связана с кровью и жизненной силой. Например, волшебная живая и мертвая вода может соединить воедино изрубленное тело и оживить его» [9, URL].

В монгольской мифологии образ воды, как и у славян, включен в сюжет сотворения мира. Вода в виде дождя смачивает галоб (хаос), загустевший от ветра и высушенный огнем. Солнце и луна создаются уже после «грехопадения» людей, съевших корень «земляную шкуру». Тенгир, по их просьбе создает светила из горячего и холодного стекла [2, URL].

Согласно древним представлениям, души умерших переправлялись в загробный мир по воде. У славян река осмысливается как дорога в иной мир (река Смородина или Огненная), символизирует течение времени [5, URL]. С рекой связаны многочисленные обряды: пускание по воде и кормление. В мотивах народных песен пускание по воде предстает как действие, связующее все пространство [6,URL].

В романе Светланы Василенко «Дурочка» также присутствуют мотивы первотворения: главная героиня Надя (Ганна) рождает солнце, спасая мир от ядерной катастрофы. Интересно, что в этот сюжет не включен образ воды. «А через несколько минут показалось солнце. Оно рождалось на наших глазах на краю земли и неба, огромное красное солнце, все испачканное в Надькиной крови» [4]. Подобного создания небесного светила в рассмотренных нами примерах нет. Рождение солнца из чрева женщины (богини), есть в египетской мифологии. В некоторых мифах о боге солнца Ра Нут (богиня неба) каждый вечер проглатывает его и утром вновь рожает, и так происходит смена дня и ночи [14, с. 358-359]. Но в произведении создание нового солнца – это и создание нового Мифа, медленно всплывающего из глубины человеческих недр на замену тому, который уже отработал срок и отслужил свою службу, о чем пишет Тайганова, – миф Творения, творчества – потому и новое Солнце [11]. Здесь мы имеем дело с авторской мифологией.

С образом воды в мифологических представлениях неразрывно связан и образ реки. В христианстве это, прежде всего, Иордан, где Иисус Христос был крещен Иоанном Предтечей [3, НЗ. Мф 3:13-17]. (6)19 января отмечается Крещение (Богоявление, Иордань) – день крещения Иисуса Христа. По традиции в этот праздник освещают воду, на реках вырубают прорубь (иордань) в виде креста или круга, где совершают купания. Также можно отметить, что по реке пускали сакральные предметы, что осмыслялось как способ их «погребения» в чистой и святой стихии. Это старые богослужебные книги, высохшие просфоры, вербовые ветки, освещенные в Вербное воскресенье и т. д. [6, URL].

В произведении Светланы Василенко «Дурочка» река соединяет не только пространство, но и время. Из 1960-х годов девочка приплывает в 1930-е. «На плоту приплыла, по реке, в колыбельке» [4], – говорит о Ганне тетка Харыта. Марат, брат девочки (в 1 главе четвертой части), рассказывает о том, как Надя приплыла обратно: «Той весной был сильный разлив. Я тогда сидел на Ахтубе и удил рыбу и увидел, плывет по реке плот, а на плоту красивая такая девчонка, и я помахал ей, она подплыла ко мне» [4]. Девочка родилась слабоумной, и родители спустили ее в колыбельке на плоту по Ахтубе.

Название «Ахтуба» связано с одой интересной легендой, но для того, чтобы приступить к ней, надо сказать об обитателях воды. Здесь мы сразу начнем с повествования в поверьях славян. Конкретного божества, отвечающего за воду, в славянской мифологии нет. В водоемах обитает водяной, он же и является их хозяином. У него есть жена – водяниха. К водным духам относится и русалка. В них превращаются умершие девушки, преимущественно утопленницы. Русалки могут иметь человеческий облик, а могут в нижней части тела иметь хвост. Они могут быть и красивы, и безобразны. Обитают в реках, озерах и даже колодцах [14, с. 390].

В монгольской мифологии духи воды – ласуты. Их жизнь похожа на жизнь людей. Но людям они вообще не показываются. Каждый водоем имеют своего лусута. Существуют и царь рыб – Чусрым, который может проглотить корабли, а когда высовывается из воды, похож на гору [2, URL].

В произведении говорится об одном мифическом обитателе вод – русалке, за которую принимают Ганну рыбаки. Они и рассказывают легенду об Ахтубе. Пойманная девочка – не просто русалка, она ханская дочь Туба. Есть пара вариантов этой истории, но объединенные одной концовкой: Туба, не дождавшись возлюбленного (в «Дурочке») или вместе с ним (Каспийские легенды и сказки) тонет в реке. Ее отец от горя зовет ее на берегу: «Ах, Туба! Ах, Туба!» Так и стали называть реку [7, URL].

Астраханский край – край рыбаков, поэтому неудивительно, что они появляются в произведении. В христианстве рыбарями являются апостолы, братья Петр и Андрей. Иисус увидел их и сказал: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» [3, НЗ. Мф 4:18-20]. Ловили рыбу Иоанн и Иаков Зеведеев, когда Он призвал их [3,. НЗ. Мф 4:21-22].

Рыбаки спасают тонущую Ганну. Сначала они имеют вполне человеческий облик. Одни названы именем (Петр Рыбаков, Иван, Яков, Андрей), другие прозвищем (Чубатый, Рябой). С подозрением относится к пойманной девочке Рябой. Этот персонаж выделяется среди рыбаков: решив вместе с остальными, что русалочка – ханская дочь Туба, предлагает сдать ее властям. Затем он требует допросить ее, чтобы та указала клады. Здесь его упрекает Петр: «Не бери грех на душу! Запомни! Мы – рыбаки, артель Христова: никого не сдаем, не предаем!» [4] Рябой все же донесет на Ганну. Он олицетворяет в произведение Иуду. Остальные рыбаки – апостолы. В конце 23 главы второй части они предстают уже не обычными людьми: «Эй! Рыбаки! Вставайте! Андрей! Иван! Яков старший да Яков младший! Семен! Фаддей! Филипп! Матвей! Варфоломей! Фома! Айда на лодки! Сети поставим: скоро рыба пойдет...» [4] «Рыбаки, только что коротавшие ночь у костра за байками, вдруг преображаются в Христову артель и, идя на лов, окликают друг друга именами апостолов» [10].

Подводя итоги, можно сказать, что в произведении представлены только хорошо узнаваемые образы. Реке не случайно дано перемещать Ганну-Надю во времени – подобная роль ей изначально присуща. Даже не зная легенду о Тубе, мы легко увидим в ней русалку. В рыбаках – апостолов. Безымянный хан в легенде о Тубе в романе носит имя Мамая, хорошо знакомого нам. Возлюбленный Тубы – Дмитрий Донской. Кладами заведует тот же Мамай и Стенька Разин. В романе-житии «Дурочка» представлены христианские символы, а также обычаи, славянские представления о мире, присутствуют исторические персонажи, известные русскому народу. Мифологические образы являются сюжетообразующими в этом произведении. А каспийские легенды и авторская мифология обеспечивают своеобразие произведения.

Литература

1.Артемов В. Мифы и предания древних славян. / В. Артемов. – М.: ОЛМА Медиа Групп. – 2014. с. 5-15

2. Библиотекарь.ру. Мифы и легенды народов Восточной и Центральной Азии [Электронный ресурс]: монголо-тибетские мифы и легенды. – сост. Н. Г. Гарин-Михайловский, Т. И. Редько-Добровольская, – М. Мир книги; РИЦ Литература, 2004. – Режим доступа: http://www.bibliotekar.ru/azia/ (дата обращения 19.02.2015)

3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. 1990 г.

4. Василенко С. Дурочка / С. Василенко. // Новый мир. 1998. – №11

5. Дом Сварога. Вода [Электронный ресурс]: статья. – А. Л. Топорков. – Режим доступа: http://pagan.ru/slowar/r/reka0.php (дата обращения 17.02.2015)

6. Дом Сварога. Пускание по воде [Электронный ресурс]: статья. – А. Л. Топорков. – Режим доступа: http://pagan.ru/slowar/p/puskater1powode0.php (дата обращения 17.02.2015)

7. КулЛи. Каспийские легенды и сказки [Электронный ресурс]: собрник сказок и легенд.– Сост. К. И. Ерымовский, В. П. Самаренко. Нижне-Волжское книжное издательство. Волгоград 1969. Режим доступа: http://coollib.com/b/292688 (дата обращения 19.02.2015)

8. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов. / М. М. Маковский. – М: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС. – 1996. – 420 с.

9. Мифологический портал «Мифы и легенды». Вода в славянской мифологии [Электронный ресурс]: статья. Режим доступа: http://mithology.ru/Voda.html (дата обращения 07.02.2015)

10. Славникова О. Опыт авторского фольклора / О. Славникова // Урал, 1999. - №4. – с. 25-30

11. Тайганова Т. Роман в рубище. О романе Светланы Василенко “Дурочка“ / Т.Тайганова // Дружба народов. – 2000. - №6. – с.184-195.

12. Холл Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Д. Холл; пер. с анг. А. Е. Майкалара. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. – с. 489

13. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991. – Т.1 А-К. с. 240-241.

14. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1992. – Т. 2. К-Я. – с. 358-359, 390.

М.А. Конорева, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Т.Н. Голицына

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В РОМАНЕ И.С.ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» (НА ПРИМЕРЕ ЭПИТЕТА «ЗОЛОТОЙ»)

По мнению многих исследователей, именно «Лето Господне» (1933-1948) явилось вершиной позднего творчества И.С. Шмелева (1873-1950). Магистральная тема России сосредоточенно открывается именно в этой «трилогии». Главным героем произведения становится мальчик Иван (будущий писатель И.Шмелев). Как пишет Е. Осьминина [1], Шмелев избрал форму повествования от лица маленького ребенка – и потому, что обращался к детям эмиграции, желая им передать *«хранимую в сердце»* Россию; и потому, что ребенок больше занят другими, нежели собой, чужд рефлексии, а значит, чище, полнее, яснее воспринимает окружающий мир.

Роман-трилогия «Ле́то Госпо́дне» состоит из трёх частей: «Праздники», «Радости», «Скорби».

«Лето Господне» – церковный календарь, его мир – богослужение годового круга и его отражение в жизни верующих. Язык романа – московский говор, многоцветный, образный, богатый метафорами, с церковной и народно-поэтической символикой. *«Без преувеличения, не было подобного языка до Шмелёва в русской литературе. Казалось бы, живая, тёплая речь»,* – говорит О.Михайлов [2].

Цветопись в романе. Не случайно, что в романе Шмелева «Лето Господне» присутствует необыкновенная по своему колориту цветовая гамма. Цвет – наиболее про-

стой для ребенка способ уловить тончайшие оттенки чувств и картины мира. Л.В. Щерба указывал на важность роли цвета в художественном произведении: «Цветопись – один из существенных элементов стиля языка, посредством которого выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [3].

Доминирующим в романе является такое цветообозначение, как золотой. Лексема «золотой» и её производные повторяются в тексте более 30 раз. Наряду с другими цветовыми обозначениями "золотой" органично входит в художественный мир романа и обретает у Шмелёва неповторимую образность. Шмелев использует цветопись с целью обращения к православной символике. Христианская атрибутика включает в себя изображение святых ликов на иконах.

Часть первая. Праздники. В первой части «Лета Господня» употребление эпитета «золотой» связано с праздником, которому посвящена глава, – с Пасхой. И в убранстве храме, и в богослужениях преобладает золотой цвет. Это цвет кадила, церковных облачений, церковной утвари, росписи на стенах и иконах. Золотой цвет обозначает божественный свет. При описании Масленицы создается такой образ: «И над всей этой «масленицей» подрагивают в блеске тонкие **золотые** паутинки канители» [4].

Описание Страстной пятницы интересно тем, что наряду с образом смерти появляется образ воскресения, который и символизирует золотой цвет**:** «В церкви выносят Плащаницу. Мне грустно: Спаситель умер. Но уже бьется радость: воскреснет, завтра! **Золотой** гроб, святой. Смерть – это только так: все воскреснут» [4].

В золотой окрашивается Ванина радость от подарков, которые он получает на Пасху: «На столике у постели – пасхальные подарки. Большое сахарное яйцо, с **золотыми** большими буквами – Х. и В., а за стеклышком в **золотом** овале радостная картинка Христова Воскресения. И еще – **золотисто-хрустальное** яичко, граненое все, чудесное!» [4]. Интересно, что при описании возникает авторский неологизм – сложное прилагательное "золотисто-хрустальный".

Другой особенностью употребления золотого цвета является то, что действие происходит весной. Чувствительная душа ребенка радуется оживлению и пробуждению природы: «**Все золотое**, все: и люди **золотые**, и серые сараи **золотые**, и сад, и крыши, и видная хорошо скворешня, – что принесет на счастье? – и небо **золотое**, и вся земля. И звон немолчный кажется **золотым** мне тоже, как все вокруг» [4].

Можно заметить интересную вещь, связанную с употреблением золотого цвета: «Они долго пьют чай из чайников, говорят о делах, я все хожу у стекол и смотрю на Москву внизу. Нижние стекла разные – синие, золотые, красные. И Москва разная через них. **Золотая** Москва всех **лучше»**[4]. «Золотая Москва» – Москва патриархальная, православная, с устоявшимися традициями. Мальчик отдает предпочтение этой Москве – той, в которой прошло все его детство. Это выражено превосходной степенью сравнения прилагательного «всех лучше». Таким образом, использование данного эпитета помогает воссоздать исторический колорит и среду, в которой рос Ваня.

Часть вторая. «Радости». Во второй части также большой частотностью характеризуется употребление лексемы «золотой». Автор использует ее для описания именин отца. В именины отцу героя решили преподнести в подарок большой крендель с поздравительной надписью: «Мы глядим из сеней в окошко, как крендель вносят в ворота и останавливаются перед парадным. А на вощеной дощечке сияет **золотцем** – «… на день Ангела» [4].

Снова цвет описан через номинатив-дериват – *«золотце»***.** Ваня описывает картину Страшного Суда: «Там и звери, и птицы, и крокодилы, и разные киты-рыбы несут в зубах голых человеков, а Господь сидит у **золотых весов**, со всеми ангелами...» [4] Об-

раз *"золотые весы"* указывает на то, что Бог вершит праведный суд, целью которого является достижение равновесия в мире.

Золотой используется также в описании пейзажа: «и сыплются **золотые** капли с крыши, сыплются часто-часто, вьются как **золотые** нитки» [4]; «окна домов блистают нестерпимо, и от этого блеска, кажется, текут **золотые** реки, плавятся здесь, на площади, в соломе» [4].

Что касается сферы эмоций, то эпитет «золотой» часто используется для передачи мироощущения мальчика: вечер – «**золотистый»**, «светлый и **золотисто-розоватый»,** утро – «**золотое** и голубое», весной – «березы с **золотыми** сердечками» [4].

Часть третья. «Скорби». Последняя часть – «Скорби» – посвящена описанию болезни, кончины и похорон отца главного героя, которые он тяжело переживает. Цветовая гамма изменяется по шкале интенсивности и представлена лексемами темных цветов. Лексема «золотой» используется и для описания персонажей. Отец Вани говорит крестьянской девушке по дороге из бани: «Ты сама солнышко…Ишь ты, какая **золотая**…разрядилась как канарейка» [4]. Обозначение цвета здесь приближается к желтому, цвету канарейки. Интересно, что желтый - цвет жизни, солнца, оптимизма, в то время, как события, разворачивающиеся в произведении, свидетельствуют об обратном. Следовательно, здесь можно заметить некоторое противопоставление жизни и смерти. И как следствие, золотой используется для описания радости ребенка по случаю небольшого улучшения состояния здоровья отца. Все вокруг преображается, и герой видит мир по-другому: «**Золотисто-розовый** стал наш двор, и гудит звон веселый, будто Пасха вернулась» [4]. Обращает на себя внимание сравнительный оборот «будто Пасха вернулась». Пасха – это праздник жизни, праздник Воскресения. Слово «пасха» в переводе с еврейского означает «смерть прошла мимо». В этом обороте выражена надежда главного героя на то, что и отец сможет окончательно выздороветь.

Финальный эпизод романа трагический, меняется тональность повествования. В изображении преобладают мрачные тона, представленные лексемой «черный»: «Кони, в **черных** покровах, едва ступают, **черный** народ теснится, – **черное, черное** одно...» [4]

В результате исследования выявлено доминирование золотого цвета и его оттенков. Цветовая палитра романа связана с годичным кругом богослужебных цветов, одновременно отражая настроение героя, его душевное состояние. Лексема «золотой» также используется при описании персонажей и пейзажа, воссоздания исторического колорита и быта современной писателю Москвы. В качестве средств номинации данного цвета выступают имена прилагательные («золотой», «золотистый»), имена существительные («золотинки», «золотце»). Примечательно также, что автор образует от лексемы «золотой» сложные прилагательные: «золотисто-розоватый», «зелено-золотистый», «золотисто-хрустальное**».**

Тайна цветов никогда не будет исследована до конца. Так, художник Сезанн пишет: «Цвета – то место, где встречается наш разум со Вселенной» [5].

Литература

1. Осьминина Е. Иван Шмелев – известный и скрытый / Е.Осьминина // Москва. – № 4. –1991.

2. Михайлов О. Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. к собранию сочинений Шмелева И. С.: В 2-х тт. / О.Михайлов // И. С. Шмелев. Избранные сочинения: В 2 т.т. – Т. 1. Повести и рассказы**. –** М. : Худож. лит., 1989**.**

3. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М., 1957.

4. Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 6 т. / И. С.Шмелев. – Т. 4. Богомолье : Романы. Рассказы. – Лето Господне. – М. : Известия, 2011. – 640 с.

5. Бер Ульрих. Все тайны цвета. Что означают цвета / Ульрих Бер. – Ростов-на-Дону : «Феникс». – 1999. – 345 с.

М.С. Лис, студ. ф-та славянских и германских языков
БГУ (Барановичи, Беларусь)
Науч. рук. – Ж.В. Костина

ВОБРАЗ ХАТЫ Ў ТВОРЧАСЦІ ВІНЦЭНТА ДУНІНА-МАРЦІНКЕВІЧА

Згодна этымалогіі, слова дом утворана ад індаеўрапейскага кораня dom, які сустракаецца не толькі ў беларускай мове, але і ў іншых мовах: параўн. рус. дом, укр. дім, польск. dom, чэш. dum, серб.-харв. дом, балг. домът, ст.-слав. домъ, прасл. *domъ. Роднасныя формы: ст.-інд. damas ʻдомʼ, авест. dam-, грэч. бοцο., лац. domus. Звычайна звязваецца з грэч. бецо ʻбудуюʼ, гоц. timrjan ʻбудаваць' [8, с. 141]. Такім чынам, лексема дом у сваім базавым значэнні з'яўляецца нейтральнай і не нясе асаблівых канатацый, яна ў першую чаргу суадносіцца з самой будовай, таму што звязана з семай «будаваць». Лексема дом убірае ў сябе наступныя кампаненты значэнняў:

- будынак для жылля, размяшчэння ўстаноў і прадпрыемстваў;
- чыё-небудзь жылое памяшканне разам з гаспадаркай;
- як назва дзяржаўнай, грамадскай, культурнай установы, а таксама памяшкання, дзе яна знаходзіцца;
- дынастыя, род [7, с. 189].

Вобраз хаты сустракаецца ў наступных творах В. Дуніна-Марцінкевіча: «Люцынка, або Шведы на Літве», «З-над Іслачы, або Лекі на сон», «Благаславёная сям'я».

У літаратуры хата – гэта сцэна, дзе разгортваюцца падзеі. У творчасці пісьменнікаў канца XIX – пачатку XX стагоддзяў яна мае шматбаковую, сімвалічную накіраванасць. Гэта быў цяжкі час у гісторыі беларусаў, які знайшоў свой адбітак у творчасці пісьменнікаў. Хата – любоў селяніна, які глыбока прывязаны да свайго кута. Таксама вобраз дому можа быць і як сімвал пратэсту.

У мастацкай літаратуры вобраз хаты з'явіўся ў XVIII стагоддзі ў час панавання барочнай традыцыі, якая ў сваім нізкім стылі дыктавала зварот да народных асноў жыцця. Вядомы грамадскі і палітычны дзеяч Іахім Храптовіч на беларускай мове напісаў верш «Всем многі век в новой хаці» ў сувязі з канкрэтнай падзеяй: уваходзінамі ў новую хату дзеда і бабулі маладога паэта. У віншаванні паэтызуецца дом, у якім сабраліся госці на ўваходзіны: *«Палац гойны, в нім прыгожо, // Паўберано всюды гожо, // Где пойдеш, напасеш очы, // Гледеў бысь аж до цёмнай ночы, // Пачавшы од світа. // В сені вхожу, поглядаю, // Где Паном чолом біці маю, // І вхожу в тые покое, // Где з гостмі Панове двое, // А з німі дружына»* [6, с. 155].

Як адзначае А. В. Мальдзіс «ва ўсёй мемуарнай літаратуры XVIII сустракаецца толькі адно апісанне гарадскога жылля» [3, с. 211]. Гэта абумоўлена тым, што пераважная большасць насельніцтва жыла на той час у вёсцы. Аднак, ён адзначае, што не багата ў шляхецкай мемуарыстыцы і апісанняў сялянскага жылля. З мемуарных крыніц можна даведацца, што ў XVIII стагоддзі сялянская сядзіба складалася з хаты, хлява (аборы) і гумна (стадолы). У больш заможных гаспадароў да іх дабаўляліся свіран на збожжа, павець для сельскагаспадарчага інвентару і дроў.

Вобраз хаты, хаткі сустракаецца ў творах паэтаў XIX стагоддзя даволі часта, ён узыходзіць да сімвала радзімы, якая ў гэты складаны перыяд беларускай гісторыі не мела назвы, таму што найменне «Северо-Западный край» не выяўляла нацыянальнай адметнасці, нацыянальнага каларыту. Дзеячамі XIX стагоддзя, якія стаялі перад абліччам

«полілінгвізму» новай беларускай літаратуры, была прапанавана, бадай, адзіна мэтазгодная ў тых умовах канцэпцыя вываду нацыянальнай культуры з іншамоўнасці і тутэйшасці. Яны адраджалі нацыянальную адметнасць праз мастацкую інтэрпрэтацыю архетыпавых вобразаў і рабілі стаўку на нацыянальны фальклор, дзе лексемы дом, хата сімвалізавалі заможнае, шчаслівае жыццё. У сярэдзіне XIX стагоддзя імя Уладзіслава Сыракомлі было вядома ва ўсіх кутках Беларусі, заходнюю частку якой называлі Літвою, а жыхароў – ліцвінамі. «Літоўскім лірнікам», «песняром Літвы» называлі У. Сыракомлю ў польскім, рускім і замежным друку пры яго жыцці і доўгі час пасля смерці. Шчасце паэт звязваў з сялянскім жыццём і ўяўляў у вобразе беларускай хаткі (верш «Што ўмею намаляваць»). Лірычны герой твора сцвярджае, што, калі ён бярэ ў рукі аловак, заўсёды ў яго атрымліваецца «беларуская хатка, ці касцельчык, ці двор і з буслянкаю бусел»: *«Каб то хата была, я штрыхамі б выводзіў // Саламяную стрэшку, акенца малое... // А ўсярэдзіне – люд працавіты у згодзе – // Дзецюкі і дзяўчаты, дзядок з барадою. // Маладосць – у каханні, надзеі і ў думе, // Век пахілы, што згадак грабе папялішча, – // Людзі мары сардэчнай не страцілі ў тлуме, // Хоць праз шчыліны вецер аб нэндзы ім свішча»* (В. Каратынскі) [1, с. 78]. Вобраз хаткі сустракаецца і ў вершах «Вінцэнту Каратынскаму пры выданні “Чым хата багата”», «Пра мая старую хатку», дзе дадзены вобраз асэнсоўваецца са спакоем, утульнасцю, адгароджанасцю ад чужога свету.

У паэзіі В. Дуніна-Марцінкевіча часта сустракаецца вобраз хаты. Гэта звязана з тым, што В. Дунін-Марцінкевіч нарадзіўся і рос у сям’і арандатара і доўгі час не меў сваёй уласнай хаты. У апавяданні «З-над Іслачы, або лекі на сон» мы бачым, што ўступную частку В. Дунін-Марцінкевіч пачынае са звароту да роднай хаткі: Дамок мой любы!... [7, с. 380]. Гэтым аўтар паказвае нам, што родная хата для яго як жывая, што ён шануе і цэніць яе. Можна меркаваць, што ў гэтых радках В. Дунін-Марцінкевіч мае на ўвазе фальварак ў Люцынцы, які ён набыў 8 красавіка 1840 года, папярэдне зрабіўшы буйныя грашовыя пазыкі ў межавога суддзі Алойзія Сялявы. Сюды В. Дунін-Марцінкевіч пераехаў з губернскага Мінска і пражыў тут больш за сорак гадоў. Гэта былі гады яго творчых узлётаў і горкага расчаравання, змагання і адчаю, маральнага задавальнення і ўпадку. Пра ўсё гэта памятае Люцынка, пра ўсё гэта можа расказаць нам паэтава слова. Яно з дакументальнай дакладнасцю дае нам уяўленне, якой была Марцінкевічава Люцынка пры яго жыцці: *«Дом стаіць на пагорку – лес вокал, алешнік, // Сад за домам, а ў садзе – ігрушы, чарэшні…»* [5, с. 57].

В. Дунін-Марцінкевіч параўноўвае хату з караблём, а сябе – з мараком: *«Як той марак, які з надзеяй на нябёсы, // Стыхіям здрадным часта давярае лёсы … // … Так мы з табой тут розныя сустрэлі часы, // Былі ў нас буры і дні майскае акрасы…»* [7, с. 380].

На нашу думку, аўтар выкарыстаў гэта параўнанне для таго, каб яшчэ раз паказаць, як ён цэніць сваю хату. В. Дунін-Марцінкевіч паказвае нам вобраз хаты-карабля. Карабель з’яўляецца надзейнай аховай для марака ў час буры, а таксама ён становіцца адзіным для яго домам пад час падарожжа. Аўтар падкрэслівае, што хата, як і карабель, з’яўляецца надзейнай аховай ад усіх жыццёвых штормаў. І такой аховай стала для В. Дуніна-Марцінкевіча Люцынка, калі за пісьменнікам быў устаноўлены нагляд паліцыі.

Вобраз хаты сустракаецца і ў вершаваным апавяданні В. Дуніна-Марцінкевіча «Благаславёная сям’я». Ва ўступе аўтар палоніць чытача сыноўнімі пачуццямі да Радзімы. Паэт параўноўвае Мінск з «прыгожым Парыжам», «легендарным Рымам», «старымі Афінамі», «туманным Лонданам». Далей В. Дунін-Марцінкевіч малюе побытавыя сцэнкі з жыцця шляхецкай сям’і: *«Узвышаўся над Свіслаччу, ціхай ракою, // Панскі домік калісь, повен шчасця й спакою…»* [7, С. 235]. *«Завітай да сям’і, дзе падчашы главою, // У той дом, што над Свіслаччу, ціхай ракою, // Там цябе дэпутат*

прывітае гасцінна, // Там паціснe руку шчыра дзед табе сівы, // … Госць у дом – Бог у дом!» [13, с.236].

Гэты дом сімвал шляхецкай Беларусі, дзе паважаюцца гонар, розум, каханне, цнатлівасць, гумар, а не культывуюцца статус, пасада, грошы.

Вобраз хаты прысутнічае ў гістарычным апавяданні «Люцынка, альбо Шведы на Літве». Тут адразу можна сцвярджаць, што ў апавяданні сустракаецца вобраз фальварка Люцынка, таму што ва ўступным слове В. Дунін-Марцінкевіч адзначае «калі я набыў мой маленькі фальварачак Люцынка, пры аглядзе яго перш за ўсё зацікавіла мяне мясцовасць; – дзеля гэтага стаўся я ад старых людзей, якія здаўна тут жывуць, дапытацца, ці не мае яна якіх гістарычных паданняў – і амаль у адзін голас мне расказвалі, што тут менавіта знаходзіўся калтсьці, у старажытныя часы, езуіцкі кляштар з храмам божым і што ў час нашэсця шведаў, за Карлам XII, кляштар гэты разам з касцёлам ператвораны быў у груд друзу, а манахі былі замучаны адзіна за тое, што не хацелі паказаць месца, дзе імі былі схаваны касцёльныя скарбы – і так тыя скарбы і да гэтага часу яшчэ знаходзяцца недзе ў зямлі. Дужа шануючы ўсялякія гістарычныя паданні пра наш край, заахвоціўся я, можа на бяду шаноўнага чытача, з паданняў гэтых саснаваць няздольным маім пяром наступную маленькую аповесць…» [7, с. 300]. У пралогу В. Дунін-Марцінкевіч піша, што на чужыне добра, «люд шчасны і дужы» – «апельсіны ён мае і топча ён ружы», аднак аўтару мілей свая хаціна: *«Ды мілешы парог мне старэнькай хаціны, // Незайздросная хата: дах – лата на лаце, // Ды затое свая, нібы родная маці»* [7, с. 301].

Такім чынам, як падцвярджаюць назіранні, у паэзіі В. Дуніна-Марцінкевіча вельмі часта сустракаецца вобраз хаты. Гэты вобраз выступае як сімвал адзінства з прыродай, як яе частка. Хата сімвалізуе шчаслівае жыццё, спакой, утульнасць, адгароджанасць ад чужога свету, увасабляе свет творчасці, выступае як вобраз Беларусі. Хата – святое месца, дзе чалавек знаходзіць душэўны спакой і суцяшэнне.

Месца Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча ў гісторыі беларускай літаратуры вызначана даўно і трывала: ён па праву лічыцца класікам новай беларускай літаратуры. В. Дунін-Марцінкевіч увайшоў у беларускую літаратуру не толькі як пісьменнік, але і як актор, драматург, перакладчык, грамадскі дзеяч, публіцыст і асветнік.

Дзейнасць В. Дуніна-Марцінкевіча як пачынальніка новых шляхоў у літаратуры была для Беларусі XIX стагоддзя наватарствам.

Гістарычнае значэнне пісьменніка, як сцвярджаў на пачатку XX стагоддзя М. Багдановіч, не толькі ў дэмакратызме і гуманізатарскіх тэндэнцыях, але і ў тым, што сваімі мастацкімі творамі ён настойліва «нагадваў аб існаванні беларускай мовы і зародкаў беларускай літаратуры, скіроўваў увагу на пытанне аб магчымасці іх далейшага развіцця» [2, с. 61].

Літаратура

1.Каратынскі В. Творы / В. Каратынскі – Мн. : Маст. літ., 2007. – 309 с.

2. Лазарук М. А. Гісторыя беларускай літаратуры: XIX – пачатак XX ст.: Падруч. для філал. фак. пед. ВНУ / І. Э. Багдановіч, У. В. Гніламёдаў, Л. С. Голубева, і інш.; пад агул. рэд. М. А. Лазарука, А. А. Семяновіча. – 2-е выл., дапрац. – Мн. : Выш. шк., 1998. – 560с.

3. Мальдзіс А. В. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі: эсэ; Восень пасярод вясны: аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў / А. В. Мальдзіс. – Мн. : літ., 2009. – 479 с.

4. Содаль У. Вінцэнт Якуб Дунін-Марцінкевіч: Жыццё і творчасць / Аўтар-склад. У. Содаль; Маст. В. П. Сташчанюк. – Мн. : Нар. асвета. – 1997. – 104 с.

5. Сыракомля У. Выбраныя творы / У. Сыракомля. – Мн. : Маст. літ, 2011. – 584 с.
6. Янушкевіч Я. Дунін-Марцінкевіч, В. Творы / [Уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча]. – Мн. : Маст. Літ., 1984. – 527 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. 5т. Т.2. Г–К /Рэд. Тома А.Я. Баханькоў Мн. : Гал.рэд. Беларус. Савецкая энцыклапеды, 1978. – 768 с.
8.Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 11. Р–С / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; уклад.В. Л. Авілава [і інш.]; рэд. Г. А. Цыхун. – Мн. : Беларус.навука, 2006. – 333 с.

К.О. Соловьёва, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.филол.н. доц. К.А. Нагина

«ЖЕНСКИЙ МИФ» В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ»

С самого начала повесть «Казаки» создавалась Л.Н.Толстым в полемике с романтическими сочинениями о Кавказе. «Казаки» получили самый широкий критический отклик среди всех произведений Толстого, написанных к тому моменту. Идея повести − прелесть близкой к природе жизни в отрыве от современной цивилизации − была понята всеми.

Лев Николаевич изобразил в повести естественную нравственность, представление о которой складывается у него на протяжении 50-х годов. Первоначально повесть была задумана как прославление свободного и дикого существования казаков. Но по мере того, как творчески рос и развивался автор, вместе с ним менялся и замысел произведения. Со временем «Казаки» перестали быть просто романом о природе. В процессе редактирования повести конфликт природы и цивилизации отходит на второй план.

Главный герой повести, Дмитрий Оленин, близок автору и по духовному опыту, и по нравственным устремлениям. Как и Толстой, он оказывается на Кавказе в попытке начать новую жизнь, *«в которой уже не будет больше ошибок, не будет раскаяния, а наверное будет одно счастье»* [4, с. 270]. Но вместо воображаемых по пути на Кавказ картин в духе русской романтической литературы герою повести предстояло увидеть настоящую жизнь и ощутить себя чужим в нетронутом цивилизацией мире.

Первые три главы повести вводят читателя в мир душевных переживаний Оленина, его неудовлетворенности и волнующих предчувствий.

Оставив Москву и попав в станицу, Оленин открывает для себя новый мир, который сначала глубоко заинтересовывает его, а потом неудержимо влечет к себе. По дороге на Кавказ он думает: *«Уехать совсем и никогда не приезжать назад, не показываться в обществе»* [4, с. 278]. В станице он вполне осознает несовершенство своей прежней жизни.

В произведениях раннего периода творчества Толстого рядом с мужскими образами существует целая галерея женских образов, которые воплощают эстетический идеал писателя.

Главную героиню Марьяну в повести «Казаки» писатель наделяет лучшими качествами, необходимыми, на его взгляд, для будущей жены и матери. Женщина в мире Толстого излучает не только счастье, любовь, но силу и энергию. Нравственность − самый главный критерий, по которому он оценивает свою героиню.

Женский миф в «Казаках» представлен Марьяной. Она воплощает для главного героя Дмитрия Оленина, как и для самого Толстого, *«идеал жизни», «образец для суждения о должном и недолжном»* [4, с. 65].

Повесть Толстого «Казаки» упрочивает ту связь сада с женским началом, которая была намечена писателем в повестях «Детство», «Юность» и закреплена в маленьком романе «Семейное счастие».

Толстой стремится понять, *«может ли чувственная любовь, воплотившаяся в полной мере в отношениях влюблённых, всё так же способствовать обретению смысла жизни и приобщению к Божественному»* [2, с. 6].

Сад становится непременным местом действия в повести Толстого «Казаки». Виноградный *«сад располагает и к томлению по Божественному, и к любовным переживаниям»* [2, с. 10]. В будничном течении жизни мысли и чувства Оленина находятся в постоянном напряжении. Когда герой попадает в виноградный сад, его чувства обостряются, мечты и мысли, так долго волновавшие душу, заставляют действовать.

Среди толстовских садов виноградный сад «Казаков» занимает особое место. Станицу окружают живописные пейзажи: *«С одной стороны дороги, проходящей через станицу, − река; с другой − зеленеют виноградные, фруктовые сады и виднеются песчаные бруны <…> Ногайской степи»* [4, с. 165]. Писатель сообщает в повести, что виноградники, как, впрочем, дом и всё хозяйство, являются вотчиной женщины. Казак «почти никогда не работает дома», а *«большую часть времени проводит на кордонах, в походах, на охоте или рыбной ловле»* [4, с. 165]. Однако сад в повести явно не ограничен функциями пейзажной или почти бытовой приметы Кавказа.

Виноград и будущее вино выступают здесь эмблемой всеобщего единения: *«Всё население станиц кишило <…> в виноградниках. Мальчишки и девчонки в испачканных виноградным соком рубашонками, с кистями в руках и во рту бегали за матерями»* [4, с. 170]. В единении пребывают все: казаки, дети, «мамуки», солдаты, ногайцы - работники и даже животные.

В эпизоде сбора урожая Оленину отведена роль искусителя. Он не умеет работать, но умеет любить. На приглашение матери Марьяны к совместному труду: *«Приходили бы лучше нам подсобить. С девками поработали»,*− отвечает: *«Да я не умею работать»* [4, с. 183]. Виноградный сад в этом контексте выступает не только как место всеобщего труда, но и как пространство любви.

«Стремление к проникновению в тайну счастья, в глубинные душевные основы притяжения любви, в загадку жизни другой души − всё это увязано в Толстом» [1, с. 36]. Для Льва Толстого тема счастья становится его личной, она проходит через всё его творчество. Тема счастья сопряжена с тайной женственности и любви, вырастающей из отголоска прошлого, из воспоминания о невозвратном. В повести «Казаки» автор заставляет героя прикоснуться к тайне счастья, заглянуть в глубины возникновения человеческого влечения и любви.

Для Толстого, как и для его персонажей, жизнь состоит в поисках счастья: *«Исполняя свою миссию, герой испробует различные варианты счастья, он будет искать его в наслаждении, в материальном благополучии, в славе, в альтруизме, в любви»* [3, с. 30]. Человек в мире Толстого рождён для счастья: «Кто счастлив, тот и прав», − говорит в черновой редакции «Казаков» Дмитрий Оленин, охваченный экстатическим восторгом радости бытия.

Марьяна, *«совершенная», «удивительная»* красавица, − *«гордая и весёлая царица»* [4, с. 243]. Между другими, она ощущает своё превосходство, признаваемое всеми.

Оленин каждую минуту думает, что говорит и делает что-то *«не то»* [1, с. 266]. Он испытывает стыд, «первичное», как считает Б.И. Берман, *«творческое чувство у Толстого»* [1, с. 64]. Слова о красоте Марьяны, слова о любви даются ему с трудом и звучат «пошло», потому что оскорбляют идеал. Поддаться соблазну − значит заглушить в себе голос внутреннего человека, который и говорит: «не то».

Подчинение чувственной любви для толстовского персонажа равносильно оскорблению идеала, что ощущает и сам Оленин во время сбора урожая с Марьяной в саду. В сцене свидания Оленина и Марьяны в виноградном саду семантика сада как локуса чувственной любви проявляется особенно отчётливо. Оленину делается неловко наедине с Марьяной: *«Руки их столкнулись. Оленин взял её за руку, а она улыбаясь глядела на него <…> Слова звучали ещё пошлее, ещё не согласнее с тем, что чувствовал…. Но её лицо, её блестящие глаза, её высокая грудь, стройные ноги говорили совсем другое»* [4, с. 277].

Сцена в виноградном саду ничего не меняет в их отношениях, но после этого свидания Оленин проводит ночь без сна, заглядывает в окно Марьяны, стучится в дверь.

Оленин пытается проанализировать то чувство, которое у него возникло к гордой казачке. Он не может определить, к какому роду любви относится чувство, томящее его душу. *«Может быть, я в ней люблю природу, олицетворение всего прекрасного природы; но я не имею своей воли, а чрез меня любит её какая-то стихийная сила, весь мир божий, вся природа вдавливает любовь эту в мою душу и говорит: люби. Я люблю её не умом, не воображением, а всем существом моим»* [4, с. 274].

Однако Марьяна не может быть для Оленина частью его жизни. Она – дитя другого мира, живущего по иным законам. Когда Лукашка оказывается на грани жизни и смерти, героиня отвергает Оленина:

«И такое отвращение, презрение и злоба выразились на лице её, что Оленин вдруг понял, что ему нечего надеяться, что он прежде думал о неприступности этой женщины − была несомненная правда» [4, с. 146].

В «Казаках» Оленин создаёт свой миф о Марьяне. *«Она выше меня, она счастлива, она, как природа, спокойна, ровна, сама в себе, а я, исковерканное слабое существо, хотел, чтобы она поняла мои мученья»* [4, с. 120]. Марьяна для Толстого – чистейшее выражение любви и нравственности: *«Ей никого не нужно было, и поэтому я чувствовал, что без неё нельзя жить»* [4, с. 285]. *«Лев Толстой отправляется от чего-то исходного в себе и в мире, и это представление исконного лона счастья воплощает в образе женщины, который уже не укладывается в рамки художественного образа и тяготеет к мифу»* [1, с. 64].

Литература

1. Берман Б. И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича / Б. И. Берман. − М., 1992. − 205 с.

2. Нагина К. А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л. Толстого / К. А. Нагина. – Воронеж, 2012. – 443 с.

3. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Л.Н.Толстой. М., 1949.– Т. 60. Ссылки на это издание даются в сносках с указанием тома и страницы.

4. Толстой Л. Н. Казаки / Л. Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 томах. – М.: Худ. лит., 1978-1985. − Т.3.

А.Ю. Суязова, студ. историко-филологического ф-та
Борисоглебского ф-ла ВГУ (Борисоглебск)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. С.Ю.Толоконникова

ТЕМА ДРУЖБЫ В ПОЭЗИИ В. ВЫСОЦКОГО

В творчестве В.С. Высоцкого тема дружбы занимает центральное место. Произведения данной тематики посвящены друзьям (это собственно лирика), но есть и тексты-роли, в которых лирическое «я» очень отдалено от собственно авторского.

Многоликость в поэзии, прежде всего, выражалась в множественности лирических посредников того или иного типа, то есть в произведениях Высоцкого мы можем наблюдать собственно лирического героя, ролевого героя и, как отмечает исследователь Т.А. Волохова, лирическое «я» (мы), голос (субъектная организация) [2].

Многие высоцковеды определили границы авторского сознания и его проявления в текстах. Помимо ролевого и лирического героев, выделяются и персонажи, героимаски (об этом писали Н.В. Федина, А. Скобелев и С. Шаулов, М.В. Воронова, А. Кулагин и многие другие). Мы остановимся подробнее на лирическом и ролевом героях стихотворений и песен Высоцкого и проанализируем, в каких текстах, содержащих тему дружбы, и как они себя проявляют.

Проблема соотношения, выявления и разделения ролевого и лирического героев в творчестве В.С. Высоцкого поставлена уже давно. Многие крупные исследователи анализировали данные вопросы, написано было много научных работ по данной теме.

Если мы обратимся к словарю литературоведческих терминов, то узнаем, что лирический герой – это наделённый устойчивыми чертами личности, неповторимостью облика, индивидуальной судьбой условный образ человека, который говорит о себе «Я» в лирическом стихотворении; один из способов выражения авторского сознания в лирическом произведении, а ролевая лирика – повествование от первого лица, воспринимаемого читателем как нетождественное автору [5, с. 80-81]. Но это только теория, а на практике получалось, что в текстах В.С. Высоцкого читатель (или слушатель) часто путали лирического и ролевого героев. Многие учёные и исследователи творчества В. Высоцкого затрудняются дать чёткое разделение этих типов лирических посредников. В некоторых текстах можно достаточно легко выявить ролевого героя, например, с помощью характера типа речи. Об этом средстве маркировки лирического и ролевого героев Высоцкого пишет в своей статье «Стилистические средства маркировки лирического и ролевых героев В.С. Высоцкого» исследователь М.В. Воронова [3]. Автор статьи говорит и о других средствах маркировки ролевого и лирического героев Высоцкого.

В. Высоцкий был разносторонним, интересным, очень талантливым и познающим мир человеком. Вокруг него всегда было много разных людей, потому что он был притягателен и прост в общении, что отмечают многие знавшие его. У В.С. Высоцкого было много друзей. Но он чётко видел грань между друзьями, товарищами и просто знакомыми. При жизни поэта круг настоящих друзей был не столь широк, как после его смерти. Когда Высоцкого не стало, сразу многие, даже плохо знавшие барда, объявляли себя его друзьями.

Как отмечает У.Ш. Гадайбаев в своей статье «Проблема дружбы в творчестве Владимира Высоцкого», идея настоящей и искренней дружбы пронизывает всё творчество Владимира Семёновича Высоцкого, бард был талантлив не только в поэзии, в искусстве, но и в вопросах дружбы и товарищества [4, с. 26]. Это мы можем узнать и из воспоминаний его друзей и знакомых.

В. Высоцкий по-своему понимает дружбу и те черты, которые присущи другу. По мнению многих критиков, поэт отмечает, что его друг (и друг вообще) должен обладать такими качествами, как готовность прийти на помощь в трудную минуту (друг познаётся в беде), понимание, преданность, верность, честность, открытость, а также друг должен быть активным, действенным, неравнодушным, всегда что-то ищущим, преодолевающим все преграды.

У.Ш. Гадайбаев отмечает, что дружба у В. Высоцкого всегда проверяется трудной ситуацией, а преданность – риском [4, с. 26]. Поэт в своих стихах и песнях всегда искал необыкновенной, сильной, преодолевающей все преграды, верной дружбы, искал

подвига, а человеческое несовершенство огорчало и угнетало поэта. Обо всём об этом он пишет в стихотворении «Маски».

В данном стихотворении перед нами выступает собственно лирический герой. Мы слышим внутренний монолог автора, в котором он говорит об окружающих его людях, об обществе, которое надело маски, сквозь которые не видно лиц. Окружающие скрыли свои лица, они, возможно, уже и не помнят своего настоящего лица, даже обычное лицо самого лирического героя принимают за маску:

Так-так, моё обычное лицо
Все остальные приняли за маску.
(1971 г.) [1, с. 263-264].

В стихотворении «Маски» лирический герой пытается нам раскрыть внутреннюю сущность современного общества, пытается сказать о том, что все люди на него «глядят с укором», что он отличается от окружающих и им это не нравиться, они говорят ему, что он поступает неправильно, не так, как это принято в их сообществе, что их не устраивает его поведение и, даже больше, их не устраивает его система взглядов на мир, на общество окружающих его людей:

Петарды, конфетти! Но все не так...
И маски на меня глядят с укором.
Они кричат, что я опять не в такт,
Что наступаю на ноги партнерам.
(1971 г.) [1, с. 263-264].

В данном стихотворении В. Высоцкий осуждает общество и его пороки, которые разлагают души и лица людей (и они стремятся эти лица спрятать за масками).

Лирический герой хочет найти свою музу, найти какую-то цель в жизни, находясь в этом обществе, но даже если и найдёт то, что искал, того настоящего человека, то всё равно не попросит снять маску, потому что боится увидеть под маской не лицо, а ещё одну маску. Герой стихотворения почти не верит в то, что сможет найти настоящего друга, единомышленника в этом маскарадном обществе.

Лирического героя очень печалят некоторые его современники, что он и выражает в стихотворении. Герой стихотворения понимает, что лица людей закрыты потому, что одни хотят скрыть свои пороки и недостатки, а другие надевают маску равнодушия, чтобы защититься «от плевков и от пощёчин».

Впоследствии герой добавляет, если и без маски человек не был добрым, отзывчивым, понимающим, поступал так, как выгодно ему, то и нет смысла снимать маску потому, что и настоящее лицо цинично и фальшиво:

Но если был без маски подлецом,
Носи её. А вы? У вас все ясно.
(1971 г.) [1, с.263-264].

Окружающее героя общество вовлекает его в свой порочный круг, но герой не желает быть частью такого сообщества, он пытается сопротивляться, призывает не скрывать своих настоящих чувств и мыслей, потому что они прекраснее без фальши и лжи:

Зачем скрываться под чужим лицом,
Когда свое, воистину, прекрасно?
(1971 г.) [1, с. 263-264].

Герой боится ошибиться и «доброго лица не прозевать», он хочет увидеть настоящее лицо настоящего человека сквозь эти маски, но это сделать очень сложно, потому что люди решили скрыть свои лица, свои мысли, свои взгляды и поступки за масками:

Как доброго лица не прозевать,
Как честных угадать наверняка мне?
(1971 г.) [1, с. 263-264].

Итак, В.С. Высоцким было написано много произведений, в которых главной темой была тема дружбы. Одни стихотворения носили биографический характер (собственно лирические тексты), а другие – ролевой (ролевая лирика).

Литература

1. Высоцкий В.С. Сочинения: в 2-х т. / В. С. Высоцкий. – Т.1. Песни / сост. А. Крылов. – М. : Локид; Осирис, 1999.

2. Волохова Т. А. Герой ролевой лирики В. Высоцкого / Т. А. Волохова // http://grani2.kznscience.ru/participants/sekciya1/volohovata.

3.Воронова М. В. Стилистические средства маркировки лирического и ролевых героев В.С. Высоцкого / М. В. Воронова // В. С. Высоцкий: исследования и материалы: сборник статей. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 117-128.

4. Гадайбаев У. Ш. Проблема дружбы в творчестве Владимира Высоцкого / У. Ш, Гадайбаев // Гуманистические искания В. Высоцкого и проблемы духовной жизни человека в современном мире: сб. науч. ст. – Уфа-Сочи: Изд-во «Восточный университет», 2004. – С. 26-27.

5. Словарь литературоведческих терминов для выпускников и абитуриентов / авт.-сост. А. А. Инджиев. – Ростов н/Д : Феникс, 2010.

Д.Д. Уткин, студ. ВУНЦ ВВС «ВВА» (Воронеж)
А.В. Варушкина, к.филол.н. ст. преп. ВУНЦ ВВС «ВВА» (Воронеж)

МИФ О ПОЛЕТЕ В ПОВЕСТИ Р. БАХА «ЧАЙКА ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН»

Мысль о полете сопровождала человечество с самого начала его существования, воплощаясь в сказке, предании, мифе. Так, сюжет о полете Дедала и Икара запечатлен в «Метаморфозах» Овидия, «символической сокровищнице европейского искусства» [5, с. 8]. Полет в мифе о Дедале и Икаре изображался способом обретения свободы и родины. Одновременно воспарение Икара к небесам олицетворяло и стремление приблизиться к высшим, божественным сферам.

Миф о полете наиболее полно воплотился в европейском искусстве: с небом связываются мечты о свободе как внешней, так и внутренней, о разгадке смысла человеческого бытия, надежды на преобразование общественной жизни, преображение человека. Как справедливо замечает Роберт Уол (Wohle R. Passionforwings, 1994), авиация (полет Уилбора Райта, 1908 г.) возвратила человечеству «утраченную было возможность жить в мечтах» [цит по: 2, с. 94]. Неудивительно, что многие профессиональные летчики XX века были писателями (А. де Сент-Экзюпери, Р. Даль), а некоторые писатели стали авиаторами (Г. Д'Аннунцио). Одной из таких культовых фигур XX века является и американский военный летчик, исследователь, знаменитый писатель, философ Ричард Бах (род. в 1935 г.), во многом продолжающий традиции «авиационной» прозы, заложенные предшественниками – Г. д'Аннунцио, А. де Сент-Экзюпери: это широкое использование технического дискурса (летно-техническая терминология), эмоциональная насыщенность и психологизм, философская направленность.

В данной работе мы обратимся к вопросу переосмысления мифа о полете в творчестве Р. Баха, в частности в наиболее известном произведении автора – «Чайка Джонатан Ливингстон» (Jonathan Livingston Seagull, 1970). «Чайка Джонатан Ливингстон» – это повесть-притча, рассказывающая о птице, учившейся жизни и искусству полета. Сам же Бах утверждал, что повесть написана под впечатлением реальных полетов «потрясающего» пилота Джона Ливингстона с 1920 по 1930 годы.

Чайку Джонатан Ливингстон с молодости обескураживает бессмысленность и узость существования чаек, обеспокоенных лишь своей ежедневной борьбой за пропитание. Охваченный страстью к совершенствованию (to touch excellence), Джонатан всецело отдается изучению полета как искусства и образа бытия, а не как способа перемещения в пространстве для добычи пищи: "*My brothers!.. for a thousand years we have scrabbled after fish heads, but now we have a reason to live – to learn, to discover, to be free!*" [1, 22].

Таким образом, если в мифе о Дедале и Икаре полет представляется способом обретения внешней свободы (Дедал отправляется в воздушное путешествие, *«страстно влекомый назад любовью к родным пределам»* [4]), то в повести Р. Баха полет – это путь обретения свободы внутренней, свободы от запретов и традиций: *"Instead of our drabslogging forth and back to the fishing boats, there is a reason to life! We can lift ourselves out of ignorance, we can find ourselves as creatures of excellence and intelligence and skill. We can be free! We can learn to fly!"* [1, 19].

Во время одной из своих тренировок Джонатан подверг себя смертельной опасности, что и заметили старейшины: "*Jonathan Seagull stand to center for Shame in the sight of your fellow gulls!.. for reckless irresponsibility… violating the dignity and tradition of the Gull Family… life is the unknown and the unknowable, except than we are put into this world to eat, to stay alive as long as we possibly can"* [1, 21-22]. Карой чайке, преступившей законы Стаи, стало изгнание в дальние скалы, жизнь и смерть в полном одиночестве.

Полет Икара заканчивается его падением и гибелью вследствие неосторожности, «ребячьей забавы»: «*начал тут отрок Икар веселиться опасным полетом*…» [4]. Джонатан же сознательно идет на риск, самопожертвование, чтобы обрести знание, прикоснуться к совершенству, научиться летать. Джонатан вынужден противостоять не только мнению Стаи, но и бороться с неким внутренним представлением о себе и своих способностях (недаром он слышит голос внутри себя): *"I am seagull. I am limited by my nature…"* [1, 13-14].

Миф об Икаре олицетворял неспособность человека овладеть искусством полета, доступного лишь богам. Более того, само стремление уподобиться крылатым богам вызывало удивление и ужас. О. де Бальзак в одном из писем замечает: «человеческая традиция от Икара до Пилатра де Розье с ужасом рассказывала о падении тех, кто бился лбом об этот запрет (запрет богов на полет)» [2, с. 97].

В прозе же XX века миф об Икаре подвергается переосмыслению. Однажды Джонатан встречает двух сияющих чаек, которые забирают его в «более совершенную реальность» – на Небеса, в следующий, лучший мир, достижимый через собственное самосовершенствование. Этот мир населен чайками, посвятившими себя искусству полета. Джонатан с удивлением узнает, что его упорство и всепоглощающая устремленность в обучении позволили ему проделать путь эволюционного развития, на который уходят десятки тысячи жизней. В новом мире Джонатан знакомится с Чиангом – мудрой чайкой-старейшиной. Чианг становится наставником Джонатана и учит его перемещаться со скоростью мысли в пространстве и времени. По словам Чианга, секрет успеха заключается в глубоком осознании того, что истинное «Я» живет одновременно в любой точке пространства, в любой момент времени и не является узником тела с ограниченным набором заранее запрограммированных возможностей. Вскоре Джонатан принимает решение вернуться на Землю, чтобы передать полученные знания таким же чайкам, каким он был и сам когда-то, чтобы поделиться страстью к полету и стремлением к совершенству. Он со-

бирает небольшую команду из чаек изгнанных стаей, и начинает обучать их мастерству полета. Добившись впечатляющих успехов, вся команда под его предводительством возвращается в стаю. Вскоре Джонатан передает свою роль наставника одному из своих первых учеников, а сам покидает земной мир, продолжая путь совершенствования.

Таким образом, миф о новом Икаре – Чайке приобретает победоносный финал: благодаря вере в себя и свои силы Джонатан обретает истинную свободу и неограниченные возможности: *'We can start working with time if you wish," Chiang said, "till you can fly the past and the future. And then you will be ready to begin the most difficult, the most powerful, the most fun of all. You will be ready to begin to fly up and know the meaning of kindness and love"* [1, 38].

Думается, метафорическая сущность полета современного Икара, каковым нам представляется Чайка Джонатан Ливингстон, состоит в преодолении собственных ограничений, утверждение свободной и полнокровной жизни, преодоление безверия и небытия.

Литература

1. Bach R. Jonathan Livingston Seagull / R. Bach / Предисловие, комментарий, словарь Е. В. Угаровой. – М. : Айрис пресс, 2003. – 103 с.

2. Желтова Е. В. Миф о летчике-сверхчеловеке в европейской культуре начала XX века / Е. В. Желтова // ВИЕТ. – 2001. – № 2. – С. 94-115.

3. Жуковский А. Творчество и философия Ричарда Баха. – Топос. – 2011. – 12 июля [электронный ресурс]. URL: http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/tvorchestvo-i-filosofiya-richarda-bakha-1 (дата обращения 25.01.2015).

4. Овидий Публий Назон. Метаморфозы / Публий Назон Овидий / Пер. С. Шервинского. – М. : Худ. лит-ра, 1977. – 430 с.

5. Роговин И. К. Интерпретация сюжетов «Метаморфоз» Овидия в европейском искусстве (мифы о Фаэтоне, Нарциссе и Эхо, Дедале и Икаре, Филемоне и Бавкиде) / И. К. Роговин. – Автореф. на соиск. … канд. искусствоведения. – М., 2007. – 24 с.

С.С. Фролова, студ. института филологии
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Н.И. Платицына

ПОЭТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РОМАНЕ С. БЕЛЛОУ «МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ»

Общеизвестно, что национальный характер как теоретическая проблема имеет длительную и успешную историю изучения. К его научной рефлексии, как, впрочем, и национальной идентичности, менталитета, обращаются историки, социологи, психологи, философы, культурологи, литературоведы. Отечественная филологическая наука располагает многочисленными работами, в которых национальный характер исследуется на материале художественной литературы (см. труды А.Б. Ботниковой, В.П. Григорьевой, Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, Н.Л. Потаниной, Б.М. Проскурнина, Н.И. Соколовой, Н.А. Соловьёвой, И.А. Стернина, В.В. Струкова, Т.Г. Струковой, С.Н. Филюшкиной, М.В. Цветковой и др.).

В современной гуманитаристике сложилось множество подходов к интерпретации национального характера и анализу способов его экспликации, в том числе в художественном произведении. В одном из определений констатируется, например, что под национальным характером следует понимать «совокупность наиболее устойчивых психологических качеств, сформированных у представителей нации в определённых при-

родных, исторических, экономических и социально-культурных условиях ее развития» [5, URL]. Известный социолог И.С. Кон, осмысливая генезис термина «национальный характер», указывает на то принципиальное обстоятельство, что он появился «первоначально в литературе о путешествиях с целью выразить специфику образа жизни того или иного народа»[4, URL].

Ж.В. Четвертакова подчёркивает, что национальный характер может быть непостоянной величиной в связи с закономерным изменением сознания, обусловленным исторически. Национальный характер, по замечанию исследователя, является «продуктом определённых исторических условий и культурных влияний» [6, URL].

Рост национального самосознания и стремление американцев обрести национальную идентичность закономерно обусловили пристальный интерес американской литературы XIX-XX веков к поэтике национального характера. Под поэтикой мы понимаем «целостную систему, совокупность художественных средств (композиция, сюжет, язык и стиль и т.д.), проявление которых в произведении обусловлено авторским замыслом или является характерным для того или иного жанра, писателя, направления, национальной литературы» [2, с. 164].

Позволим себе небольшое отступление, продиктованное необходимостью в общих чертах реконструировать историко-литературный процесс Соединённых Штатов Америки в той его части, которая связана с писателями, в чьём поле зрения спорадически оказывалась проблема национального характера. Знаменитый американский писатель Генри Джеймс (1843–1916), принявший британское подданство, оказавший мощное влияние на индивидуально-авторскую картину миру Сола Беллоу (автора, чей роман «Между небом и землёй» становится объектом изучения в рамках данной статьи), во многих своих произведениях обращался к воспроизведению американских национальных черт и изображал их носителей – типичных американцев. Так, например, в романе «Американец» (1877) Г. Джеймс мастерски демонстрирует наиболее показательные, с его точки зрения, черты американского национального характера: предприимчивость, практичность, простодушие, естественность, самоуверенность. Роман содержит размышления о двойственной природе американского апломба, проистекающего из убеждённости в превосходстве американского образа и стиля жизни над европейским. Г. Джеймс указывает на неправомерность подобного отношения к жизни.

Другой американский писатель, интеллектуальное воздействие которого на Сола Беллоу несомненно, – Генри Брукс Адамс (1838–1918). В автобиографической книге «Воспитание Генри Адамса» (1907) показаны специфические особенности национального характера на примере главного героя. В юном возрасте мальчику были присущи черты уроженца Новой Англии (регион на северо-востоке США, где родился Генри Адамс. – С.Ф.): «*Привычка ставить все под сомнение, <…>, страх перед ответственностью, любовь к порядку, форме, качеству, боязнь скуки, тяга к дружбе и нелюбовь к обществу – все эти качества отличают, как известно, уроженца Новой Англии, хотя отнюдь не каждого*» [1, URL]. В более сознательном возрасте герой книги Адамса оказался воодушевлён идеей превосходства американской нации над остальным миром, стремясь воплотить хрестоматийную «американскую мечту».

Своеобразие подхода к воплощению национального характера Солом Беллоу заключается в синтезе культурных традиций Америки, еврейского и русского этносов.

Роман «Между небом и землёй» («Dangling Man», 1944) стал дебютным произведением американского писателя еврейского происхождения, лауреата Нобелевской премии по литературе 1976 года Сола Беллоу (Saul Bellow, 1915–2005). Дневниковые записи-рассуждения главного героя романа становятся главным источником рассуждений об окружающем мире в целом и об американском национальном характере в частности.

Уже на первой странице дневника герой предаётся рассуждениям об уникальной особенности американского национального характера: «*Кодекс спортсмена, делового человека, крепкого парня – американское наследие, по-моему, от английского джентльмена (забавная смесь: аскетизм, ригоризм плюс напор) <…> сейчас особенно неумолим*» [3, с. 5]. Внешняя уверенность и неуязвимость, лоск, сила – традиционные внешние «атрибуты» английского джентльмена стали достоянием американского национального характера отнюдьне случайно: Беллоу, по-видимому, отсылает своего читателя к известному историческому факту английской колонизации США и распространению на территории Америки пуританского мировоззрения с присущими ему и упомянутыми писателем аскетизмом и ригоризмом.

Использование приёма психологизма характерно для всех романов С. Беллоу, которого нередко именуют «американским Достоевским». Дневник, позволяющий проникнуть в глубины внутреннего мира и душевных переживаний Джозефа, демонстрирует мастерское владение Беллоу указанным приёмом. Мысли, чувства, рассуждения, находящие своё отражение в дневниковых записях, проявляют специфические особенности характера Джозефа, его отличительные черты, становясь основой экспликации американского характера.

В личности главного героя романа акцентирована важная черта: в условиях обременения граждан страны воинской повинностью Джозеф, стремящийся обрести «баланс между тем, чего хочется, и тем, что приходится делать», переживает конфликт личного и общественного. С одной стороны, Джозеф чувствует связь с окружающим миром, единство с современным обществом, с другой – сознавая свою индивидуальность, герой, по выражению Б. Спинозы, старается «сохранить самого себя». Здесь представляется уместным сопоставление романа «Между небом и землёй» и автобиографической книги «Воспитание Генри Адамса»: боязнь скуки, страх перед ответственностью, нелюбовь к обществу – качества, характеризующие Адамса как типичного уроженца Новой Англии, – оказываются присущи Джозефу, герою романа Беллоу.

Типичными для американцев национальными чертами обладают и другие герои исследуемого романа. Среди них – брат главного героя Эймос, воспринимающийся как подлинное воплощение «американской мечты»: «*начал свою карьеру посыльным на бирже, а к двадцати пяти годам стал членом правления*» [3, с. 66]. Добившись материального благополучия и достатка собственным трудом, вместе с предприимчивостью Эймос приобрёл самоуверенность и тщеславие, высокомерие, эгоизм, корыстолюбие.

Ещё один герой, обладающий типичными чертами американского характера, − Моррис Абт, старый друг и бывший однокурсник Джозефа. Талантливый интеллигент, преподаватель политологии, пишущий статьи о политике, он обладает чрезмерной самоуверенностью, амбициями, упрямством, недоверием к чужим суждениям: «*Решил, что может достичь вершин, за что бы ни взялся*» [3, с. 99]. Несмотря на видимые различия характеров уроженцев Америки, Джозефа, Эймоса и Морриса объединяют целеустремлённость, уверенность, гордость, упрямство.

Таким образом, главные герои романа «Между небом и землёй» могут быть охарактеризованы, прежде всего, как носители национальных специфических черт, типичные представители американского социокультурного пространства. Аскетизм, ригоризм, стремление к материальному благополучию, индивидуализации, обретение коллективного «Я», предприимчивость, гордость, право быть собой, амбициозность, упрямство, самоуверенность – эти качества национального характера американцев отражены в романе Беллоу и подвергнуты пристальному художественному анализу.

Литература

1. Адамс Г. Воспитание Генри Адамса / Г. Адамс // URL: http://lib.ru/INPROZ/ADAMS_G/educatio.txt

2. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.

3. Беллоу С. Между небом и землёй / С. Беллоу. – М: АСТ, 2011. – 224 с.

4. Кон И. С. К проблеме национального характера / И. С. Кон // URL: http://scepsis.net/library/id_903.html

5. Социология: Энциклопедия // URL: http://voluntary.ru/dictionary/568/word/nacionalnyi-harakter

6. Четвертакова Ж. В. Закономерности формирования национального характера / Ж. В. Четвертакова // URL: http://cyberleninka.ru/article/n/zakonomernosti-formirovaniya-natsionalnogo-haraktera

Чжао И, стажер кафедры русского языка
для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н., ст. преп. Е.Е. Орехова

ЧЕТЫРЕ ОБРАЗА БЛАГОРОДСТВА: РАСТЕНИЯ В ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ КИТАЯ

Для восточного человека, мыслящего своё бытие в неразрывном единстве с природой, в которой он всегда видел живую аналогию с человеческой судьбой, философская идея о прекрасной нравственности тоже воплощается в природных образах. В культуре Китая много образов растений, у которых есть необыкновенное значение, и они часто появляются в стихах как лирический субъект.

Эти растения точно формулируют смысл жизни людей и их духовные интересы, они занимают важное место в культуре и искусстве Китая. Самые знаменитые из них – бамбук, орхидея, хризантема и слива мэйхуа. Их образно называют «четверо благородных в растениях». Каждому из этих растений приписывается определённое качество, а в совокупности четыре качества создают идеальный образ человека, который нужно реализовать.

Бамбук – один из любимых объектов в китайской культуре, он всегда воспевался поэтами, художниками и философами. Они говорят о том, что бамбук олицетворяет жизненную силу, постоянство и изящество.

В представлениях древних китайцев о философии и смысле жизни существует поверье, что его гибкость есть сила, которая может победить любую другую силу. Например, когда приходит сильная буря, если все деревья стоят прямо и крепко, то ждёт их только один результат – они сломаются. Гибкость бамбука, готового накрениться перед ударами стихий и судьбы, но всегда находящего силы вновь расправить ветви после пережитой бури, – такое качество очень похоже на характер китайцев, которые в нужное время готовы опустить голову и проявить гибкость.

Талантливый художник Чжен Баньцяо на одной картине написал стихотворение о бамбуке, в котором выразил своё отношение к жизни:

Бамбук вырастает из горы и не расслабляется,
уходит своими корнями в скалу.
После многих ударов и страданий он остаётся крепким,
и ему не страшен сильный ветер.

Орхидея. Эти цветы распространены практически по всей планете. Они обладают настойчивой жизнеспособностью, и поэтому на Востоке это символ возрождения, весны, любви и плодородия.

В традиционных китайских ритуалах орхидеи использовались для изгнания злых духов, поэтому они служат как талисман, оберегающий от зла.

В китайской философии считается, что скромность – это очень высокая добродетель, а орхидея в душе философа является символом скромности. Хотя это ароматное, красивое и дорогое растение, но растёт она далеко от шумного города.

Китайский поэт Сунь Кэхун в своём стихотворении сравнивает орхидею с красавицей и так восхваляет орхидею:

В далёкой горной долине живёт красавица,

Она такая благородная и самостоятельная.

После восточного ветра

В воздухе она оставила ароматный запах.

Не только китайцы очень любят орхидею, русским она тоже нравится. Например, поэт Борис Терушкин так воспевал орхидею в своём стихотворении:

К нам сойдя из утопии сказок,

В дивном парке цветут орхидеи.

Бал цветов всех оттенков и красок…

Как невесты, от скромности рдея.

Страсть, любовь, иль сомнений прохлада

В простоте – гениальность идеи.

Власть и кровь, боль и горечь, услада,

Всё смешалось в тебе, орхидея!

Хризантема во все времена была любимым цветком китайцев. Поскольку она продолжает цвести до поздней осени, когда все другие растения уже отцвели, она символизирует непритязательность, она сравнивается с другими яркими растениями, как человек, который сохраняет самую чистую душу, не обращая внимания на деньги и положение, и равнодушно относится к мишурной роскоши.

Хризантема – это буйство красок, бросающее вызов наступающей зиме. Этот цветок символизирует осень, а также бодрость духа перед наступающим уединением и является символом возвышенного одиночества.

Самая заметная китайская поэтесса Ли Цинчжао много раз писала в стихах о хризантеме.

Твоя листва – из яшмы бахрома –

Свисает над землей за слоем слой, Десятки тысяч лепестков твоих,Как золото чеканное, горят...О, хризантема, осени цветок,Твой гордый дух, вид необычный твойО совершенствах доблестных мужей

Мне говорят.

Ты не щадишь нисколечко меня! –Так щедро разливаешь аромат,Рождая мысли грустные о том,

Кто далеко.

В России хризантема – тоже символ разлуки, поэты с её помощью выражают печальное настроение. Например, Фаина Дмитриева писала так:

Ты хризантемы мне принес в подарок,

В осенний вечер, в тихий, синий час.

И этот вечер в памяти так ярок:

Слова твои, и ласка грустных глаз,

И нежный поцелуй твой на прощанье,

И твой уход туда, в осенний мрак…
И до сих пор живут воспоминанья
В твоих цветах, в опавших лепестках.

(«Ты хризантемы мне принёс в подарок... »)

Мэйхуа – цветы дикой сливы муме. Это одно из самых почитаемых в Китае цветущих растений. Она так же популярна в Китае, как в России берёза или в Японии сакура.

Дикая слива символизирует долголетие, зиму, красоту, чистоту. Мэйхуа цветёт зимой: когда снег и холод вынуждают другие цветы сдать свои позиции до тёплых времен, она стоит и радует взгляд. Это значит, что она не боится холода, сильного ветра и других трудностей, поэтому в китайской философии она также олицетворяет силу, стойкость. Теперь много людей плавает зимой или занимается закаливанием, чтобы развить у себя сильную волю и укрепить здоровье. Вполне возможно, что эти идеи тоже извлечены из образа мэйхуа.

И в Китае, и в России есть известные поэты, которые в стихах вложили свои идеи и чувства в образы этих растений. Например, китайскому поэту Хун Хуэйину принадлежат очень известные строки:

Мэйхуа – словно снег.
Расцвела и белеет под снегом, с ним соперничая белизной.
Мэйхуа вся в снегу.
Но никто её духа не сломит, нет предела упорству её.
Мэйхуа всё молчит
В ожиданье восточного ветра, лишь бы он возвратился скорей.
О, повей, заклинает,
Будь же ласков со мною и нежен и моим повелителем будь!

И русская поэтесса Любовь Андриевская написала стихотворение «А в саду мэйхуа»:

Почему же душа так тоскует?
Отчего сердце нежное мечется?
Ведь цветёт мэйхуа в Китае,
Мне бы там побывать, отметиться.
Ароматному , нежному деревцу
Не прижиться в России – не стерпится.
Слива дикая, стужей укрытая
Не проснётся весной, не зацветится.
Ей в объятьях родного пригорка
Утонуть бы! В озёрах просторных
Видеть тысячи парусных лодок,
Иероглифы башен узорных…
Лепестки под дождём осыпаются,
Мостик чуть затопила река.
И цикад стройный хор просыпается,
Лишь увижу во сне мэйхуа...

Вот четыре образа благородства в растениях Китая. Они символизируют гибкость, скромность, непритязательность и стойкость. В душе китайцев эти качества занимают очень важное место, и эти растения святы и уважаемы. Вот такое богатое культурное наследие оставила нам долгая история Китая!

Литература

1. Символика растений. Китай [Электронный ресурс]. – http://yablor.ru/blogs/simvolika-rasteniy-kitay/602888
2. Хризантемы в китайской культуре [Электронный ресурс]. – http://thelomov.ru/ju2hua1-hrizantemyi/
3. Китайская пейзажная лирика III-XIV вв. [Электронный ресурс]. – http://www.kulichki.com/moshkow/POECHIN/china_lyrics.txt

А.В. Щербук, студ. ф-та славянских и германских языков
БГУ (Барановичи)
Науч. рук. – ст. преп. Ж.В. Костина

РАДЗІМА Ў ЭЛЕГІІ «ТУГА НА ЧУЖОЙ СТАРАНЕ» В. КАРАТЫНСКАГА І ВЕРШЫ «РОДИНА» М. ЛЕРМАНТАВА

Адной з форм літаратурных кантактаў з’яўляецца трансцэндзіраванне, або творчае засваенне. Трансцэндзентны — той, што знаходзіцца за межамі ў адносінах да якой-небудзь вызначанай сферы [5, с. 95]. Вырашальная роля ў літаратурным працэсе належыць таму кантэксту, у які твор уключаецца. Трансцэндзіраванне дапамагае выявіць шляхі фарміравання беларускай літаратуры, якая выяўляе самасвядомасць народа. Дзеля гэтага неабходна сцвердзіць асноўныя формы сувязі паміж нацыянальнымі літаратурамі — знешнія і ўнутраныя кантакты, тыпалагічныя сувязі.

У выніку супастаўлення дзвюх і болей мастацкіх з’яў, кожная з якіх належыць асобным нацыянальным літаратурам, выяўляюцца агульнасці, якія сведчаць пра адзінства сусветнага літаратурнага працэсу ў цэлым і разам з тым прыносяць дадатковую яснасць у сістэму нацыянальнага мастацтва.Аўтары кнігі «Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзен: папулярныя нарысы» Л. Баршчэўскі, П. Васючэнка і М. Тычына адзначаюць: «Паэзія Лермантава мела істотны ўплыў на творчасць шмат каго з беларускіх пісьменнікаў. Яго імя згадваецца ў паэме Канстанціна Вераніцына “Тарас на Парнасе”. Верш Францішка Багушэвіча “Хмаркі”, відавочна, перагукаецца з аднайменным творам Лермантава» [1, с. 63]. Зведаў уплыў творчасці рускага класіка таксама і таленавіты беларускі лірык В. Каратынскі. Як адзначае У. Мархель ва ўступным артыкуле да зборніка твораў паэта: «Каратынскі, не маючы ўласных друкаваных кніг, перапісваў для сябе “Дэмана” М. Лермантава» [6, с. 4]. Відавочна, што знаёмства з творчасцю класіка рускай літаратуры моцна паўплывала на В. Каратынскага.

Элегія «Туга на чужой старане» — адзін з самых неардынарных твораў беларускай паэзіі XIX ст. Літаратуразнавец А. Лойка падкрэсліваў: «Верш стаў глыбокім выражэннем перажыванняў паўстанцаў 1864 года, закутых у кайданы і адпраўленых у Сібір на катаргу, а таксама людзей, што пасля паўстання вымушаны былі эміграваць за мяжу, і ўвогуле ўсіх тых, хто глыбока перажываў горыч паражэння ў барацьбе з царызмам» [8, с. 129]. Трэба адзначыць, што элегіяпераклікаецца з вершам Лермантава «Родина», які В. Бялінскі назваў «одной из лучших пушкинских вещей» [7, с. 690]. Абодва паэты звяртаюцца да тэмы Радзімы. Карыстаючыся аднолькавымі мастацкімі сродкамі, падкрэсліваюць яны значнасць менавіта вясковай радзімы.

«Туга на чужой старане» — гэта шчымлівы маналог лірычнага героя. Арыгінальнасць аўтара ў раскрыцці стандартнай тэмы выявілася найперш у выкарыстанні цікавых кампазіцыйных прыёмаў і ўскладненай пабудове твора. Блізкі да фальклорнай паэтыкі зачын верша як элемент паэтычнай экспазіцыі адразу вызначае

эмацыянальную афарбоўку і танальнасць*: «Ой, саколка, ой, галубка! // Не пытайся, не, — //Што мне тошна, мая любка, // У гэтай старане…»* [6, с. 12]. Асаблівасцю верша Лермантава з'яўляецца наяўнасць празаізмаў. Урачыстая інтанацыя ўзнікае ў першым радку верша: «*Люблю отчизну я, но странною любовью!»* — і захоплівае празаізмы другой часткі:*«Люблю дымок спаленной жнивы, // В степи ночующий обоз, // И на холме средь желтой нивы // Чету белеющих берез»* [7, с. 208].

Элегія «Туга на чужой старане» пабудавана на характэрных проціпастаўленнях не толькі месца, але і часу: там (у вёсцы) і тут (у горадзе), тады (у маладосці) і цяпер (у сталым веку). З аднаго боку, лірычны герой, канкрэтызуючы, што такое «там», малюе ідылічную карціну шчаслівага маладога жыцця на ўлонні вясковай прыроды, а з другога, апісвае сваю трагічную адзіноту і безвыходнасць «тут», у горадзе. Лірычны герой упэўнены, што жыццё без Радзімы — гора і што шчаслівым чалавек можа быць толькі тады, калі душу яго сагравае родная хата і ўсё, што з ёй звязана. Зразумець гэту аўтарскую думку ў вершы дапамагае антытэза. На чужой старонцы *тошна,чоран цэлы свет, паглядаю праз аконца; даўшы хараміну, шчасця не далі.* У той час як у родным краі *быў свабодзен, сардэчны край; як птушка на свабодзе, быў вясёл.*У вершы М. Лермантава проціпастаўляюцца дзве кантрасныя тэмы, з якіх першая (афіцыйная Расія) раскрываецца з дапамогай традыцыйных тропаў: «*Слава, купленная кровью*», «*Темной старины заветные преданья*». У другой частцы разам з тэмай рускай вёскі ў верш суцэльным струменем уступаюць празаізмы**:***«Люблю дымок спаленной жнивы, // В степи ночующий обоз, // И на холме средь желтой нивы // Чету белеющих берез»* [7, с. 208].

Акрамя таго, падабенства двух мастацкіх тэкстаў назіраецца ў паказе менавіта вясковай Радзімы. Лірычны герой элегіі Каратынскага ўслаўляе вясковае жыццё, якое нясе яму шчасце і выратаванне. Даследчык, аўтар першай «Гісторыі беларускае літаратуры» М. Гарэцкі ў свой час пісаў адносна элегіі В. Каратынскага: «Тут не чуецца кніжнасці, тут павявае прыемным пахам творчасці самога народа» [3, с. 224]. Нельга цалкам пагадзіцца з такім меркаваннем, бо сучасныя даследчыкі сцвярджаюць, што падобны верш ёсць у Беранжэ [9. с. 17]. Вось пачатковая актава з верша Беранжэ ў перакладзе на рускую мову А. Мушнікавай: «*Сказали вы: В Париж, пастух весёлый, / Иди, отдайся жизни парижан! / Театры наши, золото и школы / Тебе заменят песенки полян. / И вот я здесь; что испытал — не скрою: / Не раз мой май был бурей опалён. — / Ах! возвратите мне село родное / И гору, где я был рождён!*» [2, с. 774]. Элегію В. Каратынскага можна разглядаць як варыяцыю ці тэматычную парафразу верша французскага паэта-песенніка «Туга па радзіме». Аднак беларускі паэт творча падышоў да папярэдняга тэксту, не пераклаў яго, а, толькі запазычыўшы тэму, змяніў многія элементы — кампазіцыйныя блокі, сюжэтную канву.Але, як і ў Беранжэ, у В. Каратынскага родная старана — гэта вёска, а чужая — гэта не іншая краіна, а горад. Так і ў вершы М. Ю. Лермантава «Родина» выдзяляецца зусім новая ў лірычнай творчасці вясковая тэма: *«Проселочным путем люблю скакать в телеге // Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, // Дрожащие огни печальных деревень. // С отрадой, многим незнакомой, // Я вижу полное гумно, // Избу, покрытую соломой, // С резными ставнями окно»* [7, с. 208]. М. А. Дабралюбаў пісаў: «Лермантаў жа валодаў, вядома, сапраўдным талентам і, здолеўшы рана зразумець недахопы сучаснага грамадства, умеў зразумець і тое, што выратаванне ад гэтага лжывага шляху знаходзіцца толькі ў народзе» [4, с. 179]. «У якасці асноўнага пачуцця радзімы, — піша пра гэты верш У. Р. Фохт, — на пярэдні план выходзіць нешта настолькі па тым часе незвычайнае, што паэт палічыў неабходным у межах невялікага верша чатыры разы агаварыць гэтую незвычайнасць: *"Люблю отчизну я, но странною любовью!", "Не победит её рассудок*

мой”, “Но я люблю — за что, не знаю сам”, “С отрадой, многим незнакомой”» [10, с. 63]. Менавіта такім чынам М. Ю. Лермантаў вырашаевыявіць сутнасць любові да Расіі. Паэт сцвярджае сваю любоў да Расіі народнай, вясковай, да моцы і абшару рускай прыроды, якая адлюстроўвае душу народа, да рускай зямлі.

Такім чынам, творчая асоба М. Ю. Лермантава аказала значны ўплыў на творчасць беларускага лірыка В. Каратынскага. Трансцэндзіраванне творчай традыцыі М. Лермантава асабліва яскраваназіраецца пры супастаўленнітвораў «Туга на чужой старане» і «Родина». Трэба адзначыць, што асаблівасцю будовы твораў з’яўляецца антытэза. І калі ў Каратынскі супрацьпастаўляевёску і горад, то Лермантаў проціпастаўляе афіцыйную Расію і Расію вясковую. Трэба звярнуць асаблівую ўвагу на тое, што паэты звяртаюцца менавіта да вясковай Радзімы. Вёска для іх — выратаванне, месца, дзе душа можа ачуняць, дзе чалавек вольны. Лермантаў сцвярджае любоў да Расіі народнай, вясковай, як дарэчы ілірычны герой Каратынскага, што малюе ідылічную карціну шчаслівага жыцця на ўлонні вясковай прыроды.

Літаратура

1. Баршчэўскі Л. П. Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзен: папулярныя нарысы. / Л. П. Баршчэўскі, П. В. Васючэнка, М. А. Тычына. – Мінск : Радыёла-плюс, 2006. – 596 с.
2. Беранже П.-Ж. Полное собрание песен: [в 2 т.] / Пьер-Жан Беранже; Под общ. ред. И. К. Луппола и А. М. Эфроса; ст. И. К. Луппола; примеч. Д. Е. Михальчи и Л. Н. Галицкого. – 2-е изд. – М.-Л .: Academia, 1936. – 832 с.
3. Гарэцкі М. Гісторыя беларускае літаратуры. / М. Гарэцкі. – Мінск : Вышэйшая школа, 1992. –296 с.;
4. Добролюбов Н. А. О степени участия народности в русской литературе. Избранные статьи. / Н. А. Добролюбов. – М. : Современник, 1980. – 444 с.
5. Завьялова Е. Е. Русско-зарубежные литературные связи [Текст]: учебное пособие / Е. Е. Завьялова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 352 с.
6. Каратынскі В. Творы для ст. шк. узросту / Вінцэсь Каратынскі; уклад., прадм. і камент. Уладзіміра Мархеля. – Мінск: Маст. літ., 2009. – 334 с.
7. Лермонтов М. Ю. Сочинения в 2 т. Т. 1 / М. Ю. Лермонтов; Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. – М.: Правда, 1988. – 720 с.
8. Лойка А. А. Гісторыя беларускай літаратуры: дакастрычніцкі перыяд: [падручнік для студ. філал. фак. ВНУ БССР]: у 2 ч. Ч. 1 / А. А. Лойка. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Вышэйшая школа, 1989. – 319 с.
9. Мархель У. «Меў вольную і чулую душу…»: Літаратурная спадчына Віцэся Каратынскага / У. Мархель // Роднае слова. – 2001. – № 8. – С. 17.
10. Фохт У. Р. Лермонтов. Логика творчества [Текст]: Логика творчества / У. Р. Фохт; АН СССР; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – Москва: Наука, 1975. – 190 с.

СЕКЦИЯ
«ЦЕЛИ И ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

Т.Ю. Астафьева, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – д.пед.н. проф. Т.Г. Бирюкова

ЗАДАЧИ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

За последние годы словосочетание «проектная деятельность» прочно вошло в школьную практику. Психологи и педагоги видят в проектной работе школьников огромный потенциал, поскольку она формирует самостоятельность в добывании знаний и исследовательские навыки, воспитывает научное мировоззрение, усиливает положительную мотивацию в обучении, развивает личность школьника, ее творческие и интеллектуальные возможности, способствует самопознанию.

Проект от лат. «pojektus» означает буквально «выброшенный вперед». В современном понимании проектная деятельность – это педагогическая технология, ориентированная не на интеграцию фактических знаний, а на их применение и приобретение новых знаний путем самообразования.

Ведение школьниками проектных работ способствует развитию и формированию многих метапредметных компетенций, перечисленных в ФГОС основного общего образования. Прежде всего формируются регулятивные умения, направленные на организацию, планирование школьниками познавательной деятельности: самостоятельно определять цели обучения, формулировать новые задачи, планировать пути достижения целей, определять способы действий в рамках предложенных условий, корректировать действия в соответствии с изменяющейся ситуацией и т.п. Другая компетенция связана с овладением познавательными умениями: определять понятия, обобщать, устанавливать аналогии, классифицировать, строить рассуждение, делать выводы. Коммуникативная компетенция развивается на основе умений организовывать совместную деятельность с учителем и сверстниками, работать индивидуально и в группе, осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации для выражения своих чувств и мыслей, владеть устной и письменной речью, монологической контекстной речью, использовать информационно-коммуникационные технологии. Проектная работа всегда ориентирована на заранее известный, спланированный, социально-значимый результат.

Проектная деятельность рассматривается как эффективная педагогическая технология и в преподавании русского языка в школе. Ее включение в курс русского языка направлено на решение следующих задач:

– обучение, развитие и воспитание ученика как языковой личности с использованием технологий, соответствующих возрастным особенностям школьников и отражающих особенности программы по русскому языку;

– создание условий для организации эффективного взаимодействия ученика и учителя, родителей в процессе обучения, для сотрудничества учащихся при решении учебных задач исследовательского характера;

– использование возможностей образовательной речевой среды, создаваемой на основе целенаправленно отобранных текстов и заданий к ним, для повышения качества образования, в том числе с применением информационных технологий;

– развитие способностей отбирать, анализировать и использовать информацию в соответствии с темами проектов;

– изучение возможностей, потребностей, достижений школьников в области изучения русского языка и проектирования индивидуальных маршрутов обучения, воспитания, развития на метапредметном и личностном уровне [3, с. 4].

Содержание проектной работы по русскому языку соотносится с темой урока или элективного курса. Чаще темы проектов касаются практических вопросов и носят межпредметный характер. Анализ проектов, представленных в методической литературе, показал, что многие из них направлены на изучение языковых особенностей фольклора, этимологии слов, лингвистический анализ художественного текста, составление схем-конспектов при изучении орфограмм и пунктограмм.

Формирование метапредметных умений, составляющих основу проектной деятельности, связано с формами работы: индивидуальными и групповыми. Работа в малых группах обеспечивает включенность учащихся с различным уровнем языковой подготовки. В работе над проектом каждый ученик вносит свою лепту в его реализацию в зависимости от знаний и личностных интересов, в равной мере несет ответственность за выполнение проекта и результаты своей работы. В процессе совместной деятельности развивается самостоятельность учащихся. Они учатся высказывать своё мнение, слышать других, не входить в конфликт, если собственное мнение не совпадает с мнением товарища, учатся поиску общего решения.

Рассмотрим ряд проектов по русскому языку с точки зрения реализации в них основных задач и содержания проектной деятельности. Разработки этих проектов были опубликованы в журнале «Русский язык в школе». Один из проектов основан на материале современного исторического романа и литературы жанра фэнтези [4, с. 7-9]. Его главной целью является изучение истории русского языка. Читая литературные произведения, ученики обращают внимание на имена собственные, анализируют их с точки зрения этимологии, определяют, какие имена были на Руси почетными и наоборот. В исследовании обращается внимание на имена древних языческих Богов, на то, какое значение эти Боги имели для человека. Такой вид проекта пополняет багаж знаний учеников, развивает творческую активность, формирует умение грамотно, логически стройно излагать свою мысль. При этом большое внимание уделяется умению работать в коллективе. Сложность задачи заключается в том, что ученики должны уметь продолжать мысль своих одноклассников, развивать её, сопоставлять приведенные факты, чтобы прийти к общему выводу.

Еще один проект разработан в русле актуального направления – взаимосвязанного изучения русского языка и национальной культуры [2, с. 6-9]. Автор обосновывает продуктивность культуроориентированного изучения русского языка и предлагает новый вид проекта – лингвокультуроведческий. Он рассчитан на школьников V-VI классов, в качестве объекта исследования используются названия календарных месяцев в древнерусском языке и народные имена, сохраненные русским месяцесловом. Такой выбор материала объясняется возможностью осмысления календарного времени с новой для учащихся точки зрения, доступностью семантизации календарных имен. Исследование предполагает применение знаний и умений по темам «Лексическое значение слова», «Этимология слова», «Морфемный состав слова», «Основные способы образования слов в русском языке». Цель работы – получить новые знания о русской традиционной культуре. Форма работы – групповая. Учащиеся получают материал: загадку о конкретном месяце и источники, помогающие осмыслить внутреннюю форму слова, установить мотивирующие признаки для выбора названия месяца. Защита проекта проводится в форме творческого отчета. Такой вид проекта поможет ученикам лучше понять и оценить родную природу, народный язык. В ходе работы формируются умения сопоставлять факты, делать общий вывод.

Интересен для анализа интегрированный проект [1, с. 44-46]. Его цель – формирование умений использовать знания в нестандартной ситуации. В качестве материала для исследования автор предлагает фрагменты из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и картину А. Герасимова «После дождя». Учащиеся разбиваются на группы, которым предстоит сопоставить художественный текст и картину, сравнить их, найти различия. Проблема связана с поиском изобразительно-выразительных средств, выявлением роли причастий среди них. Такое задание можно проводить на заключительном этапе изучения данной части речи. Оно помогает школьникам находить и решать проблему, учит работать с текстом, художественными средствами языка. Учащиеся вырабатывают ряд умений, связанных с поиском материала, построением доказательного монолога.

Таким образом, мы видим, что проекты по русскому языку непосредственно связаны с языковыми вопросами, но в то же время носят межпредметный, интегрированный, характер, направленный как на обогащение предметных знаний, так и на развитие личности, становление ценностного отношения к родному языку и национальной культуре. Помимо знаний по предмету, организация проектной деятельности развивает умения работать в коллективе, учитывать мнение одноклассников, сопоставлять факты, приходить к общему результату.

Литература

1.Зайцева Е. Ю. Урок-исследование «Изобразительно выразительная роль причастий / Е. Ю. Зайцева // Русский язык в школе. – 2005. – № 4. – С. 44-46.

2. Остренкова М. А. Лингвокультуроведческие проекты на уроках русского языка: от слова к образу, от образа к мировидению / М. А. Остренкова // Русский язык в школе. – 2014. – №11. – С.6-8.

3. Пахнова Т. М. Исследовательская деятельность учащихся как средство воспитания языковой личности / Т. М. Пахнова // Русский язык в школе. – 2013. – № 12. – С. 3-6.

4. Тропчина Л.В. Проектная деятельность учащихся на материале современного исторического романа и литературы жанра фэнтези / Л. В. Тропчина // Русский язык в школе. – 2013. – № 12. – С. 7-9.

Н.Н. Бледных, студ. психолого-педагогического ф-та
Борисоглебского ф-ла ВГУ (Борисоглебск)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. Л.Н. Верховых

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ НА ВНЕКЛАССНОМ МЕРОПРИЯТИИ ПО ОНОМАСТИКЕ

В данной статье представлена часть разработки интегрированного внеклассного занятия по русскому языку, истории и географии для 6 класса на тему «Дорогами войны».

Цели данного занятия заключаются в следующем:

1) научить школьников правильно писать имена собственные, устанавливать связи между изучаемыми предметами (русский язык, история, география); 2) углубить знания школьников по русскому языку, истории родного края и географии; 3) воспитывать у учащихся чувство патриотизма, любовь к родному языку и краю, уважение к ветеранам Великой Отечественной войны.

Актуальность темы обусловлена необходимостью разработки учебных материалов для организации внеурочной деятельности по русскому языку с целью углубления знаний учащихся по теме «Имена существительные собственные и нарицательные».

Кроме того, включение ономастического материала и интерактивных приемов обучения во внеклассную работу позволит, наряду с учебной работой на уроках русского языка, формировать языковую, коммуникативную и лингвистические компетенции школьников.

Любая внеурочная деятельность предполагает использование различных нестандартных форм работы. Они помогают лучше усвоить материал, изученный на уроке, а также способствуют развитию у учащихся критического мышления.

Возможными формами интерактивной работы во внеурочной деятельности по ономастике являются следующие приемы технологии развития критического мышления.

Составление синквейна.

Учащимся предлагается составить синквейн на тему «Ономастика», так как задания к данному уроку предусматривают изучение имен собственных (топонимов, антропонимов). Например:

Ономастика
Разносторонняя, познавательная
Изучает имена собственные, развивает, объясняет
Ономастика – один из разделов языкознания
Наука

Составление таблицы «толстых» и «тонких» вопросов.

Приведем примеры «толстых» вопросов.

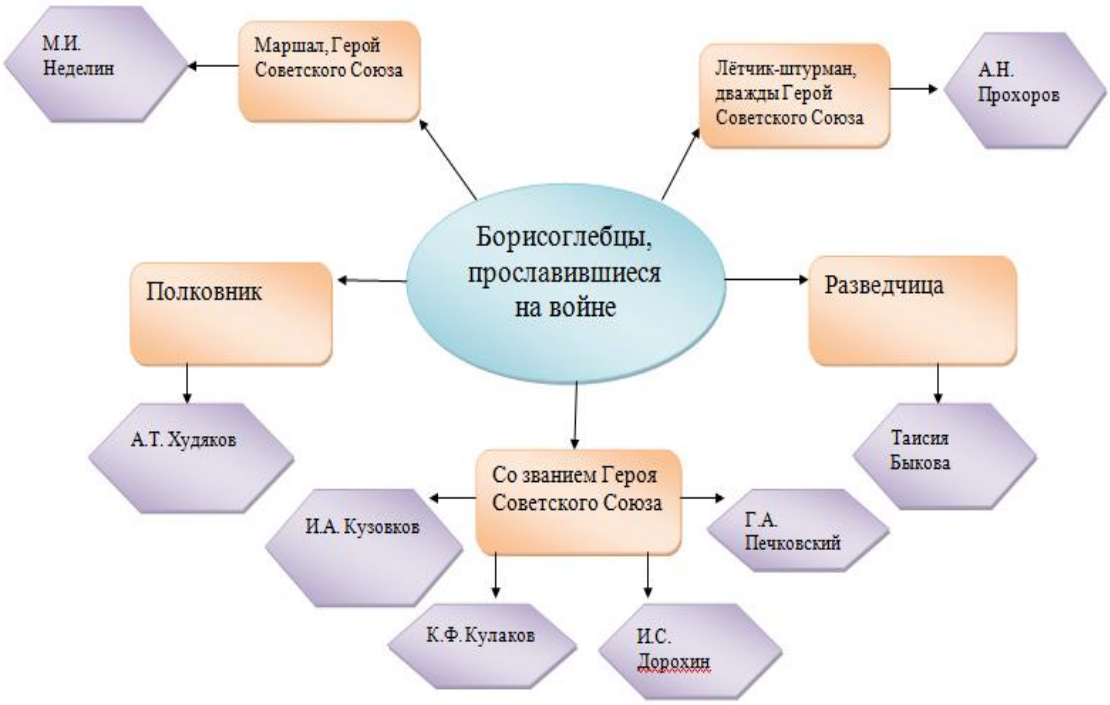
1. Что такое топоним? (топоним – это название географического объекта).
2. Какой город подвергся самой продолжительной и страшной блокаде в период Великой Отечественной войны и сколько дней длилась блокада? (Ленинград, блокада длилась 872 дня, с 8 сентября 1941 года по 27 января 1944 года).
3. Как называлась система полевой реактивной артиллерии, которая применялась в период Великой Отечественной войны? С чем связано это название? (Установка реактивной артиллерии называлась «Катюша», название, по всей вероятности, дано в честь песни М.В. Исаковского «Катюша»).

Приведем примеры «тонких» вопросов.

1. Верно ли, что все имена собственные пишутся с большой буквы? (Да).
2. Можно ли отнести к топонимам названия рек Воронежской области? (Да).
3. Какие улицы нашего города названы в честь героев Великой Отечественной войны или победы советского народа в Великой Отечественной войне? (ул. Неделина, ул. Печковского, пер. Прохорова, ул. Середина, ул. Пешкова, ул. Победы, пер. Победы и др.).

Составление учащимися кластера «Герои нашего края».

Задание: упорядочить учебный материал с помощью кластера (учащимся дается текст, который они должны преобразовать в кластер). Кластер может выглядеть следующим образом.



Прием «Ромашка Блума».

Суть работы заключается в том, что учащиеся отвечают на вопросы, представленные в виде лепестков цветка, с ключевым словом в середине (*Борисоглебск*). Вопросы:

1. Кто из борисоглебцев – участников Великой Отечественной войны является дважды Героем Советского Союза?
2. Верно ли мы поняли, что многие улицы Борисоглебска были переименованы в 1918, 1936, 1963, 1965 гг.?
3. Почему проходил процесс переименования улиц?
4. Что было бы, если бы названия улиц остались прежними?
5. Как вы относитесь к переименованию улиц?
6. Какие улицы можно было бы не переименовывать?

На наш взгляд, использование интерактивных приемов обучения вызывает у учащихся неподдельный интерес к русскому языку, истории родного края, делает учебный процесс более интересным, способствует быстрому усвоению учебного материала.

Литература

1. Загоровский В. П. История нашего края / В. П. Загоровский, Ф. С. Олейник, Н. Г. Шуляковский. – Воронеж, 1968. – С. 102-120.

2. Майорова Т. М. Ономастика в лингвокраеведческой работе / Т. М. Майорова // Русский язык в школе. – 2000. – № 4. – С. 43-47.

3. Юровских О. А. Краеведение на уроках русского языка в классах компенсирующего обучения / О. А. Юровских // Русский язык в школе. – 2000. – № 5. – С. 36-40.

М.Ю. Бунина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.психол.н. доц. К.М. Гайдар

СРЕДСТВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ КАК ФАКТОР ИХ УСПЕШНОЙ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Спортивная психология – отрасль психологической науки, изучающая закономерности проявления и развития психики человека в условиях спортивной деятельности [1, с. 2]. Ее можно считать относительно молодой, поскольку она появилась в начале XX столетия.

Разработка методов спортивной тренировки невозможна без изучения характерных особенностей спортивной деятельности, с одной стороны, и личности спортсмена как субъекта данной деятельности, с другой. Поскольку выступление спортсменов зависит не только от физической, технической и тактической подготовленности, но и от его психологической подготовки, ей требуется уделять повышенное внимание со стороны как спортивных психологов, так и тренеров, и самих спортсменов. Каждый спортсмен должен быть хорошо психологически подготовленным как к ответственному старту, так и к простой тренировке.

Психологическая подготовка – это система психолого-педагогических воздействий, применяемых с целью формирования и совершенствования у спортсменов свойств личности и психологических качеств, необходимых для успешного выполнения тренировочной деятельности, подготовки к соревнованиям и надежного выступления в них. В качестве средств психологической подготовки спортсмена чаще всего используются такие, как формирование мировоззрения, внушение и самовнушение, подготовка участием в деятельности, контроль и самоконтроль, физиотерапия, психофармакология и электростимуляция [1]. Охарактеризуем подробнее эти средства.

Формирование мировоззрения. Формирование мотивов спортивной деятельности, в том числе мировоззрения как наиболее стойкого мотива, является наиболее важной и сложной проблемой как для самого спортсмена, так и для спортивного психолога. Осуществляется это посредством становления и развития современных взглядов на культурно-исторические корни спорта вообще и избранного вида, в частности, выработки определяющих принципов спортивной тренировки и их взаимосвязи с условиями и принципами деятельности вне спорта, а также путем формирования собственных принципов и взглядов спортсмена, команды и тренера по всем вопросам совместной деятельности.

Внушение и самовнушение. С их помощью спортсмен добивается необходимых изменений в состоянии своей психики. Чаще всего эти средства используются для достижения необходимых состояний, например, сна перед ответственным стартом или приведения себя в оптимальное предстартовое, предтренировочное или постсоревновательное состояние. Внушение и самовнушение проводятся в различных формах. Это гетеротренинг – с помощью психотерапевта; аутотренинг – психорегулирующая, психомышечная, идеомоторная тренировка, «репортаж» в полусне, где тренер ведет условный репортаж с соревнований, использует сюжетные представления, описывает место проведения будущих соревнований, конкретного соперника; использование «наивных» методов, таких как талисманы, «счастливая» одежда, всевозможные приметы. Отметим, что не все спортсмены в равной мере способны к внушению и самовнушению, поэтому использование подобных средств должно быть индивидуализировано.

Подготовка участием в деятельности. Это наиболее разностороннее, но не всегда достаточно учитываемое и поддающееся оценке средство психологической подготовки

спортсменов и команд. Сложность его использования состоит в том, что любое действие спортсмена связано с динамикой спортивной формы, а приобретение или утрата физических качеств, навыков сопряжено с психическими процессами, с формированием отношения к тренировочным и соревновательным нагрузкам. Спортсмен и тренер следят за волнообразным характером нагрузок, за их цикличностью, работают над техникой движений. Очень часто тренировки проводятся по схеме максимального приближения к обстановке соревнований.

Выработка ритуала предсоревновательного поведения, секундирование, то есть специально организованное управление поведением спортсмена непосредственно перед стартом или поединком; идеомоторная тренировка, выработка навыков отключения от навязчивых форм деятельности; моделирование соревновательных ситуаций – все это является формами подготовки участием в деятельности.

Контроль и самоконтроль. Психическое развитие спортсмена, достигаемое в результате контроля и самоконтроля, выражается в высокой осознанности действий, в двигательной и поведенческой культуре субъекта. Контроль и самоконтроль осуществляются в форме ведения дневников, отчетов по памяти о тренировочных и соревновательных ситуациях, приборного контроля и видеозаписи, наблюдения за эмоциональными проявлениями спортсмена (к примеру, смеха или гнева), за его настроением, самочувствием.

Физиотерапевтические и психофармакологические средства. Они чаще всего используются для коррекции психических состояний и в специальную группу выделяются только тогда, когда есть необходимость для их применения особого оборудования и препаратов. В основном используются в спорте высших достижений, крайне редко – в работе с юными спортсменами. Такими средствами достигают снятия психического напряжения, улучшения настроения, снижения болезненных ощущений, повышения адаптационных возможностей организма по отношению к физическим и психоэмоциональным нагрузкам. Дозировка и назначение физиотерапевтических и психофармакологических средств зависит от индивидуальных особенностей спортсмена. К их числу относятся такие, как сауна, массаж, бассейн, функциональная музыка, психотропные фармакологические средства.

Таким образом, можно заключить, что в арсенале спортивной психологии имеются разнообразные средства психологической подготовки спортсмена, которые существенным образом могут влиять на результативность его деятельности. Часть из них может использовать не только психолог, но и тренер или сам спортсмен. Но в любом случае эффективность применяемых средств будет зависеть от правильного учета индивидуальности спортсмена, его возраста, уровня профессионализма и других факторов.

Литература

1. Попов А. Л. Спортивная психология / А. Л. Попов. – М. : Моск. психол.-соц. ин-т : Флинта, 2000. – 149 с.

2. Пуни А. Ц. Психология физического воспитания и спорта / А. Ц. Пуни. – М. : Физкультура и спорт, 1979. – 141 с.

Ду Жунюань, стажер кафедры русского языка
для иностранных учащихся основных факультетов ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н., ст.преп. Е.Е. Орехова

ПОВЕДЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИИ: ВЗГЛЯД РУССКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Занятие – это чрезвычайно важная среда для изучения языка. Хорошим поведением студентов на занятии считается внимательное слушание, осмысление, активность. Между тем, во время моего обучения в Китае у нас с русской преподавательницей часто возникала следующая ситуация:

Преподавательница: Кто хочет сказать что-нибудь? Поднимите руку, пожалуйста.
Студенты: ... (По очереди опускают голову)
Через минуту
Преподавательница: Нет? Никто не хочет?
Студенты: ...
Преподавательница: Как всегда, все молчат.
Студенты: ...
Преподавательница: Ладно. Давай, Вика, скажи своё мнение.

И преподавательница начинала спрашивать студентов по очереди. Все русские преподаватели, которые работают или работали с китайскими студентами, не раз сталкивались с подобной ситуацией.

Рассмотрим поведение китайских студентов на занятии с точки зрения русских преподавателей. Чтобы узнать мнение русских преподавателей по этой теме, мы подготовили анкету и проанализировали материалы, полученные с её помощью. В результате можно выделить некоторые мнения как важнейшие:

1. китайским студентам не хватает активности, смелости;
2. китайские студенты больше слушают, чем говорят;
3. китайские студенты хорошо выполняют задания в письменной форме;
4. китайские студенты выполняют задания по инструкции, редко проявляют инициативу;
5. китайские студенты проявляют большую способность к имитации (легко работают по образцу).

В отношении пункта 1 можно сказать, что это действительно проблема в китайской аудитории. А с чем связана нехватка активности? На мой взгляд, со стороны студента есть несколько причин. Во-первых, недостаточная способность к выражению своих мыслей и уровень владения русским языком могут влиять на активность студента на занятии. Во-вторых, свою роль играют и черты характера. Очевидно, что открытый студент ведёт себя на занятии активнее, чем закрытый. Кроме того, по китайской традиции надо вести себя правильно, когда вокруг много людей. «Правильно» – значит прилично, тихо. С другой стороны, преподаватель должен уделять внимание атмосфере занятия, создавать полный энергии настрой на обучение, чтобы привлечь внимание студентов. Важно выбирать такие темы, которые могут заинтересовать студентов. Таким образом студенты могут стать активными.

Что касается того, что китайские студенты больше слушают, чем говорят, необходимо сказать о китайской образовательной традиции. Урок в ней построен по принципу жесткой субординации, где субъектом является только преподаватель. Студенту отводится роль объекта, обязанного пассивно, не анализируя усваивать услышанный на лекции или прочитанный в учебнике материал. Расставаясь со студентами до следующего занятия, преподаватель обычно говорит: «На следующем занятии будем изучать 17-й параграф данного учебника».

Самостоятельный поиск студента и осмысление им информации не стимулируется преподавателем. Поэтому задания такого рода, как «выразите свою точку зрения или отношение к проблеме», которые предлагаются обычно на занятиях по русскому языку, часто ставят студентов в тупик [1, с. 246].

Кроме этого, объективные условия обучения сформировали национальный учебный стереотип: большие группы, число учащихся достигает 40-50, в некоторых школах даже 100, что никак не способствует личному общению на занятии, а вынуждает использовать только письменные формы заданий. Именно поэтому китайские студенты всегда хорошо выполняют задания в письменной форме. В китайской образовательной системе учащиеся находятся под высоким давлением домашних заданий такого рода, привыкают к ним и выполняют их без труда.

Кроме того, в Китае учебник занимает наиболее высокую позицию и определяет как содержание урока, так и его структуру. Поэтому воспроизведение заученного текста не представляет труда для китайских студентов [1, с. 246]. Но их очень удивляет то, что русские преподаватели часто не пользуются никаким учебником.

С другой стороны, речь идёт о том, что китайские студенты выполняют задания по инструкции, редко проявляют инициативу. На перый взгляд кажется, что они действительно так делают. Но с моей точки зрения, это совсем не так, просто русские преподаватели не очень хорошо понимают китайских студентов. Насколько мне известно, китайские студенты всегда хотят заниматься дополнительно. Без инструкции преподавателя они заранее предваряют содержание по конспекту учебника. Но, находясь в России, учащиеся не пользуются учебниками, как было сказано выше, и без учебника им не удаётся подготовиться заранее, что вводит русских преподавателей в такое заблуждение.

Говоря о способности китайских студентов к имитации, русские преподаватели указывают на то, что они хорошо работают по образцу. С этим можно согласиться. Выше уже отмечалось то, что в китайской аудитории субъектом является только преподаватель и студенты привыкли к тому, что на занятии преподаватель ведёт их за собой в анализе материалов. Как только преподаватель указывает ориентацию на решение вопросов или предлагает пример, студенты могут сразу придумать подобное. В этом случае необходимо отметить, что китайские студенты работают по алгоритму.

Итак, в данной работе показаны некоторые привычки и модели поведения китайских студентов на занятии, из которых одни помогают им учиться, а другие мешают. Национальная система образования в Китае резко отличается от российской, и чтобы перейти к другим методам обучения, нужно время. Важно не только старание студентов: преподаватели также должны наблюдать за работой студентов, поддерживать и развивать их положительные модели поведения.

Литература

1. Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие / С. И. Лебединский, Л. Ф. Гербик. – Мн., 2011. – 309 с.

М.А. Дюжикова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.пед.н., доц. Л.А. Кунаковская

РЕФЛЕКСИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Человек, успешно обучающийся в современном социуме, априори должен быть способен и готов к постоянному саморазвитию и личностному самоопределению, иметь

сформированную мотивацию к обучению и познавательной деятельности в целом, обладать способностью ставить цели и строить жизненные планы.

Действительно, современное общество зачастую предъявляет высокие требования к молодым людям и ориентировано на личную инициативу, самостоятельность, оригинальность и гибкость мышления, решение многочисленных и далеко не стандартных задач. Поэтому развитие мышления, воображения, самосознания и самоконтроля является не только основой для более эффективного усвоения новых знаний; оно жизненно необходимо для будущей самостоятельной деятельности.

Многие современные авторы для развития всех этих качеств у обучающихся в свою основу ставят системно–деятельностный подход, который нацелен на развитие личности, на формирование гражданской идентичности, указывает и помогает отследить ценностные ориентиры, которые встраиваются в новое поколение стандартов российского образования [1].

Нам сложно не согласиться с этим положением, ведь одним из главнейших принципов системно–деятельностного подхода является принцип деятельности, заключающийся в том, что ученик, получая знания не в готовом виде, а, добывая их сам, осознает при этом содержание и формы своей учебной деятельности, понимает и принимает систему ее норм, активно участвует в их совершенствовании, что способствует активному успешному формированию его общекультурных и деятельностных способностей, общеучебных умений.

По нашему мнению, данный подход подразумевает наличие рефлексии на каждом уроке, на разных его этапах. Рефлексия, на наш взгляд, становится важнейшим, определяющим звеном между концептуальным знанием и личностным опытом человека. Для обучающегося это качество необходимо для применения общих знаний в конкретных ситуациях своей практической действительности. Без рефлексивной проработки теоретические знания, из которых складываются концептуальные представления, как бы «рассыпаются» в сознании, а это не позволяет им стать непосредственным руководством к действию [4, с. 2].

Мы обратились к работам А. В. Хуторского, в которых он изображает наличие рефлексии в рамках системно–деятельностного подхода как необходимого этапа в структуре образовательной деятельности обучающегося.

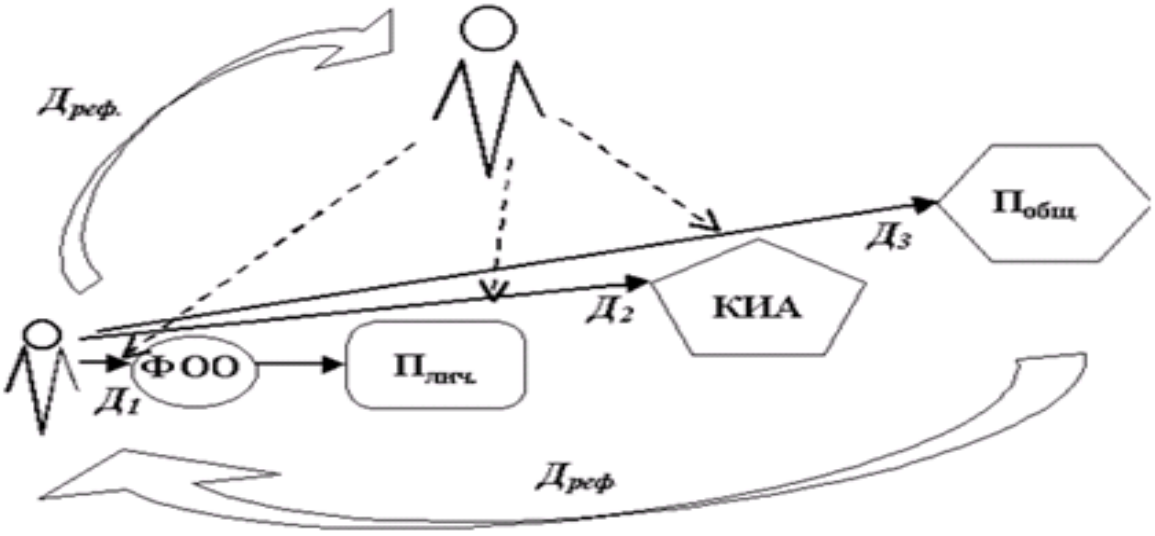


Рис.1. Логика и структура рефлексивной образовательной деятельности обучающегося

На рис.1. изображена структура образовательной деятельности ученика (фигурка слева). Д1 – деятельность по познанию и освоению фундаментального образовательного объекта (ФОО), в результате которой ученик создает личностный образовательный продукт (Плич). Д2 – деятельность ученика по изучению культурно-исторического аналога (КИА). Д3 – деятельность по сопоставлению своего продукта и культурно-исторического, в результате чего создается обобщенный образовательный продукт (Побщ). Сопровождается и завершается процесс рефлексивной деятельностью ученика (Дреф). Организатором деятельностей ученика выступает учитель (фигурка вверху), он также осуществляет рефлексивную деятельность.

Основываясь на этом, мы можем говорить о том, что при отсутствии рефлексивного компонента на занятиях невозможно говорить о полноценном осознании, усвоении и оценке обучающимися предлагаемого им учебного материала.

Рефлексивное обучение предполагает осознание субъектного опыта, в большей степени проявляющегося в умении анализировать изменения, происходящие в современном мире, в умении определять критерии успешности собственной образовательной деятельности, в умении планировать и конструировать собственную образовательную траекторию, выбирать приемы и методы работы с информацией, корректировать цели и способы образовательной деятельности, в умении пользоваться методами рефлексии собственной деятельности. А это и есть признаки развития рефлексии [3].

Традиционная знаниевая парадигма в образовании сегодня устарела и в определенной степени становится реальным тормозом на пути обеспечения нового качества образования. Один из парадоксов нашей системы обучения заключается в том, что самый важный, развивающий, системообразующий элемент деятельности обучаемого – рефлексия находится зачастую в «отключенном» состоянии. Хотя внутренняя оценка обучаемого всегда присутствует, но она не всегда совпадает с внешней оценкой педагога.

Именно по этой причине нами было проведено исследование современных школьников с целью диагностики развития рефлексивности. Рефлексивность – это свойство практического мышления, которое показывает уровень сформированности процесса рефлексии.

С целью эмпирического изучения проблемы, используя «Методику диагностики рефлексивности» А. В. Карпова, мы опросили 47 подростков-школьников г. Воронежа. Возраст респондентов – 13-14 лет.

По результатам исследования, 22 человека из 47 показали низкий уровень рефлексивности, 24 – средний, и всего лишь один человек – высокий уровень. Полученные данные свидетельствуют, что у опрошенных недостаточно развита рефлексивность. Далее подробнее представим описание каждого из уровней.

Так, например, обучающийся с низким уровнем развития рефлексивности характеризуется незнанием или слабым знанием сути мыслительной операции, неумением сформулировать свою мысль; неумением описать собственные действия; отсутствием умения и навыка самостоятельного применения мыслительной операции, индивидуальности и отсутствие интереса к развитию логического мышления.

Для среднего уровня рефлексивности характерно осознание сути мыслительной операции, умение описать собственные действия. Однако наблюдается неустойчивый интерес к развитию логического мышления. На данном уровне происходит частичное осознание своих специфических характеристик, искаженное отражение индивидуальных особенностей, а также стихийный, неорганизованный характер протекания рефлексивных процессов.

Обладая высоким уровнем рефлексивности, обучающиеся отличаются целенаправленной личностной позицией, заключающейся в признании себя в качестве субъекта

жизнедеятельности, организующего и направляющего собственную жизнь. Свойственна также высокая вовлеченность личности в анализ проблемной ситуации и своих индивидуальных особенностей, доминирование смысловой сферы над содержательной, осознание средств и способов достижения результата.

Таким образом, ссылаясь на полученные результаты, мы убеждены, что реализация рефлексивного обучения на практике в современных условиях образовательного процесса невозможна до тех пор, пока у обучающихся не будет заложена и развита мощная рефлексивная основа. А задача педагога, по нашему мнению, создать и предоставить ученику все условия для того, чтобы пробудить его к рефлексии: к содержательному оцениванию результатов своих учебных действий, то есть рефлексивно оценивать то, «кем я был» и «кем я стал», каких результатов добился и каким путем шел к этим достижениям, какие трудности я испытывал и как их преодолевал. Необходим целостный подход к проблеме – с одной стороны, использование методов, повышающих самооценку и рефлексию учащихся; с другой – самому учителю быть рефлексирующей личностью, преодолевшей стереотип поведения [2].

Литература

1. Аксенова Н. И. Системно-деятельностный подход как основа формирования метапредметных результатов : материалы междунар. заоч. науч. конф. … / Н. И. Аксенова. – СПб. : Реноме, 2012. – С. 140-142.

2. Вартазян К. А. Способы формирования рефлексии / К. А. Вартазян // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 364–367.

3. Кулюткин Ю. Н. Образовательные технологии и педагогическая рефлексия / Ю. Н. Кулюткин, И. В. Муштавинская. – СПб. : СПбГУПМ, 2002. – 48 с.

4. Ушева Т. В. Формирование и мониторинг рефлексивных умений учащихся : методическое пособие / Т. В. Ушева. – Красноярск, 2007. – 88 с.

5. Хуторской А. В. Модель системно-деятельностного обучения и самореализации учащихся / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – 2012. – № 2.

А.И. Кинаревская, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – д.пед.н., проф. Т.Г. Бирюкова

РАБОТА С УЧЕБНО-НАУЧНЫМ ТЕКСТОМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Функциональный стиль речи представляет собой определенную систему языка, которая отвечает за цели и условия общения в определенной сфере и сочетает в себе совокупность стилистических языковых средств. Таким образом, функциональный стиль – «это одно из свойств языковой ткани текста, обусловленное общей спецификой экстралингвистической основы текста» [1, с. 50].

По своей сущности функциональные стили неоднородны: они отличаются друг от друга четко определенной жанровой разновидностью, терминологией и литературной подачей. В зависимости от сфер общественной жизни, в которых применяется язык, выделяют такие функциональные стили, как официально-деловой, научный, публицистический, разговорно-обиходный и художественный. Вариантами стиля являются его подстили; в частности, одним из подстилей научного стиля выступает учебно-научный. Научный стиль – это язык науки. Для него характерны отвлеченность и обобщенность описываемого явления, логико-понятийная абстракция значения, логически последователь-

ный характер изложения, терминологичность, стремление к объективной оценке явления, к полноте выражения, регламентированность нормативных языковых средств. Учебно-научный подстиль, соответствуя основным характеристикам стиля, ограничен тематически изложением основ науки, что отражается в уменьшении объема специальной лексики, особом структурировании и дозировании материала.

Учебно-научный подстиль реализуется в жанрах учебной литературы: учебниках, учебных пособиях и др. Основу учебника русского языка составляют учебно-научные тексты, передающие лингвистическую теорию. Усвоение учащимися теоретических знаний связано с пониманием и переработкой данных текстов, которые сложны для восприятия, так как сохраняют специфические черты научного стиля: отвлеченно-обобщенность и подчеркнутую логичность изложения.

В методической литературе определены методы и приемы организации познавательной деятельности с учебно-научным текстом. К основным методам относят лингвосмысловой анализ текста, реконструкцию текста и конструирование текста.

Целью лингвосмыслового анализа является обеспечение полного и точного понимания содержания учебно-научного текста [2, с. 3]. Усвоение учебного материала во многом зависит от его структуры. Сложность структуры учебно-научного текста определяется количеством и удаленностью одновременно связанных элементов. Выполняя лингвосмысловой анализ текста, школьники выделяют его элементы и устанавливают между ними логико-смысловые отношения, выявляя, таким образом, иерархию текстовых субъектов. Структурирование содержания учебно-научного текста является важным этапом в процессе формирования умения выделять смысловые блоки и составлять план текста.

Лучшему пониманию и запоминанию учебного материала способствуют приемы составления плана, таблицы, схемы или алгоритма. Лингвосмысловой анализ текста призван помочь ученику понять содержание и оценить форму учебно-научного текста, дать ему речевой опыт, необходимый для самостоятельного создания текста.

Реконструкция текста как метод обучения состоит в поиске адекватной формы представления содержания знакомого учебно-научного текста с целью обеспечить его полное и точное понимание [3, с. 3]. Процесс перекодирования учебно-научного текста способствует осознанию его содержания и оценке формы, формированию реконструированных интеллектуально-речевых умений, обогащению опыта познавательной деятельности. Перекодирование содержания текста применяется во взаимосвязи с методом лингвосмыслового анализа. Реконструктивная деятельность направлена на формирование умений представлять вербальный учебно-научный текст в иной форме, а также умений читать таблицы, схемы, карты, т.е. переводить их в слово. Также одним из эффективных приемов обучения перекодированию информации является составление плана текста. План рассматривается как краткая программа текста, предусматривающая выделение его частей и их взаимное расположение. Известно, что план отражает логику развития мысли, но школьники в своих работах часто не отличают теоретическую информацию от иллюстративной и склонны отражать в плане иллюстративную информацию, опуская теоретическую. Кроме того, планы учащихся не всегда отражают взаимосвязь ключевых понятий учебно-научного текста.

При конструировании текста учитываются специфика текста как лингвистической единицы и особенности его содержания и формы.

Основным методом осуществления аналитической деятельности является лингвосмысловой анализ текста, который рассматривается как естественный этап изучения учебного материала, необходимый для полного и точного понимания содержания учебно-научного текста.

Мы проанализировали учебник русского языка под редакцией М.М. Разумовской для 5 класса [4]. На наш взгляд, в этом учебном комплексе прослеживается система работы с учебно-научным текстом, которая не всегда реализуется на уроке. Мы выделили основные типы заданий, с тем чтобы представить эту систему наглядно. Для примера приведем задания, предлагаемые для работы с учебно-научным текстом при изучении морфологии. Этот раздел занимает одно из центральных мест в школьном курсе русского языка и по объему, и по значению.

Анализ показал, что при изучении морфологии реализуются все названные выше методы работы: лингвосмысловой анализ текста, метод реконструкции текста, конструирование текста.

Метод лингвосмыслового анализа текста:

- выделение ключевых слов: упр. № 564, 568;
- самостоятельная постановка вопросов: упр. № 584;
- нахождение/ определение новых слов: упр. № 579, 583, 599;
- определение сходства / различия: упр. № 562, 567, 594;
- определение признаков сравнения: упр. № 572.

Непосредственная работа с лингвистическим текстом включает следующие задания:

- определение целей урока по анализу учебно-научного текста;
- анализ заголовков учебно-научного текста;
- обращение к толковому словарю;
- объяснение какого-либо явления.

Метод реконструкции теста:

- составление таблицы: упр. № 559, 573, 638;
- составление схем: упр. № 619;
- составление плана учебно-научного текста;
- создание алгоритма учебно-научного текста.

Метод конструирования текста:

- создание монолога: упр. № 577, 585, 590, 612, 637, 672, 678, 679, 684;
- создание текста (сочинение на лингвистическую тему): упр. № 608.

Мы видим, что в учебнике представлена целостная методика обучения школьников работе с учебно-научным текстом, которая способствует формированию информационно-аналитических умений: осуществлять поиск, воспринимать, понимать, анализировать, обобщать, систематизировать информацию, реализовывать данные умения при создании собственных учебно-научных текстов различных жанров. Подобная система заданий реализуется и при изучении других разделов русского языка, поэтому можно сказать, что лингвосмысловой анализ учебно-научного текста ориентирован на соблюдение преемственности в формировании предметных знаний, предметных и интеллектуально-речевых умений и является основой для реконструктивной и продуктивной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что для работы с учебно-научным текстом на уроках русского языка существуют специальные методики. Они раскрывают целесообразность обучения школьников работе с учебно-научным текстом на основе деятельностного подхода, с учетом особенностей психического и речевого развития учащихся школы.

Литература

1. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Просвещение, 1993. – 224 с.

2. Купирова Е. А., Суворова Е. П. Лингвосмысловой анализ текста как метод организации познавательной деятельности / Е. А. Купирова, Е. П. Суворова // Русский язык в школе. – 2010. – № 12. – С. 3-9.

3. Купирова Е. А., Суворова Е. П. Методы работы с учебно-научным текстом: метод реконструкции текста / Е. А. Купирова, Е. П. Суворова // Русский язык в школе. – 2011. – № 1. – С. 3-10.

4. Разумовская М. М., Лекант П. А. Русский язык. 5 класс: учебник для общеобразовательных учреждений / М. А. Разумовская, П. А. Лекант. – М. : Дрофа, 2010. – 305 с.

Д.В. Климшина, студ. филологического ф-та ТюмГУ (Тюмень)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. В.В. Дубовик

О МЕТОДАХ И ПРИЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Удачным способом формирования лингвокультурной компетенции студентов-иностранцев при обучении русскому языку является работа с фразеологизмами. Четко толкуя фразеологизм, умело поясняя его смысл, преподаватель включает учащихся в активную умственную деятельность, заставляет задумываться над значением слов и выражений, тем самым не только развивая мыслительные способности обучаемых, но и приобщая их к культуре изучаемого языка. От того, насколько удачно будет объяснен тот или иной фразеологизм, зависит степень усвоения изучаемого материала, то, как иностранный студент сможет воспринимать иную картину мира. Именно поэтому проблема поиска способов объяснения значений тех или иных фразеологизмов является одной из ведущих в методике преподавания РКИ [2, с. 22].

Семантизация – это процесс выявления смысла языковой единицы; процесс и результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне языковой единицы [1, с. 224]. Различают переводную и беспереводную семантизацию. К способам беспереводной семантизации можно отнести демонстрацию предметов, действий и пр. (наглядная семантизация); раскрытие значения слов на иностранном языке путем описания значения с помощью уже известных слов; использование перечисления; указание на родовое слово (т.е. на лексическую парадигму); использование синонимов и антонимов; указание на словообразовательную ценность; использование контекста. К способам переводной семантизации относятся эквивалентный перевод слова и перевод-толкование.

В данной работе мы опишем оптимальные способы семантизации фразеологизмов, которые предлагаются на изучение студентам-иностранцам. Постараемся определить наиболее эффективные приемы передачи значения фразеологических единиц. В свою очередь, под эффективностью мы понимаем способность и потенциал того или иного способа семантизации приводить к продуктивным результатам. Главными критериями в определении степени эффективности являются степень универсальности способа и уровень усвоения языкового материала учащимися. Описанные ниже способы семантизации будут представлены в прогрессирующем порядке – от наименее эффективного к наиболее эффективному способу.

Перевод является достаточно экономным по времени и затрате сил преподавателя приемом семантизации, однако, на наш взгляд, в раскрытии значения фразеологизмов этот термин следует употреблять очень осторожно, так как речь идет о безэквивалентной лексике, и нашей задачей является передача семантики. Раскрытие значения фразеологизма подобным образом в редком случае уместно на начальном этапе обучения, когда другие приемы оказываются неэффективными вследствие слабого владения русским

языком, и для изучаемого материала предлагаются фразеологизмы несложные для понимания и часто имеющие эквивалент в родном языке. Приведем пример для англоговорящей аудитории. Так, например, фразеологизм *в гостях хорошо, а дома лучше* в английском языке имеет эквивалент – *East or West, home the best.* Но данный способ семантизации не сможет помочь в понимании всей сложной смысловой структуры изучаемого фразеологизма, не обеспечит его полное понимание и правильное употребление. Случаи полного совпадения по семантике, структуре и образной основе фразеологизмов русского и родного языков учащихся довольно редки.

Можно отметить эффективность ознакомления учащихся со значением фразеологизма путем использования *синонимов, лексических эквивалентов и свободных словосочетаний*. Действительно, семантика определенной части фразеологизмов может быть раскрыта этим приемом: *жить как кошка с собакой – плохо, ругаться, вешать лапшу на уши – врать, обманывать, сидеть сложа руки – бездействовать, бездельничать.* Однако при использовании названного приема необходимо хорошее знание учащимися синонимов-эквивалентов. При использовании синонимов необходимо обязательно указывать на те компоненты смысловой структуры фразеологизма, которые отличают его от соответствующего синонима: эмоционально-экспрессивная окраска, оттенки в значении, стилистическая характеристика.

Достаточно эффективным приемом семантизации является *развернутое толкование* на русском языке, которое должно быть кратким и доступным учащимся. Например *из уст в уста* в значении «от одного человека к другому передавать, передаваться (о слухах, разговорах, новостях).

Наиболее эффективным является раскрытие значения фразеологизма на основе *контекста*, который дает возможность самим учащимся догадаться о его значении. Например, *Надя, ты умеешь вязать? – Да я в этом деле просто мастер на все руки.* Знакомство с новым фразеологизмом через контекст помогает учащимся усвоить эмоционально-экспрессивную и стилистическую окраску, отграничивает его от свободного сочетания слов, формирует навык восприятия фразеологизма как сложного структурного целого.

При обучении русскому языку как иностранному для формирования фразеологических умений и навыков необходимо неоднократное употребление фразеологических единиц в контексте. При этом фразеологизм должен вводиться в контекст с уже усвоенной ранее лексикой.

Контекст может показать грамматические связи фразеологизма, особенности его функционирование в речи. Так, фразеологизм *жить как кошка с собакой* может употребляться при противопоставлении, и эта особенность может быть отражена в контексте, например: *Мы с братом в последнее время живем как кошка с собакой, но хотя бы с лучшим другом еще ни разу не поругались.* Эффективно также введение фразеологизма в диалоге, который помогает в формировании коммуникативных умений.

Таким образом, наиболее эффективными способами семантизации фразеологизмов можно назвать следующие: использование синонимов (лексических эквивалентов и свободных словосочетаний), использование синонимичных и антонимичных фразеологизмов, развернутое толкование на русском языке и введение в контекст.

Литература

1. Азимов А. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / А. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Икар, 2009. – С. 224.

2. Баско Н. В. Русские фразеологизмы легко и интересно / Н. В. Баско. – М.: Флинта, 2003. – 152 с.

3. Меншутина О. И. Изучение фразеологии современного русского языка в иностранной аудитории / О. И. Меншутона. – М. : РУДН, 1998. – 78 с.

4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – С. 91-100.

М.А. Колесникова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.пед.н. доц. С.В. Попова.

ПСИХОЛОГО-МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С СДВГ

СДВГ или синдром дефицита внимания и гиперактиность – это комплексное психоневрологическое расстройство, которое охватывает следующие сферы развития ребенка – физическую, эмоциональную, интеллектуальную, социальную и сексуальную. Следовательно, данным синдромом можно считать расстройство мозговых функций, когнитивного развития и поведения. К наиболее часто встречаемым симптомам относят: невнимательность, импульсивность, гиперактивность.

СДВГ является одним из наиболее распространенных расстройств, в клинике которого на первый план выступает нарушение внимания. Установлено, что от 3 до 5 % детей в США страдают СДВГ. Это значит, что в классе, состоящем из 25–30 детей, скорее всего, хотя бы у одного будет СДВГ. В России до сих пор отсутствуют эпидемиологические данные о частоте встречаемости СДВГ, но в целом, по данным различных авторов, распространенность синдрома колеблется от 2 до 47% [1; 2].

История изучения этого заболевания ведет начало с 1845 года. Тогда было впервые задекларировано проявление гиперактивности (немецкий врач Хоффман Хенрик описал чрезмерно подвижного мальчика – «непоседу Филиппа» [3, с. 3]), но под пристальным вниманием данное расстройство оказалось лишь в начале двадцатого столетия. Интерес и сложность проблемы заключается в том, что она является комплексной: медицинской, психологической и педагогической. В 1980 году в третьем издании Американской психиатрической ассоциации «Диагностическое и статистическое руководство психических нарушений» был впервые представлен термин «attention deficit» (дефицит внимания), который заменил термины «легкая дисфункция мозга», «минимальная мозговая дисфункция», «гиперактивность» и другие.

В настоящее время существует три группы гипотез, которые выделяют для систематизации причин СДВГ:

1) медицинские причины (органическое поражение центральной нервной системы в пренатальном или перинатальном периоде; наследственный фактор (генетические аномалии развития));

2) психологические причины (сильный стресс, повлекший за собой изменения в психическом развитии);

3) педагогические причины (попустительское отношение в детско-родительском взаимодействии).

Как и сказано выше, причина появления или же проявления данного расстройства может быть комплексной, но в то же время следует учитывать, что каждый из перечисленных факторов может носить единоличный характер воздействия.

Сравнительный анализ анамнестических данных детей с СДВГ показал, что в 67% случаев имели место нарушения нормального течения беременности, в 73% случаев была зафиксирована патология родов, что впоследствии привело к аномальному развитию головного мозга и формированию признаков рассеянного внимания с ярко-

выраженной гиперактивностью. По данным исследователей Института умственного здоровья, установлена связь между гиперактивностью и дисфункцией лобной доли. По другим данным, у 65% детей с СДВГ обнаружено снижение кровотока в префронтальной коре головного мозга при интеллектуальных нагрузках [4, Р. 65-94]. Не менее высокий процент возникновения расстройства при доминантной психолого-педагогической причине. Более 20% семей с ребенком, страдающим СДВГ, имеют неблагоприятные материально-бытовые условия, низкий уровень образования родителей, частые конфликты, несогласованность в подходах воспитания и алкогольную зависимость.

В то же время наблюдается следующая закономерность – симптоматика у детей с СДВГ, основой которого является поражение ЦНС или генетическая аномалия, проявляется на более ранних периодах развития (раннее детство, дошкольник), а у тех, чей синдром имеет под собой психолого-педагогическую основу – позже (при поступлении в младшую школу и переходе в среднюю школу). То есть наследственный фактор является решающим на ранних этапах взросления, затем возрастает роль социальных причин. Однако вне зависимости от вариативности синдрома в ходе его развития общие процессы осложняются уже тем, что изначально развиваются на «дефектной» почве. Следует отметить, что наличие нарушений обучения и социальных функций является необходимым критерием для установления диагноза «синдром дефицита внимания с гиперактивностью».

Проблема воспитания и обучения детей с гиперактивностью и рассеянным вниманием волнует как специалистов, работающих с такими детьми, так и родителей. В связи с этим возникает проблема комплексного сопровождения детей с СДВГ.

Целью комплексного сопровождения является обеспечение всесторонних возможностей успешной адаптации в социуме, личностного и когнитивного развития ребенка с синдромом дефицита внимания и гиперактивности. Для этого необходимо создать ряд условий, таких как:

1) раннее обследование детей с подозрением на СДВГ;

2) классификация по выделенным специалистами критериям;

3) комплексный подход в организации специальных условий обучения, воспитания и развития;

4) акцент на индивидуальность ребенка, а не на расстройство;

5) содействие полноценному развитию личности на каждом возрастном этапе;

6) вовлечение ближайшего окружения ребенка с СДВГ в формирование его личности;

7) оказание консультативной помощи детям с СДВГ и их ближайшему окружению.

Для обозначения работы с детьми с СДВГ можно выделить две группы проблем:

1) работа с взрослыми (родители и специалисты),

2) работа непосредственно с детьми.

К первой группе относится как консультативная и просветительская работа, так и проведение семинаров, тренингов и создание методических пособий. Во второй же группе выделим следующие этапы:

1) диагностика (классификация, прогнозирование);

2) взаимодействие (создание специальных условий; создание индивидуальных и групповых маршрутов учитывая возрастные, психологические и физиологические особенности развития);

3) подведение итогов.

При успешной реализации медико-психолого-педагогического сопровождения ребенка с СДВГ, как правило, становится возможным развитие ребенка, соответствующее его возрастной норме, и достижение положительных результатов в социальной адаптации.

Литература

1. Брязгунов И. П. Синдром дефицита внимания у детей / И. П. Брязгунов, Е. В. Касатикова. – М. : Медпрактика, 2002. – 128 с.

2. Кропотов Ю. Д. Современная диагностика и коррекция синдрома нарушения внимания / Ю. Д. Кропотов. – СПб. : Элби, 2005. – 148 с.

3. Монина Г. Б. Гиперактивные дети: психолого-педагогическая Помощь. Монография / Г. Б. Монина, Е. К. Лютова-Робертс, Л. С. Чутко. – СПб. : Речь, 2007. – С. 3.

4. Barkley R. A. Behavioral inhibition, sustained attention, and executive functions: Constructing a unifying theory of ADHD / R. A. Barkley // Psycholog. Bull. 1997. – Vol. 121. – P. 65-94.

А.О. Лаптев, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. М.В. Петрушина

САМООТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В настоящее время в России большую популярность набирает профессия психолога. Наше общество долгое время шло к определенному уровню развития в данном направлении, и, наконец, открыто проявило потребность в квалифицированной психологической помощи. Создается большое количество государственных и частных учреждений, где вводится ставка психолога, развивается психоконсультативная и психотерапевтическая работа, пользуются популярностью многие направления работы в бизнесе. В России освоить названную профессию можно лишь в рамках вузовских программ обучения, однако большое количество дополнительных курсов расширяют базовые знание и инструментарий психологов.

Согласно опросам 2011 года, около 56% практикующих психологов оценивают профессионализм своих коллег «удовлетворительно», то есть на три балла по пятибалльной системе, 20% опрошенных считают работу коллег «неудовлетворительной» [5]. Следовательно, стоит задаться вопросом: «Что возможно сделать для улучшения процесса подготовки психологов в высших учебных заведениях?» Проблема действительно является актуальной на фоне общего довольно низкого уровня лояльности населения к оказанию психологической помощи. Работа с душой, или психикой, человека остается одной из самых ответственных и опасных. Нужно быть уверенным, что профессионализм психологов действительно соответствует требованиям высокого уровня. Ошибочные действия могут привести при самом положительном раскладе к отказу от психологической помощи, в худшем же случае – к усугублению симптомов или развитию психических заболеваний.

Именно поэтому студенчество является столь важным в процессе профессионального становления. Это сензитивный период для развития необходимых психологу профессиональных качеств, получения важных знаний, навыков и умений, осознания себя профессионалом, приобретения понимания роли психолога в жизни других людей, общества [2].

Стоит учесть возрастные особенности студентов. В это время человек стремится к эмоциональному отделению от родителей, создает свое социальное окружение, расширяет общественные связи и пробует новые типы общественного взаимодействия. Данный период характеризуется как время выраженных социальных потребностей. Через них происходит становление Я человека, в момент встречи переживается энергия собственной интегрированности, плотности, целостности. Но есть в этом и доля опасности:

отношения близости, соперничества и борьбы переживаются при общении с подобными себе, со сверстниками, что может привести к предвзятости в отношениях, неприятию себя и других, одиночеству и, впоследствии, – страху перед близостью [1, 4].

Значимым качеством для психолога является адекватный уровень самоотношения. В процессе обучения мало внимания уделяется его компонентам, хотя влияние на практическую деятельность может быть колоссальным.

Первой категорией самоотношения является самоуверенность. В период обучения непринятие студента профессиональным сообществом может пагубно сказаться на его дальнейшей самоуверенности. Он будет считать себя посторонним в данной области и неспособным оказывать помощь клиентам.

Следующая категория – оценка отношения других людей к себе. Для психолога неадекватный уровень данной категории грозит возникновением многих иррациональных убеждений относительно долженствования в отношении клиента и коллег: «Я обязан быстро решать все проблемы клиентов, мне следует молчать на общем собрании и не высказывать своих идей» и т. д.

Третья категория – самопринятие. У психолога-студента может сформироваться негативный образ Я. Собственные свойства и качества будут оцениваться как ненужные, лишние или даже мешающие, что нарушит целостность личности – основного инструмента работы практических психологов.

Четвертой категорией является саморуководство. Излишняя деятельность вытеснения, регрессии для психологов может означать решение своих личных проблем в каждом клиенте на бессознательном уровне, попытки подстроить результаты всех исследований из-за неуверенности в их верности и т.д.

Самообвинение – пятая категория. Влияние определенных ситуаций может привести к переложению вины на других людей, отрицанию неудавшихся поступков, чувству собственной невиновности. При таком варианте невозможны адекватное разделение ответственности с клиентом и объективный взгляд на многие факторы.

Предпоследней категорией является самоинтерес. Специалист с низким самоинтересом будет посвящать себя служению другим, совершенно забывая о собственном существовании, своих потребностях и желаниях, особенностях личности.

И, наконец, завершающий список фактор самоотношения – самопонимание. Негативная характеристика тут говорит о неумении, нежелании изучать мотивы своего поведения при работе с клиентом, испытуемым, пациентом и т.д., характерно наличие низкого уровня рефлексии, комформности. Общественное мнение для такого психолога будет превыше профессиональных успехов [3].

Для проверки приведенных выше предположений требуется провести эмпирическое исследование, выявить основные формы развития позитивного отношения к себе, то есть проблема является перспективной для дальнейшего изучения.

Своевременный учет факторов, негативно влияющих на компоненты самоотношения студентов-психологов, поможет избежать возникающих профессиональных проблем в будущем. Самый главный инструмент в работе любого психолога – в больнице, школе, диагностическом или исследовательском центре и т.д. – это личность. Она должна находиться в постоянном развитии, совершенствовании. Психолог должен уметь отделять свои переживания от переживаний клиентов, свои мысли и умозаключения – от реально происходящих событий, быть объективным, конгруэнтным. Начать подобный путь можно с первых дней поступления. Подобное, в свою очередь, повысит уровень качества оказываемых психологами услуг, улучшит отношение к профессии в обществе.

Литература

1. Абрамова Г. С. Возрастная психология : учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по педагогическим и психологическим специальностям / Г. С. Абрамова. – М. : Академия, 1999. – С. 537-551.

2. Вачков И. В. Введение в профессию «психолог» : учеб. пособие / И. В. Вачков, И. Б. Гриншпут, Н. С. Пряжников. – Воронеж : Изд-во Московского психо-социального института: НПО «МОДЭК», 2002. – 464 с.

3. Глуханюк Н. С. Практикум по психодиагностике : Учеб. пособие. – Воронеж : Изд-во Московского психо-социального института: НПО «МОДЭК», 2003. – С. 151-162.

4. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – СПб. : Питер, 2005. – С. 601-682.

5. Психологи в России: кто они и кто их клиенты? – URL: http// www.psynavigator.ru/articles.php?code=797 (дата обращения: 28.03.2015).

Я.А. Матвиенко, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д.психол.н., доц. К.М. Гайдар

О РОЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ АВИАЦИОННЫХ ВУЗОВ

Конец XX века ознаменовался коренными преобразованиями в России, которые повлияли на все стороны жизни, в том числе и на обороноспособность страны. Главной целью проводимой в настоящее время военной реформы является создание профессиональной армии. В связи с реформированием Вооруженных Сил основным направлением в работе современных военных психологов является прогнозирование и обеспечение соответствующего поведения военнослужащих по призыву в армейской среде и в различных ситуациях службы, а также их личностного и профессионального развития.

Исследование особенностей познавательных и психофизиологических процессов военнослужащих актуально в связи с тем, что полученные результаты могут помочь военным психологам и военнослужащим в формировании и обучении военных коллективов, что является важным аспектом как в становлении личности военнослужащих, так и в ее развитии [5].

Целью настоящего исследования является изучение познавательных и психофизиологических особенностей курсантов военного авиационного вуза.

По мнению А. Р. Лурия и других психологов, психические процессы выступают в качестве первичных регуляторов поведения человека. Они имеют начало, течение и конец, то есть обладают определенными динамическими характеристиками, к которым в первую очередь относятся параметры, обусловливающие их длительность и устойчивость. На основе деятельности психики происходит формирование знаний, навыков, убеждений, индивидуально-психологических особенностей, качеств личности, в том числе значимых для той или иной профессии.

Познавательная деятельность наряду с задачами, решаемыми человеком ежедневно в обыденной жизни, занимает значительное место во многих видах профессионального труда. Своевременная и правильная ориентация в трудовой ситуации, а также самооценка личной роли в ней достигаются субъектом только путем сложной интеллектуальной деятельности, обеспечивающей быструю адаптацию к новым условиям [3, 4].

В новейших исследованиях, рассматривающих психическую деятельность с точки зрения ее информационного характера, по существу подчеркивается приспособитель-

ное свойство интеллекта как общей стратегии процесса получения, усвоения и преобразования информации. Установлено, что эффективность познавательной деятельности и точность вероятностного прогнозирования детерминируются адекватностью действий субъекта относительно условий внешней среды. Однако следует учитывать не только степень адекватности, то есть приближенность реального поведенческого реагирования субъекта структуре ситуации, но и скорость, с которой происходит перестройка программы поведения, реализующей интериоризированный профессиональный опыт в связи с изменяющейся обстановкой. При этом, помимо твердого знания алгоритма действия в штатных ситуациях нормально протекающего рабочего процесса, субъект должен владеть приемами саморегуляции познавательных функций, достаточным творческим потенциалом и способностью к быстрому логическому анализу малоинформативных признаков осложнения трудовой деятельности [2]. Это имеет повышенное значение в такой экстремальной профессии, как военное летное дело.

Огромную роль в овладении этой профессией играет и комплекс психофизиологических качеств человека, в первую очередь таких, как функции слухового, зрительного анализаторов, оперативная и долговременная память, степень концентрации и переключаемости внимания, психомоторная реакция, нервно-психическая устойчивость, а также объективная оценка функциональных систем и резервных возможностей организма, прежде всего центральной нервной, сердечно-сосудистой и дыхательной систем организма, надежность и физиологическая основа деятельности в экстремальных и сверхэкстремальных условиях в целом учитывается мало [1].

Уровень развития профессионально важных качеств и интеллектуальных способностей, а также функциональное состояние организма граждан, призываемых или поступающих на военную службу, должны позволять им успешно осваивать военную технику и эффективно на ней работать.

На основе теоретического анализа данных по теме исследования мы можем сделать вывод о высокой роли изучения познавательных и психофизиологических особенностей будущих военных летчиков в воспитании личности и ее профессиональном развитии. Это позволит:

а) формировать учебно-боевые и боевые команды, с учетом психофизиологических ресурсов их членов и прогностического аспекта их деятельности;

б) разрабатывать психопрофилактические и развивающие программы с учетом индивидуальных познавательных и психофизиологических особенностей курсантов;

в) распределять военнослужащих по боевым подразделениям, на основе их индивидуально-психологических особенностей и исходя из прогноза успешности процесса их обучения.

Литература

1. Артемьев Н. А. Профессионально-важные качества офицеров различных групп военных специальностей / Н. А. Артемьев [и др.] // Материалы Всеармейской научно-практической конференции (09.12.2010 г.). – СПб. : Питер, 2010. – С. 13-14.

2. Афанасьева Е. С. Познавательная активность как характеристика деятельности и форма поведения индивида / Е. С. Афанасьева // Сборник научных статей. – Голицыно: ГПИ ФСБ России, 2009. – № 4.– С. 7-9.

3. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2010. – 319 с.

4. Маклаков А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2001. – 592 с.

5. Маклаков А. Г. Психология и педагогика. Военная психология / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2005. – 464 с.

В.С.Новикова, студ. факультета РГФ ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.пед.н. доц. М.В. Щербакова

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ КОНТРОЛЯ СФОРМИРОВАННОСТИ У УЧАЩИХСЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В настоящее время в практике обучения иностранному языку используется коммуникативно-ориентированный подход. Ключевым принципом этого подхода явилась ориентация на овладение языком как средством общения в реальных жизненных ситуациях, актуальных для учащихся [10]. Исходя из коммуникативного подхода, объектом контроля должна являться коммуникативная компетенция обучаемых, т.е. способность к реальному общению в соответствии с целями, сферами и ситуациями общения. В зависимости от того, с кем мы говорим, где и с какой целью, применяются соответствующие умения и навыки [4]. Важно умение пользоваться всеми видами речевой деятельности: чтением, аудированием, говорением (диалогом, полилогом), письмом, а понятие обученности применительно к дисциплине «иностранный язык» означает приобретение того или иного уровня коммуникативной компетенции [2]. Следовательно, ведущими составляющими контроля здесь выступают речевые умения в области говорения, аудирования, чтения и письма на основе аутентичных материалов. В ходе контроля проверяется соответствие достигнутых учащимися знаний – умений – навыков государственным эталонам (стандартам), а оценка выражает реакцию на степень и качество этого соответствия [10].

Исторически сложившаяся в нашей стране система оценивания является, по сути, системой выставления отметок. Критерии выставления отметок достаточно неопределенны, зачастую обучающиеся сравниваются между собой. Иногда в процесс выставления отметки вмешиваются некоторые субъективные факторы: личностная история обучающегося или история его взаимоотношений с конкретным учителем. Функция отметок в основном констатирующая: отметка фиксирует уровень достижений по прохождении определенного этапа обучения. Кроме того, к сожалению, выставляя отметку, во многих случаях учитель исходит из посыла, который по своей сути является негативным: обучающийся чего-то не знает, в чем-то не дотягивает до некоего идеала, что естественным образом может послужить причиной снижения мотивации обучающихся к учению, а также может привести к погоне за отметками. Собственно процесс учения оказывается вне зоны внимания как учащихся, так и педагогов [6].

Применение в педагогической практике различных инструментов оценки и контроля знаний должно соответствовать современным требованиям общества, педагогической и методической наукам. Также учитель должен научить ученика самостоятельно управлять своей познавательной деятельностью, т.е. научить его умению планировать предстоящую деятельность, организовывать ее выполнение своими силами и в процессе выполнения намеченного осуществлять самоконтроль [10]. Исследования ряда работ ученых позволяют сделать вывод о том, что одной из причин отставания учащихся в учении является слабо развитое умение критически оценивать результаты своей учебной деятельности. В настоящее время совершенно четко проявилась необходимость поиска эффективных способов организации оценочной деятельности учителя и учащихся.

В педагогической практике отдельные образовательные учреждения все чаще создают свои собственные оценочные шкалы. В качестве примера можно привести использование в педагогической практике моделирования системы школьной оценки, автор А.А. Остапенко. При их разработке педагогические коллективы исходят из специфики конкретной школы [7]. Также применяются такие инструменты самопроверки и оценки знаний, как анкеты, листы рефлексивной самооценки, материалы-рекомендации

и оценочные таблицы. Часто используется методика безотметочного обучения на основе исследований Г.А. Цукерман. Данная методика представляет собой введение оценочных линеечек, по которым учащиеся оценивают свою и чужую работу по различным параметрам: красиво, аккуратно, правильно.

Современные образовательные инновации делают акцент собственно на учении, ставя ученика в центр образовательного процесса, предоставляя ему максимум свободы и ответственности в организации собственной учебной деятельности, поэтому в оценивании все больше значения придается самооцениванию. Формой такого реалистического оценивания, ориентированного на качественное обновление оценки, на результат учебной деятельности, включающего самооценивание, является технология «портфолио» [9].

Проект «Европейское языковое портфолио» был принят странами-членами ЕС в 2001. Европейский языковой портфель призван способствовать усилению роли учащегося в учебном процессе, повышению его мотивации, автономности, развитию умений самооценки. Формированию необходимых навыков коммуникативной компетенции эффективно помогает российский вариант европейского языкового портфеля.

Языковой портфель – это собрание личных достижений ученика, которое формируется лично и реально показывает его уровень подготовленности и активности в различных учебных и внеучебных видах деятельности в школе и за её пределами. Классический (многоцелевой) языковой портфель состоит из трех частей: «Паспорта», «Языковой биографии его пользователя» и «Досье».

В паспорте учащийся в краткой форме отражает свою коммуникативную и некоммуникативную компетенции. Речь идет обо всех неродных изучаемых им языках, экзаменах и результатах, межкультурных контактах [5]. В «Языковой паспорт» учащиеся вносят общие данные о себе, изучаемых ими языках, и на основании самооценки указывают уровень владения неродным языком. Ученики закрашивают в таблице те ячейки с обозначением уровня владения иностранным языком, которые соответствуют, по их мнению, их уровню владения тем или иным умением в неродном языке [3].

В языковой биографии содержатся дескрипторы, то есть параметры, по которым уточняется и оценивается (как пользователем, так и учителем) уровень владения учащегося иностранным языком. В этой части языкового портфеля находятся контрольные листы самооценки, в которых дано описание коммуникативных умений, составленных в соответствии с документом «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком» [7]. Учащиеся должны в соответствующих разделах отметить те коммуникативные умения, которыми они, по их мнению, уже овладели, а также умения, которыми еще предстоит овладеть [3].

Досье фиксирует любые практические примеры достижений в изучении иностранного языка. В нем содержится весь материал, свидетельствующий об успехах в овладении языками: дипломы, сертификаты, свидетельства, интересные работы [5]. Материалы складываются в папку, регистрируются и оцениваются учеником с точки зрения их полезности для изучения и использования изучаемого языка. Ученик может выставить свой портфель на презентацию в классе, в группе, на учительской конференции, на родительском собрании. На таком форуме ученик показывает свои продвижения, доказывает, что его самооценка совпадает или не совпадает с оценкой учителя, родителей, группы экспертов (из числа учеников). Портфолио не используется для сравнения учеников между собой, это документация, представляющая индивидуальное развитие за определенный отрезок времени. Заключения преподавателя о достижениях, способностях, силе, слабостях и потребностях ученика должны опираться на знание полного диапазона его развития. Также портфель поможет объяснить любому, где и как изучались языки. Это может быть важно, если ученик, например, сменил школу или поступает на работу [8].

Вначале языковой портфель вводится как один из инструментов рефлексии по поводу своей языковой принадлежности и степени владения изучаемыми иностранными языками. Далее учащиеся переходят к Биографии и ставят индивидуальные задачи. Учебные результаты накапливаются в Досье и оцениваются в Биографии. На основе этой оценки ставятся новые задачи. Этот процесс повторяется до конца учебного года, когда учащиеся вновь возвращаются к Паспорту и снова проводят самооценку.

Технология «языковой портфель» реализует инновационный подход к учебному процессу. При преподавании иностранного языка в школе, «языковой портфель» можно рассматривать как инновационную, общеучебную технологию, основанную на развитии способности к рефлексии. Подчеркнем, что технология «языковой портфель», кроме того, обеспечивает контроль за формированием коммуникативной компетенции и готовность обучаемого к самостоятельному / автономному изучению языка на протяжении всей жизни. Учащийся проявляет себя как субъект учебной деятельности, в полной мере ответственный за результат овладения изучаемым языком. Использование технологии портфолио школьника, возможно, поможет в какой-то мере решить проблемы, связанные с объективным оцениванием результатов деятельности ученика.

Литература

1. Азимов Э. Г. , Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. - М. : ИКАР, 2009. – 448 с.

2. Брейгина М. Е. О контроле базового уровня обученности / М. Е. Брейгина // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 5.

3. Иванченко Т. Ю. Языковой портфолио как стратегия изучения иностранного языка в течение всей жизни / Т. Ю. Иванченко // Молодой ученый. –2013. – № 5. – С. 704-707.

4. Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст. / Белорус.гос.ун-т; в авт. ред. – Мн., 2009. – Вып. 9. – 102 с.

5. Коряковцева Н.Ф. Европейский языковой портфель для России – новая образовательная технология в области обучения иностранным языкам / Н. Ф. Коряковцева. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – 154 с.

6. Новиков А.В. Постиндустриальное образование / А. В. Новиков – М.: Эгвес, 2011. – 152 с.

7. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. - Департамент по языковой политике. - Страсбург, русская версия – Москва: МГЛУ, 2005. – 247 с.

8. Матвиевская Е. Г. Оценка уровня достижений учащихся: проблема создания современного инструментария. / Е. Г. Матвиевская // Интернет-журнал "Эйдос". – 2007. – 30 сентября. – URL: http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-3.htm.

9. Программно-методическое обеспечение и контроль по предмету // Информационный сайт Студопедия.Орг. – URL: http://studopedia.org/6-93551.html

10. Федорова Л. А. Языковой портфель ученика как вариант индивидуализированной оценки социальной и лингвистической компетенции учащихся. / Л. А. Федорова // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». – URL: http://festival.1september.ru/articles/591517/.

Е.Г. Петрова, студ. психолого-педагогического
ф-та Борисоглебского ф-ла ВГУ (Борисоглебск)
Науч. рук. – доц. Н.М. Муравьева

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Х.К. АНДЕРСЕНА

В современной методике литературного чтения разработан и обоснован мотивационный литературоведческий подход к ознакомлению детей младшего школьного возраста с художественными произведениями, который даёт возможность формирования познавательного интереса на литературном материале, но методы и приёмы изучения сказок Х.К. Андерсена в настоящее время детально не разработаны. Актуальность данной проблемы для постановки методически грамотного обучения чтению в начальной школе и определила выбор темы исследования.

По своему богатству фантазия сказочника спорит с народной фантазией. Опираясь на народные сюжеты и образы, Андерсен не слишком часто прибегал к фантастическому вымыслу. В его представлении жизнь полна чудес, которые нужно только увидеть и услышать. У любой вещи, даже очень незначительной, может быть своя удивительная история.

Андерсен создал свою манеру повествования – непосредственно-наивную, мягко-ироническую. Даже взрослый человек, читая его произведения, может любоваться всем тем, что нравится в сказках детям.

Размышления о собственной необыкновенной судьбе определили характер многих героев Андерсена – маленьких, беззащитных в огромном мире, средь закоулков которого так легко затеряться. Так, Дюймовочке приходится спасаться от жабы и ее сынка, от жука, полевой мыши, крота. Никому из них не понять, что Дюймовочка – существо иного мира. Изредка писатель обращался к сюжетам из детской жизни, гораздо чаще его герои проходят испытания взрослой жизнью и взрослыми чувствами. Толчком к развитию конфликта часто служит упоминание о какой-либо особой «мете» героя, выделяющей его среди других и предопределяющей его нелегкую судьбу («Гадкий утенок», «Русалочка» и др.). По мнению Андерсена, сказка не связана с представлениями о веселой, радостной жизни. [1, с.5]. Мы привыкли к счастливому концу в фольклорной сказке. У Андерсена же такой конец встречается крайне редко. Писатель ставит в своих сказках сложные жизненные проблемы, хотя по форме, сюжетам они вполне доступны детям. К тому же сказки и истории Андерсена в высшей степени поучительны. Они развивают в читателе неизменную любовь к жизни, мудрость по отношению к злу, формируют то гармоничное состояние духа, которое и является залогом счастья. [2, с. 531-532].

При изучении творчества Андерсена в начальной школе мы обратились к тем методам, которые традиционно используются на уроках литературного чтения. Так, проводя беседу по содержанию художественного произведения, учитель сосредоточен на предмете обсуждения, поэтому неуместны отступления, не связанные с содержанием текста или творчеством конкретного автора. Учитель исподволь ведет детей к намеченной цели – выяснению главной мысли произведения или решению той задачи, которая была определена им заранее. Например, при изучении сказки «Русалочка» это может быть проблема, имеющая неоднозначное решение: правильно ли поступила Русалочка, когда обратилась за помощью к морской ведьме?

Выразительно читать художественное произведение – это не значит разыгрывать текст в лицах, перевоплощаясь в героев. Выразительно читать – значит донести до слу-

шателей авторскую идею, увлечь, заворожить ритмом чтения, тембром голоса, особыми интонациями, собственным отношением к читаемому. Например, чтение сказки Х.К. Андерсена «Принцесса на горошине» потребует от читателя искренних чувств, чтобы показать детям переживания принцессы.

Сказка всегда рассказывается от первого лица, так, как будто бы рассказчик сам был участником происходящего. «Нарисовав» в своем воображении сказочные картины, мы и детей заставим увидеть внутренним взором, например, и птичий двор, где родился гадкий утёнок, и его высокомерных и несправедливых обитателей, и бездушную птичницу.

Биография писателя неразделимо связана с его творчеством. Биография детского писателя – вдвойне. Человеку, пишущему о детях и для детей, очень трудно абстрагироваться от собственного, детского опыта жизни, детских переживаний. Здесь уместно вспомнить слова Андерсена: «Жизнь сама по себе является самой прекрасной сказкой. Приносить пользу миру – это единственный способ стать счастливым» [3]. Сообщение биографии автора имеет и воспитательное значение: это пример творческого служения искусству, пример жизнестойкости, профессионального знания того предмета, о котором идет речь в книге.

Даты жизни писателя сообщать не всегда обязательно, но ощущение времени дать надо, сказав, что «это было давно», или сообщив о том, что автор жив и продолжает писать для детей. Не следует говорить детям о том, когда и какие книги автора были выпущены, какова очередность их выхода: это та информация, которая не будет воспринята учащимися в силу особенностей возраста. Надо ли сообщать школьникам о проблемных сведениях в биографии автора? Например, о том, что отец Андерсена в детстве был способным мальчиком и мечтал поступить в гимназию, но после переезда в Оденсе мать его поместила в учение к башмачнику, потому что нужда заставила? Скорее нет. Рассказ о зарубежном авторе следует предварить сообщением о его стране, сейчас это удобно сделать, используя презентацию, виртуальную экскурсию.

Полезно познакомить детей с портретом сказочника. Рассматривая портрет или фотографии автора в разные моменты его жизни, можно обратить внимание детей на то, похож ли автор на своих героев. Можно поразмышлять с детьми о чертах характера человека, пишущего для них свои произведения, об отношении его к чему-либо (например, фото Андерсена и изображение утенка из сказки «Гадкий утенок», ведь автор говорил, что в этой сказке описана его собственная жизнь). Пусть эти рассуждения будут далеки от идеала, пусть у детей не хватит слов для определения чего-либо, не важно. Важно создать прецедент: в лицо творца надо вглядеться, чтобы лучше понять и его самого, и то, что создано им.

Теоретическое занятие как прием восприятия текста также может быть использовано на уроках чтения. Например, художественный прием олицетворение – одушевление, наделение человеческими свойствами и качествами всего того, что окружает ребенка, является частью его. Постижению этого приема способствуют андерсоновские тексты, в которых интуитивно постигается детская психология («Дюймовочка», «Стойкий оловянный солдатик», «Гадкий утёнок» и др.).

Анализ художественного текста – самый сложный, но необходимый вид работы по детской литературе среди младших школьников. Ничто так не учит вдумываться, вглядываться в текст, не только читать, но и вычитывать, т.е. видеть глубину содержания, следовать за мыслью автора и постигать ее, как анализ. Такой вид анализа как «вслед за автором» учит следовать логике писателя, чувствовать и понимать ее. Анализ художественного текста ведется путем постановки вопросов. Можно и должно научить учащихся правильно отвечать на них. Ребенок должен привыкнуть к тому, чтобы выслушать вопрос, понять его суть и ответить в соответствии со значением вопроса, не

уходя от него, не расширяя и не сужая его смысл. Отвечая на вопрос, он вдумывается в текст, запоминает его содержание, улавливает с помощью взрослого особенности формы, использует язык писателя в своей речевой практике.

В современной школе творчество Ханса Кристиана Андерсена представлено в программах для начальной школы следующим образом.

В образовательной системе «Школа России» (авторы Л.Ф. Климанова, В.Г. Горецкий и М.В. Голованова) [4] на уроках литературного чтения во втором классе изучается сказка «Принцесса на горошине», в третьем классе – «Гадкий утенок», в четвертом классе – «Русалочка». В рамках программы во втором классе в работе со сказкой Андерсена предусматриваются применение таких приемов, как чтение сказки; обмен мнением о прочитанном; чтение сказки по частям и их разбор, обобщающая беседа. В третьем классе, помимо названных приёмов, используется создание словесной картины по эпизодам сказки, составление плана, работа по заданиям учебника, чтение в лицах.

В рамках образовательной системы «Школа 2100» [5] творчество Андерсена на уроках литературного чтения представлено сказкой «Стойкий оловянный солдатик». Работа со сказкой Андерсена предусматривает применение таких приемов, как обсуждение мнений о прочитанной сказке, комментированное чтение, выборочное чтение, словарная работа в тетради, диалог с автором, составление плана, составление словесных картин, ответы на вопросы после текста, беседа, выполнение заданий в тетради, эвристические задания, индивидуальные задания, составление рисунков по тексту.

В рамках программы «Начальная школа XXI века» проф. Н.Ф. Виноградовой, Л.А. Ефросининой, М.И. Омороковой [6], учебник по литературному чтению содержит текст сказки «Пятеро из одного стручка», на материале которой учитель может в доступной для младших школьников форме знакомить их с теорией литературы, следуя принципам преемственности с программой по литературе в среднем звене, обучая младших школьников анализу художественных произведений. Читая и анализируя сказку, младшие школьники овладевают такими понятиями теории литературы, как жанр, сюжет, тема, проблема, идея, композиция, герои и др.

В программе «Литературное чтение» В.А. Лазаревой, разработанной в контексте системы развивающего начального обучения Л. В. Занкова [7], произведения Андерсена представлены в третий год обучения сказкой «Стойкий оловянный солдатик», авторами программы предусмотрены следующие приемы работы со сказками Андерсена: анализ текста, проблемные ситуации и вопросы; игровые задания; творческие задания; элементы драматизации. Использование данных методов и приемов способствует развитию познавательной активности, формированию креативности как качества личности у школьников; учит действиям, с помощью которых осуществляется творчество.

В рамках образовательной системы «Перспектива» [7] творчество Андерсена на уроках чтения представлено сказками «Дикие лебеди» (в сокращении), «Чайник». В работе со сказками применяются следующие приемы: чтение сказки; обсуждение мнений о прочитанной сказке, написание «отзыва», ответы на вопросы в учебнике.

Таким образом, в учебной литературе сказки Андерсена представлены, на наш взгляд, недостаточно. Наиболее детально приемы работы со сказками Андерсена представлены лишь в образовательной программе «Школа 2100». В то же время из многочисленных сказок писателя педагоги отобрали те, которые в наибольшей степени доступны детям младшего школьного возраста.

Мы провели несколько уроков по творчеству Андерсена в рамках образовательной системы «Школа России». Во 2 классе при изучении сказки Х.К. Андерсена «Принцесса на горошине» мы поставили цель познакомить детей со сказкой, учить определять тему и идею произведения. Мы использовали творческое задание:

- Как вы думаете, в каких ситуациях можно употребить выражение «принцесса на горошине»? Приведи примеры.

- Составьте с другом несколько диалогов на эту тему.

На этапе рефлексии пришли к выводу, что вымысел сказки заключается в том, что невозможно почувствовать горошину под таким количеством тюфяков и перин, т. е. это был сказочный способ определения настоящей принцессы. Урок, который мы должны вынести из этой сказки: нельзя по внешнему виду определить сущность человека, стоя за воротами, девушка, вся промокшая, мало походила на принцессу, но почувствовав горошину, она доказала, что настоящая принцесса.

В 3 классе при изучении сказки Х.К. Андерсена «Гадкий утенок» мы учились видеть взаимосвязь событий в художественном тексте. В ходе беседы мы разделили текст на части и обсудили содержание каждой; подготавливая выразительное чтение, определили задачу чтеца для каждого отрывка, акцентируя внимание детей на тех чувствах, которые нужно передать при чтении: нам жаль бедного утенка, мы осуждаем тех, кто его обижал. Творческое задание состояло в подборе пословицы к сказке (Некрасив собой, но красив душой).

В 4 классе при изучении сказки Х.К. Андерсена «Русалочка» мы учились выявлять авторское отношение. Разгадав кроссворд, дети поняли, что мы будем читать новую сказку Андерсена. На этом уроке мы составили план сказки, озаглавливая каждый эпизод, обсудили, какие иллюстрации можно сделать к каждой части. Работая в группах, дети учились вчитываться в текст, определять авторское отношение к героине сказки, обсуждать те слова и выражения, которые помогают читателям понять авторское восхищение самоотверженностью Русалочки, сочувствие её переживаниям.

Проведённая нами работа показала, что сказки Андерсена формируют познавательный интерес младших школьников, обеспечивают благоприятную атмосферу обучения. Творческие задания поддерживают инициативу поиска, предоставляют возможность выдвижения и постановки познавательных задач обучающимися, обеспечивают самостоятельность добывания знаний, то есть способствует пробуждению интереса к художественной литературе в целом, формированию читательской компетентности. Уроки изучения сказок Андерсена учат внимательно относиться к авторскому слову. Ведь в сказке Андерсен нашел ту форму, в которой органически сумел выразить свое отношение к жизни. Сказка для него – способ видеть мир, а для читателя – способ этот мир познавать.

Литература

1. Андерсен Г. Х. Сказка моей жизни: отрывок / Пер. А. Коринфский / Г. Х. Андерсен // Уроки литературы: Прил. к журн. «Литература в школе». – 2004. – № 1. – С. 3-5.

2. Арзамасцева И. Н. Детская литература: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – 6-е изд., испр. – М .: Издательский центр «Академия», 2009. – 576 с.

3. Бюголев Б. Перлы Ганса Христиана Андерсена / Б. Бюголев // http://www.proza.ru/2011/05/02/495

4. Литературное чтение. 2 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций в комплекте с аудиоприл. на электрон. носителе. В 2 ч. . / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова и др.- М. : Просвещение, 2013. – 223 с.: ил. – (Школа России); Литературное чтение. 3 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций в комплекте с аудиоприл. на электрон. носителе. В 2 ч. . / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова и др.- М.: Просвещение, 2013. – 223 с.: ил. – (Школа России); Литературное чтение. 4

класс. Учеб. для общеобразоват. организаций в комплекте с аудиоприл. на электрон. носителе. В 2 ч. / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова и др. – М. : Просвещение, 2013. – 223 с.: ил. – (Школа России).

5. Литературное чтение. 3 класс. («В одном счастливом детстве»). В 2-х частях. Ч.2. – 4-е изд., перераб. – М.: Баласс; Школьный дом, 2012. – 208 с., ил. (Образовательная система «Школа 2100», серия «Свободный ум»).

6. Литературное чтение: 2 класс: Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч.1. / Авт. – сост.: Л. А. Ефросинина, М. И. Оморокова. – 2-е изд., дораб. – М. : Вентана-Граф, 2008. – 160 с.: ил. – (Начальная школа XXI века).

7. Литературное чтение. 3 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. / Лазарева В.А. – М., 2011.

8. Литературное чтение. 4 класс. Учеб. для общеобразоват. Учреждений. В 2 ч. / Л. Ф. Климанова, Л. А. Виноградская, М. В. Бойкина; Рос. акад. Образования, изд-во «Просвещение» – М. : Просвещение, 2011. – 160 с.: ил. – (Перспектива).

.А. Тетерина, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – ассист. Д.Ю. Кузьмина

РОЛЬ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Вопрос взаимосвязи языка и культуры, волнующий человечество с незапамятных времен, и сегодня является актуальным. О нем размышляли такие известные филологи, как В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир, Б. Уорф, С.Г. Тер-Минасова, А.А. Вежбицкая и др.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, Е.М. Верещагина, В. Г. Костомарова, язык – это золотой фонд, эльдорадо культуры, и именно в нем отражаются ценности национальной культуры, которые передаются из поколения в поколение. Язык формирует личность человека, т. е. помогает ему понять картину мира, ментальность и идеологию того государства, в котором он проживает. Лексема «культура» несет результат творческой, созидательной деятельности человека, приобретенный и переданный опыт, а также его осознание и оценку [6, с. 13-14].

В процессе обучения иностранному языку преподавателю необходимо обеспечить обучающихся информацией о культурных элементах страны изучаемого языка, воспитать в студентах толерантность как неотъемлемую часть реального и виртуального социального поведения и поликультурного общения, развить духовно-нравственную сторону [1, URL].

Опираясь на многолетний опыт российских и зарубежных филологов и лингвистов, следует отметить, что лингвострановедческий подход является наиболее подходящим для ознакомления с культурным своеобразием страны, ее историческими событиями и современными реалиями. В России значительный вклад в разработку лингвострановедческого подхода внесли В.Г. Костомаров и Е.М. Верещагин. Лингвострановедение – это направление, которое обучает иностранному языку, дает совокупность культурологических знаний, а также помогает студентам успешно справиться с изучением языковых единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры народа. Составными компонентами лингвострановедения являются: слова-реалии, коннотативная лексика, фоновая лексика, идиомы (фразеологизмы), ономастическая лексика, формулы речевого этикета, правила неречевого общения [4, с. 148].

В данной статье мы хотели бы более подробно остановиться на идиоматике, включающей идиомы (фразеологизмы) \ и фразовые глаголы. «Фразовые глаголы – неразложимые сочетания, не поддающиеся буквальному переводу» [7, с. 3]. В.С. \Слепович дает определение идиомам (фразеологизмам) как «устойчивым словосочетаниям с большей или меньшей степенью связанности составляющих их элементов» [5, с. 63]. Согласно классификации, которую предложил Ш. Балли и разработал для русского языка В.В. Виноградов, все фразеологические единицы подразделяются на фразеологические сращения (*spik and span* – новый, с иголочки; *a baker's dozen* – чертова дюжина), фразеологические единства (*to draw the line* – подвести черту; *as busy as a bee* – очень занят) и фразеологические сочетания [3, с. 110-111].

Указанная лексика часто встречается в учебных пособиях по иностранному языку и вызывает у студентов трудности при чтении, понимании и устном общении с носителями иностранного языка. Например, в учебнике С.И. Костыгиной [2] существует ряд заданий, где студенты должны сопоставить идиому и фразовый глагол, их дефиниции; идиому и фразовый глагол, их синонимы или антонимы; сделать перевод идиом. Нами было проведено анкетирование среди 24 первокурсников института филологии, в ходе которого удалось выяснить, насколько студенты компетентны в знании английских идиом (фразеологизмов) и фразовых глаголов. Студентам было предложено 15 идиом и 15 фразовых глаголов по базовым темам: «Семейная жизнь» (Family Life), «Дом» (Home) и «Распорядок дня» (Daily Routine). В процессе заполнения анкеты студенты давали для идиом и фразовых глаголов дефиниции на английском языке и перевод на русском.

В ходе тестирования было обнаружено, что с фразовыми глаголами студенты справились успешнее, чем с идиомами (фразеологизмами). Это можно объяснить тем, что с фразовыми глаголами при изучении иностранного языка мы встречаемся чаще, следовательно, запоминаем и узнаем их в текстах гораздо лучше.

Среди фразовых глаголов самый высокий процент знания составил 87,5%, а самый низкий – 25%. Наиболее узнаваемым оказался фразовый глагол *to give in* – «сдаваться», а фразовый глагол *to take off* – «снимать одежду» – занял последнее место.

Но и среди идиом (фразовых глаголов) нам удалось выявить наиболее частотные: *to change one's mind* – «изменить решение», *to be a home bird* – «быть домоседом», *to take one's time* – «занимать чье-л. время» (67%); *to keep open house* – «быть гостеприимным», *to be homesick* – «скучать по дому», *in the short term / in the long term* – «за короткий период времени / за долгий период времени», *on the tip of one's tongue* – «вертеться на языке у кого-л.» (58%).

Конечно, существуют идиомы, которые вызвали затруднение у студентов: *to keep a good house* – «содержать дом в порядке», *to keep an eye on* – «присматривать за кем-л.», *to save the day* – «спаси положение» (37,5%); *to be in sb's good books* – «быть на хорошем счету», *to be getting nowhere* – «не справляться с чем-л.» (25%); *to see eye to eye* – «полностью сходиться во взглядах», *to eat humble pie* – «просить прощение, унижаться», *like mother makes* – «мне это по душе» (8%).

Каким же образом возможно улучшить процесс запоминания идиом? На наш взгляд, существует большое количество различных методов, оптимизирующих процесс обучения и повышающих мотивацию студентов. Например, преподаватель может проводить квизы, письменные тесты, проектные работы, дискуссии, в которых студенты будут активно использовать идиоматические выражения.

В заключение еще раз подчеркнем, что изучение идиом чрезвычайно важно при овладении любым иностранным языком, потому что именно фразеологизмы являются сокровищницей народного духа, исторической памятью этноса. Они отображают миро-

видение и миропонимание нации за счет своей стереотипности, символичности и эталонизированности образного основания.

Литература

1. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания. ФГОС. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ingis-chr.ru/Raznoe/koncepcija_dukhovno-nravstvennogo_razvitija_i_vosp.pdf.

2. Костыгина С. И. Английский язык для студентов университетов. Чтение, письменная практика и практика устной речи = English for University Students. Reading, Writing and Conversation : учебник для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. В 2 ч.Ч. 1 / С. И. Костыгина , Березина О. А.– 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 432 с.

3. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка: учебное пособие. – 5-е изд. – М. : Флинта: Наука, 2008. – С. 110-114.

4. Рожнева Е. М. Взаимосвязанное овладение языком и культурой страны изучаемого языка / Е. М. Рожнева // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2004. – С. 146-149.

5. Слепович В. С. Настольная книга переводчика с русского языка на английский = Russian- English Translation Handbook / В. С. Слепович. – 3 - е изд. – Минск: ТеатраСистемс, 2008. – С. 63-67.

6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

7. Шитова Л. Ф. English Idioms and Phrasal Verbs =Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов / Л. Ф. Шитова, Т. Л. Брускина. – 3-е издание. – СПб.: Антология, 2007. – 256 с.

8. Stuart Redman. English Vocabulary in Use / Redman Stuart. – Cambridge University Press, 2003. – 271 p.

СЕКЦИЯ
«СЛОВО, ОБРАЗ, КОММУНИКАЦИЯ»

В.А.Дубов, студ. ВУНЦ ВВС «ВВА» (Воронеж)
Л.Ю. Зубова, к.филол.н. ВУНЦ ВВС «ВВА» (Воронеж)

СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ВОЕННЫХ АББРЕВИАТУР КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ИХ ОБЩНОСТИ И СПЕЦИФИКИ

В военной сфере аббревиация является, пожалуй, самым востребованным средством языка. С одной стороны, она повышает эффективность передачи и обработки информации (за счет компрессии плана выражения и, одновременно, увеличения емкости плана содержания). С другой стороны, аббревиация ограничивает или блокирует адекватное восприятие специальной информации нежелательным кругом лиц. Таким образом, снижается вероятность подмены, манипуляции и других воздействий на стратегическую информацию повышенной секретности, что является жизненно важным для государства.

Помимо фактора ограничения доступа к специальной информации, распространению аббревиации способствует также стабильный значительный рост объемов информации, подлежащей восприятию, обработке, хранению и дальнейшему использова-

нию. Этим объясняется высокий рейтинг аббревиации во всех европейских языках как одного из самых продуктивных способов словообразования в профессиональной лексике. В нашей работе нас будет интересовать сопоставительный аспект английских и русских военных аббревиатур с учетом их классификации по тематическим группам и по структурным особенностям.

Принимая во внимание высокий процент сокращений в военной сфере, очевидно, что изучение данного пласта лексики крайне необходимо всем, кто работает в данной области, от преподавателей до инженеров. Ситуация усугубляется еще и тем, что военная сфера чрезвычайно обширна и охватывает разнообразные отрасли: инженерию, дипломатию, химию, тактику, физику, электронику, управление, строительство, связь и т.д.

Сравнивая типы аббревиатур в русском и английском языках, следует отметить их сходство по структуре, однако в частотности употребления имеются и некоторые отличия. Напомним, что по статусу словности (то есть, по степени самостоятельности, близости по статусу к слову) аббревиатуры делятся на две большие группы: графические и лексические. Высокий уровень самостоятельности присущ лексическим, низкий уровень – графическим аббревиатурам.

Графические аббревиатуры являются лишь письменным выражением словосочетания, широко употребляемого в устной речи, они существуют только для экономии пространства и не являются самостоятельными лексическими единицами, так как не имеют своей фонетической формы. Отметим, что графические сокращения (ГС) традиционно используются в документах (картах, донесениях и т.д.):

англ. *F* (*Fighter*) – *самолет-истребитель*
HQ (*Headquarters*) – *штаб-квартира*
Ftr-Intcp (*Fighter-Interceptor*) – *истребитель-перехватчик*
Sgt (*Sergeant*) – *сержант*;

рус. *А – армия* (*как единица подразделения*)
ПТ – противотанковый
рлк (*радиолокация*)
батр (*батарея*).

Оговоримся, что данный тип аббревиатур часто является основой для лексических аббревиатур, в частности, частичносокращенных слов (*артобстрел, химзащита*).

В отличие от ГС, л***ексические сокращения*** (ЛС) приближаются к статусу полноценных единиц коммуникации. Они имеют все основные признаки слова: собственное произношение, орфографию, семантическую структуру, стилистическую функцию и набор грамматических признаков, позволяющий адаптироваться к системе данного языка. ЛС, ввиду их многочисленности, целесообразно разделять на классы. Самым удачным критерием классификации аббревиатур представляется нам их структура. Согласно структуре, выделяются следующие классы:

1. ***Инициальные сокращения*** (алфавитизмы, акронимы и звуко-буквенный вариант):

англ. *ASM* (*Air-to-Surface Missile*) – *ракета класса «воздух-поверхность»*
FEBA (*Forward Edge of the Battle Area*) – *передний край фронта*
VSTOL (*Vertical/Short Take-Off and Landing*(*Aircraft*))
рус. ПВРХБН – пост воздушного, радиационного, химического и биологического наблюдения
СДЯВ – сильнодействующие ядовитые вещества.

2. ***Усечения.***

Встречаются обычно на уровне профессиональных жаргонизмов. Для английского, равно как и для русского языка, характерно усечение конца слов (апокопа):

англ. *Med Off* (*Medical Officer – военный врач*)

Rad Haz (*radiation hazards – радиационная опасность*);

рус. зам. – заместитель.

На уровне синтаксических конструкций выделяют эллиптические структуры, которым, как правило, сопутствует явление субстантивации, т.е. перехода прилагательных в разряд существительных. Это говорит о самостоятельном статусе аббревиатуры, её обособления от развернутого прототипа:

англ. TACSAT ← tactical satellite (*radio*) *– тактическое спутниковое* (*радио*)

рус. ДШК ← (*крупнокалиберный пулемет*) *Дегтярёва, Шпагина, Калашникова.*

3. ***Частичносокращённые слова.***

Представляют собой сочетание инициальной аббревиатуры и словосложения:

англ. Tac-sign (*tactical sign*) *– тактическая метка*

Ops room (*operations room*) *– КП* (*командный пункт*).

Интересно, что в последнем примере в последней части полилексемного прототипа наблюдается усечение не конечной (апокопа), а центральной части (синкопа).

рус. СВЧ-волны ← сверхвысокочастотные волны

Бандформирования ← бандитские формирования.

4. ***Сложносокращённые слова*** (соединяются несколько апокопных усечений сложного прототипа):

англ. SIGINT (*Signals Intelligence*) *– радиоперехват*

SITREP (*Situation Report*) *– отчет с места событий*

рус. ГЛОНАСС – глобальная навигационная спутниковая система

Штрафбат – штрафной батальон.

Следует отметить, что ввиду мобильности класса аббревиатур в языке, деление на графические и лексические является в определенной степени условным, т.к. любая графическая аббревиатура потенциально является лексической. Подвергаясь частичной или полной лексикализации, графические сокращения получают своё собственное произношение, собственную формообразующую парадигму и даже могут служить основой для последующих актов словообразования.

Структурная классификация военных аббревиатур, с одной стороны, позволяет унифицировать способы их образования, в независимости от их формообразующего языка, а с другой стороны, позволяет выделить специфические особенности аббревиации в русском и английском военных подъязыках. Очевидное разнообразие и активность аббревиатур являются убедительными доказательствами их важной роли в языке и, в частности, в сфере военной профессиональной лексики.

Литература

1. Англо-русский военный словарь / под ред. Г. А. Судзиловского, В. Н. Шевчука, В.М. Полюхина и др. – М.: Воениздат, 1987. – 688 с.

2. Андронова А. В. Спорные вопросы типологии сложносокращённых слов. / А. В. Андронова // Вестн. нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. – Н.Новгород, 2003. – Вып. 1 – С. 117-123.

3. Блиндус Е. С. Синтаксические аспекты аббревиации / Е. С. Блиндус, А. Д. Краев // Словообразовательные типы и гнёзда в индоевропейских языках: сб. науч. тр. – Владивосток, 1986. – С. 10-20.

4. Волкова Н. О. Англо-русский словарь сокращений / Н. О. Волкова. – М. : Рус. яз., 2000. – 324 с.

5. Иванова В. М. Современная аббревиатура / В. М. Иванова // Актуальные проблемы русистики: сб. науч. тр. – Барнаул, 2002. – С. 12-15.

6. Изотов В. П. Параметризация способов словообразования. / В. П.Изотов. – Орел, 2000. – 35 с.

7. Лебедев А. И. Словарь сокращений русского языка. / А. И. Лебедев. – 2002. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sokr.ru, http://www.design.ru/, glavred@sokr.ru

8. Солнышкина М. И. Особенности аббревиации в профессиональных подъязыках / М. И. Солнышкина // Учён. зап. казан. гос. ун-та: сб. науч. тр. – Казань, 2002. – Т. 143. – С. 218-222.

А.Б. Лобова, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – д.филол.н. проф. Р.И. Хашимов

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ДЕРЕВО»

В лингвистической науке сложилось различное понимание термина «тематическая группа». Так, Ф.П. Филин определял тематические группы как «объединения лексем, обозначающих определенную предметную сущность. Выделение этих групп основано на внеязыковых критериях, поэтому, как правило, у членов рассматриваемых рядов может не быть общих семантических признаков» [8, с. 230-231]. Целесообразным является указание на то, что существует немало расхождений в выделении и разграничении тематической и лексико-семантической группы. В этом ключе главным отличием тематической группы от лексико-семантической, как подчеркивает Ф.П. Филин, является тот факт, что «отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями…» [8, с. 233-235]. Исходя из этого, мы включаем в тематический класс слов со значением *«дерево»* такие лексические единицы, как *анчар, береза, ель, секвойя, яблоня* и т.п., на основе наличия у этих реалий действительности кроны, ствола, листьев и корня, что позволяет включать данные лексические единицы в тематическую группу «дерево». В качестве доказательства можно привести мысль Л.М. Васильева, который указывает, что при тематическом (денотативном) описании материала «учитывается, прежде всего, естественное онтологическое расчленение предметов, признаков, свойств, действий, процессов, событий, состояний, отраженных в структуре языка. Это наиболее традиционный принцип. Именно на нем основано выделение таких семантических классов слов, как названия животных, птиц, деревьев, растений, ягод, грибов и т.д.; термины родства, различных ремесел, обрядов и т.п.» [2, с. 39]. В своих исследованиях А.А. Уфимцева выделяет предметную (или тематическую) группу и говорит, что слова в нее объединяются «в силу сходства или общности функций, обозначаемых словами предметов и процессов» [7, с. 133]. При рассмотрении лексем, объединенных в составе тематической группе, немаловажным является изучение лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Так, И.А. Стернин пишет, что «лексико-семантические варианты слова – это отдельные значения слова, находящиеся друг относительно друга в отношениях семантической производности и выражающиеся одной звуковой оболочкой. Многозначное слово представляет собой единство ЛСВ, число которых равно числу отдельных значений. ЛСВ – это единство звучания и одного значения слова» [6, с. 9]. Иными словами, смысловая структура слова – это совокупность взаимосвязанных значений слова. Первым, кто начал разработку проблемы семантической структуры слова является В.В. Виноградов. В настоящее время разработка проблемы семантической структуры слова осуществляется в трудах И.В. Арнольд, А.А. Уфимцевой, М.В. Никитина, Д.Н. Шмелева.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров, необходимо отметить, что лексические единицы помимо денотативного значения в своей структуре предполагают наличие различного рода коннотаций. Термин «коннотация» не имеет четкого определения. Это связано с различными точками зрения среди лингвистов. Термин «коннотация» можно рассматривать с лингвистической, стилистической, психологической точки зрения. Так, Г.В. Колшанский понимал коннотацию как новые компоненты содержания единиц, довлеющие над исходными значениями и проявляющиеся в определенном контексте, сочетании элементов (например, в слове *очаровать* проявляется значение «чары») [4, с. 50-52]. А А.И. Ефимов связывает коннотацию с эмоционально-окрашенными словами [3, с. 217], в то же время Д.Н. Шмелев связывает данное понятие с понятиями «эмоциональность», «экспрессивность» [9, с. 254-255]. Таким образом, с рассмотрением проблемы функционирования и сущности коннотации связаны работы различных ученых, а именно: труды и исследования И.А. Стернина, Е.М. Верещагина, Н.Г. Комлева, И.В. Арнольд и т.д. В нашем исследовании мы будем давать семантическую характеристику выбранного материала, исходя из такого понимания системности, проявлением которой является не только синонимические и антонимические отношения, но и отношения между лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), т.е. вся сложная структура семантики лексической единицы, включая их окказиональное использование и возможные коннотативные значения.

Так, семантическая структура лексической единицы *дуб* включает в себя совокупность лексико-семантических вариантов. В толковых словарях слово *дуб* имеет следующее значения: 1) «Крупное лиственное дерево с плотной древесиной, имеющее плоды – желуди». 2) «Древесина этого дерева». 3) Обл. «Род большой лодки на Дону, Днепре». 4) «Нечуткий, тупой человек» (разг.). [5, т. 1, с. 450]. В значении «нечуткий, тупой человек» данная лексема приобретает коннотативное значение с отрицательным эмоциональным компонентом: *«Редактор долго смеялся. – **Ну и дуб!** – говорил редактор. – Неужели такие бывают?* (Г. Горин). Рассматривая семантическую структуру лексемы дуб можно отметить коннотативную сему *«мудрый человек»*, например: *«Нет, еще живы старые **дубы**», – говорили слушатели, расходясь после его выступлений* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом) и коннотативную сему *«умный, ученый человек»*: *«Кто знает, какой **дуб** учености вырастет со временем в этой старинной, но еще молодой и формирующейся на новый лад колонии?»* (И. Гончаров). *Стоят **дубы** с обнаженными сучьями, / Как **молотобойцы** с рукавами засученными, / Ударят кувалдой по пням-наковальням, / Откликнется роща громом повальным.* (Д. Самойлов). Данный контекст иллюстрирует возникновение контекстуальных синонимов, где таковыми является пара *дубы-молотобойцы*. Это возможно в результате непосредственного сравнения и наличия общих внешних черт, объединяющих две эти лексемы в приведенном контексте. Также в структуре сравнительного оборота может быть реализовано дополнительное коннотативное значение «*основательный»: «Я был **как дуб** у черного шатра, / Я был богат стадами и казною, / Я сладко жил утехою земною, / Но вот пришли: “Встань, Авраам, пора!”»* (И.А. Бунин). Помимо этого в предложении: «*Аленка, в своем голубом платье, прямо и ровно положив ноги в полусапожках, сидела в распускающихся возле караулки **дубках** и вышивала что-то»* (И.А. Бунин), – лексемой *дубок*, которая является синонимом к лексеме дуб, выражается коннотативный элемент оценочности, так как в словаре определяется как «уменьш.-ласк. к дуб (в 1 знач.) [5, т. 1, с. 451]. Если же говорить об эмоциональном компоненте, заключенном в коннотативном значении *«подобия»*, то его можно обнаружить в метафорических сравнениях типа: «*Он был похож на старый **дуб**, обожженный молнией, но все еще мощный, крепкий и гордый силой своей*» (М. Горький).

Прием отождествления или сравнения человека с образом того или иного дерева характерен для различных культур, в том числе и для русского мировоззрения, где дерево становится центром, осью мирозданья, наделяется различными магическими свойствами. И потому в сознании народа могут возникать определенные ассоциативные ряды с образом конкретного дерева (например, представления русского человека о дубе и березе, отношение японского народа к сакуре и т.д.), которые реализуются и закрепляются в слове.

Литература

1. БАС-17 – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т./ Т.5:. – М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 965.

2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1981. – 184 с.

3. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. – М. : Изд-во МГУ, 1957. – 448 с.

4. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1975. – 230 с.

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

6. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. –122 с.

7. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы / А. А. Уфимцева. – М. : АН СССР, 1962. – 288 с.

8. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М. : Наука, 1982. – С. 227-239.

9. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

Л.В. Минакова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.психол.н., преп. Е.К. Лисова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СКВЕРНОСЛОВИЯ

Явление сквернословия широко распространено в современном мире и свидетельствует о духовной деградации человека. Вседозволенность в речи оборачивается болезнью интеллекта, искаженного сознания. Сегодня мат проник в литературу, кино и на телевидение. Приведем некоторые статистические данные, демонстрирующие то, как молодые люди относятся к проблеме сквернословия и какое место нецензурная брань занимает в их жизни. По информации Фонда «Общественное Мнение», сегодня около 70% жителей нашей страны применяют ненормативную лексику в своей речи.

Язык человека не является чем-то случайным, это его сознательный выбор. Слово не только выражает мысль, но и говорит о душевном состоянии субъекта, способствует его изменению. В настоящее время людей, избегающих сквернословия, очень мало. Снижается уровень культуры речи и взаимоуважения между людьми.

С психологической точки зрения, сквернословие – отклонение от социально-психологических и нравственных норм, проявляющееся в нарушении соблюдения общественно принятых норм. Существует необходимость в коррекции сквернословия и в индивидуальном подходе, учитывающем его психологическую подоплеку.

В настоящий момент в науке существуют работы о механизме сквернословия и о его нежелательных последствиях (влияние слова на организм). Причины же сквернословия мало изучены, поэтому актуально обобщение уже существующих знаний по этому

вопросу и выделение новых аспектов сквернословия, учитывающих преломление в нем разных аспектов психической деятельности.

В нашей работе под сквернословием мы будем понимать явление использования неприличных, непристойных слов, выражений; брани, ругательств.

Проблема сквернословия изучалась в различных дисциплинах, например, учеными-лингвистами и философами Б. Л. Боруховым, В. И. Жельвисом, Е. А. Поповой, К. Ф. Седовым, В. И. Шаховским, М. Н. Эпштейном. Философами затрагивались проблемы социального и этического значения бранных слов и выражений, а также их происхождение. Филологи изучали феномен сквернословия с точки зрения его лексического и фразеологического значения.

Еще М. Эмото открыл, что кристаллы замороженной воды меняются в зависимости от информации, с которой соприкасалась вода, в том числе и произносимых перед ней слов. Вода является хранителем и носителем информации, меняющей ее свойства. Известно, что человек состоит более чем из 75% воды. Это косвенно свидетельствует о влиянии бранных слов на человека.

П. Горяев опытным путем установил, что слова, произносимые человеком, не только изменяют структуру воды – при устойчивом негативном воздействии слов происходит видоизменение генов, которые влияют не только на самого человека, но и на его потомство.

Его коллега, биолог И. Б. Белявский, 17 лет также занимался проблемой взаимосвязи между словом и сознанием человека и доказал, что не только человек обладает энергетикой, но и каждое его слово несет энергетический заряд и воздействует на наши гены. В группе с другими учеными он доказал, что часто сквернословящие живут намного меньше, чем те, кто не сквернословит, потому что в их клетках очень быстро наступают возрастные изменения и проявляются различные болезни.

Известный психофизиолог, врач Л. Китаев-Смык утверждал, что злоупотребление матом медленно, но верно ведет к гормональным нарушениям, особенно у женщин. Дело в том, что мат способствует выработке мужских половых гормонов.

Из зарубежных авторов занимающихся проблемой сквернословия наиболее известен К. Уоллес. В результате многолетних наблюдений он пришел к выводу: люди, не избегающие сквернословия, оказываются более уязвимы для стресса и в результате чаще страдают различными психосоматическими расстройствами.

Таким образом, по совокупному анализу этих данных мы видим очевидный физический, физиологический и психологический вред от этого явления.

Нас интересуют именно психологические его аспекты. По Л. Китаев-Смыку, человек прибегает к мату в том случае, когда чувствует свою неполноценность. А. Э. Колмановский вторит ему: «Мат – следствие неуверенности в себе». Их данные подытоживает Б. Сосновский, вскрывший механизм возникновения сквернословия. Он пришел к выводу, что причина сквернословия – это выход негативных эмоций.

Анализ результатов исследований в данной области показывает, что только эмоциональная составляющая сквернословия изучена. Волевые и когнитивные аспекты сквернословия не рассматривались достаточно широко в рамках данного феномена. Необходимо изучить данные аспекты для понимания процесса формирования сквернословия, что в свою очередь поможет в разработке мероприятий, направленных на борьбу и профилактику сквернословия.

Итак, проанализировав уже имеющиеся данные по феномену сквернословия, можно разделить их на группы:

- изучение значения и происхождения феномена сквернословия;
- изучение влияния сквернословия на человека;

- изучение механизма и причин формирования сквернословия.

К психологическим аспектам сквернословия, требующим изучения, можно отнести: эмоциональные, волевые, когнитивные.

Наиболее изучен эмоциональный аспект сквернословия.

Литература

1. Боженова Р. К. Русский язык и культура речи / Р. К. Боженова. – М. : Наука, 2004. – 608 с.

2. Галюк А. Д. Статическая и процессуальная теории жизненного успеха. Социология в российской провинции : перспективы развития / А. Д. Галюк. – Екатеринбург, 2003. – С. 261-267.

3. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка / В. И. Даль. – М. : «Цитадель», 1998. – С. 417.

4. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема / В. И. Жельвис. – М. : Ладомир, 2001. – 350 с.

5. Китаев-Смык Л. А. Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань) / Л. А. Китаев-Смык // Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск : ЧГУ, 2005. – С. 17-21.

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : «Азь», 1992. – 944 с.

7. Психология : Словарь / А.В. Петровский. – М. : Просвещение, 1990. – 789 с.

7. Толстых Н.Н. Изучение мотивации подростков, имеющих пагубные привычки / Н. Н. Толстых, С. А. Кулаков // Вопросы психологии. – 1989. – № 2. – С. 35- 38.

9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Репринтное издание, 1995. – С. 216

10. Фрейд З. Психоанализ детских неврозов / З. Фрейд // Психология бессознательного. – М. : Просвещение, 1990. – С. 37-199.

А.В. Митина, студ. Борисоглебского филиала ВГУ (Борисоглебск)
А.С. Санникова, студ. Арзамасского филиала НГУ (Арзамас)
Науч. рук. – к.филол.н., доц. Т.В. Федорова

АВСТРАЛИЗМЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ XXI ВЕКА

Английский язык в настоящее время является национальным языком Великобритании, Соединенных штатов Америки, Австралии, Новой Зеландии и большей части территории Канады. В каждом из национальных вариантов есть свой лексический состав, который закреплен в лингвистических корпусах и словарях [1], [3]. Развиваясь в условиях географической и культурной изоляции, под влиянием экстралингвистических факторов – особенностей окружающей природы и образа жизни, влияния контактирующих языков, – английский язык в Австралии приобрел ряд особенностей, которые позволяют определить его статус как статус австралийского национального варианта английского языка.

Австралийский английский язык не занимает подчиненного положения по отношению к английскому языку Великобритании, как это свойственно территориальным диалектам, он не ограничен сферой бытовой устной речи. Он используется в государственных учреждениях, учреждениях образования, является языком средств массовой коммуникаций и художественной литературы. Язык нации как социально-исторической этнической общности людей, стоящий в ряду понятий родовой диалект, язык народно-

сти, этнический язык, существующий в двух формах – устной и письменной, представляет совокупность всех форм существования данного языка: кодифицированных (литературный язык) и некодифицированных (различные территориальные диалекты, жаргоны и др.) [4]. В истории распространения английского языка принято выделять три периода, в течение которых он претерпел значительные изменения [2]. Эти изменения коснулись не столько вариантов английского языка, сколько стандартного английского языка. Впоследствии изменения распространились и на варианты английского языка.

Первый период – раннее средневековье, когда в результате норманнского завоевания влияние французского языка и некоторых других языков на английский язык было столь значительно, что он за сравнительно короткий срок стал скорее романским, чем германским. В английский язык пришли такие слова, как *state, government, parliament, justice, crime, prison, pupil, lesson, library, science, pen* и многие другие. Второй период – эпоха Возрождения и последовавшие за ней годы, когда английский заимствовал большой объем лексики из классических языков (латинского и греческого) и творчество ряда драматургов, прежде всего Шекспира, существенно обогатило его. Появились такие слова, как *moderate, intelligent, permanent, to elect, to create, atom, cycle, ethics, philosophy, method, music*. Третий период – конец второго тысячелетия – начало нового тысячелетия.

Австралийский английский (AuE) – национальный язык на территории Австралии. Сами австралийцы неофициально называют свой язык «страйн» («strine» - от австралийского произношения слова «Australian»). Как и другие варианты английского языка, австралийский английский имеет схожую грамматику, лексику и фонетику с британским вариантом, но исторические, социальные и естественно-географические факторы способствовали тому, что в нем появились и собственные характерные черты. Австралийский вариант английского языка – довольно молодой вариант английского языка по сравнению, например, с американским вариантом. Истории английского языка в Австралии более 200 лет, и началась она тогда, когда первые британцы прибыли в Австралию в конце XVIII в. (1788 г.) и на территории нынешнего штата Южный Уэльс были организованы первые английские колонии ссыльных.

Речь носителей австралийского английского языка (AuE) крайне разнообразна, что неудивительно, учитывая многообразие существующих диалектов. Она богата идиоматическими выражениями и сленгом. Австралийский сленг имеет четыре основных источника: языки аборигенов, родные языки белых переселенцев (этнолекты, о которых мы писали выше), влияние смешивания языков в результате миграции населения и сленг, сформировавшийся в результате развития собственно австралийского английского языка (AuE). Зачастую сложно определить, является ли тот или иной «австрализм» общеупотребительным словом или сленговым. Многие из них являются лексической нормой для австралийского варианта, хотя происходят от сленга или ненормативной лексики социальных элементов, сформировавших австралийское общество. Из языка аборигенов в австралийский английский язык (AuE) вошли такие слова, как *billabong* (*a waterhole*), *jumbuc*/c (*a sheep*), *corroboree* (*an assembly*), *boomerang* (*a curved throwing stick*) and *budgerigar* (from *budgeree*, "good" and *gar*, "parrot"). Но число этих заимствований незначительно: оно ограничено названиями растений (*bindieye, calombo, boree* и *malee*), животных (*currawong, kookaburra, wallaby, wombat*) и рыбы (*barramindi*).

Можно сделать вывод, что словарный состав британского и австралийского языков в основном совпадает. Различия проявляются в тех сферах жизни, которые имеют большее значение для жителей Австралии. Кроме того различия наблюдаются в профессиональных терминах и названиях растений и животных, природных феноменов и ландшафтов, отсутствующих в британском варианте английского языка. Многие слова,

относящиеся в RP к сфере жаргона или сленга, являются литературной нормой для австралийского английского языка (AuE).

Литература

1. Ахманова О. С. «Словарь лингвистических терминов» / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1996. – 598 с.

2. Ощепкова В. В. «Язык и культура» Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В. В. Ощепкова. – М. : Глосса-пресс; СПб : КАРО, 2004.

3.http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=213&Itemid=48

4. http://knowledge.allbest.ru/languages/3c0a65635a2ac78a4d53a89521316d37_0.html

М.Ю. Пегусова, студ. филологического факультета ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – проф. Л.М. Кольцова

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА Д.В. ВЕНЕВИТИНОВА НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ («ДУША»)

Значение лексической единицы – понятие многомерное и является результатом отражения объективной действительности, что помимо лексического понятия включает сумму ассоциаций, связанных с тем или иным предметом или признаком, и составляет в конечном итоге содержательный фон слова. Лексическое значение слова – это связь между образом слова и самим предметом.

В творчестве оригинального, неповторимого, глубокого поэта на первый план выступают те лексические значения, лексико-семантические варианты слов, которые выводят на поверхность самые сокровенные движения души. У А.А. Блока есть удивительное выражение, которое невероятно точно характеризует само понятие стихотворения. Оно звучит так: «Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение». Таким образом, мы в очередной раз убеждаемся в том, что ключевые слова в каждом гениальном произведении играют немаловажную роль, являясь связующими, как темная материя, вещество вселенной стихотворения. Одним из ключевых слов в поэзии Д. Веневитинова является слово «душа», которое скользит по стержню его стиха, вызванивая в каждой его строке все новые и новые мелодии.

На идентификацию понятий «душа» и «человек» обращал внимание В. И. Даль, в словарной статье которого мы можем видеть, что душу он рассматривает как «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении человек, с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей». Это же сопряжение есть и в стихотворениях Д. В. Веневитинова. Одним из ярких примеров являются строки: *Когда б в пустыне многолюдной/Ты не нашел* ***души*** *одной, –/Поверь, ты б навсегда, друг мой,/Забыл свой ропот безрассудный.*

«Послание к Рожалину» (1826 г.)

В христианской религии понятие «душа» является одним из главных. Согласно учению Священного Писания, человек состоит из души и тела. Душа оживляет тело, одухотворяет его, а без нее тело – прах. Преподобный Анастасий Синаит пишет: «Ибо не было ни тела прежде души, ни души прежде тела» (PG. T.89.Col.724).

Слово «душа» используется для обозначения духовной части нашей личности. Например, Господь сказал Своим ученикам: «...не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф.

10:28). Смысл этих слов, несомненно, реализуется и в определениях словарей. Например, согласно Академическому словарю, «по религиозным воззрениям, душа – нематериальное начало в человеке, составляющее сущность его жизни и отличающее его от животных; то же, что и дух». В словаре А. С. Пушкина отмечается еще и то, что это нематериальное начало «продолжает жить после смерти». В. И. Даль указывает на то, что «душа есть бесплотное тело духа: в этом знач. дух выше души». В поэзии Дмитрия Веневитинова такое понимание души тоже нашло свое отражение. В ряду примеров мы отчетливо видим это.

*...Ты веришь, милый друг,//Что за могильным сим пределом//**Душа** моя простится с телом//И будет жить, как вольный дух,//Без образа, без тьмы и света,//Одним нетлением одета.*

«Завещание» (1826 г.)

*Но если в **душу** вложена//Хоть искра страсти благородной,–//Поверь, не даром в ней она,//Не теплится она бесплодно.*

«Утешение» (1826 г.)

*...Напев задумчивой печали,–//Еще напомнит обо мне,//И смелый стих не раз встревожит//Ум пылкий юноши во сне,//И старец со слезой, быть может,//Труды нелживые прочтет –//Он в них **души** печать найдет//И молвит слово состраданья:// «Как я люблю его созданья!»*

«Поэт и друг» (1827 г.)

*Тогда **душа** твоя, немея,//Вполне бы радость поняла,//Тогда б она живей, вольнее//**Родную душу** обняла.*

«К любителю музыки» (1827 г.)

Показательно, на мой взгляд, и обращение к Всевышнему в стихотворении «Моя молитва», в котором Д. В. Веневитинов называет Господа Бога «невидимым хранителем души». Я думаю, заострение на слове «душа» не случайно. Возможно, Д. В. Веневитинов хотел показать нам, насколько важным является это «нематериальное начало в человеке» на фоне тех страстей, которые постоянно одолевают нас. Необходимо также упомянуть и о том, что далее он обращается с просьбой благословить его обитель и:

*И стражем стань у врат ее,//Да через мой порог смиренный//Не прешагнет, как тать ночной,//Ни обольститель ухищренный,//Ни лень с убитою душой,//Ни зависть с глазом ядовитым,//Ни ложный друг с коварством скрытым.<...>Не отдавай **души** моей//На жертву суетным желаньям;//Но воспитай спокойно в ней//Огонь возвышенных страстей.<...>Но в **душу** влей покоя сладость,//Посей надежды семена//И отжени от сердца радость://Она - неверная жена.*

«Моя молитва» (1826 г.)

Св. Феофан Затворник пишет об отличии смертного греха от менее тяжкого: «Смертный грех есть тот, который отнимает у человека нравственно-христианскую жизнь его. Если нам известно, в чем нравственная жизнь, то определение смертного греха не трудно. Такого рода грехи изменяют все направление деятельности человека и самое его состояние и сердце, образуют как бы новый источник в нравственной жизни; почему иные определяют, что смертный грех есть тот, который изменяет центр деятельности человеческой».

Смертными эти грехи называются потому, что отпадение человеческой души от Бога – это смерть души. Без благодатной связи со своим Создателем душа мертвеет, становится неспособной к переживанию духовной радости ни в земной жизни человека, ни в посмертном своем существовании [1,URL].

Как поэт-философ, Д. В. Веневитинов выстраивает духовную иерархию. Мы невольно оказываемся в мире грехов, соблазнов и суеверий, самые страшные из которых

оказываются в окружении слова «душа». Читатель невольно вовлекается в круг страстей, названных словами: лень, зависть, ложь, коварство, суета, тщеславие, суетные желания, измена – которые ее губят. Противовесом этого оказываются слова: смелость, труд, состраданье, характеризующие человека с самой лучшей стороны.

Слово «душа», как прочный стержень, держит все стихотворение. На мой взгляд, Д. В. Веневитинову удалось грамотно расставить акценты, подчеркнув, что душа является одним из ключевых, важнейших понятий в жизни каждого человека, из чего, безусловно, следует, что забота о ней не случайна.

В стихотворениях Д.В. Веневитинова понимание души как внутреннего психического мира человека отразилось наиболее полно. Например, в строках «*Младой* ***душой*** *по воле разыграюсь.//Там радостно я буду петь зарю//И поздравлять царя светил с восходом,//Там гордо я* ***душою воспарю*** *//Под пламенным необозримым сводом»*, благодаря тем словам, которыми он окружает слово «душа», мы делаем вывод о том, насколько страстной и экспрессивной является натура самого поэта.

Следует отметить и то окружение, которым он обрамляет слово «душа» в других стихотворениях. Эпитеты, стоящие рядом, позволяют нам понять его многогранный внутренний мир, посмотреть на поэта с другой стороны и другими глазами. Ведь мы видим такие слова, как: «северная», «усталая», «не созданная для счастья», отмечаем для себя, что она у него трепещет и рвется. Здесь мы уже не видим того огня, той искры, того порыва, который присутствовал в предыдущем стихотворении. Как раз наоборот. Перед нами предстает печальный, грустный, задумчивый, унылый, меланхоличный человек.

Прольет и жизнь, и песней сладких дар//В холодный ум и в ***северную душу*** *(«Италия»).*

*Не волны невские мешают//****Душе усталой*** *отдохнуть,*

*Ты знаешь, мне ль боготворить//****Душой, не созданной для счастья.***

(«К моей богине»)

*В груди восторженной моей//****Душа рвалась и трепетала****.*

(«К Пушкину»)

Храни меня от тяжких ран,//И света, и толпы ничтожной,//От едкой жажды славы ложной,//От обольстительной мечты//И от ***душевной пустоты.****(«К моему перстню»*)

Читая стихотворения одно за другим, я пыталась понять, почему в одних стихотворениях душа поэта несет свет, а в других – говорит огнем, который мучит. И мое внимание привлекли следующие строки:

Душа *твоя так ясно разгорелась//И новый огнь в груди моей зажгла.//Но этот огнь томительный, мятежный,//Он не горит любовью тихой, нежной,–//Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит,//Волнуется изменчивым желаньем,//То стихнет вдруг, то бурно закипит,//И сердце вновь пробудится страданьем.*

С одной стороны, душа «ясно разгорелась», что, казалось бы, говорит о том, что она пылает светлым, живым пламенем, а с другой стороны, этот «огнь» оказывается «томительным, мятежным, мучащим». В одном маленьком отрывке мы можем наблюдать слияние тех двух ощущений, с которыми связывал Д.В. Веневитинов с понятием «душа».

В последнее время все более актуальным становится исследование индивидуальной художественной картины мира писателей и поэтов, особое место в формировании которой занимают ключевые слова. Специфика существования ее в области художественной литературы заключается в том, что он непосредственно связан с индивидуально-авторской концепцией мира, отраженной в произведении, с его идейно-тематическим уровнем. Таким образом, анализ ключевых слов и выражений важен для определения особенностей индивидуальной художественной картины мира поэта, он углубляет ин-

терпретацию произведений автора и обнаруживает существенные особенности его индивидуального стиля.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа [Текст] / Л. Г. Бабенко. – М., 2004.
2. Веневитинов. Д. В. Полное собрание сочинений [Текст] / Д. В. Веневитинов. – П. : «Academia», 1934. – 547 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1978.
4. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа [Текст] / В. А.Лукин. – М., 2004.
5. Поэзия как жанр русской философии. Антология [Текст] / сост. Сиземская И.Н. – М.: Институт философии РАН, 2007. – 344 с.
6. Словарь языка Пушкина: в 4 т. [Текст] / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Азбуковник, 2000
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [Текст] / Под ред. В. И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.
8. Ткаченко А. 7 смертных грехов, или Сколько страстей могут нас погубить на самом деле [Электронный ресурс] / А. Ткаченко. – Электрон. журн. – М., 2012. – режим дост. к журн.: http://www.foma.ru/7-smertnyix-grexov-ili-skolko-strastej-mogut-nas-pogubit-na-samom-dele.html

И.С. Правдина, студ. филологического факультета ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н. доц. С.А. Чуриков

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АРХАИЗМОВ

Асимметричные архаизмы – это устаревшие слова, замещенные не однословными лексическими единицами, а словосочетаниями. В термине отражен принцип выделения данных слов их всего пласта архаизмов – **структурная асимметрия** [Кретов А.А., с.7].

Проблема изучения асимметричных архаизмов актуальна, так как сейчас можно наблюдать процессы реактивизации устаревшей лексики. Данные лексемы приобретают новые лексические значения, используются в устойчивых словосочетаниях. Чаще всего мы сталкиваемся с ними в художественных или публицистических текстах, где авторы намеренно используют пассивную лексику. Этот прием является одним из основных приемов стилистики текста.

Рассмотрим несколько примеров асимметричных архаизмов и проследим особенности их функционирования в текстах разных эпох.

Десница – правая рука. Наблюдается структурная асимметрия (архаизм десница, фразеосочетание – правая рука). Процесс устаревания слова десница (и прилагательного десный) начался в 11 веке и завершился к середине 15 века, когда произошла полная замена слова фразеосочетанием «правая рука» [Шанский Н.М.]. Уже в текстах 18 века мы сталкиваемся с данной лексемой, которая приобрела новые оттенки значения: 1) наказание, кара свыше; 2) сакральное значение – «всемогущая сила Господа».

Шуйца – левая рука. Наблюдается структурная асимметрия (архаизм шуйца, фразеосочетание – левая рука). Лексема шуйца устаревает к 11 веку. В качестве стилистического средства в художественных тестах встречается с 17 века [Шанский Н.М.]. В

большинстве текстов слово шуйца использовано в прямом значении, дополнительные значения не зафиксированы.

Вечор – вчера вечером (дополнительные значения: вчера, вечером). Структурная асимметрия (архаизм – вечор, фразеосочетание – вчера вечером) в современных диалектах преодолевается путем упрощения значения. Значение «вечером» или «вчера» у слова *вечор* отмечается для целого ряда русских диалектов (нижегородских, симбирских, владимирских, московских, новгородских, курских, тульских и др.) [Академический «Словарь русских народных говоров», 1969].

Заутра – завтра утром. В поздних текстах часто можно отметить однословное значение «завтра».

Архаизмы являются мощным стилистическим приемом в тексте. Остановимся подробнее на стилистических функциях асимметричных архаизмов, рассмотренных выше.

1. **Функция поэтизации речи**: В языке поэзии архаизмы являются средством поэтизации речи. В 17–20 вв. можно встретить обращения поэтов к устаревшей или устаревающей на тот момент лексике. Такой прием мы встречаем в текстах оды, станса, поэмы, он подчеркивает возвышенность речи и общий пафос произведения [Артеменко Е.П., с.61]. Приведем примеры:

*Которой разум и **десница***
Нам кажут к счастию пути.
(Г. Р. Державин. Благодарность Фелице : «Предшественница дня златого...» (1783)

***Вечор** мне красныя девицы*
Мешок пшеницы принесли:
«Вить расклюют же даром птицы,
Возьми, старинушка, смели».
(Г. Р. Державин. Мельник : «Вечор мне красныя девицы...» (1799)

*Они сверкнут **заутра** снова,*
И встанет Горная Ї средь роз,
У склона дымно-голубого,
В сияньи золотых волос…
(А. А. Блок. Неоконченная поэма : «Я видел огненные знаки...» (1904)

2. **Функция создания высокой экспрессии.** Эффект экспрессии достигается за счет метафоризации значения, например, употребление слов в сакральном значении:

*Но тут **десница** божия поддержала и вразумила его: освободил он кое-как руки от когтей диавольских и сотворил крестное знамение… (М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки (1856-1857)*

Писатели часто прибегают к использованию фразеологизмов с архаичной лексикой.

*Правда, не всегда должна **шуйца** ведать о добрых деяниях **десницы**; да и когда благодеяния явно проповедываются, тогда лишаются они внутренней своей цены, и благотворители уподобляются фарисеям. (Н. И. Новиков. «О высоком человеческом достоянии» (1777)*

Выражение «*шуйца не ведает о деснице*» (вариант: «да не ведает твоя шуйца, что творит десница») восходит к старославянским корням. Имеет значение: не следует гордиться добрыми делами, считать их, скупиться на них, и, тем более, делать их напоказ – добро следует творить ради самого добра, не ради тщеславия.

Экспрессивность также может быть использована для стилизации речи героев, как в следующем примере:

*Заночевали, брате, мы в поле, и проснулся я **заутра** рано, еще все спали, и даже солнышко из-за леса не выглянуло (Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)).*

3. **Функция создания иронии:** писатели и публицисты употребляют архаическую лексику в пародийном плане для снижения стиля речи, для создания комического эффекта, иронии, сатиры.

Одним из ярких примеров употребления архаизма, который служит для создания иронии, являются тексты Салтыкова-Щедрина. Например, возвышенность устаревших лексем играет роль двойного комического эффекта рядом с разговорным фразеологизмом «*ждать у моря погоды»:*

Напротив того, советник казенной палаты мог не только гнушаться убийцами, но просто имел право сидеть сложа руки и, как говорится, ждать у моря погоды – и ни ***десница****, ни* ***шуйца*** *его от того не оскудевали (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов (1869-1872)).*

4. **Функция исторической стилизации**: архаизмы имеют свойство сообщать тексту колорит какой-либо эпохи или демонстрировать связь с литературным прошлым. Авторы текстов, стараясь воссоздать историческую эпоху, часто прибегают к исторической стилизации. Приведем примеры:

«Не ужасайтесь: Иоанн не нарушит слова; на вас милующая ***десница*** *его» (Н. М. Карамзин. Марфа Посадница, или покорение Новагорода (1803)* – в данном примере устаревшая лексема выполняет функцию исторической стилизации; идет речь об историческом деятеле Иоане IV (XVI век). Можно предположить, что автор хотел передать язык эпохи, употребив устаревшее слово, но, к сожалению, он не учел, что архаизм десница устарел к XV веку.

5. **Функция фольклорной стилизации** – устаревшие слова используются в авторских тестах, созданных по принципу фольклорных произведений. Например:

Мне ***вечор****, младой, скучен терем был,*
Темен свет-ночник, страшен Спасов лик.
(И. А. Бунин. «Мне вечор, младой, скучен терем был...» (1916.01.24)

Заутра имеет значение «завтра утром», в некоторых текстах приобрело еще оно значение: «рано утром», например:

Заутра *позвал к себе купец старшую дочь, рассказал ей всё, что с ним приключилося, всё от слова до слова, и спросил: хочет ли она избавить его от смерти лютыя и поехать жить к зверю лесному, к чуду морскому? (С. Т. Аксаков. Аленький цветочек (1858))*

На примере асимметричных архаизмов десница, щуйца, заутра, вечор мы пронаблюдали основные стилистические функции слов данного пласта лексики. Мы убедились в том, что архаизмы активно выступают в качестве стилистического средства. Некоторые из них со временем приобрели новые значения и оттенки значений, что способствовало реактивизации данных слов (например, употребление слова десница в религиозной среде в качестве термина для обозначения святыни: *Еще одна святыня – десница мученицы Татианы – требует отдельного рассказа. (Борис Клин. Итак, она звалась Татиана // Известия, 2006.08.03).*

Изучение асимметричных архаизмов имеет большое культурологическое и историческое значение, способствует более глубокому пониманию текстов, в которых можно встретить устаревшую лексику.

Литература

1. Артеменко Е. П., Соколова Н. К. О некоторых приемах изучения языка художественных произведений / Е. П. Артеменко, Н. К. Соколова. – Воронеж, 1969.

2. Иванова Н. Н. Высокая и поэтическая лексика / Н. Н. Иванова // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. – М., 1977.

3. Кретов А А. Асимметрия в лингвистике / А. А. Кретов // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 5-11.

4. Словарь русских историзмов: учебное пособие / Т. Г. Аркадьева [и др.]; науч. ред. Т.Г. Аркадьева – М. : Высш. шк., 2005.

5. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII-XX вв. / Р. П. Рогожникова, Т. С. Карская. – 4 изд., стереотип. – М. : Дрофа,2010.

6. Федоров А. И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка: около 20000 слов и выражений / А. И. Федоров / Ин-т филологии Сибирского отд-ния РАН; Москва: Восток-Запад, 2012.

7. Шанский Н. М. Лингвистические детективы / Н. М. Шанский – М. : Дрофа, 2002. – 528 с.

8. Академический «Словарь русских народных говоров» (Л., 1969. Вып. 4) – [Электронный ресурс] – http://urokirus.com/online/srng.html.

9. Национальный корпус русского языка – [Электронный ресурс] – http://www.ruscorpora.ru/

10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – [Электронный ресурс] – http://www.vasmer.slovaronline.com.

А.В. Радик, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к.филол.н., доц. О.А.Швецова

СТАНОВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «СЕМЬЯ» И ИЗМЕНЕНИЕ ЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Мы живем в мире постоянных перемен. Меняются реалии, и вслед за этим меняется мировоззрение и сознание человека. Все это не может не отразиться в языке.

Как известно, лексика – один из самых подвижных пластов языка. Семантика слова складывается постепенно, приобретая или теряя некоторые значения.

Сегодня мы попытаемся проследить развитие значений слова «семья» в русском языке. К сожалению, современные процессы, происходящие в обществе, показывают, что семейные ценности девальвируются, пропадает и само представление о традиционной семье. Именно это побудило нас обратиться к данной теме.

В Словаре современного русского литературного языка значение слова «семья» определяется так:

Семья – 1. группа близких родственников (*муж, жена, родители, дети и т.п.*), живущих вместе; в переносном значении «семья» – группа, организация людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами (*школьная семья, семья друзей*); 2. группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детенышей (*семья воробьев, семья львов*); 3. группа родственных языков, объединенных общностью происхождения (*семья славянских языков*); 4. род, поколение (*семья Романовых*) [5, с. 637-638].

Но вряд ли такие значения были у слова изначально. Оказывается, в старославянском языке слово сѣмия употреблялось с собирательным значением 'рабы, челядь'. От него было произведено сингулятивное сѣминъ — 'раб'.

В литовском есть соответствующее слово seimyna, диал. seima [1, с.374], значит 'семья, родня, челядь'. В латышском saime — 'челядь, большая семья'.

В древнерусском языке широко отражалась до конца XIV в. старославянская традиция (значение 'рабы, челядь'), но наряду с нею с XII в. засвидетельствовано и второе,

собственно русское значение 'семейство, родственники'. Близость этого старого русского значения к указанным выше значениям латышского saime и литовского seima, seimyna позволяет считать древнейшим: "большая семья, задруга'. Это наследие дофеодальной, родоплеменной эпохи.

Однако в истории слова семья был еще один, специфически русский этап. Древнерусские тексты XVI-XVII вв. дают материал, свидетельствующий, что слово семья имело наиболее сложную семантическую структуру именно в этот период.

Ближе всего старославянскому, но не тождественное, а в сущности более древнее значение мы видим в тексте 1585–1589 гг.: *«Купили три пуды соли вь вотчину на* ***семью*** *на домашнюю и для прибыльныхъ дѣловых наемных людей ко жниву и къ сѣнокосу»* (т.е. ‘в том числе и для наемных людей’). Здесь семья значит 'хозяйственный коллектив из лиц родственных и неродственных'.

В деловом документе 1516 г.читаем: *«Да учали мне говорити: нынѣ чаесмя дѣлали дѣло государя великого князя всѣ трое нас заодин, что был государю нашему великому князю не слуга Абды-Рахман, был он не* ***семья****»*

Тут слова «семья» – «заговор» являются синонимами, т.е. обозначают 'единомышленники, сговорившиеся и действующие заодно'.

Ряд текстов не оставляет сомнений, что примерно в то же самое время слово семья в разговорной речи средних (а потом и высших) сословий приобретает новое переносное значение, заслоняющее принадлежность его к словообразовательному типу имен собирательных, – оно употребляется как синоним слова жена: *«Дал вкладу ... Клементий Еутропьевъ сынъ Тропина за себя да за дѣтей своихъ – за сына за Матфея да за Исайю да за Ивана да за* ***семью*** *свою Матрену да за дочерь за Олену за здравье поминати ... полчетвертатцать рублевъ*» [9,259-263].

СЕМЬЯ (СЕМИЯ), ж. 1) Челядь, домочадцы, рабы; 2) Семья, семейство; 3) жена, супруга; 4) группа единомышленников, соратников[6, с. 59]

В языке 18 века мы видим следующее определение значения слова семья:

СЕМЬЯ, мьи. с. ж, Муж, жена и дети вместе взятые. [7, с.419]

Теперь обратимся к контекстам употребления данной лексемы в языке 19 века.

СЕМЬЯ, и с.ж. 1) То же, что и семейство. *В семье не без урода* 2) Стар. Скопь, семейный умысел. *В обысках многие люди лжут семьями и заговоры великими* [8, с. 119]

СЕМЕЙСТВО а, с, ср. 1) Малое общество людей, произошедшее от одной четы. *Жить в семействе* 2) В естественной истории: отряд, представляющий совокупление сходных между собою тел *Семейство грибов* [8, с.113]

Анализируя употребление рассматриваемой нами лексемы в современной публицистической литературе, мы пришли к выводу, что в большинстве контекстах сема родства пропадает, а на первый план выходит переносное значение «группа, организация людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами».

Гольф был олимпийским видом спорта, но был вытеснен из-за буржуазности, затем снова возвращен в ***олимпийскую семью.*** [3]

Кроме того, в словарях современного русского языка не учитывается такое значение семьи как социального института. А ведь к настоящему времени понятие семьи сузилось до понятия семьи как людей, состоящих в браке – т.е. в отношениях, узаконенных государством. Для других отношений применяют иные понятия: сожительство, гражданский брак в смысле «незаконный» и т.п.

Отмена же в паспорте графы «Семейное положение», по мнению специалиста, может создать трудности при отстаивании прав детей и женщин и даже привести к развалу ***института семьи.***[2]

Слово семья активно используется также и в закрытой среде. Жаргон воспринял лексему, изменив семантическое значение. Сема родства заменяется семой совместности.

Семья, семейка – форма существования в местах лишения свободы. Обычно семьи состоят из 5-7 человек, которые собираются вместе из-за удобства коллективного ведения хозяйства. *«В **семейку** нашу этого босяка мы подтянули сразу же после выхода из БУРа»* [4].

В повседневной жизни мы встречаемся и с таким словосочетанием, как «шведская семья». Этим термином в разговорной речи обозначается форма полиамории, при которой три человека обоих полов (один мужчина и две женщины либо двое мужчин и одна женщина) живут вместе, в одном доме. Большинство европейских языков используют термин французского происхождения – ménage a trois (букв. «хозяйство на троих») [10].

История возникновения термина «шведская семья» доподлинно неизвестна. Хотя он существует только на территории бывшего СССР, представление о Швеции как о стране с раскрепощенными жителями, с легкостью идущими на разнообразные эксперименты, широко распространено и на Западе, в частности в США, несмотря на то что подобного рода семейные традиции крайне редко встречаются в довольно консервативном шведском обществе.

Данное значение еще не зафиксировано ни в одном из современных толковых словарей русского языка, в то время как такое понятие существует в сознании говорящих.

Таким образом, мы проследили развитие значение слова «семья» и выяснили тенденции, ведущие к дальнейшему расширению его значения.

Литература

1. Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках, А. Юшкевич, т.1 // Типография Императорской Академии Наук. – СПб., 1904. – 390 с.

2. Постникова М. Кыргызстанцы останутся без паспортов? / М. Постникова // Комсомольская правда. – 2011.05.04.

3. Крыльцова О. В тюменских школах будут преподавать гольф? / О. Крыльцова // Комсомольская правда. – 2011.05.14

4. «Русскоязычный жаргон»: историко-этимологический словарь преступного мира / сост. З. М. Зугумов. – Книжный мир, 2014. – 727 с.

5. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах: т.13. – Издательство Академии Наук СССР. – М.-Л-д, 1962.

6. Словарь русского языка XI–XVII, выпуск 24. – М. : Наука, 1975–... – 254 с.

7. Словарь академии Российской, ч. 5. – СПб., 1794 . – 1084 с.

8. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленным вторым отделением императорской академии наук, т.4 – САб., 1847 . – 488 с.

9. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: Хрестоматия и учебные задания. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.

10. https://ru.wikipedia.org/wiki/

С.В.Черникова, студ. ин-та филологии ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец).
Науч. рук. – д.пед.н. проф. А.К. Шульженко

ЖАРГОНИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ – ПРОБЛЕМА ЭКОЛИНГВИСТИКИ

Эколингвистика (экология языка) – это раздел языкознания, который занимается изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка, и изыскани-

ем путей и способов его обогащения. Понятие «экологии языка» впервые было употреблено в 1970 году в докладе американского лингвиста Эйнара Хаугена, который определил «экологию языка как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением».

Сегодня большое внимание уделяется разговорной речи, дискурсу в его ежедневном, бытовом выражении. Особенно привлекают внимание такие качества речи, как экспрессивность, образность, подвижность состава современной лексики.

Жаргон, или сленг, является одной из составляющих разговорной речи, которой отводится особое место в изучении языка. По словам английских лингвистов Дж. Л. Киттриджа и Дж.Б. Гриноу, «сленг – язык-бродяга, который слоняется в окрестностях литературной речи и постоянно старается пробить себе дорогу в самое изысканное общество» [2, URL]. Жаргон (сленг, арго) – это социальный вариант языка, используемый в более или менее замкнутой социальной группе и отличающийся от общенационального языка только лексическим наполнением. Жаргон появился на свет в процессе развития цехового производства в средневековой Европе: в связи с необходимостью решить проблему защиты тех или иных производственных знаний и технологий возник особый язык кодов – арго. Арго (от фр. "argot") – речь определенных, замкнутых групп, которая создается с целью языкового обособления. В настоящее время вместо слова «арго» употребляется понятие «жаргон» [1, с. 36]. Существует молодежный жаргон, студенческий жаргон, жаргон уголовного мира и т.д.

Лингвисты, занимающиеся проблемами засорения языка, отмечают активный процесс жаргонизации литературной речи, в частности речи молодёжи, которая вызывает большой интерес как наиболее динамичная часть лексической системы языка. Молодежный жаргон социально наиболее значим, поскольку используется большой группой носителей языка, и ввиду этого его элементы в большом количестве проникают в литературную речь. Молодежный жаргон чаще всего употребляется в среде студентов и школьников. Например: *автомат* – получение отметки или зачета без самого процесса сдачи экзамена, по результатам текущей успеваемости; *бомба* – тип шпаргалки (большая шпаргалка с полностью написанными заранее ответами); *аляска* – задние ряды в аудитории; *зубрила* – тот, кто занимается зубрёжкой, бессмысленным заучиванием; *трайбан* – оценка «3» и т.д. Основой молодёжного жаргона являются и иноязычные заимствования:*лейбл* – этикетка, *мани* – деньги, *я тебя лавки* – я тебя люблю и т.д.

Отличительная черта жаргонизмов – их изменчивость и быстрая обновляемость, т.к. поколения молодых сменяются, а с ними меняется и жаргон. Так, например, в 20-е годы XX века в состав молодёжного жаргона входили слова из воровского арго, в 70-е же – арго музыкантов, а основу молодежного жаргона 80-х составляли из заимствования из английского языка. Сегодняшней молодёжи уже не понять значения таких оценок, как *потрясно, железно*, т.е. *хорошо*, или *пшено*, т.е. *плохо*, которые активно использовались в период 60-70-х гг. XX в.

Лингвисты, занимающиеся изучением жаргонизмов, считают, что «вульгаризация речи свойственна подрастающему поколению и часто идет не от дурных мыслей и наклонностей, а скорее от несознательного желания подростков выглядеть грубовато-мужественными, более взрослыми, опытными» [3, URL]. Однако нельзя исключить того факта, что жаргон может оставить след в развитии человека. Тому, кто смолоду привык к стилистически сниженным словам и выражениям, в дальнейшем трудно будет научиться грамотно выражать свое мнение. Мы, поколение третьего тысячелетия, упростили свою речь настолько, что скоро всех нас можно будет назвать именем героини романа Ильфа и Петрова Эллочки Людоедки, которая обходилась в процессе общения тридцатью словами.

В целом само возникновение и распространение в речи жаргонизмов рассматривается как отрицательное явление не только в жизни общества, но и в развитии родного

языка. Та грань употребления ненормативной лексики, которая нам некогда казалась зримой и контролируемой, сейчас расплывчата и не находится под чьим-либо контролем. В сознании людей нет мысли о том, что мы теряем свое достояние – язык.

Необходимо отметить, что наличие жаргонизмов в речи не препятствует понимаю той или иной информации, которую мы хотим передать или получить, что является основной целью коммуникации. Нельзя не учесть также и тот факт, что подобно людям, владеющим профессиональными жаргонами, носители молодежного жаргона в общении с «посторонними», в официальных и нейтральных ситуациях используют литературный язык. Поэтому можно утверждать, что распространение в речи жаргонизмов – это отрицательное явление только в том случае, если жаргон переходит границы своего употребления.

Жаргон – стихия, которую нельзя ни запретить, ни уничтожить, но можно научиться ее контролировать или ограничивать наносимый ею вред или же найти пути ее использования на благо человеческой культуре.

Литература

1. Хроленко А .Т. Лингвокультуроведение: Пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура» / А. Т. Хроленко. – Курск : Изд-во ГУИПП «Курск», 2000. – 236 с.

2. Википедия. Свободная интернет-энциклопедия [Электронный ресурс] // Сленг. 2013. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сленг.

3. Плещенко Т. П. Стилистика и культуры речи : Учебное пособие [Электронный ресурс] / Т. П. Плещенко. – 2001. – URL: http://nkozlov.ru/library/samorazvit/d4200/print/?full=1.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
Артеменко А.С. ПАСХАЛЬНЫЙ АРХЕТИП В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА 3
Гудин Д.С. РОМАН ДЖ. ЛЕ КАРРЕ «МАЛЕНЬКАЯ БАРАБАНЩИЦА» В КОНТЕКСТЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ XX ВЕКА ...5
Костяева М.О. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЗАПАХ» В СТАРОСЛАВЯНСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКАХ 8
Сапегина Д.К. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРИЕМ В ВИДЕОРЕКЛАМЕ....10
Сиссе Кумба. ОСНОВНЫЕ ОБРАЗЫ ЗООМОРФНОГО КОДА РУССКОЙ И СЕНЕГАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ 13
Смирнова Э.В. ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА ЗДОРОВЬЯ: СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ....15
Тофан А.Г. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ 18

СЕКЦИЯ «РЕБЕНОК И ПОДРОСТОК ГЛАЗАМИ ГУМАНИТАРИЯ»
Берко О.И. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ-МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ 22
Власов А.В. СВЯЗЬ КРЕАТИВНОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТА У ПОДРОСТКОВ....23
Дутова М.Н. ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА....26
Ивашкина К.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ АУТИЗМА....29
Кунаковская А.В. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ....31
Нежевенко К.В. ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НЕСЛЫШАЩИХ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА № 6 I-II ВИДА)....34
Паршина Л.Ю. ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДЕТЕЙ-АУТИСТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ....36
Пищикова В.Е. АГРЕССИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ, УВЛЕКАЮЩИХСЯ КОМПЬЮТЕРНЫМИ ИГРАМИ....39
Серебрякова О.Н. НРАВСТВЕННОСТЬ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДЕТЕЙ 42
Симонова Е.С. ДЕТСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО (СПОСОБЫ СЕМАНТИЗАЦИИ)...44
Фролова Е.Р. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАРКОМАНИИ....47

СЕКЦИЯ «ФЕНОМЕН ЖАНРА В ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ»
Иванова А.О. ФЕНОМЕН ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ В ТВОРЧЕСТВЕ КАРЕЛА ЧАПЕКА 48
Кочеткова Н.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА МОЛОДЕЖНОЙ АНТИУТОПИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЛУИС ЛОУРИ «ДАЮЩИЙ» (1993) И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ «ПОСВЯЩЕННЫЙ» (2014) 51
Куницкая Т.Э. МАСТАЦКАЯ ЗНАЧНАСЦЬ ДАКУМЕНТАЛІСТЫКІ Ў ПРОЗЕ С. АЛЕКСІЕВІЧ....53
Кучин В.В. ОСОБЕННОСТИ СКАЗОВОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

В ПОВЕСТИ Л. ЛЕОНОВА «ЗАПИСИ КОВЯКИНА» 55
Мандрикова И.М. АВАНТУРНА-ПРЫГОДНІЦКІ ЖАНР У ПРОЗЕ ЛЮДМІЛЫ РУБЛЕЎСКАЙ 58
Меделбек уулу Нурматбек. КИРГИЗСКИЕ КУУ КАК ФОРМА БЫТОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА 61
Рылко В.И. ГІСТАРЫЗМЫ І АРХАІЗМЫ ЯК СТЫЛІСТЫЧНЫ СРОДАК У РАМАНЕ УЛАДЗІМІРА КАРАТКЕВІЧА «КАЛАСЫ ПАД СЯРПОМ ТВАІМ».....63
Стерликова Е.В. ТРАНСКУЛЬТУРНОСТЬ ЭССЕИСТИКИ: «ЗАПИСКИ У ИЗГОЛОВЬЯ» СЕЙ СЕНАГОН И «ОПЫТЫ» М. МОНТЕНЯ.....65
Стрельникова Е.С. ХОДАСЕВИЧ-ПУШКИНИСТ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ СТАТЕЙ) 68
Четверикова В.В. УКРАИНИЗАЦИЯ МИРОВОЙ СКАЗКИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.ФРАНКО 70

СЕКЦИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ»
Есина А.В. ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ.....73
Лапыгина М.В. СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ОШИБОК В УПОТРЕБЛЕНИИ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СЕРБСКО-РУССКИХ ОМОНИМОВ.75
Пилюгина А.А. ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ УПОТРЕБЛЕНИЯ MODES CONDITIONNEL ET SUBJONCTIF ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ: CONDITIONNEL ET SUBJONCTIF ПРЕССЫ 78
Понарина Ж.С. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ.....80
Джеттарин Срибунякорн. ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИНТАКСЕМЫ С ПРЕДЛОГОМ *В* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ ТАЙСКОГО 83
Хлыстун А.К. УРБАНОНИМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ АНГЛИЙСКИХ ПАБОВ).....85

СЕКЦИЯ «ДИАЛОГ ИСКУССТВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ»
Володина О.В. СОВРЕМЕННАЯ ГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА В РОССИИ.....88
Ермолов Е.В. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ В ФИЛЬМЕ ДЖОНА ХЬЮСТОНА «МАЛЬТИЙСКИЙ СОКОЛ» (1941) 91
Кирильчик Н.С. ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФАНФИКШН: ЗОНА НЕКОММЕРЧЕСКОГО СОТВОРЧЕСТВА 93
Маюк Е.В. «РАФАЭЛЕВЫ МАДОННЫ» В РУССКОЙ ЛИРИКЕ XIX ВЕКА 95
Монакова М.С. ТРАГЕДИЯ НАРОДА В РОМАНЕ А. К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ» И ТРАГЕДИЯ ПРАВИТЕЛЯ В ЭКРАНИЗАЦИИ Г. ВАСИЛЬЕВА «ЦАРЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ».....98
Попова Е.А. МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОД В ФИЛЬМЕ Д. ДЖАРМУША «ВЫЖИВУТ ТОЛЬКО ЛЮБОВНИКИ» 100
Сотников Д.А., Варушкина А.В. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ АРХЕТИПА ВОИНА В КИНОДРАМЕ «АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ» Ф.Ф. КОППОЛЫ 103

СЕКЦИЯ «РЕКЛАМА И ИНТЕРНЕТ В СОВРЕМЕННОМ СОЗНАНИИ»
Болдинова Т.В. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЕКСИКОНА АНГЛИЙСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ГЕЙМЕРОВ.....105

Зольникова Ю.О. СЕТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК НАЦИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ 108
Коратаева Н.В. БИТВА. ПОРАЖЕНИЕ. ПОБЕДА (КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ) 110
Стожко В.А. СВЯЗЬ ТИПОВ ДОВЕРИЯ С ОСОБЕННОСТЯМИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ЛИЦ, СКЛОННЫХ К ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОНЛАЙН-ИГР ..112
Чаплин Е.В. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР 114

СЕКЦИЯ «ТЕКСТ В ТЕКСТЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ»
Антонова А.И. ОНОМАСТИКА ИРОИ-КОМИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ А.А. ШАХОВСКОГО «РАСХИЩЕННЫЕ ЩУБЫ» 116
Березовская А.П. ЭПИГРАФЫ В РОМАНЕ ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА» 118
Гаршин Н.А. ОСМЫСЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. БУЛГАКОВА И И.А. БРОДСКОГО КАК МОМЕНТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ 121
Кузнецова Е.Г. АЛЛЮЗИВНЫЙ ФОН РОМАНА А. ИВАНОВА «ОБЩАГА-НА-КРОВИ» 123
Наврузова М.Я. ВОКАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА 127
Се Яо. ЛИТЕРАТУРНЫЙ МОСТ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ 129
Шамшина А.С. ОБРАЗ ГОРЦА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕРМОНТОВА И ТОЛСТОГО 131

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ»
Бредихина Н.С. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СУБКОНЦЕПТА «АПОСТАСИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА С.С. БЕХТЕЕВА 134
Горячева К.Ю. ПРЕОДОЛЕНО ЛИ ПРОШЛОЕ? ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ» 136
Каребина Л.А. ГОЛОС ЭМИГРАЦИИ. ФЕНОМЕН «РУССКОГО БЕРЛИНА» 139
Кошелева Ю.А. П.А. СТОЛЫПИН И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ 141
Ламонова М.А. ИНТЕГРАЦИЯ КРАЕВЕДЕНИЯ С ГУМАНИТАРНЫМИ НАУКАМИ: К ИСТОРИИ ПЕРВОГО МУЗЕЯ И ВЫСТАВКИ ПАМЯТИ ДЕКАБРИСТОВ 143
Острогорская О.А. БЕЛОГОРСКИЕ ПЕЩЕРЫ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 146
Пороло А.А. РОЛЬ ОХРАНЫ ЖЕНСКОГО ТРУДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ XIX ВЕКА 149
Синибабнова М.В. ЗАИМСТВОВАНИЯ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК И ИХ ЧАСТЕЙ) .152

СЕКЦИЯ «ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД»
Бубнова Е.Ю. ДЕВАЛЬВАЦИЯ РУБЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИЧИНЫ, СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 153
Волобуева В.А. ЖЕНСКИЙ ИМЕННИК Г. ПОВОРИНО И ПОВОРИНСКОГО РАЙОНА (2008-2014 ГГ.) 157
Голубенко В.В. НАИМЕНОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ 158
Деревская Е.Ю. БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА 161

Келер Е.Е. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ГРУППОВОЙ ИЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ....164
Копец Е.С. КУРГАН ЯК НАЦЫЯНАЛЬНЫ ЛОКУС КУЛЬТУРЫ Ў ПАЭЗІІ ІВАНА ЛАГВІНОВІЧА....167
Курбатова А.С. ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ....168
Лысых Д.С. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ЖИЛИЩА В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ....170
Пань Лулу. БАННАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ И КИТАЕ....173
Прокопенко М.О. ВНЕДРЕНИЕ АРТ-ОБЪЕКТА КАК СПОСОБ ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИЙ ИНТЕРЬЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА....175
Сотникова Ю.П. УСАДЕБНЫЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО: ОТ «УТРА ПОМЕЩИКА» К «ВОЙНЕ И МИРУ»....178
Ятчева П.В. МОДА И ФУНКЦИОНАЛИЗМ....181

СЕКЦИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОБРАЗ И ПРОЧТЕНИЕ»
Волчек А.И. АДМЕТНАСЦЬ ЛІРЫКІ КАХАННЯ Ў КНІЗЕ ПАЭЗІІ ВЕНАНЦЫЯ БУТРЫМА «ДЗЁН МАІХ ЛЕПШЫЯ ДНІ»....183
Кислова Д.М. МОТИВ СНА В ЛИРИКЕ А. БЛОКА....186
Кучерова А.А. КОНЦЕПТ «РОК» В ИДИОЛЕКТЕ А.П. ЧЕХОВА....189
Маркова К.А. ТЕМА ДВОЙНИЧЕСТВА И ЕЕ СМЫСЛОВАЯ РОЛЬ В ПОЭМЕ С.А. ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»…….. 192
Михеева Ю.Н. ТЕМА ЛЮБВИ В ЛИРИКЕ В. БРЮСОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ДЕКАДЕНТСТВА....195
Неволина Д.А. ПАРАДОКСЫ ЛЮБВИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. М. КАРАМЗИНА....197
Нзинтукулу Жюльфэн Ксавье. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА СРАВНЕНИЯ В ПОВЕСТИ Ю. ПОЛЯКОВА «ПАРИЖСКАЯ ЛЮБОВЬ КОСТИ ГУМАНКОВА»....200
Соболева Е.С. СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ СЬЮЗЕН ФИЛЛИПС «МОЙ, ТОЛЬКО МОЙ»....204
Ушкова Д.В. АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ «ИДУЩИХ В НОГУ» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (А. ГАЛИЧ, Б. СЛУЦКИЙ, В. КОРНИЛОВ) .206
Лхагва Хулан. ЛЮБОВНАЯ ИНТРИГА В РОМАНАХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА....210
Шедогубова Е.А. РОМАН М.Л. СТЕДМАН «СВЕТ В ОКЕАНЕ» КАК БЕСТСЕЛЛЕР, МЕЛОДРАМАТИЗМ В ПРОИЗВЕДЕНИИ....213

СЕКЦИЯ «ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ»
Алешина В.В. ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ТЩЕСЛАВИЯ КАК ФУНДАМЕНТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ....216
Алиханова В.Л. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ (АНАЛИЗИРУЯ РАБОТЫ З.ФРЕЙДА)....218
Боева О.Р. ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТЕЙ С АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ....220
Дегтева Я.Н. СВЯЗЬ ФИЛОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ....222
Казмина В.Е. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТАВ СЕМЬЯХ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ....225

Качегина Ю.А. РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIX ВЕКА:НАЧАЛО ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА В РОМАНЕ ДЖЕЙН ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ» 227
Кузнецова У.Б. Я-КОНЦЕПЦИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ 229
Михалькова А.В. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НОНКОНФОРМИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЕСТВЕ В. МАМЫШЕВА-МОНРО 232
Савицкая М.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ Я-КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ 234
Стрельникова Н.А. СУБЪЕКТИВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ СТЫДА 237
Сушкова Е.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА: ПОЗИТИВНОЕ И НЕГАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ 239

СЕКЦИЯ «МИФ, СИМВОЛ, АРХЕТИП В КУЛЬТУРАХ МИРА»
Антоновская А.С. ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ХРОНОТОПЕ РОМАНА В.В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА» 241
Викулина М.В. АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОБРАЗА ПРИНЦЕССЫ ЭРНЫ В РАССКАЗЕ А.И.КУПРИНА «СИНЯЯ ЗВЕЗДА» 245
Ильинова Т.А. МИФОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 248
Конорева М.А. СЕМАНТИКА ЦВЕТА В РОМАНЕ И.С.ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» (НА ПРИМЕРЕ ЭПИТЕТА «ЗОЛОТОЙ») 251
Лис М.С. ВОБРАЗ ХАТЫ Ў ТВОРЧАСЦІ ВІНЦЭНТА ДУНІНА-МАРЦІНКЕВІЧА 254
Соловьева К.О. «ЖЕНСКИЙ МИФ» В ПОВЕСТИ Л.Н. ТОЛСТОГО «КАЗАКИ» 257
Суязова А.Ю. ТЕМА ДРУЖБЫ В ПОЭЗИИ В. ВЫСОЦКОГО 259
Уткин Д.Д., Варушкина А.В. МИФ О ПОЛЕТЕ В ПОВЕСТИ Р. БАХА «ЧАЙКА ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН» 262
Фролова С.С. ПОЭТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РОМАНЕ С. БЕЛЛОУ «МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ» 264
Чжао И. ЧЕТЫРЕ ОБРАЗА БЛАГОРОДСТВА: РАСТЕНИЯ В ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ КИТАЯ 267
Щербук А.В. РАДЗІМА Ў ЭЛЕГІІ «ТУГА НА ЧУЖОЙ СТАРАНЕ» В. КАРАТЫНСКАГА І ВЕРШЫ «РОДИНА» М. ЛЕРМАНТАВА 270

СЕКЦИЯ «ЦЕЛИ И ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»
Астафьева Т.Ю. ЗАДАЧИ И СОДЕРЖАНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА 273
Бледных Н.Н. ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ НА ВНЕКЛАССНОМ МЕРОПРИЯТИИ ПО ОНОМАСТИКЕ 275
Бунина М.Ю. СРЕДСТВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ КАК ФАКТОР ИХ УСПЕШНОЙ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ... 278
Ду Жунюань. ПОВЕДЕНИЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИИ: ВЗГЛЯД РУССКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ 280
Дюжикова М.А. РЕФЛЕКСИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА 281
Кинаревская А.И. РАБОТА С УЧЕБНО-НАУЧНЫМ ТЕКСТОМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА 284
Климшина Д.В. О МЕТОДАХ И ПРИЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВВ ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ 287

Колесникова М.А. ПСИХОЛОГО-МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С СДВГ 289
Лаптев А.О. САМООТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ....291
Матвиенко Я.А. О РОЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ АВИАЦИОННЫХ ВУЗОВ 293
Новикова В.С. ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ КОНТРОЛЯ СФОРМИРОВАННОСТИ У УЧАЩИХСЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ 295
Петрова Е.Г. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Х.К. АНДЕРСЕНА 298
Тетерина А.А. РОЛЬ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ....302

СЕКЦИЯ «СЛОВО, ОБРАЗ, КОММУНИКАЦИЯ»

Дубов В.А., Зубова Л.Ю. СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ВОЕННЫХ АББРЕВИАТУР КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ИХ ОБЩНОСТИ И СПЕЦИФИКИ 304
Лобова А.Б. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ «ДЕРЕВО»....307
Минакова Л.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СКВЕРНОСЛОВИЯ....309
Митина А.В., Санникова А.С. АВСТРАЛИЗМЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ XXI ВЕКА....311
Пегусова М.Ю. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА Д.В. ВЕНЕВИТИНОВА НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ («ДУША») 313
Правдина И.С. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АРХАИЗМОВ 316
Радик А.В. СТАНОВЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «СЕМЬЯ» И ИЗМЕНЕНИЕ ЕГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ 319
Черникова С.В. ЖАРГОНИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ – ПРОБЛЕМА ЭКОЛИНГВИСТИКИ 321